

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

СЛОВА, КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТЫ
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Сборник статей к 70-летию академика
А. М. Молдована

Нестор-История
Санкт-Петербург – Москва
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
С481

Рецензенты:

д-р филол. наук *Т. В. Рождественская*;
канд. ист. наук *А. А. Турилов*

Редакторы:

А. А. Пичхадзе, И. С. Юрьева, Е. А. Мишина,
М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий

С481 Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. — 592 с.

ISBN 978-5-4469-2000-6

DOI: https://doi.org/10.31912/slova_konstrukzii_2021

В сборнике публикуются научные исследования по русскому языку, выполненные главным образом в диахронической перспективе. Сборник содержит четыре больших раздела: грамматический, лексикологический, эпиграфический и текстологический. В грамматическом разделе рассматриваются нетривиальные конструкции и формы, функционировавшие в древне- и старорусской письменности. Самый большой раздел сборника составляют статьи о словах. В работах этого раздела лингвистический анализ сочетается с изучением культурных реалий и процессов, характеризующих соответствующие периоды русской истории, и разрабатываются разнообразные методы погружения в культурный контекст. Раздел, посвященный эпиграфике, содержит статьи, в которых предлагаются новые прочтения и трактовки древнерусских граффити. В текстологическом разделе прослежена история ряда церковнославянских памятников.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-4469-2000-6

9 785446 920006

© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I

А. Д. Шмелев

Проспект «Свода правил русской орфографии»
в свете принципа интегральности.....7

II

В. А. Плунгян

Был ли в славянских языках прогрессив?.....19

М. Н. Шевелева

О глаголе **ѣти** и конструкциях **имѹ + инфинитив**
по данным древнерусских памятников.....31

Я. А. Пенькова

К вопросу о грамматикализации глагола **СТАТИ**
в истории русского языка51

Е. А. Мишина

О варьировании презентных форм совершенного
и несовершенного видов в тексте уставного типа
(на примере Студийского устава).....73

А. П. Майоров

Грамматическая идиоматизация падежных форм
мн. ч. существительных в канцелярском узусе
русского языка XVIII века99

Т. В. Пентковская

Инфинитивные конструкции в Коране 1716 г.115

III

Л. В. Куркина

О некоторых глаголах эмоциональной сферы
в «Житии Андрея Юродивого»135

<i>Ж. Ж. Варбот</i>	
К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением ‘пахать, копать’ на базе русских диалектизмов	149
<i>А. Ф. Журавлёв</i>	
<i>Огорошить</i>	153
<i>Е. Л. Березович</i>	
К этимологии русской лексики со значением жизненных сил	169
<i>А. Е. Аникин</i>	
Из заимствованной русской лексики.....	189
<i>Р. Н. Кривко</i>	
Славянский <i>ходатан</i> и германский <i>wegāri</i>	199
<i>М. С. Мушинская</i>	
К вопросу о влиянии патристической экзегезы на первый славянский перевод Псалтыри: на примере <i>въскръснѣти</i>	215
<i>И. С. Юрьева</i>	
Особенности употребления временных союзов со значением ‘когда’ в древнерусских текстах разных жанров	246
<i>А. А. Пичхадзе</i>	
<i>Жаль</i> и родственные слова в оригинальной древнерусской письменности: семантика и дискурс	267
<i>Ю. В. Кагарлицкий</i>	
<i>Постоянство</i> : слово и понятие в истории русского языка и в культурно-языковом обиходе XVII века	282
<i>Е. Э. Бабаева</i>	
Становление понятия <i>подросток</i> в зеркале русского языка.....	307
<i>Helmut Keipert</i>	
<i>Здрáвствуй стéрь</i> und die „Formulae Loquendi“ des Elias Koriĵewitz (1706)	328
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский</i>	
Вокруг некоторых фамилий в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (Опыт историко-ономастического комментария)	343

- И. А. Корнилаева*
Русский с церковнославянским: союз *то есть*..... 349
- Д. О. Добровольский, Г. И. Кустова*
Русские дистрибутивные конструкции типа *кто куда*:
когнитивные стереотипы и межъязыковые соответствия..... 357

IV

- Д. В. Сичинава*
Из истории изучения древнерусской эпиграфики:
неизданные рецензия и заметки Л. П. Жуковской..... 378
- А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*
Олтарь пламѣнь, а църькы ледѣна — чьто же то? 392
- П. В. Петрухин*
Письмо Стойнега к матери
(К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) 403
- Н. П. Антропов*
«Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний
модели **telt* 413
- Марина А. Бобрик*
Надписи на иконе Параскевы-Пятницы
из старого Успенского собора Рязанского кремля 432

V

- Йоханнес Райнхарт*
Славянский перевод «Откровения Авраама»
и его история в Болгарии и в Древней Руси..... 446
- Алессандро Мария Бруни*
Новые источники для текстологического изучения
славянской традиции слов Григория Назианзина 460
- К. В. Вершинин*
Первая редакция славянского перевода Жития
Феодора Эдесского 473
- Д. Г. Полонский*
Литературные спутники митрополита Илариона:
к вопросу об особенностях распространения
младших редакций «Слова о законе и благодати»
в сборниках XV–XVI вв. 485

<i>А. А. Алексеев, Е. Л. Алексеева</i>	
Интерполяции Иудейской войны как стилевой индикатор	501
<i>И. И. Макеева</i>	
К вопросу о первоначальном тексте и редактировании Кормчей ранней русской редакции.....	508
<i>Г. С. Баранкова</i>	
О существовании особой редакции Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского в Южной и Западной Руси	523
<i>А. М. Пентковский</i>	
«Слово аскетическое» Диадоба Фотикийского в славянской письменности	543

VI

<i>А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева</i>	
«Словесное древо»: церковнославянский язык в творчестве Вячеслава Иванова	580

А. Д. Шмелев

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ПРОСПЕКТ
«СВОДА ПРАВИЛ
РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ»
В СВЕТЕ ПРИНЦИПА
ИНТЕГРАЛЬНОСТИ

Вступительные замечания

Статья посвящена общим принципам, положенным в основу работы над полным сводом правил русской орфографии (эта работа ведется в отделе культуры русской речи Института русского языка РАН; в настоящее время подготовлен проспект свода). Кроме того, рассматриваются некоторые проблемы, которые возникали в процессе работы. Сразу можно перечислить основные положения, которые удалось выработать к настоящему моменту. Это: (1) единые принципы кодификации норм в области правописания и прочих языковых норм; (2) необходимость согласованности орфографических правил; (3) осознание различия орфографических норм и орфографических правил и, соответственно, различия связанных с ними проблем; (4) необходимость электронной формы представления свода.

Первое положение предполагает, что принципы кодификации, положенные в основу кодификации всех языковых норм, включая нормы правописания, должны быть одними и теми же. Иными словами, нет непроходимой границы между нормами правописания и другими видами языковых норм. При кодификации норм нельзя опираться исключительно на узус, даже на узус образованных носителей языка. С другой стороны, кодификатор не должен принимать решения, исходя исключительно из своей интуиции, которая может расходиться с интуицией других образованных носителей языка.

Второе положение требует согласованности орфографических норм, причем следует различать внутреннюю и внешнюю согласованность. Внутренняя согласованность предполагает, что разные правила не должны противоречить друг другу и требовать разных написаний одного и того же языкового выражения. Внешняя согласованность предполагает, что орфографические правила не должны

противоречить общепринятым представлениям за их пределами: используемая в них терминология должна соответствовать общепринятой лингвистической терминологии (хотя бы в рамках школьной грамматики), формулировки не должны противоречить орфоэпической и грамматической кодификации.

Третье положение требует понимания соотношения между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Орфографические нормы характеризуют то или иное написание как правильное или неправильное. Орфографические правила носят вспомогательный характер: они помогают пишущему, не знающему, какова орфографическая норма в каком-то конкретном случае, определить ее, опираясь на правила. Поэтому, прежде чем формулировать орфографическое правило, необходимо выявить норму, которую оно должно описывать. В случае, когда норма не устоялась, целесообразно не вводить жестких правил, однозначно закрепляющих одно из возможных написаний, а ограничиться мягкими рекомендациями.

Четвертое положение основано на том, что только современные способы электронного хранения информации позволяют представить свод орфографических правил с надлежащей полнотой. В частности, свод правил должен включать правила практической транскрипции иностранных слов. К своду правил должен быть приложен указатель, представляющий собою орфографический словарь в полном объеме, причем в этом указателе при каждом слове должна быть сделана отсылка к правилу или правилам, которые регулируют написание этого слова. Такой словарь должен, среди прочего, включать основные собственные имена, встречающиеся в русских текстах (по крайней мере, в объеме энциклопедического словаря), в том числе те иностранные по происхождению имена собственные, которые традиционно передаются по-русски с отклонениями от правил практической транскрипции. Вся необходимая информация должна выдаваться по запросу пользователя. Понятно, что при издании свода правил в традиционном, бумажном виде значительной частью информации придется пожертвовать.

Далее указанные положения будут рассмотрены подробнее.

Нормы правописания в ряду языковых норм: общие принципы кодификации

Нет непроходимой границы между нормами правописания и другими видами языковых норм: принципы кодификации, положенные в основу кодификации всех языковых норм, включая нормы правописания.

сания, должны быть одними и теми же. Нельзя опираться исключительно на узус, поскольку в узусе могут быть распространенными явления, которые образованные носители языка единодушно считают «неправильными». При этом часто именно такие «неправильности» ярко иллюстрируют отсутствие принципиальных различий между орфографическими и «собственно языковыми» нормами.

Так, в современной речи регулярно смешиваются частицы *не* и *ни* (чаще *не* используется вместо *ни*, но бывает и наоборот). Об этом свидетельствует огромное множество примеров из Основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка»), в которых употреблено *не* вместо *ни*, даже если рассматривать только примеры из книг и журналов, не учитывая записи в социальных сетях, на форумах и чатах. Еще более частотны такие примеры в газетном подкорпусе «Национального корпуса русского языка» (не привожу примеров именно в силу их многочисленности).

Когда рассматриваемая частица находится не под ударением, можно было бы констатировать, что во всех этих случаях допущены грубые орфографические ошибки. Но использование *не* вместо *ни* нередко встречается и под ударением, и тогда получается, что ошибка не орфографическая, а речевая. Заметим, что в живой речи эта ошибка встречалась уже довольно давно, но обычно она не попадала в письменные редактированные тексты, поскольку исправлялась редакторами или корректорами. В научно-популярной книге о русской орфографии приводится целый ряд примеров стихотворений, в которых авторы очевидным образом писали в уступительных конструкциях *не был* вместо *ни был* (об этом свидетельствуют рифмы), *не пил* вместо *ни пил* (об этом свидетельствует стихотворный размер) [Панов 1964], а редакторы или корректоры исправляли «неправильное» написание. Существенно, что М. В. Панов без каких бы то ни было сомнений готов считать примеры авторского написания речевыми ошибками и, соответственно, написание в таких конструкциях *не* вместо *ни* — орфографическими ошибками.

В настоящее время написание такого рода стали обычными и в текстах, которые, предположительно, подверглись редактированию и корректуре. По-видимому, сторонники бескомпромиссного корпусного подхода имеют основания признать такие употребления в качестве нового грамматически приемлемого способа оформления уступительных конструкций. Но тогда нельзя будет считать ошибкой и использование *не* вместо *ни* и в позиции без ударения. Однако реальность состоит в том, что большинство образованных носи-

телей русского языка все же склонны признать такое употребление «неправильным», даже если оно встречается в их собственной речи (тогда они готовы «исправиться»). Более того, изредка встречающееся написание *ни* вместо *не*, скорее всего, представляет собою результат такой же гиперкоррекции: пишущий знает, что в конструкциях с *к*-местоимением следует употреблять *ни*, хотя в его собственной речи в таких конструкциях может встретиться *не*, и заменяет *не* на *ни*, когда этого делать как раз не следовало.

Приведу относительно недавний пример. В переписке Лидии Чуковской с Александром Солженицыным (опубликованной в первом выпуске «Солженицынских тетрадей») в письме Лидии Чуковской от 2–5 апреля 1975 г. было напечатано: «Кто только ни хлопотал о моем муже!» — т. е. было напечатано *ни* вместо правильного *не* [Немзер 2012: 83]. Я не знаю, описка ли это Лидии Корнеевны или опечатка возникла вследствие редакторской правки (я сразу же написал об этом Н. Д. Солженицыной). В любом случае очевидна гиперкоррекция, и не случайно эта опечатка была исправлена во втором выпуске «Солженицынских тетрадей» (в списке «опечаток, замеченных в вып. 1») [Немзер 2013].

В любом случае очевидно, что «собственно языковая» и орфографическая кодификация здесь должны идти рука об руку: непризнание написания *не* вместо *ни* (и наоборот) нормативным обусловлено непризнанием нормативным произношения *не* вместо *ни* под ударением.

Согласованность правил

Кажется очевидным, что разные пункты орфографических правил не должны друг другу противоречить, т. е. должна иметь место внутренняя согласованность орфографических правил. Кроме того, орфографические правила должны быть согласованы с орфографическим словарем, который, по существу, представляет собою необходимое дополнение к правилам (формулировка целого ряда правил предполагает непосредственную отсылку к словарю, например фразу «написание определяется по словарю»). В частности, некоторые языковые единицы упоминаются в разных разделах правил: слова *держиморда* и *перекати-поле* (в разделе, посвященном написанию соединительных гласных, и в разделе о слитном, дефисном и раздельном написании), имена собственные *Д'Аламбер* и *д'Артаньян* (в разделе, посвященном именам с апострофом, и в разделе о написании строчных и пропис-

ных букв в заимствованных именах собственных). Иногда по невниманию это требование не выполняется. Так, полный академический справочник предписывает написание *АиФ* (газета «Аргументы и факты») [Лопатин 2007: 194], а вышедший одновременно с ним орфографический словарь «Прописная или строчная?», который предваряется соответствующим разделом указанного справочника и тоже предписывает написание *АиФ* [Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007: 39], в своей основной части приводит указание *аифовский* с комментарием: «от **АиФ** — “Аргументы и факты”» [Там же: 47].

Наряду с внутренней согласованностью правил, необходимо стремиться и к внешней согласованности, которая предполагает, что формулировка орфографических правил не должна противоречить общепринятым представлениям за пределами орфографии. В частности, используемая в них терминология должна соответствовать общепринятой лингвистической терминологии (хотя бы в рамках школьной грамматики). В существующих пособиях и справочниках по орфографии нередко обнаруживаются отклонения от этого принципа. Так, когда-то в авторитетном пособии для поступающих в вузы формулировалось следующее правило написания корня *раст-* — *рос-*: «В корне *раст-* — *рос-* пишется *а* перед следующим *ст* (также перед *щ*), а в остальных случаях — *о* (*растение* — *наращение*, *выросший*)», и дается список исключений: «*отрасль*, *росток*, *ростовщик*, *Ростов*, *Ростислав*» [Розенталь 1988: 23]. Но очевидно, что для современного языка в именах собственных *Ростов* и *Ростислав* нет корня *рост*, и этот корень неправильно было бы выделять при морфемном разборе слова! С другой стороны, в том же правиле в качестве исключения не упоминалось слово *подростковый*. По-видимому, это было связано с тем, что единственно нормативным предполагалось произношение с ударением на корне — *подрóстковый*, так что здесь мы могли бы видеть пример согласованности орфографической и орфоэпической кодификации. В самом деле, не предполагается, что мы можем проверять безударные гласные в корне слов *платить*, *трясти*, *запрягать* при помощи форм *плотит*, *трёс*, *запречь*. Общий принцип состоит в том, что просторечные формы для орфографии не релевантны (хотя форма *запречь* встречается в рифме у Пушкина). Но в настоящее время произношение *подрóсткóвый* с ударением на третьем слоге признано нормативным в большинстве орфоэпических словарей и справочников, а на самом деле оно было широко распространено и в 1980-е и многими образованными носителями языка восприни-

малось как нормативное. Если в словаре [Агеенко, Зарва 1984] ударение *подрѳстковѳый* еще дано в качестве единственно возможного, то в словаре [Еськова 2015] наряду с ударением *подрѳстковѳый* приводится и ударение *подрѳсткѳовѳый* с пометой *допуст.*, а в словаре [Резниченко 2010] оба ударения приведены как равноправные варианты (оба варианта указаны и в «Грамматическом словаре» [Зализняк 2008]).

Орфографические нормы и орфографические правила

Кодификация орфографии невозможна без правильного понимания соотношения между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Орфографические нормы характеризуют то или иное написание как правильное или неправильное, тогда как орфографические правила носят вспомогательный характер: они помогают пишущему, не знающему, какова орфографическая норма в каком-то конкретном случае, определить ее, опираясь на правила.

Так, в русском языке действует следующая норма, касающаяся наличия или отсутствия *ь* после шипящих на конце неизменяемых слов (наречий, предлогов, частиц): в словах *настежь, вскачь, навзничь, невмочь, прочь, напрочь, ишь, лишь, вишь, бишь, наотмашь, сплошь* буква *ь* пишется, а в словах *аж, меж, невтерпѳж, уж, замуж* — нет. Описать эту норму можно посредством разных правил.

В своде [Правила 1956] эта орфографическая норма регулировалась следующим образом:

§ 75. После шипящих (*ж, ч, ш, щ*) буква *ь* пишется только в следующих случаях:

...

б. Во всех наречиях после конечных *ш* и *ч*, например: *сплошь, вскачь, прочь*, а также в наречии *настежь*.

Иными словами, предполагалось, что *ь* не пишется после *ж*, за исключением наречия *настежь*. Частицы и предлоги при этом не упоминались, что вполне естественно: определить точную частеречную принадлежность словоформ *аж* или *уж* не так просто. Однако если выйти за пределы общеизвестной лексики, то окажется, что данное правило плохо описывает орфографическую реальность, т. е. орфографическую норму. Так, в словаре Даля находим наречие *ѳберег* с вариантом *ѳбережь*, которое характеризуется как народное и толкуется: «близ берега, берегом, землю или водою, но более по воде» с примером «*держи ѳбережь, правь судном ближе к берегу*» [Даль

1935: 596]. Более того, наречие *обережь* содержится и в «Грамматическом словаре» [Зализняк 2008], и в академическом орфографическом словаре [Лопатин, Иванова 2018]. Очевидно, что орфографическая норма требует писать на конце этого наречия *ь*, тогда как [Правила 1956] ей противоречат. Таким образом, есть основание ввести требование «полноты»: хорошее орфографическое правило охватывает и те случаи, которые, может быть, и не были в поле зрения его автора, когда он его формулировал.

Соответственно, разумно различать два типа орфографических проблем, подлежащих анализу кодификатора. Во-первых, это может быть неустановленная норма, когда грамотные члены языкового сообщества, знакомые с рекомендациями справочников и словарей, расходятся во мнениях относительно того, как следует писать то или иное языковое выражение. Многие из них, вероятно, будут готовы принять любое решение кодификаторов. Однако не исключена ситуация, когда у каждого из конкурирующих написаний найдется значительное число бескомпромиссных сторонников (как в случае конкуренции написаний *Лисабон* vs. *Лиссабон*). В этом случае бессмысленно пытаться найти правило, описывающее орфографическую норму, поскольку нормы как таковой просто нет. Во-вторых, мы можем иметь дело с вполне устоявшейся нормой, для описания которой необходимо найти точное правило, не допускающее двояких толкований (как в случае с наличием или отсутствием *ь* после шипящих на конце неизменяемых слов). Тогда необходимо найти такую формулировку правила, которая позволит охватить все трудные случаи и учесть все исключения.

Приведем еще один пример. По-видимому, вполне устоялась орфографическая норма, в соответствии с которой постоянное характеризующее определение (адъективное или выраженное приложением) в сочетании с обозначением исторического лица обычно пишется со строчной буквы, если находится в препозиции, и с прописной — если находится в постпозиции (тогда оно воспринимается как прозвище): *отступник Юлиан* и *Юлиан Отступник*, *чудотворец Николай* и *Николай Чудотворец*, *святой Владимир* и *Владимир Святой*, *окаянный Святополк* и *Святополк Окаянный*, *грозный царь* и *Иоанн Грозный*, *великая Екатерина II* и *Екатерина Великая*, *освободитель крестьян Александр II* и *Александр Освободитель*. Однако, прежде чем формулировать правило, необходимо убедиться, что это действительно общепринятая норма. По данным «Национально корпуса русского языка» написание *великий Петр* преобладает, но *Великий Петр* (не в начале

предложения) тоже встречается. Считать ли такое написание орфографической небрежностью или признать его допустимым вариантом нормы? От ответа на этот вопрос зависит формулировка правила, и было бы легкомысленным пытаться формулировать его на основе общих соображений, не выяснив, как оценивают такие написания образованные носители языка.

Поэтому, прежде чем формулировать орфографическое правило, необходимо выявить норму, которую оно должно описывать. В случае, когда норма не устоялась, целесообразно не вводить жестких правил, однозначно закрепляющих одно из возможных написаний, а ограничиться мягкими рекомендациями, отклонение от которых не будет считаться орфографической ошибкой. В полном своде правил такие рекомендации стоит снабдить аргументацией, указывающей на мотивы принятия именно такой, а не противоположной рекомендации. Тогда пишущий сможет самостоятельно решить, насколько эта аргументация убедительна для него, и последовать (или не последовать) за ней.

Может показаться, что различие жестких требований и мягких рекомендаций неизбежно приведет к увеличению вариативности в орфографии. На самом деле это иллюзия. Мягкие рекомендации уместны в том случае, когда имеет место объективная вариативность — не только в грамотном узусе, но и в оценке конкурирующих написаний грамотными носителями языка. Попытка регулировать эту вариативность посредством жестких правил неизбежно ведет либо к тому, что предписания кодификаторов будут отвергаться значительным числом грамотных пишущих, либо к тому, что они будут основываться на туманных и плохо применимых критериях.

Рассмотрим правило академического справочника, касающееся написания марок автомобилей. Оно формулируется следующим образом [Лопатин 2007: 189–190]:

§ 200. Названия производственных марок технических изделий (машин, приборов и т. п.) заключаются в кавычки и пишутся с прописной буквы, напр.: *автомобили «Москвич-412», «Волга», «Вольво», «Жигули», «Тойота», «Мерседес-Бенц», <...>*. Однако названия самих этих изделий (кроме названий, совпадающих с собственными именами — личными и географическими) пишутся в кавычках со строчной буквы, напр.: *«москвич», «тойота», «вольво»* (автомобили), но: *«Волга», «Ока», «Таврия»* (автомобили), *<...>*; исключения: *«жигули», «мерседес»* (автомобили).

Примечание 1. Аббревиатурные названия производственных марок и изделий пишутся без кавычек, напр.: *ЗИЛ, ВАЗ, УАЗ, КамАЗ, Ту-104, МиГ-25*.

Примечание 2. В бытовом употреблении названия средств передвижения могут употребляться и без кавычек, напр.: *приехал на стареньком москвиче, на роскошном кадиллаке*. <...>.

Остается не вполне ясным, во всех ли случаях очевидно различие между маркой и изделием, а также между «обычным» и «бытовым» употреблением. Кажется, что достаточно было бы указания на два основных случая: обозначение марки, в том числе в метонимическом употреблении (*приехал на «Вольво»*) и бытовое обозначение автомобиля (*роскошный кадиллак*). Выбор будет за пишущим. При этом любое нарицательное обозначение может быть поставлено пишущим в кавычки с различными прагматическими целями, поэтому написания типа «*кадиллак*» тоже нельзя считать ошибочными.

Такого рода соображения применимы ко многим подобным случаям, например к обозначениям социальных сетей. Название социальной сети может писаться с прописной буквы в кавычках (напр., «*Фейсбук*»), по мере освоения кавычки могут сниматься (*Фейсбук*), а если название метонимически используется для обозначения конкретной страницы в социальной сети, возможно написание со строчной буквы (*в моем фейсбуке*). Поскольку в кавычки можно поставить любое обозначение, написание «*фейсбук*» тоже не будет ошибкой.

В таких случаях мы имеем дело не разнобоем, а с орфографически оправданной множественностью написаний, определяемой потребностью выразить тот или иной смысл.

Электронная форма представления «Свода»

Современные способы электронного хранения информации позволяют представить свод орфографических правил с надлежащей полнотой. Вся необходимая информация должна выдаваться по запросу пользователя. В частности, как уже говорилось, для сложных случаев неочевидной рекомендации полезно, чтобы пользователь мог при помощи системы ссылок увидеть, какие мотивы скрывались за решением кодификаторов.

Свод правил должен включать правила практической транскрипции иностранных слов, в частности собственных имен (*Вильям* или *Уильям*; *Фитцджеральд* или *Фицджеральд*; *дю Буа*, *Дю Буа* или *Дюбуа*;

Рассел, Раселл или *Расселл*; *Кэррол, Кэролл* или *Кэрролл*). Правила, приводимые в справочнике [Гиляревский, Старостин 1985] неполны и во многом устарели.

Предполагается, что к своду правил будет приложен указатель, представляющий собою орфографический словарь в полном объеме, причем в этом указателе при каждом слове будет сделана отсылка к правилу или правилам, которые регулируют написание этого слова. Разумеется, в правиле может быть сказано: «Написание таких слов определяется по словарю». Если к своду не будет приложен словарь, останется непонятным, какой именно словарь имеется в виду.

Такой словарь будет, среди прочего, включать основные собственные имена, встречающиеся в русских текстах (по крайней мере, в объеме энциклопедического словаря), в том числе те иностранные по происхождению имена собственные, которые традиционно передаются по-русски с отклонениями от правил практической транскрипции (например, *Генрих Гейне*).

Электронная форма представления свода правил даст возможность его непрерывно пополнять и уточнять. При этом пополнение и уточнение не будет предполагать уничтожения информации, которая включалась в свод на предыдущем этапе. Тем самым у пользователя будет возможность проследить модификацию орфографических правил и понять логику этой модификации. Тогда устаревшие написания, которые он может встретить в текстах, не будут ставить его в тупик.

Понятно, что при издании свода правил в традиционном, бумажном виде значительной частью информации придется пожертвовать. От бумажного издания свода правил пока нельзя отказаться, однако представляется, что будущее за электронной формой представления орфографических норм и правил.

Заключительные замечания

В приведенных соображениях можно видеть реализацию принципа интегральности орфографии. Выражение «интегральное описание языка» было введено в обиход в книге [Katz, Postal 1964] и развито в применении к русскому языку Ю. Д. Апресяном (см., например, [Апресян 1986]). Под интегральным понимается описание, в котором общие правила и словарь согласованы друг с другом. Применительно к орфографии это означает, что, формулируя орфографическое правило, кодификатор должен работать на всем пространстве языковых

единиц, а написание любой единицы в словаре должно учитываться соответствующим орфографическим правилом.

Кроме того, интегральность описания орфографии предполагает внутреннюю и внешнюю согласованность орфографических правил. Как уже говорилось, внутренняя согласованность означает, что правила орфографии не только не противоречат словарю, но и не противоречат друг другу и в совокупности дают ясные рекомендации относительно написания любой языковой единицы. Внешняя согласованность означает, что формулировки орфографических правил соответствуют представлениям, принятым в описании языка, и прочим языковым нормам. Иными словами, орфографическая кодификация должна соответствовать иным типам кодификации литературного стандарта.

Без выполнения требования интегральности нельзя надеяться, что свод орфографических правил будет обладать свойством полноты. А без этого нельзя рассчитывать, что он окажется достаточно авторитетным для того, чтобы быть принятым в качестве основного руководства по орфографии пишущими на русском языке в России и за ее пределами.

Литература

- Агеенко, Зарва 1984 — *Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва*. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1984.
- Апресян 1986 — *Ю. Д. Апресян*. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 57–70.
- Гиляревский, Старостин 1985 — *Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин*. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1985.
- Даль 1935 — *В. И. Даль*. Толковый словарь. Т. 2. М., 1935.
- Еськова 2015 — *Н. А. Еськова* (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. М., 2015.
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. М., 2008.
- Лопатин 2007 — *В. В. Лопатин* (ред.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2007.
- Лопатин, Иванова 2018 — *В. В. Лопатин, О. Е. Иванова*. (ред.). Русский орфографический словарь. М., 2018.
- Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007 — *В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова*. Прописная или строчная? Орфографический словарь. М., 2007.

- Немзер 2012 — *А. С. Немзер* (ред.). Солженицынские тетради. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2012.
- Немзер 2013 — *А. С. Немзер* (ред.). Солженицынские тетради. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2013.
- Панов 1964 — *М. В. Панов*. И все-таки она хорошая. М., 1964.
- Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Резниченко 2010 — *И. Л. Резниченко*. Словарь ударений русского языка. М., 2010.
- Розенталь 1988 — *Д. Э. Розенталь*. Русский язык. Пособие для поступающих в вузы. М., 1988.
- Katz, Postal — *Katz J. J., Postal P.* M. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.

В. А. Плунгян

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)

БЫЛ ЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ПРОГРЕССИВ?

В настоящих заметках я хотел бы обратить внимание на одну достаточно маргинальную конструкцию в славянских языках, возникновение которой, скорее всего, связано с особенностями греческих текстов, повлиявшими на ранние славянские переводы. Обсуждение некоторых аспектов этой проблематики занимало ближайших сотрудников Александра Михайловича (прежде всего, П. В. Петрухина и В. М. Живова, которые посвятили ей ряд работ) и, я надеюсь, будет интересно юбиляру.

I

Как известно, нетривиальной общей чертой глагольных систем славянских языков является отсутствие в них специализированных грамматических показателей прогрессива, т. е., в прототипическом случае, актуально длящегося процесса, выходящего за границы окна наблюдения говорящего¹. Прогрессив в целом достаточно частотен в языках мира [Dahl 1985: 90] и характерен в том числе и для многих языков Европы и Азии (например, английского, ирландского,

¹ Определению прогрессива и обсуждению его типологических свойств посвящена большая литература, обзор которой не входит в нашу задачу; ограничимся отсылками к [Dahl 1985: 90–95; Плунгян 2011: 382–395; De Wit et al. 2013] и указанным там работам. Для дальнейшего изложения существенно, что прототипический прогрессив выражается только в классе динамических процессных глаголов и не сочетается со стативами (типа ‘знать’ или ‘иметь’). В глагольных системах он обычно противопоставлен хабитуальным формам (обозначающим неактуальные ситуации) с одной стороны и разного рода аористным формам (выражающим вложенность ситуации в окно наблюдения) — с другой стороны.

испанского, турецкого, персидского, см. подробнее [Vertinetto et al. 2000]. Для прогрессива типично аналитическое выражение: в подавляющем большинстве языков европейского ареала он представлен конструкциями, состоящими из какой-либо глагольной номинализации (причастия, деепричастия или отглагольного имени действия) и вспомогательного глагола (позиционного или бытийного). Однако поиск такого рода конструкций в славянских языках как будто бы не приносит результатов — за одним (кажущимся) исключением, о котором и пойдет речь ниже. Как принято считать, глагольные системы славянских языков, при всех внутренних различиях между ними, не обнаруживают тенденции к особому грамматическому маркированию актуальных процессов. Такое значение является частью семантики славянского несовершенного вида, однако в составе граммы несовершенного вида всегда совмещено с хабитуальным значением, образуя в целом так называемый «имперфективный кластер» (точно такая же ситуация имела место в латинском и в классическом древнегреческом). Иными словами, вне контекста имперфективные обозначения процессов любого славянского языка (типа русск. *красит* или *поёт*) допускают обе интерпретации, как актуальную, соответствующую специализированному прогрессиву других языков (ср. *он в саду красит забор, не мешай ему*), так и хабитуальную (ср. *он с детства красит заборы всем нашим соседям*). Специализированного грамматического показателя прогрессива в них не существует (о лексических средствах, типа русск. *как раз <сейчас>* или польск. *w trakcie*, речи, разумеется, не идет).

Тем не менее один кандидат на эту роль всё-таки имеется. Это конструкция с действительным причастием и бытийной связкой (вида ‘они были идущие’)², о существовании которой в славянских памятниках (древнецерковнославянских и древнерусских) исследователям известно давно, однако ее семантическая интерпретация до сих пор остается предметом разногласий.

² Интересно, что в точности такой прогрессивной конструкции в тех языках Европы, где грамма прогрессива надежно отождествляется, как кажется, не засвидетельствовано. Похожая на нее внешне английская конструкция с глагольной формой на *-ing* восходит, как известно, к локативной конструкции с предлогом *on* и отглагольным существительным (*was on hunting > a-hunting > hunting*; подробнее см., например, [Smith 2007]); испанский прогрессив вида *estaba llorando* включает форму деепричастия, а не причастия, и т. п. Использование согласуемой адъективной глагольной формы тем самым оказывается не типичной для европейского ареала стратегией выражения прогрессива.

II

Самые ранние засвидетельствованные примеры такой конструкции являются несомненными кальками с греческого и буквально воспроизводят соответствующую греческую конструкцию с бытийным глаголом и согласуемым с субъектом причастием настоящего времени, ср. (1а–б):

(1) Лк. 19.47

(а) καὶ ἦν διδάσκων τὸ καθ' ἡμέραν ἐν τῷ ἱερῷ

(б) і вѣ оуча вѣ цркви по вса дни [Mat.³]

В греческом, в свою очередь, эта конструкция тоже не была исконной: как считается, в классическом древнегреческом (глагольная система которого, как и старославянская, обладала имперфективным аспектуальным кластером) она практически не употребляется; немногочисленные обсуждавшиеся в связи с этим примеры из классических авторов остаются спорными (подробнее см. [Bentein 2012]). В заметном количестве такие употребления возникают только в языке Нового Завета (больше всего их отмечается у Луки и в Деяниях) — как принято считать, под влиянием семитских языков; впрочем, по вопросу об их происхождении также имеются разные точки зрения. В любом случае, даже если семитское влияние и имело место (что в принципе вполне вероятно — как не исключено и собственно греческое развитие, поддержанное семитским), в новозаветном койне причастная конструкция начинает существовать как самостоятельное явление, и о ее синтаксических и семантических свойствах применительно к греческим памятникам следует говорить уже независимо. Но, по-видимому, основной описательной проблемой является грамматическая семантика этой причастной конструкции в греческом (и, соответственно, в славянском⁴).

³ Старославянские примеры, если не указано иное, приводятся по параллельному корпусу древних переводов PROIEL (<http://foni.uio.no:3000>; см. подробнее об этом проекте [Eckhoff, Naug 2009]).

⁴ Греческая конструкция в большинстве случаев калькируется также в латинском и готском переводах Нового Завета: ср. Лк 5:17 греч. καὶ αὐτὸς ἦν διδάσκων καὶ ἦσαν καθήμενοι Φαρισαῖοι, Mat. и тѣ вѣ оуча і вѣахж сѣдаште фарисѣи, лат. et ipse erat docens et erant pharisaei sedentes, гот. jah is was laisjands jah wesun sitandans Fareisaieis. Однако самостоятельное ее бытование за пределами корпуса новозаветных переводов — феномен прежде всего славянский (впрочем, у ранних латинских христианских авторов подобные употребления также отмечались, но в достаточно ограниченном количестве, в основном в период с IV по VIII в.; подробнее см., например [Haverling 2008; Drinka 2011]).

Большинство эллинистов, касавшихся особенностей греческого христианского койне, для описания явлений, подобных конструкции с презентным причастием, пользуются обтекаемым термином «глагольные перифразы». По сути этот термин означает, что наряду с синтетическими формами классического греческого языка в койне имеются в дополнение к ним еще и, так сказать, их аналитические варианты, которые в неявном виде предлагается рассматривать как факультативные синонимы синтетических форм. Так, про нашу причастную конструкцию говорится, что она в основном эквивалентна формам греческого имперфекта или презенса (ср., например, характерное в этом отношении изложение в [Blass, Debrunner 1990: 285–287]). Такая формулировка позволяет избежать прямого ответа на вопрос, есть ли у «перифраз» семантическая специфика по сравнению с синтетическими формами — они могут рассматриваться просто как региональные и/или регистровые варианты, свойственные ранней христианской литературе (такая точка зрения достаточно типична), но чаще всего позиция исследователя по этому поводу остается не до конца проясненной.

С другой стороны, те авторы, которые всё-таки ставили задачу поиска семантических особенностей у аналитических конструкций койне, шли более или менее по одному и тому же пути, следуя (иногда с оговорками) гипотезе, впервые в развернутом виде выдвинутой, как можно полагать, в монографии шведского филолога Гудмунда Бьёрка, опубликованной в 1940 г. и получившей впоследствии значительный резонанс [Vjörck 1940]. Г. Бьёрк в достаточно категоричной форме утверждал, что конструкция с презентным причастием отличается от синтетических имперфективных конструкций, с которыми она конкурирует, специализированным аспектуальным значением прогрессива. Гипотеза Г. Бьёрка выглядела эффектно (в ее пользу, в частности, свидетельствовало преимущественно аналитическое выражение прогрессива в романских языках и особенно в английском, эксплицитные типологические параллели с которым Г. Бьёрк неоднократно проводит), и она была в той или иной степени принята последующими исследователями, особенно теми, кто не являлся непосредственным специалистом в языке Нового Завета. Степень солидарности разных авторов с выводами Г. Бьёрка различна, однако категорического опровержения его выводов, насколько нам известно, никем не предпринималось; его интерпретация причастных конструкций как выражающих прогрессив сочувственно упоминается и в самых недавних работах по истории греческого глагола, в том числе в важной обобщающей

статье [Drinka 2011] и (с некоторыми нюансами) в одном из наиболее обстоятельных исследований этой проблемы [Bentein 2016].

Естественно, такой семантический анализ воспроизводили и слависты, когда рассуждали о значении причастных конструкций в славянских памятниках. Так, А. В. Исаченко, отмечая в старославянском аналитические причастные конструкции, указывает на их связь с греческими, а про эти последние сообщает, что их «значение ближе всего к английским ‘прогрессивным формам’» [Issatschenko 1980: 87]. Аналогично, современные типологи, обсуждая отсутствие прогрессивных конструкций в славянских языках в целом, отмечают, что в качестве исключения в старославянском «прогрессивные конструкции с причастием» существовали лишь как кальки с «иудейско-греческого» (приводится фрагмент с глаголом ‘учить’ из Лк. 5.17, ср. сноску 4), тогда как в современном болгарском и македонском в соответствующих контекстах будет употреблен обычный синтетический имперфект [Hewson, Vubenik 1997: 101]. Тем самым, прогрессивное значение у таких конструкций считается как бы даже само собой разумеющимся и не требующим специального обоснования. К «аспектуальной» трактовке причастных конструкций склоняется и А. Вайан, хотя и использует более расплывчатую формулировку, характеризуя их как «живой оборот для выражения длительности действия, непрерывности явления» [Вайан 1948/1952: 396], что по сути достаточно близко к интерпретации Г. Бьёрка (если под «длительностью» понимать именно «актуальную длительность», но, впрочем, см. ниже).

Вместе с тем, внимательный анализ фактов показывает, что интерпретация Г. Бьёрком семантики греческих причастных конструкций неверна. Самое простое объяснение этому заключается в дате написания работы Г. Бьёрка: в то время представления лингвистов о семантике аспектуальных категорий только начинали формироваться и твердого знания о том, что следует называть прогрессивом, еще не было (сам Г. Бьёрк указывает, что термин «прогрессив» является относительно новым и ссылается на О. Есперсена, в работах которого он был «недавно» введен применительно к английскому языку). При этом Г. Бьёрк склонен считать центральным элементом значения того, что он называет прогрессивом, выражение «временных рамок или фона некоторого другого действия» — а это не вполне точное с современной точки зрения описание; подобного рода семантические компоненты характерны скорее для таксисных граммем, тогда как для прогрессива важнее включенность окна наблюдения в ситуацию и принадлежность этой ситуации к классу процессов. Как кажется, Г. Бьёрк, в поисках

подходящего объяснения, употребил в несколько специфическом и расплывчатом значении новый в тот период и модный лингвистический термин, а последующие авторы недостаточно критически продолжали им пользоваться для описания греческих конструкций.

Действительно, семантика причастной конструкции новозаветного койне не имеет к выражению прогрессива (в современном смысле этого термина) никакого отношения. В частности, среди примеров ее употребления встречается немало динамических глаголов в хабитуальном значении (выражающих регулярное или потенциальное действие как свойство субъекта), которое является главным «антиподом» прогрессива и именно ему противопоставлено во всех глагольных системах, имеющих специализированные показатели прогрессива. Ср. характерные в этом отношении примеры (2–3), где причастная конструкция обозначает регулярное занятие, а не актуальное действие в фиксированный момент времени; при греческом тексте дается современный церковнославянский перевод (как правило, калькирующий причастную конструкцию):

(2) Лк. 5.10

(а) Καὶ εἶπεν πρὸς τὸν Σίμωνα ὁ Ἰησοῦς: μὴ φοβοῦ, ἀπὸ τοῦ νῦν ἀνθρώπους ἔσθι ζωγρῶν.

(б) И рече къ Симону Иисусъ: не бойся, отсельъ **будеши** человекѣки **ловя**.

(3) Мк. 1.6

(а) Καὶ ἦν ὁ Ἰωάννης ἐνδεδυμένος τρίχας καμήλου, καὶ ζώνην δερματίνην περὶ τὴν ὀσφὺν αὐτοῦ, καὶ ἐσθίων ἀκρίδας καὶ μέλι ἄγριον.

(б) **Бѣ** же Иоаннъ оболченъ власы велблужди, и поясъ усмень о чреслѣхъ его, и **ядый** акриды и медъ дивій.

Более того, едва ли не самыми частыми лексемами, выступающими в причастной конструкции, являются не динамические, а стативные глаголы (такие, как ‘иметь’ или ‘хотеть’), что, по понятным причинам, также никак не совместимо с граммемой прогрессива в ее стандартном понимании (прогрессивные формы у таких глаголов, как правило, вообще недопустимы). Ср. типичные в этом отношении примеры (4–5):

(4) Лк. 23.8

(а) Ὁ δὲ Ἠρώδης ἰδὼν τὸν Ἰησοῦν ἐχάρη λίαν: ἦν γὰρ ἐξ ἰκανῶν χρόνων **θέλων** ἰδεῖν αὐτὸν, διὰ τὸ ἀκούειν περὶ αὐτοῦ.

(б) Иродъ же видѣвъ Иисуса радъ бысть зѣло: **бѣ** бо **желая** отъ многа времење видѣти его, зане слышаше многа о немъ.

(5) Мк. 10.22

(а) Ὁ δὲ στυγνάσας ἐπὶ τῷ λόγῳ, ἀπῆλθεν λυπούμενος, ἦν γὰρ ἔχων κτήματα πολλά.

(б) Онъ же дряхль бывъ о словеси семъ, отиде скорбя: **бѣ** бо **имѣя** стяжанія многа.

Разумеется, несоответствие этих употреблений прототипическому прогрессиву не осталось незамеченным более поздними исследователями, однако никто из них не решился полностью отказаться от терминологии Г. Бьёрка. Наиболее подробно семантические особенности причастных конструкций описаны в работе [Bentein 2016] (ср. также [Bentein 2012; 2013]), где отмечено, что «дуративный» прогрессив может сосуществовать с несколько загадочным «фокализованным» прогрессивом (имеется в виду прежде всего «рамочная» таксисная функция, на которую указывал ещё Г. Бьёрк); стативные употребления также отмечают, но никак специальным образом не комментируются, хотя семантике прогрессива все эти контексты противоречат. Для большинства исследователей представляется желательным по-прежнему видеть во всех этих употреблениях некий «размытый» прогрессив — скорее всего, в силу инерции традиции.

Однако прогрессивная или даже какая-либо иная, более нюансированная интерпретация причастной конструкции в аспектуальных терминах, по-видимому, не может быть признана согласующейся с фактами. Главная проблема такой интерпретации не только в том, что она не объясняет появление причастий во множестве хабитуальных и стативных контекстов, но и в том, что она не объясняет и не меньшего количества примеров, когда актуальная длительность (т. е. прототипическое прогрессивное значение) в греческом выражается синтетическим имперфектом, как в (6); ср. также ниже, контексты в (7–8). Иными словами, наличие семантического компонента актуальной длительности не является ни необходимым, ни достаточным условием появления причастной конструкции — и, тем самым, в общем случае никак с этой конструкцией не связано.

(6) Лк. 5.6

(а) Καὶ τοῦτο ποιήσαντες συνέκλεισαν πλῆθος ἰχθύων πολὺ: **διερρήσαστο**^{IMPF:MED} δὲ τὰ δίχτυα αὐτῶν.

(б) И се сотворше, яша множество рыбъ много: **протерзашеся** же мрежа ихъ⁵.

⁵ Ср. передачу этого места с помощью прогрессивной конструкции в ряде современных английских переводов Нового Завета: *their net was breaking* (New King James Version, World English Bible и др.).

Вместе с тем, предложить альтернативную модель, объясняющую все или хотя бы большинство случаев появления причастной конструкции в новозаветном койне, представляется очень непростой задачей. В настоящих заметках мы не имеем возможности подробно разбирать этот вопрос; укажем лишь, что, по нашему мнению, правила выбора причастной конструкции (если признавать, что таковые существуют и имеют семантическую природу) в греческом связаны не с какой бы то ни было аспектуальной семантикой, а скорее с выражением информационной структуры предложения (что в принципе типологически свойственно причастным конструкциям во многих языках мира⁶). А именно, употребление причастной конструкции, как правило, выражает наличие аргументного фокуса: в соответствующих контекстах подчеркивается тот факт, что информационным центром высказывания является не глагол, а субъект, объект или обстоятельство глагольной группы⁷. Характерным примером такого контекста является (7), где глагол ‘греться’ в первом вхождении несет новую информацию, а во втором вхождении фокус смещается на указание того, кто входил в число греющихся — и это отражается в появлении причастной конструкции вместо синтетического имперфекта:

(7) Ин. 18.18

(а) Εἰσπήρισαν δὲ οἱ δοῦλοι καὶ οἱ ὑπηρεταὶ ἀνθρακίαν πελοπιήότες, ὅτι ψῦχος ἦν, καὶ ἐθερμαίνοντο^{IMPF}: ἦν δὲ καὶ ὁ Πέτρος μετ’ αὐτῶν ἐστὼς καὶ θερμαινόμενος.

(б) Стояху же раби и слуги огонь сотворше, яко зима бѣ, и грѣяхуся: бѣ же съ ними Петръ стоя и грѣяся (= ‘слуги разожгли огонь и грелись <ситуация вводится в рассмотрение, фокус на глаголе; имперфект>; вместе с ними грелся и Петр <фокус смещается на субъект; причастная конструкция>’).

⁶ Ср. характерное обобщение Н. Р. Сумбатовой в ее исследовании северокавказских языков: “If the predicate is out of focus (which is the case in argument-focus sentences), it must take the form of a participle” [Sumbatova 2009: 316].

⁷ В этом же ключе можно интерпретировать и наблюдения К. Бентейна [Bentein 2013], развивавшего гипотезу о связи причастной конструкции с «усилением транзитивности» глагола: в большинстве случаев «усиление транзитивности» как раз и может быть описано в терминах объектного фокуса. Вместе с тем следует отметить, что причастная конструкция не менее употребительна и в контексте непереходных глаголов, так что транзитивность не может быть в этом случае универсальным объяснением.

Не менее показателен пример (8), где глагол ‘учить’ вначале вводится в качестве новой информации, а потом фокус переносится на обстоятельство образа действия: то, каким образом происходило учение. Во втором случае, ожидаемым образом, вместо синтетического имперфекта возникает аналитическая причастная конструкция:

(8) Мк. 1.21–22

(а) Καὶ εἰσπορεύονται εἰς Καφαρναούμ, καὶ εὐθὺς τοῖς σάββασιν εἰσελθὼν εἰς τὴν συναγωγὴν ἐδίδασκεν^{IMPF}. Καὶ ἐξεπλήσσοντο^{IMPF} ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ, ἧν γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων καὶ οὐχ ὡς οἱ γραμματεῖς.

(б) И внидоша въ Капернаумъ: и абіе въ субботы вшедь въ сонмише, **учаше**. И **дивляхуся** о ученіи его: **бѣ** бо **учя** ихъ яко власть имый, и не яко книжницы.

Как можно видеть, в примерах (7) и (8) аспектуальная интерпретация глагола во всех случаях совершенно одинакова (более того, глагол в них, собственно, под разным углом описывает одну и ту же ситуацию); то единственное, что меняется с переходом от синтетической формы к аналитической — это как раз коммуникативный статус предиката: сначала он вводит новую информацию, которая впоследствии закономерным образом становится данным, а фокус предложения смещается на один из глагольных аргументов. Яркий случай выражения аргументного фокуса представлен и в многочисленных примерах, подобных (3) или (5) выше, где сам глагол является достаточно абстрактным предикатом вида ‘есть’ или ‘иметь’, а коммуникативно значимой информацией оказывается характеристика его аргумента: что именно является объектом еды, обладания и т.п. Таковы контексты большинства причастных конструкций в новозаветном койне.

III

Из новозаветного койне аналитическая причастная конструкция была заимствована в постклассический греческий, латинский и старославянский⁸, где, однако, быстро угасла. Дольше всего, по-видимому, эта конструкция удержалась в древнерусских памятни-

⁸ Примеры таких употреблений, в частности, обнаруживаются в Житии Павла и Иулиании, входящем в Супрасльский сборник; некоторые из них приводит уже А. Вайан, правда, не совсем точно характеризуя их семантику (см. выше).

ках (вплоть до XIV в.), на что одним из первых обратил внимание В. М. Живов [2012]; см. также [Петрухин 2012; 2016]. Как показано в работах В. М. Живова и П. В. Петрухина, в древнерусских книжных текстах (в том числе в Житии Феодосия Печерского, в Повести временных лет, в Суздальской летописи и др.) эта конструкция приобрела самостоятельную семантику и использовалась преимущественно в характеризующих контекстах, при описании привычек, состояния здоровья персонажей и т. п. Существенно также, что употребление причастных конструкций тяготеет — особенно в поздних памятниках — к особому стилистическому регистру и к «агиографическим» контекстам; по выражению В. М. Живова, происходит ее «петрификация»⁹. Если дело обстоит именно так, то описание этой конструкции в древнерусских памятниках должно строиться с учетом того, что здесь мы, скорее всего, имеем дело с тенденцией к искусственному распределению языковых средств, которые создателям текстов представлялись синонимичными, — правила употребления аналитических конструкций, существовавшие в новозаветном койне, были, безусловно, на русской почве утрачены [подробнее этот процесс прослежен в [Петрухин 2016]¹⁰). В этом смысле причастная конструкция не уникальна и входит в достаточно обширный ряд грамматических показателей со стилистическим потенциалом, изучение которых как раз и составляло один из любимых сюжетов В. М. Живова (отраженное уже в монографии [Живов 2004]). Заметим, что та новая область, в которой причастные конструкции стали активно использоваться в древнерусских памятниках, достаточно прозрачно связана с адъективной и стативной семантикой самих причастий (и опять же максимально далека от «прогрессива», который в этих конструкци-

⁹ Ср.: «...стилистика не маркированное употребление конструкции <быти + причастие> характерно для стандартного церковнославянского регистра, тогда как в гибридном регистре эта же конструкция приобретает жанрово-стилистика значимость и маркирует степень книжности текста» [Живов 2012: 248]

¹⁰ Следует заметить, что предлагаемое П. В. Петрухиным возведение греческих причастных конструкций непосредственно к древнееврейским, представляется всё же, при сегодняшнем уровне изученности этой проблемы (отраженном наиболее полно в [Bentein 2016]), несколько прямолинейным. Как уже было сказано в первом разделе, такая связь вполне возможна (более того, древнееврейские причастия как раз активно участвуют в выражении информационной структуры предложения, ср. [Ваауен 1997]), но развитие причастных конструкций в греческом происходило во многом автономно, в том числе и в семантическом отношении.

ях пытались увидеть их первые исследователи). Тем самым, можно считать, что вторичная семантизация причастных конструкций на русской почве происходила путем своеобразного восстановления их композициональности после того, как первоначальные правила их употребления были забыты.

Таким образом, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, следует дать отрицательный ответ. Специализированных грамматических показателей прогрессива в славянских языках нет и никогда не было — как не было их и в греческом койне. Гипотеза об их существовании возникла вследствие терминологического недоразумения (и недостаточно полного учета материала); известные нам факты ее никоим образом не подтверждают.

Литература

- Вайан 1948/1952 — *А. Вайан*. Руководство по старославянскому языку / Пер. с франц. изд. 1948 г. М., 1952.
- Живов 2004 — *В. М. Живов*. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Живов 2012 — *В. М. Живов*. Об употреблении одной книжной конструкции в памятниках восточнославянской письменности (глагол *быти* с причастием наст. времени) // I. Podtergera (Hrsg.). *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text*. Bonn, 2012. С. 235–249.
- Петрухин 2012 — *П. В. Петрухин*. К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 1 (23). С. 232–249.
- Петрухин 2016 — *П. В. Петрухин*. Конструкция ‘*быти* с причастием настоящего времени’: древнерусский узус и библейская традиция // *Труды Института русского языка*. IX. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. 2016. С. 179–207.
- Плунгян 2011 — *В. А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Baayen 1997 — *R. H. Baayen*. The pragmatics of the ‘tenses’ in Biblical Hebrew // *Studies in language*. 21 (2). 1997. P. 245–285.
- Bentein 2012 — *K. Bentein*. Verbal Periphrasis in Ancient Greek: A State of the Art // *Revue belge de philologie et d’histoire*. 90 (1). 2012. P. 5–56.

- Bentein 2013 — *K. Bentein*. Transitivity, ecology, and the emergence of verbal periphrasis in Ancient Greek // *Classical philology*. 108 (4). 2013. P. 286–313.
- Bentein 2016 — *K. Bentein*. Verbal periphrasis in Ancient Greek: *Have-* and *be-*constructions. Oxford, 2016.
- Bertinetto et al. 2000 — *P. M. Bertinetto, K. Ebert, C. de Groot*. The progressive in Europe // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin, 2000. P. 517–558.
- Björck 1940 — *G. Björck*. HN ΔΙΔΑΣΚΩΝ: Die periphrastischen Konstruktionen im Griechischen. Uppsala, 1940.
- Blass, Debrunner 1990 — *F. Blass, A. Debrunner*. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch / 17. Aufl., bearbeitet von Friedrich Rehkopf. Göttingen, 1990.
- Dahl 1985 — *Ö. Dahl*. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- De Wit et al. 2013 — *A. De Wit, A. Patard, F. Brisard*. A contrastive analysis of the Present Progressive in French and English // *Studies in language*. 37 (4). 2013. P. 846–879.
- Drinka 2011 — *B. Drinka*. The sacral stamp of Greek: Periphrastic constructions in New Testament translations of Latin, Gothic, and Old Church Slavonic // *E. Welo* (ed.). *Indo-European syntax and pragmatics: Contrastive approaches (Oslo Studies in Language)*. 3 (3). 2011. P. 41–73.
- Eckhoff, Haug 2009 — *H. M. Eckhoff, D. T. Haug*. Aligning syntax in early New Testament texts: The PROIEL corpus // *B. Hansen, J. Grković-Major* (eds.). *Diachronic Slavonic syntax: Gradual changes in focus*. München, 2009. P. 41–52.
- Haverling 2008 — *G. V. M. Haverling*. On the development of actionality, tense, and viewpoint from Early to Late Latin // *F. Josephson, I. Söhrman* (eds.). *Interdependence of diachronic and synchronic analyses*. Amsterdam, 2008. P. 73–104.
- Hewson, Bubenik 1997 — *J. Hewson, V. Bubenik*. *Tense and aspect in Indo-European languages: Theory, typology, diachrony*. Amsterdam, 1997.
- Issatschenko 1980 — *A. V. Issatschenko*. *Geschichte der russischen Sprache*. I. Heidelberg, 1980.
- Smith 2007 — *K. A. Smith*. The development of the English Progressive // *Journal of Germanic linguistics*. 19 (3). 2007. P. 205–241.
- Sumbatova 2009 — *N. Sumbatova*. Constituent questions and argument-focus constructions: some data from the North-Caucasian languages // *J. Helmbrecht et al.* (eds.). *Form and Function in Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann*. Berlin, 2009. P. 313–328.

М. Н. Шевелева

МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

О ГЛАГОЛЕ **ИТИ**
И КОНСТРУКЦИЯХ
ИМУ + ИНФИНИТИВ
ПО ДАННЫМ
ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

1. В давней дискуссии о том, являются ли известные в восточнославянских памятниках конструкции *иму* + инфинитив, в значительной части диалектов впоследствии грамматикализовавшиеся в будущее время, результатом развития древних модальных конструкций *имамь* + инфинитив или это изначально были структуры с другим глаголом и иной семантикой [ср.: Потехня 1888: 366; Кузнецов 1959: 236; Гудков 1963; Юрьева 2011; Шевелева 2017: 211–212; 2019: 44–46], наиболее вероятным представляется второе решение. Конструкции *имамь* + инфинитив в вост.-слав. диалектной зоне не получили развития — они представлены только в книжных текстах и оставались на протяжении всей древнерусской эпохи и даже позднее исключительно принадлежностью ц.-слав. традиции. Связано это, думается, прежде всего с тем, что сам глагол *имѣти* в качестве основного средства выражения глагольной посессивности в вост.-слав. зоне древнерусской эпохи не получил активного развития — он представлен в значении ‘habere’ почти исключительно в книжных текстах, в то время как основным средством выражения значения обладания в текстах некнижных (и соответственно, в живом др.-рус. языке) с древнейшего времени была *быти*-конструкция с *оу* + Р. п. в значении посессора — типа *оу мене (есть)*, см. [Шевелева 2019].

В некнижных текстах *имѣти* чрезвычайно редок: всего пять примеров в берестяных грамотах, причем большинство из них — в грамотах с чертами литературности в известных по летописной традиции устойчивых сочетаниях с именами типа *зло имѣти*, *имѣти акы братъ собѣ* и под. (грамота № 752) [Там же: 38–39]. Лишь в одном случае *имѣти* употреблен в грамоте некнижного содержания (№ 1014), сохранившейся, впрочем, фрагментарно и читающейся не вполне надежно, при этом используется он здесь в значении СВ ‘взять, полу-

чить', т. е. фактически в значении глагола *ѣти*¹. По всей видимости, использование глагола *имѣти* в значении собственно обладания в вост.-слав. зоне было характерно прежде всего для книжной традиции, восходящей к старославянской, — живому языку этот праславянский глагол был известен, но в значении 'владеть, обладать' не употребителен [Там же: 34–43]; ср. замечание А. А. Зализняка в комментарии к берестяной грамоте № 752 о том, что «сам глагол *имѣти*, по-видимому, носил оттенок книжности: подавляющая часть примеров этого глагола, собранных в словарях, происходит из книжных памятников» [Зализняк 2004: 252].

Именно с нехарактерностью для живого др.-рус. языка глагола *имѣти* в значении 'владеть, обладать' можно связывать, по всей видимости, и отсутствие в живом употреблении конструкций так называемого «будущего сложного I» *имамь* + инфинитив, модальное значение которых «неизбежности, неотвратимости» наступления ситуации (т. е. значения внешней необходимости) развилось на базе значения обладания глагола *имѣти* (подробнее см. [Шевелева 2019]). Как кажется, между наличием в реальном употреблении *имѣти*-конструкции обладания и наличием и последующей грамматикализацией оборотов *имамь* + инфинитив в форму будущего времени в славянских языках существовала определенная связь.

Как мне уже приходилось отмечать [Там же: 44–47], др.-рус. конструкции *иму* + инфинитив базируются на формах глагола *ѣти*, а не *имѣти* — думается, не только формально заместивших древние нетематические формы презенса глагола *имѣти* типа *имамь*, *имаши* тематическими типа *иму*, *имеши* (ср., например: [Кузнецов 1959: 236; Юрьева 2011: 81, 86]), но и в плане семантического развития изначально представлявшие собой иные структуры, чем и объясняется их отличная от *имамь*-оборотов судьба.

Аргументом в пользу вытеснения этими тематическими формами архаичных нетематических типа *имамь* считают по умолчанию полное отсутствие последних в некнижных текстах как в свободном употреблении, так и в составе инфинитивных конструкций и, соответственно, распределение конструкций «будущего I» с *имамь* / *иму* как книжных vs. некнижных. Отмечающееся всеми исследователями отсутствие модального значения у *иму*-конструкций и иные синтак-

¹ В грамоте № 1014 (XII в.): [*и*]мѣти отъ зѡу [о]с[м]шю на] де[с]аме — вероятно, недописанное отъ зѡуба или отъ Зѡуд — «выражение *им<ѣ>ти отъ зѡуба* можно было бы понимать приблизительно как 'получить на долю'. Во втором случае что-то должно быть получено от человека по прозвищу Зуй» [НГБ XII: 114].

сические условия их употребления оказываются при этом некоторым «сопровождающим» указанное распределение различием, причина которого остается фактически без объяснения.

Между тем это семантическое различие принципиально важно. Говорить о контаминации парадигм типа *имамь, имаши* — *иму, имешии* можно с надежностью в случае тождества или хотя бы сближения значений тех и других образований, чего на древнерусском материале не наблюдается — по крайней мере, примеров употребления **ѦТИ** в статальном значении ‘иметь, обладать’ не фиксируется точно. Кроме того, надо заметить, что нетематическое спряжение глагола *имѣти* уже в раннюю эпоху замещалось тематическим типа *имѣю, имѣеши*, а отнюдь не *иму, имешии*, ср. примеры в берестяных грамотах XII в.: *имееши* (№ 752), *имѣе[т]* (№ 886) [Зализняк 2004: 252, 275]; в Повести временных лет: *имѣемъ бо кормлю ѿ землю* (997 г., Лавр., л. 56 = Ипат., л. 48), *имѣю отрокъ свои^х*.ψ. (1093 г., Лавр., л. 72об. = Ипат., л. 80об.) и др. — по данным [СДРЯ XI–XIV вв., IV: 151–152], более 1000 употреблений образований от этой тематической основы. Появление среди инфинитивных конструкций «будущего сложного I» оборотов с *иму* простым вытеснением нетематического спряжения тематическим вряд ли объясняется.

На то, что это изначально обороты с разными составляющими их основу глаголами и с разным значением, указывал в свое время А. А. Потебня: сочетание с *иму*, в отличие от сочетаний с *имамь*, предполагает «вещественное значение не *иметь*, а *брать*, а в грамматическом отношении уже в др.-рус. может быть совершенно» [Потебня 1888: 366]. А. А. Потебня называет эти конструкции «будущим начинательным»: «<и>менно это значение, а не значение *имамь* с неопределимой в основании нынешних влр. областных и млр. сочетаний»; начинательность «этой формы обыкновенно еще довольно ясна» даже в совр. русских говорах и в украинском языке, так что «её можно отличить не только от буд. сов. (*нізнаю*), но и от *буду знати*», т. е. от современного вост.-слав. сложного будущего несовершенного [Там же]; рус. диал. *иму делать, имѣм есть* и под. предлагается переводить посредством *стану*, а не *буду*, поскольку последнее лишено «оттенка начинательности» [Там же]. Таким образом, А. А. Потебня полагает, что обороты типа *иму* + инфинитив развились на базе значения ‘взять’ (‘брать’ в СВ — см. выше), т. е. исконного значения глагола **ѦТИ**, и имели значение начинательности (сохраняемое, по его мнению, и поныне теми вост.-слав. диалектами, где есть такие обороты). Ближе всего их значение, по мнению Потебни, к значению современ-

ных русских конструкций с глаголом *стать*, получивших активное развитие в более позднее время — с XV в. [Молдован 2010: 6–7].

Изложенная трактовка (во всяком случае, применительно к др.-рус. материалу) представляется наиболее вероятной. Обратим также внимание, что, хоть Потебня и называет древнерусские *иму*-конструкции «будущим начинательным», указание на сходство их семантики с современными конструкциями *стану* + инфинитив ставит под сомнение положительное решение вопроса об их грамматикализации в морфологическое будущее время.

Итак, известные в др.-рус. некнижных текстах и в современных говорах (а также в украинском языке) конструкции со значением будущего *иму* + инфинитив следует связывать с глаголом *ѣти* ‘взять, схватить’ — глаголом действия СВ, развивающим на базе этого первичного значения значение начинательности (наступления новой ситуации), которое впоследствии может грамматикализироваться в будущее время (см. [Шевелева 2017: 212; 2019: 45]). В отличие от однокоренного с ним глагола состояния *имѣти*, малоупотребительного в некнижных др.-рус. текстах, глагол *ѣти* (*иму*) ‘взять, схватить’ и производный от него имперфектив *имати* (*ѣмлю*) ‘брать’ вполне употребительны — именно поэтому и инфинитивная конструкция с *иму* в некнижных текстах тоже становится вполне используемой, что отражает ее употребительность в живом др.-рус. языке.

Интерес представляет вопрос о пути развития этого оборота в будущее время и о степени грамматикализации его в древнерусскую эпоху. Как мы видели, А. А. Потебня, называя *иму*-оборот «будущим начинательным», сближал его с современными конструкциями со *стану* и предостерегал от отождествления с современным аналитическим будущим с *буду*. Последующие исследователи склоняются скорее к тому, чтобы рассматривать *имоу*-конструкции — в силу отсутствия у них модального значения — как будущее время уже начиная с ранних примеров их фиксации в текстах (см., например: [Борковский 1949: 147–148; Юрьева 2011: 86 и др.]).

Обратимся к старейшим примерам древнерусских памятников.

2. Вне сочетаний с инфинитивом глагол *ѣти* и производный от него имперфектив *имати* широкоупотребительны как в книжных, так и в некнижных текстах. Вполне распространены эти глаголы и в ст.-сл. языке — принципиальных различий между старейшими вост.-слав. и южнослав. памятниками в этом отношении не обнаруживается. По всей видимости, корневой глагол действия **ǰьтѣ* еще в позднепраславянскую эпоху закрепил значение СВ (см. его видовую характери-

стику «сов.» в [СС 1994: 807], очень аккуратном в отношении видовых характеристик глаголов). Причиной раннего закрепления за этой не имеющей формального показателя перфективности основы видового значения СВ скорее всего послужило наличие производного итератива *jьmati*, осмысленного как производный от *jьti* имперфектив — глагол НСВ (ср. аналогичные пары с многократными глаголами на *-a-* типа *pasti — padati*, *dvignoti — dvidzati*, сыгравшие важную роль в оформлении модели образования производных имперфективов НСВ [Маслов 1961 / 2004: 471]).

Первичное значение глагола **ѡТИ** — ‘взять, схватить’ [СС 1994: 807–808; SJS, IV: 1023–1024]; однако чаще всего он встречается, по крайней мере в вост.-слав. памятниках, именно в значении ‘схватить’ и особенно в значении ‘взять в плен, схватить (= задержать), лишиться свободы’ (см. указание этого значения в [СС 1994: 808; Срезн., III: 1669]). По всей видимости, нейтральное значение ‘взять’ без дополнительной коннотации резкого и быстрого (обычно принудительного) захватывания во владение ‘схватить, catch’ обычно выражалось приставочным глаголом **вѣзати**, ср. в ст.-сл.: **вѣзьми одръ твои и иди въ домъ твои** Мт 9: 6 Зогр., Мар., Ас., Сав. [СС 1994: 143]; и **ѡша вѣси и насытиша са и вѣзаша избытъкы оукроухъ .ѡи. коша исплънь** Мт 14: 20 Зогр и др. То же наблюдается и в вост.-слав. текстах, ср. не книжные примеры: *Которыи вѣльчанинѣ вѣзъмь латиньскыи товарь чересъ вѣлкѣ вѣсти. а что погынетъ ѡ того товара что ѣмоу приказано. тѣ платити всемъ вѣльчаньмъ* (Смол. грам. 1229 г., список А [СГ: 23]; так же в списках В, С); *Аже роусинѣ коупитъ оу латинеского чѣлка товарѣ. а вѣзъмь к собѣ. тотъ латинескому не вѣзати товара на оуспать. роусиноу томоу платити* (Смол. грам. 1229 г., список А = списки В, С) [Там же: 23, 28, 33]; *а кто ѣго задницю возметъ. то въ того немчию товаръ вѣзати* (Смол. грам. рижская ред., списки Д и Е) [Там же: 36, 41]; *вѣзьми же на нь вѣ треть* (БГ № 1087 сер. XII в. — о взятии долга) [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 19]; *познает ли надолзь оу кого купивъ. то своѣ куны вѣзметъ* (Рус. пр. по Новг. Кормчей) [Хрест.: 61] и др.; см. также примеры первого значения ‘взять что-л. в руки’ и значения ‘взять в собственность’ в [СДРЯ XI–XIV вв., II: 148]; ср. в устойчивых сочетаниях с именами: *тата (така) правда вѣзати* — в смоленских грамотах XIII в. многократно; *вѣзати мирѣ, вѣзати любовь* и др. [Там же: 149]; *а самъ съ Торожьскоу поиди а съ мною любовь вѣзми* (НПЛст, 1215 г., л. 82об.) и под.

Даже значение ‘захватить, завоевать’ у глагола **вѣзати** не содержит, как кажется, семантического компонента быстроты / внезап-

ности овладения объектом, ср. примеры: *Иде Мьстилавъ на чюдъ съ новгородъци и възъ Медвъжю голову* (НПЛст, 1116 г., л. 8об–9); *Приде Володимеръ и възъ Прилукъ* (СЛ, 1146 г., л. 104) [СДРЯ XI–XIV, II: 149]; *и стога ольга льто не можаше възати града* (ПВЛ, 946 г., Лавр. л. 16–16об); *завѣтра приступлю къ граду и възму городъ* (КЛ, 1123 г., л. 107) и др. По-видимому, значение ‘схватить’ и производное от него ‘захватить в плен, арестовать’ закрепилось прежде всего за бесприставочным глаголом *гати*.

В др.-рус. летописях *гати* абсолютно преобладает в значении ‘взять в плен, арестовать’, ср. в ПВЛ: *Аще не имевъ Василька то ни тобъ княженья Киевъ ни мнѣ Володимери* (ПВЛ, 1097 г., Повесть об ослеплении Василька, Лавр., л. 87 = Ипат., л. 88об.); *и повѣда ему глѣ. Не ходи княже хотать та гати. и не послуша юго помышлала како ма хотать гати вно^м мнѣ цѣловаше крѣь* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 87об = Ипат., л. 88об); *Мы тебе не имемъ ни инога ти зла створи*^м (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92об) и др.; ср. многочисленные примеры в Киевской летописи (КЛ): *Кнѣже доумаютъ ѡ тобъ хотать гати* (КЛ, 1146 г., л. 121); *Хотѣли ма бо гати любо оубити* (КЛ, 1147 г., л. 128); *А что есми имъ зло створишъ уже ма хотать гати* (КЛ, 1161 г., л. 182об.) и под.; ср. то же в образованиях от презентной основы: *и помысли во оумъ своемъ. гако Дѣда цмоу а Рюрика выженоу изъ земль* (КЛ, 1180 г., л. 216об); *нѣ смѣ бо Мьстиславъ пхати река иметь ма Дюрги* (КЛ, 1155 г., л. 172об); *самого же имивъ а волость его възмивъ* (КЛ, 1152 г., л. 162об) — пвл. 1 л. дв. ч. *им<ь>въ* ‘самого его возьмем (мы двое) в плен и волость его возьмем себе’. Последний пример хорошо демонстрирует различие в употреблении *гати* ‘взять в плен’ и *възати* ‘взять в свою собственность, владение’.

Оказывается, что первичный бесприставочный глагол *гати* в древнерусском обнаруживает тенденцию к семантической специализации.

То же значение ‘взять в плен, арестовать’ отмечается у глагола *гати* и в новгородских берестяных грамотах, ср.: *а нынѣ ма въ томъ ала кнѣагини* ‘а теперь меня за это схватила (арестовала) княгиня’ (№ 109, кон. XI — нач. XII в. [Зализняк 2004: 162, 257–259]); *ать ти видѣло како ти было а Ивана аль* ‘Если он видел, как я Ивана арестовал’ (№ 502, XII в. [Там же: 176, 405–406]); *А хотать ны ати въ Фомоу съ Вацьшькою* ‘а нас с Вячешкой хотят арестовать за Фому’ (№ 952 XII в.) [НГБ XII: 47] и др.

Впрочем, в берестяных грамотах есть и несколько примеров употребления *гати*, по-видимому, в нейтральном значении ‘взять в свою

собственность', ср.: *А нынково Ѧли по коунь на ньдблю* 'А теперь взяли по куне на неделю' (№ 1002 XII в.) [Там же: 101]; *а .г̃. рьзно нь имуо* 'а трех резан не возьму (или: не возьмут)' (№ 994 XII в.) [Там же: 94].

Заметим, что производный от **Ѧти** имперфектив *имати* широкоупотребителен в значении 'брать в свою собственность (о имуществе, долгах и т. д.)' и тенденции к отмеченному для **Ѧти** сужению значения не обнаруживает — в этом отношении в др.-рус. памятниках он оказывается ближе к *възѦти*, чем к **Ѧти**. Ср. примеры в берестяных грамотах: *Ѧмли за свои отрокъ колико ти годьно* 'бери через посредство своего отрока' (№ 819, XII в.) [Зализняк 2004: 412]²; *толико мнѦ Ѧмати скота* '[лишь] столько я должен собирать денег' (№ 550, XII в.) [Там же: 401] — с обобщением инфинитивной основы по презентной; *не дайте СавѦ ни одиного песца хотѦ на нихѦ Ѧмати* (№ 724, XII в.) [Там же: 350]; *ОртимѦ. Ѧне. ньдоборной* 'Ортеми́й берет недоборный (вероятно, хлеб)' (№ 325, перв. пол. XIV в.): «*Ѧне* — диалектная форма 3 л. ед. ч. глагола *имати*, соответствующая стандартному *Ѧмлеть*, с нулевым окончанием и рефлексом **мл'>н'*» [Попр.—XII: 223–224]; *а ты атче еси не възѦль коунь техѦ: а не Ѧмли ничѦтоже оу него* 'А ты, если [ещё] не взял тех денег, не бери у него ничего' (№ 109, кон. XI — нач. XII в.) [Зализняк 2004: 257]. Обратим внимание в последнем примере на тождество лексического значения *не възѦль* — *не Ѧмли*, различающихся, в сущности, только видовым значением СВ в индикативе — НСВ в императиве с отрицанием ('не взял — не бери'), ср. выше в той же грамоте *Ѧла* (*кнѦгини*) в значении 'арестовала'.

Видимо, *възѦти* и *имати* сближаются в своих значениях, а первичный глагол **Ѧти** все больше тяготеет к специализированному употреблению в значении 'схватить, поймать, взять в плен'. Возможно, это обособление **Ѧти** от *възѦти* и *имати* как основных глаголов, выражающих нейтральное значение 'взять — брать', могло способствовать закреплению у форм типа *иму* в сочетаниях с инфинитивом неполнозначного употребления.

3. Инфинитивные сочетания с *имуо* фиксируются в памятниках, по данным всех исследователей, с XIII в. (см. [Юрьева 2011: 76–86] и др.). Наиболее ранние надежные примеры этих конструкций при-

² «*Имати за сѦ* означает 'брать в свое распоряжение', 'брать себе'. Соответственно, *имати за свои отрокъ* означает здесь 'брать (с кого-то), передавая в распоряжение своего отрока', иначе говоря, брать через посредство отрока, т. е. доверяя ему эту операцию» [Зализняк 2004: 412].

надлежат смоленским грамотам XIII в.; обнаруживаются они также в древнерусских княжеских уставах (Уставе князя Владимира и Уставе князя Ярослава о церковных судах), первоначальные тексты которых тоже скорее всего относятся к этому времени³.

Показательно, что в тех же текстах встречаются формы типа *иметь, емлеть, възметь* — *възати* и в свободном употреблении.

В списках А и С торгового договора смоленского князя Мстислава с Ригой и Готским берегом (Смоленской грамоты 1229 г.) инфинитивных сочетаний с *иму* нет, но есть употребление формы 3 л. ед. ч. *иметь* в первичном значении ‘схватить, поймать’: *Которыи роусинъ или латинескыи имьтъ татя надъ тьмь юмоу свога вѣла. камъ юго хочеть тамъ дьжетъ* ‘поймает вора’ (Смол. грам. 1229 г., статья 23, список А = список С) [СГ: 23, 33]; с той же формой эта статья договора читается и в списке В готландской редакции [Там же: 28], а также в списках Д и Е рижской редакции — с некоторым отличием синтаксической конструкции, но с сохранением того же употребления формы *иметь*, ср.: *Аже роусинъ или немчиць иметь тате оу своѣго товара. а в томъ юго вола што хочеть то юго вола* (Смол. грам., статья 33, список Е перв. пол. XIII в. = список Д 1270–1277 гг.) [Там же: 43, 38] — т. е. чтение представлено во всех списках обеих редакций Смоленской грамоты.

Других употреблений глагола *яти* в списках А и В Смоленского договора нет, при этом широко употребляется глагол *възати* как в прямом значении ‘взять’, так и в устойчивом сочетании *тата (така, такова) правда възати* ‘следовать такому закону / установлению’ (см. [СДРЯ XI–XIV вв., VII: 454], см. примеры выше: *Которыи вѣльчанинъ възьмьтъ латинескыи товаръ чересь вѣлькъ вѣсти...* [СГ: 23] и др.); ср. также: *Тата правда роуси оузати оу ризь и на гочкомъ березь* [Там же] и под.; *послоу и по^н что оучинать. за двоѣ того оузати два платежа* [Там же: 21]; *Аже боудъте пьрвьѣ на ньи сьрѣмь былъ възати џи гривна сьрѣбра за насилие* [Там же: 22] и др.

³ Как известно, в исторической науке нет единого мнения относительно времени создания первоначальных текстов Устава Владимира и Устава Ярослава: большинство исследователей относят создание их архетипов к более раннему времени (XI–XII вв.), предполагая при этом последующую переработку в XIII в. и позднее [ДКУ: 12, 85]. Не возьмусь решать эту текстологическую проблему, однако по лингвистическим данным, как кажется, нет оснований относить чтения княжеских уставов с *иму*-конструкциями ко времени ранее XIII в. — ничто не противоречит их датировке XIII в. или даже (для Устава Ярослава) XIV в. (см. об этом ниже).

Столь же широко употребляется глагол *възати* во всех списках Смоленского договора (в готландской редакции — в тех же чтениях, в рижской — с некоторыми текстологическими отличиями и с менее частым использованием устойчивого оборота *правда възати*).

В списках готландской редакции встречается также форма презенса глагола *имати* — *емлеть*: *Аже латининъ дастъ князю хълопоу въ закъмъ или инъмоу доброу члѣкоу. а оумрете не заплативъ. а кто къмльть его встатъкъ. тому платити немчиноу 'кто берет его наследство, тот должен платить'* (Смол. грам. 1229 г., статья 7, список А = списки В, С) [Там же: 22, 26, 32]. В списках рижской редакции в этой статье читается глагол СВ *възати*: *а кто его задницю возметъ. то въ < у > того немчию товаръ взати* (Смол. грам., список Е, так же список Д) [Там же: 41, 36]. К вопросу об использовании глаголов СВ / НСВ в статьях этого договора, как и других юридических др.-рус. текстов, устроенных сходным образом, мы перейдем ниже. Сейчас обратим внимание на то, что во всех списках и редакциях Смоленской грамоты в свободном употреблении представлены глаголы *имоу* (от *яти*) в значении 'схватить, поймать', *къмлю* (от *имати*) в значении 'брать' и *възьмоу* — *възати* в значении 'взять'.

В списках рижской редакции есть еще несколько случаев свободного употребления форм *иметь* (3 л. ед. ч.) 'схватит' и *имати* 'брать', т. е. в отмеченных выше разных лексических значениях — как члены видовой пары они в этих текстах фактически не соотносятся. Ср. контексты с формой 3 л. от глагола *яти*: *Аже оударить по лицу или за волосы иметь или батогомъ шибеть. платити бесъ четверти гривна серебра* 'за волосы схватит' (Смол. грам., рижская ред., статья 3, список Е = список Д) [Там же: 40, 36]; *Аже иметь роусинъ немчича оу своєю жены. за соромъ .ḡ. гривнъ серебра* 'если русский поймает (= схватит) немца у своей жены...' (рижская ред., статья 11, список Е = список Д) [Там же: 41, 36–37] — значение 'схватить, поймать' здесь очень выразительно. Ср. употребление *имати* в значении 'брать': *Аже боудеть роусиноу товаръ имати на немчичи ли въ Ризь ли на Готьскомъ березе ли въ которомъ городъ немецкомъ. нъ ити истьцю к ыстьцю.и взати емоу та правда котората то в томъ городъ. а рубежа не дѣяти* 'брать, конфисковывать товар' (рижская ред., статья 23, список Д = список Е) [Там же: 38, 41]; *роусиноу же нелзь имати немчича на железю. тако же и немчию роусина* (рижская ред., статья 9, список Д = список Е) [Там же: 36, 41] — в списках готландской редакции читается: *Роусиноу не вѣсти латинина ко жельзоу горячемоу* (готландская ред., список А = списки В, С) [Там же: 22, 27, 32].

Таким образом, в Смоленском торговом договоре князя Мстислава обеих редакций формы глагола *мати* типа *имоу*, *иметь* в свободном употреблении имеют значение ‘схватить, поймать’ и явно отрываются от используемых в нейтральном значении ‘брать — взять’ глаголов *имати* и *възати*. То же наблюдается и в Договоре неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом 1223—1225 г., ср. употребление формы *имоуть*: *Оже имоуть роусина вольного оу вольное жены. въ Ризь или на Гьтъскомь бьрътъзь. оже оубьють и тьтъ оубить. пакы ли не оубьють. платити емоу .ĩ. гри⁶ стьръбра* ‘если поймают вольного русского у вольной женщины...’ [Там же: 13] — ср. выше аналогичную статью в рижской редакции Смоленской грамоты кн. Мстислава.

Во всех смоленских грамотах XIII в. именно *имоу* используется в значении ‘схватить, поймать’, в отличие от нейтральных *имати* ‘брать’ и *възати* ‘взять’.

При этом в большинстве грамот встречаются и инфинитивные сочетания с *иметь* (3 л.).

В готландской редакции договора Мстислава *иму*-конструкция представлена только одним примером в списке В — в заключительной формуле «проклинательного» типа: *И которыи роусинь или латиньскыи противу сеѣ правды молвити иметь того почисти за лихыи моужь* (Смол. грам. список В, 1297—1300 г.) [Там же: 30]. В списке А этой конструкции соответствует тот же смысловый глагол в презенсе, а в списке С фазовый глагол *почнеть*, инфинитив при котором опущен (очевидно, дефектное чтение), ср.: *Которыи роусинь или латиньскыи противу сеѣ правды молвить. того почьсти за лихыи моужь* (Смол. грам. список А 1229 г.) [Там же: 25]; *Которыи русинь или латиньскыи противу сеѣ грамоты почнеть. того почисти за лихыи мужь* (Смол. грам. список С перв. пол. XIV в.) [Там же: 35]. Оказывается, что в этом контексте варьируются «начинательные» конструкции с *почнеть* / *иметь* и простой презент глагола *молвити*⁴.

В списках рижской редакции контекстов с *иму*-конструкцией немало больше (заметим, что и для свободного *иметь* ‘схватит, пойма-

⁴ Один пример *иму*-конструкции, видимо, старейший, засвидетельствован в Договоре неизвестного смоленского князя 1223—1225 г.: *Аже боудѣтъ смолнаниноу немьчичь дѣлжьнѣ въ Ризѣ или на Гьтъскомь берѣзѣ. правити емоу поемъши дѣтъскыи оу соуде. тьтъ ли дѣтъскыи не исправити возма мьздоу. поставити на нь дроугого. тьтъ ли еметь хьтрити а поставити и перед соудьею* ‘станет хитрить, возьмется хитрить’ [СГ: 12] (см. [Юрьева 2011: 77–78]) — видимо, с обобщенной презентной основой под влиянием *еметь* (*имати*); в списках договора Мстислава чтение этой статьи отсутствует.

ет' здесь представлено больше примеров, см. выше) — по два примера в совпадающих чтениях списков Д и Е, причем не в заключительной формуле «проклинания». В статье 10: *Или немъчьскый гость иметь сѧ бити межю собою мьчи в Роуси или соулицами князю то не надобе никакому роусиноу. ать правать сѧ сами по своему соуду* (Смол. грам., список Д = список Е) [Там же: 36, 41] — ср. в готландской ред.: *Аже латинескый гость биеть сѧ мъжю събою оу роуской земли любо мъчем. а любо дървьемь. князю то не надобе. мъжю събою соудити* (Смол. грам., список А = списки В, С) [Там же: 22, 27, 32]. Чтение готланской редакции подтверждает предположение, что перед нами глагол *бити сѧ* (см. в [Юрьева 2011: 77] о возможности двойкой трактовки такого рода примеров, поскольку препозитивная по отношению к *бити* энклитика *сѧ* в принципе могла относиться к форме *иметь*). Как и в случае колебаний *молвить / иметь молвити*, перед нами колебание по спискам презенса и *иму*-конструкции с тем же глаголом.

Контекст второго примера из рижской редакции отличается от прочих тем, что *иму*-конструкция здесь употреблена не в части условия (как она вообще чаще всего употребляется в др.-рус. текстах), а в части санкции, ср.: *а како оуслышитъ волочьскый тивоунъ ожо гость немецкый съ смолняны приехалъ на волокъ. послати емоу члѡвка своего въ борзѣ къ волочаномъ ать перевозоуть немецкый гость и смолняны с товаромъ. а никто же не иметь имъ пакостити. зане в тои пакости велика пагоуба бываетъ ꙗкозѡ погани смолняномъ и немцомъ 'и никто не чинит / не станет чинить / (не должен чинить) им препятствий'* (Смол. грам., статья 15, список Д = список Е) [СГ: 37, 42]. В готландской редакции здесь читается конструкция с независимым инфинитивом другого глагола: *Аже тиоунъ оуслышитъ латинескый гость пришелъ послати ѣмоу люди с колы пьревѣсти товары. а не оудѣржати ѣмоу. аже оудѣржитъ оу томъ сѧ можете оучинити пагоуба* (список А = список В = список С) [Там же: 22–23, 27, 33].

Это единственный пример, где для *иму*-конструкции не исключено предположение о модальном значении долженствования, тем более что в другой редакции текста договора читается инфинитив со значением предписания 'не следует / нельзя удерживать'. Однако более вероятным здесь все-таки представляется видеть то же употребление форм презенса СВ / НСВ, что и в других статьях грамоты в обеих частях условной конструкции: 'Если тиун узнает, что немецкий купец со смолянами приехал на волок, ему следует сразу же послать своего человека к волочанам, чтобы они перевезли <...>, и никто не чинит / не станет чинить им препятствий <...>'. То, что перед нами пред-

писание, предполагающее модальность долженствования, имплицировано самой структурой др.-рус. юридического текста, обуславливающей особый режим его интерпретации (см. об этом ниже), — ср. с употреблениями презенса индикатива в части санкции других статей грамоты: *Аще который роусинъ возьметъ товаръ оу немчина а понесеть товаръ из двора. тыи товаръ не ворочаетъ са* ‘тот товар не возвращается’ (Смол. грам., статья 21, список Е = список Д) [Там же: 37, 42]; *Который роусинъ или латинескый иметъ тата надъ тѣмъ ѿмоу свога вѣла камъ ѿго хочетъ тамъ дѣжетъ* ‘куда его хочет, туда (и) деваёт’ (Смол. грам., статья 23, список А = список С) [Там же: 23, 33], в рижской ред.: *в томъ ѿго волѧ. што хочетъ то ѿго волѧ* (список Е [Там же: 43]). Подобное употребление презенса индикатива обоих видов в соответствующих контекстах возможно и в современном русском языке, особенно в разговорной речи («куда хочет/ захочет, туда денет», «если возьмет товар, этот товар уже не возвращается» = ‘не подлежит возврату’).

Во всех инфинитивных *иму*-конструкциях смоленского торгового договора форма глагола *тати*, конечно же, не является полнозначенательной: перед нами устойчивый оборот, в котором этот глагол выступает в значении наступления новой ситуации, развившемся на базе его основного значения ‘взять, схватить, поймать’ (как мы видели, именно такое значение глагола *тати* — *имоу* становится к XIII в. основным). Это вторичное значение форм типа *имоу* принадлежит сфере начинательности — в инфинитивных сочетаниях *имоу* оказывается в кругу фазовых глаголов, обозначающих начало существования новой ситуации: *почноу / начноу* (ср. выше пример с колебаниями по спискам смоленского договора *имоу-* / *почноу-* конструкции), позднее появится *оучну* и принадлежащее той же семантической сфере начинательное значение разовьется у глагола *стать* — *стану* (см. [Молдован 2010]). Видимо, в вост.-слав. диалектах активное развитие получают инфинитивные сочетания с фазовыми глаголами начала действия, и именно такие сочетания оказываются продуктивным средством обозначения наступления новой ситуации в будущем (после момента речи) — именно они становятся главными конкурентами на грамматикализацию в будущее время.

Заметим при этом, что *иму* в переносном начинательном значении в составе инфинитивных конструкций, видимо, не был фазовым глаголом в узком смысле слова, обозначающим членимую на фазы ситуацию (в смысле [Падучева 2004: 180–181]), — это фазовость в широком смысле как обозначение наступления новой ситуации (см. [Там же]).

Однако вряд ли уже в этот ранний период *иму*-конструкции можно считать грамматикализованным будущим. Отсутствие модального значения и употребление в значении наступления новой ситуации еще не является достаточным доказательством того, что перед нами грамматическое будущее, — как не являются грамматическим будущим современные русские конструкции с *начну* и особенно со *стану*, вполне употребительные для обозначения ситуации в будущем [Стойнова 2016] (об активизации оборота *стану* + инфинитив в XVI–XVII вв. и о росте популярности *стать*-конструкции в XVIII–XIX вв. см. [Молдован 2010: 12–13]). Формы *стану* в составе этих оборотов (как и становящиеся более редкими *начну* [Там же]) являются полужнаменательными (фазовыми) глаголами, но не вспомогательными глаголами грамматического будущего. Думается, что такова же была ситуация и с *иму*-оборотами — по крайней мере, в др.-рус. эпоху.

Стоит обратить внимание также на то, что абсолютное большинство примеров *иму*-конструкций представлено в др.-рус. юридических текстах, по преимуществу в части условия. Как мы уже говорили в связи с трактовкой примера из рижской редакции Смоленской грамоты *никто же не иметь имъ пакостити* [СГ: 37, 42], режим интерпретации такого типа текстов обладает рядом специфических свойств, отличающих его как от нарративного, так и от речевого, — на это обратил внимание В. М. Живов [2008; 2017: 490–496]. Такой текст «не нуждается в категории времени, поскольку казусы и их разрешение описываются как вневременные зависимости. В силу этого время в глаголе оказывается в данных текстах избыточной категорией и в принципе допускается варьирование временных форм, не несущее семантической нагрузки. Первый член может, например, формулироваться как *убил муж мужа*, или *убьет муж мужа*, или *убивает муж мужа*, и смысл от этого не меняется» [Живов 2017: 491]. Такое варьирование презенса СВ / НСВ, т. е. настоящего / будущего широко представлено и в текстах смоленских грамот XIII в. — и в части условия, и в части санкции, ср. приведенные выше примеры СВ *взьмет латинескый товаръ чересь вълкъ въсти* [СГ: 23], *задницю възметъ* ‘возьмет, получит наследство’ [Там же: 36, 41], *иметь тата / тате* ‘поймает вора’ [Там же: 23, 33, 38, 43], *за волосы иметь* ‘схватит за волосы’ [Там же: 40, 36] — НСВ: *ѣмлетъ ѣго встатъкъ* ‘берет его наследство’; ср. НСВ других глаголов: *а которыи волочанинъ вьскладываетъ товаръ немъцьскыи или смоленскыи на кола чересь волокъ въсти...* (статья 18, список Е) [Там же: 42]; *аще которыи немчинъ хочеть ити съ своимъ товаромъ в-ынъ городъ...* (статья 19, список Д)

[Там же: 37] — список Е *хочеть поити* [Там же: 42] и под., ср. выше аналогичные примеры употребления НСВ наряду с СВ в части санкции (с. 42).

Примеры подобных колебаний встречаются и в княжеских уставах (см. ниже).

Такое безразличное употребление настоящего или будущего в рассматриваемых текстах, строго говоря, не дает надежных оснований заключить, что конструкция *иму* + инфинитив здесь употребляется в значении будущего времени. Конечно, видовое значение СВ форм типа *иму* исключает значение собственно настоящего (актуального) и предполагает в речевом режиме интерпретации отнесение ситуации к будущему, но эти контексты, где временное противопоставление настоящего и будущего фактически снято, не могут быть надежным доказательством использования *иму*-оборота как средства референции к будущему.

Старейшие примеры *иму*-конструкций принадлежат именно таким текстам; ср. показательное колебание презенса НСВ *молвить* и конструкции *иметь молвити* по спискам смоленского договора в заключительной формуле (см. выше, с. 40); ср. характерные примеры таких же колебаний в Уставе Ярослава: *Аще моужь име^м красти конопль или ленъ и всякое жито, митрополиту .ѿ гриве^т. Тако^ж и женка. Аще моужь краде^м бѣлыя порты, или портища, или полотны, [и] митрополиту .ѿ гривны, и тако^ж и женка. Аще кто име^м красти сватебное и огородное — все митрополиту. <...> Аще жена (оу — Арх.) моужа краде^м и вбличити ю, митрополиту .ѿ гривны, а моужь казни^м ю <...> Аще кто кль^м краде^м (Арх. покраде^м) тако^ж твор^а^м (Уст. Яросл., Пространная ред., Основной извод = Археографический извод, статьи 32–37) [ДКУ: 88–89, 97] и др.*

Считать подобные контексты бесспорным доказательством того, что *иму*-конструкция выражает значение собственно будущего времени, а не начинательное аспектуальное значение типа ‘станет красть’, ‘возьмется красть’ с акцентом на семантическом компоненте активности субъекта и контролируемости действия (обратим внимание, во всех контекстах это агентивное значение), вряд ли есть достаточно оснований.

Употребление *иму*-конструкций в княжеских уставах сходно с описанным выше в смоленских грамотах.

В Уставе князя Владимира Синодальной редакции *иму*-оборот встречается в статье 9 и в заключительной формуле «проклинания», причем в статье 9 — в общем контексте с формой *иметь* в собствен-

ном лексическом значении ‘схватит’ (ср. выше употребление *иметь* ‘схватит, поймает’ во всех списках смоленского торгового договора) при изложении «казуса» драки: *...или два друга имета сѧ бити ѣдино҃го жена иметь за лоно друго҃го и раздавит* ‘станут драться и жена одного схватит другого за лоно и раздавит’ (Уст. Влад., статья 9, Син. извод — так же в других изводах той же редакции [Там же: 23, 31, 38, 43, 47]) — ср. сходную конструкцию в рижской редакции смоленской грамоты: *Или немѣчьскыи гость иметь сѧ бити межю собою мѣчи...* (см. выше, с. 41, там же об аргументах в пользу большей вероятности отнесения *сѧ* к инфинитиву *бити*, подтверждающейся чтением той же статьи в списках готландской редакции грамоты).

Обратим внимание, что в той же статье 9 Устава Владимира в нескольких изводах текста одной редакции встречается форма *емлю^м* в своем лексическом значении ‘берут (зд. — изымают, достают)’: *или на стѣнах трѣьскы емлю^м ис креста* (Уст. Влад., Крестинский извод) и др. [Там же: 31, 38, 43, 47] — в пределах одной статьи *ѣти* ‘схватить’ и *имати* ‘брать, изымать’ употребляются в собственном лексическом значении и здесь же встречается *имета (сѧ бити)* в составе инфинитивной конструкции с начинательным значением ‘станут, возьмутся’. Связь прямого и переносного значений форм типа *иметь* — *имета*, как кажется, вполне отчетлива.

В заключительной формуле «проклинания» *иму*-конструкция читается в наиболее архаичной версии Синодального извода один раз, в других изводах — дважды или даже трижды: *Кто иметь преступати правила си, или дѣти мои, или правнучата, или в' которомь городь намѣстникѣ, или тиоунѣ, или соудѣа, а поубидать соудѣ ѣрѣвныи или кто иньи, да будуть проклати в' сии вѣкъ и в' боудоуциі семию зборовѣ стѣхъ ѡѣць вселеньскыхъ* (Уст. Влад., Син. извод) — в других изводах: *а иму^м убидѣти суды ѣрѣковныѣ или ѡимати* [Там же: 24, 33, 41, 44].

Употребление *иму*-оборота в такого рода заключительных формулах утверждения незыблемости установленного закона становится довольно устойчивым — ср. выше такой пример в списке В смоленской грамоты с колебанием по спискам *противоу сѧа правды молвити иметь* (список В) / *мѣлвити* (список А) / *поцнеть* (список С) — см. выше, с. 40; ср. более раннюю, вероятно, по времени возникновения формулу с *почнеть* в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: *Даже которыи князь по моѣмь княжении почнеть хотѣти ѡѣати оу стѣго Гевр҃гиа а бѣ боуди за тѣмь и стѣаѣ бѣа и тѣ стѣи Гевр҃гиа* [Хрест.: 33].

В Уставе Ярослава в заключительной формуле «проклинания», как и в Уставе Владимира, тоже используется *иму*-конструкция, одна-

ко в одном из изводов она заменена на конструкцию с *почнуть*: *А хто иметь судити стане^m съ мною на страшнѣмъ судѣ пре^d бѣгъ, и да буде^m на не^m клятва стѣхъ ѿць .т̄. и .т̄и. и^ж в Никіи и всѣхъ стѣхъ* (Уст. Яросл., Пространная ред., Основной извод и др.) [ДКУ: 91, 93, 99, 103] — ср. в Архивском изводе той же редакции: *А чре^c се кто почне^m судити, сам оскудеетъ и клятва и бл^веніе на ни^x стѣхъ ѿць иже в Никіи .т̄и.* [Там же: 107].

В целом же в Уставе Ярослава *иму*-конструкция заметно более употребительна сравнительно с Уставом Владимира и со смоленскими грамотами XIII в., что склоняет в пользу предположения о несколько более позднем формировании / редактировании этого текста. При этом то же варьирование *иму*-конструкций / презенса НСВ того же глагола / презенса СВ — в соседних статьях или в разночтениях одной статьи по разным версиям текста — представлено и здесь. Ср. выше (с. 44) пример с колебаниями форм *име^m красти / краде^m / покраде^m* в статьях 32–37 (38); ср. также в статье 17 (18) колебания по спискам: *Аще кто име^m двѣ жены водити, митрополиту .к̄. гриве^t* (Уст. Яросл., Пространная ред., Основной извод = Археограф. извод) [Там же: 87, 95] — *Аще кто води^m двѣ женѣ еп̄^тпу .к̄. гри^t* (Маркел. извод = Архивский извод) [Там же: 101, 104] и т. п.

Встречаются и единичные колебания по спискам *иму*-конструкции и *начну*-конструкции, ср. в перечне оснований для развода («ропусты»): *А се .ѣ.а вина, иже име^m ипро^ч мужа (своего) ходити по игрища^m или въ дни, или в нѣщи, а не послушати име^m, розлучити* и (Уст. Яросл., Основной извод = Археограф. извод = Маркеловский извод) [Там же: 90, 99, 103] — *Аже жена начне^m ходи^m по игрищамъ опро^ч воли мужа свое^c...* (Архивск. извод) [Там же: 106].

Однако в целом конструкции с *иму* в Уставе Ярослава значительно более употребительны, чем конструкции с *начну* (*почну*). Складывается впечатление, что это уже следующий шаг по пути к грамматикализации *иму*-оборота сравнительно с Уставом Владимира и смоленскими грамотами XIII в. (не встречается свободного употребления форм типа *иму* — *име^m*, высокая частотность конструкции *име^m* + инфинитив). Однако говорить о завершении грамматикализации по этим данным, как кажется, все-таки еще рано. Во всех подобных контекстах с *иму*-конструкцией наиболее вероятно видеть начинательное значение типа ‘станет делать что-л.’ (заметим, кстати, что во всех случаях это агентивное значение), а не собственно будущее время.

По данным И. С. Юрьевой, в летописях конструкция *иму* + инфинитив фиксируется со второй половины XIII в.: самые ранние приме-

ры — в Волынской летописи (с 1261 г., 4 примера) и в Суздальской летописи под 1283 г. (1 пример) [Юрьева 2009: 84–87; 2011: 78–79]. Здесь уже встречается использование *иму*-конструкции в нарративе — точнее, в придаточном изъяснительном, т. е. синтаксическом режиме интерпретации текста, ср.: *и посла с Василкомъ три татаринъ. именемъ Коуича Ашика Болюга и к томуо толмача розоумьюща роу-скыи гъзь (sic!) што иметь молвити Василко приѣхавъ подѣ городѣ* (ВЛ, 1261 г., л. 283об) — ‘что станет говорить Василько, приехав к городу’ (см. [Юрьева 2009: 85; 2011: 78]). В остальных примерах *иму*-оборот употреблен в прямой речи, причем дважды — в хорошо известной по юридическим текстам условной конструкции (в части условия), ср.: *уже имешь княжити во Краковѣ. тотъ мы готовъ твои* (ВЛ, 1287 г., л. 301); *кто иметь держати споръ с свои^м баскако^м тако юму буде^т* (СЛ, 1283 г., л. 170); в двух других случаях — вне условных структур, что говорит о вполне свободном использовании этого оборота, не связанном с устойчивым формуляром, ср.: *а тѣма сѧ имоу оутѣшивати* ‘ими стану / буду утешаться’ (ВЛ, 1268 г., л. 288об); *мнѣ не воставши смотреть что кто иметь чинити по моему животъ* (ВЛ, 1283 г., л. 299об) — последний контекст представляет собой текст завещания (князя Владимира Васильковича), т. е. делового документа в составе летописи (см. [Юрьева 2009: 85–87; 2011: 79]).

Несомненно, перед нами начинательная конструкция, выражающая отнесение наступления ситуации к будущему, становящаяся все более употребительной со второй половины XIII в., особенно в деловом языке, однако вряд ли это уже грамматикализовавшееся будущее время: скорее всего, семантический компонент контролируемости действия активным субъектом, связанный с исконным значением формы *иметь* ‘схватит, поймает’, в др.-рус. эпоху еще присутствует. Ближе всего по семантике, очевидно, эти др.-рус. обороты к современным русским оборотам со *станет*.

В новгородских берестяных грамотах самый старший пример *иму*-конструкции представлен в грамоте № 364 последнего двадцатилетия XIV в., причем в одном контексте с *почну*-конструкцией: *какъ/имешь продавать и ты/даи намъ ржи на полти/ну какъ людомъ поц/нешь давать* (№ 364) [Зализняк 2004: 606] — перевод А. А. Зализняка: ‘Когда будешь продавать, дай нам ржи на полтину — как людям станешь давать (т. е. на тех же условиях)’ [Там же]. Обратим внимание на перевод и комментарий к нему А. А. Зализняка: *имешь продавать* переводится здесь как ‘будешь продавать’, чтобы передать отличие от еще менее формализованного *поцнешь давать* ‘станешь давать’, а в ком-

ментарии говорится, что «<с>очетание *поцнешь давать* 364 носит достаточно свободный характер <...> Несколько большей степенью грамматикализации, по-видимому, обладает сочетание *имешь прода-вать*» [Зализняк 2004: 607]. Сравнительно с сочетаниями с *почнешь иму*-конструкция в большей степени формализована, продвинута по пути грамматикализации, *иму*-глагол оторвался от своего лексического значения, но эта грамматикализация, по всей видимости, еще не была завершена.

Возможно, ситуация была менее продвинутой в Новгороде сравнительно с Центром и другими диалектными зонами, где эта конструкция в XIV в. была более употребительной [Юрьева 2011: 78]; обратим внимание также на то, что в материале берестяных грамот помимо рассмотренного примера *иму*-конструкция зафиксирована всего дважды в одной и той же грамоте № 962 XV в. (оба примера в условном предложении: *кто иметь тыи пожни косить. и азъ тыхъ поймаю* <...> *Толко, оспо, имете мене жаловать, оштошлите, осподо, {и}ко мнъ грамотьку до Петрова дни* [НГБ XII: 69, 73]), — ср. высокую употребительность *иму*-оборота в московских и других северо-восточных деловых документах XIV–XV вв. [Борковский 1949: 149; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Пенькова 2019].

Однако в целом, как кажется, применительно к собственно древнерусской эпохе (по XIV в. включительно) говорить о завершении грамматикализации конструкции *иму* + инфинитив еще рано. Конкуренция инфинитивных оборотов с *иму* и более свободных сочетаний с *почну* /*учну* и *стану* наблюдается и в московских документах XV–XVI вв. (см. [Кузнецов 1953: 254; Горшкова, Хабургаев 1981: 322]); о конкуренции *стану*, *почну* и *учну* см. [Молдован 2010: 9–10]). Каждый из этих оборотов, выражая наступление новой ситуации и относя ее к плану будущего, долго сохранял при этом свою семантическую специфику, связанную с лексическим значением формирующего конструкции глагола. *Иму*-оборот на значительной части вост.-слав. территории оказался наиболее конкурентоспособным: как мы видели, уже в позднерусскую эпоху значение его базового глагола *иму* фактически оторвалось от полнозначительного. Однако агентивность семантики с выраженным компонентом контролируемой начинательности (наступательности) не дает оснований считать эту конструкцию в древнерусском нейтральным грамматикализованным будущим временем. Грамматикализации этот оборот, по всей вероятности, достигнет в части вост.-слав. диалектов в старорусскую эпоху.

Литература, источники, сокращения

- Борковский 1949 — *В. И. Борковский*. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
- ВЛ — Волынская летопись XIII в. по Ипатьевскому списку [Ипат.: 848–938].
- Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017 — *А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Е. В. Торопова*. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Гудков 1963 — *В. П. Гудков*. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 38. Славянское языкознание. М., 1963. С. 38–45.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976.
- Живов 2008 — *В. М. Живов*. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели. Сборник в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 309–328.
- Живов 2017 — *В. М. Живов*. История языка русской письменности. Т. I. М., 2017.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку [Ипат.: 284–715].
- Кузнецов 1953 — *П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецов 1959 — *П. С. Кузнецов*. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Маслов 1961 / 2004 — *Ю. С. Маслов*. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Молдован 2010 — *А. М. Молдован*. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.
- НГБ XII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.

- НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- ПВЛ — Повесть временных лет [Лавр.: 2—286, Ипат.: 2—283].
- Пенькова 2019 — *Я. А. Пенькова*. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // *Slavistična revija*. 2019. Vol. 67. No. 4. С. 569—586.
- Попр.—ХП — *А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк*. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). Т. XII. М., 2015. С. 196—275.
- Потебня 1888 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. Харьков, 1888.
- СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.
- СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. I—. М., 1988—.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку [Лавр.: 287—488]. Срезн., III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912.
- СС 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. М. Благовой. М., 1994.
- Стойнова 2016 — *Н. М. Стойнова*. Аналитическая конструкция будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
- Хрест. — *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.
- Шевелева 2017 — *М. Н. Шевелева*. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194—218.
- Шевелева 2019 — *М. Н. Шевелева*. О древнерусском глаголе *имѣти*, possessивных конструкциях и сложном будущем с *имамь / имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32—50.
- Юрьева 2009 — *И. С. Юрьева*. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Юрьева 2011 — *И. С. Юрьева*. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68—88.
- SJS, IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. IV. Praha, 1997.

Я. А. Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Университет
Восточной Финляндии
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ
О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
ГЛАГОЛА *СТАТИ*
В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Научные интересы Александра Михайловича Молдована настолько обширны, что их без преувеличения хватило бы на несколько выдающихся ученых-филологов. Помимо магистральных направлений среди интересов юбиляра есть и частные сюжеты. Одному из таких сюжетов — истории фазового глагола СТАТЬ в русском языке — посвящена небольшая статья [Молдован 2010]. С этой статьей я познакомилась, еще будучи аспиранткой, когда работала над кандидатской диссертацией, связанной с историей будущего времени в древнерусском языке. Статья открывала для меня возможности на тот момент совершенно нового инструмента — Национального корпуса русского языка, показывая превосходство исследования, опирающегося на данные корпуса, над традиционной «интуитивной» лингвистикой. Однако одним из главных достоинств этой статьи было то, что в ней впервые на широком материале источников конструкция СТАТИ с инфинитивом исследовалась как один из элементов целостной эволюционирующей системы инхоативных конструкций с различными вспомогательными глаголами (ПОЧАТИ, НАЧАТИ, УЧАТИ, СТАТИ).

Имея возможность поздравить Александра Михайловича с юбилеем, я хотела бы предложить на суд юбиляра свой скромный вклад в дальнейшее исследование истории фазового глагола СТАТИ на материале исторических модулей НКРЯ. Эта работа фактически реализует программу, которая была сформулирована в [Молдован 2010], когда существовал только корпус современного русского языка, а диахронический корпус еще не был создан, — верифицировать наши представления об истории фазового глагола СТАТИ, сформулированные в докорпусную эпоху.

1. Предварительные замечания

Инфинитивной конструкции с глаголом СТАТЬ посвящена обширная литература. На материале современного русского языка различия между фазовыми глаголами СТАТЬ и НАЧАТЬ рассмотрены в работе [Короткова, Сай 2006]:

«Основное различие в семантике этих двух глаголов сводится к тому, что *начать*... делает акцент на фазовой структуре... тогда как для *стать*... фазовая структура события нерелевантна, внимание же акцентируется на контрасте между той временной зоной, когда Р имеет место, и предшествующей ей зоной, когда Р не имеет места»:

- (1) *Не критикуйте его, он только начал/*стал писать!* (т. е. он находится ещё в первой части писательского пути.) [Там же: 98].

В современном русском языке СТАТЬ в инфинитивных сочетаниях конкурирует не только с НАЧАТЬ, но и с БЫТЬ в форме будущего времени. Конкуренция конструкций СТАНУ + инфинитив vs. БУДУ + инфинитив подробно проанализирована Н. М. Стойновой [2019]. В указанной работе выявлены тонкие различия между вспомогательными СТАНУ и БУДУ на основе сравнения случаев их взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости. Последние объясняются тем, что в соединении с инфинитивом СТАНУ, в отличие от БУДУ, требует отчетливого контраста с настоящим или акцента на инхоативном компоненте, тогда как БУДУ такого ограничения не знает, ср:

- (2) *Нужно было успокоиться, то есть подумать о другом, и я вспомнил о том, что в семнадцать часов Р. будет <??? станет> ждать меня в Гидрографическом управлении* (В. Каверин. Два капитана (1938–1944)) [Там же: 67].

С диахронической точки зрения фазовый глагол СТАТИ также не раз становился предметом описания, однако в исторических грамматиках он упоминается лишь вскользь, поскольку остается «в тени» конструкции БУДУ + инфинитив, на которой и сосредоточено главное внимание авторов, ср. [Кузнецов 2005: 250–257; Горшкова, Хабургаев 1981: 317–325]. Более подробный комментарий о СТАТИ в соединении с инфинитивом можно найти в Исторической грамматике Е. А. Галинской [2016], которая фиксирует активизацию СТАТИ с инфинитивом с конца XVI в. Более высокая частотность СТАНУ в сравнении с БУДУ объясняется тем, что оборот СТАНУ + инфинитив, в отличие от БУДУ + инфинитив, входил в норму приказного языка [Там же: 391].

Х. Кржижкова в монографии о развитии аналитического будущего в славянских языках посвящает конструкции СТАНУ + инфинитив отдельную главу [Křížková 1960: 145–150]. Исследовательница указывает, что СТАНУ + инфинитив фиксируется в текстах с XVI в., однако употребляется редко (в деловом языке того времени преобладает перифраза *учну + инфинитив*). Исключение составляют два ранних примера из новгородских пергаменных грамот XII в. (**станеть тяжатися; станеть творить**), однако с оговоркой, что они дошли до нас в списках XVI в.

А. М. Молдован [2010: 7] добавляет к этим примерам еще один ранний случай фиксации рассматриваемой конструкции — из Новгородской первой летописи старшего извода: **с т а в и т и с я противоу нхъ съ своими людьми** [НПЛС 1950: 75], а также приводит многочисленные свидетельства других славянских языков, в которых глагол СТАТИ развивает употребления с инфинитивом. Опираясь на эти факты, исследователь выдвигает гипотезу о более раннем — предположительно, общеславянском — происхождении конструкции СТАТИ + инфинитив.

Х. Андерсен [Andersen 2006] предлагает внутригенетическую типологию перифрастического будущего в славянских языках, рассматривая инхоативные конструкции (с вспомогательными глаголами *иму, начьну, почьну, учьну*) как восточнославянскую особенность. Конструкция СТАНУ + инфинитив лишь вскользь упомянута в работе и отнесена к другому (маргинальному) типу, несмотря на то что она прекрасно вписывается в указанную закономерность, также представляя собой перифразу с инхоативом.

О. Сван в статье, посвященной анализу причин победы БУДУ + инфинитив в борьбе за роль аналитического будущего глаголов несовершенного вида, рассматривает конструкцию СТАНУ + инфинитив как одну из главных конкуренток БУДУ + инфинитив [Swan 2012]. Он считает, что БУДУ в конструкции с инфинитивом послужил лишь заменой вспомогательному глаголу СТАНУ в уже грамматикализованной форме аналитического будущего.

В [Пенькова 2019] этот тезис подвергается сомнению как не подтверждаемый данными источников. Согласно материалу старорусского корпуса, ни СТАНУ + инфинитив, ни БУДУ + инфинитив нельзя признать формами аналитического будущего в среднерусский период, поскольку они характеризуются низкой частотностью. О широкой степени их распространения можно говорить только начиная с конца XVII — начала XVIII в.

2. Источник грамматикализации СТАНУ + инфинитив

Вопрос об источнике грамматикализации СТАНУ + инфинитив не раз обсуждался в литературе. По мнению, высказанному в [Короткова, Сай 2006: 96], перед нами «классический случай грамматикализации» на основе связочных употреблений. Тот же тезис находим и у Х. Кржижковой:

«Etymologicky je stanu spojeno se stati = „stanouti“. Z tohoto významu je odvozeno stati-stanu ve významu „státi se (něčím, nějakým)“ a dále pak význam počátku nějaké činnosti» ‘этимологически *стану* связано со *стату* = “стать”. От этого значения произошло *стату-стану* в значении “стать кем-либо, каким-либо”, и далее [развилось] значение начала какого-либо действия’ [Křížková 1960: 145].

Исследовательница проводит аналогию с немецким вспомогательным глаголом WERDEN, оформляющим аналитическое будущее в соединении с инфинитивом в немецком языке. Исторически WERDEN образовывал инхоативную конструкцию только с причастием, а затем распространился и на конструкции с инфинитивом. Аналогичное развитие постулируется и для СТАТИ, однако предполагается также косвенное влияние других фазовых глаголов (НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ЪАТИ) [Там же: 146].

Несмотря на то что этот же маршрут для WERDEN + инфинитив признан во влиятельной работе [Heine, Kuteva 2002: 64–65], аналогия между СТАТИ и немецким вспомогательным глаголом WERDEN представляется не вполне оправданной, поскольку до сих пор не предложено надежного объяснения грамматикализации WERDEN + инфинитив: наряду с гипотезой, озвученной Х. Кржижковой, существует множество других гипотез, среди которых — фонетическая редукция (утрата презентным причастием конечного -d(e)), синтаксическая аналогия со средневерхненемецкими инхоативными конструкциями BEGINNEN/ERSTÄN ‘начать/встать’ + инфинитив [Willmanns 1897–1909, 3: 177] или с футуральными перифразами SULN/WELLEN ‘быть должным/хотеть’ + инфинитив [Harm 2001: 290–294], а также калькирование западнославянского аналитического будущего с вспомогательным *VQDQ [Leiss 1989] и другие гипотезы, см. также [Jäger 2020].

В диссертации, посвященной формированию аналитического будущего с глаголом ‘быть’ в славянских языках, американская славистка М. L. Whaley косвенно затрагивает вопрос о грамматикализации СТАТИ с инфинитивом в истории русского языка, проводя ана-

логию между БУДУ и СТАНУ [Whaley 2000: 141–143]. По мнению исследовательницы, СТАНУ, как и БУДУ, развился в фазовый глагол, способный присоединять инфинитив НСВ, благодаря возможности употребляться в качестве связки с трансформативным ('change of state') значением.

Истории СТАТИ в качестве связки при именном сказуемом посвящена статья Д. В. Руднева [2010], который отмечает, что связочные употребления у этого глагола в древнерусском языке очень редки, а инфинитивные развиваются не ранее XVI в. Вопрос о диахронической связи между связкой и инхоативным вспомогательным глаголом СТАТИ автор не рассматривает.

Таким образом, в литературе абсолютно преобладает точка зрения, что инхоативная конструкция СТАТИ + инфинитив развивается на основе трансформативного значения СТАТИ (связочных употреблений), т. е. возникает в результате синтаксической аналогии. При этом такая точка зрения, вполне обоснованная типологически, ни в одной из указанных работ не подкреплена данными источников.

Грамматикализация глаголов движения и позиции, к которым при-мыкает и глагол СТАТИ, рассматривается в монографии Т. А. Майсак [2005]. В центре внимания автора — глаголы позиции, прежде всего, с чисто стативными значениями 'сидеть', 'стоять' и т. п., однако в разделе о периферийных путях грамматикализации бегло упоминаются и глаголы с семантикой 'подниматься, вставать'. Исследователь показывает, что глаголы позиции, наряду с более типичными для них путями грамматикализации, могут также развиваться в инхоативы, показатели перфектива, гортатива, следования и эпистемической возможности. Однако СТАТИ не является типичным глаголом позиции, поскольку имеет в семантике динамический компонент изменения положения в пространстве, — следовательно, может обладать свойствами не только глаголов позиции, но и глаголов движения. И если первым не свойственно развиваться в инхоативное будущее, то для вторых это является весьма типичным (ср. широкую склонность глаголов со значениями 'идти', 'приходить' эволюционировать в показатели футурума [Bybee et al. 1994]). Немецкий глагол WERDEN с исконным значением 'повернуться', также совмещающий семантические компоненты движения и позиции, в этом отношении как раз близок глаголу СТАТИ.

Цель настоящей работы — верифицировать пути грамматикализации конструкции СТАТИ + инфинитив, обратившись к материалу исторических модулей Национального корпуса русского языка:

древне-, среднерусского подкорпусов и корпуса берестяных грамот. Мы будем различать употребления СТАТИ в качестве матричного предиката в различных значениях (СТАТИ¹), в роли связки с трансформативным значением (СТАТИ²) и в конструкции с инфинитивом в инхоативном значении (СТАТИ³), ср. соответственно примеры (3), (4) и (5):

- (3) Да станемъ въ ноши на мѣтвѣ аще же и в полоу ноши [Пчела]¹;
- (4) А дворовъ было в Застении тогда 6500... а всѣ были жилы, а стали пусты от намѣстниковъ и их тиуновъ [Отрывок из Копенгагенского сборника (1456–1510)];
- (5) А мы псковичи отъидемъ от великого князя в Литву или в Нѣмцы или о себѣ станемъ жити безъ государя, ино на нас гнѣвъ Божии, глад и огонь и потопъ и нашествие поганыхъ [Псковская 3-я летопись: Архивский 2-й список (1400–1650)].

3. Лексическая многозначность *стати*

Глагол СТАТИ¹ обладает широко развитой многозначностью: в Словаре древнерусского языка [СДРЯ: 520–529] у глагола СТАТИ выделяется 22 значения, в Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ: 22–27], привлекающего также материал более поздних памятников, — 32 значения, 28 из которых представляют собой полнозначенательные употребления:

1. ступая, занять какое-л. место или принять какое-л. положение; статья;	7. выступить против кого-, чего-л., воспротивиться;
2. остановиться, достигнув какого-л. места;	8. встать на защиту кого-, чего-л., заступиться за кого-, что-л.;
3. расположиться, остановиться где-л. (лагерем, на постой, жительство и т. п.);	9. занять какое-л. общественное положение, вступив в какой-л. сословный разряд, получив какую-л. должность, титул, сан;
4. явиться, предстать;	10. оказаться (в каком-л. состоянии, положении);
5. встать (на ноги), подняться;	
6. подняться, ополчиться против кого-л.;	

¹ Здесь и далее, если не указано иное, цитаты, названия источников и их датировка приводятся в соответствии с НКРЯ.

11. осуществить действие,
названное именем
существительным;	20. покрыться льдом,
замерзнуть;
12. устоять, выстоять;	21. установиться, образоваться
(о зимнем пути, ледяном
покрове);
13. сохраниться,
не исчезнуть;	22. простоять (о погоде);
14. прекратиться;	23. остаться (без чего-л.);
15. возникнуть, появиться,
создаться;	24. хватить, быть достаточным
или иметься в достаточном
количестве;
16. настать, наступить,
начаться;	25. хватить на что-л.;
17. произойти, случиться;	26. обойтись в какую-л. сумму,
стоить;
18. простереться,
расположиться;	27. получиться в сумме, в итоге;
19. поместиться;	28. подтвердиться.

Несмотря на такой широкий семантический диапазон, все употребления можно разделить на несколько больших типов. Так, отчетливо выделяется группа значений, связанных исконной архетипической семантикой *изменения положения в пространстве* — перехода в вертикальное положение (1, 5). Эти значения становятся источником и для многочисленных метафорических употреблений (4, 6, 7, 8, 11, 12).

Вторая группа значений — *локативные*. Они возникают тогда, когда фокус с компонента ‘изменение позиции’ переносится на результирующую фазу — нахождение в каком-либо месте как результат осуществленного движения. В этом случае СТАТИ расширяет семантику до ситуаций, в которых положение субъекта уже не имеет значения, а важна только локация. На данном этапе субъектом могут становиться также неодушевленные имена существительные:

- (6) **Прїиде тоу҃ча. Ѡ вѣстока мала. и ста на(д) верхомъ не покрыты(м) тоа цѣкве. и шдож(д)и надъ гровомъ стѣмъ** [Хожение игумена Данила].

К локативным значениям можно отнести значения 2, 3, 18, 19; а их метафорическими расширениями являются, по всей видимости, значения 9 и 10. В локативной группе отдельное место занимают значения, в которых конечная точка движения осмыслена не как результат, а как остановка, т. е. прекращение движения (2). Последние могут быть источником таких событийных значений, как 14 (‘пре-

кратиться') и 20 ('покрыться льдом, замерзнуть', т. е. остановиться в результате замерзания').

Третья группа значений — *бытийные* (13, 14, 15, 16, 17). Они, по-видимому, являются производными от локативных. На этом этапе эволюции семантики глагол СТАТИ расширяет сочетаемость до событийных имен существительных:

(7) *Люта сѣѣча ста шкрѣсть съсѣдѣ* [История Иудейской войны Иосифа Флавия].

Отдельно можно выделить и особые, *количественные* значения СТАТИ типа 'хватить, быть достаточным' и под. (24, 25, 26, 27), являющиеся производными от бытийных употреблений. Эти употребления развиваются относительно поздно (фиксируются не ранее XV в.) и очевидным образом не служат источником превращения в глагол-связку или инхоатив.

В типологической литературе предлагаются следующие схемы семантической эволюции глаголов позиции: от исходного употребления к локативному и далее бытийному глаголу с последующим развитием в аспектуальный показатель. В самом общем виде эта семантическая эволюция выглядит следующим образом:

позиция > *локативность* / *бытийность* > *аспектуальность* (см. подробнее [Майсак 2005: 269] со ссылкой на другие работы).

По мнению Т. Кутевой, локусом грамматикализации глаголов позиции является сочинительная биклаузальная конструкция в сочетании с расширенным использованием глагола позиции, ср.:

(8) болг. *Дрехите седят в коридора и сбират прах* 'одежда находится в коридоре и собирает пыль' [Kuteva 1999: 206–210].

Однако Т. А. Майсак ставит под сомнение обязательность расширенного локативного употребления глагола позиции, так как существуют языки, в которых глаголы позиции грамматикализованы как различные аспектуальные показатели, однако при этом не имеют локативных употреблений. Иными словами, глагол позиции может напрямую грамматикализоваться в аспектуальный показатель, даже если он не эволюционировал в локативный глагол или в связку [Майсак 2005: 272].

Т. А. Майсак [там же: 354–356] также описывает пути эволюции конструкций с глаголами движения и позиции в показатели будущее-

го времени и показывает, что глаголы движения развивают значение будущего времени через стадию обозначения движения субъекта к цели, тогда как глаголы позиции (типа ‘сидеть’, ‘стоять’) — через нахождение рядом с ситуацией: ‘субъект находится возле Р’ > ‘субъект вот-вот осуществит Р’.

Перейдем к анализу древне- и среднерусского материала и попытаемся реконструировать пути грамматикализации СТАТИ.

4. Употребления глагола стати по данным древнерусского корпуса

Древнерусский период предшествует широкой фиксации инхоативных инфинитивных конструкций с вспомогательным СТАТИ в письменности. На наш взгляд, именно в этот период следует искать предпосылки грамматикализации СТАТИ с инфинитивом. На материале древнерусского корпуса были отобраны все контексты с глаголом СТАТИ (496 примеров). К этим примерам были также добавлены четыре контекста из корпуса берестяных грамот. Затем все примеры были классифицированы по следующим типам: СТАТИ как глагол позиции, как локативный глагол, как бытийный одностный предикат, как глагол-связка (двухместный предикат с трансформативным значением) и как аспектуальный инхоативный показатель.

В качестве глагола позиции СТАТИ довольно широко представлен в древнерусских памятниках. В рамках этого типа мы рассматриваем как прямые (9), так и переносные употребления (10), источником метафоризации которых, очевидным образом, является СТАТИ в своем исконном значении, ср.:

(9) **Толко в (д)ентъи сѣтанѣть коли мажють и мюромь** [Вопрошание Кириково];

(10) **И не имамъ оубѣгнѣти. но станемъ крѣпко** [Повесть временных лет].

СТАТИ наиболее частотен в древнерусских памятниках как локативный глагол: именно этот тип составляет более половины от общего числа употреблений. В локативных контекстах интерпретация СТАТИ может быть амбивалентна: в некоторых случаях провести четкую границу между значениями ‘расположиться’, ‘занять позицию для во-

енных действий' и 'прекратить движение, остановиться' оказывается весьма непросто. Приведем пример:

- (11) и идоша · Гдрополкъ · Гюрги · Андрѣи · к Чернигову на Улго-
вичѣ · и с т а ш а н е дошедше города · [‘расположились около
города / остановились около города’] и стоаше нѣколко
днѣи · и воротишася [Суздальская летопись].

Контексты, в которых СТАТИ употреблен как бытийный одноместный предикат, встречаются значительно реже — их менее 5 % от общего числа употреблений, однако это может быть связано исключительно с редкой фиксацией таких контекстов в источниках. СТАТИ как бытийный одноместный предикат встречается в таких архаичных памятниках, как «Повесть временных лет», Новгородская Первая летопись старшего извода, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, так что не возникает сомнений в том, что СТАТИ мог употребляться в такой функции уже в раннедревнерусский период, ср.:

- (12) И ѿтолѣста дороговъ купляху хлѣбъ по · бѣ коунѣ · а кады
ржи по · г · грѣнѣ [Новгородская 1-я летопись. Синодальный
список];
- (13) Днѣи тѣми ина бѣ да с т а в ѣ Іер(ѣ)лмѣ. [История Иудей-
ской войны Иосифа Флавия].

Употребления СТАТИ², т.е. двухместного связочного предиката, в древнерусском корпусе единичны. Фиксируется три одинаковых примера (статѣ цѣсаремь) в «Повести о взятии крестоносцами Царьграда» в составе Новгородской Первой летописи старшего извода, приведем один из этих контекстов:

- (14) В ѣ цр(ѣ)твѣ нсаковѣ вра(тѣ) свокого кго же слѣпивъ а самъ
ц(ѣ)рмь с т а [Новгородская 1-я летопись. Синодальный
список].

По данным Д. В. Руднева [2010], еще по одному примеру обнаруживается в Рязанской кормчей, Хронике Георгия Амартола и пергаменной грамоте 1393 г., не входящих в состав древнерусского корпуса: аще кто неоженився станеть презвѣтгером (КР 1284, 66б–в), еп(с)пмъ стати (ГА XIII–XIV, 78об.), мон были слуги и тни стали нам ворог (ГР 1393, I) (цит. по: [Руднев 2010: 181]).

Малочисленность примеров с *СТАТИ* в роли связки заставляет внимательнее присмотреться к нескольким имеющимся контекстам. Так, все три однотипных примера из Новгородской Первой летописи старшего извода расположены довольно близко друг к другу в одном и том же памятнике — «Повести о взятии Константинополя крестоносцами». Все примеры сосредоточены во фрагменте, описывающем события осады Константинополя, в течение которой происходила частая и быстрая смена императоров:

- (15) Царствующую Ольксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ, брата своего, егоже слѣпивъ, а самъ цесаремъ ста... <...> погна Исаковица по цесари Олексе съ фрягы... и съгна отца съ прѣстола, а самъ цесаремъ ста... <...> Мюрчюфль... Ольксу Исаковица ѹтвърди въ стѣнѣхъ, а самъ цесаремъ ста... <...> поставиша цесаря своего Латина Кондо Фларенда... [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список].

Не следует ли нам во всех трех случаях понимать форму *цесаремъ* не как творительный предикативный, а как творительный превращения, подчеркивающий временность нахождения различных персонажей на месте императора? В этом случае можно предположить, что здесь употреблен все еще *СТАТИ*¹, а не *СТАТИ*², т. е. глагол позиции, а не связка. Метафоризация в целом чрезвычайно характерна для этого глагола (см. выше), так что можно привести множество примеров в конструкциях не только с творительным падежом существительного, но и с другими предложно-падежными формами, в которых *СТАТИ* просто подвергается метафоризации и еще явно функционирует не как связка:

- (16) Нѣ паки на зимуѣ ста вса зима тепломь ·и дѣжгемь и громъ вы(с) · [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список];
- (17) яко ст а т и грѣчкои земли на рѹскои земли. а рѹскои на грѣчкои [Повесть временных лет. Ипатьевский список];
- (18) кровь же гако езеро ста по всемоу граду. гако и пламень. и вса горщица погасиса кровню. [История Иудейской войны Иосифа Флавия].

В СДРЯ примеры употребления *СТАТИ* с творительным падежом имени существительного также не рассматриваются как связочные.

Все цитированные выше примеры, за исключением примера из грамоты 1393 г., в этом словаре отнесены к полнозначительным употреблением СТАТИ в значении ‘занять, получить какое-либо место, сан’. В словаре наряду с примерами, чрезвычайно напоминающими связочные, приведены также контексты с незаполненной позицией дополнения, подтверждающие то, что СТАТИ в данном случае не является чистой связкой, ср.:

- (19) **с т а в и л ь б о к ю** [архиеп. Нифонта] **б а ш е и з а с л а (в) . с ь к п (с) п ы р о у (с) с к ы п а о б л а с т и . н е с л а в ь ц (с) р ю г р а (д) . а н и ф о н т ь т а к о м ь л в л а ш е . н е д о с т о и н ь к с т ь с т а л ь . о ж е н е б л г (с) н ь к с т ь ѿ в е л и к а г о с в о р а .** (ЛН XIII₂, 26, 1149 г.) [СДРЯ: 524].

Это подтверждается и явным соотношением СТАТИ с каузативом СТАВИТИ в данном контексте (ср. также соотношение СТАТИ с каузативом ПОСТАВИТИ в 15). Как бы мы ни интерпретировали приведенные выше примеры из «Повести о взятии Царьграда», о грамматикализации СТАТИ² как связки применительно к древнерусскому периоду говорить, по всей видимости, рано, однако тенденция к такой эволюции явно прослеживается, ср. фактически единственный надежный пример из грамоты 1393 г. с именительным предикативным (в [СДРЯ: 524] СТАТИ рассматривается как связка только в этом единственном случае).

СТАТИ³ в качестве аспектуального показателя с инфинитивом в древнерусском корпусе не представлен вовсе. За исключением трех примеров, цитируемых А. М. Молдованом, других контекстов с СТАТИ³ в конструкции с инфинитивом обнаружить не удастся. Следует ли нам, несмотря на практически полное отсутствие примеров, признать грамматикализацию СТАТИ + инфинитив в древнерусском языке завершившейся, однако плохо задокументированной источниками, или же необходимо считать приводимые примеры из пергаменных грамот результатом позднейших изменений, внесенных при копировании? В последнем случае, в частности, невозможно объяснить, почему все три списка грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю (XVI, XVII и XVII–XVIII вв.) не имеют разночтений в употреблении СТАТИ [Молдован 2010: 7].

Как кажется, на основе данных исторического корпуса можно попытаться разрешить противоречие между малочисленностью примеров и отсутствием разночтений в списках грамот.

Рассуждая о путях грамматикализации глаголов движения и позиции, следует учитывать не только их семантическую эволюцию,

но и характер конструкций, в которых они употребляются, поскольку именно из свободных синтаксических сочетаний и развиваются грамматические показатели. Прежде всего рассмотрим такие конструкции, в которых в клаузе, контактной со СТАТИ, употреблен инфинитив.

Таких примеров всего два: по одному в «Хождении Даниила игумена» и в Новгородской Первой летописи (последний пример — тот же, который приводит А. М. Молдован в подтверждение более ранней грамматикализации СТАТИ с инфинитивом), ср.:

- (20) Тоу же бо у мостоу то(г). кнѣзь балвинъ с т а л ъ ш б ѣ д а т ь с в о и с в о и м и . т о у ж е и м ы с т а х о м ѡ т ѡ [Хождение игумена Даниила];
- (21) Кнѣзь же романъ ннѣгоровичъ. с т а б и т и с ѡ п р о т и в о у и х ѡ т ѡ . с ѡ с в о и м и л ю (д) м и . [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список].

К этим примерам можно также добавить контексты с супином, который довольно рано вытеснялся инфинитивом, ср.:

- (22) Придоша подѣ городѣ. подѣ Полтовескѣ. тоу же с т а ш а н а н о щ ѣ . ш п о ч и в а т ь с о б ѣ . и т а к о и з в и т и в ы ш а в с и [Волынская летопись];
- (23) И не бѣ лѣзѣ прони пороговѣ. и с т а з и м о в а т ь в ѣ б ѣ л о в е р е ж ѣ . н е б ѣ в н и (х) в р а ш н а . и б ы (с) г л а д ѣ в е л ѣ к ѣ [Повесть временных лет. Ипатьевский список].

Все эти конструкции одного характера. В них СТАТИ употреблен как предикат с локативным значением ‘расположиться; остановиться’, а клауза с инфинитивом или супином сообщает о цели этой остановки. Наличие инфинитива в этих примерах не превращает автоматически СТАТИ в инхоатив, он все еще остается локативным глаголом, как во многих других употреблениях, в которых цель остановки выражена другими грамматическими средствами, ср.:

- (24) Заоутра же в середѣ вѣсташа поздѣ и не дошедѣше с т а ш а о у в а с и л е в а ш б ѣ д у . [Киевская летопись // Ипатьевский список];
- (25) До землѣ падѣ по семь роуцѣ съвѣзавѣ и влѣговѣнно с т а в ѣ д а о ж и д а к т ь ч т о к м о у ѿ н е г о г л а н о б о у д е т ь . л и с в о к м о л е н н и к к н е м о у д а с ѣ т в о р и т ь [Студийский устав];

- (26) **Ї ста слѹжбѣ его жды дондеже скончае(т). жерѣтвѹ**
[Хождение Антония].

Такую же интерпретацию СТАТИ как полнозначного глагола позиции, а не инхоативного вспомогательного глагола, можно предложить и для примера из грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю:

- (27) **А кто почынетъ въстоупатися въ ток землю... и онъ въ второк**
пришьствникъ стане ть тяжатися [‘станет/предстанет,
чтобы судиться’] съ святымъ Пантелеимономъ (ГВНП: 141,
1146–1155 гг.).

Такой СТАТИ в значении ‘встать перед кем-либо; явиться, предстать’ весьма частотен в древнерусской письменности, ср. примеры из [СДРЯ: 524–526], а также из корпуса берестяных грамот и древнерусского корпуса:

- (28) **[н]а сѹд[ъ]: і не ста филипецъ ... (пос)лахомъ грамотѹ**
весѹднѹ:(ю) ... (Берестяная грамота № 137) [ДБГ];
- (29) **да выхъ в сѣи сорочици смѣртъ приялъ и сталъ предъ бѣмъ**
[в] кровавѣ сорочицѣ [Повесть временных лет. Ипатьевский список];
- (30) **воу(д) г(ѣ)и бѣ мл(ѣ)твыи члѣквече. въ ономъ вѣцѣ стати.**
со всѣми оугодившими ти ѿ вѣка [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список].

Еще более показательные контексты обнаруживаются в поздних грамотах XV в., ср.:

- (31) **Стать им, господине, о том перед тобою, перед великим**
князем на Ильин день, а хто не станет, тот без суда виноват;
яз же, господине, Игнатей старец в Якушово место посельского
перед тобою, перед великим князем, на срок и скати стал,
а становщик, господине, Якуш, да Костя, да Ёска перед тобою,
перед великим князем, на тот срок отвечати не стали,
а уже, господине, по сроце пятая неделя, а их таки нет;
а пристав твой, господине, Олешка Чюбаров перед тобою
на срок у дела не стал же. [Правая грамота суда Ивана Суморокова,
по докладу в. кн. Дмитрию Ивановичу, посельскому митрополичьего села Куликовского Ване на Иконническую
землю... (1498)];

- (32) На ўтрини же в недѣлю 26 ноавря обидящен и обидѣные всѣ стали перед великим княземъ на Городище, старосты ўлицкые Главковы и Микытины съ всѣми ўличаны... а Василен Онаньинъ посадник и с прочими преже написанными, на них же жалоба, отвѣчати стали. [Московский летописный свод (1479–1492)].

О том, что в процитированных примерах СТАТИ еще употреблен в качестве полнознаменательного глагола со значением ‘явиться, предстать перед кем-л.’ в конструкции с инфинитивом цели, свидетельствует соседство клауз с СТАТИ без инфинитива, с одной стороны, и сохранение предложно-падежной группы ПЕРЕД + сущ., с другой.

Такого рода конструкции могли послужить локусом грамматикализации для инхоативной конструкции СТАТИ с инфинитивом, однако для древнерусского периода, как и для раннесреднерусских примеров (31–32) говорить об инхоативном значении СТАТИ, по-видимому, еще нет надежных оснований.

Еще один древнерусский источник, в котором мы как будто находим инхоативную конструкцию СТАТИ + инфинитив, — Духовная Антония Римлянина:

- (33) А которой братъ нашъ да от мѣста сего начнетъ хотѣти нꙋгꙋменства или мздою или насильемъ, да бꙋдетъ проклятъ; или ото князя начнетъ по насилью дѣяти кому или по мздѣ, да бꙋдетъ проклятъ; или епискꙋпъ по мздѣ начнетъ кого ставити или инъ станеть насильствомъ творити на мѣстѣ семъ, да бꙋдетъ проклятъ [ГВНП: 160, не позднее 1147 г.].

Эта грамота, как и грамота Изяслава Мстиславича, сохранилась только в поздней копии XVI в.² Здесь трижды употреблена другая инхоативная конструкция с НАЧАТИ (начнетъ хотѣти, начнетъ дѣяти, начнетъ ставити). Кроме того, в клаузе, непосредственно предшествующей форме станеть, находится однокоренной каузатив ставити в значении ‘поставить на должность’, ср. выше аналогичный пример (19) с полнознаменательным СТАТИ, соотносимым с каузативом СТАВИТИ. Не следует ли нам и здесь понимать станеть как ‘вступит в должность’: ‘Или епископ, получив взятку, будет давать должности,

² Известна также дискуссия о подлинности Духовной Антония Римлянина (см. подробнее, например, [Тихомиров 1945]).

или кто-нибудь **вступит** (на епископскую кафедру)? Тогда следующую далее форму **творитъ** (NB! не **творити**) можно рассматривать как форму 3 л. ед. ч. презенса, а не как инфинитив: ‘займет епископскую кафедру [и] творит насилие’. Тем более что в этой грамоте больше нет ни одного инфинитива, который бы демонстрировал отпадение конечного *-и*.

Таким образом, говорить о том, что уже в древнерусском языке СТАТИ мог употребляться как аспектуально-фазовый показатель, нет надежных оснований. Во всех случаях соседство СТАТИ с инфинитивом может быть объяснено иначе, в большинстве случаев — целевым значением инфинитивной клаузы.

5. Употребления *стати* в памятниках XV в. (по данным старорусского корпуса)

Рассмотрим характер употреблений СТАТИ в памятниках ранне-среднерусского периода (XV в.), который непосредственно предшествует широкой фиксации инхоативной конструкции СТАТИ + инфинитив, приходящейся на XVI в. В этот период СТАТИ продолжает употребляться как глагол позиции, локативный и бытийный одноместный предикат. Однако соотношение между этими типами несколько меняется: бытийных контекстов становится значительно больше — около 30 % от общего числа примеров. При этом употребления, в которых СТАТИ можно интерпретировать как связку в именном сказуемом, все еще единичны и представлены только в списках XVI–XVII вв.

- (34) **Тон же Никита посылаа ратных людеи в замиреныя мѣста, отколе хлѣб шол во Псков, воевати для своен корысти; и оттого стал хлѣб во Пскове дорог, а людем всяким погибель послѣдняя.** [Псковская 3-я летопись: Архивский 2-й список (1400–1650)];
- (35) **И ѣздилъ владыка в Смоленско и сталъ владыкою.** [Повесть о житии Михаила Клопского (1477–1480)].

И даже эти примеры неоднозначны: в примере (34) СТАТИ соотносится одновременно с существительными ХЛѢБЪ и ПОГИБЕЛЬ, и в контексте второго имени существительного он функционирует все еще как одноместный бытийный предикат — ‘наступила погибель’. В примере (35) СТАТИ также можно интерпретировать как пол-

нознаменательный глагол в значении ‘занять, получить какое-либо место, сан’ (см. аналогичные примеры выше).

Примеры инхоативной конструкции СТАТИ + инфинитив также единичны и фиксируются только в списках не ранее XVI–XVII вв. Самые ранние примеры в памятниках, созданных в XV в., — в «Данной новгородской посадницы Марфы, жены Исаака Борецкого, Соловецкому монастырю на вотчину от Умбской межи до Красной щелейки и на тони» 1469–1470 г. (грамота сохранилась в списке XVII в.), в подложной «Жалованной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича» (список XVI в.) и в «Памятниках дипломатических сношений с Римскою империею» [Пенькова, Крысько 2020]:

- (36) *А хто мою вотчину ꙗ нꙋмена Зосимы и ꙗ старцевъ отонметъ или станеть вступатися, и мнѣ с нимъ сꙋднитися передъ Христомъ.* [Данная новгородской посадницы Марфы, жены Исаака Борецкого, Соловецкому монастырю на вотчину от Умбской межи до Красной щелейки и на тони (1469–1470)];
- (37) *А которые мои прародители сей мой обет порꙋшат, или что станꙋт с Троецкие вотчины имати какꙋю подать, им бꙋдет сꙋд со мною перед спасом в бꙋдꙋщем вѣце* [великий князь Димитрий Иванович Донской. Жалованная тарханная и несудимая грамота — подложная — в. кн. Дим. Ивановича Донского Тр.-Сергиеву м-рю на все его вотчины (1450–1550)];
- (38) *А что станеть говорити и сказывати тебѣ, то какъ бы мы межи собою братне говорили* (1492 г.) [Рим. имп. д. I: 70].

Другие примеры с инхоативом СТАТИ в источниках XV в. — только из Псковской Третьей летописи, составленной в XVI в., однако в НКРЯ входящей в подкорпус текстов XV в.

Малочисленность примеров с инхоативом СТАТИ³ и связкой СТАТИ² в подкорпусе источников XV в. согласуется с описанными выше особенностями функционирования этого глагола в древнерусский период. При этом распространенная в литературе точка зрения о том, что инхоативная конструкция СТАТИ + инфинитив развивается из связочных употреблений, не подтверждается. Характер источников свидетельствует о том, что связочные и инхоативные употребления у СТАТИ развиваются практически параллельно лишь с небольшим отставанием последних относительно первых.

Если наши предположения верны и локусом грамматикализации СТАТИ являются не связочные употребления, а конструкции с инфинитивом цели, то можно ожидать, что в употреблениях СТАТИ с инфинитивом первое время будут преобладать предикаты с семантическим признаком контролируемости действия (39), поскольку только такие глаголы возможны в контексте инфинитива цели. Затем по мере эволюции конструкции сочетаемость будет расширяться, и предикаты, обозначающие неконтролируемые ситуации, начнут вовлекаться активнее (40):

- (39) **хотя мне о которых делех советники мон отговаривати станут, и яз их не стану слүшати, а буду делати, что годно брату моему, а вашему государю** [Статейный список Ф. А. Писемского (Англия) (1582–1583)];
- (40) **и как те часы станут битъ перечестье, в то время видимо, что люди, вырезанные из дерева, бьют** [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].

Если же мы имеем дело с дальнейшей грамматикализацией связки, то такой закономерности едва ли можно ожидать. Напротив, СТАТИ в роли связки развивается из одноместного бытийного предиката СТАТИ, который как правило употребляется в контекстах, не связанных с агентивностью, ср.:

- (41) **кровь же тако езеро с т а по всемоу градуу** [История Иудейской войны Иосифа Флавия].

Приведем данные о количественном соотношении агентивных и неагентивных инфинитивов в конструкции со СТАТИ в старорусском корпусе (в объеме текстов XV–XVII вв.). В таблице ниже приведена классификация контекстов со СТАТИ отдельно для форм презенса (PRS) и прошедшего времени типа *стал*- (PST), отдельно в памятниках XVI и XVII вв., а также совокупно за весь среднерусский период. Второй строкой указана доля от общего числа употреблений за определенный период.

Таблица показывает, что агентивные контексты у СТАТИ существенно преобладают над неагентивными. Однако при этом существенной динамики в изменении этого соотношения между памятниками XVI и XVII в. не наблюдается. Более того, в текстах XVII в. доля агентивных контекстов для конструкций с *л*-формами как будто даже немного возрастает. Однако такой незначительный рост за неболь-

Таблица 1. Соотношение агентивных и неагентивных употреблений конструкции СТАТИ + инфинитив

Дата	PRS			PST			Общее число
	Агентивные	Неагентивные	Всего	Агентивные	Неагентивные	Всего	
XVI в.	54 93 %	4 7 %	58	27 63 %	16 37 %	43	101
XVII в.	212 88 %	29 12 %	241	115 72 %	44 27 %	159	400
Всего	266 89 %	33 11 %	299	142 70 %	60 30 %	202	501

шой хронологический промежуток едва ли следует рассматривать как значимый. Если мы сравним ситуацию в среднерусский период с таковой в русском языке XIX в. и в языке XX–XXI вв., то обнаружим ровно противоположную тенденцию — постепенное увеличение доли неагентивных контекстов. В этом легко убедиться, если взять случайные двести примеров из подкорпуса текстов XIX в. и из подкорпуса текстов XX–XXI вв. и посчитать в них долю агентивных и неагентивных контекстов, ср. таблицу 2:

Таблица 2. Сопоставление характера употреблений конструкции СТАТЬ + инфинитив в русском языке в разные периоды

	Среднерусский корпус (XV–XVII в.)	Корпус XIX в.	Современный
Агентивные	408 81 %	132 66 %	114 57 %
Неагентивные	93 19 %	68 34 %	86 43 %
Всего	501	200	200

Как видно из таблицы, соотношение агентивных и неагентивных контекстов для СТАТЬ в выборке примеров из современного русского языка изменилось, и доля последних существенно возросла в сравнении со среднерусским периодом. Такая динамика может служить хорошим подтверждением нашей гипотезы о том, что грамматикализация СТАТИ не связана с развитием у этого глагола связочных употреблений и не является синтаксической аналогией и «классическим

случаем грамматикализации» связки, а развивается из конструкций с полнознаменательным СТАТИ как глаголом позиции или глаголом локализации в соединении с инфинитивом цели.

Типологически такое развитие также хорошо известно — так могут вести себя глаголы движения на пути к превращению в показатель будущего времени [Майсак 2005: 354–356; Hilpert 2008: 117].

Косвенным доказательством того, что источником грамматикализации конструкции СТАТИ + инфинитив служит именно полнознаменательный СТАТИ¹, а не связка СТАТИ², является калькирование этой русской конструкции в водском и ижорском языках. В них глагол NEISA/NOIZA с исконным значением ‘встать’ служит вспомогательным глаголом для образования инхоативной конструкции с референцией к будущему [Metslang 1996: 134].

Литература и источники

- ДБГ — Древнерусские берестяные грамоты <http://gramoty.ru/birchbark/> [Электронный ресурс] (дата обращения 16.10.2020).
- Галинская 2016 — *Е. А. Галинская*. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М., 2016.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для университетов. М., 1981.
- Короткова, Сай 2006 — *Н. А. Короткова, С. С. Сай*. Глагол «стать» в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 2–4 ноября 2006 г.): Материалы. Под ред. А. П. Выдрина, Д. В. Герасимова, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заики, С. С. Сая. СПб., 2006. С. 96–101.
- Кузнецов 2005 — *П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. 2-е, испр. М., 2005.
- Майсак 2005 — *Т. А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Молдован 2010 — *А. М. Молдован*. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения 16.10.2020).

- НПЛС 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67. No. 4. С. 569–586.
- Пенькова, Крысько 2020 — Я. А. Пенькова, В. Б. Крысько. Будущее время // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2020. С. 21–30.
- Рим.имп.д. I — Памятники дипломатических сношений с Римской империей, т. I (с 1488 по 1594 г.). СПб., 1851.
- Руднев 2010 — Д. В. Руднев. Из истории образования связочного глагола *стать* // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. № 1. С. 180–185.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. XI (свѣне — стагъ). Гл. ред. В. Б. Крысько. М., 2016.
- СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28 (Старичекъ — Сулебный). Гл. ред. В. Б. Крысько. М., 2008.
- Стойнова 2019 — Н. М. Стойнова. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 1 (37). С. 58–82.
- Тихомиров 1945 — М. Н. Тихомиров. О частных актах в древней Руси // Исторические записки. Т. 17. Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1945. С. 225–244.
- Andersen 2006 — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation. Eksell K., T. Vinther (eds.). Bern, 2006. P. 9–45.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, W. Pagliuca, R. Perkins. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Harm 2001 — V. Harm. Zur Herausbildung der deutschen Futurumschreibung mit *werden* + Infinitiv // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 68. 2001. S. 288–307.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Hilpert 2008 — M. Hilpert. Germanic future constructions: a usage-based approach to language change (= Constructional Approaches to Language, vol. 7). Amsterdam–Philadelphia, 2008.
- Jäger 2020 — A. Jäger. The origin of German *werden* + infinitive future — an alternative scenario // Sprachliche Diversität: Theorien, Methoden, Ressourcen. 42. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft / 04.–06. März 2020. Universität Hamburg. P. 178.

- Křížková 1960 — *H. Křížková*. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960.
- Kuteva 1999 — *T. Kuteva*. On ‘sit’/‘stand’/‘lie’ auxiliation // *Linguistics*. No. 37 (2). 1999. P. 191–213.
- Leiss 1989 — *E. Leiss*. Zur Entstehung des neuhochdeutschen analytischen Futurs // *Sprachwissenschaft*. 10. 1989. S. 250–273.
- Metslang 1996 — *H. Metslang*. The Development of the Futures in the Finno-Ugric Languages // *Estonian: Typological Studies I. Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised* 4. M. Ereht (ed.). Tartu, 1996. P. 123–144.
- Swan 2012 — *O. E. Swan*. Why *budu*? // *Russian Linguistics*. No. 36. 2012. P. 305–318.
- Whaley 2000 — *M. L. Whaley*. The evolution of the Slavic ‘BE(COME)’-type compound future. PhD Dissertation. The Ohio State University, 2000.
- Willmanns 1897–1909 — *W. Willmanns*. Deutsche Grammatik. Gottisch, Alt-, Mittel und Neuhochdeutsch. Bd. 1–3. Straßburg, 1897–1909.

Е. А. Мишина

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

О ВАРЬИРОВАНИИ
ПРЕЗЕНТНЫХ ФОРМ
СОВЕРШЕННОГО
И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДОВ
В ТЕКСТЕ УСТАВНОГО ТИПА
(НА ПРИМЕРЕ
СТУДИЙСКОГО УСТАВА)*

Как известно, в современном русском языке в сфере неактуального настоящего господствующей формой является презенс НСВ, а формы СВ употребляются реже и имеют гораздо больше синтаксических и семантических ограничений (употребление в кратно-парных конструкциях, наличие дополнительных семантических оттенков, например, наглядно-примерное значение, дополнительная эмфатическая нагруженность, модальность и др.) [Бондарко 1971/2005; Стойнова 2016] и др. Исследования функционирования презентных форм в значении неактуального настоящего в диахронической перспективе показали, что, с одной стороны, восточнославянские памятники уже в древнерусский период отражают тенденции, схожие с современным русским, — так, формы презенса СВ при обозначении хабитуальных и повторяющихся действий употребляются в целом реже, чем НСВ, и чаще ограничиваются кратно-парными конструкциями, — а с другой, по ряду аспектов памятники древнерусского и старорусского периодов отражают большую свободу в употреблении презентных форм СВ — в частности, это касается более свободной сочетаемости презентных форм разного вида внутри одного контекста [Мишина 2001; 2002]. В настоящей статье предпринята попытка исследовать особенности функционирования презентных форм СВ и НСВ в Студийском уставе (древнерусском переводном памятнике¹) на фоне современ-

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241).

Благодарю А. Л. Лифшица, М. С. Мушинскую, Я. А. Пенькову, А. В. Птенцову, Д. В. Сичинаву, М. Н. Шевелеву за обсуждение и замечания.

¹ Студийский устав представляет собой перевод Типикона константинопольского патриарха Алексия Студита, сделанный с греческого оригинала для Киево-Печерского монастыря в 1060–1070-х гг., текст анализируется по древнейшему Синодальному списку кон. XII в. по изд. [Пентковский 2001].

ных текстов сходного жанра (служебников XIX–XXI вв.). В качестве дополнения к материалу Студийского устава привлекались отрывки из Хождения игумена Даниила (оригинального древнерусского памятника XIII в. по списку XVI в.) с описанием хода службы.

Статья строится следующим образом. В разделе 1 описаны типы контекстов с формами презенса, представленные в исследуемых памятниках; в разделе 2 дана характеристика современного периода; в разделе 3 — древнерусского: в 3.1 анализируются факторы, существенные для выбора вида, в 3.2 — контексты, в которых презентные формы СВ и НСВ функционируют в качестве конкурирующих равноправных членов оппозиции; в разделе 4 сформулированы выводы и намечены дальнейшие исследовательские задачи.

1. Типы контекстов

По типам контекста Студийский устав (далее Студ.), как и современные тексты уставного характера, представляет собой неоднородный текст. С одной стороны, в Студ. встречаются хабитуальные пассажи, описывающие жизнь монахов (*бывает то-то и то-то, в такой ситуации поступают так-то и так-то*). Подобные контексты есть и в Хождении игумена Даниила (далее ХИД):

- (1) книшьды же кѣто въ манастири прихода молитьса приатъ быти. и съ стѣтымъ съборьмъ мнихъ причьтенъ быти. подобаеть нгоуменуѣ приати и (Студ. 232об.);
- (2) Ѡ всѣхъ странѣ. тоу са събирають в тотъ днь. несказанно мно людѣи. и наполняютса вса та мѣста школо цркви. и Ѡколо распатїа гнѣ. велика же тѣснота быватъ (sic!) тогѣ въ цркви. и школо цркви. мнози бо тогѣ и зѣдываютса Ѡ тѣсноты людеи тѣхъ (ХИД, 643об.).

С точки зрения таксисных отношений в подобных итеративных контекстах действия могут быть как одновременны друг другу (2), так и следовать одно за другим (3):

- (3) и бываетъ тогѣ Ѡврьсенїе дверемъ црквнымъ. и входа тогѣ вси людѣе въ црковь. в тѣснотѣ велице. исполняютъ црковь тоу. и полатѣ. и всюдѣ полноу воудеть. въ цркъви. и школѣ голгофы (ХИД, 644).

В отличие от ХИД, большинство контекстов, представленных в Студ. (как и в современных служебниках), являются не просто описанием хабиутальных событий, а предписаниями, определяющими порядок проведения служб, таинств, обрядов, трапез и т. п. Употребление форм презенса придает подобным предписаниям «сценарный» характер: единичная последовательность действий (*иерей входит в церковь, встает в центре, читает молитву, осеняет всех крестом...*) представлена как образец, которого надлежит придерживаться. Контексты именно такого рода будут интересовать нас в первую очередь.

Функционирование презентных форм в подобных хабиутальных и прескриптивных последовательностях интересно тем, что такой контекст подразумевает представление действия на двух уровнях: макро- и микроситуации по [Stunová 1986; 1993]. На макроуровне (более абстрактном) вся ситуация целиком представлена как нелокализованная во времени и потенциально повторяющаяся, в зависимости от контекста выражено значение регулярной или нерегулярной хабиутальности (*После причащения архиерей ставит святую чашу на престол, выходит на солею, принимает от иподиаконов трикирий и дикирий и благословляет народ* [НКС, с. 331]), ср. с обычной хабиутальной ситуацией, когда действия представлены как параллельные, а не последовательные (*На Пасху одеваются в красное, красят яйца, идут в церковь, пекут куличи*). На микроуровне каждая отдельно взятая ситуация (повторяющаяся на макроуровне) представлена цепочкой событий, в которой имеет место таксисное следование (одно событие наступает после другого)², и в этом смысле такая последовательность сближается с нарративной³. Значение презенса на уровне отдельной микроситуации можно сравнить со значением «настоящего нарративного» (или «исторического»): *Вчера он выходит из дома, садится*

² В [Бондарко 1971/2005: 382] подобные последовательности определяются как повторяющийся эпизод, состоящий из ряда сменяющих друг друга последовательных действий, представленных как единичные в рамках этого повторяющегося эпизода. Т. е., по сути, выделяются также два уровня представления ситуации (внешний и внутренний), хотя и в других терминах.

³ Говоря о нарративе, обычно имеют в виду последовательность событий, локализованную в прошедшем времени [Stunová 1988; Падучева 1996 и др.] В данном случае мы имеем дело с повторяющейся, не локализованной во времени последовательностью презентных форм, однако на уровне единичной микроситуации есть основание утверждать, что эта последовательность имеет черты нарратива именно потому, что в ней, как и в случае с нарративной цепочкой в прошедшем времени, представлена цепочка действий, следующих одно за другим [Forsyth 1970: 182; Вимер 2015: 594].

в автобус и едет на работу и «настоящего репортажного»: *Иванов получает мяч, бежит к воротам и забивает гол*. Однако, если в случае «настоящего нарративного» и «настоящего репортажного» речь идет о единичной ситуации, имеющей конкретную временную локализацию (для настоящего исторического это какой-то момент в прошлом, для настоящего репортажного — настоящий момент), в уставном тексте прескриптивного характера описываемая единичная ситуация не локализована во времени, а представлена как потенциально повторяющаяся на более абстрактном внешнем уровне. Значение презенса в такого рода контекстах ближе всего к настоящему в кулинарных рецептах (назовем его условно «настоящим инструктажным», или «настоящим прескриптивным»), ср.: *Берем большую миску, наливаем воды, добавляем муки и дрожжей, замешиваем тесто.*

2. Современное состояние

В современном русском языке последовательность законченных событий, как правило, выражается СВ (ср. в прошедшем времени: *пришел, увидел, победил*; в будущем: *придет, увидит, победит*). Теоретически при описании ритуальной последовательности (например, хода службы) в прескриптивном типе контекста можно было бы ожидать употребление презентных форм СВ, если бы определяющей для вида в данном случае оказалась бы микроситуация. Однако в современном русском (прежде всего литературном⁴) определяющей оказывается ориентация на макроситуацию, представленную как потенциально повторяющуюся, и, соответственно, в исследуемых текстах уставного характера предпочтительно используются презентные формы НСВ (довольно часто исключительно НСВ), см., например, описание встречи архиерея на литургии из *Указания для священноцерковнослужителей при архиерейском служении* (4). В предписаниях, которые можно найти на многочисленных современных церковных сайтах, также, как правило, господствуют презентные формы НСВ:

- (4) Архиерей, войдя в храм, *становится*⁵ на орлец, *отдает* жезлоносцу посох, и все троекратно *молятся* и *кланяются* архиерею, который их *благословляет*. Протодиакон *возглашает*: «Премуд-

⁴ Разговорный и диалектный узусы в данном случае не столь последовательны.

⁵ В приведенных здесь и далее примерах из современных текстов презентные формы НСВ выделены курсивом (*становится*), а презентные формы СВ — подчеркиванием (*пойдет*).

рость» и *читает*: <...>. Певчие в это время *поют*: «Достойно...» протяжно, со сладкопением. В это же время иподиаконы *надевают* мантию на архиерея, который, сделав одно поклонение, *принимает* от священника Крест и *целует* его, а священник *целует* руку архиерея и *отходит* на свое место. <...> Священник, приняв Крест и поцеловав руку архиерея, *становится* на свое место и затем, поклонившись со всеми прочими на благословение архиерея, *идет* со Святым Крестом к царским вратам и северною дверью *проходит* в алтарь, где *полагает* Святой Крест на престол (НКС, с. 315–316).

Наряду с формами презенса НСВ в уставных текстах допускаются и формы презенса СВ, однако последние ограничены употреблением в придаточных предложениях времени и условия, вводимых союзами и союзными словами *после того как*, *до того как*, *как только*, *когда*, *пока* (*не*), *если* и др. В целом употребление форм презенса СВ часто характеризует тексты чуть более раннего периода (XIX — нач. XX в.), ср. (5)–(6):

- (5) «Когда архиерей приложится ко кресту, священник *предшествует* ему и, внесши крест в алтарь, *полагает* его на престол без блюда, ожидая на стороне престола вступления архиерея в алтарь, после чего священник или диакон *затворяет* Царские двери».

На практике дело *бывает* иначе. После того, как архиерей положит св. крест обратно на блюдо, священник с сим блюдом не *входит* в алтарь, а *останавливается* около амвона. В то время, как архиерей *идет* от западных дверей к алтарю, *поклоняется* местным иконам и *входит* в самый алтарь, причетники *поют* тропарь храмовому святому или празднику; затем диакон, а если его нет, то священник *возглашает* сокращенную сугубую ектению <...>. Священник же *делает* возглас и отпуст. Наконец, если архиерей потребует, диаконом или священником *возглашается* многолетие августейшей фамилии, Святейшему Синоду, самому Преосвященному и пастве («Чин встречи преосвященных архиереев при посещении ими церквей»⁶ [Никольский 1907: 847–848]);

⁶ Этот чин впервые был опубликован в 1841 г. Московской духовной консисторией, затем перепечатывался в «Церковных ведомостях» 1890, № 25, на которые часто ссылаются при публикации более современных вариаций этого текста.

- (6) Когда архиерей вступит в храм и на него наложат мантию, он *совершает* молитвенное поклонение, после чего священник *подносит* (с правой стороны) крест <...>. После того как архиерей приложится ко кресту и положит его на блюдо, все, поклонившись архиерею, при пении «Достойно есть» или тропаря храма *идут*, предворя архиерея, в храм <...>; при этом священник с крестом на блюде *встает* на амвоне у местной иконы Спасителя лицом к северу, а диакон у местной иконы Божией Матери лицом к алтарю. Святая вода, кадило и свеча *уносятся* в алтарь («Чин встречи епископа при посещении им церквей (при объезде епархии)» [Шиманский 2003: 131]).

Таким образом, в описаниях службы формы СВ в сочетании с союзами следования, указывающими на предшествование (*после того как*), как правило, употребляются для выражения подчеркнутого следования: событие Б может наступить только после наступления события А (*После того как* диакон *скажет*: «Двери, двери», *предстоятель берет воздух со Святых Даров* [Шиманский 2003: 128])⁷. Кроме того, выбор формы СВ в придаточных (часто с союзами *как, если, где*) исключает значение одновременности, которое может возникнуть при употреблении форм НСВ, ср. (7а) и (7б):

- (7а) Когда архиерей приложится ко кресту, священник *предшествует* ему и, внесши крест в алтарь, *полагает* его на престол без блюда —
последовательные действия (сначала архиерей целует крест, а потом священник заходит в алтарь);
- (7б) Когда архиерей *прикладывается* ко кресту, священник *предшествует* ему и, внесши крест в алтарь, *полагает* его на престол без блюда —
возможно интерпретировать как одновременные действия (пока архиерей целует крест, священник заходит в алтарь).

3. Древнерусский период

3.1. Факторы, влиявшие на выбор вида

Анализ текста Студ. показывает, что некоторые тенденции и ограничения, типичные в отношении употребления вида в значении не-

⁷ Союз *после того как* в современном русском языке в принципе редко вводит глагольные формы НСВ.

актуального настоящего для современного русского языка, начали формироваться уже в древнерусский период. Так, в контекстах регулярной хабиутальности, с обстоятельствами, указывающими на «точечную» привязку к какому-то определенному дню или периоду (циклично повторяющемуся), как правило, употребляются презентные формы от глаголов НСВ (8)–(10) или неохарактеризованных⁸ по виду основ (11). То есть, если внешняя кратность эксплицитно выражена в контексте, то, как и в современном русском, выбирается НСВ:

- (8) НАОУТРИНА РЕКШЕ ВЪ ПРАЗДНИИ^к. СТГО ФЕОДОРА. ВЪЛАГАЮТЬ⁹
(НСВ) ВЪ вариво. ЗЕЛИНИГНА СКОЛЬКЪ (Студ. 208об.);
- (9) ЗАНЕ ВЪ ТЪ ДНЬ НЕ ВЪ ЦРВИ. НЪ ВЪИНОИ ЦРВИЦИ СЪТВАРАКТЪ^с
(НСВ) СЛОУБА^ж (Студ. 278об.);
- (10) ВЪ СРЪ^д ЖЕ ТОГЖЕ НЕЛА. ВЪВАКТЬ (НСВ) вариво КДИНО. Ъ
ЗЕЛИГА ЖЕ И СОЧИВА (Студ. 210);
- (11) А ВЪ ЧЕТВЕРТЬЧЪИИ ДНЬ. ПОКТЪ^с (неохар.) ·Д· ПЪ^с (Студ. 259об.).

Презентные формы глаголов СВ в таких контекстах практически не встречаются, за исключением сочетаний с частицей да в значении долженствования¹⁰:

- (12) ВЪ ВЕЛИКОЮ СРЪ^д. ДА СЪВАРАТЬ (СВ) СОЧИВО ЖЕ И ЗЕЛИК ПЪРВЪК
ОСОВЬ САМО (Студ. 210об.);

⁸ Как известно, в древнерусском языке многие глаголы (прежде всего симплексы, хотя не все и не только), не были еще втянуты в видовое противопоставление, оставаясь двувидовыми, или неохарактеризованными по виду (более традиционный термин): ити, ходити, пѣти, гати и др. [Кукушкина, Шевелева 1991: 48–49; Мишина 2018]. В настоящей статье неохарактеризованные по виду глаголы будут упоминаться только при необходимости и исключаться из статистических подсчетов. В статистику не включены также формы от быти (две презентные основы воуд- и кс-) как одного из самых частотных глаголов с достаточно сложной семантикой, хотя презентные формы от основы воуд- ведут себя так же, как и другие глаголы СВ.

⁹ В примерах из Студ. и других древних текстов анализируемые формы подчеркиваются и рядом в скобках снабжаются пометой о виде.

¹⁰ Функционирование вида в да-конструкциях может иметь свои дополнительные особенности и заслуживает отдельного исследования, однако в настоящей статье эти конструкции рассматриваются в общем ряду презентных форм и специально не выделяются.

- (13) Въ великую нелю. въ великыи понельни. оубо тоже да прѣдъложить (СВ) брашь (Студ. 210об.);
- (14) въ тѣ же днь вечерѣ. да въжьгоуть (СВ) на початѣ вечернага по пяти кандилѣ. на полуокандилѣ (Студ. 279).

Для форм СВ, как и в современном русском языке, в целом характерна тенденция к употреблению в придаточных конструкциях, чаще всего со значением условия (аще) и времени (егда, кгда, вънегда, дондеже). Так, например, в 11 (из 15 встретившихся) контекстах форма презенса от глагола принти употребляется в придаточном.

- (15) егда же къ цркымъ приде (СВ) дверьмъ. къ западоу възьрѣвъ покади (СВ) кртъмъ кдиноу. и братиа оубо поклонать (СВ) до земля (Студ. 247об.);
- (16) и егда донде (СВ) стхъ дверьць. стоитъ (НСВ) вънѣ ожидаа. дондеже прѣдъложенок съконьчактъ (СВ). пѣк (Студ. 249);
- (17) аще ли въ соу. по нѣ. вѣ стхъ и до въздвѣнниа. настанѣ (СВ) праздни. тгда поктъ (неохар.) ·а· блни непор (Студ. 255);
- (18) и ти вси лю є стоятъ (НСВ) съ свѣщами. не въжженамѣ. и жоуть (НСВ) ѿверсенїа дверїи црквы. внѣтръ же црки попове жоуть (НСВ) с людми. дондеже прїдетъ (СВ) кнзъ балвинъ съ дружиною (ХИД, 644).

Презентные форм НСВ, как и в современном русском, тоже возможны в придаточных (19)–(22). Формы НСВ чаще встречаются после временных союзов (наравне с формами СВ, ср.: егда 14 НСВ vs 13 СВ, кгда 5 НСВ vs 3 СВ, вънегда 3 НСВ vs 2 СВ) и существенно реже после условных (аще ок. 50 СВ vs 7 НСВ). Таким образом, в совокупности в придаточных времени и условия презентные формы СВ значительно преобладают над формами НСВ.

- (19) егда же къ малымъ скимьникомъ приходать (НСВ) перстчы кртны. образъ на главѣ ихъ налагаютъ (НСВ) (Студ. 266об.);
- (20) егда побак (НСВ). стїра. стивьнымъ пѣмъ вьги. съходать (НСВ) въкоупъ поу (неохар.) (Студ. 260об.);

- (21) аще часто чьтоуть (НСВ) га. то никьгдаже съблазнать (СВ) (Студ. 220об.);
- (22) кгда къ цркъымъ дверьмъ приходи (НСВ). обративъса на вьстокъ покади (СВ) кртъмь ·Г·шды (Студ. 249).

В главном предложении в тексте Студ., как и в современном русском языке, могут употребляться формы, образованные от основ НСВ (16), (18)–(20); СВ (15), (21), (22) или неохарактеризованных по виду (17), (20). Соответственно, возможны различные комбинации видовых форм в придаточной и главной части: СВ — СВ (15); СВ — НСВ (16), (18); НСВ — НСВ (19)–(20); НСВ — СВ (21)–(22). При этом если для современного русского языка наиболее типична и частотна схема СВ — НСВ, то в Студ. наиболее частотной оказывается схема СВ — СВ. Следует также отметить достаточно редкую схему НСВ — СВ (21)–(22), практически не свойственную современному русскому литературному языку.

В то же время Студ. демонстрирует в функционировании вида и заметные отличия от современного языка. По сравнению с современными текстами, в которых наблюдается доминирующее преобладание презентных форм НСВ (см. выше п. 2), а формы СВ если встречаются, то только в придаточных, древнерусские тексты допускают большую вариативность в отношении употребления презентных форм СВ и НСВ при описании последовательности действий. В одном контексте более свободно могут чередоваться презентные формы от глаголов СВ, НСВ и неохарактеризованных по виду, ср.:

- (23) по сѣ въходи (НСВ) коутъни (НСВ) съ стороны ѿ притвора стго альѣина. и въноси (НСВ) коша въ нихъже вана положены соу. и полагае (НСВ) влизь игоумена. и по пѣтти въ ночь въздеж (СВ) възьме (СВ) днанъ еѣа. стоитъ (НСВ) дрьжа къ прѣдъ стъыми дверьцами. по семь цѣлоующе брата еѣа. идоу (неохар.) по чиноу къ игоуменоу. онъ же прикмл ѿ коутъника вана и раздактъ (НСВ) имъ (Студ. л. 272);
- (24) по томъ днаноумъ соущѣ. къ коньцю. прѣхода (НСВ) пакы съвѣкоупльше станоу (СВ). рѣнъи образъ пою (неохар.). стира стивънъи. и по б. поклонше. на свога мѣ авик прѣминоу (СВ) (Студ. 260об.).

Определять вид словоформы могли различные факторы. Студ. — переводной памятник, поэтому нельзя исключить, что на выбор мог

влиять греческий текст, и в каких-то случаях несомненно влиял¹¹. Теоретически можно предположить, что формами презенса НСВ переводили формы *praesens indicativi* в греческом тексте, а формами презенса СВ — формы *futurum I*. Однако такой однозначной зависимости в Студ. не прослеживается: формам *praesens indicativi* в греческом могут соответствовать в славянском тексте презентные формы как НСВ, так и СВ, аналогичная ситуация с формами *futurum I*. А следовательно, сделать вывод об однозначной зависимости вида глагола в славянском переводе от греческих форм невозможно. В качестве определяющих для выбора вида могли выступать и другие факторы.

Анализ функционирования презентных форм в Студ. показывает, что в древнерусский период, в отличие от современного (когда в этом типе контекста, по сути, уже имеет место нейтрализация видового противопоставления в формах НСВ, см. п. 2), существенную роль играла именно аспектуальная семантика: презентные формы СВ или НСВ часто употреблены в соответствии с акциональным характером ситуации и лексическими акциональными функциями (событие vs процесс, состояние). Кроме того, в отличие от современного русского языка, определяющей могла быть ориентация не только на внешнюю повторяющуюся макроситуацию, диктующую употребление НСВ, но и на единичную микроситуацию, что способствовало выбору форм СВ для обозначения сменяющих друг друга событий внутри последовательной цепочки¹².

Таким образом, форма СВ, как правило, употребляется для выражения законченного события (на уровне микроситуации), часто в ряду нескольких последовательных событий (25)–(26). Презентные формы СВ могут перемежаться с формами от неохарактеризованных основ, а также формами НСВ, обозначающими фоновые процессы или состояния (27)–(28):

- (25) по семь прѣидеть (СВ) на лѣвою сторону. и призоветь (СВ)
 прочаа тѣмъ же образъмъ. и по сихъ станеть (СВ) прямо
 цркытъ дверьмъ (Студ. 228);

¹¹ К сожалению, греческий оригинал славянского перевода Студ. найден лишь частично, см. [Пентковский 2001]. Кроме того, известные греческие списки не всегда содержат максимально близкий переводу вариант текста.

¹² Выражение хронологической последовательности событий в качестве базовой функции именно СВ отмечалось неоднократно, см., например, [Forsyth 1970: 10–11; Бондарко 1971/2005: 234; Nopper 1979: 215–216; Барентсен 1995; Шатуновский 2009: 13–14] и др.

- (26) и възгласить (СВ) въ ·ѣ· гла. по семь начьнууть (СВ) вси пѣти. х̄с̄ъ въскр̄ь. и имже то тришды пою (неохар.). пакы възгласить (СВ). и гла. ть же пѣвьць (Студ. 212);
- (27) а игоумень държи (НСВ) крт̄ь. и на възстокъ прѣвратить (СВ) (Студ. 263);
- (28) онъ оужьноую страну вьсю цр̄вьноую пока (СВ). и възноутрь олтаря вълѣзъ стоитъ (НСВ) прѣдъ стою трапезою. и тридъ кр̄тьмь покади. възгласить (СВ) сӣ (Студ. 248).

Ориентация на микроситуацию (цепочку последовательных событий внутри «внешней» повторяющейся макроситуации), по-видимому, могла способствовать употреблению презентных форм СВ в таких случаях, когда в современном русском языке они уже невозможны. Так, в современных русских пассивных конструкциях с возвратным глаголом возможны формы презенса только НСВ, формы СВ в таком употреблении обычно не встречаются [Грамматика-80: § 1461], ср.: *На Пасху пекутся куличи; На Рождество наряжается елка* (но невозможно: **На Пасху испекутся куличи; *На Рождество нарядится елка*). В Студ., как и в современном русском, в данной конструкции свободно функционируют формы презенса НСВ (всего в Студ. представлено несколько десятков таких употреблений¹³: глаголетьса, свьршаютьса, приносьтьса, свьираютьса, прилагаютьса, предълагаютьса, оставляютьса, схрѧнаютьса, посылаютьса и др.):

- (29) авиє по скончании оутрь. полагають (НСВ) въ слоужительницы (Студ. 263об.);
- (30) прѣже сочива прѣдъложениа. посылаютьса (НСВ) вѣсть ѿ игоумена. къ начинающюму на сторону (Студ. 211об.);
- (31) нъ ѿ келаревъ все прилѣжно свьирають (НСВ). и въ глемоую дровильницу расходиться. ѿ тѣхъ бо ничьсоже ни на вечери ни на обѣдѣ мьнихомъ не прѣдълагають (НСВ) (Студ. 200об.);
- (32) кгда влни непороч. за мьр. поють. на ·в̄· раздѣлають (НСВ) (Студ. 255об.).

¹³ Точную цифру назвать затруднительно, поскольку не всегда можно однозначно определить, пассив перед нами или возвратный глагол.

Однако в Студ. наряду с формами НСВ в пассивных конструкциях употребляются также формы презенса СВ, что нетипично для современного русского языка. Формы СВ встречаются существенно реже (ок. 25 примеров), чем НСВ (несколько десятков). Как правило, они представлены в цепочках последовательных действий, в том числе в сочетаниях с частицей *да* (*да* + презенс) в значении долженствования, которые составляют в Студ. около половины зафиксированных употреблений СВ в пассивном значении:

- (33) *А въ ст҃гын великын четвѣртѣ^к да боудета дѣвѣ варивѣ. и зелик и сочиво кдино съ маслѣмь. и да поставитѣ^с (СВ). и да въдастьсѣ^с (СВ) мнихомъ по ·ѿ· чашн (Студ. 210об);*
- (34) *по обѣдѣ оуглик гораше въ поварьници на огниши оставатъсѣ^с (СВ). и на немь съсоудъ скоудѣльнѣи станеть до вечера. и тако тепло на немь сочиво боудеть. и съ безврѣднѣимь сладъко на вечерн поставитъсѣ^с (СВ) (Студ. 202об);*
- (35) *по литур҃г. бѣвленнѣ братнѣа примѣ^ш. въходатѣ на трапезницю. и прѣдължитъсѣ^с (СВ) имѣ хлѣва по кдинон четвѣрти (Студ. 207об.) — ср. с НСВ в (31);*
- (36) *аще ли же не въсьде онѣхъ оставити накажетъсѣ^с (СВ). въсто кстьѣ тако ·ѿ· ѿлм. по реченому образю ѿдадатѣ^с (СВ) (Студ. 250).*

Не исключено, что появление в славянском тексте таких форм в ряде случаев могло быть обусловлено греческим, однако однозначного соответствия не прослеживается, в греческом тексте в качестве соотносительных обнаруживаются как формы futuḡum I, например: *накажетъсѣ^с* — παιδάγουγηθήσεται, *ѿдадатѣ^с* — ἀποδοθήσεται (36), так и praesens indicativi, например: *прѣдължитъсѣ^с* — παρτίθηται (35)¹⁴. Возможно, в древнерусский период в языке уже имела место тенденция к лексическому ограничению в отношении употребления форм СВ в пассивной конструкции, поскольку они частотны от определенных корней: -лож- (*положитьсѣ^с, приложитьсѣ^с, прѣдължитъсѣ^с*), -став-

¹⁴ Поиск по древнерусскому подкорпусу НКРЯ показывает, что в пассивных конструкциях формы презенса с «возвратным» маркером *сѣ* от глаголов СВ встречаются (хотя и не часто) и в других восточнославянских текстах, причем не только переводных, но и оригинальных (летописях и житиях), см. также данные в [Wiemer 2004: 282–284].

(поставитѣса, оставитѣса, прѣдѣставитѣса, прѣдѣпоставитѣса), -да(д)- (дастьса, вѣдастьса, прѣдастьса, отѣдастьса)¹⁵.

Презентные формы НСВ в соответствии с аспектуальной семантикой, как правило, употребляются для выражения итеративности (на уровне макроситуации (8), (9)), дистрибутивности (на уровне микроситуации (37)), длительности (процесс или состояние (27), (28), (38), чередующееся с событиями, выраженными СВ¹⁶), одновременности (39)–(40), характеризующей функции (как правило, в отнесенных придаточных с *иже* и *которыи*, *идеже* (41)–(42)):

- (37) и старѣишомоу по обычаю мълчанию поманоувѣшю. вѣнесоутъ сочиво. по немъже даютѣса (НСВ) пирози мнихомъ (Студ. 212об.);
- (38) по семь игоумѣ^н станеть (СВ) оу първаго стълпа деснѣша сторонѣ олтаря. а икономъ оу първаго на лѣвѣи сторонѣ. вѣзиракта (НСВ) же оба на западъ (Студ. 265об.);
- (39) вѣнгда же са икосъ покѣть. обиходить (НСВ) начальни^к. обою стороною трапезоу. и сѣзываетъ (НСВ) пѣвца (Студ. 212);
- (40) вѣ великую пѣтницу по вечерни. потирають (НСВ) гробъ гнѣ. и помывають (НСВ) кандила соущага на^д гробѣ^м (ХИД, 643);
- (41) и аник подасть кдинъ ѿ прѣстоашихъ прѣдѣстоащомоу лѣжицю. кюже оударяють (НСВ) (Студ. 198об.);
- (42) Како подобактъ вѣжлагати огнь. идеже хлѣбъ пекоуть (НСВ) (Студ. 216).

Значимыми оказываются и такие факторы, как лексическая семантика. Среди частотных форм НСВ в Студ. встречаются формы глаголов, обозначающих положение в пространстве (*стоати*, *лежати*),

¹⁵ В [Вимер 2015: 589] отмечается, что в славянских языках процесс потери презентными формами СВ способности участвовать в образовании форм страдательного залога коррелирует с их вытеснением из сферы настоящего в сферу будущего, что находит подтверждение в истории русского языка (о более свободном функционировании презентных форм СВ в других конструкциях в др.-рус. период см. [Бондарко 1958; Мишина 2001; 2002; 2020; Новикова 2015] и др.

¹⁶ Довольно часто в Студ. сочетания форм СВ и НСВ (28), (38), как и в современном русском языке, представляют тип «*придет и смотрит*», когда последовательность форм СВ, НСВ подчеркивает временное следование событий, см. [Стойнова 2016].

итеративно-дуративного **БЫВАТИ**¹⁷, модальных глаголов *impf tantum* (подобати, достоати, причататиса):

- (43) **Вѣдѣти** кѣтъ. ꙗко ѿ великыа нѣла тоа самоа. и до нѣ антипа. въ начатѣ ·ѿ· чл. на оутрѣнии **ПОДОБАКТЪ** въстаѣа (Студ. 246);
- (44) **БЫВАКТЪ** ·оу·дареник. въ начатик ·г·го аллѣрѣ ·а· ка ·а на блни непорон. чьниа **БЫВАЮ** (Студ. 255);
- (45) вина же всен тон нѣли. никдиномуу причатитиса **НЕ ДОСТОИТЬ** (Студ. 208).

Для отдельных видовых глагольных пар определяющими для выбора вида в контексте могут оказаться и индивидуальные факторы. Так, например, в Студ. на 14 презентных форм от **начати** (СВ) приходится 17 презентных форм от **начинати** (НСВ). При этом презент от **начати** в 10 случаях (из 14) употребляется в сочетании с инфинитивом (46), т. е. в качестве формообразующего элемента конструкции, и только 4 раза без инфинитива (47), в то время как для форм презенса от **начинати** представлена обратная пропорция: 11 раз без инфинитива (48) vs 6 раз в сочетании с инфинитивом (49):

- (46) по мълчанинн же **начьнеть** (СВ) чьць **чисти** (Студ. 198об.);
- (47) по третнимъ же поклоненин. **начьне** (СВ) по ·мл·твоу творивьнн. гла сице (Студ. 267);
- (48) по съконьчанинн же разданинн. ставъше вси на своихъ мѣстѣхъ. ванн ·роу·ками дьржа ·и· свѣща горлица. **начинаю** (НСВ) канѣ (Студ. 272об.);
- (49) и они рекше ами ·начинають· (НСВ) гла ·придѣ· поклон (Студ. 247об.).

Употребление СВ или НСВ может поддерживаться элементами контекста. Так, например, формы НСВ сочетаются с такими обстоятельствами, выражающими итеративность, как **чаще**, (по)всегда:

- (50) **Чаще** же игоумень. да **оглашають** (НСВ) братию. и овьще въсѣмъ. и особъ къждо (Студ. 223);

¹⁷ Глагол **бывати** в раннюю эпоху мог употребляться как в итеративном, так и в неитеративном значениях. Подробнее о семантике и функционировании в восточнославянских памятниках древнерусского периода, а также обзор литературы см. в [Шевелева 2016].

- (51) ВЪСЫГДА КОУТЬНИКЪ. ВЪ ВЕЛИКЪ СЪСОУДЪ НЕ ЗАЛЪЯНЪ ВЪКЪМЪ. ВЪЛЪИВАЮТЪ (НСВ) ВИНО (Студ. 208);
- (52) СТРАННОПРИМЪНИКЪ ЖЕ ПОВЪСЫГДА СЕ ДА ТВОРИТЪ (НСВ) (Студ. 225об.).

Для презентных форм СВ можно отметить слабую тенденцию чаще, чем НСВ ($\approx 60\text{--}65\%$ СВ vs $35\text{--}40\%$ НСВ) употребляться после обстоятельств, подчеркивающих следование (абиѣ, по + сущ. в М. п.: по почърпени, по съкончани, по семь, по томь) (53)–(55), а также в контексте с дистрибутивными наречными сочетаниями: тришьды, по ѣдиной чаши, по плати и т. п. (55а)–(55б), однако жесткой закономерности не прослеживается, ср.:

- (53а) мниси во по почърпени първѣмъ въстанутъ (СВ) прости. и къ игоуменуоу помавають държацие къждо свою чашю (Студ. 199), ср. с формой НСВ в (53б);
- (53б) по съкончани · ѣ · ча · въстають (НСВ) ^ж присно по рече-
номуу образоу (Студ. 246об.);
- (54а) и по речению кого. абиѣ начнѣ ^т (СВ) клепѣ ^т на горничнымъ
гостиньника билѣ (Студ. 246об.), ср. с формой НСВ в (54б);
- (54б) рекше ами · ^н абиѣ начинають (НСВ) пѣ · ^с · пѣмъ (Студ. 248);
- (55а) и оударитъ (СВ) въ не тришьды лъжицею великою. и абиѣ
прѣстанеть чѣтми (СВ) (Студ. 200), ср. с формой НСВ в (55б);
- (55б) оударють (НСВ) оубо въ било тришьды. абиѣ же на
трапезоу приходѣтъ (НСВ) (Студ. 197об.).

Кроме того, в рамках одного контекста может встретиться одновременно несколько обстоятельств, поддерживающих как СВ, так и НСВ. В таких случаях, как правило, элемент контекста, выражающий итеративность, оказывается более значимым, чем элемент, выражающий следование, однако сфера его действия может быть ограничена. Так, в (56) первые два обстоятельства (въ всю първоую нѣлю · въсыгда) обуславливают выбор формы НСВ у первой формы в цепочке (въходѣтъ), однако следующая форма (прѣдължитъса) употреблена в СВ, по-видимому, для выражения следования (монахи сначала входят, а потом им предлагается хлеб):

- (56) въ всю първоую нѣлю · въсыгда по вѣрнии и по литурѣ · блвѣеник
братиа примѣ · ^п въходѣтъ (НСВ) на трапезницю. и прѣдъл-
житъса (СВ) имъ хлѣба по ѣдиной четвърти (Студ. 207об.).

3.2. Конкуренция и вариативность разновидовых форм

Выбор СВ или НСВ не всегда оказывается мотивирован обозначенными в п. 3.1 факторами. В ряде случаев в Студ. мы имеем дело с довольно свободной вариативностью форм презенса СВ и НСВ — иначе говоря, они могли употребляться в качестве равноправных членов в сходных контекстах, а также в рамках одного контекста (прежде всего это касается предельных глаголов). Ниже приведены примеры, демонстрирующие употребление презентных форм от глаголов со сходным лексическим значением, но разного вида (пары **притти** и **приходити**, **изити** и **исходити**) в практически идентичных контекстах: в (57а) и (57б) в придаточных времени, в (58а) и (58б) в цепочке последовательных действий. В примерах (59а) и (59б) представлены схожие цепочки последовательных действий, вводимые одинаковыми обстоятельствами (**по семь**), но в (59а) они обозначены презентными формами глаголов СВ, а в (59б) — глаголов НСВ:

- (57а) **кгда же къ цркъымъ приде** (СВ) **двьрьмъ. къ западоу възърѣвъ покади кртъмъ кдиноу** (Студ. 247об);
- (57б) **кгда къ цркъымъ двьрьмъ приходи** (НСВ). **обративъса на въстокъ покади кртъмъ ·Г·шды** (Студ. 249);
- (58а) **и инѣмъ нѣкымъ старѣшимъ. и свѣтлымъ женамъ. и добродѣтелию оутвореномъ. таже на полоученикѣ бца застоуплении. въ църквъ прити въсхошеть. ѿ тавленыхъ вратъ мѣвнхъ да въходать** (НСВ). **и въскорѣ помольшеса ѿтоудѣ пакы да изидоуть** (СВ). **не видѣвше никогоже ѿ благоговѣнхъ мнихъ** (Студ. 231);
- (58б) **кгда же хотѣ. или въ виноградъ. или на ино кою любо дѣло. привести тѣмъ враты иже соутъ къ оградоу да въводать** (НСВ). **и тако да исходать** (НСВ) **двьрини манастирьскыхъ не проходаше** (Студ. 231);
- (59а) **по семь прѣидеть** (СВ) **на лѣвою сторону. и призоветъ** (СВ) **прочла тѣмъ же образъмъ. и по сихъ станеть** (СВ) **прямо цркъымъ двьрьмъ** (Студ. 228);
- (59б) **по се^м. пакы въходи** (НСВ). **на прѣднюю сторону. и пакы на въстокъ зъри** (НСВ). **и творить** (НСВ) **все кико прѣвѣк —** (Студ. 263об.).

Довольно свободная видовая конкуренция имеет место прежде всего в контекстах, описывающих последовательные события (на-

пример, ход службы). В Студ. встречаются чередующиеся «гомогенные» цепочки, состоящие практически полностью из презентных форм СВ (59а), (60)–(61) или НСВ (59б), (62)–(63). Следует отметить, что однородные цепочки СВ (как и количество презентных форм СВ в Студ.) в целом преобладают над цепочками НСВ¹⁸:

- (60) по семь прѣидеть (СВ) на лѣвоу ю сторонуу. и призоветь (СВ) прочлаа тѣмъ же образъмъ. и по сихъ станеть (СВ) прамо цркымъ дверьмъ. ожидания съкончания първаго антѣна. по съкончании же того съвероятъса (СВ) вси. идеже стонть (НСВ) тѣ. онъ же примѣтѣ придеть (СВ) къ нгоуменуу. и поклонатъса (СВ) кмоу до землѣ глѹще. блви помолиса за ны стѣни бче. и тѣ помолить (СВ) за на гла. бѣ спси. они же видютъ (СВ). слоужьвоу свою испълнающе (Студ. 228);
- (61) вѣслѣдоукъть (СВ) же по^п първѣк ѿ сѣверныха страны начьне (СВ) кадити. иконы же и чистыа стѣны црвныа. по кдинои кожждо и стѣлпы. кртѣ твора. кгда же къ цркымъ приде (СВ) дверьмъ. къ западоу възьрѣвъ покади (СВ) кртѣмъ кдиноу. и братиа оубо поклонатъ (СВ) до земла. онъ же възгласи (СВ) гла сице (Студ. 247об.–248);
- (62) по то^м. прѣстоупаю (НСВ). и пакы кгда повѣакъ (НСВ). стѣра. стивьнымъ пѣмъ въгги. съходатъ (НСВ) въкоупъ пою (неохар.). и по б^о прѣхода (НСВ) (Студ. 260об.);
- (63) на оутръ по коньчании оутръна еуаа. въходи (НСВ) нгоумѣ въ олтарь въоутръ. коукольмъ главоу покрывъ. по се^м въходи (НСВ) коутъни^к. съ стороны ѿ притвора стго альѣниа. и въноси (НСВ) коша въ нихъже ваиа положены соу^т. и полагакъ (НСВ) блнз нгоумѣна (Студ. 272).

¹⁸ В отношении ряда глаголов СВ, имеющих в древнерусском языке соотносительную пару по виду (напр., встати — встаати), следует отметить, что в Студ. употребляются почти исключительно формы глаголов СВ, что, по видимому, отражает в целом слабую употребительность в текстах древнерусского периода вторичных имперфективов (по крайней мере от ряда глаголов). Например, на 32 формы презенса с основой -стан- СВ (стати ‘встать’ — 14 раз, вѣстати — 7 раз, настати — 7 раз, прѣстати — 3 раза, застати — 1 раз) приходится только две формы от глагола вѣстаати; на 14 форм от възгласити СВ приходится только одна форма от оглашати НСВ и др.

Как было сказано выше, для контекстов, представляющих описание последовательности ритуала, возможна ориентация на две ситуации: макро- (внешняя, повторяющаяся) и микро- (внутренняя, каждая отдельно взятая единичная последовательность), что, в свою очередь, может определять выбор видовой формы: НСВ — для выражения «внешнего» повторения и СВ — для выражения «внутренней» последовательности. Таким образом, по-видимому, мог задаваться своего рода стилистический «фрейм», формирующий текстовый блок¹⁹. Блоки, состоящие из однородных видовых форм, могли чередоваться внутри текста, а смену «видовой ориентации» блоков или отдельных форм внутри блока могли каузировать какие-то дополнительные факторы (см. п. 3.1), например элементы контекста, ср. употребление презентных форм СВ и НСВ в сочетании с разными обстоятельствами в (64)–(65):

(64) Ѧ въ постѣ ст҃го филипа. въ соут҃ты и въ не҃д. и въ праздни҃к. да поставляютьсѧ (НСВ) таковаа брашна мнѣхомъ. гаже оуже речена соут҃т. и да ѣдѧтъ двоици дне. и оурочныѧ чашѣ да възнимають (НСВ). три на обѣдѣ. <...> и по коньчанинѣ вечернаѧ. по дроугоумоу оуставоу. и да поставитсѧ (СВ) вариво рекъше съ зелениемъ. и съ маслъмъ дрѣванъимъ. а сочиво же варено без масла. и да въсыплють (СВ) въ не кропѣтьренъ (Студ. 205об.–206);

(65) по се҃мъ съважетъ (СВ) роуцѣ юго кртѣмъ. и овлѣкоуть (СВ) и съвърхоу въ фелѣнѣ. и простѣрше паполомоу. на одрѣ положить (СВ) и. и въ врѣмѣмъ погрѣваниѧ юго. хотѧ (неохар.) погрѣти и. и влагають (НСВ) главоу югѣ въноутрѣ оустѣмъ фелѣнѣ (Студ., 277об.).

¹⁹ На основе внешней схожести исследуемого типа контекста с «настоящим нарративным» и «настоящим репортажным» напрашивается предположение о том, что смена обозначенных «фреймов» могла быть продиктована сменой ориентации на представление событий как разворачивающихся у нас на глазах, а также сменой положения воображаемого наблюдателя-повествователя, наблюдающего извне или условно находящегося внутри ситуации. Однако, на наш взгляд, такой ход мысли опасен, потому что легко может оказаться типичным «вчитыванием» современных значений и смыслов в древний текст. Например, совершенно неясно, какой из видов какую функцию в этом случае мог бы выполнять, т. е. объективно доказать что-либо по отношению к древнему письменному тексту в данном случае не представляется возможным.

Преобладание в Студ. цепочек презентных форм СВ показывает, что в восточнославянских текстах древнерусского периода чаще «побеждала» ориентация на микроситуацию. В то же время наличие цепочек НСВ позволяет констатировать, что уже в древнейший период оформилась стратегия, которая, не будучи такой в древности, в конечном итоге оказалось в современном русском языке доминирующей, ср. (62)–(63) с приведенными выше отрывками из современных чинопоследований (4)–(7).

Наличие гомогенных видовых цепочек позволяет предполагать, что выбор вида каждой конкретной формы в ряде случаев можно объяснить стратегией целого «блока». Иначе говоря, каждая предшествующая форма могла влиять на выбор вида последующей: если последовательность начинается с формы СВ, то более вероятно и ее продолжение формами СВ, то же верно и для НСВ. Так, в (66) форма **наложить** СВ употреблена в нарративной цепочке, состоящей из глаголов СВ, в то время как в (67) форма **налагають** употреблена в нарративной цепочке, состоящей из глаголов НСВ, ср.:

(66) и вса братнѣя рекше ами. ^нсладу^т (СВ) и на неже игоумень брашноу роукоу **наложить** (СВ). тьгда и прочии вси гаси **начьноу** (СВ) (Студ. 198об.);

(67) кгда же къ малымъ скимьникомъ **приходать** (НСВ) пьрсты кртъны. образъ на главѣ ихъ **налагають** (НСВ) онѣмъ къ нимъ **покланяюще**. и **приричяють** (НСВ) къждо тихы (Студ. 266об.).

Наряду с гомогенными цепочками в Студ. встречаются цепочки с чередованием видовых форм. В ряде случаев удается найти основания для выбора вида (см. выше п. 3.1), в ряде случаев нет. Создается впечатление, что наличие двух «видовых конкурентов», возможных в описании последовательности действий в качестве равноправных членов, позволяет иногда использовать их смену в контексте в чисто эстетической функции с целью избежать повтора. В результате создается своего рода стилистическая «нарративная рельефность», ср. (58a), (68)–(69):

(68) по ·ѿ· иже пѣ. ^схвали ^тга покмоу. **полагакть** (НСВ) трапезица прѣдъ ^стъыми двьрьцами. и **простъретъ** (СВ) на неи паволока. и **поставляю** (НСВ) по обѣ сторонѣ свѣтилѣ съ свѣщима тълъстама (Студ. 262);

- (69) по семь роуцѣ съвазавѣ. и бл҃гоговѣино ставѣ. да ожидаѣтъ (НСВ) чьто кмоу ѿ него гл҃ано боудеть. ли свок моленик к нему да сътворитѣ (СВ) себе пришльть боудеть. и ѿхода же абиѣ поклонаник да творитѣ (НСВ). нѣ и оуспѣрѣтаѣ къто игоумена. или въззирающа видѣ да поклонитѣся (СВ) кмоу вельми. и достоиную чьсть да въдаѣтъ (НСВ) (Студ. 218).

В особенности это заметно, когда формы СВ и НСВ, образованные от соотносительных по лексическому значению глаголов (претендентов на видовую парность) или близких по значению однокоренных основ, употреблены рядом или относительно недалеко друг от друга в рамках одного контекста. Ср. в нижеприведенных примерах стоящие рядом разновидовые формы: въстають НСВ и въстанеть СВ (70), дасть СВ и даѣтъ, раздаѣтъ НСВ (71), поклоняѣтъ НСВ и поклонатѣ СВ (72), простьрѣтъ СВ и простираѣтъ НСВ (73).

- (70) по съкончании ·з̄· чл̄. въстають (НСВ)^ж присно по реченому образу. чл̄. постигъши въ кождо врѣмѣ оуставленому. въстанеть (СВ) оугажати. и деть пьрвѣк къ келии игоумени. и поклонитѣ до зѣ. извъною гл҃а (Студ. 246об.);
- (71) по сѣ. шьдѣ коутъни къ игоумену. и поклонься до зѣмла дасть (СВ) кмоу свѣщю въ ·с̄· оуныкии. и поклонь прѣминѣ. и начьнѣ ѿ попо. и даѣтъ (НСВ) въсѣмъ по чиноу. на деснѣи сторонѣ стоащимъ. по свѣщи ·д̄· оуныкии. и прѣстоупль ѿтоу на лѣвоюю сторону и пьрвѣк давѣ иконому большю свѣщю ·д̄· оуныкии. и тако прочи раздаѣтъ (НСВ). дасть (СВ) же и простьцѣ по свѣщи дѣво оуныкии. и тако даю (НСВ) браи (Студ. 272об.);
- (72) пришдѣша станета ова полы старѣишинны иже на обою сторону. и поклонь оному до зѣмла. и рекши. г҃и бл҃ви и помолн за ма тихы. покланяѣтъ (НСВ) съ нимъ хьтроначальни. и поклонатѣ же (СВ) вси на мѣстѣ на немьже стоатѣ. гл҃юще сице (Студ. 266об.—267);
- (73) и вънесѣ одрѣ оустрокныи на изнесеник къ погрѣбанию. простьрѣтъ (СВ) върхоу кго паполому. и положитѣ възголовице мало. върхоу же паполомъ простираѣтъ (НСВ) мантию кго (Студ. 273об.).

В приведенных примерах довольно трудно однозначно объяснить выбор той или иной конкретной аспектуальной формы. В (70) и (71) можно предположить, что формы НСВ предпочитают СВ тогда, когда в значении есть сема дистрибутивной множественности (за счет множественности актантов), и это выражено в контексте формой числа (въстають мн. ч., дають въсѣмъ мн. ч., прочи^М мн. ч. раздаѣ^Т, даю^Т мн. ч. браи^Т). Однако здесь нет жесткой закономерности. Так, в (71) дистрибутивная множественность имеет место в контексте и в случае с формой СВ (дасть простыце^М мн. ч.), в (72) формы покланяють^С и поклонать^С различаются формой числа, но строго наоборот (НСВ сочетается с ед. ч., а СВ со мн. ч.). Можно осторожно предположить, что смена вида в сочетании со сменой числа могла выступать в качестве факультативного текстового маркера смены субъекта, как в (70)–(72), ср. также (68) и (74)–(76):

- (74) испросивъ же възъмъ. възьметь (СВ) мисоу. и сътворить (СВ) юю крѣтъ. стога прѣдъ краимъ първѣша трапезы. и вельгланю гла. прѣстага бѣце помаган намъ. и ѡвѣщають (НСВ) вси аминь (Студ. 203);
- (75) онъ же възгласи^Т (СВ) гла сице. блгословенъ бѣ нашъ нынѣ и при^С. и они рекше ами^Н. начинають (НСВ) глати (Студ. 247об.);
- (76) онъ же помолить^С (СВ) за на. и възвращше^С принюмлю^Т (sic!) (НСВ) ѡ коутни повелѣникъмъ игоуменьмъ. бвленик сръбрьникы по прѣданию ѡ коутника (Студ. 273).

В (73) не находится никакого хорошего объяснения для перехода от СВ простыре^Т к НСВ простирають, кроме стремления избежать повтора за счет контраста разновидовых форм²⁰. В некоторых случаях

²⁰ Употребление рядом двух различных языковых единиц, возможных в одной и той же позиции (в данном случае грамматических), с целью избежать повторения напоминает прием эстетической вариативности языковых единиц на орфографическом уровне, известный как «расподобление». Писцы многих рукописей предпочитали не писать две одинаковые графемы рядом или в одном слове, используя для этого дублетные буквы (например, ж и ѡу, разные варианты «и»: и, ї, и т. п.), см., например, [Ладыженский 2015: 224]. Делалось это исключительно из эстетических соображений, чтобы избежать повторов и однообразия (падоуѡштюмъ, роукж). Более того, в ряде рукописей (например, Изборник 1076 г., Мстиславово евангелие и некоторые др.) этот прием рас-

формы СВ, употребленные на фоне предыдущего ряда презентных форм НСВ, по-видимому, могли маркировать завершенность всей цепочки (77)–(78)²¹:

- (77) въ праздни^к стго. ѿѿодора. да бывають (НСВ). да кмлють (НСВ) мниси. по ·в· чаши. нъ и прѣже того дне. сирѣ^ч. въ срѣдоу. масло въ капоустоу да вливають (НСВ). и по кдиной чаши да^т мнх^м (Студ. 210);
- (78) в великую патициу по вечерни. потирають (НСВ) гровъ гнь. и помывають (НСВ) кандила соущага на^д гровъ гни^м. и наливають (НСВ) кандѣла та масла древаного. и вложать (СВ) свѣтила (ХИД, 643).

Таким образом, проанализированные выше контексты позволяют предположить, что чередование разновидовых форм в рамках одного контекста в ряде случаев могло использоваться древнерусскими книжниками в качестве дополнительного средства, позволяющего решать стилистические задачи на уровне построения текста: замедлять или ускорять повествование, акцентировать внимание на завершенности или статичности, служить маркером смены субъекта действия, избегать однообразия конструкций и лексических повторов и т. п.

пространяется не только на графемы, стоящие рядом внутри одного слова, но также на облик форм, соседних друг с другом, расположенных на одной строке, в соседних строках, недалеко друг от друга на листе или даже на соседних листах. Чередования встречаются в окончаниях сочетаний сущ. + прил. / мест. (дшж твою Изб-76 9об., домжเสมอу Мст. ев. 32об.), в окончаниях повторяющихся однокоренных слов (бцж... бцоу Изб-76 45–45об., кмюу... кмж... кмюу... кмѣ Мст. ев. 4об.), в одинаковых суффиксах (пачюшти и трепечюшти Изб-76 21об. 2–3), возможны зеркальные паттерны (примж ю... полагаю ж Мст. ев. 18). Обычно обозначенный принцип применяется не как жесткое правило, а как тенденция. Не исключено, что случаи «необъяснимого» чередования разновидовых форм (от глаголов со схожим лексическим значением) в рамках одного контекста (в одинаковых или схожих грамматических и синтаксических конструкциях) могло отражать тот же эстетический принцип «расподобления», но на другом уровне языка.

²¹ Подобные цепочки (ряд последовательных действий внутри повторяющейся макроситуации), состоящие из нескольких презентных форм НСВ плюс заключительная форма СВ, встречаются и в других восточнославянских текстах (например, древнерусской Пчеле, летописях и др., см. [Мишина 2002: 216–217]).

4. Выводы и дальнейшая постановка задач

Анализ функционирования презентных форм разных глагольных видов в Студийском уставе в сравнении с современными служебниками показал, что древнерусский период отличался в этом отношении от современного состояния. В то время как в современных руководствах по богослужению при описании ритуальной последовательности действий основополагающей формой оказывается презент НСВ, то есть имеет место видовая нейтрализация (презент СВ встречается редко и ограничен исключительно придаточными), в Студ. формы презента СВ употребляются наряду с формами презента НСВ в качестве равноправных членов (зона видовой конкуренции) и количественно превосходят формы НСВ. Меньше ограничений было для употребления форм СВ не только на уровне синтаксиса. Например, презентные формы СВ (в сочетании с возвратным маркером **са**) могли употребляться в пассивных конструкциях наряду с формами НСВ, что нетипично для современного русского языка.

В качестве параметров, значимых для выбора вида, мог выступать целый ряд факторов, оказывающих влияние на разных уровнях языка: аспектуальная и лексическая семантика; наличие соотносительного по значению глагола другого вида; синтаксис (напр., формы СВ тяготеют к употреблению в придаточных условия и времени, а НСВ — в придаточных относительных); элементы контекста (напр., обстоятельства, указывающие на следование или кратность); использование в составе устойчивых конструкций; количество актантов, участвующих в ситуации, и некоторые др. Отдельно в качестве фактора, существенного для выбора вида в древнерусский период, следует отметить возможность ориентации не только на внешнюю повторяющуюся макроситуацию, обуславливающую употребление НСВ (как в современном русском), но также и на внутреннюю единичную микроситуацию, представляющую последовательность сменяющих друг друга событий и, соответственно, мотивирующую к выбору СВ. Гипотетически (такое предположение можно сделать лишь с большой осторожностью), в качестве факультативных факторов на выбор вида могли оказывать влияние стилистические стратегии, ориентированные на эстетическую и эмфатическую функции. Чередование в рамках одного контекста разнородных презентных форм от глаголов со схожей семантикой или соседство в идентичных синтаксических конструкциях могло использоваться с целью избежать однообразия

и повторов, обозначить какие-то акценты, и таким образом придать повествованию большую выразительность.

Итак, на данный момент у нас есть представление о том, как презентные формы разных видов функционировали в текстах уставного типа в условно исходной точке (древнерусский период) и условно конечной (современное состояние языка). В дальнейшем предстоит сравнить имеющиеся данные с текстами схожих жанров в разные исторические периоды с целью проследить, как и в какой момент произошли изменения, приведшие в конечном итоге к тотальному господству НСВ в данном типе контекста. Интересно также сопоставить функционирование разнородных презентных форм в исследуемом типе контекста с данными других славянских языков, в которых, как известно, формы презенса СВ довольно свободно употребляются в сфере настоящего неактуального.

Источники

- Студ. — Студийский устав (ктиторская часть). ГИМ, Синод. № 330, кон. XII в. Цит. по: [Пентковский 2001: 368–420].
- Изб-76 — Изборник 1076 года / Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольшенко. Т. I. М., 2009.
- Мст. ев. — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская и др. М., 1983.
- НКС — Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1.
- Никольский 1907 — К. *Никольский прот.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1907.
- Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- ХИД — Хожение игумена Даниила. ГИМ, Синод. № 181. Лл. 618–646об.
- Шиманский 2003 — Г. И. *Шиманский*. Литургика: таинства и обряды. М., 2003.

Литература

- Барентсен 1995 — А. А. *Барентсен*. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995. С. 1–26.
- Бондарко 1971/2005 — А. В. *Бондарко*. Вид и время русского глагола. 1971 // А. В. *Бондарко*. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 225–424.

- Бондарко 1958 — *А. В. Бондарко*. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV–XVIII вв. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 173. Л., 1958. С. 55–71.
- Вимер 2015 — *Б. Вимер*. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context / Ed. by R. Benacchio. München, 2015. С. 586–609.
- Новикова 2015 — *М. В. Новикова*. К вопросу о значении настоящего исторического совершенного вида в севернорусских былинах // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 4. С. 209–218.
- Грамматика-80 — Русская грамматика. М., 1980. Т. I.
- Кукушкина, Шевелева 1991 — *О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева*. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991, № 6. С. 38–49.
- Ладыженский 2015 — *И. М. Ладыженский*. Графемы ОУ, Ж, Ю и ЮЖ в Ильиной книге // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 215–227.
- Мишина 2001 — *Е. А. Мишина*. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI–XV веков // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М., 2001. С. 197–212.
- Мишина 2002 — *Е. А. Мишина*. Настоящее узальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. М., 2002. С. 199–228.
- Мишина 2018 — *Е. А. Мишина*. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 161–182.
- Мишина 2020 — *Е. А. Мишина*. Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (35). С. 109–135.
- Стойнова 2016 — *Н. М. Стойнова*. Нефутуральные употребления форм будущего времени // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Пентковский 2001 — *А. М. Пентковский*. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Шатуновский 2009 — *И. Б. Шатуновский*. Проблемы русского вида. М., 2009.

- Шевелева 2016 — М. Н. Шевелева. К истории древнерусского глагола *бывати* (аспектуальная семантика) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 526–543.
- Forsyth 1970 — J. A. Forsyth. Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.
- Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // Syntax and Semantics. Vol. 12. Discourse and Syntax / Ed. by T. Givón. New York, 1979. P. 213–241.
- Stunová 1986 — A. Stunová. Aspect and Iteration in Russian and Czech. A contrastive study // Dutch Studies in Russian Linguistics (= Studies in Slavic and General Linguistics, 8) / Ed. by A. A. Barentsen, B. M. Groen and R. Sprenger. Amsterdam, 1986. P. 467–510.
- Stunová 1988 — A. Stunová. Aspect and Sequence of Events in Russian and Czech (A contrastive study) // Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Sofia, September 14–22, 1988 / Ed. by A. Barentsen, B. M. Groen & R. Sprenger. Amsterdam, 1988. P. 507–534.
- Stunová 1993 — A. Stunová. A contrastive study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse (PhD thesis). Amsterdam, 1993.
- Wiemer 2004 — B. Wiemer. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components / Ed. by W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer. Berlin; New York, 2004. P. 271–331.

А. П. Майоров

Бурятский
государственный
университет
им. Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ИДИОМАТИЗАЦИЯ
ПАДЕЖНЫХ ФОРМ
МН. Ч. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В КАНЦЕЛЯРСКОМ УЗУСЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА

Введение

В истории имен существительных русского языка, несмотря на известные фундаментальные труды, в которых исследованы закономерности исторического развития морфологии существительных, остается еще немало спорных вопросов. В частности, хронологические рамки процесса унификации склонения существительных во мн. ч. до сих пор трактуются по-разному. Одни историки языка считают, что унификация склонения существительных во мн. ч. завершилась в конце XVII — первой трети XVIII в. [Шульга 2003]. Рассматривая процесс *a*-экспансии в русском языке, В. М. Живов констатирует, что в живом языке он в основном завершается во 2-й пол. XVIII в., но «в письменных текстах новые флексии нигде не оказываются доминирующими» [Живов 2004: 318]. Высказывается и крайняя точка зрения о том, что в XVIII в. процесс унификации склонения существительных во мн. ч. еще продолжается [Биктимирова 2016: 64–75].

Главной проблемой в установлении хронологических границ процесса унификации является употребление старых и новых падежных форм существительных в текстах различных жанров вплоть до конца XVIII в.

Вариативность как имманентное свойство любого узуса была присуща формам мн. ч. существительных, функционировавшим в деловой письменности восемнадцатого столетия. В историко-лингвистическом (диахронном) аспекте вариативность рассматривается как результат исторических изменений, отлагающихся в виде образования и функционирования новых форм наряду со старыми. Основное положение, которое разделяют большинство исследователей, заключается в том, что вариативность падежных форм существитель-

ных отражает соперничество старых и новых окончаний — *-омь/-емь* и *-амь/-ямь* в Дат. мн., *-ы/-и* и *-ами/-ями* в Тв. мн., *-ехъ/-ьхъ* и *-ахъ/-яхъ* в М. мн. По конкуренции этих форм — преобладанию тех или иных окончаний над другими — делается вывод о завершении процесса унификации или о продолжающейся борьбе старых и новых падежных форм в русском языке.

Чтобы избежать противоречивых толкований при анализе вариативных форм существительных русского языка XVIII в., необходимо, на наш взгляд, придерживаться разграничения синхронного плана варьирования этих форм и диахронического процесса, проявляющегося в исторической динамике функционирования вариативных форм. На методологической целесообразности такого двойного осмысления понятия вариативности настаивали специалисты в области вариалогии [Солнцев 1984: 41; Ярцева 1979: 7; Горбачевич 2009: 8–9, 41–43]. Для истории русского языка необходимым здесь признавалось исследование вариативности, связанной с проявлением в ней литературно-книжной и разговорной стихий [Тарабасова 1986: 30]. Это, в частности, предполагает учет того, что в разных категориях текстов соотношение вариантов, порожденных письменной традицией и разговорным узусом, будет различным [Там же: 156].

Таким образом, исследование истории падежных форм мн. ч. в русском языке XVIII в. в настоящей работе будет опираться на дифференциацию явлений разговорной речи и письменной традиции, в частности делового узуса, и пресловутая вариативность будет изучаться не столько в диахронном, сколько в синхронно-диахронном плане. Это означает, что на первом этапе исследуются исторические изменения падежных форм существительных на протяжении всего восемнадцатого столетия. На втором этапе производится синхронный анализ старых окончаний существительных во мн. ч. как стилистически маркированных элементов делового дискурса, употребление которых ограничено жесткими синтагматическими связями в соответствии с определенным грамматическим значением архаической словоформы, реализуемым в устойчивом словосочетании и вне его. Закреплению падежной формы со старым окончанием в новой стилистической функции способствует специфическое явление, называемое нами «грамматическая идиоматизация». Рассмотрение этого явления и представляет собой главную цель данной статьи.

Исследование проведено на материале забайкальских документов XVIII в., опубликованных в научном издании [ПЗДП], включающем

131 текст объемом приблизительно 15 п. л.¹, и в книге [Меженина 2015], а также на материале дореволюционных фондов Национального архива Республики Бурятия. Принципиально важным для функционально-стилистической характеристики архаичных форм является многообразие жанровой принадлежности данных деловых текстов: это документы распорядительные (указы, приказы, инструкции и др.), отчетно-исполнительные (доклады, рапорты/репорты), судопроизводственные (допросные речи, протоколы, экстракты и др.), просительные (челобитные, объявления, прошения и др.), регистрационные (описи, ведомости, записные книги) и мн. др. Помимо забайкальских документов привлекались материалы тобольских [Выхрыстюк 2004; 2012], тюменских [Трофимова 2002а; 2002б] и уральских [Демидов 2010] памятников деловой письменности, сравнение с которыми позволяло убедиться в обоснованности результатов исследования.

Историческая динамика функционирования падежных форм существительных в деловом узусе XVIII в.

Статистический анализ выявленных форм существительных в Дат., Тв. и М. падежах мн. ч. показал следующую картину.

Общее количество падежных форм существительных в забайкальских текстах — 499. Их распределение по текстам первой и второй половины столетия можно представить в таблице:

	Дат. мн.		Тв. мн.			М. мн.	
	<i>-амъ/-ямъ</i>	<i>-омъ/-емъ</i>	<i>-ами/-ями</i>	<i>-ы/-и</i>	<i>-ми</i>	<i>-ахъ/-яхъ</i>	<i>-ьхъ/-ехъ</i>
1-я пол. XVIII в.	54	17	48	10	5	63	6
2-я пол. XVIII в.	101	6	70	8	13	91	7
За столетие	155	23	118	18	18	154	13

¹ Большую помощь в издании «Памятников забайкальской деловой письменности XVIII века» оказал Александр Михайлович Молдован. В рамках сотрудничества с ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова под руководством А. М. Молдована это послужило точкой отсчета интенсивного развития региональных лингвистических исследований в Бурятском госуниверситете.

Количество старых форм по отношению к новым в течение столетия в процентах составляет:

	Дат. мн.	Тв. мн.	М. мн.
1-я пол. XVIII в.	26%	19%	10%
2-я пол. XVIII в.	7%	4%	7%
За столетие	13%	10%	8,5%

Как видим, процент старых форм по отношению к новым слишком мал, чтобы делать выводы о незавершенном процессе унификации склонения существительных и продолжающейся в разговорном идиоме конкуренции старых и новых форм. Этот факт становится более очевидным, если посмотреть, какие конкретно словоформы предстают со старыми окончаниями. Так, из 23 форм Дат. мн. на *-омъ/-емъ*, использованных в забайкальских памятниках на протяжении всего XVIII в., 8 — *по указомъ*, 5 — *по листомъ*, 1 — *по регуломъ*, 1 — *по экземпляромъ*, 1 — *крестьяномъ*, 1 — *человекомъ*, 1 — *вкладчикомъ*, 1 — *служителемъ*, 1 — *казначеемъ*, 1 — *управителемъ*, 1 — *припасомъ*, 1 — *к неводомъ*.

Отдельных комментариев требует предложно-падежная форма *по указомъ*. В канцелярском узусе XVIII в. была употребительна предложно-падежная форма *по указомъ* в роли формулы-трафарета², первоначально регулярно встречающаяся в документах распорядительных жанров и употреблявшаяся с функцией императивного напоминания о необходимости исполнения действий чиновников согласно свыше спущенным распоряжениям. Старая форма Дат. мн. употребляется с обстоятельственным значением причины, объясняющей совершение предписанного действия. При этом важно отметить другую отличительную черту данного вида формул: выполнение формулой-трафаретом коммуникативной функции не было связано с определенным местом в структуре документа:

по тѣмъ указомъ что повелено учинит учинено л<и> (из ведения 1725 г. — [Меженина 2015: 29]); *велено по преждепосланнымъ указомъ пожарные инструменты какъ теми указами повелено во всехъ городехъ иметь* (из ведения 1753 г. — [Биктимирова 2016: 147]); *и Удинъская комендантская канцелярия благовольтъ о томъ ведать и учинить по Ея Императорскаго Величества указомъ* (из промемории 1770 г. — [ПЗДП: 43]).

² Подробнее о понятии «формула-трафарет» см. в [Майоров 2019: 63–65].

Данная формула-трафарет могла употребляться и в иных жанрах деловой письменности — в просительных документах (челобитных), допросах, заявлениях — и в соответствии с функцией актуализации императивности включалась в состав разных клаузул, не имея строго закрепленного за ней места, — в заключительной формуле вынесения решения (в челобитных), в формуле предупреждения об ответственности за ложные показания (в допросах) и др.:

и учинить решение по указомъ Его Императорского Величества (из челобитной 1741 г. — [ПЗДП: 86]); *ежели сказал што ложно или утаил по указомъ чему будетъ достоинъ* (из допроса 1772 г. — [Там же: 112]); *по указомъ во первыхъ губер(н)скаго магистрата а потомъ и наместническаго правления был отрешаемъ с непохвалностию и презрениемъ* (из голоса 1797 г. — [Там же: 168]).

Нормативность употребления формулы *по указомъ* в канцелярском узусе XVIII в. подтверждается документами, составленными в разных регионах страны — уральских, тюменских, тобольских и др.:

по всевысочайшимъ же вышепредъявленнымъ имяннымъ указомъ (из доношения 1753 г. — [Демидов 2010: 32]); *чинить свободный пропускъ по указомъ* (из билета 1759 г. — [Выхрыстюк 2004: 66]); *а с вышеобявленнымъ прикащикомъ <...> учинить по указомъ потчинения* (из челобитной 1761 г. — [Демидов 2010: 52]); *указные пошлинные принять и совершить по указомъ с припис(ь)ю* (из купчей крепости 1764 г. — [Трофимова 2002а: 194]); *указные пошлинные принять и совершить по указомъ города Тюмени* (из купчей крепости 1766 г. — [Там же: 196]); *и по тем посланнымъ указомъ* (из резолюции 1779 г. — [Там же: 443]).

Таким образом, для оставшихся 15 форм на *-омъ* против 155 форм с новыми окончаниями невероятно объяснение в свете продолжающегося процесса конкурирования старых и новых форм.

Из 18 форм Тв. мн. на *-ы/-и*, использованных в этих памятниках, 7 — *съ товарищи*, 1 — *с крестьяны*, 1 — *за крестьяны*, 2 — *за прописанными обстоятельствомы*, 1 — *с посылщики*, 1 — *с круги*, 1 — *с травы*³, 1 — *со звездки*, 1 — *с переды*, 1 — *с подошвы*, 1 — *с варегги*.

Среди архаичных форм Тв. мн., так же как в случае с формой *по указомъ*, следует выделить формулу-трафарет *с(о) товарищи*, в ко-

³ Формы Тв. мн. на *-ы/-и* от существительных жен. рода включаются сюда же по соображениям, которые будут изложены ниже.

торой словоформа Тв. мн. употреблялась с социативным значением, подчеркивающим участие людей одного социального статуса и рода занятий с тем, о ком идет речь в документе:

Ехать вам <...> к брацкому иноземцу заисану Тындею с товарищи (из инструкции 1730 г. — [ПЗДП: 22]); *бывшаго вологодского купца Матвея Оконешникова съ товарищи* (из промемории 1778 г. — [Там же: 43]); *крестьяне Василеи Сазонов с товарищи <...> без всякой причины и при них рогатина и ножи удара одного тунгуса...* (из просьбы 1785 г. — [Там же: 101]); *выдать с роспискою неудержно <...> означенным протестателям купцам Шевелеву с товарищи подлинною указъ* (из протокола 1797 г. — [Там же: 122]) и др.

Зафиксированные остальные 11 словоформ на фоне 118 новых вряд ли можно трактовать с точки зрения эволюции системы склонения как конкурирующие языковые единицы.

Из 11 форм М. мн., представленных в забайкальских деловых текстах, 5 — *в (разных, первых, последних) числех*, 4 — *в мещанех*, 1 — *в разных местех*, 1 — *при указах*.

Из данных форм М. мн. устойчивостью воспроизведения обладает словосочетание *в (каких-то) числех*:

в разных числѣхъ собрано по умерших и всяких прикладных денегъ на 50 рублевъ 25 копѣекъ в разных числѣхъ промѣнено восковых свѣчъ на 45 рублевъ 60 копѣекъ в разных числѣхъ продано прикладных камокъ и китаек на 29 рублевъ 40 копѣекъ (из ведомости 1735 г. — [ПЗДП: 150]); *в которыхъ <...> числѣхъ понеже грамотъ не учень подписался* (из допроса 1738 г. — [Меженина 2015: 102]); *в последних а по кра'ней мере мая в первых числех* (из приговора 1753 г. — [Биктирова 2016: 141]).

Если не учитывать эти 5 форм как дань письменной традиции, остаются 6 архаичных форм, которые по сравнению с 154 новыми трудно рассматривать как свидетельство незавершенного процесса унификации склонения существительных.

Таким образом, функционирование архаичных флексий за пределами устойчивых формул требует своего объяснения, но их анализ должен проводиться уже не в диахронном плане. Поскольку их существование (образование и употребление) непосредственным образом связано с отмеченными устойчивыми формулами, которые также включают в свой состав старые формы, представляется методологически целесообразным рассмотрение в первую очередь лингвисти-

ческих понятий, характеризующих многообразные случаи функционирования устойчивых словосочетаний в речевой деятельности.

В свете противопоставления архаичных форм в рамках устойчивых словосочетаний тем же формам в свободных словосочетаниях, отмечается преобладание старых форм в конструкциях, в которых какие-то из этих форм являются однородными с подобными формами в составе устойчивой формулы: например, устойчивое словосочетание *со всеми угоды* за его пределами могло вызвать в качестве однородных членов такие же архаичные грамматические формы — *со всеми угоды с дуги и (з) болоты* (пример из [Шульга 2003: 250]). Подобное явление наблюдается и в текстах неделовой письменности. По наблюдению Л. Ф. Килиной над языком летописей, «если в контексте формулы следовали одна за другой, то появлялась целая цепочка однотипных по структуре единиц» [Килина 2010: 137]. В исследуемом материале к подобным случаям относится пример со словоформой *месяцех: в которых мсцех и числьх понеже грамать не учень подписался* (из допроса 1738 г. — [Меженина 2015: 102]). Вместе с тем возникает вопрос: как тогда объясняются архаичные формы, употребляющиеся вне контекста следования однотипных форм?

Фактам своеобразной экспансии форм Тв.мн. на *-ы/-и* ученые находят объяснение в развитии омонимии И.-В.-Тв. мн. у слов с исконным противопоставлением Тв. падежа И.-В. падежу, т. е. у существительных жен. рода, а также в унификации синонимии флексий рядом стоящих форм (*с хомуты и (з) дуги, с телеги и припасы, с племянники и племянницы* [Шульга 2003: 251]).

Характерно, что исследуемые образования в функционально-стилистическом аспекте оцениваются неоднозначно.

Так, с одной стороны, В. М. Живов, рассуждая о немотивированной вариативности форм в русском языке XVII в., подчеркивает отсутствие стилистической значимости старых или новых флексий, зависимости выбора флексии от характера лексики, не только семантического, но и формального (он приводит примеры из летописных текстов: *по иным градам розослаша, но и посла по городом...*). «Речь может идти, — пишет ученый, — только о сохранении старых форм в клишированных словосочетаниях, набор которых различен, естественно, для текстов разных регистров. Такие факты, как, скажем, появление фразы *по правилом святых апостол и святых отец* в Уложении 1649 г. (гл. X, ст. 255) с единственным примером старой флексии в дат. мн. существительных ср. рода <...> или клишированное *с товарищи* в деловых текстах никак не являются редкостью, однако

никакого отношения к стилистической дифференциации морфологических показателей они не имеют» [Живов 2004: 319].

С другой стороны, Г. А. Хабургаев расценивает старые формы Тв. мн., «доживающие до конца XVIII века» в составе устойчивых формул (та же предложно-падежная форма *со товарищи* или *с товары, перед дяки*), как явные канцеляризмы [Горшкова, Хабургаев 1981: 199].

Разделяя точку зрения ученого, следует заметить, что устойчивые формулы с архаичными окончаниями в Дат. мн., Тв. мн., М. мн. и, главное, их распространение за пределы этих формул в текстах неделовой письменности мы не встретим. Ограниченность сферы употребления устойчивых формул с определенным лексико-грамматическим наполнением деловой письменностью указывает на стилистическую маркированность подобных устойчивых словосочетаний в деловом узусе.

Грамматические идиомы с архаичными падежными формами в канцелярском узусе XVIII в.

В силу действия системообразующего свойства оппозиции старых и новых форм стилистически значимый характер старых падежных форм актуален в условиях их употребления за пределами устойчивых словосочетаний. Можно сказать, что старые падежные формы в составе устойчивых формул (формул-клаузул, формул-трафаретов), выполняющих стилеобразующую функцию, «провоцируют» их функционирование в свободных словосочетаниях с тем же грамматическим значением и с той же коммуникативной функцией. Это уже не устойчивая формула, отличающаяся воспроизводством в готовом виде отдельных слов и словоформ, но некая модель порождения архаичных форм с определенным грамматическим значением, наделяемых стилистической функцией и характеризующихся таким образом своего рода идиоматичностью.

Если идиоматичность в обычном понимании представляет собой неразложимость значения языковой единицы на значения единиц, вычленимых в ее формальном строении, и, соответственно, невыводимость значения целого из значений частей в данной их структурно-семантической связи [Русский язык 1979: 90–91], то в этой работе под идиоматичностью понимается неразложимое единство старой падежной формы с определенным грамматическим значением. Ины-

ми словами, в канцелярском узусе XVIII в., помимо функционирования устойчивых формул с определенным стилистическим заданием, прослеживаются примеры употребления старых падежных форм, которые, обобщая, уместно назвать грамматической идиоматизацией. Данный термин, вводимый в исследовательский обиход, обозначает образование словосочетаний со старыми падежными формами в определенном грамматическом значении с целью выполнения ими стилеобразующей функции по аналогии с воспроизводством устойчивых формул, содержащих в своем составе архаичные падежные формы с тем же грамматическим значением.

Таким образом, конкретные случаи употребления старых падежных форм можно разделить на две группы: старые падежные формы в составе устойчивых формул и старые падежные формы как грамматические идиомы. Рассмотрим наиболее выразительные примеры из анализируемого материала забайкальских памятников деловой письменности.

В отличие от устойчивой формулы-трафарета *по указомъ*, словосочетания *по регуломъ* и *по экземпляромъ*, также содержащие старые окончания Дат. мн., представляют собой грамматические идиомы, у которых план выражения предопределен планом содержания, тесно связан с лексической и грамматической семантикой данных слов, а также со стилистической и коммуникативной функциями словесных оборотов:

В протчем будучи при той работе поступать тебе во всем по регулом (из инструкции 1754 г. — [ПЗДП: 21]); *по присланным при объявленном указе печатным экземпляром по здешней канцелярии непременно исполнение чинено быть имеет* (из промемории 1766 г. — [Там же: 39]).

Грамматическая идиоматизация словоформ *по регулом* и *по экземпляром* обусловлена двумя факторами: во-первых, *регулы* и *печатные экземпляры указа* — это наименования распорядительных документов, как и слово *указъ*, и их лексическая семантика отвечает коммуникативному намерению составителя документа выразить модальность волеизъявления; во-вторых, под влиянием устойчивой формулы *по указомъ* и по аналогии с ней словоформы *регулом* и *экземпляром* наделяются соответствующим грамматическим значением обоснования необходимости совершения предписанных действий, а в рамках жанров распорядительной документации — модальностью императивности.

Из старых форм Тв. мн., представленных в указанном научном издании, разберем также наиболее типичные для выделенных двух разрядов устойчивых словосочетаний.

Закономерность воздействия устойчивой формулы на образование грамматических идиом проявляется здесь в грамматической идиоматизации конструкции «предлог *с* + старая форма Тв. мн. с социативным значением». Данной закономерности может быть присуща одна особенность, характеризующая изменчивость статуса описываемых явлений. По мере регулярного и частого употребления для обозначения каких-то стереотипных ситуаций, повторяющихся явлений грамматические идиомы постепенно закрепляют в своем лексико-грамматическом составе формы определенных слов и, застывая, преобразуются в устойчивые формулы. Так произошло с выражением *с* или *за* *крестьяны*, возникшим вслед за устойчивой формулой-трафаретом *с(о) товарищи*. Активная употребительность новой грамматической идиомы подтверждается данными не только забайкальской деловой письменности, но и документов других российских регионов XVIII в.:

*жить и служит[ь] <...> во всяких надлежащих мнстрских здъл[ь]ях внов[ь] в пашенных крестьянех с прочими оного мнстря пашенными **крстьяны** вповал и совладътелно* (из записи 1736 г. [Словарь 2011: 81]); *А послѣ намѣ старость с **крестьяны** в тѣхъ* <домашних животных — А. М.> *не челобитоват[ь] и ни в чемъ не взыскивать якобы оныя взяты нагло но ис <sic!> своимъ добротнымъ желаниемъ приложили* (из мировой челобитной 1761 г. [Там же: 513]); *Велено <...> со всех обтом собрать сорокъ подводъ для перевозки из Удинска в Селенгинскъ <...> правянта десяти тысячнаго числа пудъ в общество с **посацкими крестьяны** и разночинцами* (1767 г.*⁴ — [Там же: 287]); *состоящее в разных уездахъ погостахъ деревняхъ и пу(с)тошахъ съ людьми и со **крестьяны** что на его дмитриеву часть будет следовать со всеми угодий* (из указа 1788 г. — [Выхрыстюк 2012: 105]); *на проданное им движимое и недвижимое с людьми и **са крестьяны** имене* (из указа 1788 г. — [Там же]).

Конструкция «*с* + Тв. мн. существительного», помимо описанного выше значения полноценного участника в каком-либо совместном действии, обладает дополняющей социативность семантикой «каче-

⁴ Здесь и далее год под звездочкой указывает на то, что жанр документа, откуда взят иллюстративный материал, неизвестен.

ственной характеристики». С помощью «с + Тв. мн.» указываются внешние признаки неодушевленных предметов.

Особенно употребительна старая форма Тв. мн. в регистрационных документах, в контекстах с перечислением каких-либо вещей, товаров, продуктов, предметов утвари и т. п.:

подзор штофу коришневого с травы малиновыми подкладъ китайки лазоревой (из описи 1735 г. — [ПЗДП: 142]); *китайско' материу кирпичного цвѣту клинчатой с круги разных цвѣтовъ* (из описи 1735 г. — [Там же]); *китайско' же материу желтоклетчатой с синими звѣздки оплече желтое* (из описи 1735 г. — [Там же]); *верхонки лосиные на сапоги платы с переды и подошвы дубленными* (из записной книги 1739 г. — [Там же: 153]); *двои чарки верхонки лосинны с varegu* (из записной книги 1739 г. — [Там же: 154]).

Похоже, эта особенность канцелярского слога была довольно типичной: как раз ее использовал великолепно чувствовавший дух культуры любой эпохи А. С. Пушкин для стилизации определения суда в повести «Дубровский», описывающей события в начале XIX в.:

*купил <...> имение состоящее ** округи в помянутом сельце Кистеневке <...> всего значащихся по 4-й ревизии мужеска пола ** души со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землею, лесами, санными покосы, рыбными ловли по речке называемой Кистеневке.*

В деловом языке XVIII в. среди архаичных форм М. мн. выделяется ряд словоформ, выступающих в синтаксической роли временного детерминанта: помимо представленного в [ПЗДП] *в* (каких-то) *числех* встречаются аналогичные предложно-падежные формы *в* (каких-то) *летех* 'в определенном возрасте', *в* (каких-то) *годех*:

конной табун сколько в каковых лѣтъх имѣтца освидѣтельствовали (из доношения 1737 г. — [Меженина 2015: 83]); *и в прошлых годехъ оной отецъ мой в гладное время отбыл из Нерчинска за камень* (1747 г.* — [Словарь 2011: 98]); *въ 755^м и въ 756^м годѣхъ вмѣсто положенной отсыпи десятинами от них крестьян плачено было* (1755 г.* — [Там же: 312]).

Квалификация подобных архаичных форм как устойчивых формул-графаретов или как грамматических идиом встречает некоторые трудности, поскольку неясны отношения производности между ними. Скорей всего, первоначально в качестве устойчивой

формулы-трафарета сформировалось словосочетание *в* (каких-то) *летех*. В предшествующий период, в русском языке XIV–XVII вв., со значением определенного количества истекшего времени употребительны именно архаичные формы в отличие от новых:

А по трехъ лѣтъхъ явися емоу сѣя бѣа СбТр, к. XIV, 214 [Сл. XI–XIV, 4: 462]; *о немже бѣ в заднихъ лѣтъхъ писано* ЛИ, ок. 1425 [Там же]; *по 30 летехъ яз Магнуш король, того не радя, поднялся есми со своєю землею Свескою* [Холм. лет: 83], сп. XVII в.

Характерно, что в XVIII в. для обозначения зрелого, пожилого возраста стало устойчиво использоваться словосочетание с новой формой — *в летах* (*быть*) [Сл. XVIII, 11: 162]. Однако с тем же значением определенного периода прошедшего времени продолжает употребляться архаичная форма: *Сила турецкого салтана в летех прешедших зело велика* Геогр. 1710, 62 [Там же].

В дальнейшем, похоже, по аналогии с этими идиомами, как грамматические идиомы с архаичными формами закрепляются *в* (каких-то) *числах*, *в* (каких-то) *годах*, выступавшие в той же синтаксической роли.

Старые формы М. мн. устойчивы также в предложно-падежной конструкции, характеризующей какую-то категорию лиц по профессии, социальному статусу (*в мещанех*, *в солдатех*, *в крестьянех*), которые также должны характеризоваться как грамматические идиомы:

жить и служит[ь] без всякаго прекословия послушно <...> в пашенных крестьянех (из записи 1736 г. — [Словарь 2011: 81]); *и тѣмъ мнитсѣ быть в нихъ крестьянех не безъ фалши* (1748 г.* — [Там же: 238]); *арматурной списокъ что состоитъ при командированныхъ в Нерчинские заводы <...> солдатех* (из арматурного списка 1768 г. — [Там же: 450]); *и имѣть вышеписанное о солдатехъ об[ъ]явление в крайнемъ секретѣ* (1754 г.* — [Там же: 210]); *и в гдреве службѣ и в тягле нигде и в холопехъ и во крестьянехъ и в бобыляхъ ни у кого не бывали* (из выписки 1778 г. — [Трофимова 2002а: 53]); *состоитъ в купцахъ пятьдесятъ одна в мещанехъ пятьсотъ девяносто восемь* (из репорта 1796 г. — [ПЗДП: 74]); *осталось по сей ревизии по Кяхтинскому фарпосту в мещанехъ и в цеху самое уменьшительное число* (из репорта 1796 г. — [Там же]).

Выявляемая модель образования грамматических идиом с архаичными окончаниями заставляет предположить, что отмеченные, но не рассмотренные в силу отсутствия дополнительного до-

казательного материала формы за *прописанными обстоятельством, с посылщики, при указах, в разных местех* также представляют собой образования, у которых определенное грамматическое значение и функционально-стилистическая роль требовали использования архаичных окончаний.

Употребление подобных архаических форм находит некоторое сходство с явлением неполноты парадигмы слова, описанным Б. Ю. Норманом. Рассматривая различные ситуации неполноты парадигмы, ученый выделяет такой случай, когда «вся парадигма сводится к одной-единственной форме», которая выступает полномочным репрезентантом слова (наиболее известные в русском языке примеры: *щец, дровец, дружище, по мордасам, ни зги, памятуя* и т. д.)» [Норман 2011: 154]. Сходство это проявляется в том, что в старорусском языке какие-то словоформы выделяются своей употребительностью в определенной сфере в связи с распространенным, стереотипным для данной сферы коммуникативным заданием и эта выделенность предопределяет формальную маркированность в виде использования архаичных форм. Семиотизация подобного рода имеет зеркальный характер, повторяясь в истории русского языка на разных этапах его развития. Так, в Петровскую эпоху кардинальные преобразования того же делового языка, в предшествующую эпоху крайне обособленного от книжно-литературного узуса, связаны с широким вторжением церковнославянизмов в деловой язык.

Заключение

Таким образом, морфологическая вариативность в XVIII в. поддерживается кардинальными преобразованиями русского языка, идущими по пути синтеза языковых стихий — церковнославянской и народно-разговорной, и формирования единой полифункциональной языковой базы у ранее обособленных письменных регистров (приказного, светского, духовного и др.). Процесс *a*-экспансии в русском языке (если иметь в виду его первичную генетическую форму) в основном завершается еще в XVII в., но в письменных текстах вариативность старых и новых форм сохраняется до конца XVIII в. На проблему вариативности старых и новых форм В. М. Живов предлагал посмотреть в функционально-коммуникативном аспекте. Вытеснение старых флексий, по его мнению, следует объяснять не влиянием живой речи (оно могло быть и раньше), а стремлением к переустройству нового письменного языка, к созданию нового языкового стандарта: «новая

культурная политика побуждала к разрыву с традицией, т. е. к игнорированию ориентации на образцы» [Живов 2004: 333]. В этом свете использование идиоматических форм со старыми флексиями в канцелярском слоге маркирует, напротив, преемственность приказной традиции, выступающей в качестве символа делопроизводственной деятельности в целом.

При многочисленных случаях немотивированной вариативности в языке первой трети восемнадцатого столетия устойчиво употребительны практически до конца столетия отдельные старые формы, функционирование которых обусловлено письменными навыками, сформированными еще в приказной традиции. При этом, наряду с устойчивыми формулами делового узуса, унаследованными от приказной традиции, происходит образование других словосочетаний со старыми падежными формами по аналогии с воспроизводством устойчивых формул. Возникая по модели этих формул, новые словосочетания содержат в своем составе те же архаичные формы с определенным грамматическим значением и выполняют стилеобразующую функцию. Иными словами, образуются своеобразные грамматические идиомы, а само производство их можно назвать грамматической идиоматизацией в условиях делового дискурса. Подобные специфические явления канцелярского узуса XVIII в. подтверждают мысль В. М. Живова о том, что «выбор варианта может указывать на традиционность текста, на те образцы письменного узуса, к которым должен примкнуть новый текст» и что «создавая текст определенного типа, пишущий воспроизводит ту конфигурацию вариантов, которая была характерна для предшествующих текстов того же типа» [Там же: 534].

Источники и сокращения

- Выхрыстюк 2004 — Тобольская старина. Часть I: Материалы делопроизводства г. Тобольска второй половины XVIII века / Автор-составитель М. С. Выхрыстюк. Тобольск, 2004.
- Выхрыстюк 2012 — Тобольская старина. Часть III: Материалы делопроизводства г. Тобольска второй половины XVIII века / Автор-составитель М. С. Выхрыстюк. Тобольск, 2012.
- Демидов 2010 — Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735–1786. Екатеринбург, 2010.
- Меженина 2015 — Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века. Сост. Т. Н. Меженина. СПб., 2015.

- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
- Сл. XI—XIV, 4 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 4 (изживати — моление) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991.
- Сл. XVIII, 11 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11 (*Крепость — Льяной*). СПб., 2000.
- Словарь 2011 — А. П. Майоров. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.
- Трофимова 2002а — О. В. Трофимова. Тюменская деловая письменность. 1762—1796 гг. Книга II. Памятники Тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002.
- Трофимова 2002б — О. В. Трофимова. Тюменская деловая письменность 1762—1796 гг.: Книга III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762—1769 гг. в аспектах лингвистики и документоведения. Лингвистический анализ текста. Тюмень, 2002.
- Холм. лет. — Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977.

Литература

- Биктимирова 2016 — Ю. В. Биктимирова. Морфология памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII—XVIII в.: именные формы. Чита, 2016.
- Горбачевич 2009 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. М., 2009.
- Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.
- Килина 2010 — Л. Ф. Килина. Формулы русского летописного текста как структурная база развития языковых явлений // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. М.; Ярославль, 2010. С. 134—139.
- Майоров 2019 — А. П. Майоров. Формулы в деловом узусе русского языка XVIII в. // *Philologos*. Вып. 4 (43), декабрь 2019. С. 62—70.
- Норман 2011 — Б. Ю. Норман. Полнота/неполнота парадигмы как признак слова // Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с међународног симпозијума. Нови Сад; Београд, 2011. С. 151—163.
- Русский язык 1979 — Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979.

- Солнцев 1984 — *В. М. Солнцев*. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.
- Тарабасова 1986 — *Н. И. Тарабасова*. Явление вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М., 1986.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Хабургаев 1990 — *Г. А. Хабургаев*. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Шульга 2003 — *М. В. Шульга*. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.
- Ярцева 1979 — *В. Н. Ярцева*. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.

Т. В. Пентковская

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

ИНФИНИТИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ
В КОРАНЕ 1716 г.*

Изданный в 1647 г. «L'Alcoran de Mahomet», переведенный на французский язык дипломатом и переводчиком Андре Дю Риe, стал трудом во многом отношении знаковым. Впервые на современный европейский язык был переведен непосредственно с арабского языка, а не с латыни, священный текст, не принадлежащий к библейской традиции, причем перевод был предназначен для широкого читателя. С этого перевода, в свою очередь, были выполнены переводы на другие европейские языки: на английский (1649), на голландский (1658), на немецкий (1688) — через посредничество голландской версии [Larzul 2009: 149–153]. Три перевода с французского оригинала Дю Риe были сделаны на русский язык, причем два из них — в петровскую эпоху¹.

Старший русский перевод с французского оригинала был напечатан в 1716 г. в Санкт-Петербурге в Синодальной типографии под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий». Второй перевод Корана, озаглавленный «Закон Магометанский», с того же французского оригинала напечатан не был. Он представлен в двух рукописях: БАН, 33.7.6² и РГАДА, МГАМИД (ф. 181) № 148. Обе рукописи не датированы, вторая из них была переплетена в 1726 г. [Запольская 1988: 75–91].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42009 «Перевод Корана Петровской эпохи».

¹ Общие сведения об этих переводах неоднократно повторяются в современных обзорных работах, посвященных становлению коранической традиции в России Нового времени [Густерин 2011; Густерин 2015; Резван 2014: 256–263], и восходят к исследованиям П. П. Пекарского [Пекарский 1862] и И. Ю. Крачковского [1934].

² Далее примеры из этого перевода цитируются по данной рукописи.

Второй перевод Корана, по мнению, высказанному в разное время А. А. Крумингом и Н. Н. Запольской, мог принадлежать Петру Постникову (младшему из двух братьев, носивших одинаковое имя), представителю известной династии переводчиков и дипломатов³, переводчик же напечатанного в 1716 г. Корана остается неизвестным [Круминг 1994: 231; Запольская 2002: 445]. Предполагалось также, что авторство печатного перевода 1716 г. принадлежит старшему брату Петру Постникову, а младшему Петру — второй (неопубликованный) перевод [Густерин 2013: 159–163; Кислова 2019: 57].

Сохранился корректурный экземпляр печатного издания Корана — РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) и наборная (кавычная) рукопись РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034. Текст наборной рукописи написан справщиком Петербургской типографии Михаилом Волковым и содержит исправления, выполненные им самим и вторым справщиком Иваном Кременецким. В корректурном экземпляре также имеется правка этих двух справщиков с их подписями на нескольких страницах, однако сведений о переводчике ни в рукописи, ни в издании нет [Круминг 1994: 233; Запольская 2002: 436–437].

Некоторые аспекты этой редакторской правки были описаны в работе [Запольская 2002: 437–442] без привлечения французского оригинала. Настоящая статья посвящена рассмотрению важнейшего для характеристики языка печатного Корана диагностического аспекта справки — употреблению различных инфинитивных конструкций.

В печатном тексте Корана нередко появляется конструкция «вин. п. + инфинитив» Лишь в одном из контекстов она не является результатом правки первоначального перевода: РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) гдѣ ваши ідолы, кому вы моліліся; вы отвратіліся купно. и отлучіліся отъ тѣхъ, которые **желали васъ быть** под ихъ защищеніемъ на земли (л. 79) — *je ne vois pas avec vous les Idoles que vous avez adorés; vous vous êtes séparés d'ensemble, et avez quité ceux **que vous estimiez** en terre **devoir être** vos protecteurs* (с. 108)⁴. Инфинитивная конструкция есть в данном случае и во французском тексте, вероятно, она оказывает влияние на выбор переводчика. Правка в рукописи затрагивает только первую фразу, но не инфинитивную конструкцию: гдѣ ваши ідолы ← азъ не вижу с'вами идиловъ вѣшихъ (л. 82 об.). Сопоставление с французским текстом показывает, что в начальной части фразы

³ О династии Постниковых см. [Кислова 2019].

⁴ Французский текст цитируется по изданию: André Du Ryer, L'Alcoran de Mahomet. La Haye: Adriaan Moetjens, 1685.

справщики удаляются от оригинала, так как не привлекают его при редакции. Ср. 2-ой перевод, в котором появляется тв. п. предикативный: невижу с вами идоловъ которы^м вы поклонялися; ра^дѣлилися другъ ѿ друга, поставили ѡны^х которы^х чаяли на земли вамъ быти защитителями (л. 155 об.—156).

В других местах текста инфинитив добавляется при справе. В обычной рукописи в части таких случаев встречаются придаточные предложения: et acroir la colére de sa divine Majesté sur les infidèles (с. 161) — РГАДА, ф. 381 № 1034 I чаю^т что гнѣ^б бѣжи^и на невѣрныхъ (л. 117 об.) [*в рукописи правки нет*] → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) чаю^т гнѣ^бвъ божии быти на невѣрныхъ (с. 116); qui declare que Dieu est son Seigneur (с. 369) — РГАДА, ф. 381 № 1034 которыи обявляеть что бѣ^гъ есть Г^дь его (л. 332 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) иже обявляеть Бога быти Господа своего (с. 265); ils diront qu'ils sont témoins (с. 440) — РГАДА, ф. 381 № 1034 они скажутъ что они с^хт^ь свидѣтели (л. 382 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) и будутъ глаголати себе быти свидѣтели (с. 316).

В одном фрагменте в результате исправлений появляется конструкция, в которой вместо ожидаемого двойного вин.п. при инфинитиве вин.п. сочетается с дат. п. мн. ч.: si vous croiez qu'ils soient Dieux (с. 136) — РГАДА, ф. 381 № 1034 аще вы чаете что они с^хт^ь бѣ^ги (с. 99) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) аще вы чаете ихъ богомъ быти (л. 101 об.).

В другом подобном случае в инфинитивной конструкции с двойным вин.п. место второго из них замещается тв.п. предикативным: et peu s'en a falu qu'elle n'ait fait connoitre qu'elle étoit sa mère (с. 301) — РГАДА, ф. 381 № 1034 I мало угодно что она бысть мати его [*сверху теми же чернилами: не бысть*] (л. 268) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) едва и не яви себе ему материю быти (с. 218)⁵. Отметим, что тв.п. предикативный вместо двойного вин. п. может не заменяться при правке:

⁵ В аналогичном случае ниже придаточное с личной формой глагола остается без правки: РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) она послѣдова имъ издаличе, непоказая имъ, что она бысть ея сестра (с. 218), то же РГАДА, ф. 381 № 1034 (л. 268) — elle le suivit de loin sans lui faire connoitre qu'elle fut sa sœur (с. 301). Таким образом, правка выше сопровождает устранение буквализмов (мало угодно — peu s'en a falu 'мало-помалу' → едва не яви), то есть, в отличие от буквализированных переводов с греческого на церковнославянский язык, задачей правки было не формальное приближение перевода к французскому тексту, а его понятность в сочетании с приданием ему книжно-литературного статуса.

il m'a fait Prophète (с. 238) — РГАДА, ф. 381 № 1034 онъ мя сотвори пророко^м (л. 193) — РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) онъ мя сотвори про- рокомъ (с. 172).

Еще в одном примере инфинитивная конструкция возникает при справе фрагмента, в котором во французском тексте находится каузативная конструкция: Le Diable leur a fait trouver leur actions agréables (с. 142) — РГАДА, ф. 381 № 1034 дияво^л показа I^м сия дѣла полезныя [конечное «е» в «полезные» зачеркнуто, сверху надписано «быти»] (л. 105)⁶ → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) діаволь показа имъ сия дѣла полезны быти (с. 103).

Дополнительный инфинитив вводится при правке фрагмента с ошибочным переводом глагола, по всей вероятности, чтобы придать контексту законченный смысл: qui craignent Dieu (с. 284) 'которые боятся Бога' — РГАДА, ф. 381 № 1034 которые чають бѣа (л. 247) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) иже чають бога быти (с. 205).

Наконец, предложно-падежная конструкция, связанная с разговорным языком, правится на инфинитивную в следующем случае: parce qu'il le connut homme d'esprit (с. 189) — РГАДА, ф. 381 № 1034 понеже призна^л его за члѣвѣка хмного (л. 143 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) понеже призналъ его быти челоувѣка умного (с. 137)⁷.

Отметим, что лишь единичный случай употребления оборота вин. п. с инфинитивом зафиксирован еще в одном, более раннем переводе с французского языка Петровской эпохи — в так называемой «Шлюзной книге» («Книга о способах, творящих воздухождение рѣкъ свободное») 1708 г.⁸ Там, однако, употребление данного оборота объясняется французским влиянием: А ежели не такъ, въ мѣсто того, чтобъ **видѣти воду входить**, въ сеи новой каналъ онъ наполнѣтся тѣною и нечѣстотою рѣчною — ... autrement au lieu d'y **voir entrer l'eau**, ce nouveu canal s'emplitroit du limon et des excréments de la reviere [Круглов 2004: 55].

В печатном тексте Корана встречается и дат. п. с инфинитивом: РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) А которые невѣрили воскресенію быти, суть

⁶ Ср. 2-ой перевод: БАН, 33.7.6 дияво^лскимъ наво^ждениемъ у^зрили свои дѣла удобны (л. 194).

⁷ В начале этой фразы остается без исправлений тв. п. предикативный: и сотвори его началникомъ (с. 137), то же РГАДА, ф. 381 № 1034 (л. 143 об.) — et le fit Surintendant de ses finances (с. 189).

⁸ Это первый перевод с французского языка, напечатанный гражданским шрифтом. Как и в случае Корана, перевод был сделан по указу Петра I [Круглов 2004: 40].

суетные (с. 95) — et qui ne croient pas en la resurrection sont inutiles (с. 131). В рукописи РГАДА, ф. 381 № 1034 инфинитив был добавлен в ходе редактуры: I которые невѣрили ввоскресение схть сшетные (л. 97 об.). Замены, предложенные редакторами: А ← I, ввоскресение ← воскресению быти. Исправления очевидным образом отдаляют текст от французского оригинала.

Приведем аналогичный контекст: et les impies qui n'auront pas scu en la resurrection (с. 167) — РГАДА, ф. 381 № 1034 тако I про^тчие нечестивые невѣровали в воскресение (л. 121 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) тако и прот^чіе нечестивые что не вѣровали воскресенію быти (с. 120). В сходном по смыслу фрагменте в первоначальном переводе использована конструкция с глаголом в личной форме: seux qui croient qu'il n'y a point de resurrection (с. 162–163) — РГАДА, ф. 381 № 1034 которые чають нѣсть воскресения (л. 118 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) которые чають быти воскресенію (с. 117) — при редактуре теряется отрицание.

При правке к инфинитиву добавляется форма дат.п. местоимения, которого не было во французском оригинале и в первоначальном переводе: de trahir mon Maitre, et d'être impudique (с. 186) — РГАДА, ф. 381 № 1034 призовх хозяина моего дабы быти чистх (л. 140 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) прізову господіна моего, да бы быти ми чісту (с. 134).

Перевод предложения, содержащего каузативную конструкцию, также подвергается правке, в результате которой появляется дат. п. с инфинитивом: n'avons-nous pas fair descendre l'eau des nuës (с. 466) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Не послахомъ ли мы до^ждь воду із облака (л. 400 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Не мы ли устроіхомъ нізходіти водѣ ізъ облака (с. 335).

Наконец, в результате правки исходная фраза перестраивается полностью, существенно удаляясь от первоначального варианта: Nous voіci nous sommes retournés sur la terre au lieu d'où étions sortis (с. 467) 'вот мы вернулись на землю, откуда вышли' — РГАДА, ф. 381 № 1034 мы *видимь* о^ткхдх мы вышли с котораго мѣста земли (л. 401 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) се мы *зримь* возвращатіся намъ на землю въ мѣста, ізъ которыхъ мы произошли (с. 336). При этом в печатном тексте не исправлена ошибка перевода, содержащаяся в рукописи, где voіci 'вот' принято за форму глагола voir.

Примечательно, что инфинитивные кальки первоначального перевода, обусловленные французским оригиналом, могут устраняться при справе: Les infidèles tâchent de t'ébranler par leur regards, et

ce par envie, ils disent que tu es un démoniacle lors-qu'ils t'entendent lire l'Alcoran; il n'a été envoyé que pour instruire le monde (с. 451) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Невѣрныя поколебалися і ненавистию сие есть, рекхътъ что ты еси демонскіи когда они слышать читати алкоран. Токмо онъ посланъ есть нахчити народъ (л. 390 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Невѣрныя колеблются ненавистию своею, глаголюще: яко ты еси демонскіи, когда слышать ты читающа Алкоранъ, токмо онъ посланъ есть научити народъ (с. 324). Инфинитив заменяется справщиками на книжную конструкцию вин.п. с причастием.

Значительным числом случаев в корректурной рукописи Корана представлена редакторская правка, в результате которой в печатный текст переходят предложенные справщиками инфинитивные конструкции. В частности, это *еже* + inf. Дважды встречаются замены *pour* + inf. — inf. → *еже* + inf.: *lors-qu'on les apele devant Dieu et devant le Prophète pour juger leur différence* (с. 277) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Когда призовхътъ І^х предбѣга І пре^а пророка быти схдимымъ (л. 239) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Когда призовуть ихъ предъ бога, и предъ пророка, **еже быти судимымъ** (с. 200); ... **pour...** le conduire au droit chemin, et **acquérir** notre grace (с. 305) — РГАДА, ф. 381 № 1034 приво^ждаючи направо^и пх^т І избобрѣтати нѣшу мл^сть (л. 272 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) приводя на правый путь, **еже обрѣсти** нашу милость (с. 220). Дважды отмечается также правка *pour* + inf. — *дабы* + inf. → *еже* + inf.: *qui a créé la mort et la vie, pour vous faire connoître quelle est la meilleure* (с. 447) — РГАДА, ф. 381 № 1034 которыи со^твориль жи^знь І свѣтъ [*сверху*: І смерть]. **дабы ва^м показать** что лх^тшее (л. 387) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) которыи... сотвориль жизнь и смерть, **еже вамъ показать** лучшее (с. 321); *le feu d'enfer est toujours alumé pour brûler le cœur des méchans* (с. 484) — РГАДА, ф. 381 № 1034 огнь адскіи всегда зажжены^и есть, **дабы жещи** сердца слы^х (л. 412) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) огнь бо Адскіи всегда зажженыи есть, **еже жещи** сердца слыхъ (с. 349).

Преобладают, однако, исправления на конструкции *еже бы* + inf. Во французском тексте им соответствуют, как правило, инфинитивы с предлогами. Чаще всего это *pour* + inf. Наибольшее числом примеров (11) приходится на соответствие *pour* + inf. — *дабы* + inf. → *еже бы* + inf.

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) а которые не послушаютъ твоего разсужденія, и не будутъ вѣровать въ ветхій тестаментъ, иже есть вождь правого пути, и свѣтіло пророкомъ, **еже бы разсуждати разно-**

сти, которые суть между правовѣрными, между жидами, ихъ учителяи. и ихъ попами, которые учились читанію, и суть свидѣтели, что оно содержитъ истинну (с. 65) — Ils n'exécuteront pas ton jugement, ni ne croiront pas en l'ancien Testament, dans lequel est le guide du droit chemin, et une lumiere aux Prophètes **pour juger** des difereus qui sont entre les vrais croians, entre les Juifs, leus Docteurs, et leur Prêtres qui étudient l'Escriture, et qui sont témoins qu'elle contient la vérité (с. 88). Несколько чтений этого фрагмента являются результатом правки, в их числе союз при инфинитиве (на первом месте чтение печатного экземпляра, на втором — рукописи РГАДА, ф. 381 № 1034): а которые ← они; иже есть ← которой; еже бы разсуждати ← дабы разсхждати. Ср. 2-ой перевод: дабы судити разнствія.

Представим остальные примеры такого рода: Il n'étoit pas assez puissant **pour les délivrer** de l'insolence du peuple (с. 180) — РГАДА, ф. 381 № 1034 о^и не есть силныи дабы ихъ **Гбавити** о^т хединения⁹ [*сверху зачеркнуто*: о^т необыкновенія¹⁰] народх (л. 133 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) онъ немощенъ есть въ силѣ своеи, **еже бы избавити** ихъ отъ насилія народа (с. 130); les habitans de la ville... sont venus chez Loth **pour continuer** leur ordure (с. 180) — РГАДА, ф. 381 № 1034 жите^и... приидоста клотх, дабы **Гсльдовать** свою скве^рность (л. 134) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) жители... приидоста къ лоту, **еже бы исполнити** скверность свою (с. 130); sa Maitresse courut après lui, et déchira sa chemise par le dos **pour l'arrêter** (с. 186) — РГАДА, ф. 381 № 1034 хозя^ика его бежа занимъ I радра рхбахх его назаді. дабы его **остановити** (л. 140 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) госпожа же постигнувъ его. **еже бы удержати**. раздра ему ризу созади (с. 135); je... prolongerai leur vie **pour les châtier** en terre (с. 254) — РГАДА, ф. 381 № 1034 продолжх жизнь ихъ дабы **мхчити** Г^х наземли (л. 213) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) продолжу жізнь ихъ, **ежебы мучити** ихъ на земли (с. 184); Si nous eussions voulu, nous eussions envoyé à chaque ville un prédicateur **pour prêcher** à ses habitans les tourmens de l'enfer (с. 283) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Аще бы мы

⁹ По всей вероятности, франц. insolence 'дерзость' этимологизируется переводчиком через корень -sol-, из лат. sol-us 'единственный, одинокий'. Ср. лат. in-solens 'безлюдный, пустынный'. <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=23351>. Благодарю за это примечание М. С. Мушинскую.

¹⁰ Ср. лат. insolentia 'необыкновенность, необычайность'. <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=23353>. Франц. прил. insolent, впрочем, может иметь значение 'Qui surprend ou provoque par son caractère extraordinaire, insolite ou supérieur': <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?8;s=3225363930>;

хотѣли, послахомъ бы¹¹ во всяко^и город единого проповѣдника, **дабы проповѣдывати** стра^х адски (л. 246) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Аще бы мы хотѣли, послали бы во всякой городъ единого проповѣдника, **еже бы проповѣдывати** страхъ адскіи (с. 205); nous sommes trop éloignés de toi **pour oïir** ce que tu dis (с. 374) — РГАДА, ф. 381 № 1034 далеко есмы от тебе, **дабы слушати** что ты речеши (л. 336) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) далеко есмы отъ тебе, **еже бы слушати** что ты речеши (с. 269); ceux qui ont fait quelque depense pour son service avant la prise de la Meque, ne sont pas égaux en merite à ceux qui ont combatu **pour conquerir** cette ville (с. 427) — РГАДА, ф. 381 № 1034 аще которы (!) со^творили какое нибуд^я упо^требление ко хслхга^м его до взятъя Меки не сх^т равны в до^стоинстве, ссими которыя билися **дабы взяти** Горо^д (л. 373)¹² → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Аще которыя сотворили какое нибудь употребленіе ко услугамъ его до взятъя мекки, не суть равны въ достоинствѣ съ сіими, которыя биліся **еже бы взяти** градъ (с. 307); O vous qui croiez, ne faites point d'assemblée secrete **pour ofenser** Dieu, pour conspirer contre Prophéte, et *pour lui desobeir* (с. 431) — РГАДА, ф. 381 № 1034 ѿ которыя вѣрхующіе Не творите та^ино **дабы озлобити** бг^а дабы во^знегодovati противу пророка его, **и дабы** его **непослхшати** (л. 376) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) О вѣрующыя! не творите таіно **еже бы ослобити** Бога, и вознегодovati протіву пророка его, и *да бы не послушати* (с. 310); ont-ils en leur pouvoir le livre où est écrit le future **pour y écrit** ce qu'ils disent? (с. 451) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Имѣютли вовласти своеи кнѣгу, гдѣ написано есть, дх^щее (!). **дабы І^м писати** что они рекх^т (л. 390) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Имѣють ли во власти своеи кнѣгу, гдѣ написано есть будущее, **еже бы имъ писати** глаголанное ими (с. 324); comme il a traité Temod qui coupoit les pierres et les roches **pour habiter** dans le valon? (с. 476) — РГАДА, ф. 381 № 1034 како содержан бысть ТЕМОДЪ которыи обрѣза камение **дабы жити** в' дебре^х (л. 407 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) како наказанъ бысть Темодъ, которыи изсѣче камение **еже бы жити** въ дебрѣхъ (с. 343).

Еще в четырех случаях в рукописи представлен одиночный инфинитив, то есть соотношение *pour* + inf. — inf. → *еже бы* + inf.

¹¹ Формы сосл. накл. типа *послахомъ бы* (nous eussions envoié) в условном периоде не могут однозначно рассматриваться как ошибка переводчика. Они встречаются в переводах с греческого языка XVII в. разной локализации и ориентированы на грамматику Лаврентия Зизания 1596 г. [Пентковская 2019: 250–254].

¹² В рукописи *дабы* не исправлено. Исправление на *еже бы* сделано в печатном корректурном экземпляре.

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) что имуть рещи. сіи которые божілісь именемъ божіимъ, **еже бы сохраніти вѣру**, и совершенно пребыти съ вами; (с. 66) — Que diront pour excuse ceux qui avoient juré par le nom de Dieu **d'observer** exactement **leur Religion**, et d'être avec vous? (с. 90). Правка в этом фрагменте также затрагивает инфинитив: что имуть рещи ← что скажѣтъ; еже бы сохранить ← сохранить (л. 67 об.). Ср. 2-ой перевод: прилѣжно почитати свою веру (л. 130 об.).

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) богъ утоли огонь, который они зажгли, **еже бы имѣти ссору** съ добрыми человѣцы (с. 67) — Dieu a éteint le feu qu'ils avoient allumé **pour faire la guerre** aux gens de bien (с. 91). В рукописи, как и в предыдущих случаях, находим простой инфинитив и инфинитив с союзом *дабы*: еже бы имѣти ← имѣти; (л. 69). Ср. 2-ой перевод: дабы воину творити мужемъ добродѣтельнымъ.

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) аще онъ вопросітъ васъ *ради препятствованія* вашей скупости, и **еже бы благословіти** дѣство (!), которые вѣруютъ въ законъ его (с. 289) — s'il vous en demande c'est *pour empêcher* d'être avaricieux, et **pour bannir** l'usure <'запретить ростовщичество'> d'entre ceux qui croient en sa loi (с. 402) ← РГАДА, ф. 381 № 1034 аще онъ вопроситъ васъ ради препятствования вѣшеи скѣпости I **бл̄гословити** дѣ^нство си^х которые вѣрѣють взаконъ его (л. 356 об.).

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) онъ послалъ того ради пророковъ и апостоловъ, **еже бы благовѣстити** благополучіе рая, и объявити страхъ адскіи (с. 75–76) — Il n'a envoyé les Prophètes et les Apôtres que **pour annoncer** la félicité du Paradis, et pour prêcher les tourmens de l'enfer (с. 103). На месте *еже бы благовѣстити* в РГАДА, ф. 381 № 1034 читается *ток'мо благовѣстити* (л. 78) в соответствии с ограничительной конструкцией французского оригинала, при этом в рукописи нет правки, она появляется в печатном корректурном экземпляре. Таким образом, устранение ограничительного наречия сглаживает буквализм перевода этого места. Во 2-ом переводе ограничительная конструкция передается с помощью *разве*: разве благовѣстити бл̄женство царствія небе^снагѡ, и проповѣдаті мученія адцкая (л. 147–147 об.).

Один раз при правке сохраняется личная форма глагола, а заменяется только союз *дабы* → *еже бы*: РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) и оставихомъ ихъ на земли, **еже бы были** во образъ послѣдующымъ (с. 242) — et nous les avons dispersés sur la terre **pour servir** d'exemple à leur postérité (с. 335) → РГАДА, ф. 381 № 1034 I оставихомъ ихъ наземли **дабы были** во ѡбра^з послѣдѣюще^м (л. 306 об.).

Конструкция *еже бы* + inf. вводится в ходе редактуры и при наличии во французском тексте конструкции *de* + inf.: РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) ты не воспретѣши намъ вѣровати въ чудеса, которые мы видѣли, и не отлучиши насъ, **еже бы не послушати** намъ приказания Божія (с. 93) — *tu ne nous empêcheras pas de croire aux miracles que nous voions, ni d'obéir aux commandemens de sa divine Majesté* (с. 128). В рукописи РГАДА, ф. 381 № 1034 текст выглядел иначе: ты не воспретиши на^м вѣровати вчюдеса, что мы-видимъ. I не^послѣхшати-его приказанія^м бѣжи^м (л. 95 об.). Зачеркнутые фрагменты исправлены: что ← которые, послѣхшати его ← бѣлѣчиши на^с, ежебы не послѣхшати на^м. Вставка фразы *не бѣлѣчиши на^с*, возможно, преследовала цель устранить нестыковку, получившуюся в конце предложения: точного соответствия в рукописи для «*de sa divine Majesté*» нет, при этом мест. «его» отнесено к «приказаніям». Не исключено, что при переписке набело какие-то слова черновика были пропущены и переставлены. Ср. 2-ой перевод: ты не запретиши намъ вѣрити вчюдеса которая видимъ, ни же послушатися заповедямъ его бѣжестве^ннаго величества (л. 186).

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) мы же или не имѣемъ крѣпости, **еже бы зашѣтити** его (с. 134) — *et que nous n'aions pas la force de le défendre?* (с. 185) — РГАДА, ф. 381 № 1034 I неимѣемъ ему^н мы крѣпости **защитити** его (л. 139 об.).

РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) жены старыя не ослобятъ Бога ... аще и откроютъ лица своя... безъ всякого намѣренія, **еже бы показати** себя прелесно (с. 201) — *Les femmes vieilles... n'ofenseront pas Dieu... de découvrir leur visages, pourvu que ce soit... sans dessein de faire paroître leur ornemens* (с. 279) — РГАДА, ф. 381 № 1034 жены старыя не озлобятъ бѣа ... аще I о^ткроютъ лица своя... безвсякого намѣренія **дабы показати** себя прелесно (л. 241).

Еще в одном случае во французском тексте находится союз *afin de* с инфинитивом: *afin de combater pour la foi* (с. 156) — РГАДА, ф. 381 № 1034 I битися за вѣру (л. 113 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) **еже бы битися** за вѣру (с. 112).

Конструкцией *дабы* + inf. может переводиться и одиночный инфинитив, который потом подвергается правке: *lors-qu'ils penseront sortir* (с. 461) — РГАДА, ф. 381 № 1034 когда они бѣхдѣтъ помысляти. **дабы Изыти** (л. 220 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) егда они помыслять, **еже бы изыти** (с. 189).

Одним примером представлен перевод имени существительного конструкцией *дабы* + inf. → *еже бы* + inf.: *les Idoles que vous adorez n'ont*

pas plus de pouvoir **que l'écorce** d'une amande (с. 340) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Идоломъ которымъ вы мѣтесе неимѣють боле власти **какобы ро³бити** едины ми⁴да¹ (л. 310) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Идоли, которымъ вы молітесе, не имѣють болѣе власти, **еже бы разбіти** единыи міндаль (с. 245).

Наконец, еще в двух случаях во французском тексте находятя конструкции с глаголами в личной форме: Il n'a pas affaire de son reople, **et doit être exalté** (с. 265) — РГАДА, ф. 381 № 1034 онъ ничего нежелае^т о^т народхъ своего I **дабы были прославленхъ** (л. 225) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Онъ нічего не желяетъ отъ народа своего, **еже бы были прославлену** (с. 191); Сеux qui... craignent en leur cœur **qu'elles ne lui soient pas agréables** 'что они не будут ему угодны' (с. 269) — РГАДА, ф. 381 № 1034 которые... боятся в се^рдцахъ своихъ **дабы емхъ хгодно было** (л. 230 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Аще которые... имѣють страхъ въ сердцахъ своихъ, **еже бы ему угодити** (с. 195).

В первоначальном переводе представлены разнообразные варианты перевода конструкции *de + inf.*, которые заменяются на маркированно книжную конструкцию. В одном случае это *de + inf.* — *da + praes.* → *еже + inf.*: qui empêchera Dieu **de me punir** (с. 175) — РГАДА, ф. 381 № 1034 кто можетъ препя^тствовати б^гу **да накажетъ мя** (л. 129) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) кто можетъ препятствовати богу, **еже не (!) наказати мя** (с. 126). Еще один вариант перевода *de + inf.* — *inf.* → *еже + inf.*: tu m'as promis **de sauver** ma famille (с. 177) — РГАДА, ф. 381 № 1034 ты обѣща^т **спасти** весь ро^д мо^и (л. 130 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) твое бысть обѣщаніе мнѣ **еже спасти** весь родъ мои (с. 128); neanmoins ils sont en doute de la resurrection, et **d'être assembles** devant lui pour être jugés¹³ (с. 378) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Обаче они с^хтъ вс^хмнѣн^ни о воскресеніи I **быти собранным** пре^днего ради с^хда (л. 339 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) обаче они с^утъ въ сумнѣн^ни о воскресеніи, **еже и быти собраннымъ** предъ него ради суда (с. 272). Кроме того, отмечается вариант *de + inf.* — *дабы + inf.* → *еже + inf.*: lors-que les femmes voudront embrasser ta Religion avec ferme propos **de croire** en un seul Dieu, de ne pas dérober, **de ne pas paillarder**... recevoir-les avec toi (с. 438) — РГАДА, ф. 381 № 1034 аще когда жены хотя^т пріяти в^шхъ в^рхъ с крѣпостию **дабы в^ровати** въ единого б^га а не об^манути **дабы небл^хдствовать**... восприими ихъ стобою (л. 380 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) егда жены хотятъ пріяти вашу в^ру, со утверженіемъ, **еже**

¹³ В оригинале как однородные соединяются им. сущ. и инфинитив с предлогом.

вѣровати въ единаго Бога, а не обманути, и **еже не блудодѣствовати**... воспріими ихъ себѣ (с. 314).

В четырех случаях во французском тексте находятся разнообразные конструкции с личной формой глагола: Ces mystères sont les mystères de l'Alcoran, qui distingue la vérité d'avec le mensonge, **il conduit** les hommes au droit chemin (с. 294) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Сие таинство схть таинствѣ алкорана которое раздѣляетъ ложь отъ правды **производити**¹⁴ людеи на правую пхть (л. 257–257 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Сие таинство, есть таинство алкорана, которое раздѣляетъ ложь отъ правды **еже производити** людеи на правый путь (с. 212); et leur a **fait oublier** la parole de Dieu (с. 432) — РГАДА, ф. 381 № 1034 I сотвори что Им что они **забыли** слово бжие (л. 377) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) сотвори имъ **еже забыти** слово Божіе (с. 310); parce qu'il traite des femmes **qui ont quitté leurs maris**¹⁵ pour suivre la loi de Mahomet (с. 436) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Понеже толкхю^т о женахъ **дабы послѣдовати** законхъ магоме<та>нско^м (л. 379 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) понеже толкують о женахъ, **и еже послѣдовати** закону магометанскому (с. 313); Y-a-t-il quelque chose en la considération de ce ferment **qui puisse faire fuir** la faleté aux hommes? (с. 476) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Естли како ни бхди разположение **дабы избѣжати** о^тскверности члвческо^и (л. 407 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Естли ли какое либо разположеніе, **еже избѣжати** отъ скверности челоувческія (с. 343)

В одном случае во французском оригинале находим им. сущ., которое также переводится отглагольным им. сущ. с последующей правкой на инфинитивную конструкцию: Lors-qu'ils se sont éloignés **de l'obéissance** de ses commandemens, il ne conduit pas les impies (с. 438) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Когда они удалились **послушаниі** приказанія его, онъ не производитъ нечестивыхъ (л. 381) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) понеже они удалісь, **еже послушати** приказанія его, онъ бо не производитъ нечестивыхъ (с. 315).

Разумеется, не всякое *pour* + inf. передается в конечном итоге с помощью *еже (бы)* + inf. Нейтральным вариантом является *дабы* + inf., которое может не подвергаться правке в рукописи: кто даде пишу

¹⁴ Здесь уже в первоначальном переводе инфинитив употреблен вместо личной формы глагола (il conduit).

¹⁵ Эти слова, очевидно, выпали в переводе при копировании рукописи. Отсутствие их перевода в правке ясно показывает, что справа делалась без сверки с французским оригиналом. Вставка союза *и* делает однородными сущ. с предлогом (*о женахъ*) и инфинитивную конструкцию и представляет собой попытку коньектуры.

моисею, и показа ему писаніе писанное на пергаментѣ, да бы вести и увеселити народъ (с. 79), то же РГАДА, ф. 381 № 1034 (л. 82) — qui a donné les tables à Moïse? qui lui a enseigné l'Écriture qu'ils ont écrite en vélin pour guider et éclairer le peuple? (с. 108). Отметим, что во 2-ом переводе отсутствует переводческая ошибка, допущенная в первом переводе: кто бо даль моисею **о҃главление книга**^м? кто е҃го научилъ Писанию которое написали на пор'гаминѣ для управления и совѣта [о *зачеркнуто*] подаяние (!) народ'у? (л. 155).

Кроме того, встречается и вариант перевода *pour* + inf. отглагольным существительным с предлогом *radi*, в одном случае без правки перешедший в печатный текст Корана: n'avons-nous pas fait descendre l'eau des nuës **pour faire produire** à la terre ses plantes (с. 466) — РГАДА, ф. 381 № 1034 Не послахомъ ли мы дождь (?) воду (?) из облака **ради прои́ведения** і³ земли плодов (л. 400 об.) — РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) Не мы ли устроихомъ нѣзходити водѣ изъ облака **ради произведенія** изъ земли, насажденныхъ плодовъ (с. 335). Во втором примере справщики заменяют сущ. с предлогом на *еже* + inf.: nous en avons... usé **pour t'eprouver** (с. 352) — РГАДА, ф. 381 № 1034 сотворихъ **ради иск'хшения твоего** (л. 319 об.) → сотворихъ **еже искусити тя** (с. 253).

Дважды в результате sprawy появляется целевая конструкция *vo еже* + inf., восходящая к греч. εἰς τὸ + inf.: j'enrichirai l'autre partie des biens de ce monde pour les châtier très-grièvement au jour du jugement (с. 177) — РГАДА, ф. 381 № 1034 а³ обогашх др'хую часть Имѣниемъ всего свѣта **дабы быти** I^м наказаннымъ в днѣ с'хдныи (л. 131) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) азъ обогашу другую часть имѣниемъ всего свѣта **во еже быти** имъ наказаннымъ въ день судныи (с. 128); fai incliner le cœur des hommes à les aimer (с. 203) — РГАДА, ф. 381 № 1034 обрати сердца чл'вков **дабы любити** I^х (л. 157 об.) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) обрати сердца челоуѣковъ **воеже любити** ихъ (с. 147).

Еще в одном примере в составе этой конструкции остается частица *бы* (видимо, как и в случае *еже бы*, под влиянием *дабы*): Es-tu venu toi et ton frère pour nous détourner de la Religion de nos pères (с. 170) — РГАДА, ф. 381 № 1034 ты ли еси прише¹ I братъ тво^и дабы насъ о'вратити о^т вѣры нѣше¹ I дабы быть во³любленну наземли (л. 412) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) ты ли еси пришель и братъ твои, отвращати насъ отъ вѣры нашея, **воеже бы быть** возлюбленну на земли (с. 122).

Таким образом, для выражения значения цели в печатном тексте конкурируют несколько конструкций (по степени убывания частотности в представленном материале): *дабы* + л-форма, одиночный

инфинитив, *еже бы* + инф., *еже* + инф., *во еже* + инф., сущ. с предлогом. Только три из них (*дабы* + л-форма как безусловно преобладающая, одиночный инфинитив и сущ. с предлогом) присутствовали в первоначальном переводе, который по данному параметру оказывается принципиально неславянизированным.

Такая правка обнаруживает преемственность по отношению к переводческой практике XVII в. Конструкции, имитирующие греческий субстантивированный инфинитив, употребляются не только в переводах с греческого (в первую очередь для переводов книжного круга Чудова монастыря), но и в переводах с польского и с латыни. Решающую роль в их употреблении играло вхождение данных конструкций в грамматики церковнославянского языка — так, большой раздел, посвященный этому сугубо книжному языковому средству, имеется уже в издании Грамматики Мелетия Смотрицкого 1619 г., причем специально подчеркивается его греческое происхождение [Пентковская 2016: 213–214; Пентковская 2017: 172–176].

В Грамматике Мелетия Смотрицкого, однако, не регламентировано употребление вариантов инфинитивных конструкций с дополнительной частицей *бы*. Тем не менее они находятся в церковнославянских переводах конца XVII в. — в том числе и в переводах с польского языка Феофана Чудовского: **во еже бы бѣгнѹхъ дрѹжества искасти** — *aby dobrych towarzystwa szukał*.

Определенную роль в поддержке таких конструкций сыграли польские конструкции с *żeby*, хотя в переводах с польского это далеко не единственное соответствие для субстантивированного инфинитива: *żeby uszedł u Żydów złęgo domniemania* — **за еже изыйти ѿ Іудей слагв помнѣнїя** (аргументы к Новому Завету в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского). Кроме того, введение в такие конструкции добавочного *бы* — это своего рода контаминация книжного средства с русским союзом *дабы* [Пентковская 2017: 174].

О славянизирующем направлении sprawy Корана свидетельствует и появление под пером редакторов дательного самостоятельного оборота: РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) тогда учителя ихъ рекли народу: аше вы послѣдуете Хаїбу, вы пропадете. по томъ малое-время-погода [*над зачеркнутым сверху написано: мінувшу времени*], бысть громъ, и паде на нїхъ ужась и трепеть, и во утрѣ обрѣли въ домѣхъ ихъ мертвыхъ. сїи которые солгали Хаїбу, не обрѣли истинны въ ихъ жїліще (с. 91) — *peu de temps après le tremblement de terre et le tonnerre les ont surpris*

(с. 126). В РГАДА, ф. 381 № 1034 читается вариант, более близкий к оригиналу: малое время погода, бысть громъ и паде нанихъ хжасть I трепе^т (л. 94 об.). Правка этого фрагмента в рукописи отсутствует.

Ср. 2-ой перевод: тогда учителя ѿныхъ глаголали народу, аше послѣдуете Хаму будите ѿсу^ждены в'скорѣ послѣ того времени тресе-ние земли и громъ оны^х внезапно заста^т, и взыскалися поутру ме^ртвы в домѣхъ свои^х, ѿные которые солгали Хаму, ненашли себѣ вѣ^рнаго прибѣжища в жилищахъ своихъ (л. 182—182 об.).

Таким образом, два этапа правки — в наборной рукописи и в корректурном печатном экземпляре — реализуют один и тот же принцип. Подход к справе как к лингво-стилистической переработке исходного текста на так называемом гибридном языке и, в конечном итоге, повышение его нормативного статуса объясняется прежде всего языковыми установками самих справщиков, во многом обусловленных характером их образования. Так, Иван Кременецкий был выпускником Славяно-греко-латинской академии, программа которой включала обучение латыни и греческому языку и формировала взгляд на церковнославянский язык как на язык классический. Он же стал автором по крайней мере двух сочинений, составленных по канонам школьных барочных поэтик (похвального слова «Лавреа, или Венец безсмертныя славы <...> господину Александру Даниловичу Меншикову. Во знамение победительный почести соплетется» (1714) и «Приветствия пресветлейшему и великодержавнейшему государю Петру Первому <...> от царствующего Санкт-Петербурга путешествии высокомонаршескою особою восприимшему 1716 году генваря в день, совершившему же и благополучно от иностранных государств возвратившемуся <...> 1717 году») [Моисеева 1999: 146]. Употребление грецизированных конструкций в собственных церковнославянских сочинениях было частью риторической выучки выпускников Славяно-греко-латинской академии. В этом учебном заведении учился и Петр Постников (старший из двух братьев Постниковых), чье «Слово на Рождество», поднесенное им патриарху Иоакиму в 1687 г., насыщено грецизированными конструкциями, и в частности, субстантивированными инфинитивами [Запольская 2002: 425—426].

Направление справки Корана — от русского языка к церковнославянскому, от нейтральных элементов к маркированно книжным — не стоит особняком в литературе Петровской эпохи. Так, славянизация языка отмечается в поздней редакции первого перевода «Метамор-

фоз» (1706) с польского оригинала В. Отвиновского. Эта редакция появилась, вероятно, не раньше 1708 г. В частности, в текст при правке последовательно вносились формы простых претеритов. Однако субстантивированные инфинитивы здесь не встречаются [Матвеев 2019: 48–63].

Во многом сходное развитие прошел и текст третьего перевода «Апофегмат» Беньяша Будного, напечатанный в 1711 г. гражданским шрифтом по повелению Петра I. Сам этот перевод с польского языка, однако, был выполнен на рубеже XVII–XVIII вв. В сохранившемся кавычном экземпляре рукописи была проведена «нейтрализующая» правка, устраняющая одновременно маркированно книжные и просторечные элементы. Тем не менее уже в этом издании «Апофегмат» зафиксировано 10 примеров употребления конструкции *еже* + inf., а так называемые «признаки книжности» (простые претериты, формы инфинитива на *-ти*, формы 2 л. ед. числа наст. врем. на *-ши*, формы превосходной степени на *-аиш-/-ъиш-*, оборот «дательный самостоятельный», одинарное отрицание) занимают в этом издании настолько заметное место, что в целом «едва ли языковой облик первого издания (1711 г.) “Апофегмат” отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к языку новых переводов Петровской эпохи, оказавшихся в числе первых изданий гражданской печати» [Истратий 2015: 157–158, 163–164, 174]. Наиболее же примечательным с точки зрения характера справки является тот факт, что во втором издании этого перевода «Апофегмат» 1712 г. в текст вводятся специфически книжные конструкции, включая субстантивированный инфинитив (*еже* + inf. и *еже бы* + inf.): Не благороднаго челоуѣка дѣло, въ очи хвалѣть, а за очи хулѣть (1711) → Не благороднаго челоуѣка дѣло, **еже** въ очи кого **хвалѣть**, а за очи хулѣть (1712); Челоуѣка разумнаго знакъ, нѣ кого до бѣды не прѣвесть (1711) → Челоуѣка разумнаго знакъ, **еже бы** ни кого до бѣды **не прѣвесть** (1712) [Истратий 2015: 166–167].

В качестве причины такого направления справки «Апофегмат» рассматривается влияние жанра текста на выбор форм, но главное — расширение сферы употребления церковнославянского языка, которое отмечается исследователями для Петровской эпохи [Истратий 2015: там же]. Эта экспансия церковнославянского языка в начале XVIII в., несомненно, продолжает тенденцию, сформировавшуюся в предшествующий век [Живов 2017: 883, 887]. Обе эти причины, как представляется, актуальны и для редактуры перевода Корана,

имеющего статус Св. Писания мусульман¹⁶. Не случайно редакторское вмешательство в ряде случаев направлено на сближение перевода с библейским текстом: РГАДА, ф. 381 № 1034 [*добавлено: Но*] Воистиннх Бѣ посмѣется, и продолжитъ ихъ погрѣшение вехмнѣннѣи. [*сверху добавлено: И^м, и поругается им^м*] (л. 5) → РГАДА, ф. 1251 № 3 (36) И мы посмѣемся тѣмъ людемъ. Но воистинну богъ посмѣется, и поругается имъ (с. 4) — et nous moquons de ces gens; certainement Dieu se moque d'eux et les prolongue dans erreurs à leur confusion (с. 2). Ср. Пс. 2:4 (Библия 1663 г.): **живый на небѣхъ посмѣется имъ, и гдѣ поругается имъ** (л. 229). Отметим, что во втором переводе в данном случае этот прием гармонизации текста не используется: БАН, 33.7.6 а мы вѣримъ аки и вы, и поумѣхаемся оны^м муже^м вѣрующимъ Бга истинно Бгъ оны^х уничижаетъ и продо^лжаетъ во грѣхахъ на погибель онымъ (л. 7 об.) [Пентковская 2020: 141].

В том же 1716 г. берет начало еще один проект издания «чужого» Св. Писания: во время своего пребывания в Голландии Петр I заказал издателям в Гааге и Амстердаме напечатать Ветхий и Новый Завет на голландском языке, оставляя свободной половину страницы для славянского текста. В издание церковнославянско-голландской Библии должен был войти текст, исправленный по Септуагинте по указу Петра от 14.11.1712 г. По целому ряду причин этот проект не нашел окончательного воплощения, однако, помимо манифестации петровских идей в области языка и культуры, он имел и практическую направленность: двуязычная Библия предназначалась для распространения на русских военных кораблях с командой смешанного голландско-русского состава [Бобрик 1991–1992: 146–150; Bobrik 2011: 62–68]. Какова была практическая направленность издания Корана и его адресат, еще предстоит установить.

¹⁶ Важно в связи с этим отметить, что подобное восприятие Корана как иноверческого Св. Писания существовало и в Европе: так, Дю Риё с высокой долей вероятности помогали в работе над переводом Корана ученые марониты Габриэль Сионита (Gabriel Sionita) и Ибрагим Аль-Хакилани (Abraham Eschelensis), которые принимали участие и в создании Парижской Библии — полиглотты, включавшей в себя сирийскую и арабскую версии Ветхого Завета (1629–1645) [Hamilton 2017: 455]. Автор сочинения 1640 г. *Considerationes ad Mahometanos, cum responsione ad objectiones Ahmed filii Zin Alabedin*, арабист Филиппо Гваданьоли в особом разделе доказывал, что Коран не противоречит Евангелиям. Его цель состояла в том, чтобы книга была принята в мусульманском мире и помогала миссионерам в их работе [Moukarzel 2017: 776].

Примечательно, что в указе Петра об издании двуязычной Библии давалось распоряжение напечатать на свободных половинах страниц Библию *на российском языке* стихи против стихов, причем под российским подразумевался церковнославянский [Бобрик 1991–1992: 146; Bobrik 2011: 63, 67]. Взгляд на церковнославянский как на нормированную разновидность русского языка связывает языковое сознание петровской эпохи с традиционным сознанием предшествующего периода [Бобрик 1991–1992: 149–150]. На титульном листе печатного Корана также стоит прилагательное «российский», на которое справщики в корректурном экземпляре заменили прилагательное «славянский» [Крумлинг 1994: 232], при том что после внесенных исправлений окончательный вариант текста получился гораздо более славянизированным, чем был изначально. Введение в язык перевода конструкций с субстантивированным инфинитивом относится к наиболее ярким проявлениям этой славянизации текста.

Литература

- Бобрик 1991–1992 — М. А. Бобрик. Издание Библии 1717–1721 гг. на голландском и церковнославянском языках в культурно-языковой ситуации петровского времени в России // *Cyrrillomethodianum XV–XVI. Thessalonique*, 1991–1992. С. 145–158.
- Густерин 2011 — П. В. Густерин. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // *Исламоведение*. 2011. № 1. С. 89–97.
- Густерин 2013 — П. В. Густерин. К вопросу о первенстве в переводе Корана на русский язык // *Вопросы истории*. 2013. № 12. С. 159–163.
- Густерин 2015 — П. В. Густерин. Русскоязычная коранистика досоветского периода // *Вопросы истории*, 2015. № 5. С. 160–166.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности: в 2 т. Т. II. М., 2017.
- Запольская 1988 — Н. Н. Запольская. П. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской академии (новые материалы для биографии) // *Cyrrillomethodianum*. 1988. № 12. С. 75–91.
- Запольская 2002 — Н. Н. Запольская. Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М., 2002. С. 422–447.
- Истратий 2015 — В. В. Истратий. Русские издания «Апофегмат» Б. Будного и формирование норм русского литературного языка в XVIII в. // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (30). 2015. С. 155–179.

- Кислова 2019 — *Е. И. Кислова*. Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII — XVIII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVII столетия. М., 2019. С. 53–59.
- Крачковский 1934 — *И. Ю. Крачковский*. Русский перевод Корана в рукописи XVIII века // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова / Институт русской литературы АН СССР. Л., 1934. С. 219–226.
- Круглов 2004 — *В. М. Круглов*. Ранние рукописные переводы с французского языка на русский и формирование русского литературного языка нового типа. Дис. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук. СПб., 2004.
- Круминг 1994 — *А. А. Круминг*. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 227–239.
- Матвееенко 2019 — *Е. А. Матвееенко*. Лингвотекстологическое исследование «Метаморфоз» Овидия в переводе с польского языка начала XVIII века. Научно-квалификационная работа аспиранта. М., 2019.
- Моисеева 1999 — *Г. Н. Моисеева*. Кременецкий Иван // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 2. К–П. СПб., 1999. С. 146.
- Пекарский 1862 — *П. П. Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
- Пентковская 2016 — *Т. В. Пентковская*. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 184–229.
- Пентковская 2017 — *Т. В. Пентковская*. Гречизация в церковнославянских переводах с польского Чудовской книжной школы // Классические языки в постклассический период. Казань, 2017. С. 167–177.
- Пентковская 2019 — *Т. В. Пентковская*. Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani. Slavica Slovenica. Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. Ljubljana, 2019. С. 241–256.
- Пентковская 2020 — *Т. В. Пентковская*. О языке русского перевода Корана Петровской эпохи // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность: Материалы Международной научно-практической конференции в онлайн-формате / МГУ имени М. В. Ломоносова, 25 мая 2020 г. М., 2020. С. 134–143.
- Резван 2014 — *Е. А. Резван*. Введение в коранистику. Казань, 2014.

- Bobrik 2011 — *M. Bobrik*. Zwischen Ostrog und Peterburg: Die kirchenslavische Bibel im 16–18 Jahrhundert // Ostkirchliche Studien 60, Heft 1. 2011. S. 48–68.
- Hamilton 2017 — *A. Hamilton*. André Du Ryer // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700) (= The History of Christian-Muslim Relations, vol. 31). Ed. D. Thomas, J. A. Chesworth. Leiden; Boston, 2017. P. 453–465.
- Larzul 2009 — *S. Larzul*. Les premières traductions françaises du Coran, (XVIIe–XIXe siècles) // Archives de sciences sociales des religions. 2009/3 (n 147). P. 147–165.
- Moukarzel 2017 — *J. Moukarzel*. Abraham Ecchellensis // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700) (= The History of Christian-Muslim Relations, Vol. 31). Ed. D. Thomas, J. A. Chesworth. Leiden; Boston, 2017. P. 774–782.

Л. В. Куркина

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛАХ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ
В «ЖИТИИ
АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО»*

В «Житии Андрея Юродивого» (далее — ЖАЮ), исследованию которого посвящена монография уважаемого юбиляра, наше внимание привлекли глаголы с семантикой смеха. Сфера эмоций, экспрессивно-эмоциональной реакции человека на происходящее в данный момент и в данной ситуации относится к невербальной форме общения человека в социуме. Смех является частью народной культуры, которая имеет разные формы проявления, и частью повседневной жизни, социального общения. На невербальном уровне смех может быть формой выражения благорасположения, радости, иронии, удивления, насмешки, скепсиса, негативного отношения к ситуации и т. п. Эмоциональная оценка ситуации, поведения собеседника, отношение к происходящему выражается мимикой лица, улыбкой, глазами и т. д. Для обозначения разных видов экспрессии, эмоционального взаимоотношения человека с социумом, в котором протекает его жизнь, язык обладает богатой лексикой. В процессе развития расширяется, пополняется состав лексики, что позволяет полнее и тоньше передать многообразие эмоциональной сферы жизни.

К основным обозначениям смеха в славянских языках следует отнести **směxъ*, **smijati se*, **smějō se* (ср. рус. *смех*, *смеяться*). Эти слова входят в древний фонд славянского словаря, унаследованный из и.-е. эпохи (ср. лтш. *smiēt* ‘смеяться, шутить’, англ. *smile* и т. д. [Фасмер III: 688]). Характеристика проявлений смеха дополняется наречиями, общим контекстом и т. п. (ср. *смеяться грустно, громко* и т. д.). Лексико-семантическое поле смеха охватывает группу лексики, пе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00059 "Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении".

редающей как положительную, так и негативную реакцию человека на событие. В смысловой структуре этих обозначений присутствует оценочный компонент — смех, вызванный каким-то событием, поведением человека и т. п., может быть добродушным, злым, оскорбительным и т. д. и визуально выражен улыбкой, ухмылкой, насмешкой, оскалом зубов и т. п. Лексика с общим значением ‘смех’, экспрессивно окрашенная, богатая по своему составу, сложилась на основе переосмысления слов с нейтральным значением. Выбор исходной семантической базы предопределен общим эмоциональным восприятием ситуации, визуальным или слуховым. Для значительной части этой лексической группы основной семантический механизм развития значения ‘улыбаться’ связан с преобразованием глагольной семантики ‘колоть, раскалывать, разрезать, раздирать’ → ‘улыбаться’, ср. рус. *ска́лить зубы* ‘смеяться’, *оска́литься* ‘смеяться, широко открыв рот’, *ска́литься* ‘показывать зубы из-за раздвинутых, растянутых губ’ (< и.-е. *skel- ‘колоть’); *щѣ́рится* ‘улыбаться’, диал. *ощѣ́риться* ‘улыбнуться, показывая, обнажая зубы’ (< и.-е. *(s)ker- ‘резать’); ст.-слав. **осклавити сѧ** ‘осклабиться, усмехнуться’, др.-рус. **осколоблѣннѣ** ‘улыбка’, рус. цслав. *оскла́биться* ‘широко улыбнуться, показывая зубы’ ~ чеш. *šklebiti* ‘скалить зубы, ухмыляться’ < слав. *skolb- ~ др.-исл. *skelpa* ‘гримаса’, букв. ‘трещина’ [Меркулова 1982: 46; Черных II: 289]; по одной из версий, возможно, *улыбаться, улыбнуться* < *lybnoŭi ‘драть, раздирать’ [Варбот 1982: 24–25], если приведенное в качестве аргумента болг. диал. *лѣбам* ‘есть неохотно’ не от звукоподражания [БЕР 3: 386–387] и др. Именно эта модель признается основной при объяснении глаголов с семантикой ‘улыбаться, ухмыляться’; как правило, с ориентацией на эту семантическую модель получают этимологическое объяснение неясные образования данной группы. Однако есть немало слов с семантикой смеха, имеющих другую мотивацию. В определенных условиях глаголы с семантикой ‘делать’ > ‘говорить’ становятся обозначением насмешки, издевательства: ср. рус. *из-де-ваться* ‘глумиться, насмехаться’, диал. *дѣковать(ся)* ‘насмехаться, издеваться над кем-л.’ из первонач. *dĕ-(dĕ(ja)ti) с расширителем -k-, ср. лат. *facio, fēcī*, греч. ἔ-θηκ-α ‘я сделал’ [ЭССЯ 4: 230–231; 9: 25]. Слав. *glumъ (рус. *глум* ‘злая насмешка’, *глумиться* ‘смеяться, насмехаться’), родственное словам *glupъ, *gluxъ (~ др.-англ. *glēam* ‘веселье, шутка, игра’ и т. д.), как пишет О. Н. Трубачев, этимологически прочитывается как обозначение устной шутки, насмешки, рассчитанной на слуховое восприятие [ЭССЯ 6: 148].

Большие затруднения вызывает определение внутренней формы и семантической модели, которой следуют глаголы, отмеченные в ЖАЮ. Из всего набора лексических средств, используемых для обозначения реакции смеха, улыбки, в ЖАЮ находим три группы взаимосвязанных слов. Одна из них объединяет слова *смѣхъ*, *смнатица* / *смѣятица*, которые относятся к и.-е. наследию (ср. лтш. *smiēt*, англ. *smile* и т. д.), а две другие составляют особенность русского словаря — 1) глаголы *оулыскатица*, *оулыснѣтица* и 2) *охритъ*, *хритатица*, *похритатица*, *похритъникъ*. Для них отсутствуют лексико-семантические соответствия в славянских языках. В исторических словарях [Срезн.; СлРЯ XI–XVII; СДРЯ XI–XIV] эти слова приведены со ссылкой на ЖАЮ. Этимологизация этих глаголов сопряжена с большими трудностями.

В ЖАЮ для обозначения состояния благорасположения, которое внешне передается улыбкой приветливой, веселой и выражается движением мышц лица, употреблены гл. *оулыскатица* и *оулыснѣтица* ‘улыбаться, улыбнуться’: ср. р^ч *кѣ кмѣ оуноша оулыскагаса лицемъ* (86), *възрѣвшѣ на епифанна. оулыскагаса лицемъ* (1412) и др. (2287, 3586, 2960, 1412). Глаголы со ссылкой на ЖАЮ вошли в словарь И. И. Срезневского [Срезн. II: 1201]. В простой форме без приставки и в ином суффиксальном оформлении глагол представлен в других источниках древнерусского языка: ср. *лыснутиса* ‘улыбнуться’ (Хрон. Г. Амарт., 366. XIII–XIV вв. ~ XI в.), *лыцатиса* ‘улыбаться, обращаться с улыбкой’: *Къ сѣоу и къ дчери не лыщиса* (Пч. к. XIV. 72 об. — 73) [СДРЯ XI–XIV, 4: 443; СлРЯ XI–XVII вв. 8: 318]. Глагол сохраняет живую связь с народными говорами; свидетельством тому являются отмеченный в СРНГ глагол *улыскаться* ‘улыбаться’ (новг., Низ. Печора), ‘умиляться’ (новг.), ‘скалиться, насмеяться’ (арх.) [СРНГ 47: 151].

При всей кажущейся на первый взгляд прозрачности и внешней очевидности связей этих глаголов с разными образованиями сходной структуры большие затруднения вызывает обоснование этимологических истоков глаголов на основе словообразовательных и морфологических отношений. Разными путями шли к объяснению внутренней формы глагола *улыскаться*. Кратко остановимся на основных версиях.

Справедливо признается маловероятным предложенное Э. Бернекером сближение с *ласка*, *ласкать* [Berneker I: 761], что, как замечает М. Фасмер, потребовало бы экспрессивного преобразования или влияния других слов [Фасмер II: 541].

Весьма популярно принадлежащее В. Махеку объяснение глаголов *улыскáти*, *лыщиться* из **lyb-skati* как интенсивного образования на *-sk* с возведением корневой части к и.-е. **leubh-* > слав. **l'ubъ*, первонач. 'sich gefällig gerbärden', звонкий вариант этого вторичного форманта в ст.-чеш. *ulyznút' sě* [Machek I: 1134]. В словаре В. Махека эти глаголы трактуются как интенсивы на *-sk-* от образования типа чеш. диал. (у Ораву) *vylypovat se* 'высмеивать, осмеивать, насмеяться' [Kott IV: 995; Machek 345]; дальнейшие связи чешского диалектизма не определены, но можно предположить, что речь идет о продолжении праслав. **lupiti* ~ **lypati* в одном из производных значений — 'моргать, сверкать глазами, бросать взгляд', ср. чеш. *loupati očíta*, польск. *łypać* 'бросать взгляды', рус. диал. *лупить зубы* 'смеяться, скалить зубы', укр. *lúnati* 'моргать, мигать' и т. п. [ЭССЯ 17: 35; Sławski V/5: 408]. Следует заметить, что в работах В. Махека довольно широко и нередко без достаточного обоснования освещается сфера функционирования форманта *-sk-* (ср. **piskati* < **pip-skati*, **pryskati* < **prys-skati* и т. п.), и это обстоятельство в какой-то степени ослабляет доказательную силу предложенного объяснения.

В литературе с некоторыми модификациями представлена версия, которая в конечном итоге восходит к идее Фр. Миклошича о связи с *лоск* [Mikl. 177]. Так, в словаре Ф. Славского рус. *улыскаться* 'усмехаться', 'умиляться', *лыскать* 'лыстить' соотнесены с польск. *łyskotać*, укр. диал. *лыскотати* 'щекотать' и рассматриваются как интенсивные образования с корневым вокализмом в ступени удлинения к **l̥sk̥tati* (> польск. *lesktać*), далее к **l̥skati*, **l̥sknōti* 'сиять, блестеть' [Sławski V/5: 421–422, 434], последние этимологически связаны с **luna*, **luśь* < и.-е. **leuk-* 'светить' [ЭССЯ 17: 42; 16: 248]. Таким образом, обозначения передают значимый признак в визуальном восприятии смеха — блеск, оскал зубов.

Обе версии с некоторыми видоизменениями соединены в словаре П. Я. Черных: др.-рус. глагол *оулыснѣтисѧ*, *-с-*интенсив от *у-лыб-с-нутья*, связан чередованием корневого вокализма с продолжениями слав. **l̥sk-* > рус. *лоск*, болг. *лъця* 'сверкать', первонач. 'блестеть, сверкать зубами' [Черных II: 289].

Новое объяснение предложено в [ЭССЯ 17: 42, 53]: др.-рус. *лыснѣтисѧ* 'улыбнуться' рассматривается в одном ряду с с.-хорв. диал. *l̥isnuti* 'ударить', словен. диал. *lisniti* 'ударить с размаха', рус. диал. *лыснуть* 'ударить' < **lysknōti*, семантика смеха объясняется на основе действующей семантической модели 'колоть, бить и т. п.' (ср. блр. диал. *лыскаць* 'бить; пить') > 'улыбаться'. Признается неправо-

мерным принятое Ф. Славским объединение в одно гнездо образований со значением 'блестеть' и 'ударить' (ср. кашуб. *lěsnoc* 'ударить', блр. диал. *лыскаць* 'бить; пить') [Sławski V/5: 425]. Этимологически разделяя те и другие образования, автор статьи В. А. Меркулова определяет в качестве основного значение 'ударить; хлестать' и соотносит слав. **lysknǫti*, **lyskati* с **luska*, и таким образом глагол *оулыскатисѧ* предстает как одно из семантических ответвлений в рамках большого этимологического гнезда с исходной и.-е. основой **leu-* 'снимать кожуру, лущить; драть'. Приведенная версия имеет некоторые перспективы, но требует более углубленной проработки материала. В дополнение отметим, что, по наблюдениям Ф. Славского, в принятом ряду морфонологических отношений доминирует значение 'блеснуть, сверкнуть' [Sławski V/5: 425], исключения единичны: ср. укр. *лыснути*, с.-хорв. *liskànuti*, к ним можно добавить чак. *liskati* 'блестеть' [RJA VI: 109]. Отсюда следует, что значение 'улыбаться', характерное только для древнерусского языка и русских диалектов, могло стать результатом семантической деривации от изначального 'блестеть, сверкать' с последующим ослаблением этимологической связи, разделением слова на омонимы и относительно поздним закреплением значения 'улыбаться' в древнерусском языке и отдельных русских диалектах.

Каждая из предложенных версий базируется на возможных и вполне допустимых в языке формальных и семантических преобразованиях. Во всех интерпретациях *оулыскатисѧ* / *оулыскнѫтисѧ* 'улыбаться' предстает в рамках того или иного предполагаемого этимологического гнезда как самостоятельное и семантически изолированное образование со своим значением, не зависящим от конкретного употребления. Принадлежность русских образований к той или иной группе родственных слов дополнительно подкрепляется разумными доводами, отсылками к типологии семантических преобразований. Но остаются сомнения; признать в полной мере убедительными приведенные версии мешает целый ряд обстоятельств и не в последнюю очередь ограниченность пространства исследования с вытекающим отсюда подчинением обособленного русского глагола одной из постулируемых моделей отношений.

В интерпретациях, предложенных В. Махеком и Ф. Славским, русские глаголы занимают семантически изолированное положение. Некоторые дополнительные резервы в поисках первоосновы русских глаголов содержатся в версии ЭССЯ; в самом общем виде, без детализации в ней обозначены возможные направления родственных связей,

но остается неясной общая семантическая картина, общий семантический контекст исследования. В сложном и разнородном материале именно семантика становится основой дальнейшего продвижения в поисках истоков обособленных образований. В версии ЭССЯ какая-то часть значений (ср. 'ударить', 'толкать, совать') обязана ассоциациям с производными от звукоподражания *лыск!*, но при таком плотном слиянии затруднительно выделить и отделить эту лексическую группу. Судя по материалам ЭССЯ, в составе продолжений слав. **lyskati* семантически обособлена группа болгарских слов с общим значением 'выливать, выплескивать воду' (болг. *ли́скам*), которое объясняется на основе семантической связи 'бить' ~ 'хлестать' [ЭССЯ 17: 41]. Оставлены без внимания некоторые русские диалектизмы, тождественные по форме, но с некоторыми отличиями в семантике. Невнимание к этой лексике сужает общее поле исследования. Существенно пополняют наши знания о семантике глагола **lyskati* данные русских диалектов, где у *лыскать* значение 'улыбаться' — одно из многих; в диалектах отмечены *лыска́ть* 'лестить', *лыскать* 'уклоняться от дела, избегать работы', 'шататься, шляться, проводить время праздно вне дома', 'бегать, рыскать' (пск.) и 'втираться в доверие' (твер.), *лыско́м* нареч. 'лестью, лстыиво' (пск.), *лыска́ть* 'лестить', *лыска* 'о человеке, который назойливо вмешивается во что-л.', 'о ловкой, проницательной женщине; пройдоха', *лыщик* 'о ловком, хитром человеке' (волог.) [СРНГ 17: 224, 229], *залыскать* 'засунуть, заложить куда-н.' [СРНГ 10: 226]. Семантическую основу этих образований составляет движение с оттенком скольжения.

Расширяет семантическое поле одна важная особенность основ на *-sk-*, а именно вариативность основ с исходом на *-sk/zg-/-z-*: ср. **lyzati* / **lyzgati* 'скользить' [ЭССЯ 17: 58; БЕР 3: 492], **ulysknŋti* / ст.-чеш. *ulyznŋti* *sě* [Machek I: 1134], **muzati* / **muzgati* [БЕР 4: 304], **luska* / **luzga* [Фасмер II: 530, 534], **luskati* / **luzgati* [ЭССЯ 16: 215; БЕР 3: 522]. И эта особенность позволяет включить в этот ряд и образования с расширителем *-zg-/-z-*: ср. *лызга́ть* 'кататься по льду' (пск., твер.), *лызга́ч* 'быстро бегающий человек' (пск., твер.), 'шеголь' (влад.), *лызнуть* 'ударить' (сев.-двин., пск., твер.), *лызнуться* 'удариться обо что-л.' (ленингр.), 'надоедать' (сев.-двин.) [СРНГ 17: 220]. Как видим, наблюдается семантическая взаимосвязь этих образований.

Важно понять, в каком отношении находятся значения 'улыбаться' и 'скользить', что их объединяет. Исходная семантическая основа далеко не всегда совпадает с каким-то одним из зафиксированных в языке значений. Каждое из значений является лишь частью общей

семантической структуры слова, претерпевшей преобразования в процессе развития. Знание значений лишь создает предпосылки к выявлению не столько самого древнего значения, сколько признаков семантической первоосновы, которая продолжает жить в несколько измененном виде в каждом из значений и семантических ответвлений. В. Н. Топоров писал о глубинных смыслах, «которые не выступают как лексические значения, они пребывают в языке в латентном состоянии» [Топоров 1979: 142]. Глубинная семантическая основа может быть затемнена, какие-то стороны значения приглушены, но все предшествующие ступени развития проявляются при употреблении слова, более того, «... знание значений этимологически родственных форм никогда не заменит знания реального значения исследуемого слова» [Трубачев I: 108, 142]. Все многообразие значений можно объяснить, исходя из неких общих представлений о характере движения или состояния, обозначаемого глаголом *лыскать*. Это представление дает некоторую основу при объяснении мотивации семантических изменений в разных направлениях. Можно думать, что разветвленную семантику продолжений слав. **lyskati*, **lysknoŭi* объединяет образ легкого, скользящего, зыбкого движения: ‘скользить’ > ‘лстить, втираться в доверие’ и ‘бегать, рыскать’, ‘легкое, скользящее движение’ > ‘улыбаться’. Именно образ скользящего движения — это тот глубинный смысл, который с некоторыми видоизменениями составляет стержень семантической структуры слова. Такое понимание приоткрывает возможность формирования значения ‘улыбаться’ на семантической основе, весьма далекой от активной модели ‘колоть; бить’ > ‘скалить зубы, улыбаться’. К числу косвенных подтверждений можно отнести типологически сходные случаи, синонимичные соответствия с отношением ‘скользить, ползти’, ‘беспокойно двигаться’ > ‘улыбаться, ухмыляться’: макед. *музга се* ‘скользить’ и словен. *múžiti se* ‘подкрадываться’ и ‘ухмыляться’ [Plet.² I: 617]; рус. диал. *хмылиться* ‘делать недовольное выражение лица, хмуриться’ и *хмылиться* ‘усмехаться, ухмыляться, посмеиваться’ [СРНГ 50: 312], *охмыляться* = *охмуляться* ‘усмехаться, ухмыляться’, *охмыляться* ‘отлынивать’ [СРНГ 25: 40–41] и *умылиться* ‘улыбнуться’ от *мылить* < **myliti*, первоначально ‘двигаться, шевелиться’ [ЭССЯ 21: 40].

Отдельный вопрос — о характере отношений с **lyskati*, **luska*. В составе славянского словаря наблюдается взаимосвязь глаголов на *-iti* и *-ati*, различающихся наличием или отсутствием вторичного удлинения корневого гласного: ср. **lupati: *lypati*, **klupati: *klypati*, **muzgati: *myzgati* и т. п., и это дает формальное основание видеть в глаголе

**lyskati* отражение вторичного удлинения по отношению к продолжениям слав. **luskati*. Если обратиться к семантике, то нетрудно заметить, что при некоторой общности семантического наполнения, существуют различия, обусловленные функционированием, специализацией значения в разных контекстах, в разных понятийных сферах продолжений глаголов **luskati* и **lyskati*. Отметим основные значения **luskati* — ‘ударять, хлестать’ (болг. диал. *лѹскам* ‘бить, ударять’), ‘шелушить, лущить’ (др.-рус. *лускати* ‘грызть (орехи), очищая от шелухи’), ‘лопаться’ (укр. *лѹскатися* = *лѹзгатися* ‘трескаться, лопаться’) и др. [ЭССЯ 16: 192–193], ‘бегать, рыскать’ (ср. рус. диал. *лыскать*) и др. [ЭССЯ 17: 41].

Адекватное определение семантической первоосновы невозможно без понимания того действия, которое стоит за исходной основой **leu-* ‘снимать кожуру, обдирать, лущить, шелушить’. Шелушение, очищение, лущение орехов, зерна и т. п. может производиться разными способами, они могут быть определены глаголами *драть*, *обдирать*, *соскребать*, *резать*, *чистить*, *снимать* кожуру и т. п., а это означает, что один и тот же результат достигается с помощью разных действий, и одно из них — скольжение, отраженное в семантике глагола *лыскать*.

Приведенный материал как будто бы подводит к другому пониманию мотивационной основы для рассматриваемой лексической группы. Семантическое поле смеха формируется не только на основе значения ‘колоть, резать’, ‘бить, ударять’. Образ скольжения, скользящего движения организует многообразие семантики; одним из звеньев единой линии семантических филиаций могло стать значение ‘улыбаться’.

Большие трудности вызывает объяснение истоков другой группы слов — *охритѣ*, *хритатисѧ*, *похритатисѧ*, *похритѣникѣ*. В. Махек, анализируя контексты, в которых представлены эти слова, высказывает сомнение в точности определения значения словами ‘насмехаться’, ‘насмешка’ в словаре И. И. Срезневского. Как замечает В. Махек, во всех примерах речь идет не о насмешке, а о жестоком обращении, поругании, оскорблении [Махек I: 252]. С некоторыми изменениями толкуются эти слова в [СлРЯ XI–XVII; СДРЯ XI–XIV]: ср. *охрить* ‘позор, поругание’ (ЖАЮ), *похритати* ‘публично позорить, подвергать поруганию’ (Хрон. Г. Амарт., 525. XV в. ~ XI в.), *похритатися* ‘посмеяться, отнестись с презрением, насмешкой’, *похритѣникѣ* ‘ругатель, хулитель, насмешник’ [СДРЯ XI–XIV, 7: 389; СлРЯ XI–XVII, 18: 62].

Контексты из «Жития» дают некоторое общее представление о том, что стоит за этими обозначениями: да др҃зѣѣи смнѣхѣса. а др҃зѣѣи хр҃итахѣса. а др҃зѣѣи вѣнахѣ кѣ по шни, ἐκωμόδου (2724, похожий контекст в 1758), да см похр҃итаѣт лихѣмѣ семѣ свѣтѣ дѣяволѣ, ἐπιταΐζειν (1346), да томѣ ча^ѣ охр҃итѣ тѣ створитѣ всемѣ градѣ, θρίαμβον... καταστήσει (1901), и идѣше кѣ грѣбѣ лишенаго оного. охр҃итѣ створити тѣло кѣ, θρίαμβον καταστήσαι (2164) и т. д. В первой фразе негативная оценка происходящего усиливается, идет по нарастающей от одной части высказывания к другой. Из сообщения первой фразы (др҃зѣѣи смнѣхѣса. а др҃зѣѣи хр҃итахѣса) следует, что глаголами смнѣтисѣ и хр҃итатисѣ обозначается разная реакция на событие: если первый глагол в этом ряду употреблен нейтрально, то в семантике второго сильно выражена негативная оценка происходящего: речь идет о насмешке, переходящей в издевательство, далее конфликтная ситуация завершается избиением. В другом контексте сочетание охр҃итѣ створити, видимо, можно перевести как ‘створить поругание, издевательство’. Следует заметить, что в эмоциональной сфере существует довольно сложный характер отношений между зрительным и слуховым восприятием того, что происходит, и отражением в языке, в осмыслении употребленного слова. В ситуации оскорбления, поругания в сознании человека доминирует негативная оценка происходящего, все другие стороны этой ситуации отступают, заглушаются ощущением негодования, возмущения, что приводит к переосмыслению глагола, наделению его ситуативно обусловленным значением — ‘подвергать поруганию, позорить’ и т. п., и это новое осмысление состояния приводит к затемнению образа, положенного в основу номинации, перекрывает исходное, связанное с насмешкой. В результате в контексте глагол лишь косвенно своими побочными смысловыми компонентами начинает соприкасаться с семантическим полем смеха. Поэтому, видимо, нет противоречия в толковании глагола хр҃итатисѣ И. И. Срезневским и новыми историческими словарями: в них находят отражение две ступени в осмыслении того, что стоит за глаголом в нейтральной ситуации и в момент крайнего проявления негативной реакции¹.

¹ Подобный синкретизм значений наблюдается у др.-рус. *pygamu* (< **rōgati*), связанного чередованием корневого вокализма с *ragнжти* ‘зять’. В древних текстах значение ‘насмехаться’ сочетается со значениями, передающими восприятие и оценку ситуации, — ‘бесчестить, подвергать поруганию, оскорблять, глумиться’, ‘бранить, поносить, ругать’.

Раскрытию внутренней формы глагола мешают ограниченные возможности материала, изолированный характер образований, отсутствие очевидных родственных связей в русском и шире — славянском словаре. Затрудняет поиски отсутствие в славянском словаре промежуточных, вероятно, утраченных звеньев, важных для понимания мотивации наименования. Реально в распоряжении исследователя группа слов с общей корневой морфемой *xpūt-* и устойчивым корневым вокализмом во всех производных. С точки зрения словообразования глаголы на *-ati* — **хритатисѧ**, **похритатисѧ** — являются отыменными образованиями, производящая основа для них не зафиксирована древними источниками и диалектными словарями, а **охритѣ**, именное образование с приставкой *o-* (< *ob-*), связано отношением производности с незасвидетельствованным глаголом ****o-хритатисѧ**.

По всем признакам, в нашем распоряжении сохранившийся в древнерусских текстах небольшой фрагмент рано распавшегося этимологического гнезда, состав и истоки которого остаются неясными. Поиски истоков гнезда ведутся в разных направлениях.

В [ЭССЯ 8: 98] др.-рус., рус.-цслав. *xpūtatisja*, которому посвящена отдельная статья, определяется как лексический диалектизм праславянского языка с исходной формой **skritati* и начальным *sk > x*. В качестве близкого образования называется польск. *zgrzytać* ‘скрежетать зубами’ с исходной формой в ст.-польск. *skrzytać* [Brückner 652]. Признается, что в основе этого глагола лежит звукоподражание с достаточно емкой семантикой ‘скрежетание, скрип’ и общим происхождением со слав. **skripъ*, **skripěti* (ср. рус. *скрипеть зубами*) [ЭССЯ 8: 98]. Далее предполагается, что семантически емкая семантика звукоподражания допускает развитие в сторону ‘шероховатость, неровность, бугор’, которая получает отражение в продолжениях слав. **xridъ* (цслав. **хридъ** *collis, tipes*) и его варианта **xritъ* (ср. болг. *xpidъ* и *xpūtъ* ‘холм, бугор’ [Героу 5: 509, 510], родственных гот. *dis-skreitan* ‘разрывать’, нем. диал. *schreiben* [ЭССЯ 8: 97]). Все другие объяснения этого глагола в ЭССЯ оцениваются как маловероятные: по фонетическим причинам (*xr > kr*) отклоняется предложенное В. Махеком сближение **хритатисѧ** с лит. *krėitu*, *krėitėju*, *krėitėti* ‘браниться, пререкаться, быть сварливым’ [Machek 1939: 179] или родство с др.-в.-нем. *scrian*, нем. *schreien* ‘кричать’ [Фасмер IV: 276].

Существует и другой опыт истолкования глагола **хритатисѧ**, и, по нашим представлениям, он ближе к реальным процессам. В работе В. А. Меркуловой др.-рус. **хритатисѧ** объясняется на основе сближе-

ния с др.-рус. цслав. *скръня* ‘шутка, насмешка’ и производными от него *скрънивыи* ‘лукавый, коварный’, *скрънливыи* ‘изменчивый, легкомысленный, непостоянный’ [СлРЯ XI–XVII, 25: 20] в рамках разветвленного гнезда и.-е. **skrei-* / **skroi-* < **(s)ker-* ‘резать’, рано распавшегося на группы омонимичных образований [Меркулова 1982: 45–47]. Для рус. цслав. *скрънь* ‘шутка’ восстанавливается исходная форма **skroi-t-n-*, но вполне допустимо видеть в этом образовании производное на *-n-* от несохранившегося глагола ***skrěti* < и.-е. **(s)kroi-* с гласным в ступени *-o-* (слав. **krojiti*). Вариант основы с корневым вокализмом в другой ступени в рус. диал. *подскрънивать* и *подскрънивать* ‘подтрунивать, поддразнивать, насмехаться’ (волог., том., якут.) [СРНГ 28: 183–184; Меркулова 1982: 45]. Составной частью этого гнезда являются славянские образования с суф. *-dlo*: рус. диал. *скрыль* ‘ломоть, кусок хлеба’, ‘лучина. шепка’, ‘о разгоряченном человеке говорят: *Идет, как скрыль*’, словен. *skril* ‘тонкая пластинка’, чеш. *skřidla* ‘сланец’ и т. д. [Фасмер III: 659]. Примечательна семантика русского отыменного глагола *скрылять* ‘щепать, колоть (лучину)’, ‘резать на кусочки, крошить (овощи)’ и ‘высмеивать, насмехаться’ [СРНГ 28: 163]. И в этом можно видеть одно из подтверждений мотивации значения ‘насмехаться’ исходной базой ‘резать, щепать и т. п.’.

Др.-рус. *хрѣтатисѧ* и родственные ему *скрень*, *скрылять*, *подскрънивать* образуют отдельную линию развития в составе разветвленного гнезда с и.-е. **skrei-* / **skroi-*, причем связи в этом фрагменте гнезда ослаблены и поддаются восстановлению только с помощью этимологического анализа.

Др.-рус. *хрѣтатисѧ* занимает обособленное положение в словаре. В составе славянского словаря можно выделить некоторые диалектизмы, для которых в литературе предположительно восстанавливаются истоки в составе того же этимологического гнезда и.-е. **skroi-* (~ **krojiti*). Важно понять, существует ли связь этих диалектизмов с др.-рус. *хрѣтатисѧ*. В [ЭССЯ 8: 93] к отражениям этого гнезда отнесены продолжения слав. **xrětiti se* (со знаком вопроса): с.-хорв. *hrětiti se* ‘внушать отвращение’, ‘раздуваться’ ([Skok I: 686] с пометой «словен.»), словен. *hrětiti se: to se mi hreti* ‘у меня это вызывает отвращение’, ‘присесть, растопыривая крылья (о курице, наседке)’, ‘надуться, важничать’, *ohreten* ‘отвратительный’ [Plet.² I: 280] и слов. диал. *chriatit’ sa* ‘царапаться, скрестись, тужиться, стараться изо всех сил’. О. Н. Трубачев полагает, что «специфическая семантика (‘надуться’, ‘растопыривать крылья’, ‘тужиться’) делает возможной <...>

реконструкцию — **xřětiti se* <...> < **skroj-t-*, ср. сюда же **skridlo*» [ЭССЯ 8: 93]. В этой версии отдельного обоснования требует семантика, соотношение значений ‘резать’ и ‘надуваться, важничать’. Естественно возникающий вопрос о характере отношений др.-рус. **хрѣтатисѧ** с этим рядом слов, близких по форме, с начальным *x* из *sk*, но никак не связанных с семантикой смеха, требует отдельного рассмотрения и более подробного изучения. Отметим лишь, что по форме и семантике альтернативой для этих диалектизмов остается принимаемое в словаре Фр. Безлая сближение с глаголом **krětati* [Bezlej I: 202–203; ЭССЯ 12: 145].

Нельзя пройти мимо чеш. диал. *škrítati* ‘загрязнить, засорить’, соотнесенного с лит. *skrentù, skretaũ, skrėsti* ‘грязнить, пачкать’, с предполагаемыми слав. итеративами **skrětati, *skratati* (< **skrēt-ā-, *skrōt-ā-*) при утрате исходного слова [Machek: 550]. Истоки чешского глагола неясны, и, располагая скудными данными, можно лишь предположить, что речь идет об одиночном образовании, для которого нельзя исключать исходного звукоподражания.

Представленные в ЖАЮ глаголы **оулыскатисѧ, оулыснѣтисѧ** и **хрѣтатисѧ** пополняют состав лексико-семантической группы с семантикой смеха. Формирование семантики глаголов относится к разному времени. Если **оулыскатисѧ, оулыснѣтисѧ** можно отнести к семантическим новообразованиям русского языка, то в случае с **хрѣтатисѧ** предпосылки для развития семантики смеха восходят к эпохе диалектного развития праславянского языка. Дальнейшие изменения семантики этого глагола обусловлены особенностями эмоционального восприятия негативной ситуации.

Сокращения

Арх. — архангельский, блр. — белорусский, болг. — болгарский, волог. — вологодский, гот. — готский, греч. — греческий, диал. — диалектный, др.-англ. — древнеанглийский, др.-исл. — древнеисландский, др.-рус. — древнерусский, зап.-словен. — западнорусский, кашуб. — кашубский, лат. — латинский, новг. — новгородский, польск. — польский, пск. — псковский, рус. — русский, сев.-двин. — северодвинский, симб. — симбирский, слвц. — словацкий, словен. — словенский, ст.-польск. — старопольский, ст.-чеш. — старочешский, с.-хорв. — сербохорватский, твер. — тверской, тул. — тульский, укр. — украинский, цслав. — церковнославянский, чеш. — чешский, яросл. — ярославский.

Словари и литература

- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8—. София, 1971–2017—.
- Варбот 1982 — Ж. Ж. *Варбот*. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI // Этимология 1982. М., 1985. С. 24–34.
- Геров 5 — Н. *Геров*. Словарь болгарского языка. Т. 5. София, 1904.
- ЖАЮ — А. М. *Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Меркулова 1982 — В. А. *Меркулова*. Восточнославянские этимологии II // Этимология 1982. М., 1985. С. 39–47.
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–12— / Гл. ред. Аванесов Р. И., Улуханов И. С., Крысько В. Б. М., 1988–2019—.
- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31— / Ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. М., 1975–2019—.
- Срезн. — И. И. *Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб.; М., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51— / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Л.-СПб., 1966–2019—.
- Топоров 1979 — В. Н. *Топоров*. Ведийское *rjá-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология 1979. М., 1981. С. 139–156.
- Трубачев I — О. Н. *Трубачев*. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.
- Фасмер — М. *Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Изд. 3-е. СПб., 1996.
- Черных — П. Я. *Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–41— / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М., 1974–2018—.
- Berneker I — E. *Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913.
- Bezljaj — Fr. *Bezljaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I: A–J. Ljubljana, 1976; Knj. II: K–O. Ljubljana, 1982; Knj. III: P–S. Dopolnila in uredila M. Snoj in M. Furlan, Ljubljana, 1995; Knj. IV: Š–Ž. Avtorji gesel Fr. Bezljaj, M. Snoj in M. Furlan. Uredila M. Snoj in M. Furlan, Ljubljana, 2005; Knj. V: Kazala. Izdelala M. Snoj in S. Klemenčič. Ljubljana, 2007.
- Brückner — A. *Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

- Kott — *F. Kott*. Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha, 1878–1893.
- Machek — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.
- Machek 1939 — *V. Machek*. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen // *Slavia*. 16. Seš. 2. 1939. S. 161–219 (Переизд. в: [Machek I: 234–292]).
- Machek 1957 — *V. Machek*. Slavische Verba mit suffixalem *sk* // *Slavistična revija*. № 10. 1957. S. 67–80 (Переизд. в: [Machek I: 1128–1140]).
- Machek I — *V. Machek*. Sebrané spisy Václava Machka. T. I–II. Brno, 2011.
- Mikl. — *Fr. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Plet.² — *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja / Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2006.
- Pokorny — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Vol. I–II. Bern, 1959–1969.
- RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. I–XXXIII. Zagreb, 1880–1976.
- Skok — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Suradivao u predradnjama i priredio za tisak V. Putanec. Zagreb, 1971–1974.
- Sławski — *F. Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1983.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

К РЕКОНСТРУКЦИИ
НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ
ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
‘ПАХАТЬ, КОПАТЬ’ НА БАЗЕ
РУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ*

Праслав. **čerbati*, **korbīti*

В говорах района озера Селигер зафиксированы словосочетание *чирибать на сохе* ‘подымаение земли’ и глагол *проу[и]р[и]бать* ‘пропахать (землю)’: «Сохой на лошади *прочирибають*. *Чирибать на сохе* — подымаение земли. А потом и сеять можно» [Селигер 5: 186]. Написание глаголов в словарной статье с *и* в квадратных скобках (при отсутствии скобок в приведенном тексте) означает неуверенность составителей словаря в соответствии фонетической записи гласных их фонологическому качеству. При снятии диалектного безударного иканья, глаголы можно реконструировать как (*про*)*черебать*. Соответственно появляется возможность достаточно надежной реконструкции праслав. глагола **čerbati* и сопоставления его с диал. белозер. *карабать* ‘пахать’ [Картотека Сл. белозер. говоров]. Последний наиболее вероятно возводится к праслав. **korbati*, производному от **korbīti* (вопреки толкованию в [ЭССЯ 13: 206], где белозерский глагол отнесен к реконструкции праслав. **kъrbati*). В обоснование **korbīti* см. тамб. *карабуть* ‘боронить’ [СРНГ13: 63]. Относительно исходной семантики **korbīti* ср. сред.-урал. свердл. *карабать* ‘царапать’ [Там же]. Глагольная основа **čerb-*/**korb-* с корневым чередованием *e/o* и семантикой царапания → вспашки естественно может быть возведена к и.-е. основе **kerbh-* ‘резать, скрести’ на базе этимологического гнезда *(*s*)*ker-* ‘резать’ [Рокотню I: 943]. Существенным подтверждением реальности происхождения глаголов **čerbati* и **korbīti* из и.-е. гнезда *(*s*)*ker-* являются структура (с **s*-mobile) и семантика родственного

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

праслав. **skrestī*, **skrebŏ* (< и.-е. **skrebh-*): при преобладающем значении глагола ‘скрести, царапать’, в производных оно связано с копанием, см. русск. диал. *скребѡк* ‘железная лопата, заступ’ (орл., пенз., яросл., куйбыш.) [СРНГ 38: 129], *скребки* ‘приспособление для ручной копки картофеля’ (кемер.) [Там же: 128], *скре́балка* то же (амур.) [Там же: 127]. Таким образом, праславянская терминология вспашки пополняется глаголами **čerbati* и **korbiti* / **korbati*.

Весьма существенным представляется признание производности от основ, восходящих к и.-е. этимологическому гнезду **(s)ker-* ‘резать’ с другими детерминативами, для группы глаголов, также относящихся к терминологии подсечного земледелия, но обозначающих действия, предшествующие собственно вспашке, освобождающие землю для вспашки, — подрезание коры, обрубание веток деревьев на будущей пашне: **čersti* (**čьrto*), **čьrtiti*, **čьrxati*, **čьrkati* [Куркина 2011: 57–63; ЭССЯ 4: 75, 147, 148, 163]. Примечательно, однако, что некоторые продолжения этих глаголов в русском языке зафиксированы с семантикой вспашки или близкой к ней: др.-русс., русск.-цслав. **черести* / **чръсти*, *чьрту* ‘проводить борозду, вспахивать’ [Сб. Троицк. XII в. — Срезневский III: 1568], костром. *черкѣтъ* ‘заборанивать посев’ [Даль² IV: 593]. Очевидна тенденция к варьированию в семантическом поле подсечно-огневого земледелия терминологических значений родственных глаголов или даже одного и того же глагола с исходной семантикой ‘резать, царапать, драть’ от обрубания, обрывания ветвей деревьев к вспашке земли, что определяется практической связью соответствующих действий в этом типе земледелия, так что возможно появление в этом поле терминов с синкретической семантикой, подобных **přetati*.

Праслав. **koporiti*

На основе сравнения болг. *копѣра*, *копѣл* ‘длинная заостренная палка, которой во время пахоты очищают лемех от приставшей земли’, с.-хорв. диал. *kopralja* ‘небольшая мотыга’, русск.-цслав., ст.-русс. *копоруля* ‘мотыга’ и русск. диал. *копаруля* — перм. ‘ральник на крюк’, урал. ‘примитивная соха’ — реконструировано праслав. **koporul'a* как название пахотного орудия, производное от глагольно-именной основы **kopor-* (учитывая функционирование слав. суф. *-or-* и в глаголах, и в именах), восходящей к **kopati*, однако в качестве продолжения возможного производящего глагола были приведены только с.-хорв. *kopòrati* ‘двигаться, шевелиться, копошиться’, *kopàrati* ‘ковыряться,

рыться, скрести, царапать' [Варбот 1974: 56–59; ЭССЯ 11: 21–22] (в ЭССЯ без с.-хорв. глаголов). Более поздняя публикация диалектных материалов представляет русск. диал. волог. *укопорить* 'взрыхлить землю' (?) в тексте «*укопорь* и разгребь лопатой, так чтобы не узнали» [СРНГ 47: 79]. Сопоставление этого глагола с с.-хорв. *kopòrati* 'двигаться, шевелиться, копошиться', *kopàrati* 'ковыряться, рыться, скрести, царапать' (удлинение корневого гласного в последнем обнаруживает производность основы от глагола с корневым вокализмом *o) дает основание реконструировать праслав. глагол **koporiti* 'взрыхлять (землю)' как производный от **kopati* (< *и.-е. *(s)kep- 'резать, расщеплять', сюда же праслав. **ščepa*) и производящий для **koporul'a*.

Производным от **koporiti* 'взрыхлять (землю)' может быть русский топоним *Копорье*. В [ЭССЯ 11: 22] *Копорье* толкуется как **koporyja*, что вызывает сомнения, поскольку предполагает сложение двух синонимичных корней.

Праслав. **pъrxati*

На основе структурного тождества и семантической близости болг. *пръша* 'рыхлить землю', с.-хорв. *пръшати* 'разрыхлять землю, копать, перекапывать', словен. *prášiti* 'копать, перекапывать' реконструировано праслав. **poršiti* 'разрыхлять землю, копать, перекапывать насаждения' [БЕР 5: 614], при этом глагол толкуется как производный от **porxъ* 'пыль', с вероятностью развития значения 'пыль' → 'пылить, превращать в пыль, рассыпать' → 'разрыхлять землю, копать' еще в праславянском [Там же]. Через производность от **porxъ* глагол **poršiti* относится к этимологическому гнезду **pъrx-* / **pъrx-* 'рассеивать(ся)'. Русские диалектные материалы позволяют, однако, предполагать наличие семантики 'разрыхлять землю, копать' еще на более ранней ступени словообразования — у глагола **pъrxati* (по отношению к которому глагол **poršiti* является итеративом с регулярным изменением корневого гласного), ср. русск. диал. *пърхать* 'копать, рыть землю' (арханг.), 'копаться, рыться в земле' (ср.-урал.) [СРНГ 30: 111], *выпърхать* 'разрыть, разрыхлить' (арханг.) [Сл. говоров Рус. Севера II: 245], с производным *пърхлый* 'рыхлый, крошащийся, ломкий' (арханг.) [СРНГ 30: 112], при диал. *пърхать* 'рассыпаться, разметываться в разные стороны (о брызгах, снеге и т. п.)' (новгор.), 'разбрасывать по сторонам что-л. мелкое, сыпучее' (арханг.) [Там же: 111]. Очевидно, мотивационным основанием (и первичным значением) для этого глагола было разбрасывание, разметывание сыпучей массы.

Предложенный анализ русского диалектного материала представляет формирование семантики ‘вспахивать, копать землю’ в праславянском языке на трех мотивационных основаниях: ‘резать / скрести’ (**čerbatī* и **korbitī*, **korbatī*), ‘резать / расщеплять’ (**koporitī*, как и его производящее **kopati*), ‘разбрасывать сыпучую массу’ (**pr̥xati*).

Словари и литература

- БЕР 5 — Български етимологичен речник / Съставили В. Анастасов, Л. Димитрова-Тодорова, У. Дукова, Й. Н. Иванов, Е. Машалова, Д. Михайлова, О. Младенова, М. Рачева, Г. Риков, Л. Селимски, Т. А. Тодоров. Ред. от Т. А. Тодоров, М. Рачева. София. Т. 5. 1999.
- Варбот 1974 — Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II // Этимология 1972. М., 1974.
- Даль² — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М., 1882 (Переизд.: М., 1955).
- Картотека Сл. белозер. говоров — Картотека Словаря белозерских говоров. Череповецкий гос. университет.
- Куркина 2011 — Л. В. Куркина. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
- Селигер 5 — Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 5 / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2013.
- Сл. говоров Рус. Севера — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–6— / Соавторы: Ю. В. Алабугина, Н. В. Галинова, Л. Г. Гусева и др. / Гл. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2001–2014—.
- Срезневский III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. М., 1893 (Переизд.: 1958).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51— / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л.-СПб.; М., 1965–2019—.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–41— / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. М., 1973–2018—.
- Pokorny I — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1948.

А. Ф. Журавлёв

ОГОРОШИТЬ

Институт славяноведения РАН
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

— Ну хоть что-нибудь, — кричали кролики, — скажи, что ты думаешь насчет фасоли, гороха и капусты!

Ф. Искандер. «Кролики и удавы»

Глагол *огорошить* признаётся собственно русским (белорус. *agaróшыць*, — [БРС 1: 60], в [ЭСБМ] не рассматривается, — вероятно, из русского)¹.

В литературный язык слово проникло из просторечия или диалектов, ср. диал. *огорóшить* ‘неприятно удивить’, ‘обругать, оскорбить; огорчить, обидеть’, ‘опозорить, поставить в неловкое положение’, ‘обмануть’, ‘добиться своего’, ‘сильно ударить’, ‘лишить жизни, убить’, ‘съесть, выпить в большом количестве’, в возвратной форме *огорóшиться* — ‘умереть’ [СРНГ 22: 350; Дилакторский: 313; Новгородский словарь 6: 131; Псковский словарь 22: 537].

Часть диалектных значений, помимо общераспространённого ‘ошеломить, неожиданно вогнать в растерянность’, сообщилась и письменному языку² или, для ряда случаев точнее, отразилась в имитациях городского просторечия. Одни авторы, например, с удовольствием освоили значение ‘ударить’; у Ф. Достоевского: «...проломил он череп старику или только „огорошил“ его пестиком по темени?» («Братья Карамазовы»), «...а потом вдруг и *огорошат* в са-

¹ Серб.-хорв. «obl.» (черногор.) *ògrāšiti* ‘obradovati’, внешне напоминая соответствие русскому слову, каковому впечатлению несколько парадоксальным образом способствует и семантика, отношения к нему не имеет, поскольку (по П. Скоку) этимологически связано с *grāša* ‘obilje grane’ — заимствованием из итал. *grascia* ‘жир, сало’, перен. ‘прибыль’ [Skok I: 609]. Но не мог ли П. Скок ошибиться?

² Ниже почти все литературные цитаты черпаются из НКРЯ.

мое темя, обухом-то-с, хе-хе-хе!»³ («Преступление и наказание»); у М. Салтыкова-Щедрина: «...диффаматора *огорошили* на улице палкой» («Мелочи жизни»); у К. Станюковича: «А мы на „Бойце“ спервоначалу вовсе в ошаление пришли, словно тебя ежели да неожиданно *огорошили* по башке марса-фалом!» («Добрый»). Другим пришлось по душе значение ‘выпить спиртного’ (с винительным, указывающим на количество выпитого); у А. Левитова: «По вечерам, то есть *огорошив* в кабаке полуштоф и туго набивши нос забористым зеленчаком, старик приобрел способность...» («Нравы московских девственных улиц»), «Вить эку махину он *огорошил* — косушку цельную — в таких-то летах!» («Бабушка Маслиха»), далее, с синтаксическими смещениями, «...мирно созерцавшего, под влиянием только что *огорошенной* на даровщину косушки⁴, бурное течение петербургской жизни...» («Петербургский случай»).

При прозрачности морфемного членения глагола его содержательная мотивированность остаётся невыявленной, а направление деривации — спорным.

Словари, построенные на словообразовательно-гнездовом принципе, описывают глагол *огорошить* как полученный с помощью приставки *о-* от *горобить* *blâmer, reprendre, reprocher en présence de qq'un; offenser, outrager, mortifier* ([Рейф 1: 197] с квалификацией «*rop<ulaïre>*»), ‘бранить, журить, озадачивать’ и т. д. [Даль₂ I: 382]. Но такая дериватологическая реконструкция выглядит поверхностной: как раз у беспрефиксного глагола *горобить* (несоверш.) ‘озадачивать, внезапно ставить в тупик’ больше причин считаться результатом обратного словообразования⁵. Ф. Достоевский с его приказчицко-парикмахерским языковым вкусом не указ, тем более что цитата из романа «Бесы» («Дело требует точности, а вы меня ужасно как *горобите*») — вообще чуть ли не единственный в НКРЯ пример на это

³ Впрочем, в укороченной здесь фразе Порфирия Петровича под «обухом» понимается не физический удар по темени, а обескураживающая собеседника тактическая речевая уловка. Сам приведённый пассаж является репликацией — минуту спустя! — фразы Раскольниково о «таком приёме юридическом» — «усыпить его [допрашиваемого] осторожность и потом вдруг, неожиданнейшим образом *огорошить* его *в самое темя* каким-нибудь самым роковым и опасным *вопросом*».

⁴ *Косушка* (или четверть штофа) — приблизительно 0,3 литра.

⁵ В отличие от диал. *горобить* ‘стучать’ («Не горощ тут, не горощ» [Словарь Русского Севера III: 111]), которое, видимо, представляет собою самостоятельное образование.

словечко. С таким же основанием можно было бы утверждать, что глаголы *озадачить* и вульг. *опунеть* производны соответственно от **задачить* и **пунеть*, предъявить примеры с которыми не оказалось возможным, хотя системой они не запрещены⁶.

Имеющиеся уже собственно мотивировочные реконструкции глагола *огорошить* по большей части очень немногословны и скупы на аргументацию, особенно в том, что касается семантических зависимостей. Может показаться странным, что первые научные этимологизации глагола при всей наружной близости его основы к слову *горох* (< **gorxъ*) стараются это сходство не замечать и апеллируют к другим гнёздам.

Н. В. Горяев отсылает к *гροχот* и литов. *gaĩsas* ‘звук’ [Горяев: 236]. Это сближение неприемлемо прежде остального по историко-фонетическим причинам. Непосредственно глаголу, надо полагать, приписывается значение ‘оглушить (воздействовать на слух)’.

А. Брюкнер и вслед за ним, в возражение Н. В. Горяеву, М. Фасмер связывают *огорошить* с *огородить* [Grückner 1910: 304; Фасмер III: 119]. Решение не доказано ни в формальном, ни в смысловом отношении. Морфонологическое соотношение *город-* ~ *горош-* как будто не исключается, ср. «испорченное» диал. *прীগоришный* ‘находящийся в *пригороде* — загоне (для лошади, овец) во дворе’ [СРНГ 31: 175], однако оно, со скромной, правда, вероятностью, может быть оценено как результат фонематизации позиционного глухого шипящего в вариантной основе *-горож-* (ср. диал. *огорожа* → *огорож* муж. р. [СРНГ 22: 349]). Существенно позднее Л. В. Куркина, повторив фасмеровское сравнение с *огородить*, в качестве возможной формальной аналогии к *огорошить* привела глагол *об-лап-ошить* [ТСРЯ 2007: 555], но это сближение не выглядит удачным. И каким образом идея «огораживания» сопрягается со значением «неприятного удивления, оторопи», понять непросто (разве что через очень натянутую ассоциацию с *тупик*). См. ещё: [Кучко 2017: 276].

Похоже, что в своё время была предложена ещё одна возможность этимологизации глагола *огорошить* вне отношений с существительным *горох*, но она осталась незамеченной. В «Опыте областного великорусского словаря» [Опыт: 137] он толкуется через «синоним» *огорчить* — не исключено, в виде прикрытого намёка на осторожно

⁶ Текстуальные иллюстрации на параллельные им *шеломить* и *фонареть* (и даже, например, на вульг. *фигеть*) НКРЯ, пусть досадливо поморщившись, всё же выдаст.

допускаемую этимологическую связь с этим последним⁷. В поисках точек соприкосновения между ними прежде всего наталкиваешься на фонетически близкие формы *горший*, *горше*⁸, сравн. степ. **gorbši* (к **gorbjь* [ЭССЯ 7: 54]; по [SP 8: 136] — **gor'bjьsi* к **gor'bjь*), которые не только обыденным сознанием, но и знающими лингвистами (см. [Ушаков I: 605]) воспринимаются как компаративы к суффиксированному *горький*, -ко (**gor'kjь*), с дезаффрикатизацией *ч > ш*, ср. простореч. *легше*, райкинское *мягше* (*мя/к/ше?* ср. прост. *мяконький*). Акцентные расхождения между *огорчить* и *огорбушить* препятствием для их формального сопоставления, кажется, не являются: ср. *ершиться* 'сердиться', 'возиться, суетиться' — *еробушиться* 'сердиться', 'суетиться' [СРНГ 9: 34, 37], *кокишить* 'бить, колотить' — *кокобушить* 'бить, колотить' [СРНГ 14: 101, 108], *лапшиться* 'бить' — *лапобушить* 'бить' [СРНГ 16: 267, 271], *нашаршиться* 'взьерошить, поднять дыбом (волосы)' — *расшарбушить* 'разрыхлить (грядку, землю)' [СРНГ 20: 294; 34: 321], *поршиться* 'порошить (о снеге)' — *поробушиться* 'выпадать, сыпаться (о снеге)' [СРНГ 30: 87, 116], *наветшиться* 'утеплить одежду, подложив под подкладку ветошь' — *подветбушить* 'подшить подкладку' [СРНГ 27: 354–355, 362]⁹. Не ощущение ли связи между этими глаголами,

⁷ На её фоне забавным семантическим курьёзом выглядит переключка приглянувшегося А. Левитову *огорошить* 'вкусить горячительного зелья' с арготическим *огорчиться* 'выпить водки, самогона или суррогатов' [Мокиенко, Никитина: 394] — юмор той же природы, что и в шутовом (сленговом ли?) употреблении глагола *оскорбить*: «Вчера клиент меня коньяком *оскорбил* — приходи, выпьем» [Югановы: 154].

⁸ В словаре Д. Н. Ушакова обе формы помечены ярлыком «устар.». Объяснить эту аберрацию можно лишь тем, что составители словаря не дожили до нашего времени. Оценки были несколько преждевременными. Если, по показаниям НКРЯ, прил. *горший*, действительно, сейчас почти не встречается (хотя в XX веке оно отмечено у десятков авторов, в послевоенной прозе — у О. Форш, В. Тендрякова, А. Твардовского, В. Шаламова, К. Симонова, А. Солженицына и др.), то форма *горше* в основном корпусе только в 2001–2020 гг. регистрируется более чем 70 случаями: А. Азольский, А. Варламов, С. Гандлевский (проза), Б. Екимов, М. Елизаров, Л. Зорин, В. Пьецух, В. Распутин, А. Слаповский, Т. Толстая, А. Эппель... — немногие из этих сочинителей могут быть обвинены в пристрастиях к языковой архаике.

⁹ Приведённые глагольные примеры не тождественны по строению: сегмент *-(ó)ш-* в глаголах с ономапопеическими корнями *кок(о)шуть*, *лап(о)шуть* (ср. *кокнуть*, *лопать* — *ляпать* — *(-)лепить* — *лунить*; ср. диал. *лапшій задать* 'выпороть розгой или кнутом' [СРНГ 16: 270]) имеет живую суффиксальную природу, в *(-)вет(о)шуть* он её давно утратил (**vetax-* ← и.-е. **uet-* 'год'),

большей, чем простое созвучие, заставило Ю. Домбровского соединить их причастные формы в признаковой градации: «Он был в самом деле не только *огорошен*, но даже и *огорчён*» («Факультет ненужных вещей»)? Существование формы **огоршѣть* диалектными словарями, однако, не подтверждается, и в догадке составителей «Опыта», если она действительно была выдвинута, скорее следует видеть факт ложноэтимологической аттракции.

Обратимся к этимологиям, помещающим глагол *огорошить* в гнездо **gorx-*.

В «опыте русской фразеологии» М. И. Михельсона, некоторые особенности которого позволяют приблизить его к сочинениям этимологического характера, глагол назван «иноск(азательным)» и истолкован как ‘озадачить, поставить в тупик, осыпая словами, точно горохом’ [Михельсон 1912: 561]. Составители популярного пособия по русской этимологии для учителя [КрЭС: 303] повторяют эту объяснительную версию, но, последовательно для себя отклоняя само явление конфиксации, между исходным именем и конечной глагольной формой совершенного вида усматривают промежуточное беспрефиксное звено *горошить* (которое мы находим, как уже сказано, сомнительным). О содержательной стороне предложенного решения — ниже.

К слову *горох* как начальному звену деривационной цепочки отсылает и В. Э. Орёл, сравнивая *горошить* с болг. диал. *grášam* ‘замешивать отруби на корм скотине’, далее — с санскр. *gháršati* ‘тереть, натирать’ [Orel: 780]. В силу предельного лаконизма по части смысловых мотивировок, свойственного этимологическим лексиконам В. Э. Орла (не только русскому), семантические связи не прокомментированы, а если сказать прямо, — для англоязычного читателя оставлены тёмными. Впрочем, здесь оригинальность суждения В. Э. Орла состоит лишь в привязывании приставочного глагола *огорошить* к болгарским (также сербско-хорватским, словенским) и санскритскому фактам, почерпнутым из [ЭССЯ 7: 49–50, статья **goršiti*], где они приводятся, заметим, вне всякой связи с ним (в родство верстаются лишь слова в значениях, никак не совместимых с идеей «огорошения, ошеломления» и тянущие именно к ‘горох’: «...корм для скотины», «...величиной с...», «...крупными каплями...» и под.).

в *пор(о)шить(ся)* очевидно принадлежит корню (**porx-*). Однако в заданном плане таким историческим структурным несхождением вряд ли нужно придавать существенную значимость.

Более детален разбор, сделанный А. Е. Аникиным. Допуская связь с *горох*, он расширяет круг привлекаемых глаголов с основой *-горош-*: у В. И. Даля — *сгоробшить с ног* ‘поставить в тупик, уничтожить’, безобъектное *напустогоробшить* ‘напустобредить’. В колебаниях вернувшись к сопоставлению *огорошить* с *городить* как одной из допустимых альтернатив, он остроумно пытается примирить значение ‘привести в состояние умственного расстройства’ у первого с переносным значением вроде ‘нести вздор’ у второго [Аникин РЭС 11: 285]. И всё же, как и в предыдущем случае, место ‘гороха’ в этом семантическом узле до конца не прояснено.

Любительские, вполне анекдотического свойства, предположения о происхождении глагола *огорошить* воспроизводятся в выписках В. В. Виноградова [1994: 785]. К таковым, без сомнения, следует отнести объяснение историка С. М. Соловьёва: «слово „огорошить“ произошло от обычая обсыпать горохом боярина, завравшегося за столом царя».

Осыпание горохом как некий семиотический акт на какое-то время цепляет внимание. Может возникнуть соблазн причислить слово *огорошить* к следам старой магико-ритуальной практики [Славянские древности 1: 523–526]: зёрна гороха при осыпании ими прежде всего служат символом плодovitости (в соответствии с распространённой повсюду магической *quotodo*-формулой «сколько..., пусть столько...»), но встречается их использование и в качестве охранительного средства, парализующего вредоносные силы (чем и можно объяснить дальнейшую семантику трактуемого глагола, освобождающегося от обрядовой смысловой подоплёки). Однако разрозненность и сравнительная малочисленность русских этнографических свидетельств об апотропеическом применении гороха делают такие соображения более или менее гадательными.

Среди инвентаризованных выше идентификаций глагольного корня (*o*)-*горош*-(*ить*) — **grox-*, **gord-*, **gor(ьk)-(?)*, **gorx-* — единственной неуязвимой с формальной стороны является последняя. Но из попыток соединить мотивировочными отношениями значения ‘горох’ ~ ‘оторопь’ лишь одна, «михельсоновская» по привилегии, изложена с приемлемой внятностью: сыплющемуся гороху уподоблен поток слов, обилие которых препятствует нормальному их восприятию и ответной реакции: «*Горошить* от *горох* <...>. Ср. выражение *сыпать как горох* — „быстро и непонятно говорить“» [КрЭС: 303]. Аргументом в пользу такого объяснения могло бы стать диал. *загоробшить* ‘закидать кого словами’ [Дополнение: 35], но по невниманию составители к нему не прибегли.

Однако такое растолкование при всей его ясности трудно счесть убедительным. *Огорошивающим* фактором служит как правило не энергичность речевого воздействия или «непонятность» словесного высказывания, как то конструируется интерпретаторами, а неожиданность новости, которая вовсе не всякий раз сообщается с оглушающим голосовым напором, или же выпадение внезапного вопроса из логики ведущегося диалога. Более того, *огорошить* может и не слышимая речь, а подчёркнутое отсутствие речи, непредсказуемость внесловесного события, нечаянная мысль, просто зрелище — торжественное или, наоборот, тихое. Ср.: «...которого он еще вчера огорошил своим невежливым взглядом» (А. Дружинин, «Заметки петербургского туриста»), «Розу как-то огорошила мысль, что...» (Н. Федорова, «Семья»), «...зная, что Красная площадь существует, и в подробностях зная все, что на ней расположено, он тем не менее был огорошен тем, что все здесь на самом деле именно такое, каким оно представлено в кинофильмах и на тысячах виденных им рисунков, фотографий...» (Э. Казакевич, «При свете дня»), «...огорошенный зрелищем лачуг, сараев и голубятен, не мог поверить, что...» (А. Эпель, «На траве двора»), «Не пытайтесь огорошить Фишера сомнительным дебютным вариантом» («64 — Шахматное обозрение», 2004.08.15)... — ни в одном из этих контекстов глагол *огорошить*, несмотря на качество, в толковых словарях помечаемое бирочкой «разг.» (то есть в сравнении с обесцвеченной и постной литературной лексикой обладающее некоторой экспрессивностью), не задевает внимания какой-либо нарочитостью. Дело, думается, не в буквальном оглушении.

К прояснению связи между далёкими значениями ‘горох’ и ‘ошеломление’, наверное, может подтолкнуть до сих пор, кажется, не замечавшаяся семантико-словообразовательная параллель. Привлекательным видится соположение глагола *огорошить* ‘обескуражить, смутить’ с диал. (волог.) *окапу́ститься* ‘оробеть, смутиться, прийти в замешательство, утратить самообладание’ [СРНГ 23: 110]. Уже двух примеров с близким внутренним устройством достаточно, чтобы говорить о реализации некоей смысловой модели. Формальное и семантическое сходство этих глаголов скорее всего не является случайным¹⁰.

¹⁰ Глагол *окапу́ститься* встречается и за пределами диалектной речи. Ср. заголовки статьи в интернете (<https://news.rambler.ru/community/36712914> — «*Окапустились*»), описывающей скандальные, под давлением церкви, траты из бюджета Курганской области на воздвижение бюста архимандрита Антонина (*Капустина*) к его 200-летию. Неясно, изобретён ли глагол автором статьи ново или это каламбурное употребление слова, добытого с периферии памяти.

«Образы» гороха и капусты¹¹, наряду с иными растениями (как сельскохозяйственными культурами, так и дикими видами, включая сорняки), вовлечены в представления, связанные с зачатием и рождением детей. Любой русскоговорящий, даже мало знакомый с сельско-хозяйственным бытом горожанин, сразу же приведёт самую популярную версию объяснения малолетнему ребёнку, откуда он взялся: *нашли в капусте*. Подобные этиологические формулы регистрируются у славян широко. Круг указываемых растений, помимо капусты, и локусов их произрастания также весьма велик. Ограничимся цитированием плотного перечня, относящегося к украинско-белорусскому Полесью: младенцев «находят» «ў карто́шке (карто́плях, бўльбе), ў гурка́х, ў гарбе́се, ў фасóли, ў бурака́х, ў гарбу́знику, ў цыбу́ле, ў кару́зе (т. е. кукурузе) или вообще „на грядках“, „ў гарóде“» (огородные культуры), «ў авсе́, ў грэ́чцы, ў коно́плях, ў жы́це» (полевые культуры), «в диком поле, в траве, в крапиве, репейнике» [Виноградова 1995: 181]. Большинство приводимых по этому поводу фразеологических и нарративных примеров имеет в виду обычные случаи появления детей, благополучные с позиций общественной морали. Однако нетрудно предположить, что истоки преимущественной ориентации в этиологии зачатия на локусы, не тождественные жилищу, по крайней мере

¹¹ Можно заметить, что их имена обладают свойством текстуального взаимоприращения, совместная их встречаемость выше обычного за счёт употребления семантическим блоком (ср.: «Он рос себе по одним простым законам природы, как растет *капуста* или *горох*. Никто не заботился о его нравственном направлении, о его умственном и душевном развитии». В. Соллогуб, «Тарантас»; «...местный сельский учитель превратно толкует события, говоря: сейте *горохи*, сажайте *капусту*, а о прочем не думайте!» М. Салтыков-Щедрин, «Письма к тетеньке»; «...он [Сталин] не мог лично решить все вопросы в государстве — дать ли отпуск учительнице Семеновой, сеять ли в колхозе „Заря“ *горох* или *капусту*». В. Гроссман, «Все течет») и приводит к появлению синтагматических соединений, близких к фразеологизмам. Польская идиома *groch z kapusta* ‘неразбериха, кавардак’ [Гюлюмянц I: 453] имеет соответствие в русском языке, фразеологами, похоже, до сих пор не обнаруженное: «...ежели обходиться так и со стихиями, то на это мало будет нашей жизни; а мне бы хотелось смешать их, как *горох с капустою*, и найти какую новину, чтоб прислужиться чрез то в республике ученого света для некоторого поласканья моему честолюбию» (Я. Козельский, «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании», 1788); «Бросаешься от одного языка к другому, — хочется и тем и другим сказать любезность или дело, — и выходит *горох с капустой*, неприятное дело, так что сегодня чуть совсем не рассердился в душе» (архиеп. Николай Японский (Касаткин), «Дневники святого Николая Японского», 1899).

отчасти лежат в нередких случаях рождения детей вне освящённых законом и церковью брачных отношений.

Примечательным представляется формирование одной из групп существительных в значении ‘незаконнорождённый ребёнок’ *найда́, найда́к, найден, найден(а), найдёнок, найдёныш, найдеш, найдук, найдун, найдышек, находка, находный* и др. [СРНГ 19: 298–299; 20: 268–269; Словарь Карелии 3: 326–327; Словарь Сибири 2: 334; Словарь Мордовии I: 597; Словарь донских говоров 3: 422–423], с аналогиями в других славянских языках, на основе глагола ‘найти(сь)’ → ‘родить(ся)’ и специально — ‘родить вне брака’ [СРНГ 19: 301; Псковский словарь 19: 419, 421; Иванова: 231–232; Словарь Карелии 3: 327; Словарь Мордовии I: 597; Словарь донских говоров 3: 424–425; Ставшина II: 67], который в формулах о происхождении детей подавляющим образом сочетается именно с названиями посадок или сорняков (‘мать пошла в кочаны да нашла девочку’, ‘детей находят в огороде’, ‘нашла тебя в овсах’, ‘в крапиве нашли’ и под.; ср. *найти в жгучке / крапиве / сербучке*¹² ‘родить вне брака’ [Словарь донских говоров 3: 424–425]; ср., впрочем, *найти по заугольям* ‘то же’ [Словарь Сибири 2: 334], *найти на пове́ти* ‘то же’ [Ставшина II: 67]).

Среди многочисленных названий ‘внебрачного ребёнка’, мотивируемых указанием на обстоятельства его зачатия, отметим, не забываясь исчерпанием списка, имена на *-ник*, реализующие локальный признак, — *капустник*¹³, *капустничек*, *крапивник*¹⁴, *крапивничек*, *кряпивник*, *подкрапивник*, *жигальник*¹⁵ [Даль₂ II: 185; СРНГ 13: 60; 15: 169, 204, 369; 28: 48; Псковский словарь 16: 69; Ярославский словарь 5: 19; Иванова: 134; Словарь Среднего Урала II: 59; Словарь Мордовии I: 432; Востриков IV¹⁶: 145], ср. белорус. *краниўнік*,

¹² К диал. *сербѣть* ~ *свербѣть*.

¹³ Мотив незаконнорождённости, на который спрос в обидных регионально-коллективных прозвищах (ср. *заугольники* прозвище холмогорцев, *замаранные ворота* прозвище жителей вологодской деревни, от обычая мазать дёгтем и сажей ворота у потерявшей честь девушки [Воронцова: 123; Журавлев 2016: 159]), выявляется в перм. *оханский капустник* прозвище жителя города Оханска («Из Оханска народ пошто-тося капустники звали, не знаю пошто» [Прокошева: 157; Воронцова: 140]). *Капустниками* обзывали также псковичей [Даль Пословицы: 274].

¹⁴ Сюда же *кравешник* — графически испорченное *крапивник*, см. [Журавлев 1998: 100].

¹⁵ К диал. *жигала* ‘крапива’.

¹⁶ Рубрики «Родившая вне брака» и «Внебрачный ребёнок» помещены в этом идеографическом словаре в выпуск «Досуг». Логично.

канпельнік, укр. кропивник, покропивник, польск. *rokrzuwnik*, чешск. *korřivník* и т. д. (см. также: [Журавлев 2005: 578; Славянские древности 4: 414]). Слова этой аффиксальной модели через ступень личных прозвищ отразились в русских производных фамилиях *Капустников*, *Крапивников*, *Жигальников*; сюда, окрестясь, можно прибавить фамилии вроде *Репников*, *Огуречников*, *Овсянников*, *Житников*, *Ржанников*, *Пшеничников*, наконец, *Горошников* (реальность редких подтверждается интернетом; исторические свидетельства см. в: [Тупиков: 549, 674, 724; Веселовский: 163 (*Крапивенец*), 227, 263, 268; Полякова: 101–102, 156]). Прекрасно отдавая себе отчёт во множественности и разноплановости мотиваций, реализующихся в таких прозвищах и фамилиях, следует заметить, что постоянный острый (и обычно фарисейский) интерес узкого и ревниво-наблюдательного деревенского социума к праведности ближнего попросту не мог не сказаться на состоянии антропонимического фонда. Между носителей фамилий типа *Крапивников* и *Горошников* неизбежно должны быть и далёкие потомки лиц с подпорченной репутацией, примыкающие к более «наглядным» *Нагульновым*, *Приблудным*, *Девкиным* и *Бастрыкиным*...

Нельзя обойти вниманием славянскую фразеологию и довольно богатый фольклор, где названия возделываемых растений, в частности, имена *капусты* и *гороха*, сближенные выше в образцах параллельного словообразования, вовлекаются в словесные комплексы и образы, насыщенные эротизмом или символизирующие расставание с девичеством.

Оставив в стороне случаи, отражающие нормальный порядок вещей (например, записанную в области украинско-словацких контактов, Medzilaborce, свадебную песню, которая сопровождает замену у невесты девичьего головного убора женским чепцом: «Budeme variti *horoch i kapustu*, / budeme robiti iz divky nevistu» ‘будем варить горох и капусту, / будем делать из девки женщину’ [Leščák 1996: 280]; цит. по: [Гура 2012: 738]), нужно указать на фольклорные, большей частью песенные, тексты, которые описывают ситуации рискованные, «на грани фола», или уже откровенно скандальные. Ср.: «В огороде-то девонюшка / Капустку садит <...> „Я капустки не купил / Да красну девку полюбил. / Да девонюшка-девушка <...> Да скажи, любишь ли меня“» [Топорков (сост.) 1995: 116]; «„А чего тебе, дивчина, / Пузо надулось?“ / „В поле была, горох ела, / Воды напилася“ / „Брешешь, девка, брешешь, красна, / Вот ты так-то сделала“» [Там же: 126–127]; «„Да ох ты, дочка моя, дочка, / Да чем ты нездорова?“ / „В поле

была, да горох ела, / Да червоточка съела“. / Да уродился червоточек / С руками, с ногами. / Да со руками, со ногами, / Да с серыми глазами» [Там же: 159]; «Ах, ёб вашу мать, / Не ходи капусту рвать, / На капусте захвачу, / Всю пизду разворочу» [Там же: 445]; «Капуста, капуста, / Капуститесь. Поднимется, поднимется, / Опустится» [Там же: 459]; «Капуста моя / Любит поливанье, / А ребята, не телята / Любят целованье» [Елеонская 1994: 180]; «Рассыпался горох / По белому блюду, / Я любила семерых, А таперь не буду» [Там же: 183]; из текстуальных иллюстраций к статьям сводного словаря русских говоров: «Не ешьте, девушки, капусты, Напирайте на горох. От гороху пухнет брюхо, Поднимается вверх (частушка)» [СРНГ 4: 81, ст. **Вверёх**]; «Что ж капустке не виться? Чего ж с милым не водиться? (хоров. песня)» [СРНГ 4: 338, ст. **Водиться**]; «Яровские девки — пл...: Охлебалися горошницы, По загуменью валялися, Рекрутов дожидалися» [СРНГ 7: 70, ст. **Горóшница**]¹⁷.

Из фразеологии и паремиологии, имеющих дело с этой же материей: *скакать в крапиву* «о нравственном падении девушки» [СРНГ 15: 168], *бывать в крапивке* ‘гулять с парнями’ [Словарь Карелии 3: 8], *горох мять* ‘гулять’ («Говорили про парочку-то: пошли горох мять» [Прокошева: 221]), *покушать горошку, гороху объестся* ‘забеременеть (о незамужней женщине)’ [СРНГ 7: 66; Прокошева: 237]¹⁸, далее укр. *скочити в горох, скакати (вскакувати) / скочити (вскочити) в гречку* ‘зраджувати дружині (чоловікові); мати нешлюбні зв’язки’, ср.: *Не за те бито, що ходила в жито, а за те, що дома не ночувала; Скакає в гречку; Не скакай у чужу гречку, бо лихо тобі буде; В кропиві шлюб брав; У горох ускакнула* [Номис: 331, 391]; польск. *grochu się objadła*, кашуб. *ona są gròxhi ‘obz̄arła* ‘гороху объелась’, *gròxh jã pãci* ‘горох её пучит’, *vlezc v gr’oxòvině* ‘влезть в гороховую солому = забеременеть’ [Sychta I: 364, 365]. Коитальная семантика может выражаться через терминологию молотьбы гороха или ржи: в луганском свадебном ритуале (пересказываемом в: [Гура 2012: 668]) гулянье в продолжение всей брачной ночи обозначается фразеологизмом *горох молотити*; сочетаниями *горох молотити* и *жито*

¹⁷ В последней цитате за окороченной записью скрывается сев.-русс. *плёшница* ‘распутная женщина’ [СРНГ 27: 138], которое фольклористом или лексикографом было, видимо, расценено как непристойное.

¹⁸ Ср.: *Горохом играть* ‘игра на летних игрищах’ («В Троицу *горохом* играли. Встанут девки с ребятами, поют песню про горох. Девки — горох, парни его бо ро н я т» [Прокошева: 142]).

молотити именуется ритуальные отправления на следующий день, в которые входит оповещение о «нечестности» (вероятно, о свершившейся этой ночью дефлорации? — А. Ж.) невесты (ср., однако, *ходить с горошком* — «На второй день свадьбы „ходить с горошком“ (специальной песней) и носят красный флаг, если невеста до свадьбы сохранила девственность» [Словарь донского казачества: 115]). Представляет интерес пермский (воткинский) фразеологизм *непереса́женная капу́ста* о долго не выходящей замуж девушке («Долго в замуж не берут, дак зовут непересаженной капустой, стыдно» [Прокошева: 156]); за «пересаживанием» очевидно стоит идея смены социального статуса и влекомой ею перемены символического локуса: девушкам позволительно участие в игрищах и гуляниях, но место мужней жены — дома.¹⁹

Сказанного, видимо, достаточно, чтобы предложить уточнённую реконструкцию содержательной мотивированности глаголов *огорошить* и *окапуститься*. Начальную мотивировку первого из них с большой вероятностью можно свести к толковательной формуле «[о девушке или замужней женщине] поставить (ближних, прежде всего собственную семью) в постыдное положение своей внезапно обнаружившейся беременностью или рождением ребёнка, нагулянного, условно говоря, в *горохах*». Второму, принадлежащему обратной залоговой схеме, должна быть приписана мотивировка «[о девушке] неожиданно осрамиться, обнаружив свою «нечестность» или беременность, нажитую, условно говоря, в *капусте*; [о замужней женщине] выставить себя на позор, допустив огласку своих любовных связей на стороне».

Дальнейшее семантическое развитие, требующее в ряде случаев аффиксального переоформления глаголов, приводит к появлению

¹⁹ Узость задач настоящей статьи заставляет прервать увлекательное цитирование фольклорных текстов и свести к минимуму перечисление фразеологии из категории «лыко в строку». Сама тема «вегетативного кода» в затронутой области (о горохе — [Бунчук 2012]) заслуживает полновесной культурологической монографии. Помимо прочего интерес вызывает, например, различие в коннотативных ореолах «образов» и имён *гороха* и *капусты*, с одной стороны, и злаковых культур, с другой. Если первые склонны притягивать к себе, как мы видели, откровенно скабрёзные ассоциации и даже сплетаться с прямой матерщиной, то, скажем, *рожь* как локальное обстоятельство для эротических контактов сообщает их отображениям куда бо́льшую деликатность (ср. в бессмертной «Коробушке»: «Распрямись ты, рожь высокая, / Та й н у с в я т о с о х р а н и»; см., однако, полупохабные частушечные тексты в [Морозов 1997: 96]).

в диалектном словаре завязанных на этих корнях, но не упоминавшихся выше значений *огорошить* (*‘разоблачить факт’ →) ‘обнаружить тайные замыслы, разоблачить (кого)’ («Ты при мне не ври, всё равно я тебя огорошу» [Вологодский словарь, *Образинка — Палище*: 24]); *скапу́ститься* ‘допустить промах, оплошность, потерпеть неудачу’ [СРНГ 37: 389], *прокапу́ститься* ‘сделать ошибку, промах, оплошать’, ‘провиниться, совершить проступок’ («Бывает и доселе девка какая прокапустится, себя не побережет, так сраму на всю деревню» [СРНГ 32: 152]), *капу́ститься* ‘совершать оплошность, промах, ошибку вследствие страха, робости’ [СРНГ 13: 59], *искапу́стить* ‘отругав, опозорить’, ‘в грош не поставить» [СРНГ 12: 213], *раскапу́стить* ‘разругать’ [СРНГ 34: 109].

Оставим без решения небольшой, но дразнящий вопрос о механизмах синонимизации прилагательных *девичий* и *гороховый* в выражениях *девичья память* и *гороховая память*.

Библиографические сокращения

- Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. 1—. М., 2007—.
- БРС — Беларуска-рускі слоўнік. 1–2. Мінск, 1988–1989.
- Бунчук 2012 — Т. Н. Бунчук. Горох в языке и традиционной культуре Русского Севера // Севернорусские говоры. 12. СПб., 2012. С. 117–133.
- Веселовский — С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Виноградова 1995 — Л. Н. Виноградова. Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
- Вологодский словарь — Словарь вологодских говоров. А–Г. Вологда, 1983— [выпуски без нумерации и обозначения на титульном листе алфавитного диапазона].
- Воронцова — Ю. Б. Воронцова. Словарь коллективных прозвищ. Who is who по-русски. М., 2011.
- Востриков — О. В. Востриков. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. I–V. Екатеринбург, 2000.
- Горяев — Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

- Гура 2012 — *А. В. Гура*. Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика. М., 2012.
- Гюлумянц — *К. Гюлумянц*. Польско-русский фразеологический словарь. I—II. Минск, 2004.
- Даль₂ — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. I—IV. М., 1955. (Перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880—1882.)
- Даль Пословицы — *В. И. Даль*. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. СПб., 1997.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- Дополнение — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Елеонская 1994 — *Е. Н. Елеонская*. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // *Е. Н. Елеонская*. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994.
- Журавлев 1998 — *А. Ф. Журавлев*. Лексикографические фантомы. 2. СРНГ, II — К // Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. I. М., 1998.
- Журавлев 2005 — *А. Ф. Журавлев*. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Журавлев 2016 — *А. Ф. Журавлев*. Эволюции смыслов. М., 2016.
- Иванова — *А. Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- КрЭС — *Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская*. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. М., 1971.
- Кучко 2017 — *В. С. Кучко*. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских говоров. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017.
- Михельсон 1912 — *М. И. Михельсон*. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб., 1912.
- Мокиенко, Никитина — *В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
- Морозов 1997 — *И. А. Морозов*. Гуляния // *И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский, С. Н. Смольников, Е. А. Минюхина*. Духовная культура Северного Белозерья. М., 1997.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru
- Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. 1—12, 13 (дополнительный). Новгород, 1992—1995; Великий Новгород, 2000.
- Номис — Українські приказки, прислів'я, і таке інше. Збірники О. В. Марковича та інших. Уклав М. Номис. Київ, 1993.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

- Полякова — *Е. Н. Полякова*. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.
- Прокошева — *К. Н. Прокошева*. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002 [электронная версия].
- Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. 1—. Л., 1967—.
- Рейф — *Ф. И. Рейф*. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. 1—2. СПб., 1835—1836.
- Славянские древности — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. 1—5. М., 1999—2012.
- Словарь донских говоров — Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград, 2011 [электронная версия].
- Словарь донского казачества — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. 1—6. СПб., 1994—2005.
- Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. I—II. СПб., 2013.
- Словарь Русского Севера — Словарь говоров Русского Севера. I—. Екатеринбург, 2001—.
- Словарь Сибири — Словарь русских говоров Сибири. 1—. Новосибирск, 1999—.
- Словарь Среднего Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. I—VII. Свердловск, 1964—1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 1, 2. М.; Л., 1965—1966. 3—. Л. (СПб.), 1968—.
- Ставшина — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Сост. Н. А. Ставшина. I—II. СПб., 2008.
- Топорков [сост.] 1995 — Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. Сост. А. [Л.] Топорков. М., 1995.
- ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2004.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Ред. Д. Н. Ушаков. I—IV. М., 1935—1940.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. I—IV. М., 1964—1973.
- Югановы — *И. Юганов, Ф. Юганова*. Словарь русского сленга. Сленговые слова и выражения 60—90-х годов. М., 1997.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1—. Мінск, 1978—.

- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1— М., 1974—.
- Ярославский словарь — Ярославский областной словарь. [1—10.] Ярославль, 1981—1991 [номер выпуска, отсутствующий на титульном листе и в выходных данных, обозначен в предисловии к каждому выпуску, кроме первого].
- Brückner 1910 — *A. Brückner*. Etymologische Glossen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. XLIII (1910), № 4.
- Leščák 1996 — Slovenské svadby. Z dolazníkovej akcie Matice Slovenskej 1942. Zost. M. Leščák. Bratislava, 1996 (= Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska, II).
- Orel — *V. Orel*. Russian Etymological Dictionary. 1—4. [Calgary,] 2007—2011 (= Languages in Time and Space, I— Ed. V. Shevoroshkin).
- Skok — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—III. Zagreb, 1971—1973.
- SP — Słownik prasłowiański. I—. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974—.
- Sychta — *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I—VII. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967—1976.

Е. Л. Березович

Уральский федеральный
университет
(Екатеринбург, Россия)

К ЭТИМОЛОГИИ
РУССКОЙ ЛЕКСИКИ
СО ЗНАЧЕНИЕМ
ЖИЗНЕННЫХ СИЛ*

...Как струны задрожат все жизненные силы,
И вспомню я сквозь сон всю мира красоту!

<А. И. Одоевский>¹

Последние события в жизни человеческого сообщества с особой остротой поставили вопрос о том, какой запас психологических и биологических сил накапливает человек в течение жизни и как он умеет ими распорядиться. Поскольку упадок сил — одно из печальных проявлений и следствий ряда болезней, в том числе той, что вызвала пандемию, разговоры о поддержании и накоплении сил, энергии, бодрости стали звучать все чаще. На этом фоне (да и безотносительно к нему, конечно) представляется интересным выяснить, какая лексика выражает семантику витальности, жизнелюбия, энергичности, потенциала сил, каковы ее смысловые особенности, происхождение и стоящий за ней круг мотивов, образов, представлений. Разумеется, этот лексический пласт огромен и неисчерпаем, как мощна и традиция осмысления этого феномена — на уровне философии, религии, мифологии (ср., скажем, философию энтелехии или витализма, верования о сверхъестественном отбирании жизненных сил через волосы, ногти, кровь etc.), литературы, а также наивного бытового сознания. Некоторые образы, воплощающие представления о жизненных силах, реализуются в языке системно: к ним относится, к примеру, образ крови. Если человек

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Автор выражает благодарность Н. П. Антропову, Е. Д. Бондаренко, И. Б. Качинской, А. А. Макаровой, И. И. Муллонен, Н. А. Шляхтер за помощь в сборе и осмыслении лексического материала.

¹ Здесь и далее художественные фрагменты извлечены из [НКРЯ].

энергичен, кровь *переливается по жилам, горит, играет, бродит, живет* (ср. арх. *живокровый* ‘здоровый; энергичный’ [СРНГ 9: 156]), — а в противном случае *остывает, леденеет, холодеет* etc. Более того, этот образ претендует на универсальность, будучи отмеченным в самых разных языках; примеров можно было бы привести множество, но мы ограничимся только английскими примерами, ср. сочетание *life blood* (букв. «жизненная кровь») ‘витальность, запас жизненных сил’², а также слово *sap*, в семантическом спектре которого представлены значения ‘сок растений’, ‘кровь’, ‘жизнестойкость’, ‘энергия’.

Комплекс представлений о жизненных силах исключительно многогранен, и это связано главным образом с «объектами приложения» этих сил. Они могут быть направлены на интеллектуальную и творческую работу³, на чувства, эмоции, настроение человека⁴, на экзистенциальные переживания, ощущение единства с природой⁵,

² К примеру, замечательны следующие строки Дж. Донна: *When thou sigh'st, thou sigh'st not winde, But sigh'st my soul away, When thou weep'st, unkindly kind, My life blood doth decay* («Когда ты вздыхаешь, ты выдыхаешь не ветер, А мою душу. Когда ты плачешь, недобро добрая, Моя *жизненная сила* распадается»).

³ Ср.: «Многообразии, разнообразии интересов, привязанностей, умение взглянуть на каждый предмет, и на каждую мысль, и на каждого человека, и на каждый человеческим поступок с десяти, с сотни сторон одновременно составляли его жизненную силу, богатство, очарование — и его недостаток» <Л. К. Чуковская>, «В моей личной борьбе с блатными, где я блокировался с врачами, не было места стихам как жизненной силе, а была обыкновенная кровь, обыкновенная грязь» <В. Т. Шаламов>, «Очевидно, в моем теле жил гениальный художник, которого я не мог подчинить своей жизненной силе» <Ю. К. Олеша> etc.

⁴ Ср.: «Каждый час, проводимый мной здесь, отнимает у меня очень много из запаса жизненных сил, и грустнее всего то, что во всем мире, кроме Вас, никто не может понять сущность тех страданий, которые я здесь испытываю» <П. И. Чайковский>, «Это буйный приток жизненных сил, когда тебе все время весело, когда в голове светлые мысли, когда ползающая по потолку муха приводит в изумление, когда весь мир со всеми его предметами, звуками, запахами воспринимаешь впервые» <В. Розов> и др.

⁵ Ср.: «Приглядись: в ней, кроткой, тихой и отрадной, Узенькой полоске в море небосклона, Красота и прелесть ночи непроглядной, Тайна мягких красок и прозрачность тона. С нею мрак не страшен — он не мрак могилы Без надежд и мысли, радости и муки, С ней яснее видны жизненные силы, С ней яснее слышны жизненные звуки» <С. Я. Надсон>.

на жизнь социума⁶ (разумеется, эти грани часто совмещаются, переживаются в своем единстве⁷), — а чаще всего на физическую деятельность: ими определяется способность человека «обслуживать себя» и осуществлять производительный труд. Именно этот аспект — по понятным причинам — осмысливается в первую очередь в тех лексических единицах, которые носят диалектный характер. В этих заметках мы обратимся к некоторым словам и фразеологизмам, выражающим соответствующие понятия в лексике русских народных говоров.

Среди лексических единиц, реализующих интересующую нас семантику, наиболее распространено (представлено во всех основных группах говоров) слово *могутá* — ‘здоровье, сила, крепость’: «Могуты-то, кормилец, не стало, еле ноги таскаю» (костр.) [ЛКТЭ]; часто оно выступает в составе устойчивых сочетаний: арх. *вы́класть могу́ту* ‘потерять силу, здоровье’: «С молоду-то могутен был, а под старость всю могуту выклат», новг. фольк. *с могуто́ю сокопи́тися* ‘набраться сил, здоровья, возмужать’ [СРНГ 18: 193–194]. Устойчивым контекстным партнером *могуты* выступает *сила*: «Кажется, я, красна девица, не жалела могуты-силы — Я не в летней-то работушке, Я не в зимнем обряжанище» (новг.) [Там же: 193], «Вот я тоже пока была в силе да в могуте, так схожу к ней, прямоюсь в избе у неё» [ЛКТЭ].

Эта лексема принадлежит огромному гнезду *мог-*, представленному и в литературном языке, и в говорах, где обнаруживаются и другие особо интересные с точки зрения нашего исследования факты: костр. *смога́й, смога́нье* ‘способность трудиться, энергия, сила’: «Восемьдесят четвёртый год идет, смогаю нет совсем», «Не тот смогай уж стал, сил-то совсем не стало», «На карачках ползаешь, смоганья нет дак»

⁶ Ср.: «На том пепелище, в которое изуверством социалистических рабочих и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью» <П. Б. Струве>, «И об этом-то исполненном жизненной силы и самобытном народе вы говорите с таким презрением?» <М. Н. Загоскин> etc.

⁷ Это единство просматривается во многих предыдущих примерах, ср. также:

«Я б желал навеки так заснуть,
 Чтоб в груди дремали жизни силы,
 Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;
 Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
 Про любовь мне сладкий голос пел,
 Надо мной чтоб, вечно зеленея,
 Темный дуб склонялся и шумел» <М. Ю. Лермонтов>.

[ЛКТЭ], ср. также производящий для этих слов глагол ярosl., костр., арх., свердл., уфим., новг., томск., приирт., север., Киров., ср.-урал., казан. *смогáть* ‘быть в силах делать что-л.; мочь’: «Смогаешь ли нынче, Иван? Плох стал: в груди болит и болит» (костр.) [СРНГ 39: 22–23]. Важно подчеркнуть, что интересующее нас значение глагола *смогать* шире, чем соответствующее значение глагола *мочь*, поскольку используется для обозначения (с помощью самого глагола и его производных) не только способности человека выполнить конкретное действие («мочь сделать то-то»), но и собственно человеческого «силового потенциала», способности делать что-либо «вообще», ср. еще контексты: влг. «Баба-то Маня смогат ешшо, и косит, и в церкву ходит, и пироги пекёт», арх. «Смогаю пока, к сыну в город не поеду» [КСГРС]. Соответственно «отрицательный» смысл — отсутствия сил — выражается в рамках слов того же гнезда с негативными приставками: арх. *вымогáться, вынемогáться, вынемогчи* ‘потерять силы, ослабеть’: «Йешчо не вымогался, не так што болел, здоровой дак», «У меня Володя не вынемог, так он как спит» [АОС 8: 20, 33], арх. *безмогúтный* ‘слабый, бессильный’ [СРГК 1: 53], краснаяр., арх., костр., влг. *немогúтá немоготá* ‘немоть, бессилие’: «Немогота у его, еле ноги таскат» (костр.) [СРНГ 21: 83; ЛКТЭ, КСГРС] и мн. др.

«Мощное» гнездо *мог-* демонстрирует значимость изучаемой семантики для национального языка в целом — и говоров в частности. Разумеется, помимо лексики этого гнезда, есть множество других способов реализации указанных значений. В ходе последующего изложения мы будем делать акцент на лексике, записанной сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета на территории Русского Севера и Поволжья: она либо отсутствовала в диалектных словарях, либо была в них представлена, но вновь вводимый полевой материал позволил по-новому подойти к вопросу о происхождении лексических единиц.

Так, показательную модель смыслового развития реализует костромское слово, которое, кажется, не отмечалось в словарных источниках: *растовье* ‘запас энергии, жизненная сила’: «Растовье пока не ушло, козочек ешшо держу», «Растовья не стало совсем, по избе только ползат» [ЛКТЭ]. Семантическую мотивированность здесь определить несложно: ближайшая связь — с челяб., курган., свердл. *растовый* ‘цветущий, полный сил, здоровья (обычно о человеке среднего, зрелого возраста)’: «Растовый народ был взят на фронт», «На деревне-то бабы и девки все растовые, красные, не как в городе» (челяб.); перм. *растовый жених* ‘жених более двадцати лет отроду’

[СРНГ 34: 260]. Прилагательное *растовый*, в свою очередь, появилось в результате метафорического переноса на основе яросл., влад., тамб., свердл., перм., вят., урал., оренб., сиб., костр. *растовый* 'относящийся к *расту*, заготовленный, полученный в это время', при этом есть устойчивые сочетания *растовое масло*, *растовое молоко*, *растовое сено*, *растовый мед* и др. [СРНГ 34: 259–260; ЛКТЭ] < костр., ульян., казан., симб., перм. *раст* 'лучшая пора для роста зелени, хлебов для сенокоса, сбора молока на масло и т. д., пора дозревания плодов, ягод': «Это сено кошено в самый раст» (костр.) [СРНГ 34: 244]. Таким образом, здесь используется вегетативная метафора, уподобляющая жизненную силу человека силе растения в пору наиболее продуктивной вегетации. Это разработанная метафора, имеющая и «обратные» проявления: упадок сил, слабость ассоциируется с увяданием, засыханием, потерей питающих корней и т. п. (ср., к примеру, карел. *овянуть* 'утратить энергию, ослабеть': «Я как поработаю да овяну, уся как тряпка. Эти пальцы-то стары, овяли, не подержали, кринка и упала» [СРГК 4: 134], арх. *завянуться* 'устать, утомиться, потерять силу' [АОС 15: 468], новг. *развя́ть*, *развя́нуть* 'то же': «Топерь поотошло, а была развявшэ, как травина вялая» [НОС: 996], влг. *суши́на* 'об обессилевшем, утратившем энергию человеке': «Я-то совсем сушина, нисколь работать не могу» [КСГРС], пск. *выйти с корня вон* 'состариться, потерять силы, ослабеть': «Вышли с корня вон, так каки рыбаки!» [ПОС 5: 169] и др.), а далее — с потерей соков при варке, квашении и проч. (например, курск. *скапу́ститься*, новг. *раскапу́ститься* 'потерять силы, ослабеть от болезни или усталости') [Хильманович 2017: 174; НОС: 1004] etc.).

Следующее слово, не зафиксированное в словарях, — влг. *власотá* 'жизненные силы, способность работать, осуществлять энергичные действия'. Приведем все контекстные фиксации этой редкой (и, по всей видимости, уходящей из употребления) лексической единицы, которую сотрудникам нашей экспедиции удалось записать в нескольких деревнях на востоке Кичменгско-Городецкого района Вологодской области: «Во власоте была, вот и косила, и пахала, за всех мужиков робыла», «Была у меня власота — на всех работах перебивала», «Власоты сколь было, всё переделала», «Власота пока есть, к сыну не поеду» «Была бы я во власоте, сходила бы с тобой по нашим полям» [КСГРС]. Показательно и значение, метонимически связанное с указанным, — 'пора жизни, когда у человека есть силы, физические возможности что-либо делать': «В мою-то власоту двух коров дёржала»,

«В мою-то власоту автобусов не было, пешком ходили до Городка» [Там же]. По нашей версии, на происхождение этого слова может пролить свет единично зафиксированное (в деревне, соседствующей по отношению к тем, где отмечена *власота* ‘жизненная сила’) значение ‘власть, влияние, уважение в обществе’: «Власота — это хороший человек ли штё ли, у ёво по всей деревне власота, властеливой человек» [Там же]. Стоит думать, что слово *власотá* образовано от *владеть* (*владать*); при этом важно отметить, что в семантической системе говоров этот глагол и его дериваты (по понятным социальным причинам) обнаруживают более явный, чем в литературном языке, акцент на семантике владения собой, способности совершать усилия и проч. Этот акцент просматривается как в глагольной семантике (диал. шир. распр. *владать* ‘уметь свободно действовать, пользоваться чем-либо; двигать, владеть, управлять чем-либо’: «Сиднем сию цело тридцать лет, не владаю ни руками, ни ногами» (олон.) [СРНГ 4: 315], *владеть* арх. ‘быть работоспособным, физически здоровым’: «Я бы принесла, да не владею. Теперь вот не владела — ноги-те все переморозила» [АОС 4: 124], арх., влг. ‘быть в силах, мочь’: «Наторкает снегу-то, любила зимой разгрести, владела дак» [СГРС 2: 134], перм. *владовать* ‘сохранять способность действовать, двигать частями тела’: «Сама собой владовать не лажу» [СГСПермК 1: 246] etc.), так и в значениях существительных (твер. *владость* ‘сила’: «Никакой владости нет» [СРНГ 4: 316], нижегор. *владание* ‘способность к работе, к движению’: «Я сицас не в силе: нет владания и памяти. Как-то владанья нет — и слабый человек» [ДСНО 2: 101] и др.) и мн. др. Наличие существительных такого рода служит дополнительным аргументом в пользу отнесения *власоты* к изучаемому гнезду. Что касается словообразовательной стороны, то суффикс *-от-*, наиболее активный в именном словообразовании, может комбинироваться и с глаголами (ср. *пахота*, *хрипота* и др.). Фонетический облик слова, по всей видимости, объясняется дистантной регрессивной диссимиляцией по способу образования: **владота* → *власота* (возможно и вторичное внутрignetное притяжение к *власть*).

Присутствие и, наоборот, утрата жизненных сил могут осмысляться в рамках своеобразных сценариев, которые можно воссоздать по «разбросанным» в разных говорах и не связанным — на первый взгляд — лексическим единицам. В основе одного из таких сценариев лежит **образ запряженной лошади**, исключительно актуальный для традиционной русской культуры. В Шарьинском районе Костромской области сотрудники нашей экспедиции записали выражение

везти коренной, везти коренником ‘иметь много сил, энергии’: «Она ешшо везёт коренной, ешшо всё могот, ешшо и корову дёржит», «Дед не везёт коренником, сдал, здоровья нет — и с головой туго» [ЛКТЭ]. Лежащий в основе этого выражения образ представляется ясным: коренником (т. е. лошадю, впрягаемой в оглобли или средней лошадю в тройке [ССРЛЯ 5: 1417]), становится наиболее сильная лошадь. Естественно, усталость лошади или ее неожиданный «взбрык», нежелание везти телегу или сани — важнейший элемент «лошадиного» сценария; логично, что этот образ может лечь в основу идиом, рисующих утрату жизненных сил человеком.

Эти соображения подводят нас к прочтению алтайск., иркут. фразеологизма *сесть на гужі* ‘потерять былую силу, энергию; состариться, ослабеть’: «Дедушка-тъ толька йерепеницца, а на гужи уш сяў» (иркут.) «На работу уже не годилася. На гужи села, детей много было» (алтайск.) [ФСРС: 177; СРС 4: 293; СРГА 4: 76]. Здесь образ непрозрачен и допускает множество толкований, поскольку оба слова, составляющих выражение, многозначны. Если воспользоваться «лошадиным» сценарием, можно предположить, что здесь подразумевается *гуж* в значении ‘кожаная или веревочная петля у хомута, служащая для скрепления оглобли с дугой’, которое в [ССРЛЯ 3: 473] подается как первое. Образ дорисовывается в контексте к выражению *сесть на гужі, сесть на гужу*, которое близко по значению к разбираемому нами (‘прекратить деятельность, перестать работать’) и отмечено в среднеуральских говорах: «Раньше никакой дорожки мне в лесу не надо, а теперь-то села на гужу: лошадь везёт воз, а потом встанет, говорят: “Села на гужу”», «Пришлось сесть на гужи — отробилась, видно» [ДСРСУ: 502]. Картину дополняет одно из диалектных значений глагола *сесть* — иркут., ряз. ‘потерять силу, ослабеть; заболеть, потерять трудоспособность’: «Добрый был конь да сел» (иркут.), «Мама наша, наверное, сядет совсем, будешь заместо Васюни с боку на бок перетаскивать. Изувечилась, теперь и поясница, и живот, и ноги — всё село» (ряз.) [СРНГ 36: 239], ср. также печор. фольк. *приусёть* ‘немного убавиться, ослабеть’: «И стал Илья темны леса с кореньём рвать, и целу реку заметал, ровно мост заставил. Тогда сила в нем приусела» [СРГНП 2: 168]. Как видим, слова *сесть, приусеть* и т. п. могут характеризовать и лошадь, и человека, что прекрасно вписывается в крестьянские представления о мире, в которых базовые виды производительного труда никак не связываются с сидением. Таким образом, выражение *сесть на гужи* апеллирует к образу уставшей лошади, которая остановилась и не слушается поводыя.

Более того, «лошадиный» сценарий позволяет предположить групповую семантическую реконструкцию, в которую включается и приамур., томск. *сесть на щётки* ‘потерять былую силу, энергию; состариться, ослабеть’: «Как похоронила Вальку, сразу состарилась, руки ноги не ходят. Мне все говорят: “Была как орёл, а теперь сразу села на шшотки”. Сядешь на шшотки, когда руки, ноги не ходят» (приамур.), «Сын у меня шесть лет как помер. Жалко-жалко. Так из-за его я и села на щётки, худа стала, сил нету» (томск.) [ФСРС: 177; СРС 4: 293; СРГПриам: 270]. Это выражение более затемнено, чем предыдущее, поскольку ни в одном из контекстов нет «подсказки», выводящей на первоначальный образ, а слово *щетка* тоже многозначно. Логика «лошадиной» метафоры говорит о том, что здесь могло быть представлено значение ‘часть ноги над копытом лошади, оленя и т. п.; короткие, жесткие волосы на этом месте’ [ССРЛЯ 17: 1677]. И действительно, консультации с любителями лошадей показали, что щетки особенно видны у тяжеловозов, у тех лошадей, которых запрягают в телегу; если лошадь устала, она присаживается — и этими щетками будто касается земли. Эта яркая картинка, хорошо знакомая любому носителю традиционной культуры, запечатлена во внутренней форме выражения *сесть на щетки*.

Наконец, при широком понимании рассматриваемого сценария сюда можно включить и пропозицию, лежащую в основе арх. *копылы сбиваются* ‘нет сил’: «Чуть расстроюся чего — всё, копылы сбиваются» [СРС 6: 15], ср. обл. *копы́л* ‘один из коротких брусков, вставляемых или вдалбливаемых в полозья и служащих опорой для верхней части саней (кузова)’ [ССРЛЯ 5: 1402]. Очевидно, фразеологизм апеллирует к ситуации поломки или переворачивания саней, ср. также близкие по значению выражения с идентичной внутренней формой: костр. (*выйти*) *вон из копы́льев*, яросл. *из копы́лов вон* ‘сильно расстроиться’, яросл. *с копы́лов сбиться* ‘пропасть, испортиться’, том. *под копы́л* ‘насмерть’ и др. [СРНГ 14: 300–301].

На востоке Костромской области (в Шарьинском, Октябрьском, Вохомском районах) сотрудники нашей экспедиции записали глагол *тельши́ть* ‘с трудом поддерживать в себе силы для существования’: «Еле тельшит — это какой-то он больной, худой, не смогает», «Ешшо тельшит колхоз-то у нас», «Человек болеет, ему плохо, уже только тельшит, ему плохо, сам себе не рад» [ЛКТЭ]. Близкое значение отмечено в словарях — и тоже только на севере и востоке Костромской территории (в Поветлужье и в Чухломском районе): *тельши́ть* ‘жить кое-как, перемагаться’: «Ну, как ты живёшь? Тельшу помаленьку»,

«А мы вот, такое дряхло, до таких лет тельшим» [СРНГ 44: 18; Ганцовская 2015: 378].

Имеется еще одно значение указанного глагола, но оно выглядит никак не связанным с предыдущим: костр. чухл. *тельши́ть* ‘ткать основы для платков’ [СРНГ 44: 18]. Происхождение этого слова в ткаческом значении проясняется при обнаружении фонетического варианта — влад. *теньши́ть* ‘ткать основы для платков’: «Теньшить нитяную основу, а бумагой заткать» [Там же: 42]. По всей видимости, это слово принадлежит гнезду **tæg-* ‘тянуть’: при тканье происходит н а т я ж е н и е н и т е й. Каковы же смысловые звенья, опосредующие переход от ткаческого значения к семантике жизненных сил? Такое звено нам удалось записать в ходе полевой работы на западе Костромской области (Нерехотский и Красносельский районы): *теньши́ть* ‘расходовать что-либо экономно’: «Крупы теньшу, песок теньшу, пенсии-то не хватает», «Песку теньшу, мало песку завезли к нам» [ЛКТЭ]. Для значения экономного расходования есть просторечный аналог — *тянуть, растягивать* (например, продукты); он «буквализирует» нужный нам переход. О справедливости такой реконструкции говорит тот факт, что в этой же западной зоне отмечается значение, производное от семантики экономного расходования: *теньши́ть* ‘болея, плохо себя чувствуя, все же «тянуть», поддерживая в себе жизнь’: «Ну, скажут, он ешшо теньшит помаленьку» ‘поддерживать в себе жизнь, двигаться, стараться что-то делать’, «Теньшит ешшо, продляет жизнь — в хорошем смысле», «Теньшит и не умирает, бродит ешшо» [Там же].

Более глубокого этимологического анализа требует слово *сма́га* ‘жизненные силы’, которое зафиксировано нашей экспедицией в Шарьинском районе Костромской области. Оно употребляется обычно в отрицательных конструкциях: «Ну, смаги нет никакой уже жить», «Смага-то — сила, поддержка. Я слабая, скажут, смаги нет у меня», «К Таисье бы сходили, но в ёй уж смаги нет никакой. Лёжит, сидит, в окно смотрит. А то и в потолок. Жить-то нету смаги» [ЛКТЭ]. На этой же территории отмечается и другое значение слова *сма́га*, которое явно можно признать источником семантики ‘жизненные силы’, — ‘сок растений, влага, жир в продуктах, сочная пища’: «Смага какая — ягоды свежиё, только из лесу принёсла!», «Из яблока ничего не выдавливается, смаги нет», «Про кашу тоже скажут: ну, смаги никакой нет. Суховато, не масляно» [Там же]; в переносном смысле это слово называет и «смазку» в суставах: «Колени скрипят, смаги-то нет в их, смазки» [Там же]. Подобное значение отмечено в смоленских

говорах: *smága* 'ягодный сок', ср. также смол. *smážit* 'выдерживать в жарко натопленной печи ягоды (обычно бруснику) для получения вязкого сока' [СРНГ 38: 337]. Указанная смысловая связь ('сок растений' → 'жизненные силы') выглядит вполне достоверной, но так ли это? И каково происхождение лексемы?

Релевантность тесных связей между значениями 'сок растений' и 'жизненные силы' косвенно подтверждается тем материалом, который приведен выше, при анализе слова *растовье*. Более прямые доказательства тоже обнаруживаются легко, ср., к примеру, сиб., свердл., перм., ворон., калуж., моск., вят. *в (самом) прыску́ быть* 'в расцвете здоровья, сил (быть) (о дереве, животном, человеке)': «Плодовые деревья теперь в самом прыску» (сиб.), «Сохатый бык 6 лет самый сильный, бойкий и крепкий, в самом прыску» (зап.-сиб.), «Девка, ишь, в прыску, разве удержишь с нам, старикам» (иркут.) [СРНГ 33: 72], литер. *в самом соку быть* 'то же' и т. п. Здесь мы имеем дело с проявлениями широкой (и претендующей на универсальность) модели, соотносящей лексику, называющую соки (и вообще жидкости) организма (растения, животного, человека), и обозначения жизненных сил.

Если понимать эту модель расширенно, то сюда вписывается и то, что говорилось выше о крови: во многих языках мира отражены представления о ней как носительнице производительной энергии человека. Это помогает, кстати, интерпретировать связи в гнезде праслав. **klekъ*. Позволим себе экскурс в сторону этого гнезда, поскольку вопрос о его наполнении является спорным, а в контексте нашего исследования отдельные линии могут проясниться. Как указано в [ЭССЯ 9: 192], к этому гнезду, среди прочего, принадлежат блр. *клёк* 'жизненная сила', 'соображение', диал. 'сила', рус. *клёк* смол. 'рассол', калуж. 'густая клейкая жидкость', сарат. 'самое лучшее, отборное из чего-либо' и др. Сюда же, несомненно, стоит включить влад. *глёк* 'сукровица, гной, слизь', смол. *глёк* 'селечочный рассол' [СРНГ 6: 195], которые не приведены в ЭССЯ: экспрессивное озвончение *к* → *г* хорошо известно. В то же время в указанное гнездо включаются слова со значениями 'кол, чурка', 'можжевелик', 'палочка для игры' и т. п. Осознавая существенную разнородность этих значений, О. Н. Трубачев отмечает, что «однозначно решить вопрос о природе значений 'лучшая, отборная часть', 'жизненная сила', по-видимому, не так просто (из первоначального 'кончик, острие'? или из 'сгусток, квинтэссенция?'), почему найдено целесообразным пока сохранить все в одной статье» [ЭССЯ 9: 193]. Думается, такие факторы, как на-

личие значения 'сукровица', а также общий «контекст» модели, увязывающей концентрированные, питающие / питательные жидкости, «соки» организма и жизненные силы⁸, позволяют «проголосовать» за то, чтоб выводить блр. *клёк* 'жизненная сила' из семантики насыщенной жидкости, сока (как и значение 'лучшая часть чего-л.'), а обозначения палок и деревьев вывести из этого гнезда и включить в **klek*- 'изогнутое' (о такой возможности см. [Там же]).

Вернемся к этимологическим связям слова *смага*. В русских говорах оно весьма многозначно, при этом основная масса значений связана с горением и его последствиями: сначала собственно пламя (без указ. м. *сма́га* 'жар, пламя, огонь': «Грешники в аду в смаге сидят, да в смоле кипят»), а далее его прямое «производное» — сажа (влг., смол., курск. 'осадок (сажа, копоть, черный налет и т. п.) на поверхности дымохода, мундштука трубки и т. п. '), затем — цветовая характеристика сажи (влг. 'чернота, темный цвет чего-л.', орл. 'темные пятна на лице беременной', без указ. м. *сма́га сма́гою* 'о загорелом, смуглом человеке') [СРНГ 38: 337]. Другая линия развития значений основана не на внешних, а на «внутренних» характеристиках огня, которые сопоставляются с ощущениями внутреннего жара, сухости, а затем жажды, которые испытывает человек: *сма́га* юж., зап., пск., смол. 'сухость во рту, на губах от жажды, усталости, болезни и т. п.', пск., смол., брян., зап., юж., калуж., орл., волог. 'сильное желание пить, жажда' (далее курск. 'горе, печаль') [Там же]. Значения разных физиологических образований (курск., орл., брян., смол. 'слизь, гнойные образования, белый налет и т. п. на губах, в горле при болезни, от жажды', брян. 'слюна', без указ. м. 'ушная сера, особенно перегорелая', далее орл. 'пыль, грязь') появляются на пересечении описанных выше линий: с одной стороны, они могут сопоставляться с продуктами горения, с другой стороны, осмысляться как следствия жажды. Даже из этого неполного перечня видно, что смысловое развитие с замечательной точностью и яркостью запечатлевает весь сценарий горения и его восприятия человеком. Отсюда понятно, что значение 'ягодный сок', которое мы связали с 'жизненными силами' тоже отражает стадию процесса — ту, когда при нагревании ягоды дают сок. Это подтверждается значением смол. глагола *сма́жить* — 'выдерживать в жарко натопленной печи ягоды (обычно бруснику) для получения вязкого сока' [Там же: 338].

⁸ Ср., кстати, белорусское поверье о том, что с кровью, текущей из носа человека, выходит его жизненная сила [СД 2: 677].

Для слов с корнем *смаг-* обнаруживаются близкие формально и семантически лексемы с другими корневыми огласовками, что позволяет предположить здесь чередование *смаг-* / *смуг-* / *смяг-*⁹. В качестве родственных слов в других славянских языках в этимологической литературе указываются укр., блр. *смага* ‘жар, сухость на губах’, блр. *смажыць* ‘готовить на огне (мясо, рыбу, грибы и др.)’, блр. *осмягнуць* ‘завянуть, высохнуть’, чеш. *smaha, smáha* ‘жар, зной, ожог’, чеш. *smahnouti* ‘сушить, поджаривать’, чеш. *osmahlý*, слвц. *zasmáhly* ‘загорелый’, польск. *smażuc* ‘жарить, сушить’, серб. *smag* ‘слабость, головокружение от голода’, серб. *смагнути* ‘потемнеть, загореть’, словен. *smága* ‘смуглая кожа’, словен. диал. *prismegniti* ‘высохнуть (о растениях)’ и др., при этом в качестве вершины гнезда предполагается праслав. **smažiti* ‘сушить на солнце’, об этом гнезде см. в [ЕСУМ 5: 314; ЭСБМ 12: 204; Вору́с 2005: 562; Machek 1968: 458; Фасмер 3: 663; Куркина 2021: 105–106]. Однако при том, что семантическая сторона этой этимологии относительно ясна, возникают проблемы формального свойства: «в ряду предполагаемых отношений **smeg-*: **smuga*: **smaga* наибольшие трудности вызывает корневой вокализм, не сводимый к какому-то одному типу чередований» [Куркина 2021: 105]. Рассмотрение этих вопросов не входит в круг наших задач; укажем лишь, что весьма убедительным выглядит решение Л. В. Куркиной, допустившей здесь вторичную назализацию в корне, благодаря чему «названные славянские слова получают закономерное объяснение как члены морфонологического ряда *e : o : a*» [Там же: 106].

Но если для слов, обрисовывающих стадии горения, его проявления и последствия (в том числе в образном варианте), принадлежность к указанному гнезду выглядит убедительной, то при соотнесении с этим гнездом обозначения жизненной силы (костр. *смага*), которое нас в данном случае больше всего интересует, обнаруживаются некоторые осложнения: «внутренних» семантических и формальных проблем нет, но есть «внешние». Дело в том, что в псковских говорах отмечено слово *смага* ‘сила, мочь’, которое, несомненно, должно быть принято во внимание при анализе костромского слова. В [СРНГ

⁹ Ср. литер. *смуглый*, диал. без указ. м. *смуглыть* ‘сильно греть, припекать (о солнце)’ [СРНГ 39: 56], смол. *смаглый, смяглый* ‘увядший, засохший от жары (о цветах)’ [СРНГ 38: 337], новг. *насмягнуть* ‘воспалиться, покрыться слизью, обсохнуть (о большой части тела)’ [СРНГ 20: 177], диал. *осмягнуть* ‘поблекнуть, завянуть от зноя, ветра и т. п.’ [СРНГ 24: 32], смол., курск. *засмягнуть* ‘покрыться потом, гноем, коростой — смягою’ [СРНГ 11: 46] и др.

38: 337] это слово дается с двумя ударениями — *smága*, при этом вариант *smága* атрибутируется пометой «новорж. пск. 1855», а вариант *smagá* — пометой «зап. Даль». В качестве дополнительного материала приводится поговорка *Кто кого смага, тот того за рога*, снабженная пометой «Пам. кн. Ворон. губ. 1892». Естественно проверить еще словарную позицию *смога*. Здесь заглавное слово тоже подается с двумя ударениями — пск., твер., костр., смол., иркут. *smóga* — и с дефиницией ‘способность производить какую-л. работу, энергия, сила’: «Кабы смога моя, все бы сделал!» (Даль), «Смога не берет» (костр.) [СРНГ 39: 22]; эта *смога* весьма убедительно соотносится с глаголом *смогáть*, о котором говорилось выше; о возможности существования такого существительного говорит и наличие костр. *смога́й*, *смога́нье* ‘способность трудиться, энергия, сила’ (см. выше) etc.

Эти факты, казалось бы, обрушивают наши предыдущие построения, связывающие *смагу* ‘жизненную силу’ со словами, исходящими из семантики горения. Однако источниковедческий анализ говорит о том, что обрушения нет, а возможен только учет некоторых штрихов, дополняющих картину. Вопрос в том, действительно ли существуют все указанные в СРНГ формы слов со значением силы — и *smóga*, и *smága*, и *смо(а)га́*? Обратимся к словарям, ставшим источниками для СРНГ. В. И. Даль оформляет соответствующие статьи с недвусмысленной ясностью: 1) с *o*-огласовкой — «смога́нье, сможе́нье, смога́ ‘сила, мочь, могута; одоленье, осилка, управа, слаженье с кем, с чем’» [Даль 4: 236]; 2) с *a*-огласовкой — «смага́ ‘сила, мочь, могута’, вероятно, *smóga* или *смога́*, по западному произношению *смага́*, см. *смогáть*» [Там же: 230]. Таким образом, Даль уверен в существовании формы с *o* (и мы эту уверенность разделяем: это подтверждается наличием форм типа *смогай* и устойчивой словообразовательной моделью), в то время как форму с корневым *a* считает вторичной, отражающей закономерное для западных говоров аканье. Кроме Даля, интересующие нас слова отмечены в [Опыт: 207] и [ДО: 247]. Первой по времени является фиксация «Опыта» (1852), где вариант с *o* не отмечен, а вариант с *a* подается тоже недвусмысленно: *smága* 1) пск. новоржев. ‘позыв на пищу’, 2) смол. ‘жажда’ 3) влг. ‘сажа’ [Опыт: 207]. Как видим, никакого значения силы для *смаги* нет — при том, что все имеющиеся значения относятся к гнезду «горения». Особенно настораживает то обстоятельство, что у значения ‘позыв на пищу’ та же география (пск. новоржев.), что у отмечаемой авторами СРНГ ‘силы’. Значение ‘сила, мочь’ для *smága* приводится только в [ДО: 247] (1858),

но дается оно «глухо», без контекстов и пояснений; территориальная привязка повторяется (пск. новоржев.). Наконец, воронежский пример *Кто кого смага, тот того за рога* проинтерпретирован в словаре, по всей видимости, неверно: форма *смага*, как указывает структура предложения, является старым причастием (от глагола *смочь* с отражением аканья), но никак не формой существительного.

Сопоставив эти факты, мы можем заключить, что слово *смага* в значении ‘сила’ на Псковщине — скорее всего, фантом. Если даже в одном и том же Новоржевском районе Псковской области *смага* функционирует и как ‘позыв на пищу’, и как ‘сила’ (что не очень вероятно), то второе значение явно нельзя считать устойчивым и часто фиксируемым. Если все же оно реально, то возникло, скорее всего, как результат контаминационных процессов: *смага* из гнезда горения ↔ *смога* из гнезда силы.

Возвращаясь к разбираемому нами костромскому слову *смага* в значении ‘жизненная сила’, отметим, что его все-таки стоит «угнездить» среди другой лексики, связанной с горением, поскольку эта версия состоятельна и семантически, и формально, а соответствующие связи, как мы показали выше, релевантны в системе одного говора. В то же время влияние со стороны дериватов глагола *смогать* вполне реально, но его мы допускаем как вторичное, на уровне контаминационных процессов.

Наконец, обратимся к слову *хай*. Оно записано нашей экспедицией в Онежском районе Архангельской области. В Онежском районе слово фиксируется в значении ‘жизненные силы’: «Хай весь вышел, руки-ноги не работают нисколь», «Хай будёт — сходим и в лес, и на Кий-Остров», «Хай есь ешшо, хай делать чего у дедка есь» [КСГРС]. Практически то же значение отмечено на соседней территории, в Беломорском районе Карелии: *хай* ‘энергия, сила’: «Хай — это та же энергия; что большая сила в человеке — это человек с хаем»; карел. *хаём бить* ‘работать, трудиться в полную силу’: «Все крещёные дивуются, что я ещё хаём бью» [СРГК 6: 699].

Отмечены и другие значения интересующего нас слова. Одно из них — ‘умение что-л. делать, сноровка’. Во время работы в Приморском районе Архангельской области нам удалось получить любительский диалектный словарь, который составила жительница д. Летняя Золотица М. С. Устинова. В нем была запись *хаю* ‘умения’, а рядом *хаю* ‘ругаю’: составительница словаря явно хотела развести эти слова. Когда мы попросили автора пояснить значение и форму слова,

она дала такой комментарий: «“Нет хаю́”, — говорят. Значит — нет умения, сноровки» (таким образом, в рукописи слово было приведено в форме род. пад. ед. ч.) [Березович 1997: 137]. Близкое значение дает А. И. Подвысоцкий: арх. кем. *хай* ‘опытность, опыт’ [Подвысоцкий 1885: 182], а И. М. Дуров добавляет к значению ‘опытность’ еще ‘смелость, решимость’ (беломор.) [Дуров 2011: 425]. Оба лексикографа иллюстрируют значение опытности одним примером — поговоркой «Хаю мало — ума мало». Однако в [СРНГ 49: 235] эта поговорка приводится как иллюстрация к значению ‘ум, рассудок’. Думается, составители СРНГ, которые явно основывались на данных Подвысоцкого и Дурова, зря «подправили» значение: нет оснований думать, что указанная поговорка должна быть прочитана как сугубо тавтологическое высказывание. Наконец, в той же зоне (арх. кем.) отмечено значение ‘характер’ (1910) [Там же]. Кажется, других вариантов слова *хай* не отмечено — за исключением ленингр. подпорож. *гай* ‘ум, рассудок’: «Есть ли у тебя гай в голове?», «Взял бы ты гай в голову» [СРГК 1: 323].

Слово *гай* А. Е. Аникин включил в свой словарь с таким комментарием: «Неясно. Можно предположить связь с арх. *хай* ‘энергия, сила’» [Аникин РЭС 9: 318]. Этимологию последнего слова предложил С. А. Мызников, связавший его с карел. *haju* ‘ум, рассудок, намерение’ [РДЭС: 840]. Эта этимология вполне убедительна — особенно если учесть географию (*хай* — арх., карел., *гай* — ленингр.). По данным [SSA 1: 130], слово *haju* устойчиво бытует в финском языке (и в западных, и в восточных говорах), а также в карельском и вепсском; для него первично значение ‘запах’, вторично — ‘чутье’ → ‘догадка, намек, ум, понимание’. Вот как комментирует эту информацию И. И. Муллонен (устное сообщение): «Предполагается, что слово является производным от глагола *haista* ‘пахнуть’ с широким прибалтийско-финским бытованием. При этом закономерное производное от него имеет вид *haisu*, в целом с той же семантикой, что и у *haju* (по данным [Ibid.: 129–130]). Как и почему появился незаконномерный вариант *haju*, не вполне понятно. Может быть, тут сказались восточно-славянское (новгородское) влияние (следы которого прослеживаются в восточной группе прибалтийско-финских языков), вызвавшее появление рядом с закономерным *haisu* незаконномерного *haju*?»

Этот комментарий заставляет подумать и о возможности объяснения слова *хай* на славянской почве (хотя бы на уровне вторичного влияния на карельское слово). Такое объяснение дается в [ЭССЯ

8: 12]: О. Н. Трубачев не учитывает контактологическую версию, а относит *хай* ‘опытность, опыт’, ‘сила’ к числу продолжений праслав. **xajь*, среди которых называются также столь разные по семантике слова, как сербохорв. *haj* ‘забота’, ‘горе, беда’, словин. *xāj* ‘метель’ и др. При этом праслав. **xajь* квалифицируется как отглагольное именное производное от **xajati* (*se*), являющегося вершиной крайне пестрого в смысловом плане гнезда [Там же: 11–12]. В указанном гнезде для нас исключительный интерес представляет адвербиализованный императив *хай* (совпадающий по форме с анализируемым нами существительным с семантикой жизненных сил и опыта) с семантикой ‘пускай, пусть’, который есть во всех восточнославянских языках¹⁰ [Там же: 12]. Приведем данные о слове *хай* в русских говорах: калуж., влад., смол., брян., курск., дон., ворон., волгогр., краснодар., кубан., одесск., омск., ср.-приирт., алт. ‘*частица*: пусть, пускай’: «Да хай идут, чё ты их держишь?»; р. Урал ‘*междом.*: употребл. для побуждения к действию; а ну, айда’: «Хай отсюда, мне некогда с вами возжаться» [СРНГ 49: 234–235]. Как видим, лексема распространена достаточно широко, но еще более солидную географию (юж., среднерус., поволж., урал., сиб.) она получает с приставкой *не-*, которая не меняет значения слова (по известному закону экспрессивной семантики: ‘не’ = *не* ‘не’); ср. обл. *нехай* ‘пустить’: «Нехай его себе спит» (ряз.), «Соловей-пташка поет. Ох да пушай, нехай распевает» (ворон.) [СРНГ 21: 201; ССРЛЯ 7: 1261].

Для нас важно, что слово *хай* содержит побуждение к действию. Рефлекс семантики активной воли, беспокойства содержат такие продолжения **xajati* (*se*), как тульск. *хяяться* ‘хотеться чего-л., предпочитать что-л.’, тульск. *не хается* ‘не хочется чего-л., не тянет к чему-л.’ [СРНГ 33: 50], моск. *хяять* ‘задевать кого-либо, беспокоить, тревожить; трогать’: «Не хай иво, пусть себе играть, а то апять плакть будить» [Войтенко 1995: 524], ср. *не хай* курск., пенз., симб., перм. ‘в знач. сказ.: не трогай’ [СРНГ 21: 201] и др. Интересно, что вот это «хаянье» может «опредмечиваться»: курск. *нехай* ‘о людях, которые откладывают дело до другого времени, говоря «нехай»’: «Уж мне эти нехай, на нехаев полагаться не надобно» [Там же],

¹⁰ В [ЭССЯ 8: 12] для *хай* ‘пустить’ даются только пометы «укр.» и «блр.»; это значит, что О. Н. Трубачев считал русскую частицу *хай* заимствованием из укр. или блр. Думается, новые данные, имеющиеся в [СРНГ], дают основание для корректировки этого суждения. Слово скорее всего можно считать общим для всех восточнославянских языков.

курс. за *нехай пустить* ‘не обратить внимания на что-либо, не принять во внимание что-либо’: «Я точку за нехай пустил, — оправдывался ученик, наткав после точки маленькую букву» [Там же]. Наконец, исключительную важность для нас имеет семантика юж., зап. *вýchаяться*, определяемая В. И. Далем так: ‘оклематься, о б м о ч ь с я (выделено нами. — Е. Б.), оправиться от болезни’ [Даль 1: 332]. Если вспомнить лексические и смысловые связи в гнезде *мог-* (*обмочься*, *обмогаться* — чувствовать *могуту*, силу), то можно смоделировать аналогичные для гнезда *хай-*: от побуждения к действию в семантике глагола *хаять* до **хая* как силы, обеспечивающей действия; возможный параллелизм гнезд *мог-* и *хай-* (конечно, не во всем смысловом пространстве, в отдельных зонах) подтверждается и тем, что в обоих гнездах есть модальная семантика. В контекстах к слову *хай* ‘жизненные силы’ фиксируются сочетания *хай будет*, *хай делать*, весьма органичные для тех контекстных связей, которые могли бы быть у модальных слов (точнее, у слов, «сохраняющих память» о былой модальности). В целом в гнезде **xajati* (*se*) огромный разброс значений (как уже говорилось), обзор и систематизация которых мог бы стать темой отдельного исследования. Важная (стартовая?) для нас семантика ‘беспокоиться, заботиться’ возводима к значению ‘мотаться’ (отсюда, по всей видимости, даже значение ‘метель’) [ЭССЯ 8: 11–12].

Таким образом, значение жизненных сил у слова *хай* могло появиться и на славянской почве: это и фонетически, и словообразовательно, и семантически корректно. От признания исконной версии ведущей нас удерживает только ареальный фактор: все-таки слово фиксируется только на той территории, где были (и есть) мощные карельско-русские контакты. Поэтому мы склонны считать ведущей версию о заимствованной природе слова *хай* ‘жизненные силы’, но при этом признавать возможность контаминаций с продолжениями праслав. **xajъ*, что могло привести к появлению незакономерной для карельского языка формы (напомним, что закономерная форма имела бы вид *haisu*). Условия этих контаминационных процессов выглядят пока неясными (как и окончательное решение вопроса о происхождении слова *хай*).

* * *

Итак, лексика, обозначающая жизненные силы (а особенно их носителей и действия, вызванные к жизни этими силами), весьма разнообразна и требует дальнейшего изучения. От души хочется по-

желать юбиляру, являющемуся одним из самых ярких и стойких носителей жизненных сил, которых мне довелось встречать, чтоб они не иссякали — и чтоб давали *отвагу* (в значении ‘прилив сил’, тоже фиксирующемся в говорах¹¹).

Литература

- Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1— М., 2007—.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1— М., 1980—.
- Березович 1997 — Е. Л. Березович. М. С. Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995—1996. Екатеринбург, 1997. С. 128—137.
- Березович 2017 — Е. Л. Березович. К изучению западнославянских заимствований в русских народных говорах // Etymological Research of Czech. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12—14 September 2017, Brno (= Studia etymologica Brunensia, 22). Praha, 2017. С. 11—25.
- Войтенко 1995 — А. Ф. Войтенко. Словарь говоров Подмосковья. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
- Ганцовская 2015 — Н. С. Ганцовская. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.
- Даль 1—4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882 (1989).
- ДО — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- ДСНО — Диалектный словарь Нижегородской области. Нижний Новгород, 2013—. Вып. 1—.
- ДСРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- Дуров 2011 — Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1—7. Київ, 1982—2012.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

¹¹ См. об этом в [Березович 2017: 19—21].

- Куркина 2021 — *Л. В. Куркина*. Славянское слово во времени и пространстве. М., 2021.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://guscorpora.ru/>.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий 1885 — *А. И. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л.; СПб., 1967—.
- РДЭС — *С. А. Мызников*. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1—. Екатеринбург, 2001—.
- СД — Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1—5. М., 1995—2012.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая / Под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. Т. 1—4. Барнаул, 1993—1998.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1—6. СПб., 1994—2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1—2. СПб., 2003—2005.
- СРГПриам — Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006.
- СГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1—. Пермь, 2011—.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1—. М.; Л./СПб., 1965—.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948—1965.
- Фасмер 1—4 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1983.

- Хильманович 2017 — Г. И. Хильманович. Словарь курских народных говоров. Бирск, 2017.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун. Т. 1—. Мінск, 1978—.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1—. М., 1974—.
- Boryś 2005 — *W. Boryś*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Machek 1968 — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vyd. Praha, 1968.
- SSA — *E. Itkonen, U. Kulonen*. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

А. Е. Аникин

Институт филологии
Сибирского отделения РАН
(Новосибирск, Россия)
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ИЗ ЗАИМСТВОВАННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Полтора десятка лет назад по инициативе А. М. Молдована началась работа над «Русским этимологическим словарем» (РЭС)¹. Автору этих строк казалось более подходящим название «Материалы для русского этимологического словаря», но при попытке получить грант на издание 1-го выпуска это название поддержки не нашло, и его пришлось изменить.

Как и в словаре М. Фасмера, в РЭС значительное место занимает диалектная и устаревшая, в том числе древнерусская, лексика. Ниже приводятся несколько примеров этого рода, написанных на основе словарных статей РЭС, в том числе из еще не опубликованного 15-го выпуска. Они могут расцениваться как дополнения и уточнения к словарю М. Фасмера², остающемуся краеугольным камнем русской этимологии.

1. Дюменди

встречается в старорусских документах XVII в.: *Отпущен до Нижнего тезик Кизылбашские земли Мамин Бакин, а с ним товару... 10 зендений дюменди* (1620); *Бухарець Хозя Максут Хозя Усеневь, товару у него... 575 зендений дюменьди* (1620) [СлРЯ XI–XVII 4: 400]. Глоссируется в словарях в виде *дюмендь* ж. ‘сорт ткани’ [Там же; СОРЯМР XVI–XVII 6: 109], т. е. в виде формы, определенной исходя из словосочетания *зендень дюмен(ь)ди*. Однако реальность им. ед. *дюмендь* вызывает сомнения, засвидетельствовано только *дюмен(ь)ди*.

Это слово, очевидно, несклоняемое, обозначает вид или сорт *зендени* — богато орнаментированной среднеазиатской шелковой ткани, которая часто упоминается в памятниках XVI–XVII вв. и происходит

¹ К настоящему времени опубликованы выпуски 1—14 (от *а-* до *д-*).

² Подобным образом можно расценить и РЭС в целом.

от топонима *Зандана* в Бухарском оазисе: тадж. *занданачӣ* [Хакимова 2015: 36], перс. *zandaničī*, *zandanijī* [Фасмер II: 93–94; Зализняк 2004: 657], осмысленного при заимствовании в древнерусский как деминутив *зъндальца* (конец XIV в.). Форма *зендень* возникла вследствие усечения *зъндальца*³.

Слово *дюменди* (< **дюбенди*) происходит через тюркское посредство из тадж. *дубанди*, собств., ‘с основой из 400 нитей, т. е. из двух бандов (*дубанд*) по 200 нитей каждый’ [Хакимова 2015: 46–47]: *зендень дюменди* = ‘двойной зендень’. Число нитей основы соответствует плотности ткани. Аналогичным образом, *зендень семенди* в старорусских документах значит ‘тройной зендень’, ср. тадж. *себанди* ‘из трех бандов (*себанд*)’ [Там же].

2. емрудь

‘изумруд’ из словарных материалов Марка Ридли 1599 г. [СОЛЯМР XVI–XVII 6: 141] является, видимо, окказиональным названием изумруда, близким ср.-англ. *emeraude* (англ. *emerald*) или источнику последнего — ст.-франц. *e(s)meraude* = франц. *émeraude*, итал. *smeraldo*, исп. *esmeralda*⁴ < роман. **smaralda*, -o из лат. *smaragdus* < греч. *σμάραγδος* [ODEE: 309, 838].

Уместно напомнить, что наряду с этим известны рус. уст. *смарagd*, ст.-рус. *смарagdъ* (1672) и чаще встречающееся в памятниках *измарagdъ* (с рубежа XIII–XIV вв. в памятниках, восходящих к XI в. [СДЯ XI–XIV 4: 37; СлРЯ XI–XVII 6: 171; 25: 153; Лукина 1968: 79] < греч. *σμάραγδος* [Фасмер 2: 122], откуда через лат. *smaragdus* происходит ст.-франц. *(e)smaragde* > англ. *smaragd* [ODEE: 838]. При этом рус. *изумруд*, ст.-рус. *изумрудъ* (*икона золота на изумруть* 1462 [СлРЯ XI–XVII 6: 211]) заимствовано из осм.-тур. *zümürüt* < перс., араб. *zumurrud* < греч. [Фасмер 2: 123]. Согласно остроумной этимологии С. А. Бурлак, от названия изумруда образован переосмысленный по народной этимологии орнитоним *зиморóдок*, уст. *зимород* [Бурлак 2009], для которого можно предположить посредство ст.-польск. *zumrot*

³ Усеченный, т. е. непервоначальный облик формы *зендень* делает маловероятной возможность проникновения слова в Тобольск XVII в. прямо из Средней Азии (через бухарских торговцев), не через Московию. В Мангазею *зендень* в первой трети XVII в. могла доставляться в числе прочих товаров из Холмогор (ср. *zenden* в записях Р. Джемса [Ларин 1959: 140]) Мангазейским морским ходом.

⁴ Ср. франц. *La Esmeralda*, имя героини известного романа В. Гюго.

(*kamień drogi zimroth* 1533) < осм.-тур. [Stachowski 2014: 638]. Приводимые С. Стаховским старотурецкие формы XV–XVI вв. представляют интерес и для этимологии рус. *изумруд* — *izmürüt*, *zümürüd*, *zümürüt taş*, *zümürüd* [Ibid.].

3. бұся

‘поцелуй’ и выражение *дать бую* ‘поцеловать’ [СРНГ 3: 308], а также глагол *бұсыкнутыя* ‘поцеловаться’ [СлСмГ 1: 297] в смоленских говорах следует отождествить с блр. детск. *бўся*, *бўсі* мн. ‘поцелуй’, *даць бўські* ‘поцеловать’ [ЭСБМ 1: 424], далее ср. укр. диал. *бўзя* ‘ротик, личико’, *дату бўзі*. В этих словах обычно усматривают «Lallwörter» от известной в балто-славянских, германских и других языках звукоподражательной основы *bu(s)-*, которую иллюстрируют польск. *buzia*, уст. *busia* ‘личико, поцелуй’, *dać buzi* ‘поцеловать’, лит. *būš* ‘о звуке поцелуя’, *bučiūoti* ‘целовать’, *būčkis* ‘поцелуй’, нем. *Buss*, диал. *Busserl*, *Bussel* ‘поцелуй’, *bussen* ‘целовать’, иран. **bau-*, **bu-* и др. ‘поцелуй’ и т. п., ср. перс. *bōsīdan* ‘целовать’, далее тур. *buse* и др. [ЭСБМ 1: 424; ЕСУМ 1: 283; Kluge: 147; ЭСИЯ 2: 136—138]. Правдоподобно, что восточнославянские слова заимствованы из польского, куда они проникли из немецкого (ср. *Buss* ‘поцелуй’; известны диал. формы на *p-*: *pussen*, *pusserl*), откуда также чеш., словц. диал. *pusa* ‘то же’ [Калужская 2001: 108; Machek: 500].

Рус. *бўсыться* ‘целоваться’ в говорах старообрядцев в Литве и Латвии [СРНГ 3: 305] скорее всего, полонизм, ср. польск. *busiac* от упомянутого *busia*. В блр. *бўсіць*, *бўсяць* ‘целовать’ усматривают оригинальные белорусские параллели польских слов, но возможно [ЭСБМ 1: 424] и даже более вероятно, что в белорусском они из польского.

От указанной северославянской ономапоеи, тяготеющей к «детской» лексике⁵, целесообразно этимологически отделять, вопреки обычной практике, болг. (диал.) *бўза* ‘щека’, ‘губа’, макед. *буза* ‘губа’, ‘лицо’, серб. *būza* ‘рот, губа’, попавшие в славянские языки благодаря балканской миграции и связанные с рум. *būzǎ* ‘губа, край сосуда; вершина и др.’, алб. *buzë* в тех же знач.⁶ В частности, болгарское слово в значении ‘щека’ может восходить к фракийскому субстрату, а в значении ‘губа’ обусловлено румынским воздействием ([Калужская 2001: 105–118]; ср. [Orel 1998: 43–44]).

⁵ Следует упомянуть рус. уст. *музя*, *муся* ‘рот, губы’: *дай музю* ‘поцелуй’ (в Петербурге, см. [Даль 2: 365]), для которого предлагалось (Я. Калима) заимствование из эст. *muži* ‘рот, поцелуй’ через посредство нянь-эстонков [Фасмер 3: 6; Мызников 2019: 505].

⁶ Праслав. **buza/*buz’a* в [ЭССЯ 3: 103] сомнительно.

4. брез

«род варения, которым вкус мяса несказанно возвышается, потому что производится с малым количеством паров», ‘мясной сок, полученный при таком способе варки’ 1795 [СлРЯ XVIII 2: 135; Епишкин] — не забытый и доныне кулинарный термин, усвоенный из франц. *braise* ‘жар, горящие без пламени угли’ в выражениях *cuire, griller sur la braise* ‘готовить на блюде, помещенном среди углей’, *viande à la braise* ‘мясо, приготовленное на углях’, ср. *braiser* ‘жарить на слабом огне’, откуда совр. рус. *брезировать* ‘тушить без обжаривания’, *брезирование* ‘вид тушения’⁷. О происхождении франц. *braise* см. № 5.

Рус. *брезье* «... тортная сковорода... разныя кушанья загреваются в жар, чрез что печение происходит сверху» 1795 [СлРЯ XVIII 2: 136] < франц. *braisier* ‘посудина, в которую пекарь кладет уголья’, ‘жаровня’ от *braise* + суфф. *-ier*. В СлРЯ XVIII [2: 136] в качестве источника указывается франц. *braisière* ‘жаровня’, из которого ожидалось бы рус. **брезьер*.

5. брезоль

‘тонкий ломтик мяса с приправами или соусом’ 1795 [СлРЯ XVIII 2: 137; Епишкин] — встречающееся и в наши дни в кулинарной практике заимствование из франц. *brésolles, bressoles* мн. ‘приготовленное в печи блюдо из нарезанного тонкими кусками мяса, переложенного фаршем’. Французское слово — из итал. (сев.) *brasola* = (тоскан.) *braciola (braciuola)* ‘жаркое, котлета’ и др., производного с суфф. *-(u)ola* от итал. *brace*, (сев.) *braza* и др. ‘жар, горящие угли’ < нар.-лат. **brasia* от **brasa*, откуда исп., порт. *brasa*, франц. *braise*, ст.-франц. *breze* ‘жар, горящие угли’. В романских языках предположительно из герм. **brasa*, хотя соответствующие параллели имеются лишь на севере германского мира и путь заимствования не вполне ясен. Ср. швед. *brasa* ‘огонь’ и др. [TLF 4: 940; ML: 114; DMD: 128]. Имеется народно-этимологическая легенда о том, что *bressoles* изобрел камердинер (некоего) маркиза де Брессоль (*marquis de Bressolles*).

Формально и фонетически очень близкое заимствование имеется в польском: (уст.) *brezolle* мн., совр. *bryzol, bryzole* мн., (уст.) *brazele* мн. [Bańkowski 1: 83; Варш. сл. 1: 205]. Для рус. уст. *бразелие* несомненно

⁷ <https://ru.wikipedia.org/wiki/брезирование>.

польское посредство: *бразелие воловые, сиречь сычуги и рубцы* [Leeming 1976: 44]. Уместно вспомнить с.-хорв. *brižôlica* ‘жареное мясо’ < итал. (венец.) *brisiola* = (тоск.) *braciola, braciucola*, ср. нем. диал. *brisolén, brisolet(te)* ‘котлетки’ [Berneker 1: 86; Brückner: 39].

6. брезиль⁸

‘древесина южноамериканского дерева; красное дерево’⁹ [СлРЯ XVIII 2: 137] — не прижившееся в русском языке заимствование первой половины XVIII в. из франц. *brésil (bois de Brésil)* ‘древесина дерева семейства цезальпиниевых, содержащая красный краситель’. Рус. *брезиллет* ‘древесина бразильского дерева, используемая для крашения’ 1783 [СлРЯ XVIII 2: 137] — из франц. *bresillet*, деминутива от *brésil*. Последнее обычно считается дериватом от ст.-франц. *breze* или *brese*, ранней формы слова *braise* ‘жар, горящие без огня угли’, ‘древесный уголь’ (см. № 4–5), т. е. предполагается, что *bois de Brésil* этимологически значит ‘дерево, древесина цвета жара, тлеющих углей’. С названием дерева (древесины) связано название страны Бразилии в Южной Америке¹⁰.

Португальский мореплаватель Педру А. Кабрал, совершавший в 1500 г. путешествие в Индию, сбился с курса и достиг неведомой земли, которую принял за остров. Он был назван *Ilha de Vera Cruz*, за-

⁸ Это слово дается в паре с синонимом *бризилий*, о котором см. ниже.

⁹ Правильнее было бы, видимо, ‘красное красильное дерево’ (прежде всего *Caesalpinia echinata* в Бразилии, см. ниже), с двойной мотивировкой: свежий разрез дерева (буроватый) на воздухе меняется на красный; из этого дерева добывают красящее вещество — *бразилин*.

¹⁰ Славный юбиляр А. М. Молдован постоянно представляет отечественную русистику и славистику за рубежом, и это ответственное дело подчас заносит его очень далеко от дома, иной раз не без опасностей. В июне 2011 года, находясь с выступлениями о русском языке в Аргентине, он чуть было не попал в плен... вулкана Пуеуэ (Pueuhue) на чилийской стороне Анд, мощное извержение которого началось 5 июня того же года. Поднявшееся на высоту до 10 км под удары молний и раскаты грома гигантское облако вулканического пепла, погружавшее окрестности вулкана в темноту, двигалось в сторону Аргентины, грозя полностью прервать воздушное сообщение и закрыть полеты в Старый Свет. Всем еще было памятно извержение вулкана Эйяфьядлайкюдль в Исландии, приводившее весной 2010 года к закрытию воздушного пространства Европы. А. М. Молдовану, однако, повезло: удалось выполнить задачи командировки и без большой задержки улететь из Аргентины. До Бразилии А. М. Молдован тогда не добрался (не планировалось).

тем *Terra de Vera Cruz*, *Terra de Santa Cruz*¹¹. Затем появляется название *terra do Brasil*, которое поначалу относилось к восточному, атлантическому побережью (Кабрал высадился на территории современного штата Баия). В девственных лесах этого побережья (*Mata Atlântica do Brasil*) началась заготовка красильного дерева, ставшего уже на первых порах португальской колонизации Бразилии основным предметом экспорта.

Слово *brasil* было известно задолго до открытия Бразилии и обозначало ценную древесину деревьев *Caesalpinia sappan*, *Pterocarpus indicus* и *santalinus*, которая с XII в. завозилась арабскими торговцами в Европу из Ост-Индии (прежде всего Малайзии) и использовалась при изготовлении краски для мебели, рисунков в книгах и др. Португальцы по неведению решили, что нашли на *Ilha de Vera Cruz* то место, откуда арабы привозили *brasil*, хотя в действительности столкнулись в Америке с иным подобным деревом (родственного вида) — *Caesalpinia echinata* = Цезальпиния ежовая (из-за шипов на стволе). Таким образом слово *brasil* было применено к красному (красильному) дереву новооткрытой земли¹², чем и объясняется ее нынешнее название — порт. *Brasil* (сокращено из *terra do Brasil*), исп. *Brasil*, франц. *Brésil*, итал. *Brasile*, исходно 'страна красильного дерева, Цезальпинии ежовой'. Ср. наименования самого дерева — помимо порт., исп. *brasil*, франц. *brésil*¹³, также ср.-лат. *brasilium*, *brasillum*, итал. *brasile*, ср.-англ. (< роман.) *brasile*, англ. *brazil*, *brazilwood* [Genaust 2005: 106; ODEE: 115]. Связь с красильным деревом сказалась также на обыч-

¹¹ Представление о Бразилии как об острове откликнулось в догадках о связи ее названия с мифическим островом кельтской мифологии — *insula brasil* (*Hy-Brasil*) в Северной Атлантике, изображавшимся на картах XIV в. (https://en.wikipedia.org/wiki/Name_of_Brazil; см. также [Поспелов 1998: 79]). Сюда примыкают попытки связать название Бразилии с ирландским названием кинновари, см. [https://pt.wikipedia.org/wiki/Brasil_\(ilha_mitica\)](https://pt.wikipedia.org/wiki/Brasil_(ilha_mitica)).

¹² Порт. *pau-brasil* (*pau* 'дерево, древесина') или *pau-de-pernambuco* = *пернамбукое дерево* (оттопонимическое название), также *pau-de-tinta*, букв. 'красильное дерево' (*tinta* 'краска') и др. Известны заимствованные от индейцев названия *ibirapiranga*, *ibirapitá*, *ibirapitanga*, ср. тупи *убурапыра́на*, букв. 'красное дерево', *убыра́* 'дерево, древесина', *пыра́на* 'красный' (https://pt.wikipedia.org/wiki/Paubrasilia_echinata; <https://pt.wiktionary.org/wiki/ibirapiranga>). Интенсивные вырубki привели к тому, что от первоначального бразильского атлантического леса в XX в. мало что осталось нетронутым.

¹³ Самый ранний пример использования данного слова отмечен у Кретьена де Труа (XII в.): Персевалу из «Повести о Граале» привозят обувь, выкрашенную краской из красильного дерева (видимо, из Индии): *chaucés taintes de brasil* [Genaust 2005: 106].

ном названии жителей Бразилии — *brasileiro* (также адъектив: ‘бразильский’, синоним — *brasiliano*). Слово *brasileiro* исходно (с XVI в.) обозначило заготовщика цезальпинии (обычное занятие индейцев тупи), но постепенно изменило значение и стало названием всех жителей страны¹⁴.

Название Бразилии и его производные, по-видимому, появились в Московии в XVII в.: ср. *бразильянский* ‘бразильский’ (1646), *бразильяне* мн. ‘жители Бразилии’ [СОЛЯМР XVI–XVII 1: 264], *бразилианский*, *бразилийский* (страна бразилийская 1710), *бразильский* (бразильское, красное дерево), *брезильской табак*; *бразилианцы* мн., *бразильцы* мн., *брасилианы* 1710 ‘жители Бразилии’ [СлРЯ XVIII 2: 121], *бразильски звезды* ‘бриллианты’ (Г. Р. Державин¹⁵). Рус. *Бразилия* оформлено по известной модели на *-ia/-ия*, как новолат. *Brasilia*, польск. *Brazylia*, венг. *Brazília* и др. [Kiss 1: 253]. Название Бразилии и его дериваты, видимо, заимствованы в русский через польское и/или немецкое посредство, ср. польск. *brazylijski*, нем. *Brasilien* ‘Бразилия’, *brasilianisch*, *brasilisch* ‘бразильский’, *Brasilianer* ‘бразилец’, *Brasil(ien)holz* ‘бразильское (фернамбуковое) дерево’, *Brasil* ‘бразильский табак’. О ранних вариантах адаптации топонима *Бразилия* (*Бразилий*, *Бразилиен*) в русском языке по данным «Вестей-Курантов» писал В.Г. Демьянов [2001: 182]. Рус. уст. *брезильской* < франц. *brésil* + суфф. *-ск-*.

Сложность состоит в наличии конкурентоспособного мнения, согласно которому порт. *brasil*, франц. *brésil* происходят из итал. (< араб.) *verzino* ‘Cesalpinia sappan’ (об итал. слове см. [ML: 764]) или непосредственно из араб. *wars* (وَرَس) ‘вид растения (в Йемене), дающего желтую краску’. Существенно уточнение, что *verzino*, дериват с суффиксом деминутива *-ino*, находит параллель в слове, зафиксированном в Описании мира («*Divisiment dou Monde*», начало XIV в.) Марко Поло — *berçi*¹⁶, обозначении красильного дерева на Суматре¹⁷. То же слово в других вариантах рукописи Описания представлено как *verzin* и *bresil*¹⁸. Именно *berçi* у Марко Поло имел в виду А. Брюкнер, объясняя польск. *brazylija* (см. ниже). Настораживает, что это мнение

¹⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/Name_of_Brazil.

¹⁵ *И не бразильски звезды ясны* 1794 («Вельможа»).

¹⁶ Так в рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже. Приводимые здесь сведения о фитониме *berçi* в связи с Марко Поло см. на сайте <https://medium.com/@IndoMedieval/marco-polos-brazil-adc742865e8>.

¹⁷ Марко Поло вывез с Суматры семена красильного дерева и посадил их в Венеции, но попытка не удалась.

¹⁸ <https://medium.com/@IndoMedieval/marco-polos-brazil-adc742865e8>.

влечет допущение ряда фонетических преобразований или искажений, хотя исключить подобные явления нельзя¹⁹.

Сходство и возможность этимологического тождества (или смешения?) двух типов фитонимов (*brasil* — *verzino*) усложняет объяснение рассматриваемых слов, а также, например, с.-хорв. *vàrzilo* ‘красная краска’, *varzilovo drvo* ‘*Caesalpinia brasiliensis*’ [Skok 3: 567], болг. диал. *варзілка* ‘красная краска для окрашивания яиц’. При заимствовании из новогреч. Βρασιλία ‘Бразилия’ ожидалось бы болг. **вразил-*, а не *варзил-* [БЕР 1: 120]. Выведение *vàrzilo* из итал. (сев.) *brasile* ‘вид красильного дерева с Востока’ и далее из араб. *wars* [Skok 3: 567] без упоминания итал. *verzino* недостаточно убедительно. Из итал. *verzino*, по-видимому, венг. *börzsöny* ‘вид красителя’, ‘красное (красильное) дерево’, романского происхождения новогреч. βερτζί ‘розовый цвет’ [EWU 1: 136–137].

В истории русской лексики как будто не засвидетельствованы полонизмы типа укр. *бразолія*, диал. *брэдзелія*, *брезелія*, *брезилія* ‘темно-синий сандал’ [ЕСУМ 1: 243], ст.-блр. *брозылия*, *близеря*, *брузелія* ‘краска из бразильского дерева’ XVI–XVIII вв. [ГСБМ 2: 220] < ст.-польск. *brezylia*, *bryzylja* XV в., *brazylija*, *brazylla* XVI в. ‘*Caesalpinia Sappan*’ [Brückner: 40; SłP XVI 2: 426–427]. Ср. чеш. *bryzula* ‘порошок из какого-то чужеземного дерева, использовавшийся для окрашивания пасхальных яиц’, также *brzelka*, *pryzila* и проч. [Machek: 71].

В связи со ст.-польск. *bryzylja* и *brezylja* А. Брюкнер привел лат. (новолат.) *brisilium* ‘азиатская красильная древесина’, источник которого видел в дендрониме *berzi* (*berçi*) у Марко Поло, едва ли оправданно назвав этот дендроним «малайским» словом [Brückner: 40]. Цитированное Брюкнером лат. *brisilium* или некая его иноязычная параллель (польск.?) может претендовать на роль источника упомянутого выше рус. уст. *бразилий* = *брезиль* [СлРЯ XVIII 2: 137].

Словари и литература

БЕР 1 — Български етимологичен речник. Т. 1. София, 1971.

Бурлак 2009 — С. А. Бурлак. Изумруд, рожденный зимой. Этимология на перекрестье легенд // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: Материалы конференции. М., 2009. С. 23–27.

¹⁹ В качестве отступления можно упомянуть еще два примера, приведенные А. А. Зализняком [2010: 37, 171] для иллюстрации ненаучных этимологий: *Бразилия* — это *брез-или*, то есть *брег* + *ил* (‘берег илистый’) или «от славянского ПОРОСЛЬ, то есть страна, заросшая, поросшая лесами».

- Варш. сл. — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki*. Słownik języka polskiego. Т. 1–8. Warszawa etc., 1904–1927 (1952–1953).
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882 (Переизд.: М., 1955).
- Демьянов 2001 — *В. Г. Демьянов*. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.
- Епишкин — *Н. И. Епишкин*. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010 (<http://gallicismes.academic.ru/9804>).
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2010 — *А. А. Зализняк*. Заметки о любительской лингвистике. М., 2010.
- Калужская 2001 — *И. А. Калужская*. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.
- Ларин 1959 — *Б. А. Ларин*. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.
- Лукина 1968 — *Г. Н. Лукина*. Драгоценные камни в Древней Руси // Русская речь. 1968. № 5. С. 78–81.
- Мызников 2019 — *С. А. Мызников*. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб, 2019.
- Поспелов 1998 — *Е. М. Поспелов*. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998.
- РЭС — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–.
- СДЯ XI–XIV 4 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. М., 1991.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. СПб., 1984–.
- СлСмГ 1 — Словарь смоленских говоров. Вып. 1. Смоленск, 1974.
- СОРЯМР XVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–. СПб., 2005–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1966–.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1–4. 2-е изд. М., 1986–1987 (1-е изд.: М., 1964–1973).
- Хакимова 2015 — *Н. А. Хакимова*. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX–XX вв. Душанбе, 2015.

- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1—. Мінск, 1978—.
- ЭСИЯ 2 — В. С. *Расторгуева*, Д. И. *Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—41— / Отв. ред. О. Н. Трубочев (вып. 1—31), О. Н. Трубочев и А. Ф. Журавлев (вып. 32), А. Ф. Журавлев (вып. 33—39), Ж. Ж. Варбот (вып. 39—41). М., 1974—2018—.
- Bañkowski — А. *Bañkowski*. Etymologiczny słownik języka polskiego. Т. 1—2. Warszawa, 2000.
- Berneker — E. *Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1908—1913.
- Brückner — А. *Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- DMD — J. *Dubois*, H. *Mitterand*, A. *Dauzat*. Grand dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 2005.
- EWU 1 — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Lief. 1. Budapest, 1992.
- Genoust 2005 — H. *Genoust*. Etymologisches Wörterbuch der botanischen Pflanzennamen. Dritte, vollständig überarb. und erw. Ausgabe. Hamburg, 2005.
- Kiss — L. *Kiss*. Földrajzi nevek etimológiai szótára. I—II. Budapest, 1988.
- Kluge — F. *Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23 erw. Aufl. Bearb. bei E. Seebold. Berlin; New York, 1999.
- Leeming 1976 — H. *Leeming*. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław etc., 1976.
- Machek — V. *Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené vydání. Praha, 1968, 1971.
- ML — W. *Meyer-Lübke*. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 4-e Aufl. Heidelberg, 1968.
- ODEE — The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C. T. Onions. Oxford, 1996.
- Orel 1998 — V. *Orel*. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Skok 3 — P. *Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 3. Zagreb, 1973.
- SłP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku. Т. 1—. Wrocław, 1967—.
- Stachowski 2014 — S. *Stachowski*. Słownik historyczno-etymologiczny turczyzmów w języku polskim. Kraków, 2014.
- TLF — Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789—1960). Т. 1—16. Paris, 1971—1994.

Р. Н. Кривко

Институт славистики
Венского университета
(Вена, Австрия)

СЛАВЯНСКИЙ *ХОДАТАИ* И ГЕРМАНСКИЙ *WEGĀRI*

Ранняя христианская терминология западного происхождения в церковнославянском языке, включая заимствования и кальки, насчитывает несколько десятков лексических и фразеологических единиц¹. В предлагаемой статье мы рассмотрим ещё одну, ранее неизвестную, лексическую кальку германского происхождения.

Существительное *ходатаи* ‘посредник; помощник; посланник’ и его производные *ходатаинти* ‘помогать, способствовать’, *ходатаица* ‘посредница; помощница’, *ходатаинство* ‘посредничество; просьба, ходатайство; помощь’, *ходатаинствовати* ‘быть посредником; ходатайствовать, просить (о ком-л.)’, *ходатаяти* ‘ходатайствовать, просить (о ком-л.)’² встречаются в текстах западного, южно- и восточнославянского происхождения, включая хорватско-церковнославянскую письменность [SJS 4: 775–776; МСДРЯ 3: 1377–1379]. За исключением глагола *ходатаинти*, о котором будет сказано дальше, каких-либо заметных региональных ограничений в их употреблении в церковнославянской традиции нет. Вершину словообразовательного гнезда с основой [ходатај-] образует существительное *ходатаи* с суффиксом

¹ [Miklosich 1875; de Vincenz 1988; 1991; Schaecken 1987: 123–124, 127, 134–135; 1988; Gusmani 1978; 1984; 1985; 1990; 1995; Minčeva 1998; Максимович 2005 (соответствующие разделы); Holzer 2003; 2006 (о славянском компоненте восточной части древнебаварского ареала, в том числе в связи с развитием христианской лексики); Ziffer 2006; 2007; Шевченко 2007; Ziffer 2010; 2011; Newerkla 2011 (соответствующие разделы); Pronk-Tiethoff 2013: 102–105, 130, 141–143, 181, 233, 254 (там же более ранняя литература); Ziffer 2014: 1310–1311; Пентковский 2014: 37–41; 2016: 77–78, 81–83; Пичхадзе 2018 (об употреблении западной терминологии в вост.-слав. письменности); Ziffer 2018; Пентковский 2019: 77–93; Кривко 2020].

² Ср. также *исходатаи*, *исходатаинникъ*, *исходатаинти*, *исходатаяти* [SJS 1: 831], где *исходатаи*, *исходатаинникъ* соответствуют греч. πρόξενος [Ефимова 2006: 173; 2011: 115].

-(a)tai (< *-(a-)taj-ь), который развился в результате переразложения глагольной основы на -a в составе отглагольного *nomen agentis* и исконного суффикса -taj [Варбот 1969: 133–134; ЭССЯ 8: 47–48; Matasović 2014: 158]. Кроме слова **ходатан** и его дериватов, в древнецерковнославянских текстах известны только два существительных с -atajь: **поводатан**, **позоратан** — и одно существительное с суффиксом -tajь: **ратан** [Варбот 1969: 133; Birnbaum, Schaecken 1997: 50; Ефимова 2006: 173; Matasović 2014: 158]. Кроме **ратан**, этот суффикс представлен в древнерусском языке

лишь в <...> *въздържатаи* и засвидетельствованных позднее XIV в. *попрошатаи* ‘сборщик подаяния’ и *зъватаи*. В прочих образованиях следует выделять суффикс -atajь (ср. *возатаи*, *просатаи* и т. д.), так как соответствующие глагольные основы на -a- не зафиксированы. <...> Существенно, что этот вариант был использован для соединения с корнями, выделяемыми из суффиксальных глагольных основ на -i-, с которыми -tajь никогда не соединяется [Варбот 1969: 133–134].

От существительного **ходатан** образован глагол **ходатанити**, который зафиксирован только в древнейшем славянском фрагменте сакраментария — Киевских листках паннонского или юго-восточно-моравского происхождения (рукопись X в.) и в древнечешско-церковнославянском переводе Бесед Григория Великого (рукописи XIII–XIV вв., перевод X в.):

ходатаняцю блаженоумоу климентоу ... intercedente beato Clemente Kij 1b 11 ... ходатантъ къ богатоумоу ѡт<ъ> ницихъ ... pro pauperibus intercedat Bes 9, 38b α 22sq ... нъ тькмо да за на ть къ г<ос-поде>ви кп<и>с<коу>пъ свон ходатанти прнстѣпилъ бы nisi pro eis <...> intercessor accederet Bes 37, Uvar 15α 15 [SJS 4: 775–776].

Если образование существительного **ходатан** с помощью аффикса -ataj выглядит в рамках древнецерковнославянского корпуса хотя и редким, но закономерным явлением — в особенности на восточнославянском фоне [Варбот 1969: 133–134], то словообразовательная цепочка **ходатан** → **ходатанити** с формальной точки зрения уникальна. За этим единственным исключением (куда мы относим и формы **исходатанити**, **пренсходатанити**), глаголы четвёртого леслиновского класса, образованные от субстантивной основы на -тан, неизвестны [ССДРЯ 2: 94; СРЯ XI–XVII СВ: 535; ISSS 142]. При этом образование глаголов от названий лиц с помощью -н(ти), а не -ьств(овати), по мнению Ф. Мареша, было типично для древнейшей, моравско-

паннонской (и затем древнечешской) редакции ц.-слав. языка, в которой суффикс **-ьств(овати)** оставался малопродуктивным или даже чуждым в глагольном словообразовании: ср., кроме **ходатаити**, также **цѣсарити** и **благословестити** в Киевских листках и **цѣсарьствовати** и **благословесьствовати** в текстах младших редакций [Мареш 1961: 22; ср. Schaecken, Birnbaum 1997: 48–49]³.

Словообразовательные особенности существительного **ходатаи** и производного от него глагола **ходатаити**, их употребление в моравско-паннонских и чешско-церковнославянских текстах свидетельствуют об их древнем, не позднее конца IX в., появлении в западноили паннонско-славянском ареале⁴.

В отличие от других производных существительных на **-(a)tajь**, которые обозначают производителя действия, выраженного исходным глаголом, слово **ходатаи** называет не *ходока*, как это ожидалось бы в соответствии со словообразовательной семантикой, а *помощника*, отражая в принципе не свойственный этой словообразовательной модели семантический переход ('ходить, двигаться' → 'помогать'). Более того, употребление слова **ходатаи** и его производных тематически ограничено христианскими и специализированными церковными контекстами, в ранний период за их пределами эта лексика употребляется только в восточнославянских переводных памятниках — в Иудейской войне, Пчеле, Александрии [SJS 4: 774–775; МСДРЯ 3: 1377–1379; НКРЯ (исторический модуль, s. vv.); ЭСДРП, s. vv.].

Судя по материалам старорусского модуля исторического подкорпуса НКРЯ, слова *ходатаи*, *ходатаиство*, *ходатаиствовати* активно расширяют сферу своего употребления только в позднестарорусский период. Начиная с XVII в., эти слова используются в профанных контекстах — деловых, исторических и иных — в непереводах сочинениях и описывают заботу (о ком- или о чём-л.) или обустройство (чего-л.):

По падении же сего, иже его смерти ходатай, дуксъ Василий улсти люди... (Хворостинин Иван Андреевич. «Словеса дней, и царей, и святителей московских», 1600–1625 гг.) [НКРЯ]; онѣ друг

³ Глагол **цѣсарити** употребляется один раз в Пражских листках XI или XI–XII вв., в цитате из Апокалипсиса (Откр. 19:6) в составе светильна всем святым [SJS 4: 840]. Греческий оригинал этого гимна не установлен, в иных источниках он неизвестен.

⁴ О современном представлении о «паннонско-славянском» в том числе в связи с историей ц.-слав. письменности см. [Schaecken 1987; Хелимский 2000: 404–468; Holzer 1997; 2003; Stachowski 2009].

о другъ ходатаиствуют ко царю, и увѣщают и на милость паки обратитися [ПСРЛ 5/1: 131; о событиях Смутного времени]; Мой возлюбленный Иосифе! никому иному, кроме мне благодарити можеш: ибо что ты господинь мой Пентефрия тако высоко, но и над все имения своя подставилъ то аз прилежным ходатайством моим у него доступна (Малая прохладная комедия об Иосифе, 1675 г.) [НКРЯ]; стануть тебѣ, государю, московскіе нашіе службы строитель и стряпчей бить челомъ, ходатай и заступникъ (Отписка с просьбой о ходатайстве и покровительстве, 1680 г.) [НКРЯ]; за монастырьскими дѣлы ходатайствовать неотложно, вмѣстѣ съ стряпчимъ Антипомъ (Наказ соборному монаху Христофору, 1699 г.) [НКРЯ]; И аще никоими делы того их изволения препрети и отбыть не возможеш, то ты не ходатаиствуй о поставлении своем у архиерея, и своих денег ни приказным людям, ни служителем архиереиским, ради поставления своего во презвитеры, отнюд не давай (И. Т. Посошков. Завещание отеческое..., 1718–1725 гг.) [НКРЯ]; ср. также в переводе с латыни: «не забуди млстивым своим ходатайством» (1642–1644 гг.) [ЭСДРП, s.v.; ВК 1976: 70].

Несмотря на наличие гнезда с **ходатаи** в западных редакциях др.-ц.-слав. языка, в зап.-слав. языках его следов почти нет, за исключением леммы в «Чешско-немецком словаре» (1878–1893) Ф. Ш. Котта (František Štěpán Kott), которая проиллюстрирована единственным примером христианского содержания: «Chodataj, e, m. = prostředník. Kristus nové úmluvy a nového závětu prostředníkem a ch-jem jest» [ČNS-K 6: 425]. Ст.-чешск., ст.-польск. и старшие словацкие лексикографические параллели отсутствуют [ESSČ; HSSJ; SSP; SP XVI]. Из ю.-слав. языков гнездо *hodataj-* (*ходатај*) активно представлено только в сербско-хорватском, в словаре отмечается его древний характер и связь со старославянской традицией [RHSJ 3: 639–640]. В болгарском языке слово *ходатай* и производные считаются русизмами [РСБКЕ 3: 571]. В отличие от сербско-хорватской и болгарской лексикографических традиций, македонские и боснийские словари в гнезде с вершиной *ход-* (*hod-*) не указывают дериваты с основой *ходатај-* (*ходатаи-*), *hodataj* [ТРМЈ 6: 290; RBJ 200; RBJ-I 105; Halilović 1996: 254]. Для словенского языка слово *hodatâj* фиксирует только словарь М. Плетершника, с пометой «stsl.» [SNS, s. v.]. Выразительно отсутствие гнезда слова *ходатай* в украинском языке, причём как в староукраинский, так и в современный период [ССУМ; СУМ; СУМ-Г]. В старобело-

русских источниках гнездо с первоначальным *ходатај-* представлено формами с *ходатай-* и *ходотай-* (и произв.), иллюстративный материал ограничен христианскими контекстами [ГСБМ 36: 115–116] (огласовка *hodot-* известна и в хорватском языке, правда, иллюстративные примеры ограничиваются преимущественно словарями раннего Нового времени) [RHSJ 3: 646].

На этом фоне отмеченные в русских говорах формы *ходатай* ‘тот, кто много ходит; опекун, покровитель; представитель в судах; сват’, *ходатая* ‘женщина, которая много ходит; сватья’; *ходатый* ‘посредник в делах; сват’ следует рассматривать как результат влияния литературного языка, в согласии с тем, как видел происхождение слова *ходатай* и производных в русском языке М. Фасмер, считавший это слово заимствованием из церковнославянского [ЭСРЯ 4: 253]. Значения, отсутствующие у ц.-слав. лексемы, в особенности ‘сват (сватья)’, вероятно всего, развились у этих диалектных форм в результате контаминации с диалектными лексемами *ходак* ‘человек, который много ходит; человек, посылаемый куда-л.; ходатай; сват; и др.’, *ходачка* ‘та (тот), кто много ходит’, *ходачество* ‘хождение по инстанциям с жалобами, просьбами и т. д. по чьему-л. поручению’, *ходачествовать* ‘ходатайствовать’, *ходачок* ‘посыльный’, *ходок* ‘тот, кто много ходит; посыльный; ходатай; сват’ [СРНГ 51: 23–26, 107–108]; ср. параллельные образования с аналогичной семантикой *сходатай* ‘ходатай; сват’, *сходатая* ‘сватья’, *сходатый* (сущ. и прил.), *сходач* ‘сват’ [СРНГ 43: 64–65].

Словообразовательные и семантические особенности др.-ц.-слав. **ХОДАТАИ** и производных, их контекстно ограниченное употребление в ранней славянской письменности и судьба в современных славянских языках и диалектах — всё это заставляет предположить, что древнее моравско-паннонское и чешско-церковнославянское книжное слово **ХОДАТАИ** появилось под влиянием иноязычных образцов.

Известные греческие параллели др.-ц.-слав. **ХОДАТАИ** и производных отличаются от славянских соответствий морфемной структурой и словообразовательной мотивацией: μεσίτης букв. ‘тот, кто находится посередине’ → ‘посредник; помощник’ (ср. μεσιτεύω ‘быть посредником’), παράκλητος букв. ‘тот, кто призван (для помощи или защиты в суде)’, πρόξενος букв. ‘тот, кто действует в интересах другого’ (ср. ξένος ‘чужой’), πρεσβύτερος букв. ‘старший’, затем — ‘посол, посланник’ (ср. πρεσβευτής ‘посол; посредник’) [SJS 4: 774–776; SlaVaComp, s. vv.; LSJ, s. vv.; PGL 845–846, 1018–1019, 1159–; GELS 2: 298, 353,

392; GELS (M): 450, 527–528, 582]. Среди латинских лексических параллелей — *mediator*, *patronus*, *intercessor* букв. ‘тот, кто ходит (идёт) между (чем- или кем-л.)’, *intercedere* букв. ‘ходить (идти) между (чем- или кем-л.)’ — последние два слова выражают идею ходьбы и по этому признаку сопоставимы с др.-ц.-слав. **ходатан** и производными [SJS 4: 774–776]. В славянском слове, однако, отсутствует словообразовательная семантика *посредства*, нахождения или движения между чем- или кем-л., выраженная в лат. *intercessor*, *intercedere* благодаря приставке *inter-* (которая имеет также словообразовательную семантику ‘среди, посреди кого- или чего-л.’).

Семантический переход ‘ходить, двигаться’ → ‘помогать’ является редким: «База данных семантических переходов» [DatSemShift 2.0] не отмечает изменения значений ‘to move; to drive, to force to move on; to move, to shift, to transfer; to move away’ → ‘help, aid’. Напротив, переход ‘стоять рядом’ → ‘помогать’ известен в разных языках достаточно хорошо [Ibid.], ср. хотя бы нем. *beistehen*. Поэтому особенно выразительно регулярное соответствие лат. *intercessio* и др.-в.-нем. *wegōd*, *wegōdi* ‘посредничество; помощь’ (-ōd- — суффикс абстрактного имени существительного), а также лат. *intercedere* и др.-в.-нем. *wegōn*¹ ‘помогать, быть посредником, просить за кого-л.’: оба явления системно представлены в др.-в.-нем. переводах и глоссах [ANDW (Sch) 376; LANW 348; AAGW X: 454]. Др.-в.-нем. слова содержат корень, родственный др.-в.-нем. *wēg* ‘путь, дорога’ [ANDW (Sch): 375], при этом слово *wegōn*¹ сближается с глаголом *wegan* ‘(ab)wiegen, im Gleichgewicht (er)halten, (ab)wägen <...> bewegen, erschüttern, wankend machen; winken; unterjochen, bedrücken, bekümmern’ [ANDW (Spl) I/2: 1079], их родство отражает семантические переходы ‘взвешивать, уравновешивать’ → ‘передвигать, заставлять двигаться’ → ‘помогать’.

У глаголов *wegōn*¹ ‘помогать, просить за кого-л.’ и *wegan* ‘взвешивать, уравновешивать’ отсутствует семантика ходьбы и передвижения, однако у слова *wegōn*¹ есть этимологически родственный омоним — *wegōn*² ‘быть в пути, в дороге’ [ANDW (Sch) 376; ANDW (Spl) I/2: 1077]. Для происхождения др.-ц.-слав. **ходатан** важна, однако, не столько современная научная этимология, отсутствовавшая в обсуждаемую эпоху, сколько фонетическое и морфологическое тождество слов *wegōn*¹ ‘помогать, просить за кого-л.’ и *wegōn*² ‘быть в пути, в дороге’. Дело в том, что с обоими глаголами связано *nomen agentis* *wegāri* ‘помощник, защитник; ходатай, посредник’, находящееся в одном словообразовательном гнезде с такими существительными,

как *bi-weg-ida* ‘Bewegung’, *gi-weg-ida* ‘belebende Kraft’ [AHDW (Spl) I/2: 1080]. Благодаря омонимии глаголов *wegōn*¹ ‘помогать’ и *wegōn*² ‘быть в дороге’ существительное *wegāri* ‘ходатай, посредник’ на почве народной этимологии объединяет семантику движения, передвижения и помощи. Судя по всему, лексическое значение, омонимические и словообразовательные связи др.-в.-нем. *wegōn*¹, *wegōn*² и *wegāri* находят продолжение в др.-ц.-слав. *nomēn agentis* **ХОДАТАИ** букв. *‘ходок’ → ‘помощник’. Слав. лексема совпадает с др.-в.-нем. *wegāri* семантически и структурно: обратим внимание на прямое значение глагольного корня *weg(-ōn)*² ‘быть в пути, в дороге’ и суффикс производителя действия *-āri*, заимствованный из лат. *-arius* [Sonderegger 2003: 341]. При этом, несмотря на связи с глаголом *wegōn*² ‘быть в пути, в дороге’, значение *‘ходок’ у др.-в.-нем. *wegāri* отсутствует, как и у др.-ц.-слав. **ХОДАТАИ**. Учитывая христианское употребление др.-ц.-слав. **ХОДАТАИ**, крайне важно точное значение др.-в.-нем. *wegāri* — ‘Beschützer’ [AAGW X: 446], то есть ‘защитник, заступник’.

Др.-в.-нем. *wegōd*, *wegōdi* ‘помощь, посредничество’, а также *wegōn* ‘помощь; ходатайство, просьба’ как перевод лат. *intercessio* засвидетельствованы в отдельных глоссах и полных глоссариях к Священному Писанию, церковно-каноническим текстам и к сочинениям Григория Великого, которые сохранились в рукописях IX–XII вв.⁵ Перевод лат. *intercedere* с помощью др.-в.-нем. *wegōn*¹ известен также в глоссариях, в том числе в Мондзейских глоссах [LANW 348; AAGW X: 454] — своего рода библейском словаре, который сохранился в рукописях X–XIV вв. и восходит к юго-западногерманскому архетипу IX в. Уже в первой половине IX в. этот словарь был известен в регенбургском монастыре Св. Эмерама [Meineke 2009; 2013].

Das Glossar fügt sich als textgebundene, volkssprachige Bibelrezeption durchaus in die frühere Reichenauer Glossenüberlieferung ein, würde gut in die Regierungszeit Ludwigs des Deutschen passen

⁵ См. шифры рукописей и номера листов: [AAGW X: 454; Bergmann 2009: 525–547; Bergmann, Blum 2009: 550–555]. См. о глоссировании церковно-канонических текстов: [Bergmann, Blum 2009]; о глоссировании сочинений Григория Великого: [Bergmann 2009]. «Unter allen Kirchenlehrern der Patristik ist Gregor der am meisten volkssprachig glossierte; die seinen Werken beigegebenen Glossen machen 76,8% aller Glossen zur Patristik aus. Gregor ist auch der am stärksten glossierte Autor insgesamt und liegt mit rund 13.950 Glossen, das sind 23,2% aller nichtbiblischen Textglossen beziehungsweise Textglossare, vor Prudentius» [Bergmann 2009: 525].

und sich letztlich in die zeitgenössischen Bemühungen um eine volkssprachige Schriftlichkeit „im Dienste kirchlich-missionarischer Glaubensverkündigung, Glaubensverbreitung und Glaubensfestigung“ <...> einreihen lassen [Meineke 2013: 265].

Кроме глосс, др.-в.-нем. *wegōn*¹ ‘помогать, просить за кого-л.’ встречается в сочинениях священника, экзегета и поэта эпохи Людовика Немецкого — Отфрида Вейсенбургского (Otfrid von Weissenburg, ок. 790—875), современника свт. Мефодия, и позднее у Ноткера Немецкого (950—1022) [ANDW (Sch) 376].

Глагол *wegōn*² ‘быть в пути, в дороге’, полностью омонимичный и этимологически родственный глаголу *wegōn*¹ ‘помогать, просить за кого-л.’, отмечен в Мурбахских гимнах (перв. четв. IX в.) — межстрочном переводе на древневерхненемецкий язык 27-ми латинских литургических песнопений. Перевод был создан на алеманском диалекте со следами франконского влияния и частично переписан в монастыре Райхенау, целью перевода было не богослужбное употребление текста на др.-в.-нем. языке, а разъяснение латинского оригинала [Voetz 2013].

Связанное с обоими глаголами, *wegōn*¹ и *wegōn*², др.-в.-нем. *wegāri* ‘защитник, заступник’ засвидетельствовано всего в двух текстах. Важнейший из них — глоссы к Пруденцию (Aurelius Prudentius Clemens) (348 — после 405), который считается одним из самых читаемых авторов западноевропейского Средневековья: его тексты входили в школьный канон и сохранились более чем в 300 рукописях, он был «самым глоссируемым» автором древнемецкого корпуса после свт. Григория Великого [Stricker 2009; 2013a]. Древнейшая редакция др.-в.-нем. глосс к Пруденцию составлена в 839—849 гг. в алеманском ареале, в монастырях Райхенау или Санкт-Галлен [Stricker 2009: 498—499, 501—502]. Поскольку Пруденций входил в круг школьного чтения, считается, что др.-в.-нем. глоссы к его сочинениям создавались в том числе в ходе изучения латинских авторов в школах при монастырях и соборах [Ibid. 2009: 502]⁶. В глоссах гимна мч. Лаврентия (Passio Lavrentii beatissimi martyris) лат. словоформа вин. п. мн. ч. *patronos*, относящаяся к мученикам, глоссирована в междустрочии

⁶ О глоссировании латинских текстов на народном языке как о способе обучения и изучения латыни в средневековых школах см., например: [Henkel 2009: 471; Russell 2012: 196, 197, 201, 214].

с помощью лат. *auxiliatores* и др.-в.-нем. *vuegara* (вин. п. = мн. ч. им. п. от *wegāri*)⁷ [AAGW X: 446]:

Indignus, agnosco et scio,
Quem Christus ipse exaudiat,
Sed per patronos martyras
Potest medellam consequi⁸.

‘Я знаю и признаю: он недостойн, чтобы Христос сам его выслушал, но через покровителей-мучеников (он) может получить помощь’⁹.

В заключительном стихе гимна Пруденция сщмч. Киприану, еп. Карфагенскому (*Passio Cypriani*), лат. *patronus* относится к этому святому и вновь глоссировано лат. *auxiliator* и др.-в.-нем. *vuegara* (так!): *Instruit hic homines, illinc pia dona dat patronus*¹⁰ ‘здесь наставляет людей, оттуда подаёт священные дары покровитель’.

Кроме глосс к Пруденцию, др.-в.-нем. *wegāri* ‘защитник, покровитель’ в форме *wegere* как передача лат. *intercessor* отмечено в «Суммарии Генриха» («*Summarium Heinrici*») (AAGW X: 446) — позднеревневерхненемецком компендиуме школьного знания XI или XII вв.,

⁷ Глоссирование одного латинского слова двумя — латинским и древневерхненемецким — обусловлено способом преподавания и изучения латыни в средневековой школе, когда учащийся должен был не перевести текст на родной язык, а объяснить и пересказать его на латыни; глоссирование помогало решению этой задачи и способствовало расширению активного латинского словарного запаса [Henkel 2009: 470].

⁸ Peristephanon II, 577–588 [Cunningham 1966: 277]. Глоссы цит. по рукописи: Bayerische Staatsbibliothek (München) BSB Clem. 14395 (X в. и XI в., глоссы X в.; [BStK Nr. 579]), л. 35об. Рукопись происходит из регенсбургского монастыря св. Эммерама (см.: <https://opacplus.bsb-muenchen.de/title/BV021513156> — описание; <http://daten.digitale-sammlungen.de/0003/bsb00036896/images> — факсимиле) и является копией парижского списка сочинений Пруденция (Paris, Bibliothèque Nationale de France, Nouv. acquis. lat. 241; BStK.-Nr. 771; XI в.), который, в свою очередь, происходит из бенедиктинского монастыря в Тернзее. Обе рукописи содержат самое полное собрание глосс к Пруденцию.

⁹ В третьем лице поэт говорит здесь о «деревенском поэте», то есть о себе, см. предыдущую строфу: «...o Christi deus, / audi poetam rusticum / cordis fatentem crimina / et facta prodentem sua» — «О, Христе Боже, услышь деревенского поэта, исповедующего преступления своего сердца и открывающего свои дела!».

¹⁰ Peristephanon XIII, 106 [Cunningham 1966: 385; BSB Clem. 14395, л. 43]. О рукописи (BSB Clem. 14395) см. в предыдущем примечании.

энциклопедии, первоначально предназначенной для преподавания латыни, «die größte und bedeutendste Realenzyklopädie des Mittelalters» [Stricker 2013b: 456]. В разделе «De principatibus et miliciis aliisque Personis» слово *wegere* выступает в социально-правовом значении: «Accusator *rūgare*. Intercessor *wegere*» [Hildebrandt, Ridder 1982: 23; Hildebrandt, Ridder 2012: 202].

Итак, др.-ц.-слав. **ходатан** и его ближайшее производное **ходатанги** используются уже в древнейших церковнославянских переводах с латинского языка и имеют моравско-паннонское происхождение. Особенности употребления книжного слова **ходатан** и производных свидетельствует о калькировании этой формы с иноязычных образцов. Структурно-семантической моделью др.-ц.-слав. **ходатан**, вероятнее всего, является др.-в.-нем. *wegāri* ‘защитник, покровитель’, которое связано словообразовательными и этимологическими отношениями с абсолютно омонимичными глаголами *wegōn*¹ ‘помогать’ и *wegōn*² ‘быть в дороге’. Прозрачная словообразовательная мотивация и метафорически выразительная семантика слова **ходатан** ‘тот, кто ходит (куда-л. с целью помощи)’ способствовала тому, что это слово и другие его дериваты, уже прямо не связанные с германскими моделями, прочно вошли в церковнославянский и затем в современный русский литературный язык, а также в сербскохорватский (в болгарском языке слово *ходатай* и производные являются русизмами, чешские и словенские параллели представлены уникальными или исключительными примерами). Для ранней истории др.-ц.-слав. **ходатан** особенно важно то, что это слово, использовавшееся в древнейших переводах с латыни, построено не по латинской, а по германской модели. Это означает, что латинская лексика могла переводиться на др.-ц.-слав. язык с учётом семантики и структуры др.-в.-нем. соответствий латинских слов, что свидетельствует о своего рода «германском мышлении» первых славянских переводчиков с латыни (см. об этом: [Ziffer 2006]). Основной сферой письменного употребления др.-в.-нем. *wegōn*¹, *wegōn*² и *wegāri* были глоссы, представляющие собой важнейшую часть корпуса др.-в.-нем. текстов и предназначенные для изучения и комментирования латинских текстов в монастырских и кафедральных школах и в самих монастырях. Рукописная традиция др.-в.-нем. источников связана с южногерманским — баварским, алеманским и франконским — ареалом (роль баварских диоцезов Зальцбурга и Пассау в христианизации славян Паннонии и Моравии хорошо известна). Жанровыми, содержательными и прагматически-

ми особенностями др.-в.-нем. текстов и локализацией их рукописных источников определяется та социальная и культурная среда, внутри которой складывались языковые образцы древнейшей церковнославянской христианской терминологии западногерманского — древневерхненемецкого — происхождения.

Словари, серийные и продолжающиеся издания,
корпусы и базы данных

- ВК — Вести-Куранты. [Т. 1–8.] М., 1972–2017.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- МСДРЯ — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>).
- ПСРЛ 5/1 — Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 1: Псковские летописи. М., 2003.
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. София, 1955–1959.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51–. Л.-СПб., 1969–2019–.
- СРЯ XI–XVII СВ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001.
- ССДРЯ — *С. П. Лопушанская, Е. М. Шептухина*. Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.). 3-е изд., доп. М., Волгоград, 2003.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- СУМ — Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.
- СУМ-Г — Словарь української мови: в 4-х тт. / За ред. Б. Грінченка. Київ, 1907–1909.
- ТРМЈ — Толковен речник на македонскиот јазик. Т. 1–6. Скопје, 2003–2014.
- ЭСДРП — *Е. А. Осокина, Е. С. Ляльченко*. Электронный сводный словник древнерусских памятников (<http://ruslang.ru:8080/slovník/web/login.jsp>).
- ЭСРЯ — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стереотипное. Т. 1–4. М., 1986.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–41–. М., 1974–2018–.

- AAGW — *R. Schützeichel*. Althochdeutscher und Altsächsischer Glossenwortschatz. Bd. 1–12. Tübingen, 2004.
- AHDW (Sch) — *R. Schützeichel*. Althochdeutsches Wörterbuch. 7. Aufl. Berlin; Boston, 2012.
- AHDW (Spl) — *J. Splett*. Althochdeutsches Wörterbuch. Analyse der Wortfamilienstrukturen des Althochdeutschen, zugleich Grundlegung einer zukünftigen Strukturgeschichte des deutschen Wortschatzes. Bd. I/1–II. Berlin; New York, 1993.
- BStK — Bergmann/Stricker-Katalog: Online Datenbank der althochdeutschen und altsächsischen Glossenhandschriften (<http://glossen.germ-ling.uni-bamberg.de>).
- ČNS-K — *F. Š. Kott*. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. Sv. 1–7. Praha, 1878–1893 (цит. по: Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta [<http://kott.ujc.cas.cz>]).
- DatSemShift — Database of Semantic Shifts in languages of the world (<http://datsemshift.ru/>).
- ESSČ — Elektronický slovník staré češtiny (цит. по: Vokabulář webový: Slovníky staré češtiny — <http://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>).
- GELS — *J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie*. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Vol. 1–2. Stuttgart, 1992.
- GELS (M) — *T. Muraoka*. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Louvain; Paris; Walpole MA, 2009.
- HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. T. 1–7. Bratislava, 1991–2008.
- ISSS — Indexy k staroslověnskému slovníku. Praha, 2003.
- LANW — *H. Götz*. Lateinisch-Althochdeutsch-Neuhochdeutsches Wörterbuch. Berlin, 1999.
- LSJ — A Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell, R. Scott, rev. and augm. throughout by Sr. H. S. Jones. Oxford, 1996 (<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/morph>).
- PGL — *G. W. H. Lampe*. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1982.
- RBJ — Rječnik bosanskog jezika (= Institut za jezik u Sarajevu. Posebna izdanija, 14). Sarajevo, 2007.
- RBJ-I — *A. Isaković*. Rječnik bosanskoga jezika (karakteristična leksika). 4. izd. Sarajevo, 1995.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. 1–4. Praha, 1958–1997.
- SlaVaComp — COMPUtergestützte Untersuchung von VARIabilität im KirChenSLAVischen. KirChenslavisch-griechisches / griechisch-kirChenslavisches Glossar (<http://132.230.102.50:8080/exist/apps/metaglossar/home>).

SNS — *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar (www.fran.si, dostop 12.10.2020).
SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku (<http://spxvi.edu.pl/>).
SSP — Słownik staropolski. T. 1–11. Kraków, 1953–2002.

Литература

- Варбот 1969 — *Ж. Ж. Варбот*. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969.
- Ефимова 2006 — *В. С. Ефимова*. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
- Ефимова 2011 — *В. С. Ефимова*. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
- Кривко 2020 — *Р. Н. Кривко*. Западно-церковнославянское *чьсть* ‘церковное торжество’ в истории древней славянской христианской терминологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch. N.F. Bd. 8. 2020. С. 52–103.
- Максимович 2005 — *К. А. Максимович*. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 116–162.
- Мареш 1961 — *Ф. Мареш*. Древнеславянский язык в Великоморавском государстве // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 12–23.
- Пентковский 2014 — *А. М. Пентковский*. Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия // Свети Ђирило и Методије и словенско писано наслеђе 863–2013 / Ур. Ј. Радић, В. Савић. Београд, 2014. С. 25–102.
- Пентковский 2016 — *А. М. Пентковский*. Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX — первой половине X веков // Slověne. Vol. 5. 2016. № 2. С. 54–120.
- Пентковский 2019 — *А. М. Пентковский*. Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) — XI вв. // Наслеђе и стварање. Свети Ђирило, свети Сава: 869–1219–2019. Т. 1 / Ур. Ј. Радић, В. Савић. Београд, 2019. С. 73–152.
- Пичхадзе 2018 — *А. А. Пичхадзе*. О функционировании древнерусской церковной книжной и обиходной терминологии // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 68–86.
- Хелимский 2000 — *Е. А. Хелимский*. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М., 2000.
- Шевченко 2007 — *И. И. Шевченко*. О западных истоках старославянских понятий *мощи* и *причастие* // Византийский временник. Т. 66. 2007. С. 223–228.

- Bergmann 2009 — *R. Bergmann*. Umfang und Verteilung der volkssprachlichen Textglossierung und Textglossare: Bibel // [Bergmann, Stricker 2009: 54–82].
- Bergmann, Blum 2009 — *R. Bergmann, S. Blum*. Überblick über die Canones-Glossierung // [Bergmann, Stricker 2009: 549–561].
- Bergmann, Stricker 2009 — Die althochdeutsche und altsächsische Glossographie. Ein Handbuch / Hg. von R. Bergmann, S. Stricker. Berlin; New York, 2009.
- Bergmann 2013 — Althochdeutsche und altsächsische Literatur / Hg. von R. Bergmann. Berlin; New York, 2013.
- Birnbaum, Schaeken 1997 — *H. Birnbaum, J. Schaeken*. Das altkirchenslavische Wort: Bildung — Bedeutung — Herleitung. München, 1997 (= Slavistische Beiträge, 348).
- Cunningham 1966 — Aurelius Prudentius Clemens. Carmina / Cura et studio Mavricii P. Cunningham. Turnhout, 1966 (= Corpus Christianorum; Series Latina, 126).
- Gusmani 1978 — *R. Gusmani*. Slavo *papež*' e la resa delle sibilanti alloglotte // Incontri Linguistici. 1978. № 4/1. P. 69–81.
- Gusmani 1984 — *R. Gusmani*. Il modello del paleoslavo *milosrŭdŭ* // Incontri Linguistici. (1982–1983) [1984]. № 8. P. 103–109, 355–363.
- Gusmani 1985 — *R. Gusmani*. Zwischen Lehnbildung und Lehnbedeutung: Die altkirchenslavische Terminologie der Beichte // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Bd. 45. 1985. S. 69–80.
- Gusmani 1995 — *R. Gusmani*. L'influsso tedesco nella formazione della terminologia religiosa slava // *R. Gusmani*. Itinerari linguistici. Scritti raccolti in occasione del 60° compleanno. Alessandria, 1995. P. 227–240.
- Halilović 1996 — *S. Halilović*. Pravopis bosanskoga jezika. Sarajevo, 1996.
- Henkel 2009 — *N. Henkel*. Glossierung und Texterschließung. Zur Funktion lateinischer und volkssprachiger Glossen im Schulunterricht // [Bergmann, Stricker 2009, 468–498].
- Hildebrandt, Ridder 1982 — *R. Hildebrandt, K. Ridder*. Summarium Heinrici. Bd. 2: Textkritische Ausgabe der zweiten Fassung. Buch I–VI sowie des Buches XI in Kurz- und Langfassung (= Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. N. F. 78 [202]). Berlin; New York, 1982.
- Hildebrandt, Ridder 2012 — *R. Hildebrandt, K. Ridder*. Summarium Heinrici. Bd. 3: Wortschatz: Register der deutschen Glossen und ihrer lateinischen Bezugswörter auf der Grundlage der Gesamtüberlieferung (= Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. N.F. 109 [233]). Berlin; Boston, 2012.
- Holzer 1997 — *G. Holzer*. Zum gemeinslavischen Dialektkontinuum // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 43. 1997. S. 87–102.

- Holzer 2003 — *G. Holzer*. Zum Wortschatz des slavischen Substrats in Österreich. I. Schichten und Areale // *Studia etymologica Brunensia*. № 2. 2003. S. 215–227.
- Holzer 2006 — *G. Holzer*. Das bairische Ostland und seine Slaven // *Studia Philologica Slavica*. Festschrift für Gerhard Birkfellner zum 65. Geburtstag. Teilb. 1 / Hg. von B. Symanzik. Berlin, 2006. S. 175–189 (= Münstersche Texte zur Slavistik, 4).
- Matasović 2014 — *B. Matasović*. Slavic nominal word-formation. Proto-Indo-European origins and historical development (= *Empirie und Theorie der Sprachwissenschaft*, 3). Heidelberg, 2014.
- Meineke 2009 — *B. Meineke*. Das Mondseer Bibelglossar // [Bergmann, Stricker 2009: 619–634].
- Meineke 2013 — *B. Meineke*. Mondsee Bibelglossen // [Bergmann 2013: 263–271].
- Miklosich 1875 — *F. Miklosich*. Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Wien, 1875.
- Minčeva 1998 — *A. Minčeva*. Entstehungswege der frühesten christlichen Terminologie bei den Slaven // *Orpheus: Journal of Indo-European and Thracian Studies*. № 8. 1998. S. 53–63.
- Newerkla 2011 — *S. M. Newerkla*. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen (= *Schriften über Sprachen und Texte*, 7). Frankfurt am Main, 2011.
- Pronk-Tiethoff 2013 — *S. Pronk-Tiethoff*. The Germanic loanwords in Proto-Slavic (= *Leiden Studies in Proto-European*, 20). Amsterdam; New York, 2013.
- Russell 2012 — *P. Russell*. An habes linguam Latinam? Non tam bene sapio. Views on multilingualism from the early medieval West // *Multilingualism in the Graeco-Roman Worlds* / Ed. by A. Mullen, P. James. Cambridge, 2012. P. 193–224.
- Schaeken 1987 — *J. Schaeken*. Die Kiever Blätter (= *Studies in Slavic and general linguistics*, 9). Amsterdam, 1987.
- Schaeken 1988 — *J. Schaeken*. Nochmals: aksl. *vъsqđbъ*, *vъsqđbъnъ* // *Die Welt der Slaven*. № 33/1. 1988. S. 87–101.
- Sonderegger 2003 — *S. Sonderegger*. Althochdeutsche Sprache und Literatur. 3. Aufl. Berlin; New York, 2003.
- Stachowski 2009 — *M. Stachowski*. Eugen Helimskis Materialien zur Erforschung der ältesten slawisch-hungarischen Sprachkontakte // *Studia etymologica Cracoviensia*. № 14. 2009. S. 35–107.
- Stricker 2009 — *S. Stricker*. Überblick über die Prudentius-Glossierung // [Bergmann, Stricker 2009: 497–510].

- Stricker 2013a — *S. Stricker*. Prudentius (Aurelius Prudentius Clemens), Althochdeutsche Glossierung // [Bergmann 2013: 376–384].
- Stricker 2013b — *S. Stricker*. Summarium Heinrici // [Bergmann 2013: 444–458].
- de Vincenz 1988 — *A. de Vincenz*. Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission // Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988 / Hg. von R. Olesch, H. Rothe. Köln; Wien, 1988. S. 273–295 (= Slavistische Forschungen, 54).
- de Vincenz 1991 — *A. de Vincenz*. Zum Wortschatz der frühesten westlichen Slavenmission: *mošti* — „Reliquien“ // Aspekte kultureller Integration: Festschrift zu Ehren von Prof. Dr. Antonín Měšťan / Hg. von K. Mácha, P. Drews. München, 1991. S. 301–308 (= Integrale Anthropologie, 7).
- Voetz 2013 — *L. Voetz*. Murbacher Hymnen (Interlinearversion) // [Bergmann 2013: 272–288].
- Ziffer 2006 — *G. Ziffer*. Per lo studio del lessico del Vangelo di Nocodemo paleoslavo // Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag / Hg. von D. Bunčić, N. Trunte. München, 2006. S. 263–275 (= Die Welt der Slaven, Sammelbände / Sborniki, 28).
- Ziffer 2007 — *G. Ziffer*. Aspetti storico-linguistici della cristianizzazione del mondo slavo // Gli studi slavistici in Italia oggi. Atti del VI Congresso Italiano di Slavistica (Udine, 20–23 settembre 2006) / A cura di S. Garzonio, R. di Giorgi, G. Ziffer. Udine, 2007. P. 41–52.
- Ziffer 2010 — *G. Ziffer*. Ancora su *Blatъnъskъ kostelъ* // Studi Slavistici. № 7. 2010. P. 173–186.
- Ziffer 2011 — *G. Ziffer*. Influssi linguistici occidentali nello slavo ecclesiastico antico // Slavica Ambrosiana, 2: La tradizione ambrosiana e gli Slavi / A cura di F. Braschi, M. Di Salvo. Milano, Roma, 2011. P. 89–99.
- Ziffer 2014 — *G. Ziffer*. Slavia orthodoxa und Slavia romana // Die slavischen Sprachen. The Slavic languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An international handbook of their structure, their history and their investigation. Bd. 2 / Hg. von S. Kempgen, K. Gutschmidt, P. Kosta, T. Berger. Berlin; New York, 2014. S. 1308–1319.
- Ziffer 2018 — *G. Ziffer*. Per l’origine di sloveno “velika noč” // Slovenistika in slavistika v zamejstvu — Videm / Ur. A. Žele, M. Šekli. Ljubljana, 2018. S. 235–237.

М. С. Мушинская

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ
ПАТРИСТИЧЕСКОЙ ЭКЗЕГЕЗЫ
НА ПЕРВЫЙ СЛАВЯНСКИЙ
ПЕРЕВОД ПСАЛТЫРИ:
НА ПРИМЕРЕ **ВЪСКРЪСНЖТИ**

В последние десятилетия внимание исследователей славянской Псалтыри сосредоточивалось главным образом на истории текста. Была построена классификация рукописей по редакциям, подробно описаны их отличия, как принципиальные, так и частные, от древнейшего перевода. Хотя все согласны в том, что этот перевод лежит в основе всех последующих редакций, он считается невозстановимым в своем первоначальном облике, поскольку уже в древнейших рукописях, в том числе в Синайской глаголической псалтыри, обнаруживается большое количество вторичных черт¹. Вероятно, этим объясняется слабый (по сравнению со степенью освоенности позднейших редакций) интерес к исследованию принципов и техники старославянского перевода. Между тем относительно значительной части текста — там, где в рукописях древних редакций нет расхождений, — сомнений в том, что мы имеем дело с первоначальным кирилло-мефодиевским переводом, не возникает, — и тут часто остро ощущается отсутствие филологического комментария. В этой ситуации единственной опорой для интерпретации текста оказывается пражский Словарь старославянского языка, охватывающий все его словоупотребления, — опорой, несомненно, надежной, но не всегда достаточной, хотя бы потому, что задачей любого словаря древнего письменного языка является типизация лексической семантики, т. е. выделение основных значений для каждой лексемы и распределение по ним конкретных словоупотреблений; за рамками такой работы остаются многозначность контекста и слова в нем, дополнительные смыслы, интер- и интратекстуальные связи и т. д. Это касается не только *crucis inter-*

¹ [Thomson 1998: 829f.; MacRobert 1993: 69; 1998: 924–927 и др.]. Ср. пессимистическое заключение в одной из последних работ К. МакРоберт о Синайской псалтыри: “In the textual history of the Church Slavonic Psalter, the Psalterium Sinaiticum is a dead end” [MacRobert 2018: 164].

pretum и редких или проблемных слов, но иногда и самых частотных и ключевых, выражающих центральные понятия христианской догматики.

Одним из таких слов оказывается глагол **въскрѣснѣти** в контекстах типа [да] **въскрѣснетъ бѣ и разидѣтъся врази его** Пс 67:2 (цит. по Синайской псалтыри). Пражский Словарь дает значение ‘воскреснуть из мертвых’ глагола **въскрѣснѣти** как специализированное, а основным считает значение физического движения ‘встать’, с примерами из Псалтыри (67:2, 43:12, 75:10). Для **въскрѣснѣти** даются два значения (без распределения по ним приведенных в статье примеров): ‘разбудить’ и (во вторую очередь) ‘воскресить (о мертвом)’. У родственных глаголов **въскрѣсати**, **въскрѣшати**, а также существительное **въскрѣсеник**, **въскрѣсновеник**, **въскрѣшеник** значение физического действия не фиксируется [ССЯ 1: 326–328], но, судя по структуре первых двух статей, авторы словаря рассматривают его не просто как возможное, но как первичное для данной основы². С этим, правда, не вполне согласуется этимологическая трактовка в словаре, принадлежащем тому же коллективу авторов: [ESJS: 1107] объясняет **въскрѣснѣти** как приставочное образование от глагола, восходящего к праслав. **krěsiti*, каузатива от **krěsnŏti*, для которого дается единственное значение ‘воскреснуть из мертвых’. Это значение отражено в др.-рус. **крѣснѣти** [СлРЯ 8: 38–39], рус. диал. *кресить*, ‘воскрешать, оживлять’ [СРНГ 15: 222] и в зап.-слав. языках — чеш. *křísiti*, словц. *kriesit’*, ст.-польск. *krzesić*, польск. диал. *krzesić*, *krzisić*; у зап.-слав. глаголов фиксируются также значения ‘будить’; ‘приводить в чувство (после обморока)’ [Machek: 301; Holub, Kopečný 191; Gebauer 2: 144; Bańkowski 1: 834; Brückner: 275; Miklosich EWSS: 138; HSSJ 2: 137; SSN 1: 876]. Южнославянские языки демонстрируют другую семантику (в сербо-хорватском значение ‘оживлять, воскрешать’ имеется — видимо, как результат вторичного развития, наряду с непереходным значением ‘воскресать’ — только у церковнославянских по происхождению приставочных образований от основы **vьskrěs-: uskrsiti, uskrsnivati, uskrsnuti* [ARj 19: 879–883]): с.-хорв. *krijěsiti*, словен. *krěsiti (se)* ‘искрить, сверкать’ [ARj 5:537; Bezljaj 2: 90]; в них также представлены рефлексy непереходного **krěsnŏti*: серб. *крснути*

² Согласно сформулированному Й. Курцем в Предисловии к Словарю принципу, определяющему порядок приведения значений: «в этом вопросе мы переходим от основных, более общих значений к значениям специальным, учитывая, однако, и историческое семантическое развитие» [ССЯ 1: xiii].

‘вырастать, начинаться’ [PCX 10: 660], хорв. *křsnuti* ‘являться, выходить, возникать’ [ARj 5: 632]; ср. также образования с приставками, отличными от **vъs-*: хорв. диал. (Vuk) *iskrnsnuti* ‘появиться’, ‘внезапно возникнуть’, хорв. *skrnsnuti*, у которого, согласно П. Скоку, наряду с ‘появиться’ может быть значение ‘исчезнуть’, [Miklosich EWSS: 138; Skok 2: 194; ARj 3: 903, 15: 350, 19: 879]; аналогичное образование есть в словацком: *skrnsnúť* ‘возникнуть, появиться; проявиться, zum Vorschein kommen’ [Berneker: 633; SSJ 4: 101]. Значение чисто физического движения и его каузации ‘вставать’, ‘поднимать’ у глагольных образований с этим корнем практически не выражено; в качестве такового иногда (например, в [ЭССЯ 12: 126; ESJS: 1107]) приводится ст.-польск. *krzesić* ‘поднимать’ со ссылкой на [SłStPol 3: 412sq.], но там оно дано с единственным примером из библейской песни Анны (1 Цар. 2: 8): *krzeszō s prochw vbogego* (*suscitat de pulvere egenum*), — в метафорически нагруженном контексте, где присутствуют идеи возвращения сил, перемены участи и т. п. (ср. стихи 7–8 в Синодальном русском переводе: «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Из праха подымлет он бедного» и т. д.). Имея в виду более глубокую этимологию этого корня **krip-s* и его балтийские параллели — лит. *kreipti* и лтш. *kraipīt* ‘направлять, искривлять’, лит. *kraipyti* ‘поворачивать, качать; искривлять’³ — его семантика может быть связана скорее с идеей криволинейного движения (а не прямолинейного движения снизу вверх), откуда могли развиться более сложные значения действия и состояния.

Важное значение в этимологической интерпретации лексики этого словообразовательного гнезда имеет существительное **krěšъ*, южнославянские рефлексy которого сохраняют архаичные значения, связанные с языческим культом: с.-хорв. *kriješ* и словен. *krěs* ‘огонь, разжигаемый в Иванов день’, ‘Иванов день’, ‘летнее солнцестояние’; [PCX: 10: 497; ARj 5: 586; Skok 2: 194–195; Snoj 2016: 348; Bezlaj 2: 90]; в русских диалектах представлены значения, описывающие состояние человека (бодрость, подъем сил, выздоровление и т. п.) — *крѣс/крес*, *скрѣс/скрес*, *в(о)скрѣс/вскрес* [СРНГ 15: 221, 38: 133, 5: 204; Даль 2: 190]. Ц.-слав. *крѣсь* ‘солнцестояние’ характеризуют как древнерусское (русско-церковнославянское) слово наряду с *крѣсити*

³ Эта этимология признается сейчас наиболее убедительной, хотя имеются и другие гипотезы; наиболее распространенная из них, объединяющая **krěšiti* с **krēsati* ‘высекать огонь’, разрабатывалась в [ЭССЯ 12: 95–97, 124–126], но отвергнута в [Аникин 8: 289].

[ЭССЯ 12:140; Аникин 8: 288], однако, если принадлежность **крѣсити** к исконно древнерусской лексике несомненна (оно есть в Повести временных лет и Слове о полку Игореве), то все памятники до XVII в., в которых засвидетельствовано сущ. **крѣсь**, а также производное прилагательное **крѣсьныи** ‘критический, переломный’ (в медицинском выражении **крѣсьныи потъ** — перелом в болезни, сопровождающийся интенсивным потением), — южнославянского (в основном древнеболгарского) происхождения: Толковая Псалтырь Феодорита (в части толкований), Слова Григория Богослова⁴, сербский Пролог XVI в. из Венской библиотеки (№ 32), Хроника Иоанна Малалы [Miklosich LP: 319; Срезн. 1: 1355; СЛРЯ 8: 38]. Таким образом, **крѣсь** и **крѣсьныи** существовали в древнеболгарском, хотя лексика с этим корнем отсутствует в современном болгарском языке и диалектах, не считая заимствования из ц.-слав. *възкресявам, възкресение* [БЕР 1: 203]⁵. Судя по немногим известным примерам, это существительное

⁴ Единственная фиксация в словарях прилагательного **крѣсьныи** — в Слове на святое просвещение (№ 40 по греческой нумерации), в списке ГИМ, Син. 954, л. 30. Это сборник Слов с толкованиями Никиты Ираклийского, перевод которых, как считают, принадлежит древнерусским книжникам. Но слово **крѣсьныи** находится не в части толкований, а в тексте Григория, перевод которого несомненно древнеболгарский: **что въльба просиши оуспѣвша ничтоже. что крѣснаго пота оуже пре(д)стогацію исходу** (Τί φάρμακα ἐπιζητεῖς, τὰ μηδὲν ὀνήσαντα; τί κριτικὸν ἰδρώτα, ἴσως παρεστῶτος τοῦ ἐξοδίου; PG 36: 373). Очевидно, переводчики толкований считали слово **крѣсьныи** недостаточно ясным, поэтому использовали вместо него производное от **соудити** (χρῖνω): **что ждѣши расцуженыя поту. оуспѣдѣныа здравью и животу. дѣ сѣ(т) дньѣ ѿ врачевъ расцуженыю волаши(м). дѣ. зѣ. бѣ. аѣ. многажды же и гѣ вьывакѣть. потъ сѣди(т) волешти. рѣши(т) и авлае(т) сдравье** — τί περιμένεις ἰδρώτα **κριτικόν**, ἤγουν ἀποφαντικὸν ὑγιείας καὶ ζωῆς. τέσσαρες γάρ εἰσι παρ’ ἰατροῦς ἡμέραι **κριτικαὶ** τῶν κατὰ τὸν νοσοῦντα· ἡ τετάρτη, ἡ ἐβδόμη, ἡ ἐνάτη καὶ ἡ ἐνδεκάτη, πολλαίκι δὲ καὶ ἡ τρισκαίδεκάτη. ὧν ἐν μᾶ ἐπιγενόμενος ἰδρώς **κρίνει** τὸ νόσημα, τούτεστι λύει καὶ ἀποφαίνει ὑγίαν Milano, Bibl. Ambrosiana, D90 suppl., f. 250 (на факт этой замены обращено внимание в [Горский, Невоструев II, 2: 75]).

⁵ П. Скок [Skok 2: 194–195] приводит еще дублетное образование *kras* — фольклорный термин венгерских хорватов, обозначающий огонь в Иванов день; огласовку он объясняет как регулярный переход *ѣ* в *a* после *r*. Аналогичные примеры есть в древнерусских списках древнеболгарских текстов: **въ днь краса** Сирах 24:27 (ἐν ἡμέραις νέων ‘в дни новоплодий’) [Срезн. 2: 1317] и в Изборнике 1076 г., 270об. 6 (интерполяция без греческой параллели в Слове о милостивом Созомене): **яко и доуга въ красоу стогащи** ‘разгоревшаяся (букв.: стоящая в полной силе) радуга’. В изданиях Изборника форма **красоу** неверно интерпретирована как вин. п. сущ. **краса** [И76¹: 917, И76², 2: 174], хотя еще

по своей семантике ('солнцеворот', 'перелом', 'высшая точка в развитии природного явления') ближе к аналогичным южнославянским рефлексам сущ. **krěsъ*, чем к др.-русскому глаголу. У бессуффиксальных существительных с приставкой **vъz-* в восточнославянских диалектах (рус. диал. *в(о)скрѣс*, укр. диал. *воскрес*) и в сербо-хорватском (серб. *васкрс* и др.) есть также значения 'воскресение (воскрешение) из мертвых', 'Пасха', 'воскресенье' [Betneger: 615; Аникин 8: 288; ARj 19: 877; Skok 2: 194], которые могли развиваться вторично под влиянием ц.-слав. **вѣскрѣснѣти**, **вѣскрѣсении** либо, как считает А. А. Аникин [8: 288], непосредственно из архаичного значения с наложением христианского концепта воскресения из мертвых на языческую солярную символику.

Ст.-слав. глаголы **вѣскрѣснѣти**, **вѣскрѣсити** и существительное **вѣскрѣсении** объяснялись как кальки греческих лексем *ἀνίσταται*, *ἀνίστημι*, *ἀνάστασις* [Schumann: 61; Molnár: 116–121]⁶, но на самом

Фр. Миклошич [Miklosich LP: 319] связывал эту форму с *крѣсь*. Русские писцы XV–XVI вв. испытывали затруднения с пониманием этого слова и заменяли его на *красота*: *дрюга въ красотоу стоащи* Унд. 570; (*источници же течахоу*) *сладци красоты не могуъ сказаѣти* МДА 162 [Мушинская 2015: 464]. Сюда же, как отмечали [Miklosich LP: 310; Срезн. 2: 1318], относится прилагательное *краснь* в выражении *красьна пота* в сборнике 13 Слов Григория Богослова (РНБ, Q.p.I.16, XI в.), при форме *крѣснаго* в том же тексте с толкованиями Никиты (см. предыдущее примечание).

⁶ К. Шуман относит эти слова к категории семантических калек (Lehnbedeutungen), то есть слов, получивших новое значение под влиянием полисемичного иноязычного слова, в отличие от структурно-семантических калек (Lehnübersetzungen), воспроизводящих и структуру, и значение иноязычного слова. Тем самым подразумевается, что славянские лексемы а) существовали в языке до того, как приобрели терминологическое значение, б) имели такие же нетерминологические значения, что и соответствующие греческие лексемы. Оба положения требуют обоснования, которого автор не дает. Н. Молнар относит **вѣскрѣснѣти**, **вѣскрѣсити** и **вѣскрѣшение** к той же категории, что и К. Шуман ("semantic calque", в его терминологии), и предполагает, что первичным значением **вѣскрѣснѣти** могло быть 'встать'. Как было показано выше, славянским материалом это предположение не подтверждается — очевидно, оно выведено исключительно из семантики греч. *ἀνίσταται*. При этом **вѣскрѣсновении** почему-то попадает у него в другую категорию — "real structural calque" (= Lehnübersetzung К. Шумана). Очерк Н. Молнара об этих лексемах изобилует неточностями, а предположение, что сущ. **вѣскрѣсновении** содержит посторонний элемент **-нов-**, который предлагается объяснять через прилагательное **новъ** ('arising to a new life'), ниже всякой критики: на самом деле **вѣскрѣсновении** образовано по регулярной модели от **вѣскрѣснѣти**.

деле славянские слова сходны с греческими только в отношении морфологической структуры и приставки: бесприставочные глаголы **krъsnōti*/**krъsiti* по значению явно не аналогичны греческому ἵσταμαι/ἵστημι — неперех. ‘стоять’, перех. ‘ставить’. У греческой приставки ἀν(α)- два основных значения — движение вверх и повторность действия, что полностью аналогично семантике славянской приставки. В термине **въскръснѣти** и родственных образованиях у приставки актуализировано значение повторности — пространственное значение не сочетается с семантикой глагольного корня *krъs/krъš*, как ее можно предположительно реконструировать (ср. значения типа ‘оживлять’ у западно- и восточнославянских переходных глаголов и ‘появляться; усиливаться’ у южнославянских непереходных). Что же касается греческого слова, то в нем приставка воспринимается так же, если рассматривать его как христианский термин, однако первоначально она выражала пространственное значение. Здесь необходимо кратко очертить процесс формирования у ἀνίστημι терминологического значения из общеязыкового, хотя бы в том виде, в каком он отражен в Септуагинте и текстах Нового Завета.

В Септуагинте ἀνίστημι регулярно передает др.-евр. *qwm* — в частности, 23× в книге Псалмов. Как *qwm*, так и ἀνίστημι, являющийся практически точным его эквивалентом в разных значениях и коллокациях, имеют основное и первичное значение ‘вставать’ и чрезвычайно употребительны в различных переносных и специальных значениях с общей семантикой ‘активизироваться, начать действовать’. Оба глагола могут выступать и в значении ‘вставать из мертвых, оживать’ — в Ветхом Завете такие примеры единичны, один из них приходится на книгу псалмов⁷. Синонимом ἀνίστημι в Септуагинте

⁷ Пс. 87(88):11, где возможность воскресения отрицается. В еврейском тексте сказано יָקוּמוּ אֲנָשִׁים מֵתִים — ‘разве мертвецы встанут?’. Перевод Септуагинты ошибочен — слова יָקוּמוּ אֲנָשִׁים были прочитаны как יָקוּמוּ רַפָּאִים ‘врачи поднимут (воскресят)’ и переведены ἢ ἰατροὶ ἀναστήσουσιν, но значение глагола осталось тем же (с изменением диатезы). Так же объясняется отличие греческого текста от еврейского в сходном месте Ис. 26:14. Для значения ‘встать из мертвых’ у *qwm* в Танахе указываются еще три контекста [BDB: 877] (при ἀνίστημι в LXX): Ис. 26:19; 2Цар. (4Цар. по LXX) 13:21 — но тут с добавлением על-רגלי, т. е. ‘встать на ноги’; и Иов 14:12, где о смерти говорится метафорически, как о вечном сне. Для ἀνίστημι ‘возвращать(ся) к жизни’ не в соответствии с *qwm* в Септуагинте указываются следующие случаи [Muraoka 2007: 54]: Дан. 12:2 (в соотв. с *qws*, букв. ‘просыпаться’) и (в текстах, не имеющих еврейского оригинала) Иов 42:17, 2Мак. 7:9, 14, 12:44, Пс. Сол. 3:12. Значение ‘оживать; оживлять’ выражается в Танахе и глаголом с прямым значением *ḥiyūāh*, *heḥēyāh*

служит глагол ἐγείρω или (чаще) приставочный ἐξγείρω — он фигурирует в сходных с ἀνίστημι типах контекстов, ἀνίστημι и (ἐξ)εγείρω могут стоять рядом (с усилительным эффектом — Ис. 51:17) или в параллельных частях стиха (Суд. 5:12, 1Цар. 2:8, Ис. 26:19, Пс. 7:7, 43:24). Первичное значение (ἐξ)εγείρω — ‘будить’, неперех. ‘просыпаться’, вторичные — ‘поднимать; побуждать’, неперех. ‘вставать’. В Псалмах чаще употребляется ἐξγείρω, в соответствии с евр. *qys/yqs* ‘просыпаться’ (4×) и ‘wr ‘просыпаться; поднимать(ся)’ (10×) — первый чаще используется буквально, второй склонен к метафорическим употреблениям; бесприставочный ἐγείρω представлен 2× в соответствии с *qwm* (112(113):7, 126(127):2). В тех контекстах Септуагинты, где речь идет о воскресении мертвых, (ἐξ)εγείρω не фигурирует, но в новозаветных текстах он регулярно выступает в этом значении, оказываясь, таким образом, полным синонимом ἀνίστημι и даже превосходя его в частотности: в издании [Nestle, Aland 1963] ἀνίστημι представлен 108×, ἐγείρω — 143×, ἐξγείρω — 2×; впрочем, эта статистика не абсолютна, так как, согласно критическому аппарату того же издания, в рукописной традиции ἀνίστημι и ἐγείρω очень часто образуют варианты чтения. Таким образом, в период разработки греческого христианского религиозного языка на роль термина, обозначающего одно из основных понятий нового мышления, претендовали два слова, изначально передававших идею воскресения из мертвых разными метафорами — поднятия и пробуждения (по существу, в основе лежали два фигуративных представления смерти — метонимического, как

(каузативы от *ḥāyāh* ‘жить’), который в Септуагинте передается разнообразно: ζῶω (Пс. 79:19, 84:7), ζάω (Пс. 119, 11×, 142:11), ζωοποιέω (Пс. 70:20, Еккл. 7:12), ὑπάζω (Ос. 6:2), ζῆν ποιέω (Втор. 32:39), ζωογονέω (1Цар. 2:6 и т. д.) и раритетным ζωπυρέω (4Цар. 8:1, 5). Но, за исключением 2Цар. (4Цар.) 8, во всех этих контекстах не идет речь о воскресении в буквальном смысле. Эсхатологическая идея всеобщего воскресения мертвых в иудаизме оформилась во время Маккавеев; в Танахе и, соответственно, в переводных книгах Септуагинты единственным местом, где она выражена определенно, считается Дан. 12:2 [Greenberg 2007: 240]; в менее ясной форме она просматривается в Ис. 26:19, 53:10, Иов 19:25, Иез. 37:1–14 [Оерке 1964]. Большинство контекстов, где говорится о возвращении к жизни, с помощью божественного вмешательства, конкретного человека или народа, изначально фигуративны, и лишь позднее они переосмыслились в эсхатологическом духе, независимо и неодинаково в раввинистической и христианской традициях: так, один из ключевых в этом отношении для христианской экзегетики текстов — видение Иезекииля (Иез. 37:1–14) — трактуется в талмудическом трактате Сангедрин (92а) как предсказание о возвращении из вавилонского плена.

лежания на/в земле/гробу, и метафорического, как сна), но успевших взаимно обогатить друг друга своими первичными значениями⁸. В итоге победило первое — ἀνίστημι и ἀνάστασις стали основными выразителями понятия воскресения мертвых. Уже в Новом Завете, на фоне преобладания глагола ἐγείρω над ἀνίστημι, соответствующие существительные представлены в обратном соотношении: ἔγερσις — только один раз (Мф. 27:53), а ἀνάστασις — 42×, причем во всех случаях, кроме Лк. 2:34, в новом значении.

В старославянских памятниках наряду с *vъskrъsnŏti* (*vъskrъseniye*) в том же значении используются *vъstati* (*vъstaniye*) — морфологически и семантически точные копии греч. ἀνίστημι, а также д.-в.-н. *ar-, uf-standan*, передававшего лат. *resurgere*. В частности, *vъstati* представлен во Фрейзингенском фрагменте (1). По мнению И. Виль, это был первоначальный славянский термин для обозначения воскресения из мертвых — он мог быть усвоен через любой из трех языков; затем он был модифицирован путем замены корневой части на *-krъs-*, с опорой на греч. ἐγείρω; неудобство *vъstati* состояло в том, что, в отличие от греческого ἀνίστημι, он не может функционировать как переходный глагол, т. е. выражать не только значение ‘воскресать’, но и ‘воскрешать’, что было важно с теологической точки зрения [Wiehl 1974: 61–62]. Последнее соображение не бесспорно — в славянском языке был переходный глагол от той же основы *vъstaviti*, и в Супрасльском сборнике есть примеры с **вѣставити**, а также **вѣставлати** и **вѣставлкъни** в значении воскрешения [ССЯ 1:337–338], — а кроме того, оно не исчерпывает ситуации, повлиявшей на выбор *vъskrъsnŏti* vs. *vъstati* в конкретных случаях и в конечном счете на его утверждение

⁸ Слова с прямым значением ‘оживлять (оживать)’ — с корнем ζω-, см. предыдущее примечание — имели мало шансов, что видно по текстам Нового Завета: ζωόω в них не встречается, как и ἀναζωόω (последний глагол, несмотря на свой прямой и точный смысл ‘возвращать к жизни’, остался на периферии круга лексики, связанной с понятием воскресения: он отсутствует в Септуагинте, встречается у Филона, Аквилы и Симмаха — в Пс. 29(30):4, где Септуагинта передает евр. *hīyūāh* неточным σῶζω, — и у византийских авторов, но в целом достаточно редок). Ζωοποιέω фигурирует всего в 11 контекстах, причем чаще не в прямом смысле (Ин. 6:63, 1Кор. 15:36, 45, 2Кор. 3:6, Гал. 3:21, 1Петра 3:18) либо как второй из двух синонимичных глаголов (после ἐγείρω — Ин. 5:21, Рим. 8:11). Образования от βίος — ἀναβίόω, ἀναβίωσις — в значении воскресения из мертвых появляются только в патристических текстах [Lampe: 96], ни в Септуагинте, ни в Новом Завете этих слов нет. Ср. еврейскую традицию, где за эсхатологическим понятием воскресения мертвых закрепился термин *tehiyyat ha-metim*, букв. «оживление мертвых».

(в языках *Slavia orthodoxa*) в качестве основного термина для понятия воскресения. Для начала упомянем не самое существенное обстоятельство: глагол *vъstati* с предлогом *na* был отчасти скомпрометирован использованием в знач. ‘подняться против (кого-л.)’ — другого способа передачи этого достаточно распространенного понятия в старославянском не было, хотя в греческом данное значение обычно выражается специальными образованиями с приставкой ἐπι- (ἐπανάστημι, ἐπεύειρω). Более серьезная причина, как кажется, заключается в том, что между эпохами формирования христианской терминологии на греческом языке и соответствующей — на славянском лежит большое расстояние. В первом случае этот процесс отражен в текстах Нового Завета, словоупотребление которых в большой степени опиралось на Септуагинту, — а там, как уже говорилось, улавливаются лишь первые проблески эсхатологической идеи воскресения мертвых; соответственно и в Новом Завете понятие воскресения, новое и еще только осваивавшееся, выражается тропами. Славянская терминология вырабатывалась в период, когда христианская идеология была уже вполне развита и ощущалась необходимость в специальном и максимально прямом обозначении основных понятий, и тут *vъstati*, по причине своей многозначности, проигрывал глаголу *vъskrъsnъti*.

Что касается объяснения корневой части основы *vъskrъs-/vъskrъs-* из *ἐύειρω*, то и оно не кажется убедительным. Во-первых, это означало бы, что *vъskrъsnъti/vъskrъsiti* возникли как литературные кальки при переводе текстов Св. Писания с греческого, — поскольку в греческом языке основным глагольным термином для концепта воскресения в IX в. был явно ἀνίστημι, а не ἐύειρω. Тогда *vъskrъs(ъnov)enije* следовало бы объяснять исключительно на основе славянского глагола — в греческом роль термина-существительного с самого начала закрепились за ἀνάστασις, что видно уже по Новому Завету. Кроме того, возникновение литературных неологизмов обычно можно проследить на конкретных текстах, а распределение пары глаголов *vъskrъsnъti* — *vъstati* в кирилло-мефодиевских переводах скорее свидетельствует против гипотезы И. Виль: *vъskrъsnъti* чаще выступает соответствием глагола ἀνίστημι, а *vъstati* — глагола ἐύειρω (см. ниже). Во-вторых, хотя, на первый взгляд, этимологически *ἐύειρω* стоит ближе к *krъsnъti/krъsiti*, чем ἀνίστημι, это сходство может быть обманчивым. Рефлексы праславянского глагола демонстрируют более широкий, чем у *ἐύειρω*, набор значений.

Кажется, все предлагавшиеся до сих пор объяснения происхождения терминов с основой *vъskrъs-/vъskrъs-* исходили из пред-

ставления об их греческом источнике — вероятно, потому, что они присутствуют в кирилло-мефодиевских переводах. Но нужно учитывать, что языковой основой этих текстов был болгаро-македонский диалект солунских славян, а в болгарском языковом материале отражения праславянских глаголов с корнем *krъs-* /*vъskrъs-* не прослеживаются. Правда, это не означает, что их там не могло быть в интересующую нас эпоху, особенно ввиду древнеболгарского сущ. *krъsъ*. В то же время лексика кирилло-мефодиевских переводов содержит также слой моравских культовых терминов — заимствований или калек (напрямую или при посредничестве древневерхненемецкого) с латинских слов. Если сравнить славянские образования *vъskrъsnŏti*, *vъskrъs(ъnov)enije* с латинскими *resurgere*, *resurrectio*, то можно заметить большее сходство — не только структурное, но и семантическое — чем с греческими ἀνάστασις, ἀνάστασις. Латинские термины состоят из приставки *re-* со значением повторности действия и корня глагола *surgo*, который первично обозначал физическое движение ('вставать'), но уже в классической латыни имел большой диапазон значений, аналогичных ἀνάστασις и ἐγείρομαι, и даже шире — 'вставать после сна', 'начинать действовать', 'всходить (о светилах)', 'возникать, появляться', 'увеличиваться, расти, развиваться' [OLD: 1887]; позднее он вытеснил аналогичный по семантике глагол *orior* [Ernout, Meillet: 567]. Таким образом, по отношению к латинскому *resurgere* славянский глагол *vъskrъsnŏti* может расцениваться как полноценная структурно-семантическая калька. По отношению же к греческому ἀνάστημι/ἀνάστασις глаголы *vъskrъsiti*/*vъskrъsnŏti* должны быть квалифицированы, в терминологии К. Шумана, как *Lehngliedzusatz* (плеонастическое заимствование, когда один элемент неологизма выражает значение всего слова-образца, а другой элемент соответствует одной из его частей, например **грѣхъпаданіе** — παράπτωμα): их корневая часть соответствует целому греческому слову, а его приставка ἀν(α)-воспроизводится дополнительно.

О связи славянских терминов с латинскими может говорить также тот факт, что они представлены в старославянских памятниках, имеющих латинские прототипы: прежде всего в Киевских листках, а также в Предисловии к хорватско-глаголическому миссалу, переведенному с того же оригинала, что и Киевские листки; в Беседах на евангелия Григория Великого, Евангелии Никодима, житиях свв. Вячеслава, Бенедикта, Вита [ССЯ I: 326–327].

С другой стороны, в то время как непереходный глагол *vъskrъsnŏti* (и соответствующее отглагольное существительное) может быть

успешно объяснен латинскими терминами, это невозможно по отношению к переходному *vъskrěsiti* — в латыни значение ‘воскрешать’ выражается глаголами с корнем *-cit-* (главным образом *resuscitare*, а также *suscitare*, *excitare*, хотя последние функционируют в Вульгате скорее в неспециальных значениях). Впрочем, это обстоятельство не препятствует тому, чтобы предполагать связь славянских терминов с латинским, так как в христианских текстах *vъskrěsnŏti*, безусловно, более важный и частотный глагол, чем парный к нему переходный. Взяв за основу уже существовавший термин, который возник устным путем, переводчики могли использовать его словообразовательный потенциал в конкретных текстах для последовательной передачи ἀνίστημι/ἀνίσταμαι, ἐγείρω/ἐγείρομαι⁹.

Наконец, возможно, что термины *vъskrěsnŏti*, *vъskrěs(ъnov)enije* возникли параллельно на основе соответствующих латинских и греческих.

Эти слова с самого начала функционировали как христианские термины, но они были составлены из славянских элементов, так что, особенно на ранних этапах, сквозь терминологическое значение могло просвечивать общеязыковое; вопрос в том, каким оно было в восприятии создателей текстов и их аудитории. Поскольку бесприставочные глаголы *krěsnŏti*, *krěsiti* в старославянских памятниках отсутствуют, об их точном значении можно только догадываться по позднему славянскому материалу. Попробуем понять, какие коннотации могли иметь слова с основой *vъskrěs-/vъskrěs-*, рассмотрев их употребление в кирилло-мефодиевских переводах Евангелия и Псалтыри. Евангелия от Матфея и Иоанна учитываются по изданиям [ЕМ], [ЕИ], от Марка и Луки — по Мариинскому, Зографскому [Jagić 1879; Ягич 1883], Галицкому¹⁰, Ассеманиеву, Мирославу и Остромирову евангелиям¹¹; текст цитируется по Мариинскому евангелию, разночтения приводятся с сигналами, принятыми в [ЕМ, ЕИ]. Для псалтырного текста 1-й (Архаичной) редакции берутся: Синайская псалтырь по изданию

⁹ В любом случае, им приходилось применять словообразовательные процедуры при передаче греч. ἀνάστασις, в котором нейтрализована категория переходности/непереходности, ср. Супр. 499: **вѣдѣхомъ рекшааго азъ ксмѣ въскрѣшеникѣ** (ἢ ἀνάστασις) **и жизнь и истина и въскрєсениа** (τῆν ἀνάστασιν) **и истинны отъ жизни придохомъ**.

¹⁰ Рукопись доступна на сайте Государственного исторического музея: <https://catalog.shm.ru/api/spf/2z2zcrdfNyIa-HjClju7nipGvf2hviOztYZkoQOmH7cZKrJOL4tyPx2rFzZIBHK0.data>

¹¹ По изданиям [Kurz 1955; Десподова 1988: 213–315; ОЕ].

[Северьянов 1922] и [Mareš 1997] — по ним приводятся цитаты; Болонская и Погодинская псалтыри по изданию В. Ягича [Jagić 1907]; а также Псалтыри, принадлежащие к другим традициям, в основе которых лежит редакция I — Бычковско-Синайская XI–XII вв. (самый ранний представитель редакции II) по изданию [Altbauer, Lunt 1978; Tarnanidis 1988: 283–316], фрагментарная Чуд. 7 (Толковая псалтырь Феодорита) по изданию [Погорелов 1910a] и Симоновская по изданию [Амфилохий 1879–1881], в которой сочетаются особенности двух предыдущих [MacRobert 1998; 2005]. Для греческого текста используются издания Евангелия [Nestle, Aland 1963; Tischendorf 1869–1872] и Псалтыри — Гёттингенское издание Септуагинты [Ralfs 1931]. Сочинения византийских экзегетов привлекаются по изданиям, указанным в списке источников в конце статьи; ссылки на них даются сокращенно, в соответствии с разметкой текстов в TLG — по страницам издания, листам изданной рукописи либо по номеру и стиху псалма; в последнем случае используется сокращение *ad loc(um)*.

Евангелие

В Евангелии лексемы с основой *vъskrъs-/vъskrěs-* используются только в специальном значении воскресения / воскрешения из мертвых¹²; ἀνίστημι и ἐγείρω во всех остальных значениях — ‘вставать (в т. ч. после сна или болезни)’, ‘поднимать’, ‘просыпаться’, ‘будить’, ‘создавать, производить’, ‘начинать действовать (говорить)’, ‘побуждать (к действию)’, ‘выступать свидетелем’, ‘подняться против’ — передаются другими славянскими глаголами: **въста(а)ти**, **стати**, **въздвигнѣти**, **възвѣдѣти**. Существительное ἀνάστασις в специально-христианском значении всегда передается посредством **въскрѣшеник** (в позднейших редакциях оно часто заменяется на **въскрѣсеник**)¹³; единствен-

¹² Исключения не составляют следующие контексты: 1) **мѣжи ниневѣитѣсцинъ вѣскрѣснѣтъ на сѣдѣ съ родомъ симъ и осѣдѣтъи** Лк. 11:32. В греческом тексте выражение ἀναστήσονται ἐν τῇ κρίσει скорее означает ‘предстанут свидетелями на суде’, что точно передано в параллельном месте Мф. 12:41: **вѣстанѣтъ на сѣдѣ**; но имеется в виду последний суд, который будет после всеобщего воскресения, и этот смысл эксплицирован в славянском переводе Евангелия от Луки; 2) **вѣскрѣситѣ сѣма брата своего** Мф. 22:24, Мк. 12:19, Лк. 20:28: речь идет о восстановлении рода, прерванного со смертью мужа; в греческом тексте выражение ἀναστήσει σπέρμα передает евр. *hēqim zera*, ср. Быт. 38:8.

¹³ Мф. 22:23, 22:28, 22:30, 22:31, Мк. 12:18, 12:23, Лк. 14:14, 20:27, 20:33, 20:35, 20:36, Ин. 5:29 (2×), 11:25.

ный раз, когда оно использовано в другом значении, в славянском переводе это передано через **въстаник** — Лк. 2:34. Существительное $\xi\upsilon\epsilon\rho\sigma\iota\varsigma$ представлено в Евангелии единственным примером, также в специальном значении (Мф. 27:53); в переводе ему соответствует **въскръсновеник**. Помимо глаголов с основой *vъskrъs-*/*vъskrъs-* используется и **въстати** (**въстаати** Лк. 20:37). Выбор того или иного синонима не зависит ни от характера контекста (кто и при каких обстоятельствах воскресает)¹⁴, ни от наличия эксплицирующего выражения **из (отъ) мрътвыхъ**¹⁵. Для передачи $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ ($\acute{\epsilon}\xi\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ Мк. 12:19) всегда используется **въскръснѣти** / **въскрѣсити**¹⁶. Переходный глагол $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\rho\omega$ в значении ‘воскрешать’ в евангелиях используется всего два раза (Мф. 10:8 и Ин. 5:21) и передан посредством **въскрѣшати**; но непереходному $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\rho\omega\mu\alpha\iota$ в значении ‘воскресать’ чаще соответствует **въстати** — 22^{х17}: Мф. 11:5, 16:21, 17:23, 27:52, 27:63, 27:64, 28:6, 28:7, Мк. 6:14, 6:16, 14:28, 16:6, 16:14, Лк. 7:22, 9:7, 9:22, 11:31, 20:37 (**въстаати**), 24:6, 24:34, Ин. 2:22, 21:14; **въскръснѣти** представлен 8^х: Мф. 14:2, 17:9, 20:19, 26:32, Мк. 12:26, Ин. 12:1, 12:9, 12:17. Нужно оговорить, что эти подсчеты неточны, поскольку не учитывают вариативности глаголов в греческих и славянских рукописях. В славянских рукописях — представителях Древнего текста вариативность

¹⁴ В греч. тексте $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ и $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\rho\omega$ фигурируют в контекстах, где речь идет: 1) об индивидуальных актах воскрешения/воскресения — Мф. 11:5, 10:8, 14:2, Мк. 6:14, 6:16, Лк. 7:22, 9:7–8, 9:19, 16:31, Ин. 11:23, 12:1, 12:9, 12:17; к ним при- мыкают случаи, где при описании воскресения глагол обозначает скорее физическое действие (вставание с постели/из гроба, пробуждение) — Мф. 9:25, 27:52, Мк. 5:41–42, Лк. 7:14, 8:54, 8:55; 2) о воскресении Христа — Мф. 16:21, 17:9, 17:23, 20:19, 26:32, 27:63, 27:64, 28:6, 28:7, Мк. 8:31, 9:9, 9:31, 10:34, 14:28, 16:6, 16:9, 16:14, Лк. 9:22, 18:33, 24:6, 24:7, 24:46, Ин. 2:22, 20:9, 21:14; 3) в эсхатологическом смысле, о воскресении всех умерших в конце времен — Мк. 9:10, 12:23, 12:25, 12:26, Лк. 20:37, Ин. 5:21, 6:39, 6:40, 6:44, 6:54, 11:24.

¹⁵ В сочетании со словом **мрътвин** используются как **въстати** (Мф. 27:64, 28:7, Мк. 6:14, 12:26, 16:14, Лк. 7:22, 9:7, 20:37, Ин. 2:22) так и **въскръснѣти** / **въскрѣсити** (Мф. 14:2, 17:9, Мк. 9:9, 9:10, 12:25, Лк. 16:31, 24:46, Ин. 5:21, 12:1, 12:9, 12:17, 20:9).

¹⁶ **въскръснѣти** Мк. 8:31, 9:9, 9:10, 9:31, 10:34, 12:23, 12:25, 16:9, Лк. 9:8, 9:19, 16:31, 18:33, 24:7, 24:46, Ин. 11:23, 11:24, 20:9; **въскрѣсити** Мф. 22:24, Мк. 12:19, Лк. 20:28, Ин. 6:39, 6:40, 6:44, 6:54.

¹⁷ Курсивом выделены места, где списки колеблются между $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ и $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\rho\omega$. Учены критические аппараты обоих использованных изданий Нового Завета — [Nestle, Aland 1963] и [Tischendorf 1869]; в интересующих нас случаях они не всегда совпадают. В [R̥SI I/6: 352–353] отмечено также несколько вариантных чтений, отсутствующих в обоих этих изданиях.

не очень велика¹⁸: в нескольких случаях один или два списка имеют чтения, отличные от остальных, которые объяснимы как правка с опорой на контекст: там, где речь идет о воскресении Христа, писцы заменяли **въстати** на **въскрѣснѣти** — Мф. 17:23 **въстанеть** Mar G1 OE Mr: **въскрѣснеть** Zg As; Ин. 2:22 **въста** Mar G1 OE Mr Zg: **въскрѣсе** As; в Мф. 22:24 и Мк. 12:19, где говорится о продолжении рода, производили обратную замену — **въскрѣситъ** Mar Zg As OE: **въставитъ** G1 Mr. Хуже обстоит дело с вариативностью в греческом тексте: колебания здесь значительнее, а вопрос о том, какой вариант мог быть в каждом случае в греческом оригинале перевода, требует отдельного исследования. Из общих соображений кажется, что к IX в. соотношение $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ и $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ в специально-христианском значении должно было сдвинуться в сторону первого по сравнению с древнейшими рукописями, в которых еще могло отражаться первоначальное словупотребление (так, в Евангелии от Матфея все употребления $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ в этом значении оцениваются издателями как вторичные варианты, что специально оговаривается в примечании к Мф. 17:9 в [Tischendorf 1869]), — а если это так, то количество случаев, когда глагол $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ был передан посредством **въскрѣснѣти**, может быть еще меньшим. Но даже если вычсть отмеченные курсивом места, где в греческом тексте имеются варианты чтения, налицо следующая тенденция: **въскрѣснѣти** используется как постоянный эквивалент $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$, а при передаче $\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ конкурирует с основным эквивалентом этого глагола **въстати**. Это можно проиллюстрировать следующим примером с варьированием синонимов при повторе:

Лк. 9:7 **Слыша же иродъ четвертовластець· бывающаа отъ него въсѣ· і недомышляшеса зане глаголь бѣ отъ етеръ· ꙗко иоанъ въста (ἠγέρθη) отъ мрътвѣхъ· 8 отъ инѣхъ же ꙗко инѣ ꙗвиса· отъ дреугъхъ же ꙗко прѣкъ нѣкъ отъ древиннѣхъ въскрѣсе (ἀνέστη).** <...> 19 **они же отъвѣштавъше рѣша· юана крѣстителѣ и ини же илиж· ови же ꙗко прѣкъ единъ древиннѣхъ воскресе (ἀνέστη).**

Ср. параллельные места в других евангелиях:

Мф. 14:1–2 **оуслышавъ иродъ тетрархъ слоухъ исѣвъ· и рече отрокомъ своимъ· съ есть иоанъ крѣстителъ· тѣ въскрѣсе (ἠγέρθη) отъ мрътвѣхъ;**

¹⁸ Ситуация меняется на последующих этапах развития евангельского текста, особенно в преславской, а также в поздних редакциях, где $\acute{\alpha}\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ часто или даже постоянно (например, в Чудовском Новом Завете) передается посредством **въстати**. Обсуждение этого явления выходит за рамки данной работы.

Мк. 6:14 і оуслышавъ цѣррь народъ слоухъ иѣвъъ <...> і глаше ѣко ноанъ кръстанъ вѣста (ἐγὴγέρται, вар. ηγέρτη; ἀνεστῆ) отъ мрътвѣухъ. <...> 16 народъ рече ѣко егоже азъ оуѣвнѣхъ ноана съ естѣтъ тѣ вѣста (ἠγέρθη) отъ мрътвѣухъ.

Такое распределение синонимов противоречит предположению о мотивированности термина **вѣскръснѣти** глаголом ἐγείρω. Можно заметить также, что в Евангелии у **вѣскръснѣти/вѣскръѣсити** отсутствует значение ‘проснуться’, ‘разбудить’. Это хорошо видно в контекстах, где ἐγείρω можно понимать и как ‘воскресать’, и как ‘просыпаться’: как раз в этих случаях он передается глаголом **вѣстати**. Ср. пассаж, где особенно явно актуализирована метафора воскресения как пробуждения:

Лк. 7:52–55 рѣдаахъ же вси и плакаахъса еѣ. онъ же рече не плачитеса еѣ нѣстѣ оумръла нѣ съпитѣ (οὐκ ἀπέθανεν ἀλλὰ καθεύδει). і рѣгаахъса емоу вѣдѣште ѣко оумръѣтъ. онъ же <...> емъ ѣъ за рѣкѣ вѣзгласи гла отроковице вѣстани (ἔγειρε). и вѣзвратиса дѣхъ еѣ, и вѣскръсе (ἀνέστῃ) авне.

Если бы для переводчиков глагол **вѣскръснѣти**, хотя бы по своей внутренней форме, ассоциировался с пробуждением, то он бы должен был быть выбран для слова ἔγειρε, прямо продолжающего предыдущую реплику Иисуса; однако появляется он только в следующей фразе, описывающей событие на уровне человеческого восприятия — как возвращение от смерти к жизни. Так же передан глагол ἐγείρω в параллельных эпизодах других евангелий — Мф. 9:25, Мк. 5:41–42. Ср. еще Лк. 7:14 и Мф. 27:52.

Псалтырь

В Псалмах и библейских песнях **вѣскръснѣти/вѣскръѣсити** используется исключительно для передачи ἀνίστημι и оказывается его основным соответствием (21×). Значительно реже ἀνίστημι передается посредством непереходного **вѣстати** (5×) либо переходного **вѣздвигнѣти/вѣздвигсати** (2×)¹⁹. Они же выступают регулярными эквивалентами ἐξέγειρω, ἐγείρω: **вѣстати** — 12×, **вѣздвигнѣти/**

¹⁹ **вѣскръснѣти** Пс. 1:5, 3:8, 7:7, 9:20, 33, 11:12, 16:13, 40:9, 43:24, 27, 67:2, 73:22, 75:10, 81:8, 101:14, 131:8, Песнь Моисея (Втор 32:)38, Песнь Исаяи (26:)19, **вѣскръѣсити** 40:11, 87:11, Песнь Исаяи (26:)14; **вѣстати** Пс. 19:9, 34:2, 11, 77:6, 93:16; **вѣздвигнѣти** Пс 77:5, **вѣздвигсати** Песнь Анны (1Цар 2:)8.

ВЪЗДВИЗАТИ — 2×; в одном случае, когда **ВЪЗДВИЗАТИ** использован ранее в том же стихе для ἀνίστημι, ἐγείρω передан редким глаголом **ОУСТРАВѢТИ** — Песнь Анны, 8: **ВЪЗДВИЖЕТЕЪ** (ἀνιστᾶ) **ОТЪ ЗЕМЛѢ ОУБОГА** **І** **ОТЪ ГНОШТА ОУСТРАВѢТЕЪ** (ἐγείρει) **НИШТА**. В отличие от Евангелия, традиция в отношении этих слов стабильна как в греческих списках, так и в славянских псалтырях 1-й редакции²⁰ (варианты появляются лишь в позднейших редакциях, см. ниже) — таким образом, нет сомнений, что они во всех случаях принадлежат первоначальному переводу.

Рассмотрим контексты с **ВЪСКРСНЖТИ/ВЪСКРѢСИТИ**. В трех из них говорится об умерших людях — это Пс. 87:11 **ЕДА МРЪТВЪТЪМЪ СЪТВОРИШИ ЧЮДЕСА' ЛИ ВАЛЪА ВЪСКРѢСЪТЪТЪ**, сходное место из библейской песни Ис. 26:14 **МРЪТВИИ ЖЕ ЖИВОТА НЕ ІМЖТЪ ВИДѢТИ' НИ ВАЛЪА НЕ ІМЖТЪ ВЪСКРѢСИТИ** (о греческом тексте в обоих примерах см. примеч. 7) и дальше там же, ст. 19: **ВОСКРСНЖТЪ МРЪТВИИ, ВЪСТАНЖТЪ СЖЦИИ ВЪ ГРОВѢХЪ**. Последний стих — одно из темных мест в еврейском тексте Исайи — уже в эллинистическую эпоху понимался в эсхатологическом смысле²¹. Сюда же относится Пс. 1:5:

διὰ τοῦτο οὐκ ἀναστήσονται ἀσεβεῖς ἐν κρίσει, οὐδὲ ἀμαρτωλοὶ ἐν βουλήν δικαίων

СЕГО РАДИ НЕ ВОСКРСНЖТЪ НЕЧЪСТІВІИ НА СЖД[Ъ], НИ ГРѢШЬНИЦИ ВО СЪВѢТЪ П[Р]АВЕДЪНИХЪ.

Изначально — в еврейском тексте, и, по-видимому, в Септуагинте — здесь не было эсхатологической идеи: речь идет просто о том, что человеческая несправедливость не остается безнаказанной и Бог воздаст каждому по его делам²²; выражение οὐκ ἀναστήσονται... ἐν κρίσει означает ‘не выдержат суда, не будут оправданы’. Христианские экзегеты единодушно понимали этот стих как пророчество о всеоб-

²⁰ Только в одном месте в греческом тексте имеется вариант: в Пс. 112:7 вместо αὐψῶν некоторые списки Лукиановской редакции читают αἰσῶν — это вторичное чтение под влиянием библейской Песни Анны (Od. 3:8) [Rahlfs 1931: 280]. Славянский перевод следует основному чтению: **ВЪЗНОСА**. В славянских псалтырях 1-й редакции, а также в Бычковско-Синайской, Толковой Феодорита (Чуд. 7) и Симоновской в обсуждаемых случаях нет ни одного расхождения.

²¹ См., например, [Blenkinsopp 2000: 370f].

²² Попытки эсхатологической интерпретации этого стиха в Септуагинте (например, [Scharer 1995: 46f.]) современными библеистами не признаются убедительными [Pietersma 2001: 187f.].

шем воскресении мертвых перед Страшным судом. Об этом писал прот. Марк Борнотов, ссылаясь на толкования Иоанна Златоуста, Феодорита и Евфимия Зигабена²³. Сходные толкования дают Ориген (Sel. 1097; *Fragm. ad loc.*), Евсевий Кесарийский (Comm. 80), Диодор Тарсийский (Comm. ad loc.), Афанасий (Exp. 61), Кирилл Александрийский (Exp. 720), Исихий (De tit. 652), «Краткий комментарий» Пс.-Исихия (Comm. ad loc.) и писатель IX–X вв. Никита Давид (Comm. II. 371–385). Различия в толкованиях касаются сценария суда. По Евсевию и Кириллу Александрийскому, праведников и грешников будут судить на общем суде; при такой интерпретации смысл выражения οὐκ ἀναστήσονται не меняется: «во время суда грешники не встанут среди праведников» (ἐν τῆς κρίσεως καιρῷ, οὐτε οἱ ἁμαρτωλοὶ ἐν βουλῇ δικαίων ἀναστήσονται Eus.). В одном из толкований, сохранившихся под именем Оригена, говорится, что в псалме имеются в виду два суда — суд над праведниками (κρίσις δικαίων) и суд над грешниками (κρίσις ἀσεβῶν, ср. Ин. 5:29): грешники воскреснут не на первом, а на втором (ἐγερθήσονται γὰρ οἱ ἀσεβεῖς οὐκ ἐν τῇ προτέρᾳ, ἀλλ' ἐν τῇ δευτέρᾳ Sel. 1097). Очевидно, под словом κρίσις здесь надо понимать не процедуру суда, а выносимые приговоры. Похожую интерпретацию, но в более развернутом виде дает Никита Давид: нечестивые воскреснут не в воскресение жизни, а в воскресение осуждения (εἰς ἀνάστασιν κρίσεως — более точная, чем у Оригена, цитата из Ин. 5:29); будет два воскресения, первое — всеобщее воскресение тел пред Судом, второе — воскресение праведников в жизнь с Христом (σὺζωΐα μετὰ τοῦ Χριστοῦ) после Суда, и на нем нечестивые не воскреснут (ταύτην οὐκ ἀναστήσονται οἱ ἀσεβεῖς ἐν καιρῷ κρίσεως). В другом фрагменте Оригена (*Fragm. ad loc.*) сказано: οὐκ ἀναστήσονται οἱ ἀσεβεῖς εἰς κρίσιν φησὶν, οὐκ εἰς ἐρώτησιν — ‘не встанут (не воскреснут?) нечестивые на суд, то есть на допрос’; то же у Афанасия и в сочинении «О надписаниях псалмов» Исихия. Из-за лаконичности это толкование не совсем ясно, но, по видимому, здесь та же идея, которая подробнее развита у Феодорита и Диодора, а также в «Кратком комментарии» Пс.-Исихия: грешники вообще не подлежат суду, сразу после воскресения они будут осуждены, «как убийцы, застигнутые на месте преступления». Свое объяс-

²³ Работа покойного о. Марка Борнотова, остающаяся пока неизданной, посвящена сравнению церковнославянского и Синодального переводов Псалтыри. Ее обсуждение на семинаре «Масоретский текст и Септуагинта» под руководством М. Г. Селезнева и М. М. Юровицкой (Институт классического Востока и античности, Высшая школа экономики) было толчком к написанию данной статьи.

нение Феодорит сопровождается грамматическим комментарием: отрицание οὐκ относится не к глаголу ἀναστήσονται, а к обстоятельству ἐν κρίσει — «нечестивые воскреснут не для суда, а для осуждения» (οὐ γὰρ εἶπεν, «οὐκ ἀναστήσουσιν ἀσεβεῖς», ἀλλ', «εἰς κρίσιν οὐκ ἀναστήσουσιν», ἀντὶ τοῦ, οὐκ εἰς κρίσιν, ἀλλ' εἰς κατάκρισιν Interpr. 872–3). Заметим, что в этом перифразе предложный оборот с дательным падежом ἐν κρίσει заменен на оборот с винительным εἰς κρίσιν. Вероятно, именно эта интерпретация отражена в славянском переводе — она объясняет винительный падеж в выражении **на сждъ**.

В большинстве остальных контекстов глагол **въскрьснѣти** имеет форму императива или будущем времени и субъектом действия является Бог (Пс. 1:5, 3:8, 7:7, 9:20, 9:33, 16:13, 43:24, 43:27, 67:2, 73:22, 76:10, 81:8, 101:14, 131:8). В греческом тексте, имея в виду его смысловой уровень на момент создания Септуагинты, речь идет о Боге Израиля, с которым несовместимо понятие смерти и воскресения, а глагол ἀνίσταμαι имеет значение 'активизироваться, проявиться в действии'. По существу, ἀνάστα (ἀνάστηθι), ἀναστήσεται — это инвокативная или теофаническая формула, призыв божества либо выражение веры в его будущее появление. Патристическая экзегеза переосмысливает подобные места как пророчества о воскресении Христа. При этом, согласно общему принципу христианской герменевтики, приписывавшей всему Ветхому Завету типологический (прообразующий) смысл, такая интерпретация не заменяет и не отменяет буквального, «исторического» содержания библейского текста, а существует наряду с ней: это тот уровень смысла, который еще не был, во всяком случае в своем полном виде, доступен пониманию людей ветхозаветной эпохи, в том числе и самим пророкам (авторам библейских книг), но должен был открыться в новозаветное время. Те из комментаторов, которые уделяли меньше внимания буквальному смыслу толкуемого текста или вовсе игнорировали его, тем не менее не отрицали его наличия. Например, стих Пс. 67:2 (ἀναστήτω ὁ θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ) понимался одновременно как призыв псалмопевца (Моисея или Давида) к Богу помочь Израилю в борьбе с идолопоклонниками и как пророчество о воскресении Христа и последующем торжестве истины. Сосуществование разных смыслов обеспечивалось лексической полисемией, поэтому экзегеты уделяли большое внимание обсуждению многозначных слов — не только тех значений, которые актуализировались в их интерпретации, но и других, ища в них дополнительный материал для сравнений, аналогий и т. п. Так,

Феодорит в толковании на Пс. 67:2 использует ἀνίσταμαι в значениях ‘подниматься, являться’, ‘воскресать’ и (с приставкой δια-) в близком к юридическому значению, в контексте суда: «Пора тебе, владыка, явиться (ἀναστῆναι) и осуществить спасение человеческого рода. Все полчище врагов немедленно обратится в бегство, рассеянное сиянием твоего пришествия (ἐπιφανείας). [Словом] же «ἀνάστασις», как говорили мы неоднократно, называет не только прекращение долго-терпения, но и то, что спаситель мира, после того, как принял за нас добровольную смерть, по трех днях воскрес (ἀναστῆναι). Так и мы часто побуждаем (διεγείρειν) добросовестных судей оказать помощь обиженным, прося их вступиться (διαναστῆναι) и пресечь произвол обидчиков» (Interpr. 1376). Ориген посвящает половину своей 1-й гомили на 67-й псалом стиху 2 (Hom. 7, 2–5). Все его рассуждения построены на полисемии глагола ἀνίσταμαι: обсуждаются значения ‘просыпаться’, ‘возглавить собрание (святых и праведников)’ ‘воскреснуть’, причем последнее понимается в трех смыслах — воскресение Христа, воскресение Спасителя внутри «каждого из нас» и воскресение всех христиан как членов тела Христа.

Вернемся к заданному в начале статьи вопросу о значении **вѣскрьснѣти** в Пс. 67:2 и сходных местах. Несомненно, выбирая этот глагол в качестве эквивалента ἀνίσταμαι, переводчики вводили в текст псалмов христианизующую интерпретацию. Придавался ли ему при этом только специализированный смысл, как в Евангелии и в разобранных выше местах из той же Псалтыри? Это означало бы полный отказ от передачи буквального, «исторического» содержания текста. Первые переводчики Псалтыри были учеными византийцами, несомненно разбиравшимися в тонкостях ветхозаветной экзегетики, но в то же время их задача была миссионерской — перевести библейский текст на язык новообращенных славян. В принципе, можно представить, что проблема многозначности псалтырного текста решалась ими в сторону упрощения, с тем чтобы внедрить в сознание недавних язычников новые понятия. Не случайно для первого перевода на славянский толковой Псалтыри (созданного в Западной Болгарии через несколько десятилетий после кирилло-мефодиевского перевода) был выбран «Краткий комментарий» Псевдо-Исихия, в котором последовательно проведена радикальная христологическая линия интерпретации псалмов, а исторический контекст выносится за скобки. Но тогда при обращении к конкретным контекстам возникают две проблемы.

Первая заключается в том, что центральная концепция христианской экзегетики — о ветхозаветном авторе, который вполне осознавал лишь открытую ему реальность и ее описывал, а тот смысл, который должен был через него открыться будущим поколениям, транслировал бессознательно или лишь смутно угадывая, — подразумевает, что первый, буквальный смысловой план существует как материальная данность в своей целостности и непрерывности, а второй, открываемый интерпретаторами, может быть прерывистым, пунктирным. Иначе говоря, текст может интерпретироваться на уровне фрагмента, без связи с его окружением, — либо с переключением фокуса внимания между смысловыми уровнями, так что на первом плане оказывается то один из них, то другой. При этом ключевым техническим приемом опять-таки служит игра на лексической полисемии — она позволяет легко переходить с одного уровня на другой. Это можно показать на примере толкований на Пс. 3:8, где чередуются или совмещаются три значения глагола ἀνίσταμαι — ‘подняться, чтобы действовать; проявиться в действии’, ‘пробудиться’ и ‘воскреснуть’:

ἀνάστα κύριε, σῶσόν με ὁ θεός μου,
 ὅτι σὺ ἐπάταξας πάντας τοὺς ἐχθραίνοντάς μοι ματαίως,
 ὀδόντας ἀμαρτωλῶν συνέτριψας
 ‘Поднимись, Господи, спаси меня, Боже мой,
 ибо ты поразил всех напрасно враждующих со мной,
 зубы грешников сокрушил’.

Христологическая интерпретация этого стиха имеет разные вариации. Например, Ориген (Sel. 1129) толкует его так: Бог, предав Христа в руки врагов (либо иудеев, либо невидимых сил, враждебных истине), как бы заснул, но пророк будит (διανίστησιν) его, тот пробуждается (ἀνίσταται) и спасает (σώσει) Сына (подразумевается его воскресение). Евсевий (Comm. PG 23, 97) приводит объяснение Оригена, предваряя его более эксплицитным: пророк, провидя будущее, в котором воскресший Христос (ἐκ νεκρῶν ἀναστάς) выведет из ада его душу, молится о том, чтобы воскресение наступило скорее (ἐπιταχῆναι τοῦ Κυρίου τὴν ἀνάστασιν), с тем чтобы и самому спастись. Это толкование использует и Кирилл Александрийский (Exp. 729), соединяя его с буквальным: Давид просит Бога явиться (ἀναστῆναι) ему на помощь.

Если в переводе этого стиха на месте многозначного глагола ἀνίσταμαι оказывается глагол с единственным значением ‘воскресать’,

то вся смысловая многомерность текста разом исчезает, а первые два слова (соответствующие словам *ἀνάστα κύριε*), которые должны однозначно пониматься как обращение к Христу, оказываются оторванными от следующих, обращенных к грозному Богу-мстителю, покровителю царя Давида, который в надписании 3-го псалма назван его автором.

Вторая проблема состоит в том, что христологическая интерпретация контекстов типа Пс. 67:2 или 3:8 подразумевает тем не менее ветхозаветную временную перспективу, положение дел до воскресения Христа; произносящий эти слова — пророк, Адам (человек) или израильский народ. При функционировании текста как чьего читатель/слушатель новозаветной эпохи отделен от субъекта речи огромным временным промежутком. Но у псалтырного текста есть другая очень важная и, собственно, основная функция — литургическая, когда псалмы читаются в церкви или при частном богослужении, и тогда они произносятся молящимися от первого лица и из временного плана настоящего. Кажется, что в этой ситуации представление о воскресении Христа как еще не состоявшемся событии с догматической точки зрения является nonsensom. Центральной миссионерской задачей первых переводчиков Св. Писания было налаживание богослужебного культа у славян, так что они должны были приспособить свой перевод к литургическому предназначению псалтырного текста.

Исходя из сказанного, представляется, что в обсуждаемых контекстах в глагол **въскръснѣти** вкладывался не только специализированный смысл — создав или приняв готовый термин, переводчики в этих случаях использовали его внутренний семантический ресурс (манипуляция, обратная той, которую проделывали с греческим словом византийские экзегеты: этимологическое значение выделялось из основного, терминологического ‘воскресать’ и актуализировалось в контексте, т. е. происходило возвратное движение от типологического к буквальному уровню смысла). Имея в виду invocativo-теофанический характер контекстов, можно предположить, что основным обортоном этого нетерминологического значения было не ‘пробуждение’ (напомним, что в Евангелии переводчики избегали использования **въскръснѣти/въскръсѣти** в значении ‘проснуться’, ‘разбудить’), а ‘(по)явление’ — ср. рефлексy **krъsnŏti*, **krěšъ* в южнославянских языках, хотя при скудости таковых в болгарском это предположение остается гадательным.

В одном примере из Псалтыри **въскрѣснѣти** употреблен вне христианизирующего контекста — без двойного смысла, и имеет значение ‘явиться’:

Песнь Моисея, (Втор. 32:)38. Речь идет о языческих богах: (къде сѣтъ **бси** ихъ...) да **въскрѣснѣтъ** (ἀναστήτωσαν) **и помогѣтъ вамъ** **и вѣдѣтъ вамъ покровители**²⁴.

В Псалтыри есть пара контекстов, на первый взгляд допускающих у **въскрѣснѣти**/ **въскрѣснѣти** значение пробуждения от сна в чистом виде — Пс. 43:24, 27 и 41:9, 11. Но в этих случаях у экзегетов встречаются христологические интерпретации с ἀνίσταμαι в смысле ‘воскресать’:

Пс. 43:24. Псалмопевец призывает Бога, прямо сравнивая его со спящим: **въстани** (ἐξηγέρθητι), **въскрѣснѣти** **г҃и**. **въскр(ѣ)ни** (ἀνάστηθι) **г҃и**; глагол **въскрѣснѣти** использован и дальше, в ст. 27: **въскр(ѣ)ни** (ἀνάστα) **г҃и помози намъ**.

Большинство комментаторов понимают эти стихи как общее описание несправедливости, царящей среди людей, либо как ситуацию Израиля в вавилонском плену — под сном Бога следует понимать его долготерпение²⁵. В том же смысле объясняет ст. 24 Ориген, но стиху 27 он дает христологическое толкование: «это сказано о Спасителе, когда он пребывал в земле во время страстей (κατὰ τὸν τοῦ πάθους καιρὸν)» (Sel. 1428). В «Кратком комментарии» эта интерпретация (наряду с традиционной) появляется уже при 24-м стихе: «стих в целом намекает на воскресение (τὴν ἀνάστασιν) Христа», продолжаясь при 27-м: «Господь, воскреснув (ἀναστὰς) из мертвых, осветил путь язычникам (τὰ ἔθνη ἐφωταύγησεν)» (Comm. br. ad loc.). Славянский перевод, видимо, имеет в виду это толкование.

²⁴ Ср. аллюзию на этот стих в эпизоде состязания Илии с жрецами Ваала в 3Цар. 18: жрецы тщетно призывают своего бога, а Илия насмехается над ними: «кричите громко, ведь он бог: видно, отвлекся (ἀδολεσχία αὐτῷ ἐστίν), или, может, занят делом (χρηματίζει), а то и заснул (καθεύδει) — так проснется (ἐξαναστήσεται)!» (ст. 27, версия Септуагинты). Антропоморфизм предикатов (в том числе «спит» и «проснется») соответствует здесь трагедийно-саркастическому тону. В песни Моисея другая стилистика — торжественно-обличительная, и едва ли тут можно понимать **въскрѣснѣтъ** в смысле ‘проснутся’.

²⁵ Eus. Comm. 389, Athan. Exp. 205, Didym. Comm. 324–6, Theodorus Exp. ad loc., Theod. Interpr. 909, Chrysost. Exp. 180, Cyr. Al. Exp. 1025.

Пс. 41:9. **Слово законопрѣ[стж]пно възложиша на мѧ' еда съпан не приложитъ въскрѣснѣти <...> 11 тѣи же ꙗко помидѣи мѧ и въскрѣси мѧ <...>.**

В Септуагинте речь идет о тяжело больном; он окружен врагами, ждущими его смерти и перешептывающимися (ст. 9): *μη ὁ κοιμώμενος οὐχὶ προσθήσει τοῦ ἀναστήναι*; — ‘этому, что слег, конечно, уже не встать?’ (глагол *κοιμάομαι* в данном случае означает ‘лежать в постели’). В ст. 11 сам больной просит Господа: *οὐ δὲ κύριε ἐλέησόν με καὶ ἀνάστησόν με* — ‘но ты, Господи, пожалей меня и подними (= исцели)’. Диодор (Comm. ad loc.) и вслед за ним Феодор Мопсуестийский (Exp. ad loc.) дают «буквальное» толкование, относя весь псалом к истории царя Езекии. У других комментаторов²⁶ представлена типологическая интерпретация: текст произносится от лица Христа; в стихе 9 он задает иудеям, замышляющим убить его, иронический вопрос: «неужели вы думаете, что если я умру, то не воскресну?». При этом комментаторы специально поясняют, что слово *κοιμώμενος* означает и ‘спящий’, и ‘умерший’; как сон завершается пробуждением, так и смерть — воскресением. В ст. 9 Христос говорит в сознании своей божественной природы, а в ст. 11 — прообразе моления о чаше — он просит Бога как человек (*ἀνθρώπινως*): «воскреси меня». Славянский перевод основан именно на этой интерпретации.

Чтобы оценить, насколько последовательно использован в переводе глагол **въскрѣснѣти**, нужно учесть и те случаи, где *ἀνίστημι* передан другими эквивалентами. Из них три — Пс. 34:2, 93:16 и Песнь Анны (1Цар. 2:)8 — допускают, в принципе, христианизирующую интерпретацию.

Пс. 93:16 **кѣто възстанетъ мнѣ на (ἀναστήσεταιί μοι ἐπί) зѣловоуѣштѣмъ' ли кѣто со мѣноуѣ станетъ на (συμπαραστήσεταιί μοι ἐπί) творѣштѣмъ беззаконеніе.**

Набор тем в соседних стихах — высший суд, спасение, надежда на Бога — позволяли объяснять этот стих эсхатологически: «Кто [как не Христос] будет моим заступником на Страшном Суде?» Такое толкование дают Кирилл Александрийский (Exp. 1232) и Афанасий (Exp. 407). В похожих контекстах, где говорится о божественном суде, в славянском переводе находим **въскрѣснѣти**: Пс. 73:22

²⁶ Origenes, Sel. 1413, Didym. Comm. 294, Theod. Interpr. 1165, Athan. Exp. 196, Cyr. Al. Exp. 996, Comm. br. ad loc.

въскрѣ[си] бже сѣди прѣж твое; 81:8 въскр(ѣ)ни бже сѣди земли; 75:10 вьнегда воскрѣснетъ на сѣдѣ бѣ. В данном случае этот глагол не подходил, так как требовалось передать юридическое значение греческого выражения ἀνίσταμαι ἐπί — ‘выступать защитником против (обвинений) кого-л.’, для чего годилось только сочетание **въстати на**.

Пс. 34:1–2 **Сѣди ꙗко обидѣшии мѣ възерани борѣштии мѣ съ со мною.**

Прими орѣжие и щитъ и въстани (ἀνάστηθι) въ помощь мою.

В этом случае только автор «Краткого комментария» счел возможным усмотреть в глаголе ἀνίσταμαι прямой намек на воскресение Христа: «Адам говорит Господу: возьми оружие — крест и щит воскресения и помоги мне» (Comm. br. ad loc.). Чтобы ввести подобную интерпретацию в перевод, потребовалось бы слишком сильно отступить от оригинального текста. Отчасти похожее толкование дает Дидим (Comm. 204): он видит в словах «оружие и меч» метафору во-человечивания Бога-Сына, но слово ἀνέστη понимает не в смысле воскресения: «встал (ἀνέστη) от чресл Отца... чтобы стать нашим защитником: пришел... чтобы пострадать за нас». Остальные экзегеты²⁷ не предлагают христологической интерпретации.

Песнь Анны (1 Цар. 2:):6–8 **Гъ мрѣтвѣтъ и живѣтъ низъводитъ въ адъ и възводитъ**

Гъ оубожитъ и богатитъ съмѣрѣетъ и въситъ

въздвѣтѣтъ (ἀνίστᾱ) отъ земли оубога и отъ гношста оустрабѣтѣтъ ништа да посадитъ и съ могжтми людьскыми и прѣстолъ славы наслѣдитъ емоу.

Толкований на библейские песни вообще мало — большинство комментаторов ограничивались собственно псалмами. Мне известны два комментария на песнь Анны: Феодорита (Quaest. Reg. 533) и Псевдо-Исихия (Comm. br. ad loc.); в обоих нет аллегорического толкования стиха 8. Евсевий в комментарии на Пс. 112:7–9 цитирует ст. 8 Песни Анны, сопровождая его общим толкованием: Господь поднял человеческую природу из бездны ада и посадил на трон власти и господства (Comm. 1352). Мессианско-эсхатологический смысл

²⁷ Eus. Comm. 297, Athan. Exp. 169, Origenes Sel. 1312, Theod. Interpr. 1109, Diod. Comm. ad loc., Theodorus Exp. ad loc.

этого текста видели скорее в более подходящих для такой интерпретации стихах 6 и 10.

Таким образом, в древнейшем переводе Псалтыри **въскръснѣти/ въскръѣснѣти** выбирается в качестве соответствия ἀνίστημι практически везде, где контекст допускает христианизирующую интерпретацию. При этом синоним ἀνίστημι — глагол ἐγείρω передается исключительно посредством **въстати**. Можно было бы предположить, что это связано с необходимостью различать синонимы в тех случаях, когда они стоят рядом в тексте — см. Пс. 7:7, 43:24 и Песнь Исаяи (26:19), где ἀνίστημι и ἐγείρω находятся в параллельных частях одного стиха. Такой переводческий прием описан К. МакРоберт на примере выбора соответствий для ἔλεος и οἰκτιρμός: по отдельности эти слова передаются в 1-й редакции Псалтыри словом **милость**, а если они оказываются рядом, то в переводе добавляется **щедрота** [MacRobert 1991:110]. Но ἐγείρω встречается в псалмах и без соседства с ἀνίστημι в аналогичных контекстах: суда — ср. Пс. 34:23 (ἐγείρω) vs. 9:20, 73:22, 76:10, 81:8 (ἀνίστημι); помощи против врагов — Пс. 58:5, 77:65 (ἐγείρω) vs. 3:8, 7:7, 16:13, 34:2, 67:2 (ἀνίστημι); в речи от первого лица — Пс. 56:9, 107:3, 138:18 (ἐγείρω) vs. 11:6 (ἀνίστημι). Очевидно, последовательно передавая эти синонимы разными эквивалентами, переводчики стремились дать представление о словесной форме греческого оригинала.

Как отмечал еще В. Погорелов в исследовании о Толковой Псалтыри Феодорита, «причины особого перевода иных мест можно понять лишь в связи с существующими толкованиями этих мест» [Погорелов 1910б: 231]. Влияние богословской интерпретации на псалтырный текст до сих пор исследовалось в основном на материале позднейших славянских редакций и в другом аспекте: рассматривались их отличия от древнего текста, объяснимые влиянием толковых переводов Псевдо-Исихия и Феодорита [MacRobert 2010]. Вопрос о роли христианской экзегезы в создании собственно древнего текста почти не затрагивался; чуть ли не единственным остается пример, приведенный К. МакРоберт [MacRobert 1991: 406]: Пс. 21:17 **пригвоздиша** (ῥυξάν) **нозѣ мои и рѣцѣ мои**; во всяком случае, Ф. Томсон в своей обзорной работе о славянской Псалтыри приводит его без добавлений [Thomson 1998: 806]. Конечно, этот пример отличается от нашего случая более резким отступлением от греческого текста. Тем не менее в том, как используется **въскръснѣти** в псалтырных контекстах, налицо смысловой сдвиг с опорой на византийскую ветхозаветную экзегезу. Показательно, что в редакциях Псалтыри XIV–XV вв., стремившихся

ся приблизить текст к греческому оригиналу, глаголы **въскрѣснѣти**/**въскрѣсити** заменялись на **въстати**, **въздвигнѣти** и др.²⁸

Как можно видеть по приведенным примерам, первые переводчики Псалтыри максимально использовали возможности аллегорической интерпретации — и это естественно, учитывая их миссионерскую задачу. Последовательного совпадения с кем-либо из экзегетов не наблюдается, но вряд этого и можно было бы ожидать, так как, во-первых, в IX в. в Византии были распространены толкования в катенах и экзегетических сборниках и ими пользовались не меньше, чем авторскими комментариями, а во-вторых, не всякое толкование может быть выражено в конкретном контексте на словесном уровне. Кроме того, рассмотренный материал фрагментарен и на нем невозможно строить догадки о том, какой именно экзегетической традиции и каким конкретно авторам оказывали предпочтение создатели славянского перевода, — подобная постановка вопроса требует масштабного исследования всего текста Псалтыри. Привлекая комментарии византийских экзегетов, мы имели в виду скорее показать тот фон, на котором в славянский перевод эксплицитно вводилась христианизирующая интерпретация, и проверить возможности этого метода для объяснения некоторых отклонений славянского перевода от оригинала (таких как **на сждѣ** — ἐν κρίσει в Пс. 1:5).

Источники

Новый Завет

Десподова 1988 — В. Десподова. Григоровичево евангелие бр. 9. Прилеп, 1988.

ЕИ — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 1998.

ЕМ — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Подг. А. А. Алексеев и др. СПб., 2005.

ОЕ — Остромирово евангелие 1056–1057 гг. Факсим. изд. Л.; М., 1988.

Ягич 1883 — И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

²⁸ Укажем примеры только из трех Псалтырей: Норовской (по [Чешко и др. 1989]), Киприановской (по критическому аппарату в том же издании) и Геннадиевской библии (по рукописи Син. 915). Формы глагола **въстати** вместо **въскрѣснѣти** читаются в Пс. 40:9 (Нор), 73:22 (Кипр и ГБ), 75:10 (Нор, Кипр, ГБ); в 40:11 вместо **въскрѣси** в Кипр и ГБ читается **въздвигни**, в Песни Исаяи (26:)14 **въскрѣсити** заменено на **въставити** в ГБ.

- Jagić 1879 — *V. Jagić*. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.
- Kurz 1955 — *J. Kurz*. Evangeliář Assemanův. Kod. Vatikánský 3. slov. D. 2. Praha, 1955.
- Nestle, Aland 1963 — *E. Nestle, rec. E(rwin) Nestle, K. Aland*. Novum Testamentum Graece et Latine. Ed. 22. Stuttgart, 1963.
- Tischendorf 1869 — *C. Tischendorf*. Novum Testamentum Graece (editio VIII). Vol. I (Evangelia). Leipzig, 1869.

Псалтырь

- Амфилохий 1879–1881 — *Архим. Амфилохий*. Древлеславянская Псалтирь Симоновская до 1280 г. М., Т. 1: 1880; т. 2: 1881; т. 3: 1879.
- Погорелов 1910а — *В. Погорелов*. Чудовская псалтырь XI в. Отрывок Толкования Феодорита Кирского на Псалтырь в древнеболгарском переводе (= Памятники старославянского языка. СПб., 1910. Т. III, вып. 1).
- Северьянов 1922 — *С. Н. Северьянов*. Синайская псалтырь, глаголический памятник XI века. Пг., 1922.
- Чешко и др. 1989 — *Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко*. Норовская псалтырь: Среднеболгарская рукопись XIV века. Ч. 1–2. София, 1989.
- Altbauer, Lunt 1978 — *M. Altbauer, H. G. Lunt*. An Early Slavonic Psalter from Rus'. Cambridge (Mass.), 1978.
- Jagić 1907 — *V. Jagić*. Psalterium Bononiense. Wien; Berlin; SPb., 1907.
- Mareš 1997 — Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N). Ad edit. praep. P. Fetková, Z. Hauptová, V. Konzal, L. Pacnerová, J. Švábová. Sub red. Fr. V. Mareš. Wien, 1997.
- Ralfs 1931 — Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum. Societatis Scientiarum Göttingensis auctoritate editum. X. Psalmi cum Odis. Ed. A. Ralfs. Göttingen, 1931.
- Tarnanidis 1988 — *I. C. Tarnanidis*. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Комментарии на псалмы²⁹

Афанасий Александрийский (Athan.)

Exp. — Expositiones in psalmos (CPG 2140). PG 27, p. 60–589.

²⁹ Все издания комментариев на псалмы, кроме Patrologia Graeca и Comm. br. Ягича, цитируются по электронным версиям, размещенным на сайте TLG: Thesaurus Linguae Graecae® Digital Library. Ed. Maria C. Pantelia. University of California, Irvine. <http://www.tlg.uci.edu> (accessed Oct.–Nov. 2020).

Дидим Александрийский (Didym.)

Comm. — Commentarii in Psalmos (CPG 2550). *M. Gronewald*. Didymos der Blinde. Psalmkommentar (Tura-papyrus) Teil V. Zu Ps. 40–44 (= Papyrologische Texte und Abhandlungen, 12). Bonn, 1969.

Диодор Тарсийский (Diod.)

Comm. — Commentarii in psalmos (CPG 3818). *J. M. Olivier*. Diodore de Tarse, Commentaire sur les Psaumes. Paris, 1972.

Евсевий Кесарийский (Eus.)

Comm. — Commentaris in Psalmos (CPG 3467). PG 23, p. 66–1396; 24, p. 9–76.

Иоанн Хризостом (Chrysost.)

Exp. — Expositiones in psalmos 43–49 (CPG 4413). PG 55, p. 167–258.

Исихий Иерусалимский (Hesych.)

De tit. — De titulis Psalmorum (CPG 6552). PG 27, p. 649–1344.

Кирилл Александрийский (Cyr. Al.)

Exp. — Expositio in psalmos (CPG 5202). PG 69, p. 717–1273.

«Краткий комментарий» Псевдо-Исихия

Comm. br. — Commentarius brevis (CPG 6553). *V. Jagić*. Supplementum Psalterii Bononiensis. Incerti auctoris explanatio Graeca. Vienna, 1917.

Никита Давид (Nic. David)

Comm. — *G. Dorival*. Le commentaire sur les Psaumes de Nicéas David // Revue des études byzantines. T. 39. 1981. P. 272–296.

Ориген (Origenes)

Sel. — Selecta in Psalmos (fragmenta e catenis). (CPG 1425(1f)). PG 12, p. 1053–1685.

Fragm. — Fragmenta in Psalmos in catenis, CPG 1426(II, 5): *J. B. Pitra*. Analecta sacra specilegio Solesmensi parata. Vol. 2–3. Paris, 1883–1884.

Hom. — Origenes Werke. Vol. 13: Die neuen Psalmenhomilien. Eine kritische Edition des Cod. Monacensis Gr. 314. Ed. *L. Perrone* (= Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. N. F., 19). Berlin ; Munich ; Boston, 2015.

Феодор Мопсуестийский (Theodorus)

Exp. — Expositio in psalmos (CPG 3833). *R. Devreese*. Le commentaire de Théodore de Mopsueste sur les Psaumes (= Studi e Testi, 93). Vaticano, 1939.

Феодорит Курский (Theod.)

Interpr. — Interpretatio in Psalmos (CPG 6202). PG 80, p. 857–1997.

Quaest. Reg. — Quaestiones in libros Regnorum et Paralipomenon (CPG 6201). PG 80, p. 528–858.

Словари

- Аникин 8 — *А. А. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 8. М., 2014.
- БЕР 2 — Български етимологичен речник. Съст. В. И. Георгиев и др. Т. 2. София, 1979.
- Даль 2 — *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955.
- РСХ 10 — Речник српскохорватског књижевног и народног језика. Т. 10. Београд, 1978.
- СЛРЯ 8 — Словарь русского языка (XI—XVII вв.). Вып. 8. М., 1981.
- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—49—. Л./СПб, 1965—2016—.
- ССЯ — Словарь старославянского языка. Т. 1—4. СПб., 2006. (Репр. изд. *Slovník jazyka staroslověnského*. 1—51. Praha, 1966—1997.)
- ЭССЯ 12, 13 — Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд. Вып. 12 — М., 1985. Вып. 13 — М., 1987.
- ARj — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb. D. 3 — 1887—1891, D. 5 — 1898—1903, D. 15 — 1956, D. 19, sv. 82 — 1971.
- Bańkowski 1 — *A. Bańkowski*. Etymologiczny słownik języka polskiego. Т. 1. Warszawa, 2000.
- BDB — *F. Brown, S. R. Driver, C. A. Briggs*. Hebrew and English Lexicon. Peabody (Mass.), 1996.
- Berneker — *E. Berneker*. Slawisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1908—1913.
- Bezljaj 2 — *Fr. Bezljaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 2. Ljubljana, 1982.
- Brückner — *A. Brückner*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (Repr.: Warszawa, 1985.)
- Ernout, Meillet — *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-e ed. Paris, 1959. (Retir. : 2001.)
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. 1—14. Praha, 1989—2010.
- Gebauer 2 — *J. Gebauer*. Slovník staročeský. D. 2. Praha, 1970.
- Holub, Kopečný — *J. Holub, F. Kopečný*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- HSSJ 2 — Historický slovník slovenského jazyka. D. 2. Bratislava, 1992.
- Lampe — *G. W. H. Lampe*. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
- Machek — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Vyd. 2. Praha, 1957.

- Miklosich EWSS — *F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Bern, 1886.
- Miklosich LP — *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862–1865.
- Muraoka 2009 — *T. Muraoka*. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Louvain; Paris; Walpole (MA), 2009.
- OLD — Oxford Latin Dictionary. Ed. P. G. W. Glare. Oxford, 1982. (Repr.: 2003.)
- ŘSI I/6 — Řecko-staroslověnský index. T. I, fasc. 6. Praha, 2012.
- Skok 2 — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 2. Zagreb, 1972.
- SłStPol 3 — Słownik staropolski. T. 3. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1960.
- Snoj — *V. Snój*. Slovenski etimološki slovar. 3-ja izd. Ljubljana, 2016.
- SSJ 4 — Slovník slovenského jazyka. D. 4. Bratislava, 1964.
- SSN 1 — Slovník slovenských nářečí. D. 1. Bratislava, 1994.

Литература и издания

- Горский, Невоструев II, 2 — *А. В. Горский, К. И. Невоструев*. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II. Писания святых отцов. Ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.
- И76¹ — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов; под ред. С. И. Коткова, М., 1965.
- И76² — Изборник 1076 г. 2-е изд. / Подг. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольшенко. Под ред. А. М. Молдована. М., 2009.
- Мушинская 2015 — *М. С. Мушинская*. Изборник 1076 года: Текстология и язык. М., 2015.
- Погорелов 1910б — *В. Погорелов*. Толкования Феодорита Кирского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Рассмотрение списков и исследование особенностей псалтырного текста. Варшава, 1910.
- Blenkinsopp 2000 — *J. Blenkinsopp*. Isaiah 1–39: A new translation with introduction and commentary (The Anchor Bible Commentary Series). New York, 2000.
- CPG — Clavis patrum graecorum. V. 1–5. / Ed. M. Geerard. Turnhout, 1974–1987.
- Greenberg 2007 — *M. Greenberg*. Resurrection in the Bible // Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. Vol. 17. USA–Jerusalem, 2007. P. 240–241.
- MacRobert 1991 — *K. MacRobert*. What is a Faithful Translation? Changing Norms in the Church Slavonic Version of the Psalter // The Slavonic and East European Review. Vol. 59. 1991. P. 401–417.

- MacRobert 1993 — *K. MacRobert*. A missing link in the early tradition of the Church Slavonic Psalter (the Tolstoy, Sluck and Vienna Psalters and MS 34 of the Moscow Synodal Typography) // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd 39. Wien, 1993. P. 59–81.
- MacRobert 1998 — *K. MacRobert*. The textual tradition of the Church Slavonic Psalter up to the fifteenth century // Krašovec (ed.). Interpretation of the Bible: The International Symposium in Slovenia. Ljubljana, 1998. P. 921–942.
- MacRobert 2005 — *K. MacRobert*. On the Problems of Identifying a ‘Preslav Redaction’ of the Psalter // Acta Palaeoslavica. Vol. 2. Ed. M. Dmitrova, P. Petkov, I. Hristova. Sofia, 2005.
- MacRobert 2010 — *K. MacRobert*. The Impact of Interpretation on the Evolution of the Church Slavonic Psalter Text up to the Fifteenth Century // Congress Volume Ljubljana 2007 (= Supplements to Vetus Testamentum. Vol. 133) / Ed. A. Lemaire. Leiden; Boston, 2010. P. 423–440.
- MacRobert 2018 — *K. MacRobert*. Re-evaluating the *Psalterium Sinaiticum*: the limitations of internal reconstruction as a text-critical method // Poznańskie studia slawistyczne. T. 14. 2018. P. 149–167.
- Molnár 1985 — *N. Molnár*. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.
- Οερκε 1964 — *A. Οερκε*. ἀνίστημι, ἐξανίστημι // Theological Dictionary of the New Testament. Ed. G. Kittel, G. Friedrich; transl. and ed. G. W. Bromiley. Vol. 1. Michigan, 1964. P. 368–370.
- PG — Patrologia Graeca. Ed. J. P. Migne. Paris, 1857–1866. Vol. 1–162.
- Pietersma 2001 — *A. Pietersma*. A proposed commentary on the Septuagint // Helsinki Perspectives on the Translation Technique of the Septuagint / Ed. R. Sollamo and S. Sipilä (= Finnish Exegetical Society, 82). Göttingen, 2001. P. 167–190.
- Schaper 1995 — *J. Schaper*. Eschatology in the Greek Psalter (= Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament, 76). Tübingen, 1995.
- Schumann 1958 — *K. Schumann*. Die griechische Lehnbildungen und Lehnübersetzungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
- Thomson 1998 — *F. J. Thomson*. The Slavonic Translation of the OT // Krašovec (ed.). Interpretation of the Bible: The International Symposium in Slovenia. Ljubljana, 1998. P. 605–920.
- Wiehl 1974 — *Irene Wiehl*. Untersuchungen zum Wortschatz der Freisinger Denkmäler: christliche Terminologie. Berlin, 1974.

И. С. Юрвева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ВРЕМЕННЫХ СОЮЗОВ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘КОГДА’
В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ
РАЗНЫХ ЖАНРОВ*

В статье будут рассмотрены синонимичные временные союзы с основным значением ‘когда’ и особенности их употребления в памятниках разных жанров древнерусской письменности.

Материалом исследования послужили следующие оригинальные тексты: берестяные новгородские грамоты (БГ), подлинники пергаменных грамот (ГВНП), произведение воинского эпоса — Слово о полку Игореве (СПИ), Слово Даниила Заточника (СДЗ), два древнерусских хождения — игумена Данила (ХИД) и Антония Новгородца (ХАН), летописи: Повесть временных лет (ПВЛ), Новгородская I летопись старшего извода (НПЛ), Киевская, Галицкая и Волынская летописи по Ипатьевскому списку (КЛ, ГЛ и ВЛ), Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (СЛ), церковнославянские тексты: Вопрошание Кириково (Кирик), поучения Иоанна-Илии (Пил) и Серапиона Владимирского (ПСер), Притча о душе и теле, Сказание о черноризском чине и Повесть о беспечном царе и его мудром советнике Кирилла Туровского (КирТур), жития Феодосия Печерского (ЖФП), Авраамия Смоленского (ЖАвр) и Леонтия Ростовского (ЖЛеонт). Для сравнения приводятся переводные восточнославянские памятники: Повесть об Акире Премудром (Акир), Александрия (Ал), Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ), История Иудейской войны Иосифа Флавия (ИИВ), Пчела (Пч) и ктиторская часть Студийского устава (УСт).

В качестве временных союзов со значением ‘когда’ в оригинальных древнерусских и переводных восточнославянских памятниках различных жанров используются **вънегда(же)**, **егда(же)**, **коли** и **къгда(когда)**. Все они, за исключением **вънегда**, могут также употребляться и как наречия. В настоящей работе основное внимание уделено союз-

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241 «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси»).

ной функции, но в ряде случаев отмечаются и особенности наречного употребления. В таблицах ниже отражена представленность каждого из четырёх синонимов в роли союза в рассматриваемых текстах.

Таблица 1. ‘Когда’ в грамотах, хожениях, СПИ и СДЗ

Союзы \ Памятники	БГ	ГВНП	СПИ	СДЗ	ХИД	ХАН
всего подчин.		136		89	193	45
со знач. ‘когда’	2	8 (6%) ¹	2	6 (7%)	24 (12%)	12 (27%)
егда	1			3	24 (100%) ²	8 (67%)
колн	2	8	2	3		1
къгда						3

Таблица 2. ‘Когда’ в древнерусских летописях

Союзы \ Памятники	ПВЛ	НПЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ
всего подчин.	1186	265	1276	346	196	201
со знач. ‘когда’	44 (3%)	3 (1%)	16 (1%)	5 (1%)	6 (3%)	11 (5%)
вънегда	2					
егда	40 (93%)	2	8 (50%)	3 (60%)	1	9 (82%)
колн	1		7		5	2
къгда	2	1		1		

Таблица 3. ‘Когда’ в оригинальных церковнославянских памятниках

Союзы \ Памятники	ЖФП	ЖЛеонт	ЖАвр	КирТур	ПИл	ПСер	Кирик
всего подчин.	907	20	203	111	194	81	416
со знач. ‘когда’	25 (3%)	2 (10%)	5 (2%)	9 (8%)	10 (5%)	2 (2%)	13 (3%)
вънегда	1		1				
егда	23 (92%)	2	4	8 (89%)	8 (80%)	1	4 (38%)
колн					2	1	6
къгда				1			1

¹ Здесь и далее в этой графе показан процент временных союзов со значением ‘когда’ среди всех подчинительных союзов.

² Здесь и далее в этой графе показан процент егда среди союзов со значением ‘когда’.

Таблица 4. 'Когда' в переводных памятниках

Союзы \ Памятники	Акир	Ал	ЖАЮ	ИИВ	Пч	УСт
всего подчин.	211	482	1699	2357	1860	603
со знач. 'когда'	11 (5%)	28 (6%)	100 (6%)	95 (4%)	145 (8%)	104 (17%)
вѣнегда(же)				3 (3%)	8 (5%)	18 (16%)
егда(же)	9 (82%)	25 (93%)	98 (99%)	88 (93%)	139 (96%)	85 (82%)
коли		1	1			
къгда	2			2		1

Следует отметить, что временные союзы со значением 'когда' среди всех подчинительных союзов не слишком частотны: их количество редко доходит даже до 10%. Яркие исключения из этой тенденции — переводной УСт с 17% и оригинальные хождения — ХАН с 27% и ХИД с 12%. Похоже, это напрямую связано с особенностями жанра. В ХАН к тому же временных союзов немного и в количественном отношении — всего 12 из 45 подчинительных союзов.

Наименее представлены в текстах **вѣнегда** и **къгда** (когда).

Вѣнегда

Вѣнегда, в отличие от трёх других синонимов, уже в старославянском языке выступает в основном как временной союз — только в Супрасльской рукописи есть примеры его употребления в качестве относительного наречия, ср.: **въ дни вѣнегда сѧ роди блаженѣи мѣченикъ полукѧрпъ ѣв тѣ ꙗвенеѣлиѡ ѣмерѡ тоу махаріѡу мѧртурос Полухѧрлов** Супр. 124, 22 [SJS, I: 310]. Независимых наречных употреблений нет.

Из домонгольских переводных восточнославянских памятников союз **вѣнегда** изредка встречается в ИИВ (3 примера, около 3% всех временных союзов) и Пчеле (7 примеров, около 5% всех временных союзов): 1) **тѣмѣже и сини моуѣжъ вѣнегда емоуѡ долѣ. и на всѣми тависѧ непобѣдимѣ тогда паде сѧ ниць съ великимѣ громомѣ запенсѧ ѡ камень** (ИИВ 452а:13–17, греч. ѡт'... тѡте 'когда... тогда'); 2) **а нынѣ, вѣнегда вѣпалѣ еси въ стрѣти, вѣскѣю забывѣ еси закона кѣстьствена** (Пч 405:14–17, греч. ѡте 'когда'). В ктиторской части Студийского устава этот союз относительно частотен — он употребляется

в 17 контекстах (около 16% всех временных союзов), ср.: 3) **вѣнегда** оубо игоумень ѿ сего житиѧ ошьдѣ. на вѣчьнаѧ прѣиде села. тѣгда не чрѣсь слово мьнихомѣ да боудеть вещь. нѣ по три днѣ. обьчноу млтѣвѣ же и постѣ сътворивъше. теплѣ божьство да оумолатѣ. тако достоиннаго гавити (УСт 238об:17–23, греч. ὀπρὶνίκα... τότε ‘когда/как только... тогда’).

Из произведений оригинальных жанров **вѣнегда** встречается только в ПВЛ и житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского, причём крайне редко.

В «Повести временных лет» **вѣнегда** присутствует в двух контекстах, один из которых — цитата из Притч, а в собственно летописном нарративе лишь одно придаточное предложение времени присоединяется с помощью **вѣнегда**: 4) **вѣзоренѣ** бываеѣтъ **вѣ** вратѣхъ мужъ еѧ. **внегда** аще садеть на соньници съ старци и съ жители земли (ПВЛ 32а:23–28, под 980 г. — ср. Притч. 31:23); 5) (Святополк убивает Бориса и Глеба) азъ вашей погивели посмѣюса. порадую же са **внегда** градеть на вы пагуба (ПВЛ 51d:20–23, под 1015 г.).

В житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского союз **вѣнегда** употребляется по одному разу: 6) **вѣнегда** во годѣ боудаше заоутрънюмоу пѣнню. и онѣмъ хотгашемъ блѣгословеник вѣззати отъ него. и кдинѣ отъ нихъ тихы шедѣ и ставѣ послушааше. ти слышашети и молащасѧ и вельми плачущасѧ и главою часто о землю биюща (ЖФП 45в:6–15); 7) дѣакони и (всѣ) црѣковници **внег(д)а** послаша по вѣжнаго оубе всѣмъ собравшимся слоугы еѣше тако зладѣвѣ влачахоу ввни роугаахоуца емоу инѣ же насмихаахоуца емоу (ЖАвр 330б:22–26/330с:1–5).

Как видно по жанровой принадлежности памятников и контекстным особенностям приведённых цитат, заимствованный церковнославянский союз **вѣнегда** воспринимается в древнерусской письменности как яркий признак высокой книжности. Он встречается очень редко: из летописей — исключительно в архаичной книжной ПВЛ, а в грамотах и хожениях не употребляется вовсе. В дальнейшем ситуация с **вѣнегда** сохраняется примерно такой же: совершенно этот книжный союз не пропадает, но остаётся достаточно редким. В Старорусском корпусе (далее СРК) в составе НКРЯ примеров с **в(ѣ)негда** всего 118 (из них 105 до XVI в.) — против 3 568 *егда*, 911 *коли* и 551 *къ/огда*³. Из произведений, входящих в Старорусский корпус, **в(ѣ)негда**

³ Даже учитывая, что часть вхождений трёх синонимов **в(ѣ)негда** — соответствующие наречия, это существенная разница.

употребляется в основном в оригинальных и переводных житиях и других текстах высоких жанров, посвящённых церковной тематике: это жития из Великих Миней четых митрополита Макария, Житие Василия Нового, Житие Корнилия Комельского, Житие Ольги из Степенной книги царского родословия, Житие Кирилла Белозерского, Житие Сергия Радонежского и письма Епифания Премудрого, Волоколамский патерик, Повесть о Петре и Февронии Муромских и Повесть о рязанском епископе Василии Ермолая-Еразма, Похвальное слово Антонию Сийскому и русским святым царевича Иоанна Иоанновича, Слово об осуждении еретиков и письма Иосифа Волоцкого⁴. Из произведений других жанров *в(ъ)негда* в Старорусском корпусе встречается почти исключительно в летописях: Никоновской, Новгородской Карамзинской, Вологодско-Пермской, Московском летописном своде, Степенной книге царского родословия. Некоторую экзотичность и формульность контекстов с союзом *в(ъ)негда* подчёркивают условия употребления. Так, из 14 нежитийных контекстов Степенной книги в СРК 7 — конструкции *dativus absolutus* и *dativus cum infinitivo*, ср.: 8) *Внегда же чьтушу ему, и тогда многихъ отъ пре[д]стоящихъ наипаче слезы подвиже, и тако бысть плачь и рыданіе на мнозѣ всѣмъ*; 9) *Внегда же ти ясти и пити, и тогда твори въ славу Божію*. Всего из выданных СРК 105 контекстов до XVII в. собственно летописных 21, из них 5 повторяются, например, приведённый выше контекст Степенной книги *внегда (же) чьтушу ему...* повторяется в Никоновской, Вологодско-Пермской, Новгородской Карамзинской летописях и в Московском летописном своде.

Помимо летописных контекстов, в СРК имеются редкие примеры употребления *внегда* в других исторических нарративах. Это два насыщенных признаками книжности контекста из Сказания о Мамаевом побоище, по одному — из Троицкой повести о взятии Казани и Истории о великом князе Московском Андрея Курбского, Повести о Савонароле Максима Грека и переводной Александрии XV в.: 10) *Етери же суще женяху, внегда всѣхъ доступиша и възвращахуся койждо под свое знамя* (Сказание о Мамаевом побоище); 11) *Внегда же присѣ время чести святоѣ Еуангелие, солнцу же восходящу, и егда кончаваше дияконъ и возгласи послѣднюю строку во Евангелии: “И бу-*

⁴ Здесь и далее названия источников, входящих в состав СРК, приводятся в соответствии с [НКРЯ].

дет едино стадо и един пастырь”, и абие яко сильный гром возгремѣ, и велми земля дрогну (Троицкая повесть о взятии Казани); 12) *Гдѣ у них отметание обѣтъ, их же даша Богови, внегда стрigoша влася?* (Повесть о Савонароле) [НКРЯ]. Ещё один старорусский контекст — из Плача о пленении и конечном разорении Московского государства, но *внегда* здесь — часть цитаты из Пс. 72:18: 13) *Обаче за щения ихъ положил еси злая и низложилъ еси ихъ, внегда разгорѣти им* [Там же].

Как видно по данным СРК, жанровая и контекстная ограниченность *внегда*, характерная для древнерусского периода, сохраняется и в старорусском. Все содержащие этот временной союз контексты очень книжные, основной жанр — жития. В летописях и других исторических жанрах союз *внегда* тоже используется, но ограничен контекстными условиями (обычно церковный или шире — христианский контекст) и/или синтаксически (ср. выше примеры с *dativus absolutus* и *dativus cum infinitivo*). В других произведениях оригинальных жанров — хожениях, грамотах, текстах древнерусского права — *в(ъ)негда* в СРК не отмечен.

Къгда

Ненамного чаще в исследованных древнерусских текстах встречается союзное употребление *къгда*. В отличие от *внегда*, у общеславянского [Кореѣнѣу 1980: 352] временного союза *къгда* в древнерусских текстах нет ни столь жёсткой жанровой закреплённости, ни специфической контекстной ограниченности. Из вошедших в настоящую статью переводных произведений союз *къгда* изредка употребляется в Повести об Акире, ИИВ и УСт, ср.: 14) *шбычати имѣ естъ. швратити плещи когда повѣжени боудѣтъ* (ИИВ 413а:23–25); 15) *да къгда кто въ трѣвовании тѣхъ боудеть. авикъ подовьныхъ полоучать* (УСт 241об:21–23, греч. *ὁπότε* ‘(тогда,) когда’) — и т. д. Из рассмотренных оригинальных произведений церковной дидактики *къгда* встречается один раз в Вопросании Кирика: 16) *И наквали ^чрѣ ложкою ис потира когда Ѡнимага* (521: 31–32) — и один раз в Притче о душе и теле Кирилла Туровского: 17) *да когда видиши тѣло погрєвено в землѣ не мни тѣ (сѣ)ща и дѣла* (292в:3–5). Из летописей союз *къгда* фиксируется в ПВЛ (2 примера, оба в одном контексте), НПЛ и ГЛ (по одному разу): 18) *рѣ же имѣ шльга. тако азъ мѣстила оуже швидѣ мѣжа своего. когда придоша киевѣ. второе и третьеє. когда творишѣ тризну мѣжеви*

своему (ПВЛ Лавр⁵, л. 16об, под 946); 19) ѿ великоѿ браіѿ чю^а. съвади оканьныи диваволь. **кѣгда** баше брани бѣгги на поганьпа. тѣгда са начаша бити межи собою (НПЛ 90об:15–18, под 1218); 20) рѣста бо емоу. аже даси королевичю **когда** восхощеши. можеш ли [лишнее, нет в др. списках] взѣти под нимь. даси ли данилови. в вѣкы не твои воудеть галичъ (ГЛ 750:15–18, л. 254об, под 1226). Из двух древнерусских хожений союз **кѣгда** есть только в Хожении Антония — в трёх контекстах, ср.: 21) а **когда** црь приидѣ. ꙗ тогда **о**крываю^т сребро (ХАН 13а:23–25). В житиях, как переводных, так и оригинальных, и в грамотах союз **кѣгда** не зафиксирован ни разу. В старорусский период, судя по СРК, частотность **кѣгда** в союзном употреблении тоже не слишком высока по сравнению с **егда** и **коли**: в период до XVII в. в большей части входящих в СРК памятников употребляется наречие **когда**, а союз фиксируется только в 17 произведениях — и тоже не встречается в житиях и грамотах.

Основными временными союзами в древнерусских текстах, в некотором отношении конкурирующими, были **егда** и **коли**.

Егда

Союз **егда** — самый распространённый. Он встречается в текстах всех жанров, за исключением грамот, как берестяных⁶, так и пергаменных, и СПИ. **Егда** ‘когда’ — наиболее частотный союз в хожениях (в ХИД это единственный временной союз, в ХАН он преобладает), Поучении Иоанна-Илии, в летописях, кроме Киевской и Волынской, в житиях и произведениях Кирилла Туровского. Среди выбранных восточнославянских переводных произведений в четырёх (Ал, ЖАЮ, ИИВ, Пч) доля **егда** выше 90% — как и в южнославянском Изб76 (61 из 62 примеров временных союзов со значением ‘когда’). В Повести об Акире и УСт — свыше 80%.

Изредка в старославянских и церковнославянских памятниках встречаются случаи употребления **егда** как относительного наречия: **придѣтъ же дньне. егда отъметъ са отъ ннхъ женихъ ѿтав ѿларѣи**

⁵ В Ипатьевском списке чтение хуже: **ре** же имъ ольга. како азъ оуже мьстила есмь мѣжа своею. **когда** придѣ^ш къ киеву и второе и третье. еже **когда** творашу^т трызъну мѣжо моему (ПВЛ 23б:25–28).

⁶ Единственный пример с **егда** в берестяных грамотах — фрагмент молитвы: **...егда** хощеша ма испытати... (БГ 652).

Мс 2,20 Zogr Mar [SJS, IV: 962]. Ср. в Пчеле: 22) **Съ въпросимъ, что опечалитъ блгы, и рѣ. егда лоукавнии славни боудуотъ** (Пч 178:8–10, греч. нет; в этом примере, впрочем, вполне вероятно условное употребление — не ‘когда’, а ‘если злодеи станут почитаться’). Ещё один случай фиксируется в Договоре с греками 912 г.: 23) **и тать будеть в томъ ча тать егда татьвѣ створи** (ПВЛ 13d:25–27). В оригинальных древнерусских текстах такое употребление не зафиксировано. Всё это косвенно свидетельствует о том, что **егда** был заимствован как специфически книжный союз.

В целом все рассмотренные восточнославянские переводные памятники демонстрируют очень высокую частотность **егда** для выражения значения ‘когда, всякий раз когда’. От минимума в 90% отклоняется только УСт — в сторону ещё более книжного **вънегда** — и Повесть об Акире, где во всём тексте только 11 временных союзов со значением ‘когда’.

В оригинальных памятниках процент употреблений **егда** зависит от жанровой принадлежности. В древнерусских житиях ситуация очень близка к ЖАЮ. В переводном ЖАЮ на долю придаточных с **егда** приходится почти 100% ‘когда’-предложений, ср.: 24) **егда же несмыслѣ онѣ наиграшася досыти. хотяху кто оуже пѹстити сѹщю вечеру** (ЖАЮ 382–383, греч. *ότε* ‘когда’). В оригинальных житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского **егда** — тоже почти единственный временной союз (исключение — по одному контексту с **вънегда** в каждом из памятников), в Житии Леонтия Ростовского единственный (правда, в этом житии всего 2 таких контекста), ср.: 25) и **егда хотяху страньнии отъити възвѣстиша оуноши свои ѿходъ** (ЖФП 28в:24–26); 26) **егда же въ болъшии възрастѣ прїиде всею телесною красотю и довротою тако свѣтъ синаше** (ЖАвр 324а:19–23); 27) и **егда начатъ дьяконъ сток еуальк гати приде кмоу гла гла...** (ЖЛеонт 97об:20–22).

В старорусский период **егда** в оригинальных житиях остаётся основным союзом со значением ‘когда’. Так, например, по данным СРК, в Житии Михаила Ярославича Тверского, Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича, Житии Сергия Радонежского Епифания Премудрого есть только *егда*. В прочих вошедших в СРК житиях примеров с *егда* — абсолютное большинство. На весь старорусский подкорпус НКРЯ наряду с *егда*-придаточными помимо синонимичных контекстов с *в(ъ)негда* обнаружен только один контекст с *къ/огда* — в Житии Корнилия Комельского.

В других церковнославянских текстах несколько иная ситуация. У Кирилла Туровского во всех трёх исследованных сочинениях только 9 союзов со значением ‘когда’. В Сказании о черноризском чине и в Повести о беспечном царе используется только **егда**, в Притче о душе и теле — 2 контекста с союзом **егда** и один с **къгда**. В Поучении Серапиона Владимирского всего 2 придаточных с ‘когда’-союзом — по одному примеру с **егда** и **коли**⁷. Можно сделать вывод, что в оригинальных собственно дидактических текстах такого рода — сочинениях Кирилла Туровского, Поучении Иоанна-Илии — как и в житиях, предпочтение отдаётся варианту **егда**, ср.: 28) **Ѹгда** жена носить въ оутрѣвѣ не велите еи кланатиса на колѣнь^х ни роукою до земан ни въ великыи постѣ (Пил 180:18–21); 29) **егда** же приде гнѣ възатѣ плодъ ѿ винограда и видѣ юго окрадена призва хромца (КирТур 294а:1–4). При этом в жанрово ином произведении церковного права — Вопросании Кирика — придаточных ‘когда’-предложений, вводимых союзом **егда**, меньше половины (38%, хотя нельзя забывать об общем небольшом их количестве), при этом все 4 **егда** в надёжных временных контекстах — только в репликах архиепископа Нифонта, ср.: 30) **рѣ** намѣ тако не дошле цѣрагра^а **къгда** оверѣтене възнеслѣ сѧ на нѣа^а (Кирик 523:11–15); 31) **къгда** ли кмлешь сорокооустѣкъ ѿ того наоучи и глѧ вратѣ авы ти како не съгрѣшати боле (Кирик 533об:2–6). В репликах самого Кирика **егда** (**егдаже**) зафиксировано только один раз, при этом, возможно, не во временном, а в условном значении: 32) Паки прашахѣ сего коли крѣатѣ дѣтѣ **къгда** же кстѣ не раздрѣшено даже принесоутѣ юго ни на вечерню ни на заоутреню а и роботою или оубожьствомъ или како хотѣци и дома ничтоже не пѣли кмоу дати ли кмоу причащаник на литоургии и полѣ дати дан **рѣ** (Кирик 527:6–20) — ‘когда/если крестят дитя, когда/если оно не разрешено (от грехов?), если его не принесут ни на вечерню, ни на утреню или из-за работы, или от нищеты, или по любой другой причине, и дома ничего ему не пели — давать ли ему причастие на литургии?’

В гномическом Слове Даниила Заточеника всего два контекста, включающих **егда** ‘когда’, при трёх употреблении этого союза: 33) *Но **егда** веселишиися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питіе, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; **егд[а]** лежиши на мякких постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа,*

⁷ В этом памятнике вообще исключительно редки временные союзы — например, помимо двух упомянутых, ещё дважды отмечен **дондеже**.

и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе (СДЗ 15:1–6); 34) *И рече мужу своему: господине мои и свѣте очю моею! Азъ на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю* (СДЗ 29:5–7).

В летописях представленность **егда** ‘когда’ зависит от близости летописного текста живому языку. Как правило, употребление **егда** тяготеет к определённым типам контекстов.

И в количественном, и в процентном отношении больше всего **егда** в Повести временных лет — 40 примеров, 93% всех союзов со значением ‘когда’. Чаще всего этот союз используется в пересказах Священного Писания или прямых цитатах из него, ср.: 35) **не печеться в дому своемъ мужъ ея. егда кдѣ бѹде** (32а:18–20, ср. Прит. 31:21); 36) **и бѣ адамъ в ран. и видаше ба и славаше егда англи славашу ба. и шнѣ с ними** (34d:24–27); 37) **егда же послаче вода излѣзе нон и снѣге его** (35d:16–17). Почти все прочие контексты с **егда** — либо из Договоров с греками, либо (большинство) относятся к церковной тематике (повествования о чудесах, о монастырях, о церковных лицах; в похвальных словах и т. д.), ср.: 38) **и аще что можетъ продати ѿ лодыа. воволочимъ имѣ мы рѹсь. да егда ходимъ въвъ грѣкы или с куплею. или в солву къ црѣви нашему. да пѹстимъ га съ чтѣю. проданое рѹхло лодыа ихъ** (14b:9–16, Договор с греками 912 г.); 39) **егда же бываеть годъ млтвы. мало ихъ шврѣтаеться въ цркви** (63с:6–8); 40) **аще ти бѣ подасть. прияти власть. стола меего (!) по братьи своен. с правдою а с не насильемъ. то егда бѣ ѿведеть тѣ ѿ житыа твоего. то тѹ лажеши идѣже азъ оу гроба моего** (79d:31–33/80а:1–5, похвальное слово Всеволоду Ярославичу, под 1093) — и т. п. Непосредственно с княжеским нарративом связаны только два примера с **егда** ‘когда’: 41) **егда же подопахѹтъся и начахѹ ропгати на князѹа** (47с:3–5, под 997); 42) **штрочи же его посылахѹ противѹ егда кто поженеть. по немь** (54с:15–18, под 1019).

В Новгородской I летописи два примера с **егда** — в Плаче о взятии города татарами, причѣм один из них — пересказ Священного Писания: 43) **яко рено въ дрѣвле. исоу наоугиноу вѣмь. егда веде га на землю обѣтованою. тогда рѣ. азъ послю на на преже васъ недооумѣние и грозоу. і страхъ и трепеть** (121об:18–21/122:1–2, под 1237); 44) **а епта оубаюде бѣ. ѿѣха проче во тѣ годъ егда рать остоупи градъ. і кто брае о семь не поплачет са** (122об:14–17, под 1237).

Из восьми употреблений **егда** ‘когда’ в Киевской летописи только одно — вне религиозного контекста: 45) **княже не ѣздѣ. товѣ лѣпо**

ѣздити въ вѣликѣ полку. и егда совокупшася съ братьею. а нынѣ пошли брата. которого люво ї берендѣевъ. нѣколко (1986:14–20, под 1172). Прочие примеры с временным союзом егда — из похвальных слов на смерть князей, рассказов о церковных лицах, о чудесах и т. п., ср.: 46) егда во тоснашеться оумрети за роускоюю землю. и за хрѣтыанты. егда во видаше. хрѣтыанты полонены ѿ поганѣхъ. и тако молваше дружинѣ своен. братья ничтоже имете во оумѣ своѣ. аще нынѣ оумреть. за хрѣтыанты. то учистився грѣховъ свои. и бѣ вмѣнить кровь нашу с мѣнкы (2156:13–23, под 1179); 47) егда же скончеваше весь постъ. и тако оучрѣжаше всю браю (1896:32–33/189в:1, под 1168) — и под.

Единственный пример из Волынской летописи с егда — отсылка к Священному Писанию: 48) и жидове плакоуся. аки и во взлтѣ иерлмоу. егда ведахотъ га во полонѣ вавилоньскни (920:18–20, под 1289).

Из 9 употреблений егда ‘когда’ в Суздальской летописи большинство, как и в КЛ, связаны с определённой ограниченной тематикой, ср.: 49) и егда приспѣ конецъ ему врѣмьнаго сего и многоматежнаго жиа. тихо и безмолвно преставися и приложися къ шѣмъ и дѣдомъ своимъ (437:14–17, под 1211, о кончине князя Всеволода Большое гнездо); 50) такѡ во дръвьята дни при езекии цри. еда приде сенахиримъ асиринскыи црь на иерлмъ хота п[л]ѣнити гра стѣи ерлмъ. внезапно изиде англѣ гнь... такоже бѣ при повѣдѣ александровѣ егда повѣди корола ве онъ полъ рѣкы ижжеры (480:25–33, под 1263; в похвальном слове Александр Невский уподобляется библейскому царю Езекии) — и т. д. Только один контекст с егда ‘когда’ в СЛ не содержит подобных отсылок: 51) егда же изби воаръ и повелѣ паломници тѣ пустити. а порты повелѣ дати паломнико избиты воаръ (481:4–6, под 1283).

Несколько иначе выглядит употребление союза егда ‘когда’ в Галицкой летописи. Оба егда-придаточных в ГЛ — вне непосредственно христианского контекста: 52) егда выѣхаше на поле и выѣгнаше загачъ на поле. в лѣсъ рошѣнниа не вохожаше воноу (817:12–14, под 1252); 53) егда ватын всю землю роускоюю поима. тогда и црвь стѡи тронцѣ зажжена бы (843:5–7, под 1259). Правда, в первом случае обсуждаются местные религиозные ритуалы, а во втором упоминается церковь. Возможно, употребление егда в ГЛ связано с общей ориентацией текста на высокие книжные образцы, что характерно для этой летописи в наибольшей степени по сравнению с другими раннедревнерусскими летописными памятниками.

Несмотря на особые контекстные условия, союз *егда* для ранних древнерусских летописей — как правило, основной для значения ‘когда’. Та же ситуация сохраняется в более поздних летописных текстах. Так, например, по данным СРК, в двух частях (первая и вторая выборка составителей корпуса) Новгородской Карамзинской летописи соответственно 31 и 21 пример придаточного предложения времени с *егда*, при этом в каждом отрывке по 3 с *коли* и по 1 с *когда*. В Тихановском списке Псковской I летописи 8 контекстов с *егда* и 2 с *коли*, в Псковской II летописи 20 *егда* ‘когда’ и 1 *коли* (еще 1 *егда коли*). При этом ограничений по тематике, по всей видимости, меньше, чем в древнерусских летописях. Доля нейтральных по этому признаку контекстов выше, ср.: 54) *Егда же бысть князь Юрьи на Москвѣ, а в то время Витовтъ, събрав силу многу, и ста у Смоленска* (Новгородская Карамзинская летопись); 55) *Егда же азъ прииду к граду, и вы взводъ ототните, а мостъ положите* (Там же); 56) *А егда сила псковъская быша под городкомъ, в то время псковичи биша челомъ на вечи посаднику Дорофѣю, и даша ему воеводство ехати со охочими людми в насадехъ воевати* (Псковская I летопись. Тихановский список); 57) *И егда быша за рубежом оусрѣтоша ихъ немецкая рать за 15 верестъ от Кирьяниге* (Псковская II летопись) [НКРЯ] — и т. д. Возможно, в старорусский период *егда* становится для летописей универсальным, «нейтрально-литературным» временным союзом в ‘когда’-предложениях.

Для двух древнерусских хождений *егда* — основной союз со значением ‘когда’, причём в ХИД он единственный. Этот союз выступает в хождениях точно в тех же условиях, что и в летописях: в пересказах или цитатах из Священного Писания, описаниях церковных служб, ср.: 58) и тѣбѣ самон дѣшюу вроуѣиѣ проидѣ. сирѣчь *егда* оузрши сѣа своего распинаема на крѣтѣ (ХИД 623а:1–4); 59) в томъ встровѣ. иванъ бѣгословъ. евалѣе написалъ. *егда* бѣ заточень с прохоромъ оучнѣкомъ своимъ (ХИД 619г:3–7); 60) а прѣ олтарѣ стон столпъ. мраморя ꙗ негоже хсѣ привязанъ бы. а доска. на нейже положѣ бы гъ. *егда* сняша его со крѣга. ꙗ тогда стѣя бѣа. плакала осязавши тѣло сѣа своего ꙗ бѣа. ꙗ шли слезы ея на доску тѣ (ХАН 8г:14–24) — и т. д. Но поскольку такие темы и составляют основное содержание хождения, возможно, по этой причине процент употребления *егда* в среднем выше, чем в оригинальных древнерусских текстах других жанров. Судя по СРК, в более поздних хождениях сохраняется та же тенденция. Из всех хождений, входящих в СРК, союз *егда* найден в Хождении на восток гостя Василия Поздня-

кова с товарищи и Хождении Игнатъя Смольнянина. В Хождении Василия Позднякова все 16 вхождений этого союза — в связи с христианской тематикой, ср.: 61) *Егда Исусъ Христосъ стоя на крестъ, глагола матери своей: “Жено, се сын твой”, и потом глагола ученику: “Се мати твоя”, от того часа поят в той домъ* [НКРЯ].

По данным исследованных текстов, в язык древнерусских памятников, близких живой речи, церковнославянский союз **егда** ‘когда’ проникает только с цитатами. Этого союза нет в грамотах, он отсутствует в Русской Правде в составе Новгородской кормчей и в Слове о полку Игореве. В других оригинальных произведениях древнерусского периода временной союз **егда** тяготеет к использованию в контекстах, связанных с христианской топиной, и тем самым оказывается практически единственным возможным вариантом для значения ‘когда’ в житиях, вкладывается в уста высоких церковных иерархов, и поэтому наряду с ещё более престижным синонимом **вънегда** употребляется в ПИл и ПСер, абсолютно преобладает в произведениях Кирилла Туровского, фигурирует в ответах новгородского епископа Нифонта Кирику в Вопрошании Кирика. Те же контекстные предпочтения характерны и для хождений и летописей и, видимо, по большей части сохраняются в среднерусский период, где *егда* становится, если так можно выразиться, «литературным» вариантом союза со значением ‘когда’: в СРК много употреблений **егда** ‘когда’ в житиях (переводных и оригинальных), посланиях, летописях. Из грамот, вошедших в СРК, *егда* употребляется только в Духовной грамоте и исповеди Евфимия Туркова, причём всего дважды — в цитате из погребальной стихире Иоанна Дамаскина и в молитве: 62) *Плачюся и рыдаю, егда помышляю смерть* [НКРЯ]; 63) *Егда начнеши творити испытание нашимъ согрѣшенимъ* [sic!], *еже согрѣшихом словом, и дѣлом, и помышлениемъ, тогда, преблагый Владыко, не обличи моя тайная и не посрами мене пред аггелы и чловѣкы, но пощади мя, Боже, и помилуй мя!* [Там же].

Союз **егда** изредка встречается в восточнославянских текстах в условном значении, как и все временные союзы со значением ‘когда’, за исключением **вънегда**. Это наблюдается и в старославянских текстах [SJS, IV: 962–966]. Из рассмотренных восточнославянских домонгольских переводов можно отметить по одному употреблению условного **егда** в Ал и ЖАЮ: 64) *александре црю, егда како възнесешися великою славою. егда дѣло равно бгоу исправшиши и роукама своима хощеши досагнути нѣси, блюди боудуцшаго* (Ал 69:22–24, греч. *ὁλόταν* ‘когда бы, в случае если, если бы’); 65) *тѹжаше же кпифанъ*

и молашаса (!) оугоднику бѣю. да вы створиша мѣть с нимь. егда⁸(!) припато се ксть ѿ ба̄ (3046—3048, греч. εἰ ‘если’). В оригинальных текстах случаи такого употребления столь же редки. Это, возможно, приведённый выше пример (32) из Вопрошания Кирика (егда же ксть не раздрѣшено) и один контекст из Жития Феодосия: 66) въ оутрини днѣ шедъ въ градъ. и оу продающинихъ да [и] възьмеша въ заимъ. иже ти на потребуоу братни. и послѣдъ егда богодѣлавъшюоумоу боу. ѿдамы дългъ ѿ бога (ЖФП 45а:10—17). В дальнейшем, как показывают данные СРК, условное употребление *егда* остаётся столь же редким.

Коли

Второй по употребительности временной союз ‘когда’ в древнерусской письменности — это **коли**. **Коли** как временной союз отсутствует в старославянских памятниках [Дограмаджиева 1984: 69—70] и, судя по [Кореєнѹ 1980: 356—360], характерен только для восточнославянских языков: употребление **коли** во временных придаточных Фр. Копечный отмечает только в древнерусских памятниках, украинском языке и диалектах и в белорусском языке [Ibid.: 358].

Именно союз **коли** ‘когда’ — единственный временной союз в грамотах и СПИ, ср.: 67) **а на гѹмни стои коли молотати** (БГ 358, 1340—1360 гг.); 68) **велѣла ксмь бити въ нѣ на вебѣдѣ коли игоуменъ вебѣдакть** (ГВНП 81:17—18, 1130 г., Жалованная Мстислава Юрьеву монастырю); 69) **а коли княже покедешъ въ новгородъ. тѣгда товѣ даръ кмати по постоганнамъ** (ГВНП 7:70—71, 1305—1307 гг., проект договора Новгорода с князем Михаилом Ярославичем); 70) **Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влькомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая коноя** (СПИ 191) — и т. д.

По данным СРК, такая ситуация сохраняется в грамотах и в последующий период. **Коли** ‘когда’ — единственный временной союз в договорных, данных, жалованных грамотах и абсолютном большинстве духовных (за исключением Духовной Ефимия Туркова — примеры (62) и (63) выше) среднерусского подкорпуса НКРЯ, ср.: 71) **А дан[а] грамота на Москвѣ июл[я] того лѣта, коли город Москва погорѣла** (Жалованная льготная и несудимая грамота великого кня-

⁸ В древнерусских и переводных восточнославянских текстах смешиваются частица *егда* ‘разве, неужели’ и союз *егда* — ср., например, в ПВЛ: $\widehat{рѣ}$ в себе $\widehat{е}$ гда како прелѣстивше изъвьють дръжнѹ мою и мене (28с:14—16) — вместо *егда* како ‘как бы не’.

зя Василия Дмитриевича игумену Троицкого монастыря Никону) [НКРЯ].

Из ранних древнерусских летописей представленность союза *коли* ‘когда’ выше в менее книжных текстах — КЛ и ВЛ. При этом из 7 контекстов КЛ, включающих этот союз, 5 входят в прямую речь светских лиц, то есть текст, по ряду параметров максимально близкий живой речи [Зализняк 2008: 55], один принадлежит прямой речи духовного лица, причём в диалоге с нецерковными лицами, и один употребляется в составе княжеского нарратива, ср: 72) *сѣгрѣшилъ есмь. и первое. а того сѣ каю. а изнова. коли ми бѣ далъ повѣдѣти игора. оу кыева. а ѿ есмь на тобѣ чѣти не положилъ* (КЛ 151г:15–20, под 1150, прямая речь князя); 73) *и послаша по нею рекуче. ваю ѿць добръ былъ коли оу насъ былъ. а поѣдѣта к намъ княжить* (КЛ 210а:32–33/210б:1–2, под 1175); 74) *вложимы и любо си в бѣди гробъ. да коли престанеть злоба си. да тогда пришедъ из володимера. и понесуть и тамо* (КЛ 209а:1–5, под 1175, слова игумена Арсения); 75) *и не слышахоуть его. коли е зовашеть в роускою землю в помощь* (КЛ 112в:18–19, под 1140, летописный княжеский нарратив). В ВЛ такого перевеса контекстов с прямой речью для *коли* ‘когда’ не наблюдается, но по сути контекстные условия сохраняются те же — или прямая речь, или княжеский нарратив: 76) *коли же оубыашеть кого. тогда веселъ башеть* (858:24, под 1262, статья о Воишелке); 77) *но рекъ ми есь былъ. в лахоухъ. коли есмь былъ. с телевоугою. и алъемъ* (902:18–20, под 1287, прямая речь).

В НПЛ *коли* не встречается вовсе — ни наречие, ни соответствующий условный союз. В ПВЛ и ГЛ — по одному примеру с союзом *коли* ‘когда’, в СЛ — два, один из которых идентичен примеру (73) из Киевской летописи. В ПВЛ и ГЛ союз отмечен в княжеском (воинском) нарративе: 78) *и тако бо шбычан имаше стѣполкъ. коли идаше на воинѹ или инамо. оли поклонивса. въ гроба фѣдосьева. и мѣтвѹ вземъ оу игумена сѹцаго. тоже идаше на пѹть свои* (ПВЛ 97б:11–17, под 1106); 79) *и не свѣдоуцимса самѣмъ. идеже кто биаше. егда же си ѿстоупахоу ѿ воишни же належахоуть на шны. а коли шни ѿстоупахоу. а шни належахоу на си* (ГЛ 755:17–21, под 1229). При этом единственный контекст с *коли* в ГЛ содержит и *егда*: возможно, появление *коли* в тексте имеет стилистические причины. Контекст с союзом *коли* из не общего с КЛ текста СЛ — как и пример (73), прямая речь светского лица: 80) *то се ты со мною цѣлова крѣтъ ходити нама по шдинои дѹмѣ шѣма. то ты коли рать бѣла со мною кси ко црю не бѣжа* (СЛ 482:21–23, под 1284, прямая речь князя).

В старорусских летописях, вошедших в НКРЯ, доля временных *коли*-придаточных очень низкая — примерно такая же, как в самых книжных ранних летописях: по одному-два примера против десятков с *егда*. Типы контекстов те же, что и в раннедревнерусских летописях: 81) *И выехаша противу имъ в Воронажь, и ркоша: «Коли нас не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ»* (Новгородская Карамзинская летопись); 82) *Коли князь Дмитрии был под Тферью, а в то время пришедше новгородци Великого Новаграда ушкуиници, разбоиници, 70 ушкуев, а старѣшина бяше у них Прокон, а другыи Смолнянин, и пришедше, взяша град Кострому* (Там же) [НКРЯ]. Судя по данным СРК, в старорусский период, в то время как доля *егда* как нейтрального временного союза в летописях растёт, доля *коли* снижается.

Из рассмотренных древнерусских хождений временной союз *коли* ‘когда’ есть только в ХАН — всего в одном контексте: 83) *ї горѣ на полатѣ^х стонѣ^т патрнархъ коли служа^т* (ХАН 56:11–13). В противоположность летописям, в старорусских хождениях в составе НКРЯ доля *коли* возрастает, но незначительно, ср.: 84) *И те птицы посла Богъ с небеси израильтяномъ, коли онѣ жили в Синайской пустыни 40 лет* (Хождение на Восток гостя Василия Позднякова с товарищи); 85) *И коли бывають рать с моря, и ту держат корабли и катарги, до треюсотъ* (Хождение Стефана Новгородца) [НКРЯ]. В тех хождениях, где есть и *коли*, и *егда*, *егда* встречается чаще (максимальное количество примеров с *коли* в Хождении Василия Позднякова — 6, синонимичных контекстов с *егда* — 16).

В древнерусских поучениях примеры с *коли* ‘когда’ единичны: 86) *ниедино^ѣ лѣ^ѣ или зѣ^ѣ прииде коли выхомъ не казнимѣ ѿ ба* (ПСер 82в:5–8, единственный пример). В обоих контекстах из Поучения Иоанна Илии временной союз *коли* входит в конструкцию произвольного выбора с причастием: 87) *а измѣлъливанте переди днѣмъ тѣ^ѣ дѣ^ѣ молтвы по ѿ^ѣ.ю а коли хрѣ^ѣгаче то все по ѿдѣноу* (Пил 178об:2–5); 88) *а причащенье даванте въ тоу ѿ^ѣ днѣн коли нѣ слоужаче* (Пил 178об:11–15). В Вопросании Кирика в 4 из 5 контекстов с *коли* ‘когда’ союз выступает в такой же конструкции. По всей видимости, употребление древнерусского союза *коли* поддерживается в контекстах такого типа наличием причастной конструкции, характерной для древнерусских текстов: 89) *а коли хотѣ^ѣ вдати вложи часть в потирь же вина влѣ^ѣн тако дан* (521:6–10); 90) *И иногда рѣ^ѣ достонит ѿ^ѣ ѿвати коли хотѣ^ѣ рѣ^ѣхъ* *рѣ^ѣ в томъ ксть еже иногда инако творити* (521:10–15); 91) *Рѣ^ѣхъ ци приливати воды к виноу коли даюче тако то ѿ^ѣ великоу говѣ^ѣнник творимъ*

слоужбоу постъноюю слоужаче (521:21–17); 92) а съсоуцими коли хотаче причащати са съсавше нѣтоу вѣды (526об:27–31) — только один раз коли вводит финитное придаточное предложение: 93) цѣригородѣ рѣ только в ѣнтѣи станеть коли мажють и мюромь (520:6–10). В старорусский период, судя по СРК, итеративные конструкции коли с причастиями в церковных посланиях закономерно утрачиваются, а редкость употребления этого союза сохраняется.

В Слове Даниила Заточеника все три употребления коли ‘когда’ — в одном контексте, и это пословица: 94) Коли пожреть синица орла, коли каменіе в(ѣ)сплавлет по водѣ, и коли иметь свиніа на бѣлку лаяти, тогды безумныи уму научится [СДЗ 24:4–6]. По всей вероятности, для автора СДЗ егда (ср. примеры (33–34)) был предпочтительнее, чем коли, и употреблялся более свободно.

В древнерусских житиях и произведениях Кирилла Туровского коли ‘когда’ отсутствует. По данным старорусского подкорпуса НКРЯ, только в двух непереводах житиях до XVII в. встречается коли ‘когда’: один контекст из Жития Никандра Псковского и два — из Жития Корнилия Комельского.

Что касается проанализированных домонгольских переводных текстов, то в них временное коли употребляется иногда в придаточных предложениях как относительное наречие, ср.: 95) аще ли си дѣни ѿпоустимъ. то не вѣмы коли ныи вбращемъ (ИИВ 433в:34–35, греч. *лотѣ*). Такое относительное употребление наречия коли отмечено ещё в старославянском, ср.: дѣвѣши ли не вѣдѣвѣше кде погревенъ ксть. оувѣдѣвѣши коли оумьрѣ лоте Supr 315, 28 [SJS II: 39].

Коли как временной союз в рассмотренных переводных произведениях встречается всего дважды — в Александрии и в ЖАЮ: 96) да попециса, коли хошетъ снити съ мною, да и азъ приготоуенаа жениху гавлюса (Ал 10: 4–5, в греч. нар. *лотѣ* ‘когда’); 97) не азъ ли тѣ видихъ. коли кси взалъ ѿ плода и снѣлъ кси (ЖАЮ 2427–2428, в греч. *лѣс* ‘как’). При этом в ЖАЮ греческий текст предполагает несколько иной перевод, так что здесь проявилась особенность языка восточнославянского переводчика.

Изредка в оригинальных памятниках попадает условное употребление коли. Однозначных примеров такого употребления не так много: в большинстве случаев это соотносительные конструкции с тъгда, и нельзя однозначно выделить условное значение. Самым надёжным представляется контекст из КЛ: 98) аче ми самому нѣлзѣ а помочи коли хочеши ꙗ ли тѣсачъ боша ли а то ти послю

(КЛ 148а:26–29) — *Если мне самому нельзя <воевать>, а помощи если хочешь, десять ли тысяч, больше ли — а это я тебе пошлю*. Согласно [Корецнý 1980: 358], помимо восточнославянских языков, условное **коли** отмечается в южнославянских: Фр. Копечный приводит пример из старосербского языка и болгарского языка конца XIX в., ср.: *коле не зальга, не ще ся научи... коли има конь, не ще ходи пьши* [Геров, 2: 387]. При этом, как говорилось выше, *коли* как временной союз для южнославянских языков не характерен. Но поскольку для временного союза условное значение вторично, логично предположить исходный временной союз — возможно, союз в обоих значениях употреблялся в истории южнославянских языков достаточно маргинально. По крайней мере, во всех исследованных переводных церковнославянских текстах условного **коли** нет вовсе, а временной союз встречается исключительно редко. В современных словарях болгарского и сербского языков *коли/коле* также нет.

Данные исследованных памятников показывают, что четыре синонимичных союза со значением ‘когда’ в древнерусских текстах занимали разное положение. Два из них — **вънегда** и **къгда** — крайне редки. Церковнославянский **вънегда** свойствен наиболее книжным жанрам, употребляется в основном в житиях, при этом зачастую в особых синтаксических конструкциях, таких как *dativus absolutus*. В старорусских текстах сохраняется и редкость употребления **вънегда**, и его жанровая закреплённость. Общеславянский **къгда** в оригинальной древнерусской письменности почти столь же редок, как и **вънегда**, но, в отличие от него, привязан к «средним» жанрам: этого союза нет в житиях, но нет и в грамотах. Та же ситуация с **къгда** сохраняется и в старорусский период.

С употреблением временных союзов **егда** и **коли** в древнерусских текстах разной жанровой принадлежности ситуация зеркальная. Существуют крайние позиции: в текстах наиболее высоких книжных жанров, в житиях, употребляется только заимствованный **егда** и вовсе не допускается употребление живого древнерусского **коли** — напротив, в грамотах отсутствует **егда**, за исключением непосредственных церковнославянских цитат. Между этими полюсами наблюдается чёткая зависимость от контекста: **егда** используется в нарративе, но его употребление связано с религиозными контекстами, а в церковных произведениях закреплено как более престижное — в частности, союз **егда** употребляется в речи лиц более высокого статуса. **Коли**, как менее престижный синоним, включается в поучения и проповеди, но

с большими ограничениями, а в летописях допустим для княжеского нарратива или прямой речи нецерковных лиц.

В старорусский период *егда*, видимо, становится более нейтрально-«литературным», а *коли*, наоборот, сильнее маргинализируется.

В древнерусских оригинальных памятниках разных жанров *вънегда*, *егда*, *коли* и *къгда* распределяются следующим образом. В берестяных и пергаменных грамотах нормативный вариант — *коли*; только один раз в берестяной грамоте встречается *егда* — в церковнославянской цитате. В Слове о полку Игореве единственный союз для выражения значения ‘когда’ — *коли*. В Слове Даниила Заточника используются и *коли*, и *егда*, но, вероятно, автор Слова предпочитал *егда*. В хождениях абсолютное большинство ‘когда’-придаточных вводится союзом *егда*: только в Хождении Антония зафиксированы единичные примеры *коли* и *къгда*. Для древнерусских летописей в среднем более частотен *егда* ‘когда’, но вполне допустим его синоним *коли*: употребление обоих союзов распределено по типам контекстов. В единичных случаях в ПВЛ, НПЛ и ГЛ фиксируется *къгда*, а исключительно в ПВЛ — *вънегда*. В Вопросании Кирика используются *егда* и *коли*, причём *егда* — в репликах епископа Нифонта, а *коли* — самого Кирика, но, как правило, в составе причастной конструкции со значением произвольного выбора. В поучениях Иоанна-Илии и Серапиона Владимирского из двух имеющихся союзов со значением ‘когда’ предпочитается *егда*; *коли* встречается редко, и его употребление в основном ограничено синтаксически — теми же конструкциями, что и в Вопросании Кирика. У Кирилла Туровского основной вариант — *егда*; только один раз — в Притче о душе и теле — зафиксировано придаточное времени с *къгда*. В оригинальных древнерусских житиях употребляются только *егда* и его ещё более книжный синоним *вънегда*.

Источники, словари и литература

- Акир — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире премудром. М., 1913.
 Ал — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов: Исследования и текст. М., 1893 [НКРЯ].
 БГ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. Часть вторая. Тексты с комментариями. С. 239–695.
 ВЛ — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Вейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

- Геров, 2 — *Н. Геровъ*. Рѣчникъ на бльгарский языкъ. Ч. 2. Е—К. Пловдив, 1897.
- ГЛ — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715—848.
- Дограмаджиева 1984 — *Е. Дограмаджиева*. Обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984.
- ЖАвр — Житие Авраамия Смоленского (ГИМ, Увар. № 350-1°. Л. 322—343) [НКРЯ].
- ЖАЮ — *А. М. Молдован*. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000. С. 159—450 [НКРЯ].
- ЖЛеонт — Житие Леонтия Ростовского (РГБ, ф. 304.I, № 745. Л. 94—97об.) [НКРЯ].
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 71—135.
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
- Изб 76 — Изборник 1076 г. 2-е изд. / Подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольщенко. Под ред. А. М. Молдована. М., 2009.
- ИИВ — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод // Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1—2. М., 2004.
- Кирик — Вопросание Кирика по Новгородской кормчей (ГИМ, Син. № 132. Л. 518—539) [НКРЯ].
- КирТур — Кирилл Туровский. Притча о душе и теле (ГИМ, Чуд. 20. Л. 286об.—294об.), Повесть о беспечном царе и его мудром советнике (ГИМ, Син. № 935. Л. 72—81об.), Сказание о черноризском чине по Новгородской кормчей XIII в. (ГИМ, Син. № 132. Л. 604—611об.) [НКРЯ].
- КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения 20.09.2020)
- НПЛ — Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
- ПВЛ — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 2—285.
- ПВЛ Лавр — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 1—286.
- Пил — Поучение Иоанна-Илии // Сборник слов, полемических произведений и апокрифов (РГБ, ф. 236, № 147. Л. 174—184об. + РГБ, ф. 304.I, № 204. Л. 239—239об.) [НКРЯ].
- ПСер — Поучение Серапиона Владимирского (РГБ, ф. 304.I, № 11, л. 78об—86) [НКРЯ].

- Пч — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I—II. М., 2008.
- СДЗ — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подгот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932.
- СЛ — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 287—540.
- СПИ — Слово о полку Игореве [Зализняк 2008: 461—475].
- УСт — Студийский устав. Ктитурская часть // А. М. Пентковский. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 368—420 [НКРЯ].
- ХАН — Хождение Антония, или Книга Паломник Антония Новгородца (РНБ, Q.IV.412. Л. 1—13об.) [НКРЯ].
- ХИД — Хождение игумена Данила (ГИМ, Син. № 181. Л. 618—646об.) [НКРЯ].
- Кореčný 1980 — *Fr. Kopečný*. Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Svazek 2. Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia. Praha, 1980.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Т. I—IV. Praha, 1958—1983.

А. А. Пичхадзе

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

**ЖАЛЬ И РОДСТВЕННЫЕ
СЛОВА В ОРИГИНАЛЬНОЙ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ:
СЕМАНТИКА И ДИСКУРС***

А. М. Молдовану принадлежит глубокий анализ нетривиальной семантической эволюции существительного **обида** и других слов этого гнезда, которые играли особую роль в древнерусской письменности. В работах [Молдован 2007; 2011] показано, что они стали обозначать эмоцию лишь с XVIII в., а в средневековый период передавали идею нарушенного правового порядка, несправедливости, насилия, материального и физического ущерба, поражения, урона чести и т. п. Особенно широко указанные значения представлены в древнерусских памятниках [Молдован 2011: 453], поскольку соблюдение или нарушение установленного порядка и прав личности — ключевые темы не только юридических, но и летописных восточнославянских текстов, весьма актуальные также для эпоса. В Новое время **обида** и родственные слова начинают обозначать чувства человека, подвергнувшегося несправедливости или насилию, потерпевшего материальный или моральный урон. Таким образом, лексика, первоначально связанная с правовым полем и социальными отношениями, переходит в сферу эмоций и внутреннего мира человека.

А. М. Молдован задается вопросом, почему в древности **обида** не означает чувства, которое испытывает тот, кому нанесена обида, и склоняется к мысли, что эта сложная индивидуальная эмоция не была в достаточной степени типизирована и потому не фиксировалась древним дискурсом [Молдован 2007: 267]. Рискну предположить, что чувства, которые возникают при нарушении справедливого порядка и причинении насилия и ущерба, в древнерусском языке обозначались словом **жаль** и однокоренными производными.

* Статья подготовлена в ходе работы над проектом «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси», поддержанным РФФИ (№ 20-012-00241).

Их история во многом зеркально отражает эволюцию слова *обид* и родственных производных. *Жаль*, *жалити(си)*, *жаловати(си)*, *желѣти*, *желл* исходно обозначали сильную боль, о чем свидетельствуют их индоевропейские соответствия — лит. *gėlà* ‘жестокая боль, мучение, мука’, *gėlti* ‘болеть; жалить’, д.-в.-нем. *quāla* ‘мука’, *quelan* ‘испытывать острую боль’, арм. *keł* ‘нарыв’ [Фасмер II: 35, 45; EWD 1348–1349]. В славянских языках слова этого гнезда имеют значения ‘душевная боль, скорбь’, ‘быть уязвленным, скорбеть’. Однако, в отличие от других синонимов (*горе*, *печаль*, *скървь*, *моўка*, *тоўга*, *тўска* и др.), *жаль* и родственные производные в древнерусских текстах обозначают эмоцию, которая не ограничена внутренним миром человека, но проявляется в действии и получает социальную манифестацию.

Существительное *жаль* в древности фиксируется в памятниках восточнославянского происхождения, а также — в значении ‘гробница’ — в Мариинском евангелии [ССЯ I: 591–592]. Из древнерусских летописей его используют самые ранние: Повесть временных лет, Киевская и Новгородская I летописи. Оно всегда выступает в роли предиката. Типичная ситуация, в которой употребляется существительное *жаль*, состоит в том, что его объект (обозначаемый родительным падежом) подвергается несправедливости или насилию и требует защиты, т. е. восстановления справедливости:

- (1) Пока Святослав воюет на Дунае, печенеги осаждают Киев и чуть было не берут в плен его детей и мать Ольгу; киевляне обвиняют Святослава в пренебрежении своими обязанностями: *ты княже чюжега земли щещи и блюдещи. а своєга са ухавивъ. малы бо насъ не възаша Печенѣзи. мѣръ твою и дѣти твои. ащ(є) не поидещи ни вбраниши насъ. да паки ны возмѣтъ. аще ти не жальъ вчины своєга. ни мѣре стары сѣща и дѣттии свои(х) ПВЛ [ПСРЛ I: 67].* Примечательны здесь слова *чюжега земли... блюдещи*: первейшая обязанность князя — «блюсти», т. е. хранить и защищать свою землю. В ответ на жалобу киевлян Святослав немедленно вернулся, собрал войско и прогнал печенегов;
- (2) Воевода Ярослава насмехается над Болеславом, угрожая проткнуть его толстый живот палкой. Болеслав обращается к своей дружине, называя чувство, которое должен испытать объект такого оскорбления: *аще вы сего оукора не жаль. азъ єдинъ погыну ПВЛ [ПСРЛ I: 143].* С этими словами он устремляется с войском на Ярослава и обращает его в бегство;
- (3) Святослав и Всеволод предупреждают Изяслава, что, если он нанесет Киеву большой ущерб, они будут считать его действия

- противоправными: **аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити гра(д).** **то вѣси како нама жаль штна стола** ПВЛ [ПСРЛ I: 173];
- (4) Мстислав Мстиславич обращается к новгородцам: **пришьль ксмь къ вамъ · слышавъ насильє ѿ князъ · и жаль ми своєа оѣины** Новг. I лет.¹, л. 76. Новгородцы призывают Мстислава, он отправляется в Новгород и снаряжает войско на нарушителей порядка;
- (5) Изгнанный новгородцами Ярослав со своим войском идет на Новгород, при этом прося помощи у татарского хана. Ему противостоит Василий Ярославич: **и се оучновъ кнѣзь василни ярославн(ч).** **присла послы в новъгоро(д).** **река та(к).** <...> **слышалъ есмь аже ярославъ идеть на новъгородъ. со всею силою своею.** <...> **жаль ми своєа оѣины.** **а самъ поѣха в татары.** <...> **и възврати татарьскою рать.** **тако рекъ ц(с)рви.** **новгородци прави.** **а ярославъ виноватъ** Новг. I лет., л. 149. Василий прямо заявляет, что действия Ярослава противоправны;
- (6) Владимир и Изяслав Давидовичи заявляют Изяславу Мстиславичу, что отложились от него потому, что он насильно удерживает их брата: **жаль бо ны естъ бра(т) нашего держиши.** **игоръ а шнъ оуже чернецъ и скимникъ.** **а поустн брата нашего а мы подлѣ тебе ѣздимъ** Киев. 1276:26;
- (7) После военных действий Владимир и Изяслав Давидовичи, чьи слова процитированы в предыдущем примере, вместе с другими князьями просят у Изяслава Мстиславича мира и призывают его не держать на них обиды (**не жалоуи**) за то, что они ополчились против него, потому что он сам нанес им обиду насилеием по отношению к их брату Игорю: **ны(н) же на на(с) про то не жалоуи.** **уже есмы оустали на рать.** **жаль бо ны естъ бра(т) своего игоръ** Киев. 1336:16;
- (8) Великий князь Святослав Всеволодович негодует на Игоря Святославича за то, что он пошел походом на половцев втайне от него, однако скорбит о нем, узнав о его поражении и пленении: **ш всемь да како жаль ми вшеть на игоръ.** **тако нынѣ жалоую болни по игорѣ.** **братѣ моемь** Киев. 2256:26. Ср. слова Святослава Всеволодовича в «Слове о полку Игореве»², из которых явствует, что он считал инициативу Игоря нарушаю-

¹ Новгородская I летопись цитируется по компьютерному набору, выполненному А. А. Гиппиусом и использованному в [НКРЯ].

² Цитируется по [Зализняк 2008].

щей должный порядок вещей: *О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвьлти, а себъ славы искати. Нъ нечестно одолъсте, нечестно бо кровь поганую проліясте* 112.

Приведенные примеры дают хорошее представление о типе дискурса, в котором в ранних древнерусских летописях используется слово **жаль**. Оно тяготеет к перформативному употреблению (ср. особенно пример (3)) и появляется в прямой речи персонажей, которые высказывают свои претензии — обиду — за причиненное насилие, несправедливость или незаслуженный позор, как в примере (2). Соответственно, отсутствие этого чувства говорит о том, что субъект не усматривает нарушения справедливости, ср. единственный встретившийся в летописях пример с инфинитивом:

- (9) **не жаль ми есть за свою злобоу прияти ноужьнага вса. нуже есмь приалъ.** азъ Киев. 2266:28 — Игорь Святославич признает, что претерпел свои беды по заслугам.

Жаль обозначает сильное чувство, которое не ограничено личной сферой; испытывающий его персонаж обычно предпринимает какие-то действия (бросается в бой, начинает войну или, как в примере (5), предотвращает её) или заявляет о том, что считает себя вправе их предпринять, как в примере (3). Это чувство очевидным образом не сводится к жалости, сочувствию; оно близко к досаде или даже негодованию и сопровождается ответом обидчику и борьбой за восстановление справедливого порядка вещей. Такое употребление характерно и для воинского эпоса, ср. контекст из «Слова о полку Игореве», где **жаль** заставляет героя броситься на защиту соратника в битве:

- (10) *Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода* 69.

На первый взгляд, **жаль** означает ‘жалость, сочувствие’ в следующем контексте из Повести временных лет:

- (11) **а сего чему не промыслите вже то начнетъ врати смердъ. и приѣхавъ Половчинъ оударитъ и стрѣлоу. а лошадь ког поиметь. а в село ког ѣхавъ иметь жену ког. и дѣти ког. и все ког имѣнье. то лошади жаль. а самого не жал ли** [ПСРЛ I: 277].

Действительно, значение ‘жалость’ в чистом виде представлено в (11) в первом случае, когда речь идет о лошади, но во втором, когда речь заходит о крестьянине, семантика слова не исчерпывается ука-

занием на сочувствие. Князья должны защищать своих подданных, их сочувствие по отношению к крестьянам должно выражаться в действии. Речь Владимира призывает князей не к жалости, а к совместным действиям против половцев — выслушав её, князья отправляются в поход. Значение ‘жалость, сочувствие’ — как сугубо внутренняя эмоция — у слова **жаль** фиксируется редко, главным образом в церковнославянских памятниках, см. [СДЯ XI—XIV 3: 233].

Наряду с **жаль** в древнерусских текстах употребляются еще два существительных того же корня — **жалость** и **жалоба**, оба в значении ‘печаль, горе’, наиболее близком к исходному ‘душевная боль’. Оба встречаются в «Слове о полку Игореве», причем печаль, о которой здесь говорится, вызвана сочувствием к Игорю и его войску: *ничить трава жалошцами 74; уныша цвѣты жалобю, и древо с(я) туюю къ земли прѣклонило 199.*

Однако в летописях существительное **жалость** приобретает другое семантическое измерение: оно обозначает скорбь по покойному:

- (12) и тако разидошася вси людие с жалостью великою Киев. 1086:1 — после похорон Владимира Мономаха;
 (13) идоша с нимъ соуждалю къ ѿцю с жалостью Киев. 125a:12 — о похоронах Иванка Юрьевича.

Таким образом, **жалость** сближается с **жаль** в том, что может обозначать чувство, проявляющееся в некотором социальном действии — траурном обряде. В примере (13) значения ‘печаль, скорбь’ и ‘траур’ невозможно разделить: речь идет о чувстве братьев и одновременно об обряде проводов покойного.

В то же время **жалость** используется в летописях для обозначения вербального выражения претензий по поводу нарушения правопорядка, т. е. жалобы на противоправные действия. Даниил, узнав о грабежах и усобицах галицких князей, посылает к ним своего стольника:

- (14) посла Іѡкова столника своего с великою жалостью. ко Добро-славоу. гла к нимъ. князь вашъ азъ есмь. повеленна моего не творите землю гравите Гал. [ПСРЛ II: 789].

Семантика, присущая существительным **жаль** и **жалость**, представлена и у однокоренных глаголов. В летописях редко употребляется глагол **жалити(си/са)** ‘печалиться, горевать’, в том числе по покойному (*стѣли же жалащеси плакахуся. по стѣомъ и добромъ кнѣзи Киев. 108a:24*), и ‘жаловаться’ — он характерен в основном для цер-

ковнославянских текстов [СДЯ XI–XIV, 3: 229–230]. Можно отметить, однако, контекст из Галицкой летописи, в котором владимирцы досаждают на себя за то, что поверили ляхам, потому что ляхи нарушили присягу: и жалѡхуся Володимерци емше имъ вѣры и присязѣ ихъ [ПСРЛ II: 720] ‘жалели владимирцы, что поверили им и их присяге’. Чаще в летописях встречаются приставочные образования сѣжали-тиси/сѣжалитисѧ и пожалити(си).

Для обозначения обиды и негодования по поводу несправедливости и насилия в древнерусских летописях особенно охотно используется глагол сѣжалитиси/сѣжалитисѧ. Иногда речь идет о военной агрессии и военном же ответе на неё:

- (15) Святослав узнает, что печенеги чуть не взяли в плен его мать и детей. Контекст является продолжением примера (1): цѣлова мѣрь свою. и дѣти своя. и сѣжалисѧ ѡ бывшемъ ѿ Печенѣгъ. и собра вои. и прогна Печенѣгы в поли ПВЛ [ПСРЛ I: 67];
- (16) слышавъ великыи кня(ѣ) Всеволодъ Гюргеви(ч)· <...> уже Улговичи воюю(т) с пога[ны]ми· землю Рүскюю и сжалиси ѡ томъ Сузд. [ПСРЛ I: 429]. Князь собирает войско и идет на обидчиков;
- (17) Болеслав напал на город своего брата Кондрата и подверг его полному разграблению: посем же Кондратъ посла посолъ свои ко братоу своему Володимерови. жалоушасѧ емоу ѡ свои соромотѣ. Володимеръ же сжаливси и расплакавсѧ р(ч)е. послоу бра(т) своего. брате Бѣ рчи боуди ѡмѣстникъ. твои соромотѣ. а се ѧ готовъ товѣ на помочь. и нача нараживати рать Вол. [ПСРЛ II: 883];
- (18) и сжалиси ѡ бывшемъ. уже Болеславъ воевалъ его землю. и посла ко братоу своему Володимерови река. емоу тако брате сложимъ с себе соромъ сѣи пошли возведи Литвоу на Болеслава Вол. [ПСРЛ II: 888]. Владимир посылает к литовцам, оба брата снаряжаются в поход.

Чаще всего этот глагол появляется в дискурсе, связанном с нарушением справедливости. Как правило, и в таких ситуациях тот, кому нанесена обида, отвечает обидчику с оружием в руках:

- (19) гюрги же в соромѣ сѣа своего сжаливъ совѣ р(ч)е тако ли мнѣ части нѣтоу в роускои земли Киев. 1366:17. С этими словами Юрий идет войной на обидчиков;

- (20) и слышавъ ѿць кѣго сжалиси река · тако ли мнѣ нѣтъ причастыа в земли Рѹсстѣи · и мон(м) дѣтемъ · и совкупивъ дружинѹ свою и воѣ и Половцѣ · надѣбася на Бѣ · и понде Сузд. [ПСРЛ I: 321];
- (21) понди княже хочемъ тебе · и слышавъ же се Изаславъ сжалиси · и понде с дружиною своею Сузд. [ПСРЛ I: 313] — Изяслав выступает походом против Игоря, который занял Киевский стол — не по праву и против желания киевлян;
- (22) Король ѿа Перемышь. ѿ Лестька Любачевъ. Лестько же сжалиси в срамотѣ свои. и посла к Новоугороду по Мьстислава. и реки братъ ми еси. понди и сади в Галичѣ Мьстислав же понде на Галичъ. <...> Мьстиславъ седе в Галичи Гал. [ПСРЛ II: 731];
- (23) Рогнеда-Горислава собирается заколоть обесчестившего её Владимира. Когда он хватает её за руку, она объясняет мужу-насилънику свои действия тем, что он надругался над ней и её родными: сжалиласи вахъ · зане ѿца монго ѡби · и землю кѣго полони мене дѣла · и се нынѣ не любвиши мене и съ младенце(м) симь Сузд. [ПСРЛ I: 300];
- (24) Давид клеветает Святополку на Василька, напоминая Святополку, что Василько убил его брата и теперь якобы злоумышляет на самого Святополка. Мысль об убитом брате уязвляет Святополка: Ѣтополкъ же сжалиси по братѣ свое(м) ПВЛ [ПСРЛ I: 257]. Он присоединяется к заговору против Василька.

На фоне этих контекстов нужно рассматривать и (25), где глагол сжалигитиси имеет неожиданный объект слоужьба; его неодушевленность указывает на то, что речь идет не о сочувствии. Князь Юрий Львович жалуется князю Владимиру на обиды со стороны отца и надеется, что Владимир оценит его верную службу по справедливости и, памятуя о ней, окажет помощь:

- (25) Бѣ вѣдаетъ и ты како ти есмь слоужилъ со всею правдою. своею имѣл тѣ есмь аки ѿца собѣ а вы товѣ сжалилоса. моее слоужьбы. а нынѣ г(ѣ)не ѿць моѣ. прислалъ ко мнѣ. ѿнимаетъ оу мене города. что ми былъ далъ Вол. [ПСРЛ II: 911].

Глагол сжалигитиси в сходных контекстах употребляется и в древнерусских переводных памятниках — например, в Александрии, где его греческим соответствием является ἀγανακτῆσαι ‘разгневаться’: брань вѣставлю на нь, дондеже мѣню собѣ. достонно оубо естъ и товѣ

сжалитиси, в нихъже пострадахъ, мстити мою срамотоу, поманоуѣше правду ѿць нашихъ 68 [НКРЯ].

В других типах дискурса в летописях реализуются другие значения этого глагола: ‘пожалеть, посочувствовать’ (съжалиси в погыбели людьстѣ Киев. 175а:9, то же Сузд. [ПСРЛ I: 347] и мн. др., ср. [СДЯ XI–XIV, 12: 380]) или ‘огорчиться, досадовать’ (и сжаливъси такъ без него пренесать [в др. сп. преносать] и [тело Феодосия]. всѣдъ на конь вборзѣ поѣха ПВЛ [ПСРЛ I: 210]), широко распространенные в церковнославянских памятниках [СДЯ XI–XIV, 12: 379–380]. Обозначает этот глагол и скорбь по умершему:

- (26) Оумре князь великий Ладьскыи Кондратъ. иже бѣ славенъ и предобръ. сожалиси по немь. Данило и Василько Гал. [ПСРЛ II: 810];
- (27) внъ же нача повѣдити. князь Лыско. мертвъ. Володимиръ же сжаливоси. и расплакаса по немь Вол. [ПСРЛ II: 909].

Глаголы пожалити и пожалитиси употребляются похожим образом, но менее активно. Значение ‘обидеться’ представлено не только в летописном дискурсе — ср. в Поучении Ильи XII в. по сп. XV в.: не можете на ма пожалити чи кого са годило коли взлюбѣти слово(м̄) 184:12 [НКРЯ]. Однако в летописном повествовании ощущение несправедливости, нарушенного порядка обычно является фокусом эпизода и в силу этого приобретает более острый характер, сближающий эту эмоцию с негодованием:

- (28) тѣгда же на своръ оубиша проуці овѣстрата. и снъ кго лоуготоу. и въвѣргоша и въ грѣблю мьртвъ. кнзъ же о томь пожали на новгородцѣ Новг. I лет., 81;
- (29) и пожалиси велми в томъ словѣ. сѣославъ уже ему повѣдѣ гешьргини Киев. 179а:20. Георгий передал Святославу требования его брата Изяслава, которые кажутся Святославу несправедливыми и нарушающими крестное целование;
- (30) а кыевъ вы не надобѣ и взговичи же сдоумавше и пожалиша себе. рекше ко всеволодоу ажь ны еси вмѣнилъ кыевъ. тоже ны его влюсти подъ твоею. И подъ сватомъ твонимъ рюрикомъ. то в томъ стоимъ. ажь ны лишитиса его велишь ѿиноудъ то мы есмы не оугре ни лахове. но единого дѣда есмы внѣци Киев. 237в:19–20.

Поэтому неудивительно, что в летописных контекстах чувство обиды обычно становится причиной военных действий против

обидчика. В примере (34) это чувство приводит Добрыну в состояние ярости:

- (31) Ярослав Черниговский узнает, что Всеволод и Давыд жгут его волость: *ярославъ собравъ. братью свою. и соудмавъ с ними. пожали земли своѣа <...> а самъ еха противоу всеволодоу. и двѣи совокоупивъ братью свою. и сновца своа. и дикыи половци Киев. 240а:31;*
- (32) Мстислав Изяславич убеждает братьев наказать половцев за их враждебные вылазки: *братье. пожалътеси ѡ рѹскои земли. и ѡ своѣи ѿцигѣ и дѣдинѣ. вже несѹтъ хр(ѣ)тыяны на встакѡ лѣто оу вежѣ свон. а с нами ротѹ взимаюче всегда перестѹпаюче Киев. 192а:29.* С этими словами он выступает в поход против половцев;
- (33) и пожалишаси велми. ростиславичи. вже ихъ лишаеть рѹскои земли Киев. 202в:6. Собравшись, Ростиславичи захватывают Киев и сажают на престол Рюрика, который должен был там сидеть по справедливости;
- (34) Владимир и его воевода Добрына мстят за слова Рогнеды-Гориславы, не пожелавшей идти замуж за Владимира, потому что он сын рабыни: *слышавше же Володимеръ разгнѣвася ѡ тои рѣчи вже р(ч)е не хочю ѡ за робничича. пожалиси Добрына и исполнисѡ ярости. и поѣмше вон идоша на Полтескъ. и повѣдиста Роговолода Сузд. [ПСРЛ I: 300].*

Наконец, довольно частотны в древнерусских памятниках глаголы *жаловати(сѡ)* и *пожаловати(сѡ)*. Они имеют те же значения, что и уже рассмотренные слова гнезда *жал-*, но значение 'обида' у них фиксируется редко, зато вербальное значение 'жаловаться', которое у глагола *жалитисѡ* представлено преимущественно в церковнославянских текстах, отмечается в летописях часто. Вот редкие контексты, в которых можно усматривать характерное для слов этого гнезда значение обиды на несправедливость и насилие:

- (35) и посла Володимеръ к братѹ. повѣдаѡ оубинство Игоревѡ и печаленъ вы(ѣ) Изяславъ. и жаловашесѡ на Кыпаны Сузд. [ПСРЛ I: 318];
- (36) ѡ на Литвоу не жалою(ѣ) вже мѡ воева(л). немирникъ мон. а воевал мѡ тако и гораздо. но на тѡ жалою. а Бѣ. воуди по правомъ. тѣ то расоудить. межи нами. и ѿселѣ заратишасѡ Вол. [ПСРЛ II: 864];

- (37) бра(тѣ)га же вси пожаловаша на мьстислава. вже оутанвьса нхъ пүсти в наворопъ Киев. 193а:6;
- (38) пожалова на нь. занеже чим са башеть емоу шбѣчалъ. и того не исполнилъ Киев. 240г:22.

Гораздо чаще встречаются контексты, в которых затруднительно определить, идет ли речь об обиде или о вербальном выражении претензий. Например:

- (39) ажe не вдасть то не жалүнте что са оудѣеть то вы виновати. то на васъ бүди кровь Киев. 110в:14 и т. п.

В то же время имеются многочисленные несомненные примеры вербального значения ‘предъявлять претензии, жаловаться’, в том числе в юридических текстах — договорах Руси с греками:

- (40) кому до мене шбида. и швѣща кмү Володимеръ ты кси прислалъ к на(м) хочю братага прити к ва(м). и пожаловатиса своета шбиды. да се кси пришелъ и сѣдишь с бра(тѣ)ю своєю. на шдино(м) коврѣ. то чему не жалүешьса до кого ти на(с) жалоба ПВЛ [ПСРЛ I: 273];
- (41) дружина. пригѣздаче к нему жаловахуотъ. что твориши кнѣже и поеди кнѣже прочь Киев. 141в:23;
- (42) аще оукраде(н) боу(д)тъ челадинъ Роу(с)кын. или оуксочи(т) или по нѣжи прода(н) боу(д)тъ. и жаловати начноу(т) Роу(с). покажетъ(с) таковое ш челадина. и да поимѣтъ [и] в Роу(с). но и гостие [аще] погоубиша челадинъ. и жалюють да ницо(т) ПВЛ [ПСРЛ I: 36] и др.

У этих глаголов есть также значения ‘скорбеть’ (да како жаль ми башеть на игора. тако нынѣ жалоюю болми по игорѣ. братѣ моемъ Киев. 225б:27), в том числе по умершему (и присла к нему рюрикъ сватъ. жалоуга про нь. зане бѣ моужь дерзъ и надобенъ в роуси Киев. 231г:21), и ‘жалеть, сочувствовать’ (ни соуда бѣа помнаше. ни жалоующе своета бра(тѣ)га. погравиша чюжата імѣнниа Новг. I. 157 об.). Кроме того, у жаловати имеется значение ‘ревностно относиться, проявлять рвение’, возникшее из ‘испытывать душевную боль, болеть за кого-л./что-л.’ и объединяющее в себе семантические компоненты значений ‘печалиться’ и ‘жалеть, сочувствовать’. В летописях оно не зафиксировано, но его можно обнаружить в древнерусском церковнославянском переводе «Истории Иудейской войны»: а нѣ(с) кто жалѣа ш бѣѣ съ мною [ИИВ I: 248]. Существительное жалость

‘рвение’, известное старославянскому языку [ССЯ I: 591], употребляется в «Слове о полку Игореве»: *Спала князю умь похоти и жалость ему знаменіе заступи — искусити Дону Великаго* 12.

К гнезду слова **жалъ** принадлежат также употребляющиеся в оригинальных древнерусских памятниках два слова с другой — краткой — ступенью чередования: **желл** ‘скорбь’ и **желѣти** ‘скорбеть’³. Первое слово, известное прежде всего по церковнославянским текстам, реконструируют вместо реально засвидетельствованного в издании *жля* в тексте «Слова о полку Игореве», где оно служит названием олицетворения скорби — очевидно, скорби по убитым, траура: *ж<e>ля поскочи по Руской земли* 81. Для этого слова предполагают также значение ‘жертва’ на основании контекста из статьи о грехах в Великих Минеях четых XVI в.: *желя роду и рожаницамъ: по Рожествѣ в понеделок муку варити святѣи Богородици* [Вершинин 2019: 44, 46]. Возможно, здесь имеется в виду обряд умилоствления; его название могло развиться из ‘вызывать к себе сочувствие’ > ‘умиловывать’, ср. выражение **милъ са дѣяти** ‘умолять (о милости, сочувствии)’ [СДЯ XI–XIV, 4: 534].

Второе слово — глагол **желѣти** — 4 раза встречается в Пространной редакции Русской Правды в значении, которое в [СДЯ XI–XIV, 3: 244] определено как ‘лишиться чего-л., проститься с чем-л.’, а в [СРЯ XI–XVII, 5: 84] — как ‘испытывать сожаление по поводу утраты чего-л.’. Глагол использован в статьях 32 (*О татбѣ*) и 35 (*О сводѣ же*). В статье 32 предписывается:

- (43) Паки ли бѹдетъ что татѣбно кѹпилъ в торгѹ <...> аже начнеть не знати оу когѹ кѹпилъ, то <...> истѹцю своѹ лице възати. а что с нимъ погнѣло. а тогѹ кмѹ желѣти. а оному желѣти своихъ кѹнѣ. зане не знаетъ оу когѹ кѹпивѣ. пѹзнаеть ли надолзѣ оу когѹ то кѹпилъ. то своѣ кѹны възметъ. і семѹ платити что оу негѹ бѹдетъ погнѣло Мерило Праведное (РГБ, ф. 304.I, № 15, XIV в., л. 335);
- (44) То же повторяется в статье 35: истѹцю лице възати. а прѹка кмѹ желѣти. что с нимъ погнѣло. а оному своихъ кѹнѣ желѣти. Мерило Праведное, л. 335 об.

В статье 32 говорится, что если человек купил краденое и заявляет, что не знает, у кого купил, то истец (у которого было украдено это имущество) забирает то, что наличествует у покупателя краденого,

³ Омонимичный глагол **желѣти** ‘желать’ и его суффиксальный вариант **желати** не связаны с гнездом **жалъ**, см. [Фасмер II: 40].

а всё остальное, что было украдено у истца, истец должен **желѣти**; купивший же краденое должен **желѣти** свои деньги, потому что он не знает, у кого купил товар. Если же спустя какое-то время он опознает того, у кого купил, то вернет свои деньги и оплатит истцу то, что у него пропало. Значение глагола **желѣти** здесь не вполне ясно. Очевидно, однако, что юридический текст не предписывает, какие эмоции должен испытывать пострадавший. Поэтому М. Н. Тихомиров [1953: 94] совершенно справедливо утверждает, ссылаясь на мнение П. П. Епифанова, что значение ‘жалеть’ здесь неуместно и что глагол указывает на право потерпевшего вести дальнейшие розыски. Действительно, истец должен заявить обо всем, что у него украдено, а купивший краденое должен заявить, сколько он заплатил вору, чтобы в случае, если вор будет опознан, иметь основание получить своё. Поэтому логично предположить, что **желѣти** в Русской Правде — юридический термин, означавший ‘заявить о пропаже, о материальном ущербе’. Вербальные значения в гнезде **жал-/жел-** вполне регулярны, как можно убедиться на примере слов **жалость**, **жалитисѧ** и **(по)жаловатисѧ**.

Итак, слова гнезда **жал-** объединяет исходное значение ‘испытывать душевную боль’, которое легко модифицируется в зависимости от контекста, трансформируясь в более специальные значения ‘печалиться, горевать (в том числе по умершему)’, ‘жалеть, сочувствовать’, ‘переживать, болеть за кого-л./что-л., ревностно относиться’, ‘переживать обиду — насилие, несправедливость, оскорбление’, ‘высказывать обиду, претензии’. Провести грань между этими значениями часто бывает непросто; они могут сосуществовать как компоненты семантики слова, и лишь контекст поляризует её, концентрируя фокус на той или иной составляющей. Например, в контексте из Киевской летописи **кнѣзь же андрѣи жалѣа комоньства его повелѣи и погresti надѣ стгыремѣ** 1426:12 у глагола **жаловати** можно предполагать значения ‘сочувствовать, жалеть’, ‘скорбеть’, также, видимо, ‘участвовать в траурных обрядах’; кроме того, князь хоронит коня с почестями, памятуя о его замечательных боевых качествах (**комоньство**), — значит, здесь уже просматривается значение ‘воздавать должное, жаловать, оказывать расположение’, которое впоследствии развивается у глагола **жаловати**⁴; ср. пример (25).

⁴ Приписывание этого значения глаголу **жаловати** в контексте из Волынской летописи в [СДЯ XI–XIV, 3: 231] ошибочно.

Отличительной особенностью гнезда **жал-** является способность входящих в него лексем обозначать эмоцию, имеющую социальные проекции. Наиболее ярко это проявляется при обозначении чувства обиды, поскольку оно связано с недопустимым с точки зрения общепринятого социального порядка поведением обидчика. Переживание обиды может — и в ряде случаев должно — выливаться в активные действия, часто — с оружием в руках. Безусловно, социальным действием является и высказывание претензий, благодаря чему лексемы гнезда **жал-** находят применение не только в летописях, но и в договорах с греками и Русской Правде. Социальным актом, несомненно, был и траур по покойному, подразумевавший комплекс соответствующих обрядов⁵. Наконец, значение ‘жаловать, оказывать милость’ также связано с социальной сферой.

Жаль и **обида**, как и родственные им слова, были ключевыми для древнерусского дискурса, связанного с идеей справедливого устройства отношений в социуме. Не случайно лексемы гнезда **жал-** соседствуют в летописях с другими словами, относящимися к теме нарушения справедливости и социальных обязательств, а также способам восстановления справедливости: **правъ**, **виноватъ**, **насилие**, **зълба**, **оукоръ**, **соромъ**, **соромота/срамота**, **часть**, **причастие**, **лишиться**, **отмьстникъ**, **расоудити**, **рота**, см. примеры (2), (4), (5), (9), (17)–(20), (22), (30), (36), (39). Отмечу еще пример (40), в котором **(по)жаловатиса** и **обида** употреблены вместе. Этот дискурс, помимо юридических памятников, был актуален для летописей XI–XIII вв., основное содержание которых составляет описание взаимоотношений между князьями, прежде всего — постоянных конфликтов и способов их разрешения. В летописном дискурсе довольно расплывчатая семантика слов гнезда **жал-**⁶ поляризуется таким образом, что на первый план выдвигается их способность обозначать чувство обиды из-за нарушенной справедливости и/или урона чести, в то время как в назидательных и прочих типах дискурса, характерных для церковнославянской письменности, актуализуется прежде всего семантика печали/огорчения и жалости/сочувствия. В эпосе реализуются обе семантические составляющие. Для юридического дискурса ожидаемым образом первостепенным становится значение, связанное с фиксацией ущерба и вербализацией претензий потерпевшего, важное также для летописей.

⁵ Об использовании слов гнезда *жаль* применительно к похоронным обрядам в славянских языках см. [Плотникова 2012].

⁶ О семантике слов этого гнезда в славянских языках см. [Толстая 2012: 274–276].

Анализ круга значений слов гнезда **жал-** служит иллюстрацией того, как дифференцируется семантика слова, как происходит специализация его значений под воздействием разных типов дискурса, каждый из которых решает свои задачи и в соответствии с ними использует «семантический потенциал слова» (см. [Кагарлицкий 2019: 157], как «понятие в известном смысле порождается потребностями дискурса, данной дискурсивной формы» [Там же: 121]. Понятие чувства обиды как острой реакции на насилие, несправедливость и оскорбление, требующей обязательной сатисфакции, сформировалось у **жаль** и других слов этого корня в древнерусском летописном дискурсе, сфокусированном на описании взаимоотношений русских князей. С исчезновением этого дискурса ушло и значение чувства обиды у слова **жаль** и родственных ему производных.

Источники и словари

- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М., 2008.
- ИИВ I — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) [Электронный ресурс].
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- СДЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–12—. М., 1988–2019—.
- СРЯ XI–XVII, 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
- ССЯ I — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I. СПб., 2006 (= *Slovník jazyka staroslověnského*. I. Praha, 1966).
- Тихомиров 1953 — М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Фасмер II — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.
- Киев. — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Unter der Leitung von W. Pfeifer*. Berlin, 1989.

Литература

- Вершинин 2019 — *К. В. Вершинин*. Обличение рожаничной трапезы в древнерусской книжности: новые данные // Восточная Европа в древности и средневековье. XXXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2019 г. Материалы конференции. М., 2019. С. 42–46.
- Кагарлицкий 2019 — *Ю. [В.] Кагарлицкий*. *Fortitudo* схоласта и *fortitudo* гуманиста: опыт изучения изменений конструктивной роли понятия // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019. С. 118–158.
- Молдован 2007 — *А. М. Молдован*. Семантическая эволюция *обиды* в современном русском языке // Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007. С. 263–272.
- Молдован 2011 — *А. М. Молдован*. Древнерусское *обидѣти* ‘победить’ // Библистика. Славистика. Русистика. К 70-летию зав. кафедрой библистики проф. А. А. Алексеева. СПб., 2011. С. 449–457.
- Плотникова 2012 — *А. А. Плотникова*. Славянское **žalěti* (**želěti*): ‘скорбеть’ и ‘голосить’ // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М., 2012. С. 281–295.
- Толстая 2012 — *С. М. Толстая*. *Жельть* и *жалеть*: этимология и семантика // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М., 2012. С. 268–280.

Ю. В. Кагарлицкий

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ПОСТОЯНСТВО: СЛОВО
И ПОНЯТИЕ В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ
ОБИХОДЕ XVII ВЕКА

Настоящая работа возникла как часть исследования, посвященного истории понятия *постоянство* в русском языке и русской культуре. Вероятно, следует пояснить, с чем связан такой интерес к понятию, которое как будто не очень выделяется в современном нам языке.

Понятие *постоянство* представляется чрезвычайно важным в контексте развития практик социального дисциплинирования, переосмысления человеческого поведения на фоне политических и социальных вызовов начинающегося Нового времени. Разумеется, если мы имеем в виду широкий общеевропейский контекст, следует говорить о целой серии соотносимых друг с другом понятий, присутствующих в каждой языковой культуре: *constance*, *constancy*, *Konstanz*, — однако на европейской почве неизбежным было заметное влияние латиноязычной интеллектуальной культуры, поэтому имеет смысл отталкиваться от латинского *constantia*. В свое время в книге известного историка Герхарда Остриха был выдвинут тезис о ключевой роли в европейской культуре раннего Нового времени понятия *constantia*. Исследователь считал, что небольшой трактат Юста Липсия “*De constantia in publicis malis*” (1583) сделал это слово (наряду с *patientia* и *firmitas*) одним из девизов новой эпохи, эпохи распространения неостоицизма¹. По сути же дела, ценность *constantia* (разумеется, в соответствующих языковых вариантах) признается далеко за рамками нестоических трактатов и становится для человека XVII–XVIII вв. одной из важнейших моральных характеристик.

Философские соображения Юста Липсия были важны и соответствовали духу эпохи. Однако популярность понятия *constantia* едва ли связана только с влиянием трактата Юста Липсия и сочинений

¹ In the triad *constantia*, *patientia*, *firmitas* (steadfastness, patience, firmness) Lipsius gave to his age, an age of bloody religious strife, the watchword for resistance against the external ills of the world [Oestreich 1982: 13].

его последователей. Резонно предположить, что причины такой популярности шире и связаны с уже упомянутыми культурными процессами. Трактат Липсия и его популярность сами по себе, вероятно, являются симптомом более масштабного явления. Это ясно, но ясно и то, что сочинения вроде “De constantia” могут стать опорными точками, своего рода вехами в изучении истории этического понятия.

На русской почве дело обстояло, естественно, иначе. Философская или близкая к философской литература возникла здесь гораздо позже, открытая рефлексия над нравственными понятиями была мало знакома, поэтому история этих понятий, которая в европейском контексте сопрягается с интеллектуальной историей, здесь оказывается трудно отличимой от лингвистической истории слов. Действительно, история понятий невозможна без пристального изучения истории лексики и, шире, истории языка в целом. Однако перспектива, которую открывает история понятий, должна быть совсем иной: необходимо увидеть сдвиги и инновации в мышлении людей, одновременно создающих новую социальную реальность и адаптирующихся к ней. События, происходящие со словами (понятиями), ни в коем случае не сводятся к имманентным процессам, протекающим в языке, а соответствуют общественным переменам — или желаемым, или уже состоявшимся. Если в обществе существуют носители языка, осознанно и открыто декларирующие новую роль того или иного понятия, это упрощает нашу задачу. Но если таких носителей нет, это не означает, что эта задача не стоит, но, скорее, что она решается другими методами. В настоящей работе я попытаюсь показать, в каком примерно направлении можно было бы двигаться, анализируя историю ряда однокоренных слов и опирающуюся на нее, но развивающуюся под воздействием своих специфических факторов историю понятия. Понятие постоянства играет важную роль в системе моральных оценок XVII—XVIII вв. Здесь я пытаюсь наметить подступы к изучению его истории.

Прилагательное *постоянный* и производные от него имеют достаточно прозрачную этимологию: они образованы от глагола *постояти*, — очевидно, не непосредственно, а от отглагольного существительного *постояние*². От глагола *постояти* образуется также существи-

² Ср. у А. Вайана: “On a tout un type de formes en *-tīnŭ* et en *-nīnŭ*, mais il ne s’agit pas en slave de «participes d’obligation» comme le participe en *-tīnas* du lituanien <...> et ce sont en slave des dérivés en rapport avec les substantifs verbaux, non directement avec les participes passifs en *-tŭ* et *-nŭ*” [Vaillant IV: 453].

(*Не*)*постояние* имеет свою историю и роль в семантических процессах разных эпох, однако в настоящей работе оно не рассматривается.

тельное *постой* (по бессуффиксной модели), а от него прилагательное *постойн(ый)*. В семантическом отношении *постойн(ый)*, очевидно, является своего рода двойником для *постоянный*; они, видимо, конкурируют, и *постойн(ый)* со временем выходит из употребления.

Следует сразу заметить, что история *постоянн(ый)/постойн(ый)* и *непостоянн(ый)/непостойн(ый)* в древней славянской и русской письменности существенным образом различаются.

Слова *постоянный* и *постойный* отсутствуют в Словаре старославянского языка [SJS III: 200]. Самый ранний (и на долгое время единственный) известный пример с *постоянный* в значении ‘не изменчивый, неизменный, твердый, устойчивый’ отмечен в Чудовской Псалтири (XI в.): Ничесо же постоянно (σταθῆρόν) имѣя [Погорелов 1910: 67; Словарь XI–XVII вв. 17: 250]. В дальнейшем, как мы увидим, контексты с *постоянн(ый)/постойн(ый)* на протяжении столетий крайне немногочисленны.

Прилагательные *непостоянн(ый)/непостойн(ый)* возникают уже в ранний период существования славянской письменности, — по видимому, как славянский эквивалент греч. ἀνυπόστατος (возможно, как структурная калька, не без влияния фонетической близости). Греческое прилагательное ἀνυπόστατος многозначно; словарь Дж. Лампе выделяет такие его основные значения: ‘that cannot be withstood or endured, irresistible’; ‘without sure foundation’; ‘without substance, immaterial’; ‘unsubstantial, without independent existence’; ‘non-existent, unreal, imaginary’; ‘without significance’ [Lampe 1961: 164]. Таким образом, и славянские эквиваленты в состоянии развивать похожие значения.

Так, прилагательное **непостоиннѣ/непостоиннѣнъ** отмечено в Словаре старославянского языка как передающее ἀνυπόστατος со значением ‘неудержимый; intolerabilis, insustentabilis’: **оубо прѣиде д<оу>ша наша водѣ непостоинѣ** в Синайской, Болонской, Парижской и Лобковицкой псалтири, <...> **непостоиннѣнѣ** в Погодинской псалтири; **непостоиннѣ гнѣвъ** в Болонской псалтири [SJS II: 387–388].

Слово *непостоянный* отсутствует в Словаре старославянского языка [SJS II: 388]. В древнеболгарских памятниках — Болонской, Погодинской псалтири — *непостоянный* встречается только в толковой части³. Однако как раз на примере Пс. 123:5 хорошо видно, как

³ Ср: ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’: **Отъ наводнення грѣхознааго ꙗко и вода во потаплѣше члѣчѣства вода же ꙗко непостоиннѣ** [Jagić 1907: 69], греч. ἀνυπόστατος [Там же: 914]; **Жидове ꙗко вода си рѣчь непостоинни** [Там же: 422], греч. ἀνυπόστατος [Там же: 914]; ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’: **Непостоинно рече, хто ли горѣ, хто ли**

на восточнославянской почве *непостоянный* и *непостоян(ый)* заменяют друг друга и употребляются примерно в одном и том же качестве. Если в древнейших версиях Псалтири в Пс. 123:5 читается *убо преиде душа наша воду непостояну* (см. выше), то уже довольно рано *непостояну* заменяется на *непостоянну*. В переводе Толковой Псалтири Феодорита Киррского, частично дошедшем до нас в Чудовской псалтири, соответствующее место сохранилось лишь в более поздних списках. На основании их данных В. А. Погорелов считал, что в переводе было употреблено *непостоянный* [Погорелов 1910: 231], но исходно могло, кажется, быть и *непостоянный* (такое различие встречается довольно часто); цит. по рукописи XVII в.: *потѣкъ преиде дѣша наша, водѣ непостояннѣ <...> оубо преиде дѣша наша водѣ непостояннѣ* (РГБ, ф. 173.1 (МДА Фунд.), № 24, 356об., 393). В Толстовской Псалтири XI–XII вв. читается *непостояннѣ: Оубо прѣиде дѣша наша водѣ непостояннѣ* (РНБ, Ф.п.1.23, 243об.); ср., однако, там же, в толковании Пс. 17:17 в близком значении *непостояннѣ: Полатѣ ма шгѣ водѣ многѣ ∴ Отѣ наводнѣнѣа грѣховнѣааго ако вода во потаплаше члѣчства вода же ако непостояннѣнѣа* (Там же, 7об.). В Симоновской псалтири (конец XIII–XIV в.): *оубо пренде дѣша наша водоу непостояннѣнѣнѣ* [Амфилохий II: 414]. В Киевской псалтири (конец XIV в.): *пренде дѣша наша водоу непостояннѣнѣнѣнѣ* (РНБ, ОЛДП F.6, 181). В Геннадиевской библии: *...постояннѣнѣ* [ГБ Псалтирь: 304]. Так и в современном церковнославянском тексте.

Достаточно рано появляются и употребления *непостоянн(ый)/непостоян(ый)* и в других значениях. В Пандектах Антиоха XI в. отмечено *непостояннѣ* ‘преходящий, непостоянный’: *врѣменьнѣнѣ и непостояннѣнѣнѣнѣ*; греч. ἀνυλόστατος [Амфилохий 1880: 78; Словарь XI–XVII вв. 11: 232].

Кроме того, *непостоянн(ый)/непостоян(ый)* достаточно рано используются и для перевода других слов: ἄστατος, ἄστεκτος. Если мое предположение, что изначально *непостоянн(ый)/непостоян(ый)* долж-

долоу, тако во врѣтитѣ са коло [Там же: 404], греч. ἀνυλόστατος [Там же: 914]; ‘безостановочный, беспокойный’: *ти во въ мори житенствѣмъ яко вѣ водахѣ въ сластехѣ нѣражѣтѣ непостояннѣ* [Там же: 33], греч. ἄστατος [Там же: 917] и проч. О прилагательном ἄστατος см. далее. Обратим внимание, что в различных псалтирях *непостоянн(ый)* и *непостоян(ый)* подменяют друг друга: например, в соответствии с *Непостояннѣнѣ рече...* Болонской псалтири в Погодинской, Софийской и Бухарестской читается *непостояннѣнѣ* [Там же: 404]. Это лишний раз показывает, что *непостоянн(ый)* и *непостоян(ый)* рассматриваются как взаимозаменяемые, в какой-то мере даже как варианты одного слова (см ниже).

ны были переводить ἀνυπόστατος, то можно также предположить, что они переводят слова, частично пересекающиеся по значениям с ἀνυπόστατος. Для ἄστατος выделяются следующие значения: ‘never standing still, unresting’; ‘restless’; ‘(of things) subject to change, unstable’; ‘(of persons) unsteady, unstable <...> inconstant’, для ἄστεκτος — значение ‘insufferable’ [Liddell, Scott 1996: 260–261]. Таким образом, вместе ἄστατος и ἄστεκτος покрывают значительную часть значений ἀνυπόστατος (см. выше).

В изданных И. В. Ягичем служебных минеях 1095–1097 гг. читаются *непостоянный/непостоянный* и однокоренные производные; при этом они переводят разные слова и передают разные значения (далее привожу по [Ягич 1886] выборочные примеры).

Из минеи на сентябрь — ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’: **Дѣтѣское непостоянное оутвържаше моудре своимн стратѣми** [036]; греч. ἄστατος.

Из минеи на ноябрь — ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’: **Непостоянно снаник приемла творца и ба, архистратижк <...> паче слнца блистакши** [326; Словарь XI–XVII вв. 11: 233], греч. ἄστεκτος; **Видѣ страшнѣ яви са, непостояннѣ и неодоальнѣ бранѣмъ всѣмъ** [328; Словарь XI–XVII вв. 11: 233], греч. ἄστεκτος⁴.

В Ефремовской кормчей начала XII в. есть три примера употребления *непостоянный* в соответствии с ἀνυπόστατος:

‘лишенный основания, пустой’ — **таковыа части кѣтъ кгда кѣто прѣводити желаник кѣ непостоянномуу тѣщеславию** (τὴν ἀνυπόστατον κενοδοξίαν) [Бенешевич 1906: 616; Словарь XI–XVII вв. 11: 233];

‘не имеющий собственной сущности, собственного лица’ — **нѣ не постоянноу⁵ (ἀλλ' οὐχ ἀνυπόστατον) быти рекоухомъ кѣтѣствоу томоу** [Бенешевич 1906: 691]; **да не непостоянно (ἵνα μὴ ἀνυπόστατον) кже рекоухъ кѣтѣство оно глати ноудимѣса** [Там же; Словарь XI–XVII вв. 11: 233].

Пример наречия *непостоянно* в значении ‘безостановочно’ обнаруживается в Троицком сборнике (XII — начала XIII в.) в поучении

⁴ Особо нужно отметить контекст в сентябрьской минее: **Мѣнкъ въ истинуу нарече са истиннѣ, страдальче непостоннѣ радоуѣ са прѣстонши...** [0136], где *непостоннѣ* — очевидно ошибочно — переводит ἐνυποστάτω ‘действительно, воистину’. Смешение ἐνυποστάτος и ἀνυπόστατος, слов фонетически и графически схожих, но противоположных по значению, лишней раз указывает на книжный характер редко употребляемых *непостоянный/непостоянный*.

⁵ Видимо, в рукописи пропущена отрицательная частица; нужно: **нѣ не непостоянноу**; ср. вторую цитату на той же странице издания.

Климента Охридского на память апостола или мученика: **житник се лъстьнок <...> тако сѣнь непостоянно преходить** [Троицкий сборник 1988: 25; Словарь XI–XIV вв. V: 329]. Для древнерусского периода это как будто единственный известный пример употребления (*не*)-*постоянн(ый)* в оригинальном тексте. Показательно, что мы встречаем его в тексте, созданном одним из учеников Кирилла и Мефодия, то есть относящемся к начальному периоду существования славянской письменности.

Целый ряд примеров может быть обнаружен в Огласительных поучениях Феодора Студита, в славянском переводе известных в рукописях с XIV в., но переведенных в домонгольскую эпоху. На этом памятнике имеет смысл остановиться подробнее. Исследователями неоднократно отмечалось, что славянский перевод Огласительных поучений «крайне неисправен, невразумителен и по местам лишен смысла; видимо, переводчик недостаточно знал греч. язык и, может быть, пользовался неисправной греческой рукописью» [Доброклонский 1914: 45]; что он «изобилует ошибками, нарушением грамматических связей» и что «[в] ряду переводов с греческого, содержащих русизмы, этот памятник является самой большой переводческой неудачей» [Пичхадзе 2011: 39]. Интересно, что именно в этом памятнике мы встречаемся с неоднократным употреблением (*не*)*постоянный*. Прежде чем высказать предположение относительно причин такого переводческого пристрастия, рассмотрим эти примеры чуть внимательнее. Примеры, приведенные ниже, цитируются по рукописи РГБ, ф. 173.1 (МДА Фунд.), № 52, сверяются по публикации поучений в составе Великих Миней Четых и сопоставляются с греческим оригиналом по изданию Великих Миней Четых.

Примеры со словом *постоянный*:

‘отступнический’ — **ли на похотное сластолюбье низлагающа ли на постоянное поощающе** (εἴτε πρὸς ἀποστασίαν ἐρεθίζοντι) **ли на лѣньность раслабляюща ли на нетерпѣнье подвижающа ли на невѣръствие ляуща** (144об.; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 679; ВМЧ ноябрь 11, приложение: 254])⁶;

⁶ По смыслу скорее должно было бы быть «**на непостоянное**», πρὸς ἀποστασίαν; ср. современный перевод: «...возбуждать в нас желание удовольствий, или побуждать к бегству, или манти к унынию, или тянуть к нетерпению, или ловить в недоверчивость» [Феодор Студит 2010: 599]. Возможно, переводчиком или переписчиком на каком-то этапе была потеряна отрицательная частица (ср. выше подобную описку в Ефремовской кормчей).

‘настойчивый’ — елико же оубо и волцы прочни и пекѹщиеся о постоаннѣмъ требовании прилежаще и вводаще теченья и трѹда толка яко толциѹхъ и таковыхъ змиевъ побѣдиша (160; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 701], греч. ἐνστάσεως, возможно, смешанное с εὐσταθῆς ‘постоянный’ [Liddell, Scott 1996: 732])⁷.

Других примеров с *постоянный* (без *не-*) в Огласительных поучениях не найдено⁸.

Примеры со словом *непостоянный*: ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’ — идѹже не пристѹаютьъ гѣ тамо вѣдницы вселишася въ камень небѣго и злодѣшно, и непостоянно во всѣхъ пѹтєхъ своихъ (77; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 587], греч. ἀκατάστατος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 136])⁹; три отроцы три оуноши версты непостояннии ненаказани (78об.–79; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 590; Словарь XI–XIV вв. V: 329], греч. ἀκατάστατοι [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 139])¹⁰;

‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’ — О страшнем дни сѹднимъ и непостояннѣмъ (81; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 593], греч. ἀποστατήσαντος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 143])¹¹;

⁷ Переведено с ошибками: “Οσης οὖν καὶ ἡλικῆς λοιπὸν φροντίδος καὶ ἐνστάσεως χρεία, ἐπιμελείας καὶ ἀγῶνος, δρόμου καὶ κόπου συντόνου, ἴνα τὸν τοιοῦτον καὶ τηλικοῦτον δράκοντα νικήσωμεν [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 282; Словарь XI–XIV вв. VII: 303]; ср. современный перевод: «Сколько же и каких нам нужно заботы, настойчивости, усердия, подвигов, борьбы, бега и напряженного труда, чтобы победить такого дракона» [Феодор Студит 2010: 618].

⁸ Отметим также слово *богостоянный*: иво не анѣльскы ли ксть образъ нашъ братькѣ мога. не престѹок ли житѣкѣ. не бѹпостоянное ли теченькѣ (15–15об.; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 503]; греч. θεόληπτος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 27]).

⁹ Перевод этого пассажа ошибочен; ср. современный перевод: «...куда не взирает Бог. Такой участи подверглись несчастный Евлалий и мгновенно падший, двоедушный и непостоянный в путях своих Петроний» [Феодор Студит 2010: 519]. Однако перевод ἀκατάστατος как *непостоянно*, можно сказать, адекватен.

¹⁰ Перевод относительно точный; ср.: «Три отрока, трое юных людей, не возмужавшие, не установившиеся, еще недовоспитанные» [Феодор Студит 2010: 521–522]; ἀκατάστατοι верно переведено как *непостояннии*. В этом и предыдущем примере *непостоянный* является моральной характеристикой, приблизительно соответствующей позднему пониманию (‘слабый, ненадежный, колеблющийся’).

¹¹ Перевод заголовка неверный. В оригинале (заголовок полностью): Περὶ τῆς φοβερᾶς ἡμέρας τῆς κρίσεως καὶ περὶ τοῦ ἀποστατήσαντος καὶ ἰουδαϊκῶς εἰς κριτήρια κοσμικὰ ἡμᾶς ἐνάγοντος [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 143]. Ср. современный перевод: «О страшном дне суда и [о брате], отступившем и по-иудейски привлекающем нас к мирскому суду» [Феодор Студит 2010: 524]. Перевод ἀποστατήσαντος как *непостояннѣмъ* неверен, как и общее понимание заголовка.

слышаши страшныи ѡнѣ и непостоянныи гла сѹдыа и всѣхъ вѣки
 ба (81об.; ср. [ВМЧ ноябрь 1–12: 593; Словарь XI–XIV вв. V: 329],
 греч. ἀνυποστάτου [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 144]¹²); намъ же
 ѿводимомъ с вѣсы во огнь неогасимыи и червь бесконечныи. на скре-
 жетъ зѹбныи на пагѹбѹ великѹю на пламень непостоянныи (81об.; ср.
 [ВМЧ ноябрь 1–12: 593], греч. ἀνυπόστατα [ВМЧ ноябрь 11, прило-
 жение: 144]¹³); грѣшныа же ѿсылаеми въ огнь кромѣшныи и въ червь
 неогыспаящии въ тмѹ несвѣтлѹю и в пропасть великѹю доходящюю
 до ада и въ огнь нехладныи и непостоянныи (138об.; ср. [ВМЧ но-
 ябрь 1–12: 670; Словарь XI–XIV вв. V: 329], греч. ἀνυποστάτου [ВМЧ
 ноябрь 11, приложение: 242]¹⁴);

‘невысокого статуса?’ ненаглядникъ взорное и похваленикъ конечнаго
 и непостояннаа чьсти невѣзданнаго служениа и молитвы (91; ср.
 [ВМЧ ноябрь 1–12: 606]; греч. соответствием, видимо, следует счи-
 тать τῆς στάσεως¹⁵;

‘отступнический’ пришедшю въ образъ погивелныи. и в глѹбины
 непостояннаа. въ о깁ловленѹ ѿметаниа и отъверженна (197; ср.
 [ВМЧ ноябрь 1–12: 752; Словарь XI–XIV вв. V: 329]; греч. τὸ βάραθρον
 τῆς ἀποστασίας [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 348]¹⁶).

¹² Перевод точный. Ср.: «...слыша те страшные и нестерпимые слова Су-
 дии всех и Владыки Бога» [Феодор Студит 2010: 524–525].

¹³ Перевод точный. Ср.: «...нас с демонами поведут в огонь неугасаемый,
 к червю неусыпающему, на скрежет зубов, в хаос, в невыносимый тартар»
 [Феодор Студит 2010: 525].

¹⁴ Перевод относительно точный. Ср.: «...грешников отсылающее в кро-
 мешный огонь, к ядоносному червю, в беспросветный мрак, в громадную про-
 пасть адского жерла, в тартар невыносимого холода» [Феодор Студит 2010: 591].

¹⁵ Перевод неверный. В греческом тексте: ...τὸ ῥυτῶδες τῆς ὄψεως καὶ τῆς
 κόμης, τὸ ῥοχάτον τῆς στάσεως καὶ τῆς τιμῆς, τὸ ἀνένδοτον τῆς διακονίας καὶ τῆς
 εὐχῆς [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 160]. Ср. современный перевод: «...грязь
 лица и волос, положение самых последних в братстве по месту и почету, неу-
 станность в работе и молитве» [Феодор Студит 2010: 535].

¹⁶ Перевод приблизительный. В греческом тексте: ...ῶχето εἰς τὸν τόπον τῆς
 ἀπωλείας, εἰς τὸ βάραθρον τῆς ἀποστασίας, εἰς τὸ ἔνεδρον τῆς ἀρνήσεως [ВМЧ но-
 ябрь 11 приложение: 348]. Ср.: «...полетел в место гибели, в ров отступниче-
 ства и в яму отречения» [Феодор Студит 2010: 664].

В Великих Минеях Четых есть еще один пример с тем же выражением в
 оригинале [ВМЧ ноябрь 11, приложение: 253]: и лжюще не престае҃те. вин깁юще
 и виновати с깁ще. и малою л҃бностю влек깁щеса. въ гл깁бину непостоян깁ю [ВМЧ
 ноябрь 1–12: 678], однако в РГБ, 173.I 52 читается: непостоян깁ю (144). Здесь
 проявляется взаимозаменяемость этих прилагательных, а возможно, отражен
 и процесс вытеснения одной лексемы другой (см. выше): в более позднем спи-
 ске употреблено слово, закрепившееся впоследствии в языке.

Из приведенных примеров видно: не слишком умелый переводчик, не очень справлявшийся со сложным, риторически изощренным текстом и смешивавший разные, хотя и похожие внешне слова, время от времени, не всегда к месту употреблял в своем переводе, по всей видимости, достаточно редкое и книжное слово. А. А. Пичхадзе [2011: 356] относит этот памятник к категории «переводов, в которых восточнославянская лексика соседствует с южнославянской». К той же категории относится, в соответствии с этой классификацией, и уже упомянутая Ефремовская кормчая, и древнерусский перевод Пандект Никона Черногорца, восходящий к XII в., в котором (по рукописи XIV в.) читается контекст со словом *непостоянный* в значении ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’: **прѣстателю соудъ велии естъ. и непостояненъ и вѣдоу велью приносить** (ἀνυποστάτου) [Словарь XI–XIV вв. V: 329] — и перевод Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского, в котором *непостоянный* (*непостояни*) употреблен в значении ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’: И заповѣдаеъ же имъ и се: не преходити отъ сего въ други, но вонѣже домъ внидуть, ту пребывати, да не мнять нѣщи, непостояни суше и преложни (ἵνα μὴ δόξωσιν ἄστατοι τινες εἶναι καὶ εὐμετάβολοι) [ВМЧ октябрь 4–18: 1223; PG 123: 813].

Таким образом, все найденные нами контексты объединены несколькими общими чертами. Во-первых, они, за единственным (и значимым) исключением, взяты из переводов с греческого. Во-вторых, эти переводы или непосредственно восходят к южнославянским источникам (как Чудовская Псалтирь [Погорелов 1910] или Ягичеви минеи [Ягич 1886: CVI ссл.]), или относятся к группе переводов, выполненных на восточнославянской почве, но содержащих заметное количество южнославянизмов: Пандекты Никона Черногорца, Огласительные поучения Феодора Студита [Пичхадзе 2011: 57–75; 354–356]. Единственный оригинальный славянский текст из цитированных выше — поучение Климента Охридского в Троицком сборнике, то есть текст опять-таки с болгарской предысторией¹⁷.

Напротив, в переводных памятниках, созданных восточнославянскими книжниками и не содержащими в значимом количестве южнославянизмов, (*не*)*постоянный* и родственные слова не обнаруживаются. Например, их нет в Житии Андрея Юродивого [Молдован 2000:

¹⁷ Видимо, можно говорить о древнеболгарском происхождении этих слов, хотя в этимологическом словаре болгарского языка они значатся как заимствования из русского [БЕР V: 550].

717, 729], в Истории Иудейской войны [ИИВ II: 168, 260] и в Александрии [Истрин 1893]; лишь в Пчеле дважды встречается прилагательное *постоинъ*:

‘не изменчивый, неизменный, твердый, устойчивый’ — *мимо бо теку^т вса во истину^у. и ничто^ж ѿ видимы^х постоино* (στασιμων) [Пчела I: 844];

‘постоянный, устойчивый’ — *Великимъ трудо^{мъ} и потомъ исправлеться въ на^в нравъ добръ и постоинъ* (εὐκατάστατον) [Пчела I: 461]; ср. [Словарь XI–XIV вв. VII: 302; Словарь XI–XVII вв. 17: 247]¹⁸.

Слова *постоянный* и производных от него нет и в Пчеле [II: 205, 238]. Показательно, что в греческих оригиналах Истории Иудейской войны и Пчелы присутствует слово ἀνυπόστατος, которое, как можно видеть, в памятниках, рассмотренных выше, систематически переводится как *непостоянный*, но здесь ему обычно ставится в соответствие слово *нестерпимый*: *неистърпимъ, несътърпимъ* (2 раза), *несътърпимыи* [ИИВ II: 506]; *несътърпимъ* [Пчела II: 413].

Отсутствуют эти слова и в оригинальных древнерусских памятниках, в том числе в Повести временных лет, Новгородской I летописи, Ипатьевском, Лаврентьевском, Галицко-Волынском и Московском летописном своде.

Всё сказанное заставляет думать, что исходно (*не*)*постоянн(ыи)*, как и его двойник (*не*)*постоин(ыи)*, были книжными словами, возникшими в начальный период существования славянской письменности. Практически во всех случаях они используются в переводах с греческого и обычно имеют лексическое соответствие. В просмотренных мной памятниках существенно преобладают слова с *не-*: *непостоянныи, непостоинъ, непостоянно* и проч. Прилагательные *непостоянн(ыи)* и *непостоин(ыи)* чаще всего переводят греч. ἀνυπόστατος, также ἄσπεκτος, ἄστατος, ἀκατάστατος. *Постоянный* без *не-* встречается совсем редко, что позволяет даже высказать осторожное предположение, что сначала возникло *непостоянн(ый)/непостоин(ый)*.

Также следует отметить, что в древнерусский период *непостоянн(ый)/непостоин(ый)* встречается в значении ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’ едва ли не чаще, чем в более привычных нам значениях ‘преходящий, непостоянный’ и ‘изменчивый, подвижный, неустойчивый’; отмечены также значения ‘безостановочный, беспокойный’, ‘лишенный основания, пустой’ и ‘не имею-

¹⁸ Интересно, что более ранних примеров употребления прилагательного *постоинъ* (без *не-*) мне найти не удалось.

щий собственной сущности, собственного лица'. Для *постоянн(ый)/постоин(ый)* контекстов очень мало, но можно с уверенностью отметить контекст из Пчелы, где слово *постоинъ* употреблено, согласно [Словарь XI–XIV вв. VII: 302; Словарь XI–XVII вв. 17: 247], в значении 'постоянный, устойчивый', однако с очевидными моральными коннотациями, которые нас и интересуют.

Можно констатировать, что *(не)постоянн(ый)/(не)постоин(ый)* употребляется редко и гораздо чаще в отрицательном варианте, причем почти исключительно в переводной литературе, очень редко для моральной характеристики человека или группы лиц. Эти прилагательные и наречия, видимо, были специфическими книжными болгаризмами и за пределами узкого круга тех, кто с ними был знаком, в древнерусской письменности практически не использовались. Заметим при этом, что *непостоин(ый)* и *непостоянн(ый)* присутствовали в тексте славянской Псалтири и в ее толкованиях, а следовательно, были в какой-то мере известны древнерусскому читателю.

В этом отношении мало что меняется вплоть до XVI в. В Великих Минеях Четых, в нескольких опубликованных в их составе памятниках встречаются единичные контексты с *непостоянный*:

'невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять' — **Іакоже се бысть яко молніи свѣтла непостоянна свѣтлостію и ни изниче** (Деяние св. Сильвестра [ВМЧ январь 1–6: 79 (93)]); **Страшныи бо и непостоянны имѣаху раны Хви рабѣ и мѣницы** (Аммония мниха повесть о убиенных св. отцах в Синае и Раифе [ВМЧ январь 6–11: 79 (868)]); **И бѣ дроугѣи Двѣ, крѣпкаго въ злобѣ Голиада низлагаа, Мамента и Маркіона, непостоянною слова працею** (Слово Иоанна Златоуста о причащении св. Таин [ВМЧ декабрь 18–23: 40 (1598)]); <...> бурю въздвижеть и мятеж непостояненъ, иже отъ начяла съмирения ратьникъ (Житие прп. Параскевы, Цамблаково [ВМЧ октябрь 4–18: 1034]); <...> двѣма бо крылома покрывааху лица, купно жбо загражащюся <так в издании! — Ю. К.> отъ испущаемыа лжча отъ престола, за еже не мощи терпѣти непостоянную еа славу, кжпно же и свое благоговѣиство гавляюще, еже имуть къ Владыцѣ (Маргарит [ВМЧ сентябрь 14–24: 974]); <...> глас же страхъ непостояненъ прѣщенія своего показаеть (Толкование на Откровение [ВМЧ сентябрь 25–30: 1737]);

'изменчивый, подвижный, неустойчивый' <...> ибо умъ нашъ стояти и безмолвствовати не хоцеть, понеже бо присно подвиженъ и непостояненъ есть (три поучения [ВМЧ сентябрь 1–13: 108]);

‘преходящий, непостоянный’ Оставлей Юна непостояннаго житія мѣсто, будущее извѣстное обрѣте мѣсто себѣ (Пролог, в день св. Ионы Саваитского [ВМЧ сентябрь 14–24: 1341]).

Примерно в XVI в. происходят пока еще не слишком заметные изменения в судьбе слова *постоянный* и производных от него. Так, слово *постоянный* встречается в Поучении митрополита Московского Даниила: Нѣсть <так в изд.> бо прочно, и усвоенно, и постоянно никомуже от нас, якоже и прежде написася, яко гостей приять нас и скоро яко гостей отпустить нас на оно житие, и ничтоже намъ на путь дать, аще не сами себѣ предуготовимъ благыхъ дѣлъ [БЛДР 9: 360]. Здесь может быть аллюзия на цитированную выше сентенцию из Толковой Псалтири Феодорита Киррского, однако слово *постоянный* мы едва ли не впервые встречаем в оригинальном русском сочинении.

В «Троянской истории», переводе с латинского языка сочинения Гвидо де Колумна, выполненном в конце XV в. или начале XVI в., есть такое замечание: Ея же мысль всегда состоится во двизании и наипаче в растущих непостоянствѣх, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается [БЛДР 8: 170]; в оригинале: Cuius animus semper consistit in motu et precipue inter pubescentes uacillationes antequam mulier viro facta uiripotens misceatur [Guido de Columnis 1936: 17]. Речь идет о слабости и ненадежности женской, особенно девичей природы. Здесь для перевода *uacillationes* ‘колебания, качания, шатания’ используется слово *непостоянствѣх*, что, вероятно, является очень ранней фиксацией существительного *непостоянство*, причем фиксацией его осознанного выбора, а не, скажем, переводческого калькирования. В соседней фразе дважды употреблено слово *constantia*, однако оно переводится как «крепость», а вовсе не как «постоянство»: Numquid est sapientis se credere constancie puellari aut sexui muliebri, qui nullis annorum circulis nouit captare constantiam? — Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтними круги вѣсть принять крѣпости?¹⁹

¹⁹ Этот пример был бы еще более убедительным, если бы он не был известен по рукописи конца XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 525) и не приходилось бы опасаться, что слово внесено позднейшим редактором; ср. суждение О. В. Творогова об этой рукописи: «<...> перед нами полный и весьма исправный текст Древнейшей редакции» [Творогов 1972: 169].

Примерно в эту же эпоху появляется перевод «Луцидариуса», известный нам по рукописям не позднее начала XVII в. В нем читается: **а которы**^и <человек> **сѣхѹго и горѣчего естества. тѣ**^и **есть дерзѣ и храбрѣ** **и имать любовь на всакїя жены и непостояннѣ**^и **в ѹбви** [Тихонравов I: 56]; ср. в оригинале: *wer heißer and trockner Natur ist, der ist muthig und kuhn und hat gern viel Weiber und ist unstät in der Liebe* [Simrock 1845: 402]. Если исходить из того, что это место более или менее соответствует оригинальному переводу (что весьма вероятно: возможные позднейшие изменения в тексте памятника вряд ли были основаны на немецком оригинале, а здесь представлен практически безупречный перевод фразы из последнего), то можно, пожалуй, говорить о наиболее раннем (во всяком случае, из известных мне) употреблении *(не)постоянн(ый)* в подобном, сегодня вполне привычном контексте.

В 1-й пространной редакции Первого послания Ивана Грозного князю А. М. Курбскому читается слово *непостоятельный*, которое во 2-й пространной редакции заменено на *непостоянный*: *Понеже сами имуще совесть непостоятелну и крестопреступну, и малого ради блистанія злата премененну, се убо и нам советуєте* [Переписка Грозного с Курбским 1979: 33]; ср.: *Понеже убо, сами имуще совесть непостоянну и крестопреступну и малаго ради блистанія злата пременену, се убо и нам советуєте* [Там же: 82].

Принимая во внимание более позднее и более опосредованное отношение текста 2-й редакции к оригинальному тексту послания, можно предполагать, что в этом оригинальном тексте, написанном в XVI в., было *непостоятельный*, тем более что в Послании Ивана Грозного Яну Ходкевичу читается слово *постоятельный*: *А убытка тебе здеся ни в чом нет, лише слово твое было, и ты б о том не кручинилсѹ, занеже слово мимошественно, а не постоятелно* [Послания Ивана Грозного 1951: 206]²⁰; ср. также слово *непостоятельный* в Житии Александра Ошевенского, применительно к мирской славе [Словарь XI—XVII вв. 11: 233]. Появление таких явно книжных, специально сконструированных слов, как *(не)постоятельный*, *(не)стоятельный* [Там же : 233, 309], косвенно свидетельствует о поиске синонимов к слову *(не)постоянный* и, тем самым, об интересе к двум смысловым областям, которое оно способно так или иначе обслуживать — *(не)изменчивость*, *(не)подвижность*, *(не)вечность* окружающей человека

²⁰ Послание Яну Ходкевичу также известно в списке начала XVII в. В польской публикации с другого списка читается: *nestojatelno* [Zródła do dziejów polskich I: 58].

действительности и моральная (не)стойкость, (не)надежность самого человека. Разумеется, приведенные примеры слишком скудны, чтобы делать какие-то выводы; если я решаюсь на какие-то обобщения, то в свете семантических процессов, характерных для следующего столетия, — рассматривая XVI век как рубежный в этом отношении.

В XVII в. происходит всплеск употребления слова *постоянный* и производных от него в самых различных жанрах и языковых регистрах русской письменности. Широко распространяется (*не*)*постоянный* как характеристика людей как (не)лояльных, (не)верных, (не)надежных и т. п. Например: <...> видячи то, что онѣ такіе легкоумные и непостоянные люди и имѣ ни въ чемъ вѣрити не умѣти (1608) [Акты II: № 92 (187)]; то же (1675) [Акты IV: № 204 (260)]; <...> четвертый полкъ, который постояннѣе, въ прибыльные повысити и написать его въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ росписи четвертымъ или пятымъ полкомъ (1683) [Там же: № 280 (414)]; <...> а хотя у нихъ будутъ немногіе и непостоянные люди, и ихъ въ немногочислѣствѣ мочно всяко усмотрѣть и въ крѣпости держать [Там же: № 280 (415)].

Естественным порядком появляются в обиходе и широко используются существительные *постоянство* и *непостоянство*: <...> многіе изъ нихъ объявились во многихъ шатостяхъ и противностяхъ, и во всякомъ дурнѣ и непостоянствѣ (1683) [Там же: № 280 (412)]; <...> чаять, за милостию Божіею и ихъ Великихъ Государей разсмотрѣніемъ, отъ стрѣльцовъ постоянства и на Москвѣ отъ шатостей безопаства [Там же: № 280 (415)]; <...> потому, что де у нихъ казаковъ непостоянство стало болшее и великого государя указу чинятся непослушны (1667–72) [Акты исторические IV: № 202 (392)]; Того ради, и нынѣ, непостоянства такового и лукавства стрещися и опаство веліе имѣти подобаетъ (1689) [Акты исторические V: № 194 (340)]; ...толко бѣ ихъ князь великій и столпы земскіе по своему общанію учинили, которое имѣ по правдѣ довелось учинити, а не своимъ междусобіемъ и непостоянствомъ и легкоуміемъ такое доброе начинаніе и счастливое поспѣшеніе потеряли (1614) [Дополнения к АИ II: № 12 (28)]; нынѣ государь нашъ королевичъ, пресвѣтлѣйшій и высокорожденной великій князь Карлусъ Филиппъ Карлусовичъ, намъ отказываеть за непостоянство Московскихъ людей и измѣнниковъ, которые отъѣзжали изъ Новагорода (1614) [Там же: № 20 (42)].

Здесь приведена лишь некоторая часть контекстов, обнаруживаемых в многотомном издании исторических документов. Разумеется, использованием (*не*)*постоянный* как характеристики человека

или группы лиц спектр значений этих слов далеко не исчерпывается. Широко распространены такие значения, как ‘надежный, прочный’: А впредь для опасенія отъ шатостей стрѣлецкихъ и отъ иного своеволства, и чтобъ впредь была постоянная и безопасная крѣпость, написаны на примѣръ статьи (1683) [Акты IV: № 280 (409)]; ‘регулярный, на постоянной основе’: Царская грамота Вологодскому воеводѣ Пушкину, о томъ, чтобы онъ имѣлъ постоянное сношеніе съ Поморскими и другими городами по Государевымъ ратнымъ дѣламъ (1609) [Акты исторические II: № 157 (180)]; со Псковскими и съ Опочецкими и съ Островскими стрѣльцы договоръ учинилъ въ годовомъ жалованьѣ, за чѣмъ бы имъ постояннымъ быть въ государевѣ службѣ (1665–1666) [Дополнения к АИ V: №1 (28)] и проч.

Наконец, в тех же значениях довольно широко используются слова *(не)постоятельный*, *(не)постоятельно*, *(не)постоятельство*.

Не так уж редко употребляются *(не)постоянный* и проч. в Вестях-Курантах; вот примеры из первой трети столетия: ω слои острожек ты еси смертная рана ѳранцѣжскому гдрству и много казны ѳранцѣжской семлѣ ѳгодиш и твое постоянноство нша погибел [Вести-Куранты 1600–1639: 109]; а отчаяннѣ ради сюды пришел тѣми дѣлы кабы я своемѣ прошеню доброво совершена не чаю памятуя вше непостоянство что на послѣдней соиме было, и а вамъ подлинно говорю, что а то все веселымъ нравомъ сабудѣ. будетъ вы нне прежние непостоянства отставите і по совѣту ѳчините [Там же: 112].

Надо заметить, что в первом из приведенных примеров *постоянство* употреблено в значении не ‘верность, лояльность’, а ‘стойкость, твердость’ (применительно к гарнизону крепости). Значение ‘верность, лояльность’ более типично, однако встречается и это, второе, например: велми дивятся здѣ о великомъ постоянствѣ і мѣжествѣ весирѣ тѣрскаго при отдачі города Кандии [Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670: 441]. К сожалению, не получается установить оригинальный текст для этих примеров, чтобы понять, насколько развитие это важного значения навязано оригиналом, а насколько свидетельствует о его самостоятельном развитии; первое представляется несколько более вероятным. В отношении значения ‘верность, лояльность’ хорошо видна его самостоятельность, ср.: а с тѣмъ же Карвовскимъ бѣдѣтъ многие подлинныя листы, Ханенковы, и Дорошенковы, и иныхъ в которыхъ ихъ непостоянство мочно видеть; оригинал (начиная с «в которыхъ»): daer uyt men de Cosacksse lichtvaerdigheydt klaer kan sien [Вести-Куранты 1671–1672: 56, 505]. Здесь нидерландское *lichtvaerdigheydt* ‘легкомыслие’ переведено как *непостоянство*.

В духовной литературе и документах, примыкающих к ней, также широко распространяются (*не*)*постоянный* и проч. Здесь они обозначают '(не)твердость в вере'. Ср. в грамоте патриарха Никона «о моровом поветрии»: Бяху бо и тогда лживии хотяшии уподобитися Христовымъ истиннымъ Апостоломъ: но не послушаху ихъ Христиане, постоянно во Христовѣ ученіи пребывшии [ПСЗРИ I: № 188 (390)]. Ср. в его же «Возражении или разорении...» (1662?): ...глаголет право в речах непостоянных безопаснейшая сторона имеет быть обрана, потому что безопасни ныне кто таков муж мудр, который бы подался в опасение... Тако же мудрый человек всегда ищет безопаснейшия и в речах постоянных укрепляется к лучшему [Патриарх Никон 2004: 208]; Зриши ли, неправедный ответотворче, колико зло приносит прекословие к Богу, клятву земли, неплодство и во всяком деле непоспешество, стенание, то есть печали и скорби множество, трясение, то есть смятение ума и непостоянство [Там же: 215]. В документах, относящихся к истории церковного раскола: ...гречяне-де и Малые Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой-де и честь тѣхъ прельстила. и своимъ-де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало (Записка о жизни протопопа Ивана Неронова съ 1653 по 1659 год [Материалы для истории раскола I: 150]); ...глаголя, яко Никонъ въ вѣрѣ есть непостояненъ и остави совершенно вѣру христіанскую (Деяния Московского собора 1666 г. [Материалы для истории раскола II: 86]); Сего убо ради не подобаеть отнюдь и прежде возраста лѣтъ и безъ искуса пострижи монахомъ ради непостоянства разума и слабости юношеской (Книга соборныхъ дѣяній... [Там же: 257]); И онъ, Никонъ, почто въ постоянствѣ не стоитъ и почто благословляти людей инако, не трема персты, напечаталь? (Челобитная Никиты Пустосвята [Материалы для истории раскола IV: 81 прим.]).

С другой стороны, (*не*)*постоянный*, (*не*)*постоянство* во множестве присутствуют у Симеона Полоцкого. Ср. в «Вертограде многоцветном» (1676–1680): Осмая — яко в дѣлѣхъ всѣхъ мѣру хранилъ есть, // праведно, постоянно дни своя вся жилъ есть (Авраам) [Вертоград I: 29]; Грѣхъ и непостоянство, имже отпадаем // твердости суда, и в томъ измѣнни бываем (Греси ума) [Там же: 231]; Наконец, да бы мзду намъ вящшу получитьи // Сия вѣдуше, тщимся постоянно быти (Искушение) [Вертоград II: 122]; Третье, во обою постоянно быти // достоинъ хотящему дѣло совершити (Крепкодушие) [Там же: 230]; Четвертое, хранить повиновение, // кротость и постоянство, купно терпѣние (Смирение) [Вертоград III: 160] и т. п. Здесь приведены лишь некото-

рые примеры, где *(не)постоянный*, *(не)постоянство* используются для характеристики людей, их поведения и поступков. Разумеется, те же слова употребляются и в других значениях, ср. ‘неизменный’: И воля постоянна есть во вѣки Его, // никогда хотѣнїа мѣнит Он Своего (Бог неизменен) [Вертоград I: 112]; ‘непрестанный’: Толь постоянно в дѣлех всяческих хоужаше... (Марии детство) [Вертоград II: 290]; ‘бренный, преходящий’: Мир сей непостоянный, невѣм, вскую честен, // зане исполни бѣд, скорбѣи и велми есть лестен (Мир) [Там же: 327]; От сна четыре царства будуща вѣщает // и их непостоянство, и силы являет (Из книги Даниила пророка) [Вертоград III: 518] и проч. Нельзя не отметить характерную для стиля барокко тему «непостоянства» земного счастья, богатства, власти, пронизывающую дидактическую поэзию Симеона Полоцкого. Это, естественно, создает дополнительный стимул для активного использования слов *постоянный* и *постоянство*.

Симеон Полоцкий не просто работал в стилистике барокко, но и принадлежал к транснациональной латиноязычной интеллектуальной культуре раннего Нового времени, поэтому употребление *(не)постоянный*, *(не)постоянство* может быть дополнительно активизировано и насыщено определенными коннотациями за счет ориентации на латинские сочинения. В тех случаях, когда стихи из «Вертограда...» представляют собой выявленный перевод или пересказ латинского сочинения, это можно продемонстрировать. Например, двустипхи: Непостоянный умом и в дѣлѣх измѣнный // в птицу скоропаряшу мнится преложенный (Грех) [Вертоград I: 239] — является близким к тексту стихотворным пересказом фрагмента из книги проповедей Матиаса Фабера “*Concionum opus tripartitum...*” (1631): *Levis atque inconstans studia permutat? nihil ab avibus differt* [Там же: 346]. *Levis atque inconstans* (буквально: «легкомысленный и непостоянный») переводится как «непостоянный умом». Влияние *(in)constans*, *(in)constantia* на словоупотребление таких авторов, как Симеон, вполне возможно, но оно скорее состояло в семантическом обогащении *(не)постоянный*, *(не)постоянство*, но никак не в продвижении самих слов, которые имели уже солидную традицию употребления в близких значениях, в том числе и в книжных текстах.

В связи с активизацией употребления *(не)постоянный* и *(не)постоянство* нельзя не обратить внимание на такой жанр, как русские бытовые повести XVII в. В этих повестях *(не)постоянный*, *(не)постоянно*, *(не)постоянство* широко используются для характеристики как положительных, так и отрицательных персонажей: Мати же, о нем

такое слыша, и непостоянством зѣло огорчися, и пишеть к нему писание, дабы оттуда возвратился во градъ Казань в домъ отца своего (Повесть о Савве Грудцыне) [БЛДР 15: 49]; И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господинъ Скобеев, живи уже постоянно отстань за ябидою ходить, живи в отчине своей, лутче здравию» (Повесть о Фроле Скобееве) [Там же: 72]; «...Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина!» (Там же) [Там же: 73]. I вздумалъ онъ Эроль Скабѣевъ искать случая какъ бы с Аннушкою познакомитца и не знаетъ наитить какова себе онъ пріятеля какъ бы чрез ково могъ получить чтоб Аннушку видеть; а болѣе не допускала ево Скабѣева бедность, потому что он дворенинъ небогатой, а еще же и Аннушкина постоянство (Повесть о Фроле Скабееве, по другой рукописи) [Покровская 1934: 289]; И между тѣми купецкими людьми бысть нѣкоторый купецъ именем Амбросий, от града Пляценти, нравом же человекъ непостоянный и блудолюбивый (Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей) [БЛДР 15: 90]; Тамо же бысть нѣкий купецъ именемъ Викентий, от града Еневы, человекъ постоянный и добронравный, и благоразумный, ничего пустотнаго не глагола, ниже смѣяся, и ни смѣхотворному глаголаню внимая (Там же) [Там же: 90]; А окрестныя сосѣди имамъ близ дому моего не постоянныи и зѣло радующиися чюждему имѣнию (Там же) [Там же: 93].

Интересной и важной особенностью моральных характеристик с использованием *(не)постоянный*, *(не)постоянно*, *(не)постоянство* является их, в некотором смысле, неопределенность. Что, например, имел в виду Ловчиков (а потом и Нардин-Нашокин), говоря Фролу Скобееву «живи постоянно»? Устроиться на более respectable должность, вести себя более степенно, не заниматься морально предосудительными делами? Кажется, что этот вопрос имеет узко частное значение, на самом же деле он, как представляется, имеет прямое отношение к истории понятия в целом.

История слова *(не)постоянный* и производных от него как бы распадается на две мало связанные между собой части. До XVI в. мы видим в основном книжные *(не)постояньн(ый)/(не)постойн(ый)*, созданное на раннем этапе истории славянской книжности для перевода греч. ἀνυλόστατος и используемое, как и греческое слово, в разных значениях. Широко распространенным является значение ‘невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять’, но встречаются и другие; кроме того, эти слова используются и для перевода других

греческих слов. Можно допустить, что *постояньн(ый)/постояйн(ый)* вообще парадоксальным образом произошли от соответствующих отрицательных форм. Но даже если моя несколько произвольная догадка неверна, они находятся на глубокой периферии и встречаются очень редко. Хотя уже в относительно раннюю эпоху (Пчела, XII в.) мы видим *постоинъ*, используемое для характеристики положительного нравственного склада.

Отчасти в XVI в., а по-настоящему в XVII в. у рассматриваемых здесь слов начинается совершенно новая жизнь. Они активно употребляются в текстах широчайшего спектра; при этом то значение, которое было наиболее характерным в древнейшую эпоху, совсем уходит из оборота, а на передний план выходят значения '(не)стабильный, (не)вечный, (не)прочный', '(не)надежный, (не)верный, (не)стойкий', '(не)действующий на постоянной основе', 'неизменный/меняющийся' и т. д. Значение же 'невыносимый; такой, перед которым невозможно устоять' совершенно выходит из употребления²¹.

Можно было бы предположить, что эти слова вообще вторично возникли независимо, но в это трудно поверить, учитывая, что они употреблялись, хотя и редко, в тех значениях, которые актуализировались в XVII в., еще в древнейший период, да и впоследствии никогда не уходили из поля зрения книжников полностью. Более резонно предположить, что эти слова, книжные по своему происхождению, существовали на периферии зрения даже образованных авторов и что их употребление активизировалось в эпоху, когда к их смысловому потенциалу возник особый интерес.

В этом отношении как будто не возникает вопроса, почему таким временем стал именно XVII век, поскольку именно для него характерна политическая и социальная нестабильность, внешние войны и внутренние конфликты, серьезнейший религиозный кризис, завершившийся церковным расколом. В этот период естественным образом возникает потребность в языковых средствах для обозначения тех или иных людей, явлений, институций, элементов и характери-

²¹ Зато у протопопа Аввакума в «Житии...» находим, например, употребление *непостоянный* в неожиданном значении: А виновныхъ много; сїя суть: Господь Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисїаненъ, Трївпостасенъ, Царь славы, Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ [Материалы для истории раскола V: 2]; ср. у него же в «Списании и собрании о божестве и о твари...»: Неприступно Божество и непостижно, и не постояанень Богъ во единомъ мѣстѣ [Там же: 311–312]. «Непостоянный» у Аввакума близко к «Вездесущий» как одному из атрибутов Божества.

стик общественной действительности как подвижных, изменчивых, проходящих или, наоборот, как устойчивых, надежных, верных. Исходя из этого, неизвестная до сих пор популярность (*не*)*постоянный* и производных от него кажется вполне объяснимой.

Это как будто не вызывает сомнений. Однако возникает вопрос, неужели в языке предшествующих эпох не было слов для передачи подобных значений. А если они существовали, непонятно, зачем носителям языка понадобилось актуализовать малоиспользуемые лексические ресурсы. Конечно, далеко не все языковые изменения удастся объяснить на языке элементарной причинности. Обычно одновременно действует целый ряд факторов, а многое приходится, за неимением лучшего, объяснять случайностью. Тем не менее в данном случае можно попытаться усмотреть в широком распространении (*не*)*постоянный* некоторую логику.

Приведенный выше материал демонстрирует большое разнообразие значений и контекстуальных употреблений (*не*)*постоянный*. Почти все контексты, однако, можно разделить на следующие основные группы: 1) упоминания отдельных вещей, явлений, институций, для которых значимо, что они существуют на постоянной основе, не меняются, не передвигаются в другое место, повторяются регулярно и т. д.; 2) назидательные рассуждения о непостоянстве мира, мирского счастья, богатства, власти и т. д.; 3) моральные характеристики лиц и групп лиц.

Есть ли какой-то общей знаменатель у всех этих разнородных по семантике и прагматике словоупотреблений? Позволю себе высказать осторожную гипотезу. В Новое время становится важным, если можно так выразиться, внешний, до некоторой степени инструментальный подход к вещам и явлениям, людям и социальным группам. Военный отряд, крепостная стена, погода важны в практической перспективе — можно ли на них положиться. Возникает своего рода прагматический фокус отношения к живым и неодушевленным, наделенным даром слова и бессловесным, делам рук человеческих и созданиям природы. Этот фокус и обслуживается вновь актуализованным и входящим в широкое употребление словом (*не*)*постоянный*, широкий смысловой диапазон которого «предсказывается» и обеспечивается многозначностью глагола *постояти*.

И здесь нужно вернуться к началу настоящей работы, где была поставлена задача — понять, как в русском дискурсивном обиходе, вне философских систем и моралистических трактатов, возникла потребность говорить о таком этическом качестве, как постоянство.

Слово (*не*)*постоянный* обладает принципиально широкой семантикой. Отчасти это связано с многозначностью слова *постояти*, от которого оно происходит. Кажется важным, однако, что это слово может характеризовать людей, вещи, явления и пр. как в перспективе чьей-либо активной деятельности, так и в перспективе пассивного существования. Поэтому употребление этого слова как бы нейтрализует эту разницу. Словом *постоянство*, отнесенным к войску, можно обозначить и мужество, и упорство и простую верность присяге. «Непостоянный» можно сказать о человеке, склонном к аморальным поступкам, а можно просто о колеблющемся, нестойком — важен прагматический фокус²². «Непостоянным» любовником может быть тот/та, кто с самого начала всерьез не воспринимал(а) отношения, или тот/та, кто склонен/склонна к ветреному поведению вообще, или тот/та, кого путем уговоров и соблазнов склонили к измене, — обманутая сторона видит ситуацию в прагматическом фокусе.

С другой стороны, (*не*)*постоянный* — это в некотором смысле автореферентная характеристика. Если мы характеризуем с его помощью человека или группу лиц, мы не конкретизируем содержание этой характеристики. Выше отмечалось, что иногда совершенно непонятно, что имеется в виду, когда говорится, что Фрол Скобеев должен «жить постоянно». Совсем не так обстояло бы дело, если бы было сказано, что ему следует жить честно, по-христиански праведно, скромно и т. п. Однако герои повести избирают именно слово *постоянно*, говоря тем самым, что он должен жить так, как следует жить, соответственно принятым в обществе стандартам существования. Это, наверное, включает в себя и коммерческую надежность, и бытовую честность, и несклонность к рискованным затеям.

Вполне вероятно, на пороге Нового времени возникает потребность в моральных характеристиках нового типа, — во-первых, стирающих грань между активными действиями и пассивными склонностями и, во-вторых, автореферентных, лишенных конкретного содержания. Эта вновь возникшая потребность связана с изменением характера тех этических норм, которые действуют в обществе. От индивида ждут не героизма или святости, а, скорее, некоторой

²² Интересно было бы проанализировать с этой точки зрения отсутствие (*не*)*постоянный* в летописях (вплоть до очень позднего времени) и широкое употребление его, например, в актах XVII в. Видимо, дело в том, что хотя в летописях говорится много о верности и измене, однако отсутствует прагматический фокус: летописец рассказывает о событиях в нравственной перспективе — даже если сочувствует вполне определенной стороне.

дисциплины, подчинения общим стандартам²³ — таково, вероятно, приложение к этике сформулированного выше принципа прагматического фокуса. Индивид должен вести себя так, как следует, а не следовать содержательным, но никак не соотношенным с общественными запросами моральным предписаниям. Этому конфликту в дальнейшем будет посвящена целая литература: что ценнее — быть конформным установлениям общества, где живешь, или принципиальным моралистом.

Вот почему постоянство появляется в русском дискурсивном обиходе в качестве особой добродетели, а впоследствии выдвигается на роль добродетели универсальной, добродетели как таковой²⁴, и уже в рамках той или иной дискурсивной практики принимается решение, конкретизировать его смысл или оставить его непроявленным. В качестве такой универсальной добродетели постоянство играет замечательную роль в наступающем XVIII в., но это тема для отдельной работы²⁵.

Источники и литература

Акты I–IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I–IV, СПб., 1836.

Акты исторические I–V — Акты исторические. Т. I–V. СПб., 1841–1842. Амфилохий 1880 — [Амфилохий.] Словарь из Пандекта Антиоха XI века Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1880.

Амфилохий I–IV — [Амфилохий.] Древлеславянская Псалтирь Симонская до 1280 года, сличенная с рукописными Псалтирями XI–XVII веков и старопечатными XV и XVII веков, с греческим текстом X века из Феодоритовой Псалтири, сличенным с Псалтирю в Си-

²³ Так, важны становятся не храброе или робкое, лояльное или изменническое поведение войска на поле брани (в конце концов, субъективные порывы тех или иных людей, его составляющих), а практические свойства этого войска, проявляемые в критической ситуации (можно на него положиться или же нельзя). Вот, вероятно, почему в раннем летописании и в Московском летописном своде отсутствует характеристика (*не*)постоянный, появляющаяся в изобилии в эпоху централизованного государства.

²⁴ О потребности в выделении такой «центральной добродетели» на рубеже Нового времени см. [Кагарлицкий 2019: 156–157].

²⁵ Автор благодарен Р. Н. Кривко и Б. П. Маслову за ценные советы, полученные в ходе работы над статьей.

- найской Библии, Псалтирью 862 года, Псалтирью X века Норовскою и Псалтирью X–XI веков: М., 1880–1881. Т. I–IV.
- Бенешевич 1906 — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. СПб., 1906. Т. 1.
- БЕР V — Български етимологичен речник. София, 1996. Т. V.
- БЛДР 1–19 — Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997–2015. Т. 1–19.
- Вертоград I–III — Simeon Polockij (1629–1680). Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by Anthony Hippisley a. Lydia I. Sazonova. With a forew. by Dmitrij S. Lichačev. Köln etc., 1996–2000 (= Bausteine zur slavischen Philologie u. Kulturgeschichte. R. V. edition... Bd. 10). Тт. I–III.
- Вести-Куранты 1600–1639 — Вести-Куранты: 1600–1639 гг. М., 1972.
- Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670 — Вести-Куранты: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009.
- Вести-Куранты 1671–1672 — Вести-Куранты: 1671–1672 гг. М., 2017.
- ВМЧ сентябрь 1–13 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868.
- ВМЧ сентябрь 14–24 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869.
- ВМЧ сентябрь 25–30 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883.
- ВМЧ октябрь 4–18 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Октябрь, дни 4–18. СПб., 1874.
- ВМЧ ноябрь 1–12 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897.
- ВМЧ ноябрь 11, приложение — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Ноябрь, день 11, приложение. СПб., 1904.
- ВМЧ декабрь 18–23 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Декабрь, дни 18–23. М., 1907.
- ВМЧ январь 1–6 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Январь, дни 1–6. М., 1910.
- ВМЧ январь 6–11 — Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием. Январь, дни 6–11. М., 1914.
- ГБ Псалтирь — Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 4. Псалтирь. М., 1997.
- Доброклонский 1914 — А. П. Доброклонский. Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. 2. Его творения. Одесса, 1914.
- Дополнения к АИ I–XII — Дополнения к Актам историческим. Т. I–XII. СПб., 1846–1872.
- ИИВ I–II — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. М., 2004. Т. I–II.

- Истрин 1893 — В. М. *Истрин*. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Кагарлицкий 2019 — Ю. В. *Кагарлицкий*. *Fortitudo* схоласта и *fortitudo* гуманиста: опыт изучения изменений конструктивной роли понятия // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019. С. 118–159.
- Материалы для истории раскола I–IX — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. I–IX / Под ред. Н. Субботина. М., 1875–1895.
- Молдован 2000 — А. М. *Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности М., 2000.
- Патриарх Никон 2004 — Патриарх *Никон*. Труды. М., 2004.
- Переписка Грозного с Курбским 1979 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- Пичхадзе 2011 — А. А. *Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Покровская 1934 — В. Ф. *Покровская*. Повесть о Фроле Скобееве. По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. I. М.; Л., 1934. С. 249–297.
- Погорелов 1910 — В. А. *Погорелов*. Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе (= Памятники старославянского языка. Т. 3. Вып. 1). СПб., 1910.
- Послания Ивана Грозного 1951 — Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
- ПСЗРИ — Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. С 1649 по 12.12.1825. СПб., 1830.
- Пчела I–II — «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I–II. М., 2008.
- Словарь XI–XIV вв. I–XII — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII—. М., 1988–2019—.
- Словарь XI–XVII вв. 1–31 — Словарь русского языка (XI–XVII вв.). Вып. 1–31—. М., 1975–2019—.
- Творогов 1972 — О. В. *Творогов*. Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции // Троянские сказания. Л., 1972. С. 161–187.
- Тихонравов I — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым: Т. I. М., 1859.
- Троицкий сборник 1988 — J. *Popovski*, F. J. *Thomson*, W. R. *Veder*. The Troickij Sbornik (= Полата књигописна, 21–22). Nijmegen, 1988.
- Феодор Студит 2010 — *Прп. Феодор Студит*. Творения. Том 1: Нравственно-аскетические творения. (= Полное собрание святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе, т. 5). М., 2010.

- Ягич 1886 — *И. В. Ягич*. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. (= Памятники древнерусского языка, т. 1). СПб., 1886.
- Guido de Columnis 1936 — *Guido de Columnis*. Historia destructionis Troiae. Cambridge (Mass.), 1936.
- Jagić 1907 — *V. Jagić*. Словенская Псалтырь. Psalterium Bononiense. Interpretationem veterem slavicam cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornata, appendicibus auctam adiutus academiae scientiarum vindobonensis liberalitate edidit V. Jagić. Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1907.
- Lampe 1961 — A Patristic Greek Lexicon / Edited by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.
- Liddell, Scott 1996 — *H. G. Liddell, R. Scott* / H. S. Jones (Ed.), R. McKenzie (Assistant). Greek-English Lexicon. Ninth Edition with a Revised Supplement. Oxford, 1996.
- Oestreich 1982 — *G. Oestreich*. Neostoicism and the Early Modern State / Translated by David McLintock. Edited by Brigitta Oestreich and H. G. Koenigsberger. New York, 1982.
- Simrock 1845 — *K. J. Simrock*. Die deutschen Volksbücher; gesammelt und in ihrer ursprünglichen Echtheit wiederhergestellt. Bd. 13. Hans von Montevilla; Aesops Leben und Fabeln; Meister Lucidarius; Zwölf Sibyllen Weissagungen; Lebensbeschreibung des Grafen von Schafgotsch. Frankfurt a. M., 1845.
- SJS I—IV — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—1997. Vol. I—IV.
- Vaillant IV — *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. Paris, 1974.
- Zrządła do dziejów polskich I — Zrządła do dziejów polskich wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Przędzieckiego. Wilno, 1843. T. I.

Е. Э. Бабаева

Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
ПОДРОСТОК
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Подростковый период жизни человека, в отличие от детства, сравнительно недавно начал притягивать внимание исследователей как самостоятельный объект социальной истории; см., например, монографии: [Thiercé 1999; Owen 2020]. Отдельной областью подобных исследований могла бы стать, как кажется, история развития и перестройки словаря возраста в разных языках, вызванные модификацией в представлениях о стадиях взросления человека. Данная работа посвящена истории «изобретения» понятия ‘подросток’ в русской языковой картине мира — от первых употреблений слова *подросток* до более широкого его проникновения в узус — на фоне других лексем, характеризующих излет детства и начало юношества, в его соотношении с некоторыми экстралингвистическими факторами.

Подростковый возраст занимает особую позицию в классификации возрастных стадий: располагаясь между *детством* и *юностью*, он имеет нестабильные нижние и верхние границы, которые колеблются в зависимости от эпохи и принятой в каждом сообществе социо-возрастной модели. Любопытно в этом отношении, что название данного периода в современных словарях имеет разные толкования. Так, например, в словаре [СУ] *подросток* определяется как ‘мальчик или девочка в возрасте от 12 до 16–17 лет’; в словаре [МАС] — ‘мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте’ (от 12 до 16 лет); в словаре английского языка [MacMillan] *adolescent* — ‘a boy or girl who is changing into a young man or woman. The physical changes that take place at this time are known as puberty. An adolescent between the ages of 13 and 19 is called a teenager’; во французской традиции (в словаре [PR]) подростковый возраст (*adolescence*) может определяться как ‘*âge qui succède à l’enfance et précède l’âge adulte (en-*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00291 (Подготовка Активного словаря русского языка).

viron de 12 à 18 ans chez les fillis, 14 à 20 ans chez les garçons), immédiatement après la puberté'. В арабском языке существует термин *мурахак* (*muraahiq*), обозначающий переходный период, который начинается в 7 лет и заканчивается с достижением полового созревания (самый ранний возраст полового созревания для девочек определяется как 9 лет, для мальчиков — 12 лет). Таким образом, важными оказываются следующие компоненты понятия: промежуточное положение, пубертат, не очень четкие возрастные границы.

Подростковый период жизни человека задается, конечно же, биологическими особенностями (ср. обычную ориентацию на пубертат при его определении), однако осмысление этого периода в значительной степени является культурным и интеллектуальным конструктом, необходимость в котором появляется достаточно поздно.

Как уже отмечалось, типологически определение возраста по годам — явление довольно позднее [Гавлова 1967]. Изначально представление о возрасте связывалось со словами, исконое значение которых — 'рост' или 'сила', иначе говоря, возраст воспринимался как определенный уровень размера или мощности. С этой точки зрения представляет большой интерес, как мне кажется, наблюдение французского историка Филиппа Арьеса, обратившего внимание на то, что в романском искусстве до XIII в. ребенок выглядит как маленький взрослый; если он и отличается от него, то исключительно размером — ростом и силой [Арьес 1999: 44–45].

Существует большое количество языковых данных, свидетельствующих о сближении представлений о силе (размере), росте и возрасте. И.-е. основа **aiǵ-* 'жизненная энергия, жизненная сила' отражена в греч. αἰών 'возраст', авест. *āyu-* 'возраст, век' [ЭСИЯ I: 306–308], лат. *grandis*, связанное с глаголом *grandire* ('расти'), указывавшее на зрелый возраст, с древних времен могло применяться к растениям [Ernaut, Meillet 2001: 281] и означало 'растущий', 'мощный', лат. *juvenis* также несет в себе семантику расцвета сил [Ibid.: 331]. Семантический переход 'величина' → 'возраст' представлен во многих языках (ср. например, в сиренинском *añula* 'рост' и 'возраст' [Мудрак 2011: 134]). Русское прилагательное *старый* имеет в своем составе корень **sta-* 'стоять'; согласно О. Н. Трубачеву, вероятным древним значением для этого слова является 'имеющий силу, крепкий, большой'¹. Это

¹ Ср. также др.-инд. *sthirá-* 'крепкий', лит. *stóras* 'толстый', др.-исл. *stórr* 'большой', англосакс. *stōr* 'сильный'. О. Н. Трубачев предполагает, что значение 'старый' является семантической инновацией славянского *starъ* [Трубачев 2006: 178].

значение, как указывает О. Н. Трубачев, встречается в былинах: оно является, в частности, эпитетом Ильи Муромца, совершавшего подвиги во цвете лет [Трубачев 2006: 178–179]. По всей вероятности, именно такой смысл следует приписать прилагательному *старый* в фольклорной цитате, приведенной в СРНГ под толкованием «о пожилом человеке»: *Выезжал же старой казак на чисто поле, наезжал же старой казак на диковинку* [СРНГ 41: 88]. С другой стороны, прилагательное *молодой* этимологически связано с глаголом *молоть*, таким образом, данный возраст осознается в связи с представлением о небольшом размере². К семантике малого размера возводится также, например, др.-греч. *παῖς*³.

Рост человека и достижение им определенного возраста может осознаваться как результат вскармливания: так, к и.-е. корню **al-* ‘родить’, ‘вскармливать’ → ‘растить’ (**al-~~to~~-s* ‘вскормленный’, ‘выросший’) восходят, в частности, греч. *νεαλῆς* ‘юношеский’, ‘бодрый’, лат. *alo*, *alere* ‘кормить’, *alēscere* ‘расти’, ‘увеличиваться’, *adolēscere* ‘расти’ (*adultus* ‘взрослый’), *adolescens* ‘подростающий’, ‘молодой’, *indolēs* ‘подростающее поколение’, *subolēs* ‘потомство’, ‘молодежь’, *prōles* ‘потомок’, ‘молодежь’, гот. *alīps* ‘откормленный’, *alpeis* ‘старый’ (см. базу данных Старостина — Николаева: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-starostin/iee-a.htm>).

Заметим также, что на ностратическом уровне прослеживается семантическая связь между смыслами ‘расти, вырасти’ → ‘быть’ [Иллич-Свитыч 2003: 184–185]; ср. также, например, пару *быль* ‘травинка’ — *быть*. Собственно основа *люд-*, согласно одной из этимологий, семантически возникает из идеи роста (ср. гот. *liudan* ‘расти’, лат. *liberi* ‘растущие’ → ‘дети’, с.-х. *лѹдина* ‘крупный человек’) подобно тому, как праслав. **rodъ* и **narodъ* соотносится с и.-е. корнем **~~ur~~edh-* ‘расти’ [ЭССЯ 15: 197–199]⁴. Интересно, что данная основа может также осмысляться в связи с возрастом: коми *людской* ‘взрослый’ [СРНГ 17: 244].

Легко заметить, что внутренняя форма слов *возраст*, *взрослый*, *подросток*, *зрелый*, *преклонный* также отсылает к идее роста, прорас-

² И в данном случае речь идет, как полагает О. Н. Трубачев, о славянской инновации, поскольку в других языках представлен технический термин, обозначающий ‘молотый, растертый’ [Трубачев 2006: 186]. Ср. также *малец*, *мальчик*, *кроха*.

³ О развитии этого понятия в истории греческого языка см. в: [Golden 1985].

⁴ Ср. этимологию праслав. *čelověkъ* как соединение и.-е. **kel-* ‘возрастать’, ‘подниматься’ и **uoik-* ‘жизненная сила’ [Топоров 2006: 259].

тания, созревания и увядания; ср. еще др.-рус. *(по)спѣти* ‘приближаться к нужному для какой-л. деятельности возрасту’: *А Овдокимко деи въ нашу службу поспѣлъ, а Бориско деи да Гльбко да Офонаско въ нашу службу спѣють* (1556) [СРЯ XI–XVII 18: 25]; *Он поспел в солдаты* [Даль III: 340]; диал. (урал.) *спелый, поспелый: Он стар, уж спелый, поспелый* [СРНГ 13: 201], *Уж года-то спелые* [СРНГ 40: 130]; диал. (пск., твер.) *поспелка* ‘девушка на выданьи’ [СРНГ 13: 201].

Существительное *возраст*, как и ст.-слав. *възрасть*, к которому, возможно, оно восходит [Аникин 8: 101–102], изначально указывало именно на рост и (шире) на внешний вид животного и человека, и только затем начало связываться с количеством прожитых лет; ср. *быть в возрасте <во всей поре>* ‘находиться в расцвете сил’ [Кабакова 1995: 405], а также *Вырослый, в полный возраст пришедшии* (Немецко-латинский и русский лексикон Э. Вейсмана, 1731) [СРЯ XVIII 5: 21]. Значение, указывавшее на физический размер, сохранялось вплоть до XVIII в.; ср. также *возрастный* в значении ‘высокого роста’: *черемисы есть народ мужественный и возрастный* [СРЯ XVIII 4: 27]. Слово *взрослый*, известное с XVIII века, тоже изначально указывало на рост, на то, что человек является рослым: *Мальчик сей был тогда уже лет пятнадцати, довольно взрослый и собою отменно хорош* [СРЯ XVIII 3: 139]. Это значение сохраняется в лексикографии в качестве мотивирующего на протяжении следующего XIX века; ср. формулировку первого значения прилагательного в Словаре русского языка, составленном имп. Академии наук, который вышел в 1895 г. под редакцией Я. Грота, где первым приводится значение «достигший полного роста», а затем уже «вышедший из отроческого возраста» [СРЯ 1895: 408]. С другой стороны, слово *рост* в XIII–XIV в. стало указывать на *возраст: детский рост* [СДРЯ XI–XIV X: 456]. Такие употребления фиксируются и для более позднего времени; ср. у Николая Спафария (1678 г.): *Человек [...] ростом будет лет в тридцать* [СРЯ XI–XVII 22: 219]. Стадии в жизни человека могли также обозначаться словом *верста*: *Той же версту юнашескую идыи* (Житие Иосифа Волоцкого, XVI в.), это слово также указывало на людей одного возраста, т. е. проживающих одну стадию жизни: *Прииде некто отрочище скопец съй [...] беаше Епифану верста* (Житие Андрея Юродивого, XVI ≈ XI) [СРЯ XI–XVII 2: 93]; *Верста емлетя иногда вместо возраста, яко рещи, коея версты, не моя версты* [Поликарпов 1704: 43об.].

В конце XVI в. в текстах появляются слова *недоросток* и *недоросль*, а в XVII в. фиксируется прилагательное *недорослый*. Они характеризуют животное или человека, который не достиг полного,

то есть считающегося обычно нормальным (средним) роста. Однако существительное *недоросль* и прилагательное *недорослый* достаточно быстро начинают использоваться для указания на невключенность в процесс социализации и применяться к молодому человеку, который, принадлежа к служилому сословию, не достиг возраста, позволяющего поступить на службу. *Недорослями* могли называться во возрасту не служившие боярские дети, затем юные дворяне, еще не поступившие на государственную службу.

Вместе с тем, появившийся в 1762 году манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», как известно, освободил дворян от обязательной гражданской или военной службы. У дворян осталась единственная сословная обязанность — получение достойного образования⁵. Слово *недоросль*, таким образом, продолжая характеризовать дворянина, причем не обязательно юного, постепенно приобрело способность указывать на его небольшую образованность или же вообще на ее отсутствие⁶. Нельзя не заметить, что на историю восприятия и употребления этого слова сильно повлияла популярность знаменитой пьесы Д. И. Фонвизина. *Недорослю* приписывались некоторые типичные черты поведения и времяпрепровождения. Так, хорошо известно, что Гринев *жил недорослем, гоняя голубей и играя в чахарду с дворовыми мальчишками* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). В НКРЯ находятся и другие подобные примеры. Так, например, в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 А. С. Пушкин, находившийся в ссылке, пишет: *Жду к себе на днях брата и Дельвига — покаместь я один одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке, и слушаю старья сказки да песни; ср. еще: Недоростки любят кататься как сыр в масле [СРЯ XVIII 14: 170]*, а также характеристику *недорослей*, которые после манифеста Петра III *безбоязненно катались в невежестве как сыр в масле* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году).

Таким образом, слово *недоросль* в XIX веке могло употребляться, во-первых, как историзм (при отсылке к периоду в истории обще-

⁵ В параграфе 7 манифеста содержится указание, «чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать» [Манифест 1762].

⁶ М. А. Дмитриев в книге «Мелочи из запаса моей памяти», первое издание которой вышло в 1854 году, считал необходимым прокомментировать слово *недоросль*: *Он, в молодых летах, женился, будучи еще недорослем (так называли дворян, не бывших еще на службе)* [Дмитриев 1869: 124]. Можно предположить, что автор опасался того, что данное существительное будет не понято или понято неправильно.

ства, когда дворяне обязаны были служить), а во-вторых, как характеристика, обычно неодобрительная, для малообразованного человека (причем не обязательно дворянина) любого возраста. Постепенно стали возникать контексты, в которых *недорослями* называются люди, мало сведущие в какой-л. конкретной области или же не имеющие достаточно опыта в какой-л. сфере; ср.: *Мне странно, Иван Иванович, вы, кажется, человек известный ученостью, а говорите как недоросль* (Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем); *Один белобрысый деревенский недоросль вздумал смеяться надо мною* (Н. И. Греч. Черная женщина); *нравственный недоросль* (А. П. Чехов, Драма на охоте), *недоросли либерализма* (А. И. Герцен. Былое и думы), *революционный недоросль* (А. И. Герцен. Былое и думы)⁷. Негативная оценка, заложенная в данном слове, могла усиливаться; ср.: *Пожив в Петербурге, Райский сам решил, что в нем живут взрослые люди, а во всей остальной России — недоросли* (И. А. Гончаров. Обрыв); *В городе П. образовалась довольно опасная секта, носившая странное название «оглашенных недорослей». Устроив наскоро обсервационный пункт, я открыл, что кодекс этой секты состоял из нижеследующих двух пунктов: 1) считать себя от наук независимыми и убеждений не иметь и 2) стремиться и достигать* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Для детей). Однако заложенная изначально объективность характеристики, отражавшей некое положение дел (невозможность в силу возраста заниматься определенной деятельностью) позволяла употреблять слово и вполне нейтрально; ср.: *Я недоросль, я не мудрец / И мне важнее знать немного* (А. В. Кольцов).

Юридическое представление о *совершенном* возрасте или о *совершеннолетии* формировалось также постепенно. Очевидно, что существовали разные представления о соотношении возраста (*совершеннолетия*) и дееспособности; например, совершеннолетие, допускающее вступление в брак, не совпадало с возрастом, дававшим право на распоряжение имуществом⁸. В «Наказе» Екатерины II, относящемся к 1760-м годам, говорилось, что *недоросль до указанных возраста лет есть член семьи домашней, а не член общества* и предлагалось учредить опеку, чтобы он *по незрелому своему рассудку не разорился* [Наказ 1767: 98]. Именно это положение нашло отражение в академическом

⁷ Понятие *недоросль*, видимо, было очень важным для А. И. Герцена. В НКРЯ представлено 8 вхождений этого слова, выявленных в текстах А. И. Герцена, что выделяет его среди других авторов-современников.

⁸ См. краткую историю института дееспособности в российском законодательстве в: [Мельникова 2018].

словаре. Согласно первому изданию САР, *совершенный возраст* позволяет человеку в соответствии с законом распоряжаться своим имуществом [САР V 1794: 76]. Во втором издании САР сообщается, что в терминологическом употреблении *совершеннолетним* называется такой человек, который в силу возраста освобождается от присмотра опекунов [САР VI 1822: 314]. В. И. Даль сетовал на малоупотребительность слова *недоросль*, отмечая, что оно оказалось заменено «тяжелым» словом *несовершеннолетний* [Даль III: 514].

Можно предположить, таким образом, что физиологическое осмысление процесса взросления к XVII в. отступает в пользу социального, и *воспитание* начинает отделяться от *вскармливания* и соединяется с представлением о получении образования.

Однако проблематику формирования специального интереса к *подростковому возрасту* следует отделять от возникших достаточно рано классификаций периодов жизни человека, которые носили теоретический характер и могли опираться на различные соображения. Так, например, Цензорин, ссылаясь на Варрона, сообщал, что «до 15-го года — *puerī* “дети”, называемые так, поскольку они чисты (*puerī*), то есть безбороды; на второй — до 30 лет — *adolescentes* “подростки”, прозванные так оттого, что они растут; на третьей ступени пребывают до 45 лет, именуясь “юношами” (*iuvenes*), ибо могут государству помогать (*iuvare*) в военном деле. На четвертой вплоть до 60-го года — величаемые “старейшинами” (*seniores*), потому что тогда тело впервые начинает стариться» [Цымбурский 1986]. В известном сочинении «Ономастикон» Юлий Поллукс размещает за периодом *περὶ παιδίων* период, называющийся *περὶ μετρώσιον* [Pollux 1824: 75]; согласно словарям, *μετρώξι* — имя для девочки от 14 лет, а *μετρώσιον* — для юноши в возрасте от 14 до 21 года. В Средние века, как и в античности, существовало общее представление о циклах жизни человека. В целом периодизация жизни человека, являвшаяся скорее областью философских размышлений, выглядела довольно устойчивой и представлялась как череда этапов, что отражено в текстах и изображениях того времени [Арьес 1999: 33–36]. Например, в трактате XIII в. «Большое собрание всякого рода вещей», восходящем к ионийской философской школе VI века, выделялись стадии возраста человека, в том числе и отрочество (*adolescentia*), которое начинается в 14 лет и длится, согласно разным авторам, до 21, 28, 30 или даже 35 лет. На протяжении этого периода, как объясняется в трактате, человек достигает размера и силы, данной ему от природы [Там же: 32]. А. Я. Гуревич, обращаясь к средневековым классификациям возрастов, отмечал,

что упор в них «делался не на процесс перехода от одного возраста к другому, а на характеристику каждого из них, рассматриваемого изолированно» [Гуревич 2005: 198]. А. Я. Гуревич приводит различные схемы возрастных схем человеческой жизни, которые основываются на числовой символике и обычно носят схоластический характер [Там же: 197–200]. Подобные классификации находятся и в древнерусской традиции. Так, в одном из рукописных Азбуковников XVII века перечислены следующие возрасты человека: «1) младенец (до семи лет, «егда бывает зубом испадение»), 2) отрок (до 14 лет), 3) «детище» (до 21 года), 4) юноша (до 28 лет), 5) муж (до 35 лет), 6) «средовеч» (до 49 лет), 7) «старец» (до 56 лет)» (цит. по: [Громов 2009: 11]), ср. также: *отроча до 14 лет, оттоле детище* [СРЯ XI–XVII IV: 238].

Вместе с тем, проблематика переходного (подросткового) возраста могла осознаваться не только в статическом, но и в динамическом плане, иначе говоря, в соотношении с принятой в данном обществе социализацией еще не взрослого или почти взрослого человека. В Древней Греции, например, представления о возрасте обсуждались в связи с педагогическими теориями (так, в связи с концепцией воспитания к возрастным периодам обращался, например, Аристотель в «Политике»). Цензорин в XIV главе «Книги о дне рождения» сообщает, что у греков период с 14 до 17 лет имел особое значение, что выражалось в смене номинаций: 14 лет — παῖς, 15 — μελλέφηβος, 16 — ἔφηβος, 17 — ἕξ ἐφήβων [Шымбурский 1986]. В возрасте ἐφηβία юноша начинал двухгодичный курс военной подготовки, после которого подвергался докимасии (δοκιμασία) (о принципах деления возрастов в Спарте в связи с образованием и об *эфебии* в Афинах см. в: [Марру 1998: 42; 151–158]). В Древнем Риме в императорскую эпоху юноши проходили специальный обряд между 14 и 17 годами, после чего переходили в категорию *puberes*. Достигнув возраста перехода, юноши меняли детскую одежду (*toga praetexta*) на взрослую (*toga virilis*) [Коптев 1997]. Шестнадцатилетние юноши составляли так называемые *classis*, т. е. первоначальное войско [Коптев 1997а: 50].

Следует отметить, что известны также некоторые отдельные наблюдения, касавшиеся особенностей поведения подростков. Так, А. Я. Гуревич приводит фрагмент из проповеди Юлиана из Везеле, в которой говорится об отрочестве как о периоде «чувствительном» и «недисциплинированном», когда человек не слушает ни разума ни советов [Гуревич 2005: 199]. Однако в Средние века светское и церковное право не выделяло *подростковый период* как отдельную

стадию жизни человека. В эту эпоху важен был лишь возраст вступления в права наследства, а также возраст поступления в услужение или обучение (ср. существование в Европе института подмастерьев, а также повсеместной практики обучения в чужих семьях, так сказать, «в людях»)⁹, который мог не совпадать в разных странах и меняться от века к веку. В повседневности понятие *возраст* означало, скорее всего, не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, включая брачный и социальный статус; при этом следует отметить, что категория *возраст* была гораздо важнее для мальчиков, чем для девочек. Ф. Арьес определял период Средневековья как цивилизацию взрослых, поскольку ребенок достаточно быстро оказывался выброшен в мир взрослых, чему особенно способствовал детский труд. Предтечей осознания детства в Европе, как полагает исследователь, послужило новое упорядочивание и оформление периода школьного обучения: в школе ребенок становился объектом специального дисциплинирования, что отдаляло его от мира взрослых; детство же тех, кто не учился или учился недолго, по-прежнему оставалось очень коротким [Арьес 1999: 331–334].

Возвращение «чувствительности» к детству, по всей видимости, связано с формированием нуклеарной семьи в городской среде. Оно началось в XV в. и достигло расцвета в XVIII в. — одновременно с выделением буржуазной (городской) среды; см. подробнее в: [Желис 2016: 348], а также в: [Арьес 1999: 405–407; Le Breton 2013]. Этот процесс сопровождался переносом общественного внимания на внутреннее устройство семейных отношений.

Если в XVII в. в центре внимания социума в Европе находился юношеский возраст, то в XIX в. предметом более пристального рассмотрения стало детство¹⁰. Подростковость, «критический» этап взросления с просыпающейся, в частности, сексуальностью, не мог оставаться, конечно же, незамеченным; известно, что этому периоду посвящен четвертый том «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо. Изучение феноменов *юности* и *детства* неизбежно приводило к необходимости описать границу между этими стадиями.

⁹ Хорошо известно, что слова, обозначающие подросткового мальчика или юношу, могли развивать значение ‘слуга’ (ср., например, *παῖς, puer, boy, garçon, valet, отрок, ребенок*).

¹⁰ Обзор работ, посвященных изучению детства в отечественной истории, а также новейшую библиографию можно найти в работе [Ромашова 2013].

Настоящее осмысление этой границы следует относить к рубежу XIX и XX веков, хотя социально-исторические предпосылки для активного конструирования понятия 'подросток' начали возникать несколько раньше. Французский историк и социолог Аньес Тьерсе предположила, что изменение возрастной структуры социума, связанное со становлением данного понятия, произошло в период между 1850 и 1914 гг. [Thiercé 1999]. Именно в этот период во Франции в центре общественного внимания оказываются такие черты *подростка*, как сексуализированное поведение, «особая» дружба между мальчиками, истеричность, бунт против школьных порядков. Во второй половине XIX в. судьи отмечали пугающий рост подростковой преступности, что отразилось в появлении в 1902 году термина *apache (anaui)* применительно к юным преступникам, действовавшим преимущественно в Париже. Замечу также, что именно в этот период *подросток* врывается и в мировую литературу.

В 1904 году в Соединенных Штатах была опубликована книга Гренвиля Стэнли Холла, в которой впервые анализировалась психология подростка [Hall 1904]. В 1909 году во Франции вышло исследование психолога Пьера Мандуса «Душа подростка» [Mendousse 1909]. Вместе с тем, антрополог Маргарет Мид, изучавшая в 1920-е гг. представления о социализации детей на острове Самоа, предположила, что существуют культуры, в которых подростковый период в жизни человека не выделяется, а взросление подразумевает отличную от американской стадийность [Mead 1928; Мид 1988]. Хорошо известно, что к древнейшим формам структурирования общества наряду с ранжированием, основанным на родственных связях, относят ранжирование, опирающееся на выделении возрастных (поколенческих) групп (см. подробнее в: [Калиновская 2018]): именно этот принцип лежал в основе той культуры, которую наблюдала на Самоа Маргарет Мид¹¹.

Обратимся теперь к данным русского словаря взросления.

¹¹ Ближе всего к проблематике выделения подросткового периода находится хорошо известная традиция обрядов инициации, которые символизируют переход человека на новую возрастную ступень внутри определенного сообщества, его отделение от мира детства, помещение в некое «промежуточное» пространство и затем включение в мир взрослых. Этот переход может сопровождаться, в частности, сменой номинации; так, например, на Сокотре девочка, не достигшая возраста обрезания, называется словом 'awgēno (димиутив от 'женщина'), а та, что достигла половой зрелости — словом *fīrhim* (образование от корня со значением 'резать') [Порхомовский 2018: 329].

Общеславянское **otrokъ* признается сравнительно поздним славянским образованием, имевшим семантику 'тот, кому отказано в праве говорить' [Трубачев 2006: 47]. О. Н. Трубачев предполагает переход *nomen actionis* (**otrokъ* 'отказ, неразрешение и неговорение') → *nomen agentis* [Там же]. В старославянских текстах, а также в древнерусских памятниках слово *отрокъ* имело широкую семантику и могло относиться как к младенцам, так и к мальчикам разного возраста и неженатым юношам [ССЯ II: 584; СРЯ XI–XVII 14: 19]); ср. классификацию номинаций у В. И. Даля: «Отрок м. отроковица ж. отрочица ж. арх. дитя от 7 до 15 лет, а пора эта: отрочество, отроческий возраст; подросток. До семи лет зов. младенцем, а иногда только до трех, а далее, до семи, дитятей» [Даль II: 751].

В старославянской письменности ограниченно встречаются термины *отрочъство*, *отрочъствие* [ССЯ II: 585] в соответствии с лат. *pueritia* (возраст примерно до 16–17 лет). В древнерусский период лат. *pueritia* соотносится с существительным *отрочатство*; в Успенском сборнике встретилось также слово *отрочие* [СРЯ XI–XVII 14: 21]¹². Слово *отрочество*, соотносящееся со словосочетанием *отроческий возраст*, согласно данным лексикографии, впервые фиксируется в 1723 году в предисловии к «Первому учению отроком» [СРЯ XVIII 18: 90]. В русско-французском словаре Антиоха Кантемира, создававшимся в 1730–1740-х гг., оно соотносится с французским существительным *enfance* ('детство') [Кантемир I: 802]. В 1790 году А. М. Брянцев писал: *От младенчества зависит детство, сие преемлется отрочеством, после сего наступает юношество и мужество* (Слово о связи вещей во вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года). Следует отметить, что, по данным НКРЯ, на протяжении XVIII и XIX вв. слово *отрочество* оставалось не очень употребительным, хотя на 1850-е гг. приходится некоторый рост использования этого существительного; следует отметить в связи с этим, что повесть Л. Н. Толстого «Отрочество» была напечатана в «Современнике» в 1854 году.

Понятие *переходный возраст*, по всей видимости, начинает формироваться во второй половине XIX века¹³. Первое употребление, согласно НКРЯ, относится к концу 40-х годов: *Г-жа Т. Ч. чрезвычайно любитъ героинь, только что вышедшихъ изъ дѣтства [...], видно,*

¹² При этом слово *отрок* употреблялось очень широко: по отношению и к мальчику и к юноше [СРЯ XI–XVII 14: 19]

¹³ Согласно НКРЯ, первые употребления словосочетания *подростковый возраст* относятся к 1940-м гг. Оно появляется в трудах отечественных психологов — С. Л. Рубинштейна и Л. С. Выготского.

что авторь «Тернистаго Пути» имьль много случаевъ наблюдать надь этимь переходнымь возрастомь, въ которомь ребячество такь умно, а начало страстей полно только чарующаго дьтства (А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике). С 1850 по 1900 годы в НКРЯ находится только 9 вхождений этого словосочетания, причем оно соотносится с *отрочеством* или с *ранней юностью* и характеризуется как период крайне неприятный и мучительный; ср., например: *Я читал где-то, что дети от двенадцати до четырнадцати лет, то есть находящиеся в переходном возрасте отрочества, бывают особенно склонны к поджигательству и даже убийству* (Л. Н. Толстой. Отрочество). Рост употребительности понятия *переходный возраст* начинается, судя по данным НКРЯ, после 1920-го года.

Немногие ранние употребления слов *подрось* и *подросток* в текстах относятся к XVII веку. В некоторых диалектах слово *подросток*, реализуя представление о связи роста и возраста, является синонимом для *ровесник*: *костром. моего подростку* ('моего возраста'), *Нас очень много девушек было, моего подростку, в моих годах* (1975); *Ульчин. Хабар. Мои подростки носили такие платья* (1956) [СРНГ 28: 162]. Сопряжение идеи роста и возраста, а также, в связи с этим, определение ровесников через одинаковый рост представлено также в игровом примере М. Е. Салтыкова-Щедрина: Угрюм-Бурчеев в мечтах представлял себе город с площадью посередине, от которой в разные стороны отходили улицы: *В каждом доме живут по двое престарелых, по двое взрослых, по двое подростков и по двое малолетков [...] Одинаковость лет сопрягается с одинаковостью роста. В некоторых ротах живут исключительно великорослые, в других — исключительно малорослые* (История одного города).

Употребления же, появившиеся в XVII в., сводятся к двум типам контекстов делового языка. В первом случае речь идет о сборе ясака, и в них слова *подрось* и *подросток* сближаются со словом *захребетник*, т. е. передают представление о несамостоятельном, зависимом человеке вне связи с возрастом. В документе 1641 г. говорится о необходимости брать ясак с *подростков* и *захребетников*; ср. также: *а велеть в ясак захребетников и подростлей писать, которые б были в пятидесят и в сорок и в тридцать и в двадцать лет, а мениши осмнадцати лет в ясак подростлей и захребетников не писать* (1664 г.) [СРЯ XI–XVII 16: 49]. В другом документе конца XVII в. содержится приказ искать в ясачных волостях *недорослей* и *подрослей*, которые *ясаку и поминков не платят*, но ходят на лесные промыслы [СРЯ XVIII 21: 36]. Близкими являются, видимо, употребления, описанные В. И. Далем, ко-

торый поясняет, что в забайкальском казачьем войске существовали *подростки* — *малолетки, казаки, почему либо еще не поступившие на службу, иногда уже старики, как в орнб. крае были солдатские малолетки 70-ти лет и старше, до смерти* [Даль III: 199]. В данном случае отсутствие социальной значимости объединяет людей молодых и старых; ср. многозначность, основанную на невозможности выполнения определенного действия (летать), возникающую у слова *подлеток*: с одной стороны, оно относится к подростку (пск., твер., брян., курск., свердл., том. говоры), с другой стороны, к пожилому человеку (нижегор., смол., брян., ряз., ворон.) [СРНГ 28: 63–64]; эти же два значения представлены и у В. И. Даля: «*Подлетний человек или подлеток ниж. пожилой, старше середоваго, около 50*»; «пск. твер. кур. подросток, близкий к полному возрасту» [Даль III: 185]¹⁴.

Во втором типе контекстов XVII в. слово *подросток* использовалось для обозначения работников младшего возраста: *работным людем по 6 денег, а подростком по 4 и по 3 и по 2 денги* (1671 г.) [СРЯ XI–XVII 16: 49].

В первых двух изданиях Словаря Академии Российской существительное *подросток* включалось в ряд *недорослый, недоросток, недоросль* и обозначало человека, который *приближается, достигает совершенного роста: У него дети уже подростки. В деревне много подростков* [САР V 1794: 82]. Однако в 1847 году в Словаре церковнославянского и русского языка слово *подросток* осмысляется уже не в связи с ростом, а в связи с возрастом: *приближающийся к надлежащему возрасту* [Словарь 1847 III: 273]; таким образом, слово *подросток* начинает осмысляться не как синоним для *недоростка*, а, скорее, в оппозиции к слову *взрослый (достигший надлежащего возраста)* [Словарь 1847 I: 123]. Представляет интерес следующий контекст из произведения 1846 г. Нестора Кукольника, в котором проступает двойственность восприятия слова *подросток*: *Неужели у тебя такой большой сын? — Ростом, да не летами. Подросток, недоросль; всего-то ему двадцать третий годок пошел* (Леночка, или новый, 1746 год).

Слово *подросток*, согласно НКРЯ, начинает устойчиво появляться в текстах, начиная с 30-х годов XIX в. Яркий пример находится у О. И. Сенковского. В повести 1833 г. «*Вся женская жизнь в нескольких часах*» описывается иерархия по возрасту сообщества девочек в пансионе: *Степеней обыкновенно бывает три: крошки, подростки и де-*

¹⁴ Заметим, что В. Даль выделяет также и значение ‘ровесник’: «*Подлеток, чей, близкий кому годами, но помоложе*» [Даль III: 185].

вицы. К первой принадлежат девушки моложе двенадцати лет: те не смеют ни о чем знать, ни говорить и чувства свои могут только изливать перед куклами. Во второй разряд поступают на тринадцатом году жизни: здесь устав общества позволяет уже рассуждать, тихонько и понемножку, о любви и мужчинах, даже избирать себе почетных любовников. В других немногих примерах, относящихся к 1830-м годам, авторами которых являлись писатели поколения О. И. Сенковского (В. И. Даль, О. М. Сомов), подросток осмысляется также в сравнении не с взрослыми, а с малолетками.

Постепенно количество употреблений слова *подросток* немного возрастает; в 1840–1850-е гг. оно используется И. Т. Кокоревым. Можно сказать, что своеобразным «мотором» внедрения слова *подросток* в лексикон возраста послужили именно бытоописательные тексты этого очеркиста. И. Т. Кокорев выделяет группу *подростков* в связи с социологическими наблюдениями: это дети, достигшие возраста, который позволяет им работать на фабрике или в другом месте: *На Бабьем городке, в Тверской-Ямской, в Свиблове, в предместьях и в глухих переулках, затеваются кулачные бои [...] так, просто для одной потехи, соберутся десятка два уличных мальчишек да подростков фабричных* (Сборное воскресенье); *О фабриках и заводах я тоже не говорю, на них рабочие приходят еще подростками* (Ярославцы в Москве); *Не диво, что при таком сочувствии к чаю в Ярославской губернии найдется множество семейств, в которых от подростка до старика с бороною — все трактирщики* (Ярославцы в Москве). Подобный взгляд представлен также у Ф. М. Решетникова, автора этнографических очерков о горнозаводских рабочих: *Кабак не только для взрослых, но и для подростков стал лучше дома* (Где лучше?); *Прежде, бывало, подросток играет с девками на улице в мячик, а теперь сидит в кабаке и сосет трубку или папироску* (Где лучше?). Один из контекстов, встречающихся в очерке «Горнорабочие», дает возможность предположить, что слово *подросток* могло использоваться как элемент узуса горнорабочих: *в отсутствие Токменцова сына его Павла, шестнадцати лет, называвшегося по-заводски подростком, взяли хворого на рудник и там за какую-то вину наказали розгами так, что он на четвертый день умер*. В этом узусе *подростки* также противопоставлялись малолеткам, которые хоть и могли работать, но только под присмотром отцов, не в качестве самостоятельного фабричного рабочего: *Наши сыновья с осьмилетнего до пятнадцатилетнего возраста назывались малолетками и если не учились в школах, то работали дома или с отцами на казну и получали провианта по полтора пуда в месяц; с пятнадцатилетнего до*

осьмнадцатилетнего возраста они назывались уже подростками и употреблялись на легкие работы на заводах, за что и получали по два пуда провианта в месяц (Горнозаводские люди); Семь тысяч людей обоего пола, из которых до двух тысяч мужчин, подростков и малолетков составляют чисто горнорабочий класс (Горнорабочие).

Гораздо реже можно найти контексты, которые относились бы к девочкам, находящимся в услужении; ср.: *В девичьей остается одна денщица, обыкновенно из подростков, которая убирает посуду, метет комнату и принимается вязать чулок, чутко прислушиваясь, не раздадутся ли в барыниной спальне шаги Анны Павловны Затрапезной* ([М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина).

Параллельно словом *подросток* активно пользовались авторы, которые описывали быт русской семьи: М. Е. Салтыков-Щедрин (44 вхождения) и П. И. Мельников-Печерский (38 вхождений). В этом случае подростками называются старшие дети в семье: *Тут миршенские подростки и выростки засвистали громким посвистом, созывали товарищей выручать своих маленьких* (П. И. Мельников-Печерский. На горах). Можно предположить, что интерес к семейному микромиру, к внутреннему устройству семейной жизни также способствовал кристаллизации данного понятия.

Таким образом, можно сказать, что ко второй половине XIX в. слово *подросток* осмыслялось, главным образом, в двух возрастных перспективах: во-первых, это *старшие* дети в семье в оппозиции к *младшим* и, во-вторых, это *младшие* работники в оппозиции к *взрослым*.

Интересно, что лексикограф Н. П. Макаров, видимо, не очень хорошо владел этим словом. Так, в русско-французском словаре (первое издание в 1867 г.) *подросток* переводится как *adulte* ('взрослый') или *grandelet* (уменьш. от *grand* 'большой') [Макаров 2004: 716], а франц. слово *adolescent* указано наравне с *le jeune homme* (молодой человек) и синонимичным словосочетанию *le jeune homme* при русском *юноша* [Макаров 2004: 1195]. В Полном французско-русском словаре (первое издание в 1870 г.) франц. *adolescent* переводится как *юноша* [Макаров 1900: 23], *grandelet* как *великоватый, великонец, подросток*, а *jeune homme* как *юноша, отрок* [Макаров 1900: 623].

Взрыв употреблений слова *подросток* произошел после 70-х годов. Следует отметить, что большая часть таких употреблений приходится на сочинения Федора Федоровича Эрисмана (Фридрих Гульдрейх), врача-гигиениста, поселившегося в Петербурге в 1869 году. Эрисман много писал о физиологии и состоянии здоровья работавших на фаб-

риках подростков. На его труд «Профессиональная гигиена» (1871–1908), согласно НКРЯ, приходится 65 вхождений слова *подросток*. В этой работе *подростками* называются рабочие от 14 до 18 лет¹⁵.

Говоря о растущей популярности слова *подросток*, нельзя не упомянуть, конечно, роман Ф. М. Достоевского «Подросток», вышедший в 1875 году. Однако Достоевский использовал это слово и раньше, например, в «Идиоте». Аркадию Долгорукому 19 лет, как и Алеше Карамазову, тоже названному *подростком*: *Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток* (Братья Карамазовы). В черновых материалах к роману «Подросток» Аркадий говорит: *Все считают меня подростком* [Достоевский 1990: 218], и возражает: *Какой я подросток! Разве растут в девятнадцать лет?* [Там же: 209] Как видно из этого примера, внутренняя связь возраста с ростом для героя очевидна.

Обосновывая для себя право называть героя *подростком*, Ф. М. Достоевский пишет: *В самом деле, растут ли после 19 лет?* И, как бы споря со своим героем, продолжает: *Если не физически, так нравственно* [Там же: 77]. Характерно и следующее замечание Достоевского: *То, что его так запросто выписали, выслав ему деньги из Москвы тетки, объясняется его 19-ю годами: и церемониться нечего, и разговаривать не стоит* [Там же: 59]. Можно с осторожностью предположить, что Ф. М. Достоевский знал работы Ф. Ф. Эрисмана, который был женат на Н. П. Суловой, сестре Аполлинару Суловой. Однако важнее то, что Достоевский переосмыслил понятие *подросток*: из области социологии он перенес его в область психологии, предопределив тем самым дальнейшую судьбу слова. Для Достоевского *подросток* — это, прежде всего, особое психологическое состояние юноши, на что указывает материал из НКРЯ. Основной эпитет, который используется применительно к *подростку*, — прилагательное *жалкий*: *Как могли вы так добровольно унизиться перед выскочкой, перед жалким подростком; Да, я — жалкий подросток и сам не знаю поминутно, что зло, что добро; И пусть не смеются над жалким подростком за то, что он суется с своими нравучениями в брачное дело, в котором ни строчки не понимает; Если это — шутка с ее стороны, то я прощаю.*

¹⁵ В законе 1882 г., по которому воспрещался труд детей до 12 лет и ограничивалась дневная работа подростков (12–15 лет) восьмичасовым рабочим днём, запрещалась ночная работа, работа в воскресные и праздничные дни, в качестве официального используется термин *малолетний* (или *малолетка*): «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [Полное собрание законов: 265–266].

Шутка с жалким подростком — пусть! Достоевский использует также характеристики *смешнейший, испуганный*: *Я сейчас вообразил, что если б у меня был хоть один читатель, то наверно бы расхохотался надо мной, как над смешнейшим подростком, который, сохранив свою глупую невинность, суется рассуждать и решать, в чем не смыслит; О, простите: я вижу мучительное выражение на вашем лице; простите испуганному подростку его неуклюжие слова!*

Житейская неопытность *подростка* может также подчеркиваться словом *зеленый*¹⁶: *Короче, со мной он обращался как с самым зеленым подростком, чего я почти не мог перенести, хотя и знал, что так будет.* Первым, кто обыграл данную метафору, был А. С. Пушкин, писавший в письме А. А. Бестужеву (30.11 1825): *Руслан молокосос; Пленник зелен.* Однако, согласно данным НКРЯ, перенос 'незрелый' [о плодах] → 'неопытный' [о человеке] для прилагательного *зеленый* фиксируется не ранее 80-х годов XIX в., когда появляются словосочетания типа *зеленый мальчик, зеленый юноша, зеленая девчонка*; ср.: *Юное воображение [...] привело его в последние дни к тому трагикомическому переходному состоянию влюбленности, что знакомо только совсем зеленым мальчикам* (А. В. Амфитеатров. *Отравленная совесть*); *Дюма-отца я видел только раз в жизни в Париже, когда был еще зеленым юношей* (В. В. Верещагин. *Листки из записной книжки*); *Умный мужчина всегда понимает, что женщина в летах не в пример лучше зеленой девчонки* (Н. Э. Гейнце. *Князь Тавриды*)¹⁷. Наконец, в «Записках из Мертвого Дома» и в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевский использует также слово *желторотый*, которое, судя по

¹⁶ Интересно, что в русском языке произошло метафорическое осмысление цвета не растительности (травы или листвы), а плодов, поэтому зеленое ассоциируется с незрелостью, неготовностью к использованию, т. е. включает не положительную, как, например, во французском или английском, а отрицательную оценку.

¹⁷ Следует заметить, впрочем, что до этого, примерно с 30-х гг. XIX в. имела ограниченное хождение слабо отрицательная характеристика *молодо-зелено* ср., например: *Барин при всех своих пороках был для Деметрия сокровищем ненаглядным. «Молодо-зелено, — говорил старик про себя, с гордою улыбкою смотря на его проказы* (Н. М. Погодин. *Невеста на ярмарке*); *Все-таки надо взять в расчет, что еще молодо-зелено; мало ли какая блажь может войти в голову* (И. И. Панаев. *Прекрасный человек*); *Молодо, зелено, еще не сложился; хоть и порядочного роста, да прям и тонок, словно тростинка* (Е. П. Гребенка. *Чайковский*). Любопытно, что в произведении Е. П. Гребенки, относящемся к 1843 г., представление о возрасте также возникает в контексте описания роста человека.

НКРЯ, до него не употреблялось применительно к человеку. Можно сказать, что Ф. М. Достоевский разрабатывает ряд номинаций, позволяющих характеризовать особый физиологический и, главное, психологический тип: *подросток, зеленый, желторотый*.

В заключение можно сказать, что «изобретение» подростка в России происходило примерно в те же годы, что и в Европе, во второй половине XIX в. Что касается русской языковой картины мира, то ему предшествовала, прежде всего, оценка физического параметра ребенка — его роста, который в определенном возрасте начинает приближаться к среднему росту взрослого. С этой точки зрения *подростки* физически выделяются среди других детей, *перерастая* их, но еще *не дорастая* до взрослых. Однако решающим фактором, способствовавшим формированию данного понятия, следует, видимо, считать социальный. В определенный момент в зону общественного обсуждения попадают дети, которые вынуждены работать с достаточно раннего возраста; работая, как взрослые, они при этом не считаются взрослыми. С этой точки зрения *фабричные подростки* отделяются как от детей, которые еще не работают в силу возраста, так и от детей, которые не работают в силу иной социальной принадлежности. Постепенно в общественном пространстве формируется дискуссия относительно медицинских и правовых аспектов *подросткового* труда. И наконец, *подростковый возраст* начинает ассоциироваться с определенным психологическим типом, ярче всего описанным и объясненным Ф. М. Достоевским. И именно этот аспект начинает доминировать в XX в.

Литература

- Аникин 1–14 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Выпуск 1–14 (продолжающееся издание). М., 2007–2020.
- Арьес 1999 — Ф. Арьес. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Страцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 1999.
- Гавлова 1967 — Е. Гавлова. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» 24–31 января 1967 г. / Под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина., Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубочева. М., 1967. С. 36–40.

- Громов 2009 — *М. Н. Громов*. Время и его восприятие в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009, N 2 (июнь). С. 7–17.
- Гуревич 2005 — *А. Я. Гуревич*. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.
- Даль I–IV — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Дмитриев 1869 — *М. А. Дмитриев*. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.
- Достоевский 1990 — *Ф. М. Достоевский*. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 16. Подросток. Рукописные ред. / Текст подгот. А. В. Архипова, Г. Я. Галаган, И. Д. Якубович. Л., 1990.
- Желис 2016 — *Ж. Желис*. Ребенок как индивидуум // История частной жизни. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / Под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М., 2016. С. 341–358.
- Иллич-Свитыч 2003 — *В. М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. Ъ–Џ / Ред., вступ. статья В. А. Дыбо. М., 2003.
- Кабакова 1995 — *Г. И. Кабакова*. Возраст // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Ред. Н. И. Толстой. Том 1 (А — Г). М., 1995. С. 405–407.
- Калиновская 2018 — *К. П. Калиновская*. Возрастные классы как историческая форма общественной организации: Этносы Восточной Африки. М., 2018.
- Кантемир I–II — *Антиох Кантемир*. Русско-Французский словарь / Вступительная статья и публикация Е. Бабаевой. Т. I–II. М., 2004.
- Коптев 1997 — *А. В. Коптев*. Система возрастных классов архаического Рима и реформа Сервия Туллия. Электронное издание: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261542296>
- Коптев 1997а — *А. В. Коптев*. Архаический Рим: от царей к консулам // Вестник РГНФ. № 3. 1997. С. 50–58. Электронное издание: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265051084>
- Манифест 1762 — Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 18.02.1762. Электронное издание: <http://doc.histrf.ru/18/manifest-o-darovanii-volnosti-i-svobody-vsemu-rossiyskomu-dvoryanstvu/>
- Макаров 1900 — *Н. П. Макаров*. Полный французско-русский словарь. Изд. 10-е. СПб., 1900.
- Макаров 2004 — *Н. П. Макаров*. Полный русско-французский словарь. М., 2004.
- Марру 1998 — *А.-И. Марру*. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. А. И. Любжина. М., 1998.

- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. М., 1981–1984.
- Мельникова 2018 — *Н. Т. Мельникова*. Становление и развитие гражданско-правового института дееспособности в российском законодательстве в период XVII — начала XVIII в. (Историко-правовой аспект) // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. С.150–156.
- Мид 1988 — *М. Мид*. Культура и мир детства. М., 1988.
- Мудрак 2011 — *О. А. Мудрак*. Эскимосский этимологикон. М., 2011.
- Наказ 1767 — [*Екатерина II*]. Наказ... Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М., 1767.
- Поликарпов 1704 — *Федор Поликарпов*. Лексикон трехязычный, сиречь речений словенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.
- Полное собрание законов — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 2. СПб., 1885. № 931. С. 265–267.
- Порхомовский 2018 — *В. Я. Порхомовский*. Система родства // В. Я. Порхомовский. Очерки по исторической и антропологической лингвистике. Т. II. М., 2018. С. 325–348.
- Ромашова 2013 — *М. В. Ромашова*. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (22), 2013. С. 108–116.
- САР I–VI, 1789–1794 — Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб., 1789–1794.
- САР I–VI, 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. I–VI. СПб., 1806–1822.
- СДРЯ XI–XIV I–XII — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII (продолжающееся издание). М., 1989–2019.
- СРНГ 1–51 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51 (продолжающееся издание). Л.; СПб., 1965–2019.
- СРЯ 1891–1895 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / [Ред. акад. Я. К. Грот]. [Изд. 5-е]. Т. 1, вып. 1–3. СПб, 1891–1895.
- СРЯ XI–XVII 1–30 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31 (продолжающееся издание). М., 1975–2019.
- СРЯ XVIII 1–22 — Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 1–22 (продолжающееся издание). Л./СПб., 1984–2019.
- ССЯ I–IV — Словарь старославянского языка. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997. Vol. I–IV [Репринтное воспроизведение издания СПб., 2006].
- СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1994.

- Топоров 2006 — *В. Н. Топоров*. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 2.* М., 2006. С. 246–341.
- Трубачев 2006 — *О. Н. Трубачев*. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2-е. М., 2006.
- Цымбурский 1986 — *Censorinus. De die natali liber.* Цензорин. Книга о дне рождения. Перевод с латинского и комментарий В. Л. Цымбурского / *Вестник древней истории, № 2–3, 1986.* Электронное издание: <https://web.archive.org/web/20081024045018/http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/censorin.htm#22>
- ЭСИЯ I–V — *В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков (продолжающееся издание). Том I–V. М., 2000–2015.
- ЭССЯ 1–41 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (с 31 выпуска под ред. А. Ф. Журавлева). Вып. 1–41 (продолжающееся издание). М., 1974–2018. Электронное издание: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja>
- Ernaut, Meillet 2001 — *A. Ernaut, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4e éd. augmentée par Jaque André. Paris, 2001.
- Golden 1985 — *M. Golden*. Pais, «child» and «slave» // *L'antiquité classique.* Т. 54, 1985. P. 91–101.
- Hall 1904 — *G. S. Hall*. Adolescence. Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education. I–II. New York, 1904.
- Le Breton 2013 — *D. Le Breton*. Une brève histoire de l'adolescence. Paris, 2013.
- MacMillan — *MacMillan Dictionary*. Электронное издание: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>
- Mead 1928 — *M. Mead*. Coming of Age in Samoa. A Study of Adolescence and Sex in Primitive Societies. New York, 1928.
- Mendousse 1909 — *P. Mendousse*. L'ame de l'adolescent. Paris, 1909.
- Owen 2020 — *G. Owen*. A Queer History of Adolescence: Developmental Pasts, Relational Futures. Athens, 2020.
- Pollux 1824 — *Iulii Pollucis*. Onomasticon cum annotationibus interpretum curavit Guilielmus Dindorfius. Vol. 1 (I–V). Lipsiae, 1824.
- PR — *P. Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2019.
- Thiercé 1999 — *A. Thiercé*. Histoire de l'adolescence, 1850–1914. Paris, 1999.

Helmut Keipert

Universität Bonn
(Bonn, Deutschland)

ЗДРАВСТВУЙ СТЁРЬ
UND DIE
„FORMULAE LOQUENDI“
DES ELIAS КОПИЈЕВИЦ
(1706)

1. Mit *Добрыи дѣнь* und *Здравствуй стёрь* gibt Elias Kopijewitz (1651–1714) den lateinischen Gruß *Bonus dies* und den deutschen *Ein guter Tag* im ersten der acht Schüler-Gespräche seiner bekannten „Manuductio in Grammaticam in Slavonico Rosseanam seu Moscoviticam“ wieder, und ebenso steht am Beginn des zweiten Gesprächs *Здравствуй Стёрьклименте* für lat. *Salve Clemens* und dt. *Sey gegrüst Clemens* wie *Здравствуй стёрь и ты* für lat. *Salve & tu* und dt. *Sey du auch gegrüst* in der folgenden Antwort [Kopijewitz 1706: C8v und D1]. In der Einleitung zu seinem Nachdruck der „Manuductio“ hat sich Boris Unbegaun über die darin zu lesenden Texte etwas zurückhaltend geäußert:

Wie es sich für ein praktisches Lehrbuch auch ziemt, hat Kopijewitz den grammatischen Regeln eine Auswahl von kurzen Gesprächen beigefügt, die offensichtlich nicht nur einen sprachlichen, sondern auch einen erbaulichen Zweck verfolgten (S. 59–77). Im Vergleich mit den lebhaften und schlichten Gesprächen Ludolfs fällt besonders stark auf, wie gezwungen und gekünstelt die von Kopijewitz sind; auch weisen sie einige Weißrussismen auf. Dennoch bilden die Gespräche wohl den interessantesten Teil des Lehrbuchs. [Unbegaun 1969: IX].

In den von mir konsultierten Wörterbüchern ist dieses *стёрь* leider nicht zu finden gewesen¹, und es fehlt auch bei P. Ja. Černych, der seinerzeit die Partikeln *-ста* (in *пожалуйста*), *-су* und *-осу* als Ausdrucksformen unterwürfiger Höflichkeit im historischen Hintergrund des sog. *слово-ер* beschrieben und als Allegroformen von *(зо)сударь* erklärt hat [Чер-

¹ Fehlanzeige insbesondere in [СРЯ XI–XVII, 28: 61; СРНГ 41: 133; ГСБМ 32: 387].

ных 1949: 58, 63].² Als offenbar (unter Ausländern?) konventionalisierte Schreibung einer solchen Allegroform von *судáрь* hat man wahrscheinlich auch das *стёрь* bei Копи́jewitz anzusehen. Bestätigt wird diese Vermutung durch das dem einige Jahre in Russland tätig gewesenem englischen Arzt Mark Ridley (1560–1624) zugeschriebene zweiteilige „Dictionarie of the vulgar Russian tongue“ vom Ende des 16. Jh., das für dieses Wort sogar einen eigenen Artikel mit aufschlussreichen Erläuterungen zu dessen Gebrauch bietet:

Стёрь. Sir. A terminacion put to the prenamen when the second name is not used. Or after any word w[i]th vich. Forsouthe; *b.* forsuth. стёрь. 14.204, sir. стёрь 32.076 [Stone 1996: 393].³

Interessant ist zunächst, dass *стёрь* hier nicht als selbständiges Wort, sondern als Endung vorgestellt wird.⁴ Darüber hinaus erfährt man, dass es damals zwei Funktionen im Zusammenhang mit der Verwendung von Vatersnamen (*отчества*) gehabt hat. Einerseits trete diese Endung an den Vornamen, wenn der zweite Name des Angeredeten (eben das *отчество*) in der Anrede nicht verwendet werde, d. h. sie ersetzt dann gewissermaßen den Vatersnamen. Und auf der anderen Seite könne sie nach jedem Wort auf *vich* stehen (womit kaum etwas anderes als die damals auf die oberste Gesellschaftsschicht beschränkten *отчества* auf *-ович/-евич* gemeint sein können, vgl. [Чичагов 1959: 47–54]), d. h. sie verstärkt durch ihr Hinzutreten noch bekräftigend (vgl. *forsooth* „fürwahr“) die mit dieser komplexen Bildweise ohnehin schon verbundene besondere Ehrerbietung gegenüber der angesprochenen oder erwähnten Person. In der ausdrücklichen Angabe dieser zwei Funktionen wird im Grunde, wenn auch auf etwas andere Weise, schon hier am Ende des 16. Jh. eine Unterscheidung vorweggenommen, die В. А. Успенский im Anschluss an [Унбегаун 1971] bei den Vatersnamen auf *-ович* zwischen *-ов* und *-ич* gesehen hat:

Поскольку суффикс *-ич* дублирует уже имеющийся показатель отчества, он оказывается дополнительным, семантически необя-

² Herrn Prof. Dr. Tilman Berger (Tübingen) danke ich für eine Kopie des Černych-Aufsatzes. Im leider slavistikfern gewordenen Bonn schulde ich besonderen Dank auch dem Slavischen Institut der Universität zu Köln für seine erneut freundlich gewährte bibliothekarische Unterstützung.

³ Stones Edition beginnt mit der Eintragung des Wortes im russisch-englischen Teil des Lexikons und fügt unter *b.* dessen Eintragungen im englisch-russischen an.

⁴ Vgl. die Überlegungen bei Berger [2003: 278], inwieweit das Slovo-Er als Suffix angesehen werden kann.

зательным: тем самым, его наличие имеет не смысловую, а семиотическую значимость — прибавление этого суффикса воспринимается как особая честь [Успенский 1989: 354 = 1996, II: 219].

Andeutungsweise findet sich Uspenskijs Unterscheidung allerdings — nur eben mit anderen Worten — auch schon *expressis verbis* bei Ridley, nämlich im grammatischen Teil der Handschrift in der Erklärung der Struktur von *Иванович*:

Ивановичъ. A deminutive of worshipe to Johns sonne [Stone 1996: 45].

Mit *Johns sonne* ist die im Vatersnamen *Иванов* mit *-ов* ausgedrückte semantische Beziehung des Sohns zu seinem Vater mit Namen Ivan repräsentiert, während dem hier deminutiv verstandenen *-ич*-Suffix mit *worshipe to* der semiotisch-pragmatische Ausdruck von Verehrung, Ehrerbietigkeit oder Respekt gegenüber der mit dieser Namensbildung bezeichneten Person zugeschrieben wird. Dem *vich* hat Mark Ridley in seinem Lexikonteil gleichfalls einen Artikel gewidmet:

виць от вичъ. a fine derivative termination diminutive, a termination of honour and worshipe. joyned to the end of the fathers christian name as Ивановичъ. the middle Ивановъ. the common sort writ Иванов с[ы]н. the women say Ивановна <...> [Stone 1996: 87].

Bereits die Tatsache, dass er hier nicht von *-ovich* und/oder *-evich* spricht, sondern den bisher erst in Verwaltungstexten des 17. Jh. nachgewiesenen und zweifellos nur metasprachlich gebrauchten Ausdruck *-vich*⁵ kennt, zeigt, dass er am Zarenhof in Kreisen verkehrt haben muss, in denen über solche aktuelle Besonderheiten im Gebrauch von Personennamen gesprochen worden ist. Ein ganzes Jahrhundert vor Heinrich Wilhelm Ludolfs „Grammatica Russica“ erweist sich Ridley also trotz mancher Unzulänglichkeiten seiner Grammatik auch an dieser Stelle schon als ein bemerkenswert scharfsinniger und zudem unvoreingenommener Beobachter des mündlichen Sprachgebrauchs in seinem Gastland:

The value of Ridley’s manuscripts as a source for the history of the Russian language stems largely from the fact that he lacked the prejudices of

⁵ Solche Belege aus Verwaltungsdokumenten findet man bei V. K. Čičagov [Чичагов 1959: 50–51] aus den Jahren 1649 und 1685 sowie im ВИЧЬ-Artikel des SRJa XI–XVII vv. [СРЯ XI–XVII, 2: 195] aus den Jahren 1610 und 1658. G. Stone [1987: 9] hat geschätzt, dass Ridley mehr als zweihundert russische Wörter früher als dieses Lexikon nachweist — und *вичь* ist eines davon und zeigt sogar die Cokan’ë-Variante, vgl. [Ibid.: 8].

a native speaker. It appears to have been his custom to write down words which he heard in his daily dealings with Russians regardless of whether these words were also used in writing [Stone 1987: 6].⁶

Vielleicht ist deshalb auch das vertrauenswürdig, was er uns über den Gebrauch von *стерь* am Ende des 16. Jh. überliefert hat. Leider können wir von ihm überhaupt nichts darüber erfahren, wie und wann Kopijewitz auf seinem wechselvollen Lebensweg (vgl. [Бегунов 1999]) diese in der genuin russischen Textüberlieferung bisher anscheinend nicht identifizierte „Höflichkeitseindung“ *стерь* kennengelernt hat und wie es ihm möglich war, sie „gekünstelt“ in zwei belanglose Gespräche deutscher Lateinschüler einzusetzen. So ist einstweilen nur darauf zu hoffen, dass der seit 2004 erscheinende „Slovar’ obichodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi XVI–XVII vekov“ [СОРЯ] bei seinem weiteren Voranschreiten noch *стерь*-Belege aus dem russischen Schrifttum ans Licht bringt, obwohl ein respektvolles Wort wie (*го*)*сударь* damals in einem Schreiben entweder unverkürzt oder unter Titulo verwendet worden sein dürfte, weil seine mündliche oder schriftliche Entstellung in der Anrede etwa zu *стерь* „nach den lokalen Sprech- und Schreibgewohnheiten“ (*по обыкностямъ своимъ*) unter Umständen vom Adressaten als Beleidigung (*безчестіе*) empfunden werden und Bestrafung nach sich ziehen konnte.⁷

2. Kopijewitz hat seine „Formulae“ nicht zur Gänze selbst geschrieben, sondern die thematische Aufteilung der Gespräche sowie die lateinischen und die deutschen Sätze stillschweigend aus einer fremden Vorlage übernommen, die Unbegaun bei der Vorbereitung seines Nachdrucks von 1969 noch nicht bekannt gewesen ist. Als zugrundeliegende Quelle hat Siri Sverdrup Lunden wenig später die „Formulae puerilium colloquiorum“ des Nürnberger Schulmanns Sebald Heyden (1499–1561) benannt und ihren

⁶ Vgl. auch die Würdigung seiner Grammatikskizze bei B. A. Uspenskij [Успенский 1992: 106–111 = 1996/3: 492–497]:

В целом можно сказать, что наблюдения Марка Ридлея при всем их несовершенстве отнюдь не лишены проницательности.

⁷ Vgl. den „Orthographie-Ukaz“ des Zaren Aleksej Michajlovič vom 15. März 1675:

Великій Государь <...> указаль и Бояре приговорили: будетъ кто въ челобитѣхъ своимъ напишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ не зная правописанія вмѣсто *о*, *а* или вмѣсто *а*, *о*, или вмѣсто *ь*, *ѣ*, или вмѣсто *ь*, *е*, или вмѣсто *и*, *і*, или вмѣсто *о*, *у*, или вмѣсто *у*, *о* и иныя въ писмахъ нарѣчія подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать навывкъ, того въ безчестье не ставитъ и судовъ въ томъ не давать и не розыскивать <...> [ПСЗРИ: 1090].

Fund *exempli gratia* mit der Abbildung der ersten Seite eines Breslauer Drucks von 1583 anschaulich vorgestellt [Sverdrup Lunden 1971: 200]. Leider ist ihr Wissen um den Ausgangspunkt danach bei der Behandlung der Kopijewitz-„Formulae“ nicht genutzt und ergänzt worden,⁸ denn mit dieser Breslauer Ausgabe ist die Frage nach der tatsächlich verwendeten Vorlage zwar einen wesentlichen Schritt weitergekommen, aber noch nicht endgültig beantwortet. Bekanntlich sind Heydens „Formulae“ eines der populärsten frühneuzeitlichen Gesprächsbücher für den Lateinunterricht gewesen und bei Bedarf immer wieder gedruckt, verändert oder übersetzt worden – und erschienen sind sie in der *Slavia* nicht nur in dieser bescheidenen Form auf Russisch, sondern auch in vollständigen Ausgaben für Tschechen, Polen, Slovaken, Kroaten (und Ungarn) [Keipert 2014: 54–57]. Während Alois Bömer [1899/1966: 146–153] von diesem Lehrbuch schon vierzig Ausgaben zusammenbringen konnte, sind für das Heidelberger Heyden-Projekt vom 16. bis zum 18. Jh. mehr als hundert aus insgesamt 36 verschiedenen Druckorten ermittelt worden [Riecke 2018], und wegen des bekannten zeitnahen Verschwindens vieler nicht mehr benötigter Schulbücher in Kaminen ist selbst bei dieser großen Zahl noch mit einer gewissen Dunkelziffer zu rechnen. Dass in Hinblick auf den Vorlagentext der russischen Fassung noch immer einige Fragen geklärt werden müssen, soll am Beispiel des ersten Gesprächs verdeutlicht werden.

2.1. Schon Sverdrup Lunden hat darauf hingewiesen, dass Kopijewitz nur die Übersetzung eines Teils der „Formulae“ vorgelegt hat, denn von den 27 Dialogen des Originals habe er lediglich acht, nämlich I–VII und XVI ins Russische übertragen [Sverdrup Lunden 1971: 201].⁹ Diese Aussage mag zutreffen, wenn tatsächlich mit einem solchen Breslauer Druck gearbeitet

⁸ Ch. L. Drage [2004: 159–160] stellt nur Vermutungen über denkbare Quellentexte an, S. V. Vlasov und L. V. Moskovkin [Власов, Московкин 2004: 84] tun nicht einmal das.

⁹ Warum Kopijewitz nach den ersten sieben Gesprächen Heydens als achties noch dessen sechzehntes übersetzt hat, wird nicht gesagt. Vielleicht lag ihm wie schon Heyden daran, dass nicht nur die Kenntnis der Sprache, sondern nachdrücklich auch das richtige Benehmen (in diesem Fall: Tischsitten, vgl. dazu auch [Bömer 1899/1966: 150–151 und Anhang 1966: 17]) vermittelt werden müssten, doch hätte er (oder der Setzer) dafür ab D7 den längeren Anweisungstext des Präzeptors in seiner Übersetzung nicht mechanisch auf ihn und seinen Lehrling verteilen dürfen [Sverdrup Lunden 1971: 204]. Die Einbeziehung dieses Themas dürfte letzten Endes auf Erasmus und seine Schrift „*De civilitate morum puerilium*“ zurückgehen, in der gleichfalls unterrichtet wird, dass man sich vor dem Essen die Hände waschen sowie die Fingernägel schneiden bzw. reinigen solle, vgl. die zu derselben Zeit angefertigte russische Übersetzung von J. W. Paus [Bragone 2010: 118].

worden ist, könnte aber auch noch revisionsbedürftig sein, wenn wir — vielleicht als eines der Ergebnisse des Heyden-Projekts der Heidelberger Germanistik — auch die Textgeschichte der letztlich allen Übersetzungen zugrundeliegenden lateinischen Dialoge besser als heute kennen. Wer einige der im Netz verfügbaren älteren Drucke der „Formulae“ einsieht, wird schnell feststellen, dass es bereits im 16. Jh. mindestens zwei verschiedene Fassungen des ersten Gesprächs „Salutatio matutina“ zwischen Andreas und Balthasar gibt, nämlich eine kürzere mit 6 Zeilen (wie bei Sverdrup Lunden nach Breslau 1583 sowie bei Kopijewitz):

(1) A. Bonus dies.	(2) B. Deo gratia.
(3) A. Opto tibi bonum diem.	(4) B. Talem & tibi precor.
(5) A. Bene sit tibi hoc die.	(6) B. Nec tibi male sit.

und eine längere mit 10 Zeilen, deren erste 4 mit ihrem themenspezifischen *mane* und *diei exortus* eigentlich erst die Überschrift *Salutatio matutina* rechtfertigen würden:

A. Bonum mane.	B. Faxit Deus.
A. Sit felix huius diei exortus.	B. Nec tibi sit infelix.
A. Bonus dies.	B. Deo gracia.
A. Opto tibi bonum diem.	B. Talem et tibi precor.
A. Bene sit tibi hoc die.	B. Nec tibi male sit. ¹⁰

Wegen dieses deutlichen Unterschieds stellt sich die Frage, welche dieser beiden nebeneinander überlieferten Versionen auf Heyden selbst zurückgeht, also „das Original“ im engeren Sinne darstellt.

2.2. Unabhängig davon weicht die „Manuctio“ in der deutschen Übersetzung der 6. Zeile (letzte B-Antwort) signifikant von der Formulierung der Breslauer Fassung ab. In dieser wird auf den Wunsch von A (*Dir sol an dem tage wol seyn*) durch B mit derselben Litotes wie in der lateinischen Vorlage (vgl. 3.4.) reagiert (*Es sol dir auch nicht ubel seyn*), und diese Gleichsetzung von *wohl* und *nicht übel* ist auch in allen 15 Heyden-Ausgaben des Heidelberger Grundkorpus gebraucht.¹¹ Wenn man stattdessen 1706 bei

¹⁰ Zitiert nach dem Prager „Formulae“-Druck von 1542 der Bayerischen Staatsbibliothek (BSB; Signatur: L. rel. 740). Im übrigen weist diese Ausgabe nicht nur 27 Dialoge, sondern deren 30 auf und endet mit „De studio bonarum literarum“. Das von K. Weddigen [1990] neu gedruckte Mindener Gesprächsbuch von 1685, das sich in seinem Titel auf Heyden beruft, bietet 25 Gespräche mit beträchtlich veränderten Texten, und der Herausgeber erklärt seinen Lesern leider nicht einmal, wer dieser Heyden (!) gewesen ist und wann er gelebt hat!

¹¹ Für diese und andere Auskünfte über das Heyden-Projekt danke ich auch bei dieser Gelegenheit Frau Dominika Bopp (Heidelberg).

Kopijewitz „Es sol dir auch so seyn.“ liest, dann hat er hier entweder selbst die wörtliche Wiedergabe der komplexen lateinischen Litotes zu vermeiden gesucht und mit *so* direkt auf *wol* referiert, oder aber er ist der Variante einer bisher nicht bekannten „Formulae“-Ausgabe gefolgt, die schon vor ihm diese lediglich sinngemäße einfachere Übertragungsform bevorzugt hat.

2.3. Die von Heyden gewählte alphabetische Abfolge der Namen für die Gesprächsteilnehmer ist im Text von Kopijewitz nicht ganz unverändert beibehalten [Sverdrup Lunden 1971: 201], aber zur Entstellung dieser Namenreihe hat vielleicht auch die Unkenntnis (oder Zerstretheit) des Setzers bereits im ersten Gespräch beigetragen.¹² Jedenfalls fehlt mit der Wiedergabe von *Andreas* und *Balthasar* als *Андреу* und *Валмазарь* in der regulären Folge des kyrillischen Alphabets schon nach *A* ein Name mit *B*, der zusammen mit dem *Влациу* des zweiten Gesprächs das ursprüngliche Prinzip der Anordnung leichter hätte erkennen lassen.¹³ Im übrigen ist dieses *Влациу* nicht so einfach zu dem *Basilius* des Breslauer Drucks in Beziehung zu setzen, wie Sverdrup Lunden das getan hat, sondern verweist mit großer Sicherheit auf eine etwas andere Texttradition, denn in der ungestörten alphabetischen Ordnung der älteren Heyden-Drucke folgt sowohl in der längeren als auch in der kürzeren Version der „Formulae“ auf *Balt(h)asar* im ersten Gespräch als zweiter *B*-Name zu Beginn des zweiten Gesprächs *Blasius*.¹⁴ Vielleicht hilft irgendwann einmal der Zufall, dass wir dem von Kopijewitz tatsächlich benutzten Heyden-Druck noch etwas näher als bisher kommen.

3. Heyden hat sein Gesprächsbuch bekanntlich verfasst, damit seine Schüler, wie es die Stadt Nürnberg wünschte, das Lateinische nicht nur zu lesen, sondern auch zu sprechen lernen konnten. Mit den in den „Formulae“ zusammengestellten und auswendig zu lernenden Gesprächsmustern sollte mit kurzen Sätzen mündliche Kommunikationsfähigkeit erworben sowie der für die verschiedenen Situationen erforderliche Wortschatz eingeführt und durch Wiederholung möglichst auch gefestigt werden. Die hinzugefügte deutsche Zeile diente der Verständnissicherung, konnte aber auch zu Übersetzungsübungen verwendet werden. Im üblicherweise lateinisch geführten Unterricht waren die Dialoge dann auswendig mit verteilten Rollen vorzutragen.

¹² Im folgenden werden die russischen Kopijewitz-Belege etwas vereinfacht in heutiger kyrillischer Schrift und ohne die Akzentzeichen zitiert.

¹³ In der Sprecherbezeichnung am Rand ist das *B* eindeutig zu lesen.

¹⁴ Vgl. für die kürzere Fassung den Nürnberger Druck von 1570 (BSB, Signatur: Res/L.eleg.g. 184).

3.1. Dass zielstrebiges Auswendiglernen auch bei Kopijewitz vorausgesetzt wird, zeigt er beiläufig im fünften Gespräch, als Kaspar abends den müden Felix zum Schlafen schickt und selbst noch weiter lesen will („Legam ulterius.“ / „Ich will weiter lesen.“) und das im Russischen bezeichnenderweise mit «Я стану твердить» (D3) wiedergegeben ist, also mit einem Verb, das bis heute die besondere Intensität des Aneignungsprozesses bezeichnet.¹⁵ Zeittypisch ist aber auch, dass Felix bei Heyden im Weggehen noch sagen darf, dass er Kaspar beim Lesen nicht stören bzw. behindern werde:

Небуду тебѣ помѣшкою. / Haud te impedivero. / Ich will [dich] nicht irren. (D3),

denn diese Zusage ist hier wohl nur dann sinnvoll, wenn man unterstellt, dass — wie damals üblich — laut gelesen wurde und der Schlafbedürftige sich bei seinem Zimmergenossen wegen dessen allzu hörbaren Memorierens auch hätte beschweren können.¹⁶ An einen Gebrauch seiner Übersetzung wie in den Schulklassen der Slavia Latina wird Kopijewitz allerdings kaum gedacht haben, aber wir kennen bisher wohl auch keine einzelnen Personen, die mit diesem Buch Russisch gelernt hätten.

3.2. Beim Vergleich der russischen Übersetzung mit dem lateinischen und dem deutschen Text fällt auf, dass Kopijewitz sich bei seiner Wiedergabe keineswegs immer an die lateinische Zeile gehalten hat (a), sondern nicht selten eher die deutsche Formulierung zu reproduzieren scheint (b) und manchmal offenbar sogar etwas Eigenes hinzufügt (c) oder überhaupt etwas Neues formuliert, das zwar in den Kontext passt, aber strukturell weder mit der deutschen noch mit der lateinischen Zeile vergleichbar ist (d):

a) Таковажъ и я тебѣ желаю. / Talem & tibi precor. / Ich biet dir auch so viel. (1, 4)

Повелѣваю ты здравствоватьъ / Jubeo te salvere. / Ich sage dir Heyl (2, 11)

b) Зѣло здравствуи. / Salve plurimum. / Du sey sehr gegrüst. (2, 3)

Имѣи себѣ добрую ночь. / Faustam deges noctem / Наб dir eine gute Nacht. (5, 3)

¹⁵ Vgl. die Bedeutungsangabe «повторить какие-н. слова с целью заучить, запомнить» [Ожегов, Шведова 1997: 790].

¹⁶ In der längeren Fassung hat Kaspar sich noch mit der Bemerkung „Probe facies / Du wirst recht thun.“ für diese freundliche Nachsicht seines Gefährten bedankt.

- c) Слава творц[у] небесному. / Laus Creatori. / Dem Schöpffer sey Lob. (3, 4)
 d) Ими ми вѣру. / Non est quod dubites. / Da hab ich kein Zweifel an. (7, 16)

Inkonsistenzen wie diese würden zu erheblichen Schwierigkeiten führen, wenn man tatsächlich versuchen wollte, mit diesem Russisch-Lehrbuch auch das Lateinische oder Deutsche zu erlernen (wie das Vlasov/Moskovkin [Власов, Московкин 2009: 81] nahelegen).

3.3. Gerade in den ersten vier Gesprächen ist zu erkennen, dass Heyden sich bemüht hat, in seinen Mustersätzen nicht nur das für ein bestimmtes Thema grundlegende Vokabular zu vermitteln, sondern gezielt auch Synonyme und Antonyme in den Lernprozess einzubeziehen. Schon in der deutschen Übersetzung ist dieser methodische Grundsatz nicht immer zur Geltung gekommen, und bei Kopijewitz tritt er noch weiter in den Hintergrund. Während er z. B. an einer Stelle für *felix* und *faustus* geeignet erscheinende synonyme Entsprechungen gefunden hat, weist der deutsche Text nur *glücklich* auf:

- Буди тебѣ сія ночь щчаслива. / Sit tibi haec nox felix. / Dir sey die Nacht glücklich.
 И тебѣ бл(а)гополучна. / Et tibi haec fausta sit. / Sie sey dir auch glücklich. (4, 1–2)

Umgekehrt ist das Verhältnis bei *optare* und *precari*, dem im deutschen Text *wünschen* und *bitten* (!) entsprechen, während im russischen *желаю* lediglich wiederholt wird und nicht mehr an die Synonymie im Original erinnert:

- Желаю тебѣ добраго дня. / Opto tibi bonum diem. / Ich wünsch dir einen guten Tag.
 Таковажъ и я тебѣ желаю. / Talem & tibi precor. / Ich biet dir auch so viel. (1, 3–4)

Vollends verschwunden ist diese synonymische Variation beim doppelten Abendgruß, weil es weder im Deutschen noch im Russischen ein gebräuchliches bedeutungsnahes Wort zu *Abend* bzw. *вечер* gibt:

- Добрыи вѣчерь. / Bonus vesper. / Ein guter Abend. (3, 1)
 Добрыи вѣчерь. / Bonum serum, non sero. / Ein guten Abend (3, 3)

Ganz so einfach wird aus einem Lehrbuch für das Lateinische durch bloßes Übersetzen eben doch kein völlig überzeugendes für das Deutsche oder Russische.

3.4. Noch mehr ist in den Übersetzungen verwischt, dass bei Heyden Antonyme besonders gern mit der rhetorischen Figur der Litotes vorgestellt werden, d. h., dass er den zweiten Gesprächspartner mit der Verneinung eines Wortes von entgegengesetzter Bedeutung zu demjenigen antworten lässt, das der erste gebraucht hat (vgl. schon oben 2.2.). Dieses in den Grußdialogen etwas mechanisch angewandte Verfahren zur Einführung solcher antonymen Wortpaare ist nur selten von beiden Übersetzern in gleicher Weise übernommen worden:

Имѣи себѣ добрую ночь. / Faustam degas noctem / Hab dir eine gute Nacht.

И ты тожъ не худую. / Et tu quoque non in(!)faustam. / Und auch du keine böse. (4, 3–4)

An zwei Stellen hat Kopijewitz die Negation vermeiden können, weil er ein passendes Synonympaar zu kennen glaubte:

Сеи вечеръ буди тебѣ шасливыи. / Hic vesper felix sit tibi. / Der Abend sey dir glücklich.

И тебѣ бл(а)гополучныи. / Nec tibi infelix sit. / Er sey dir auch nicht unglücklich. (3, 5–6)

Ночь сія вамъ буди бл(а)гогодна. / Nox isthaec vobis commodet. / Die Nacht sey euch gut.

И тебѣ благополучна, / Et tibi non incommodet. / Sie sey dir auch nicht böse. (4, 5–6)

In der russischen Wiedergabe ist die Litotes des lateinischen Originals also deutlich weniger gut als solche zu erkennen, und auch die privative Bedeutung des lateinischen Präfixes *in-* und des deutschen *un-* lässt sich beim Vergleich mit den russischen Adjektiven nicht ohne weiteres erschließen, während das auf der deutschen Zeile wenigstens bei *felix* : *infelix* = *glücklich* : *unglücklich* ansatzweise möglich ist.

3.5. Heyden hat die lateinischen Sätze seiner „Formulae“ stets nur mit einer einzigen deutschen Übersetzung versehen und keine weiteren Wiedergabemöglichkeiten angegeben, um den Lernenden nicht zu verunsichern. Im Unterschied dazu gibt es bei Kopijewitz im russischen Text fünf Variantenstellen, die man nicht übersehen sollte.

a) Ein ganz besonderer Fall ist die eingangs schon erwähnte Doppelung von *Добрыи день* und *Здравствуй* als Grußformeln entsprechend *Bonus dies* bzw. *Guten Tag* im deutschen Original, denn hier stellt sich die nicht leicht zu beantwortende soziolinguistische Frage, wer 1706 in Russland wen

bei einer Begegnung schon mit dem heute geläufigen *Добрый день* anreden konnte, ohne damit befremdlich aufzufallen. Immerhin hat Ludolf 1696 unter seinen „*Variae expressiones communes*“ nur *Здравствуй* aufgeführt und mit *Salve* wiedergegeben, als deutsche Übersetzung des Ausdrucks *Sey gesund* genannt und dann zur Erklärung hinzugefügt: „<...> auf teutsch sagt man guten morgen, guten abend“ [Ludolf 1696/1959: 46].¹⁷ Wenn Kopijewitz die Verwendung von *Добрый день* im Russischen schon kennengelernt hatte, könnte er vielleicht auch gewusst haben, dass *Здравствуй(те)* der geläufigere Gruß war und hat dieses möglicherweise deshalb danebengesetzt (wie er ja auch alle Grüße mit *salve, salvere, salvus* und *salus* ausschließlich mit *здравствуй, здравствовать, здравь* und *здравие* bestreitet, [D1]). Später taucht *Добрый день* im Text seiner „*Formulae*“ nicht mehr auf, doch bietet er noch zweimal *Добрый вечер* (vgl. 3.3.) und einmal *добрую ночь* (vgl. 3.2.).¹⁸

b) Der zweite Fall einer hinzugefügten Variante ist schon deshalb nicht klar, weil das als Passiv oder Medium zu verstehende Verb *falli* ‘sich

¹⁷ In ihrer nützlichen Untersuchung der russischen Grußformen in Gesprächsbüchern des 16. und 17. Jh. hat Erika Günther *здравствуй(те)* nur bei Ludolf sowie 1707 bei Sellius gefunden und darauf hingewiesen, dass es im [СРЯ XI–XVII] „nicht als Grußformel der Alltagssprache, sondern als Gruß bei einem feierlichen Anlaß registriert“ sei [Günther 2000: 84f.]. Tatsächlich werden in diesem Wortartikel [СРЯ XI–XVII, 5: 366f.] s.v. *здравствовати* überhaupt keine Imperativbelege, sondern nur Zitate mit anderen Formen dieses Verbs in dessen verschiedenen Bedeutungen angeführt (d. h. die Grußformel fehlt) und auf diese Weise sowohl der schon bei Sreznevskij verzeichnete Erstbeleg der Formel in der Schreibernotiz des „Ostromir-Evangeliums“ von 1056/57 verschwiegen als auch deren zahlreiche Gebrauchsnachweise in russischen Briefen und Eingaben des 17. Jh. nicht berücksichtigt (vgl. [Keipert 1971: 382 Anm. 20]). Bei Ludolf, Kopijewitz und Sellius ist jedenfalls ein solcher besonderer („feierlicher“) Anlass nicht zu erkennen, und bei einer Alltagsbegegnung von Schülern wird dieser Gruß auch in der 1738 in St. Petersburg gedruckten russischen Übersetzung der „*Colloquia scholastica*“ von Joachim Lange eingesetzt [Keipert 1994: 233].

¹⁸ *Добрый день* und die Grußformeln zu bestimmten Tageszeiten behandelt E. Günther in einem besonderen Abschnitt [Günther 2000: 86–88], will aber offenlassen, „in wieweit sie tatsächlich aktiv gebraucht wurden“, weil sie „fast ausschließlich in den Wortlisten zur sprachlichen Etikette, nicht aber in Dialogen verwendet werden“ [Ibid.: 90]. Ist es lediglich ein durch die Zusammensetzung des Quellenkorpus entstandener Zufall, dass der SRJa XVIII v. [СРЯ XVIII, 6: 95b] *Добрый день* als Grußformel nur in den Fabeln von Sumarokov in der Werkausgabe von 1787 nachweist, den Abendgruß *Добрый вечер* erst mit Zitaten vom Ende des 18. Jh. belegt [СРЯ XVIII, 3: 88a] und den Gute-Nacht-Wunsch *Добрая ночь* allein der Vergil-Travestie von N. P. Osipov (1791) entnehmen konnte [СРЯ XVIII, 15: 188b]?

täuschen, (sich) irren' nicht mit *согрѣшати* 'sündigen' wiedergegeben werden sollte:

Ты воистинно согрѣшаешъ. несогрѣшаи. / Tu certe falleris. / Du irrest dich. (D5)

Zugleich ist aber auch nicht zu erkennen, welchen Nutzen sich Kopijewitz von seinem variierenden Wechsel zum verneinten Imperativ versprochen hat.

c) Den dritten Doppelungsfall, im Druck ohne Komma und am Ende mit Punkt statt Fragezeichen geschrieben, kann man sich wahrscheinlich als einen Versuch erklären, sowohl die Bedeutung des lateinischen Satzes als auch die des deutschen zu erfassen:

А пораждь ѡбѣдать[,] есть[?] / Est tempus prandii? / Ists Essenszeit[?] (D6)

Es könnte hier also um den Unterschied zwischen Mittagessen (*prandium*) und Essen überhaupt gehen.

d) Die letzten zwei Doppelungen betreffen Unterschiede zwischen dem russischen Wortschatz und demjenigen des kirchenslavischen Schrifttums:

Доброхотно сіе сотворю, здѣлаю. / Perlubens hoc faciam. / Das will ich gerne thun. (D7)

Рта, (оусть) не маждь. / Os non perungas. / Beschmiere den Mund nicht. (D8v)

Diese Paarbildungen zeugen davon, dass es Kopijewitz wie in der Grammatik so auch in seinem Gesprächsteil nicht auf eine scharfe Trennung zwischen Kirchenslavischem und Russischem angekommen ist. In der Vergangenheit hat man ihn deshalb kritisieren können (vgl. [Shevelov 1960: 46; Успенский 1992: 131f. = 1996, III: 525]), doch sehen wir heute deutlicher, dass durch die Kirchenslavisches und Russisches gemeinsam beschreibende „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache“ von Johann Werner Paus ein inzwischen schon recht gut verfolgbarer Weg dieser Konzeption bis in die „Rossijskaja grammatika“ M. V. Lomonosovs und dessen „Predislovie o pol'ze knig cerkovnych v rossijskom jazyke“ führt (vgl. [Keipert 1990; 2016: 278–284]).

3.6. Schon an den unterschiedlichen Paginierungen der einzelnen Teile der „Manuctio“ ist zu erkennen, dass die Arbeit der Setzer und Drucker an diesem Buch auch an vielen Stellen nicht sorgfältig genug kontrolliert worden ist. In den „Formulae“ zeigt sich die Flüchtigkeit beim Setzen besonders eindringlich im typographischen Schicksal des zentralen Worts

разговор, das in den acht Überschriften als *Розговоръ* (I, VI), *Бозговоръ* (II), *Разговоръ* (III, IV), *Базговоръ* (V, VII) und *Разговор* (IIX) erscheint. Gerade ein Lehrbuch hätte die Werkstatt nicht in einem solchen Zustand verlassen sollen.

4. Den Anlass zu einer erneuten Beschäftigung mit der „Manuductio“ von Elias Kopijewitz hat das rätselhafte *стеръ* in deren „Formulae loquendi“ gegeben, aber es sollte zugleich gezeigt werden, dass es lohnt, wenn man nicht allein die „slavonico-rosseanischen“ Sätze dieser Dialoge in Hinblick auf ihre Russizität zu beurteilen versucht, sondern in die Betrachtung des russischen Texts auch die lateinischen und deutschen Gespräche aus Heydens Lehrbuch und dessen methodisches Konzept für den Lateinunterricht einbezieht.

Zitierte Literatur

- Бегунов 1999 — Ю. К. Бегунов. Копиевский (Копиевич), Илья (Элиаш) Федорович [1651–1714] // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 2 (К–Р). СПб., 1999. С. 122–123.
- Власов, Московкин 2009 — С. В. Власов, Л. В. Московкин. Из истории создания учебников русского языка как иностранного: «Номенклатор...» и «Руководение...» (1706) И. Ф. Копиевского // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 80–85.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 32. Минск. 2012.
- Ожегов, Шведова 1997 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 1 (1649–1675). СПб., 1830.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. 1–. СПб., 2004–.
- СРНГ 41 — Словарь русских народных говоров. Т. 41. СПб., 2007.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–. Л./СПб., 1984–.
- Унбегаун 1971 — Б. О. Унбегаун. Отчества на *-ич* и их отношение к русским фамилиям // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь проф. С. Б. Бернштейна. М., 1971. С. 280–286.
- Успенский 1989 — Б. А. Успенский. Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Б. О. Унбегаун. Русские фамилии. Перевод с английского. М., 1969. С. 336–364.
- Успенский 1992 — Б. А. Успенский. Доломоносовские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Доломоносовский период рус-

- ского литературного языка (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 года). Stockholm, 1992. S. 53–169.
- Успенский 1996 — Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. I–III. М., 1996.
- Черных 1949 — П. Я. Черных. К истории форм вежливости в русском языке. О частице -с // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Выпуск 8. М., 1949. С. 56–65.
- Чичагов 1959 — В. К. Чичагов. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.
- Berger 2003 — T. Berger. Die „Höflichkeitspartikel“ -s und ihre Verwendung im Russischen des 19. Jahrhunderts // Partikeln und Höflichkeit. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2003. S. 269–292.
- Bömer 1899/1966 — A. Bömer. Die lateinischen Schülergespräche der Humanisten. Auszüge mit Einleitungen, Anmerkungen und Namen- und Sachregister. Quellen für die Schul- und Universitätsgeschichte des 15. und 16. Jahrhunderts. Zweiter Teil: Von Barlandus bis Corderius. Berlin, 1899. [Nachdruck zusammen mit dem Ersten Teil Amsterdam 1966.]
- Bragone 2010 — M. Cr. Bragone. La traduzione di J. W. Paus di *De civilitate morum puerilium* di Erasmo di Rotterdam // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. Vol. 1. Napoli, 2010. P. 111–123.
- Drage 2004 — Ch. L. Drage. Russian Model Conversations, c. 1630–1773 // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honor of Anthony Cross. Münster, 2004. P. 150–166.
- Günther 2000 — E. Günther. Beobachtungen zu den russischen Grußformen im 16. und 17. Jahrhundert // Sw. Mengel (Hrsg. unter Mitarbeit von Th. Daiber). Мыслящую свободно именемъ и нравомъ. Zu Ehren von Dietrich Freydank. Münster, 2000. S. 84–91.
- Keipert 1971 — H. Keipert. Russ. *zdravstvuj(te)* // Die Welt der Slaven. Bd. 16/4. 1971. S. 377–382.
- Keipert 1990 — H. Keipert. Die „Manuductio in Grammaticam in Sclavonico Rosseanam“ von E. Kopijewitz // „Tgolí chole Městró“. Gedenkschrift für Reinhold Olesch. Köln; Wien, 1990. S. 381–394.
- Keipert 1994 — H. Keipert. Die „Colloquia scholastica“ von Joachim Lange // Aufklärung und Erneuerung. Beiträge zur Geschichte der Universität Halle im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1694–1806). Hanau; Halle, 1994. S. 225–233.
- Keipert 2014 — H. Keipert. Wie sollten tschechische Schüler im 16. Jahrhundert mustergültig Entscheidungsfragen lernen? // Humanismus v rozmanitosti pohledů. Farrago festiva Iosepho Heinic nonagenario oblata. Praha, 2014. S. 51–67.

- Keipert 2016 — *H. Keipert*. V. M. Živov und die „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache“ von Johann Werner Paus // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. IX. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 276–289.
- Kopijewitz 1706 — *E. Kopijewitz*. Manuctio in Grammaticam. In Sclavonico Rosseanam. Seu Moscoviticam, in Usus discentium linguam Moscoviticam. Stoltzenbergii. Nachdruck in [Unbegaun 1969].
- Ludolf 1696/1959 — *H. W. Ludolf*. Grammatica Russica. Oxonii A.D. MDCXCVI. Edited by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.
- Riecke 2018 — *J. Riecke*. Sebald Heydens Formulae Puerilium Colloquiorum. Zur Geschichte eines frühneuzeitlichen Gesprächsbuchs. (Ankündigung des DFG-Projekts). <https://www.uni-heidelberg.de/fakultaeten/neuphil/g/personen/H...> (zuletzt abgerufen 19.03.2020).
- Shevelov 1960 — *G. Y. Shevelov*. Die kirchenslavischen Elemente in der russischen Literatursprache und die Rolle A. Šachmatovs bei ihrer Erforschung // *A. A. Šachmatov, G. Y. Shevelov*. Die kirchenslavischen Elemente in der russischen Literatursprache. Wiesbaden, 1960. S. 43–107.
- Stone 1987 — *G. Stone*. Mark Ridley (1560–1624): An Elizabethan Slavist // *Journal of Russian Studies*. No. 53. 1987. P. 3–14.
- Stone 1996 — *A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue*. Attributed to Mark Ridley. Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by G. Stone. Köln; Weimar; Wien, 1996.
- Sverdrup Lunden 1971 — *S. Sverdrup Lunden*. The Source of Kopijewitz *Rozgovori* // *Scando-Slavica*. V. 17. 1971. P. 199–204.
- Unbegaun 1969 — *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B. O. Unbegaun. München, 1969.
- Weddigen 1990 — *Formulae Latine loquendi pueriles* begonnen von Sebald Heiden. Nachdruck der Ausgabe 1685 mit einem Nachwort von K. Weddigen. Stuttgart, 1990.

А. Ф. Литвина

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Ф. Б. Успенский

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

**ВОКРУГ НЕКОТОРЫХ
ФАМИЛИЙ В РОМАНЕ
И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»
(ОПЫТ ИСТОРИКО-
ОНОМАСТИЧЕСКОГО
КОММЕНТАРИЯ)**

«**Аристократические и дворянские фамилии** <литературных героев>. Большинство этих фамилий образованы от топонимов и имеют характерные окончания *-ский/-цкий*. В редких случаях они связаны с подлинными названиями мест, как, например, пушкинские герои *Минский*, *Муромский* и *Томский*. Чаще названия мест, от которых они образованы, не поддаются идентификации, как, например, в фамилиях *Грушницкий* (Лермонтов, «Герой нашего времени») или *Райский* (Гончаров, «Обрыв»), *Лаврецкий* (Тургенев, «Дворянское гнездо»). Эти фамилии не похожи на искусственные: их можно встретить в реальной жизни и с полной уверенностью нельзя сказать, придуманы они или заимствованы из реальной жизни» [Унбегаун 1989: 191–192].

Роман И. С. Гончарова «Обрыв» (1869 г.) изобилует загадками, возбуждавшими любопытство его современников и нынешних читателей. Не последнюю из них являет собой фамилия главного героя, Бориса Павловича Райского. Разумеется, сразу же бросается в глаза, что она принадлежит к числу «говорящих»: мотив рая — чаемого, возможного или недостижимого — существует в романе как на уровне общей его концепции, так и на уровне метафорики конкретных описаний, особенно во второй части. Однако сама по себе фамилия *Райский* принадлежит к числу раритетных и может показаться искусственной, да притом — сконструированной не вполне удачно. В самом деле, она обладает нарочито прозрачной внутренней формой и при этом несет на себе отпечаток совсем не той социальной страаты, в которую Гончаров помещает своего героя. Подобная фамилия приличествовала бы в первую очередь семинаристу — именно семинарскому начальству, как известно, духовенство XVIII и XIX столетий было обязано появлением целого пласта именований вроде *Вифлеемский*, *Гефсиманский*,

Фаворский, Содомов, Парадизов и т. п. В качестве оттопонимического образования фамилия *Райский* изредка встречалась у представителей мелкопоместной польской шляхты и у евреев.

Между тем главный герой «Обрыва», хотя и не располагал большим состоянием, по рождению принадлежал к аристократии, гордившейся древностью своего рода. Почему же автор наделил его фамилией, с одной стороны, несколько экзотической, а с другой, обладающей (по крайней мере, на первый взгляд) столь неаристократическими коннотациями? Или, проще говоря, где Гончаров раздобыл это нетривиальное именование своего героя?

Ответ на этот вопрос, как кажется, следует искать в первых главах романа, где излагается генеалогия, а отчасти и некоторые матримониальные перспективы действующих лиц. Как мы помним, уже экспозиция романа демонстрирует читателю, что Райский ежедневно посещает красавицу-вдову Беловодову, причем у читателя, прежде чем он сталкивается с ней самой, есть возможность познакомиться с характером и наружностью ее старших родственников, отца и двух его незамужних сестер. Этот авторский ход далеко не случаен — многое в поведении Софьи Николаевны объясняется генеалогической гордостью ее теток, переносящих это чувство на племянницу и брата:

Он был в их глазах пустой, никуда не годный, ни на какое дело, ни для совета — старик и плохой отец. Но он был Пахотин, а род Пахотиных уходит в древность, портреты предков занимают всю залу, а родословная не укладывается на большом столе, и в роде их было много лиц с громким значением. Они гордились этим и прощали брату все, за то только, что он Пахотин [Гончаров, V: 17].

В семействе брата они «доживали старость, окружив строгим вниманием, попечениями и заботами единственную дочь Пахотина» [Там же].

Обратим внимание, что Райский вхож в этот дом исключительно благодаря тому, что состоит с его обитателями в родстве, — собственно, вся тема знатного происхождения Райского ограничена в романе его связью с Пахотиными. Связь эта охарактеризована с генеалогической точностью, но при этом задает ситуацию отчасти двоякую. С одной стороны, Райский был кровным родственником Пахотиных — «двоюродным племянником старух и троюродным братом Софьи» — и потому мог являться к ним ежедневно, не возбуждая толков, или вдруг принимать на себя роль попечителя фамильного достоинства. С дру-

гой стороны, в глазах своих светских знакомых он вполне мог жениться на Беловодовой, и сам он, хотя стремится вовсе не к этому, не считает подобную мысль абсурдной, на первых же страницах романа рассуждая о том, отдадут или не отдадут за него Софью Николаевну.

Итак, если рассматривать сочинение Гончарова исключительно в генеалогической перспективе, Райский занимает по отношению к древнему роду Пахотиных как бы две функциональные ниши — родича и потенциального свойственника, жениха или будущего мужа. Отметив это, впору задаться вопросом, откуда же берется фамилия аристократов Пахотиных?

Ко времени написания «Обрыва» в русской литературе сложились определенные традиции в сфере номинации тех, кому по воле автора предстояло быть людьми великосветскими или представителями старинных родов. Сложился, в частности, вполне естественный запрет на прямое воспроизведение подлинных аристократических фамилий. Эволюция средств и приемов, позволяющих соблюсти это табу в литературных текстах XIX в., могла бы составить предмет отдельного исследования, но по отдельности все они — от простой замены фамилий инициалами до конструирования фонетических или семантических подобий реальных именовании (*Друбецкой*, *Болконский*, *Безухов*) — хорошо известны. Одним из таких приемов (по-видимому, не самым частотным) является не изобретение, но использование фамилии и в самом деле существовавшей, зафиксированной в старинных документах, но принадлежащей роду давно угасшему или измельчавшему, сошедшему с исторической сцены к моменту создания того или иного литературного текста.

Есть все основания полагать, что именно так появляется в «Обрыве» и фамилия *Пахотины*, туманно отсылающая к земледелию и землевладению. Она надежно зафиксирована в достаточно древних документах: представители рода Пахотиных встречаются, к примеру, в синодиках XVI и XVII столетий, и хотя степень их знатности в ту пору определить достаточно трудно, но через серию браков они были связаны с различными кланами, со временем приобретшими титулы и широкую известность, а к XIX в. безусловно воспринимавшимися как русская аристократия. Иначе говоря, для внимательного читателя синодиков, интересующегося русской стариной, было очевидно, что семья Пахотиных имела достаточно древние корни, в свое время обладала возможностью обзавестись генеалогической росписью, не укладывающейся на большом столе, и, стало быть, фамилия эта отнюдь не выглядела бы инородной в среде исконной русской аристо-

кратии. С другой стороны, не было ничего запретного в том, чтобы наделить ею персонажей литературных, потому что настоящий род Пахотиных то ли прекратился, то ли обеднел настолько, чтобы никак не присутствовать в большом свете. Более того, один из древних источников, в котором так или иначе фигурируют настоящие Пахотины, позволяет понять, откуда взялась фамилия их литературного родича Райского.

Муж и жена, Владимир и Авдотья Пахотины, записаны в помянник рода Едемских (ГИМ, собр. Шукина, № 459), что само по себе не может вызывать удивление, потому что Авдотья Васильевна из этой семьи происходила и стала Пахотиной в замужестве. Едемские сами по себе — род весьма обширный и известный, в частности, своими матримониальными связями с «именитыми людьми» Строгановыми. Своеобразную семантическую ауру своей фамилии, ее родство с названием *Эдем*, они сами и их окружение в конце XVI—XVII в., по-видимому, в той или иной мере осознавали. Они были не чужды, в частности, своеобразному обыгрыванию личных имен и приименных эпитетов, позволяющему заподозрить в них не только знакомство с библейским названием рая, но и с некими образами из античной мифологии. Так, родственник (отец? брат?) нашей Авдотьи Васильевны Пахотиной, Василий Васильевич Едемский, скончавшийся в 1626 г., судя по помяннику, носил прозвище или второе имя *Парис*. Само по себе происхождение такого именованья достаточно любопытно. Свидетельство помянника позволяет определить, что его именины приходились на 12 апреля — именно на этот день его предписывалось поминать:

Лѣта 7134-го <1626> годе марта в 2 день преставися Василій Васіліевъ сынъ Ёдемской пореклому Парисъ; жил 53 лѣта <...>

12-го <апреля> — память Василию Васильевичу — нарицаемыи Парисъ [Яцимирский, II: 225, 226]; ср.: [Безроднов 2002: 26, л. 41 об., 43 об.].

В этот день, 12 апреля, церковь празднует память св. Василия Парийского, в честь которого, скорее всего, и был крещен наш Едемский. При этом он сделался тезкой своего отца, а в таких ситуациях вплоть до начала XVIII в. нередко стремились подчеркнуть, что старший и младший члены семьи, хотя и носят одно имя, но все же наречены не вполне одинаково — в честь разных святых. Так, Федор Федорович Протасьев мог именоваться *Федором Воином* [Яблочков 1905: 27, № 117], дабы зафиксировать, что он был наречен в честь

св. Феодора Стратилата, а его отца, по-видимому, крестили в честь какого-то другого св. Феодора, благо в месяцеслове их насчитывается не один десяток, ср. [Литвина, Успенский 2019: 150].

Характерно, однако, что казус Едемского устроен несколько иначе: благочестивый эпитет *Парийский*, указывающий на место епископства св. Василия, трансформирован в куда более легкомысленное именование красавца, любимца богинь, вручающего яблоко той из них, кого он сочтет самой прекрасной. Для знакомства с этим сюжетом на Руси подробные мифологические штудии были вовсе не обязательны — степень растиражированности сцены вручения яблока в различных образчиках западноевропейского искусства вполне позволяла познакомиться с ним визуально. Ассоциации же Парисова яблока с яблоком Эдема были весьма очевидны и эффектны, хотя и не слишком благочестивы. Уже при жизни Василия Васильевича сочетание *Парис Едемский* воспринималось, вероятно, как восторженное или ироническое именование красавца, баловня судьбы, живущего в райском довольстве.

Итак, присутствие в исторических документах двух породнившихся семейств, Пахотиных и Едемских, по всей видимости, определило выбор именовании для героев «Обрыва». Фамилия отца (Николая Васильевича) и тетушек (Анны Васильевны и Надежды Васильевны) Софьи была позаимствована из допетровского времени неизменной, а вот фамилия их родственника и потенциального свойственника была попросту калькирована Гончаровым и в тексте он предстал как *Райский*. Сохрани ее Гончаров в первоначальном виде — **Едемский* (**Эдемский*) — она обладала бы еще большей претенциозностью, еще большими «семинарскими» ассоциациями, приросшими к именованиям такого типа в XVIII–XIX вв.

Напоследок можно добавить, что подлинная этимология фамилии Едемских едва ли имеет прямое отношение к раю, к *Эдему* — не исключено, что в ней отразилась севернорусская гидронимика, название реки Едма (Идьма), однако это уже предмет отдельного исследования, выходящего за тематические рамки настоящей работы.

Трудно сказать, где именно Гончарову попались интересующие нас фамилии двух родственных семей, Пахотиных и Едемских: это сочетание могло воспроизводиться в актовых материалах, родословных росписях и различных текстах коммеморативного типа (синодиках, вкладных книгах и т. п.), как тех, что сохранились до сегодняшнего дня, так и в гораздо более многочисленных до нас не дошедших, но вполне доступных в XIX столетии.

Литература

- Безроднов 2002 — В. С. *Безроднов*. Семейные синодики XVII—XVIII вв. в собрании Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Генеалогический вестник. 2002. Вып. 8. С. 19–32.
- Гончаров, V — И. А. *Гончаров*. Собрание сочинений. Т. V. М., 1959.
- Литвина, Успенский 2019 — А. Ф. *Литвина*, Ф. Б. *Успенский*. Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI—XVII вв. // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Т. 8. 2019. № 1. С. 133–161.
- Унбегаун 1989 — Б. О. *Унбегаун*. Русские фамилии / Общая ред. Б. А. Успенского. М., 1989.
- Яблочков 1905 — Дворянское сословие Тульской губернии. Т. IX / Сост. М. Т. Яблочков. Тула, 1905.
- Яцимирский, II — А. П. *Яцимирский*. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина / Изд. П. И. Щукина. Вып. II. М., 1897.

И. А. Корнилаева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

РУССКИЙ
С ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИМ:
СОЮЗ *ТО ЕСТЬ**

Акцентуация сочетаний с энклитическими формами местоимений в церковнославянском языке, как известно, подчиняется специальному правилу: над конечной гласной открытого слога первого слова вместо вариации ставится оксия как единственный знак ударения, а в остальных случаях акцентуируется каждое слово, например: *спасѣи ма, чѣтѣ ти, кѣтѣ ны и спасѣтъ ма, миръ ти, ѣзѣви ны*. Введенное в практику изданий Московского Печатного двора в 1640-х гг.¹, указанное правило в дальнейшем распространилось и на целый ряд сочетаний со связками и форм перфекта. В другой нашей статье [Корнилаева 2021] на материале церковных книг XVII–XXI вв. и электронной базы данных «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» (далее Словарь) в этой связи были подробно рассмотрены многочисленные формы *чѣтѣ ѣсть, кѣтѣ ѣсть, гдѣ ѣсть, ты ѣси, родилѣ ѣси* и т. п., сосуществовавшие со стандартными *чѣтѣ ѣсть, кѣтѣ ѣсть, гдѣ ѣсть, ты ѣси, родилѣ ѣси* и демонстрировавшие определенную продуктивность со 2-й половины XVII в. вплоть до начала XX в., а также констатировалось наличие в изданиях Синодальной эпохи редких аналогических акцентовок *чѣѣ ѣсть, кѣѣ ѣсь, кѣѣ сѣтъ, сѣѣ ѣсть*. На общем фоне особняком стоит пояснительный союз *тѣ ѣсть*, о котором пойдет речь ниже.

Лексикографическая фиксация *тѣ ѣсть* ‘то есть, что значит’ впервые имела место именно в Словаре [2016: 433]: в статье *вѣѣти* это сочетание выделено в числе устойчивых. Варианты акцентовки у союза *тѣ ѣсть*, в отличие от *чѣтѣ ѣсть* и т. п., в источниках практически отсутствуют, однако наблюдается дифференциация: *тѣ ѣсть* — союз

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-29-09018 («Подготовка словаря современного церковнославянского языка»).

¹ Об этом см. [Кусмауль 2018: 244–245].

(с единственным знаком ударения оксией) противопоставлен местоимению со связкой *тò ёсть* (с ударением на каждом слове по общему правилу), ср.: *ѡвѣ, ѡкѡ ѡ плодѡхъ всѣ наше тцѡнїе дѡлженствѣетъ быти, тѡ ёсть, ѡ хранѣнїи ѡума* Добр, Никифора монашествующего Слово о трезвении (в русской версии — ‘очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, т. е. о хранении ума’ [Добролюбие 1992: 243]); *почтѡ сїе вопрошѡеши ѡ мене моегѡ; ѡ тѡ ёсть чѡдно* (Суд 13.18) Библ (в Синодальном переводе — ‘что ты спрашиваешь об имени моем? оно чудно’ [Библия: 275 (1-я паг.)]).

Анализ материала оцифрованных источников Словаря (orthlib.ru) приводит к выводу об ограниченном употреблении союза *тѡ ёсть*: он представлен исключительно в нелитургических текстах XVIII–XIX вв. — в переводных четьих «Добролюбии» и «Книге правил» (Добр 36х и КнПр с указателем 80х) и в оригинальных богослужебных указаниях в Требнике (Трб 1х). Более частотен в Добр пояснительный союз *сїрѣчь* (505х; там же *сїесть* 25х, *сї ёсть* 1х), в Трб — *сїесть* (16х), *сїрѣчь* (9х). В КнПр, напротив, *тѡ ёсть* господствует (*сїрѣчь* 2х, *сїесть* 1х), что является одним из ярких проявлений модернизации церковнославянского языка.

Другие источники Словаря — богослужебные и четьи — демонстрируют преобладание пояснительных союзов *сїрѣчь* (157х), *сїесть* (62х).

Можно заметить, что союз *тѡ ёсть* дополнил этот ряд родственных синонимов с начальным ударением вполне органично. Но если редкий вариант *сї ёсть*, фиксируемый в оцифрованном корпусе в Добр (Илии Екдика Цветособрание, 76) и ТП, — *Трїпѣснецъ, творѣнїе господїна космы, ёгѡже краестрѡче: Тї деугѣра, сї ёсть: во вторѡй дѣнь, ёже ёсть понедѣльникъ* (Великий понедельник, утренняя молитва), — в отношении ударения является простым продолжением формы с другим орфографическим обликом *сїесть*, то нововведение *тѡ ёсть* непосредственно отражает русское произношение *то есть*. Именно по этой причине союз *тѡ ёсть*, в отличие от *чтѡ ёсть* и т. п., характеризуется орфографической стабильностью.

Любопытный факт: при сопоставлении оцифрованного Добр и первого печатного «Добролюбия» конца XVIII в. (39 контекстов) обнаруживается неполное соответствие акцентовок этих двух источников: в книжном издании нашлось 38 вхождений союза *тѡ ёсть* и один пример местоимения *тѡ* (= *чтѣнїе по вѣѣ*) со связкой *ёсть* (...*ѡкѡ тѡ ёсть начало спасѣнїа* Петра Дамаскина Книга 1) [Добролюбие 1793

III: *ms*]; в электронной версии иначе в трех случаях — появляется союз *Тò ѣсть* (Петра Дамаскина Книга 2, Слово 23 — в начале предложения вместо *Тò ѣсть* [Добротолюбие 1793 II: *ѣз*]) и *тò ѣсть* (Каллиста Катафигиота Уцелевшие главы, 35 — вместо *тò ѣсть* [Добротолюбие 1793 IV: *ѣг* об.]) и даже местоимение со связкой *тò ѣсть* (...*ѣkw тò ѣсть нача́ло спасе́нїа*).

Добавим, что несоответствие печатного славянского Добротолюбия 1793 г. и электронной версии Добр проявляется не только в акцентуации некоторых слов, но также в деталях орфографии и пунктуации².

В письменных источниках союз *то есть* фиксируется, по данным старорусского подкорпуса НКРЯ, начиная с сочинений Андрея Курбского 1564–1583 гг., изобилующих латинизмами (*id est, i. e.*). В рукописях XVII столетия этот союз встречается в переводных и оригинальных текстах, что отражено в соответствующей статье в [СлРЯ XI–XVII 29: 387] с пометой *ср. польск. to jest*. В курантах — русской версии европейских печатных газет, исходившей из Посольского приказа, — в корреспонденции от 2 мая 1671 г. *то есть* употреблено в соответствии с нем. *alß* [ВК 2017: 144, 403], а в переводе немецкого текста из следующей почты (23 июня 1671 г.) *als* передано как *се есть* [Там же: 147, 405]; варианты *то есть* и *се есть* представлены также в курантах 1671–1672 гг., иностранные оригиналы к которым пока не найдены [Там же: 70, 80, 88, 220, 334].

Акцентуированные рукописи XVII в. в отношении союза *то есть*, к сожалению, недостаточно информативны; интерпретация материала затруднена тем, что написание формы *есть* с надстрочным знаком *исо* (*ˇ*) само по себе неоднозначно: *исо* могло быть как иктусным, так и неиктусным, т. е. употребляться для передачи ударения или же быть просто знаком начала словоформы, а отсутствие знака ударения на письме еще не означало безударности³. Так или иначе, мы имеем примеры акцентовок союза *тò ѣсть* (2х) в [Космография 1670 г.: 337, 413], *тò ѣсть* в курантах 1671 г. [ВК 2017: 80].

² Не имея возможности сопоставить разные печатные издания и соответственно искать объяснения для особенностей оцифрованного Добр, ограничимся здесь констатацией факта. О деятельности русских печатников по исправлению позиции знаков ударения см. также [Корнилаева 2018].

³ О неиктусном *исо* см. [Зализняк 1985: 202]), о фонетической ударности или безударности древнерусских связок и их написании — [Зализняк 2008: 224, 234, 236].

Наибольший интерес в связи с нашей темой представляет рукописное наследие Федора Поликарпова-Орлова (ок. 1670–1731), в течение многих лет руководившего Московским Печатным двором. Публикация его грамматических трудов 1720-х гг., в том числе автографов, осуществленная Е. Э. Бабаевой в [Поликарпов 2000: 117–335], позволяет сделать вывод, что собственному почерку Поликарпова была свойственна устойчивая орфограмма *ѣсть* (с начальным строчным *ѣ* — естем узким, не соответствующим правилам для старопечатных текстов своего времени, и знаком *исо*). Особо показательны в этом отношении фрагменты авторской рукописи с низкой плотностью акцентовки, например: *Что ѣсть писменъ ѣстество; Писменъ ѣстество ѣсть коегождо писмене достоѣнное начертаніе: сирѣчь которое писмя каково ѣсть, или какъ пишется...* [Там же: 147]. Многократно употребляемый Поликарповым союз *то есть* в той же рукописи соответственно имеет вид *то ѣсть*, ср.:

Просвѣдїа чесомѣ ѣчитъ;
 ѣчитъ ѣреченїихъ какъ гласомъ ѣдаряти ѣ какъ періоды слагати, ѣ тѣмѣ
 разѣмъ совершенъ ѣпредѣляти то ѣсть гдѣ запятїя, гдѣ точки гдѣ
 двоеточїе... полагати [Там же: 166].

Иные орфографические варианты находим в рукописной грамматике Ф. Поликарпова 1725 г. с достаточно плотной акцентуацией⁴. Спорадически здесь встречаются и написания со строчным широким естем (*ѣ*) в начале слова — в духе старопечатной нормы. Ср.:

Технологїа | то есть | художное совѣщдованїе ѣ | грамматїческо^м художествѣ |
 совранное вопросоотвѣтами по | алфавїтѣ числїтелно^м ѣ пользу |
 люботщателства отроческаго ѣ лѣто | 1725 [Там же: 239] — титульный
 лист;
 А егда, ѣ, слїтнѣю знаменовано бываѣтъ, тогда какъ долженствѣтъ
 произносїтїся;
 Краткѣ, понѣже тогда не бываѣтъ слѣгѣ, но сливаѣтся со предїдѣщимъ слѣгомъ
 во едїнъ, ѣкѣ: истинный, боящїйся, ѣ знаменѣтъ число едїнственное, то
 ѣсть которїй боїтся.
 А когда слїтнѣю не знаменѣются, тогда какъ прїѣмлется;
 За цѣлый слѣгѣ, ѣ произносїтся мягкѣ, ѣкѣ: боящїися, ѣ значїтъ⁵ число
 множественное, // то ѣсть которїи боїтся [Там же: 249];

⁴ По всей видимости, эта рукопись грамматики является беловой по отношению к цитированной нами выше [Поликарпов 2000: 15–16].

⁵ Ср. статью *значїти* в [Зализняк 2019: 369].

Міра іаковійи родителный;
 Глаголонмѣнный, то ѣсть⁶ глаголнагѣ ѿмене [Там же: 277];
 Ящевы, яще не, яще ѱѣв ѿ прѣч: <...>
 Когда сочинѣнїя правая творятъ;
 ѿгда преходятъ, то ѣсть в первомъ сочинѣнїи полагаются, іакѣ: яще вы выш
 прѣрокъ, вѣдѣль вы [Там же: 322];
 Про предлогъ...
 ...проходѣ, мѣмѣ іакѣ проходѣ... прорѣчествѣю, то ѣсть верхѣ рѣки налагаю...
 провождаю, сирѣчь пѣть показѣю... провѣчаю рѣкше наставаю во ѱчѣнїи
 [Там же: 316].

Ряд из синонимов, употребленных в последнем примере, далее повторяется и дополняется в специальном разделе о сочинительных союзах:

А, іакѣ прїемлется иногда ѿ вмѣстѣ изъяснителнагѣ ѿнѣ ѿстолкователнагѣ надглаголія, рѣкше, сирѣчь, се ѣсть, то ѣсть ѿнѣ вмѣстѣ что [Там же: 323].

Ранее изданная грамматика Федора Максимова, хорошо известная Ф. Поликарпову и часто им использованная (см. [Там же: 15]), в соответствующем месте отражает орфографический приём, бывавший в печати (т. е. постановка оксии как единственного знака над конечной гласной в сочетании со связками; см. выше) и, очевидно, отвечавший вкусу автора, ср.:

Иногда же вмѣстѣ изъясителнагѣ ѿнѣ ѿстолкователнагѣ надглаголіа, рѣкше, сирѣчь, сеѣсть, то ѣсть, ѿнѣ вмѣстѣ что, прїемлетса, іакѣ [Максимов 1723: 168 (2-я паг.)]

и, например:

Феодѣръ пишеть, іаковѣ ѣсть согласїе [Там же: 183 (2-я паг.)].

Вышеприведенный материал 1-й четверти XVIII в. в совокупности свидетельствует в пользу произношения *то есть*, не опровергая, впрочем, и возможности других вариантов.

И в поэзии периода, предшествовавшего первому изданию славянского «Добротолюбия», и в стихах последующих десятилетий мы находим два варианта ударения — на первой или на второй части со-

⁶ Форма *то ѣсть* употреблена в черновой тетради и одним из помощников Поликарпова, см. [Поликарпов 2000: 14, 122].

юза. Ограничимся некоторыми примерами из Акцентологического корпуса НКРЯ⁷:

Найде́т двѹх иль трѣхъ прѣятелей ѵстинныхъ сѹше,
То́ есть му́дрых, вѣрныхъ и́ бла́гихъ постоянно́

[В. К. Третьяковский, 1766];

Да́, я здѣсь, слуга́ твой вѣрной,
 И та́к, как лу́чше бы́ть не лѣзя́, тебѣ́ усѣрдной,
То́ есть, что мо́г бы всё́ ты мнѣ́ на волю́ да́ть [И. С. Барков, 1763];

В э́том-то́ боло́те, в Пе́тербу́рге то́ есть,
 Я насче́т Росси́ сочиня́ю пове́сть [В. С. Курочкин, 1862];

Но sátis, sùfficit, мой друг,
То́ есть об э́том пе́рестану́ [Н. П. Огарев, 1840–1841].

Вместе с тем в акцентуированных сочинениях на русском языке, издававшихся в XIX в. церковным шрифтом в Московской Синодальной типографии, т. е. тогда же и там же, что и «Книга правил», следов варианта с ударением на втором компоненте не обнаруживается. Например, в «Пространном катехизисе» для учебных заведений и всех православных христиан читаем (Ѣ = **вопрѡсъ**, Ѧ = **ѡвѣтъ**; русский текст печатался крупнее, чем славянский в цитатах):

Ѣ. Та́кими ли сотворены́ ви́димыя тѣа́ри, ка́кими ви́димъ ѿхъ ны́нѣ;
 Ѧ. Нѣтъ. При сотворѣ́ннн все́ было́ доврѡ́ сѣ́лаѡ, то́ есть, чи́сто, прекра́сно и́
 везврѣ́дно. <...>
 Ѣ. Дла́ чегѡ́ повелѣ́ва́ется проси́тъ насѣщна́гѡ хлѣ́ба то́лькѡ́ днѣсь, то́ есть,
 на ны́нѣшнѣ́й де́нь; [Катехизис 1895: 34, 108].

Аналогично и в «Сокращенном катехизисе» для детей, с той разницей, что наш союз дополнительно русифицирован дефисом: то́-ѣсть [Букварь 1908: 87, 91] — в соответствии с распространенным в прошлом «гражданским» написанием *то-есть*.

Такого рода акцентуированные источники, интересные во многих отношениях, но до сих пор недооцененные лингвистами, в действительности могут послужить для восполнения целого ряда существенных пробелов в словарях XIX в. Но это уже тема отдельного исследования.

⁷ Ср. там же *то́ бишь* и *то́ бишь*.

Источники

- Библ — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 2005 (репринт издания: СПб., 1900 — orthlib.ru).
- Библия — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами. (Б. м. и г.)
- Букварь 1908 — Славянский церковный букварь. Киев, 1908 (репринт издания: Издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1997).
- ВК 2017 — Вести-Куранты. 1671–1672 гг. М., 2017.
- Добр — Добротолубие. М., 1902 (репринт издания: Тутаев, 2000 — orthlib.ru).
- Добротолубие 1793 — Добротолубие. Ч. I–IV. М., 1793.
- Добротолубие 1992 — Добротолубие в русском переводе, дополненное. Т. 5. М., 1900 (репринт издания: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992).
- Катехизис 1895 — Пространный христианский катехизис Православных Кафолических Восточных Церквей. 24-е изд. М., 1895.
- КнПр — Книга правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец. М., 1893 (репринт издания: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992 — orthlib.ru).
- Космография 1670 г. — Космография 1670. СПб., 1878–1881.
- Максимов 1723 — *Ф. Максимов. Грамматика славенская въ кратце собранная въ Грекославенской школѣ іже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архирейскомъ.* СПб., 1723.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).
- Поликарпов 2000 — *Ф. Поликарпов Технологѣ.* Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.
- Словарь 2016 — Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. I. А–Б / Под ред. А. Г. Кравецкого, А. А. Плетневой. М., 2016.
- СлРЯ XI–XVII, 29 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М., 2011.
- ТП — Триодъ Постная. М., 1907 (репринт издания: Издательство Московской Патриархии, 1992 (orthlib.ru), которое является репринтом издания 1974 г.).
- Трб — Требник. М., нач. XX в. (репринт издания: Издательство Московской Патриархии, 1980 — orthlib.ru).

Литература

- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк 2019 — *А. А. Зализняк*. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд. М., 2019.
- Корнилаева 2018 — *И. А. Корнилаева*. Об акцентных вариантах в источниках «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 119–138.
- Корнилаева 2021 — *И. А. Корнилаева*. Из истории акцентных вариантов в книгах кириллической печати Нового времени // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021 (в печати).
- Кусмауль 2018 — *С. М. Кусмауль*. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Д. О. Добровольский

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН (Москва, Россия)
Стокгольмский университет
(Стокгольм, Швеция)

Г. И. Кустова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

РУССКИЕ
ДИСТРИБУТИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ
ТИПА *КТО КУДА*:
КОГНИТИВНЫЕ
СТЕРЕОТИПЫ
И МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ
СООТВЕТСТВИЯ*

1. Дистрибутивные биместоименные конструкции

Местоимения могут употребляться в составе различных сочетаний и конструкций большей или меньшей степени устойчивости. Так, в литературе выделяются так называемые квазирелятивы и амальгамы. Квазирелятивы, ср. *кто угодно, что попало, где хочешь*, — это аналоги неопределенных местоимений, которые представляют собой безвершинное относительное придаточное, ср.: *Бери все, что ты хочешь / то, что ты хочешь* → *Бери **что хочешь*** (квазирелятивы образуют серии: *кто / что / где... угодно; кто / что / где... попало; кто / что / когда... хочешь*). Амальгамы, наоборот, предполагают редукцию зависимой клаузы, от которой остается только относительное местоимение: *Он был неизвестно где*. [Testelefs, Vylinina 2005].

Наряду с этими единицами и конструкциями существуют конструкции, состоящие из двух и более местоимений, которые мы будем называть местоименными комплексами: *Узнай, **кто когда приехал / кто где поселился / кто с кем о чем разговаривал***. Вопросительным конструкциям с местоименными комплексами (вопросам и косвенным вопросам — зависимым клаузам типа *Я не помню, **кто что принес***), посвящена большая литература, ср., например, [Vošković 2001; 2002]. Обсуждаются, в частности, такие проблемы, как разрешенный и запрещенный порядок местоимений, способы формального представления конструкций с двумя местоимениями.

В работе Н. Ю. Шведовой отмечается невопросительная биместоименная конструкция, которая употребляется в ответной реплике диалога [Шведова 1998]: — *Чем вы занимаетесь?* — ***Кто чем***. Данная конструкция рассматривается в связи с «человекоцентризмом» языка,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505.

т. е. считается, что такие конструкции содержат местоимение *кто* (*кто чем; кто сколько* и т. п.). Однако в русском языке встречаются конструкции и без местоимения *кто*: *когда как; когда сколько; что куда*.

Биместоименные конструкции, как и другие местоименные комплексы (ср. *где попало; неизвестно кто*), могут быть в разной степени свободными или фразеологизованными. Но во всех случаях у конструкций типа *кто куда* выделяется две семантических составляющих: одно местоимение имеет дистрибутивную интерпретацию ('каждый человек', 'каждый раз'; 'каждый предмет'), поэтому все такие конструкции можно назвать **дистрибутивными** (далее сокращенно — ДК). При этом интерпретация второго местоимения зависит от типа употребления. В русском языке у дистрибутивной местоименной конструкции выделяются три типа употребления, см. [Кустова 2016]:

1. В первом типе — вопросах и косвенных вопросах (косвенно-вопросительных придаточных) — второе местоимение имеет вопросительную или относительную функцию: *Узнай, кто куда уехал* = 'куда уехал каждый' (пресуппозиция: 'некоторое множество людей уехало из некоторого места'); *Начальник сам решает, кому сколько платить* = 'сколько платить каждому'.

2. Во второй конструкции второе местоимение неопределенное, но при этом референтное (ср. *Кто-то звонит*): — *Куда вас распределили?* — **Кого куда**; — *Что вам досталось?* — **Кому что**; — *Сколько вы зарабатываете?* — **Когда сколько**, *зависит от сезона* // — **Кто сколько** ('каждый свою сумму'); — *Что вы смотрите по вечерам?* — **Когда что**: *бывает, сериалы, бывает, шоу* ('каждый раз разное').

3. В третьей конструкции местоименный комплекс включает не только второе местоимение, но и какой-то (обычно предикативный) компонент, и вместе они образуют квазирелятив: *Можно взять вещей кто сколько унесет* = 'можно взять столько вещей, сколько каждый унесет' (ср. «чистый» квазирелятив без дистрибутивного компонента: *Бери сколько унесешь*); *Похватили кому что досталось* = 'каждый схватил то, что ему досталось' (ср. *Взяли что досталось*); *Дежурим кого когда назначают* = 'каждый дежурит тогда, когда его назначают' (ср. *Дежурим когда назначают*). Квазирелятив может быть как референтным (примеры выше), так и нереперентным: *Берите кто что хочет*.

Вопросительные конструкции есть в самых разных языках мира, и для некоторых языков они подробно описаны — например, в парадигме генеративной грамматики, ср. [Kotek 2019; Dayal 2006].

Свойства русских конструкций 2-го и 3-го типов — т. е. невопросительных — рассмотрены в статье [Кустова 2016]. В данной рабо-

те мы будем рассматривать только невопросительные конструкции. Наша первая задача — опираясь на материал параллельных корпусов НКРЯ, выяснить, есть ли дистрибутивные невопросительные конструкции в других языках. Мы ограничиваемся только европейскими языками.

ПРИМЕЧАНИЕ. Для простоты мы рассматриваем конструкцию 2 как редуцированный вариант конструкции 3 и объединяем их в одну группу. Например: — *Что вы смотрите по вечерам?* — *Когда что* ≈ ‘когда что показывают / когда что получится / когда что захочется’.

Материал параллельных корпусов ограничен и не сопоставим по объему с основным корпусом русского языка. Тем не менее имеющихся на сегодня данных оказалось достаточно для некоторых — хотя бы предварительных — наблюдений и выводов.

Вот некоторые примеры ДК в параллельных корпусах славянских языков:

— **в украинском корпусе:**

- (1) — *Ховайтесь, де хто знає!* — промовив отаман [І. Нечуй-Левицький. Микола Джеря (1876)]
— *Укрывайтесь хто где может!* — объявил отаман [И. Нечуй-Левицкий. Микола Джеря (А. Островский, 1956)]
- (2) — *Але ж ви погано спите?* — *Коли як* [О. Гончар. Берег любові (1976)]
— *Но ведь вы же плохо спите?* — *Когда как* [О. Гончар. Берег любви (М. Алексеев, И. Карабутенко, 1977)]

— **в белорусском корпусе** примеров ДК больше всего, причем конструкцию могут образовывать не только два, но также три и даже больше местоимений:

- (3) *Партызан паблізу тады не было, туляцца па лесе напроціў зімы мала хто наважыўся, і ратаваліся, як дзе хто ўмеў* [В. Быкаў. У тумане (1988)]
Партизан поблизости тогда не было, уходить на зиму в лес мало кто решался и прятались кто где мог [В. Быков. В тумане (В. Быков, 1990)]

— в оригинале три местоимения: ‘как где кто мог’.

- (4) *І аказалася, што яны не ў лес паўцякалі, а ў кусты — там на другім канцы вёскі былі кусты балотныя. І вось гэтая Кот вярнулася, — ну, знаеце, паглядзець гаспадарку, ці што. Бо так*

жа пакідалі ўсё, як каго дзе што сустрэла [А. Адамовіч и др. Я з вогненнай вёскі... (1975)]

И оказалось, что они не в лес поудирали, а в кусты — там, на другом конце деревни, были кусты болотные. И вот эта Кот вернулась, ну, знаете, посмотреть хозяйство или что. Потому что так же побросали все, как кого где что встретило [А. Адамович и др. Я из огненной деревни... (Д. Ковалев, 1977)]

Ср. также:

- (5) К добру ли, к худу ли оставалось то наследство — *когда как* [Ч. Айтматов. И дольше века длится день (Буранный полустанок) (1980–1984)]

Ці на добрае, ці на ліхое выходзіла з той спадчынай — *калі як* [Ч. Айтматаў. Буранны паўстанак (І вякуе дзень даўжэй за век) (Міхась Стральцоў, 1987)]

- (6) Смерды з сем'ямі ратаваліся *хто як мог* [Л. Дайнека. След ваўкалака (1988)]

Смерды с семьями спасались *кто как мог* [Л. Дайнеко. Тропой чародея (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)]

- (7) — Гарачая, значыцца!.. — *Для каго як!* — Для каго — як печка, а для каго — лёд? [І. Мележ. Людзі на балоце (1961)]

— Горячая, значит!.. — *Для кого как!* — Для кого — как печка, а для кого — лед? [И. Мележ. Люди на болоте (М. Горбачев, 1962)]

— в польском корпусе:

- (8) Po czym w całym wojsku jazda, piechota, ciury obozowe, *jak kto stał, gdzie kto był*, wszyscy rzucili się z największą zaciekłością na nieprzyjaciela i wywiązała się bitwa nieco bezładna [H. Sienkiewicz. P. Wołodyjowski (1887–1888)]

Потом вся какая ни есть конница, пехота, обозные, *кто где стоял, где кто был* — все в приступе ярости ринулись на неприятеля, и закипел бой [Г. Сенкевич. П. Володыёвский (Г. Языкова, К. Старосельская, С. Тонконогова, 1983)]

- (9) — И сколько это все продолжается? — *Когда как*. Когда трое суток, а когда и всю неделю [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

— I jak długo to trwa? — *Zależy jak kiedy*. Czasami trzy dni, a czasami i tydzień [A. Strugacki, B. Strugacki. Piknik na Skraju Drogi (I. Lewandowska, 1974)]

- (10) *Sztuka, cel życia. — Jak dla kogo...* [Władysław Reymont. *Komediantka* (1896)]
 Искусство — цель жизни! — *Для кого как...* [В. Реймонт. *Комедиантка* (Л. Конрад, 1967)]

— в болгарском корпусе лишь у некоторых русских ДК встретились эквиваленты, ср.:

- (11) Так, развлекаются, *кто как умеет...* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. *Пикник на обочине* (1971)]
 Ей тъй, забавляват се *кой както може...* [А. Стругацки, Б. Стругацки. *Пикник край пътя* (М. Асадуров, 1982)]

При переводе русской конструкции *кто куда* используется конструкция *кой накъдето види*, аналогом которой является русская идиома *куда глаза глядят*:

- (12) Обсерватория его сторела, а уцелевшие ученики разбежались *кто куда* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. *Трудно быть богом* (1964)]
 Неговата обсерватория изгоря, а оцелелите му ученици се разбягаха *кой накъдето види* [А. Стругацки, Б. Стругацки. *Трудно е да бъдеш бог* (С. Владимиров, 1981)]

Иногда ДК переводятся описательно:

- (13) Колонистов всех, кроме девочек, перевели работать в цех. Рассовали *кого куда* [А. И. Приставкин. *Ночевала тучка золотая* (1981)]
 Всички колонисти освен момичетата бяха прехвърлени на работа в цеха. Пръснаха ги *по различни работни места* [А. Приставкин. *Пренощува облачето златно* (З. Петрова, 1989)]
- (14) — И охотно идут на такую работу? — *Кто как* [А. В. Литвиненко. ЛППГ — Лубянская преступная группировка (2002)]
 — И те драговошно ли се съгласяват да вършат такава работа? — *Различно* [А. Литвиненко. *Лубянската престъпна группировка* (З. Петрова, 2003)]

Приведенных примеров достаточно, чтобы констатировать, что по крайней мере в некоторых славянских языках невопросительные ДК имеются. Наоборот, в западноевропейских языках подобных конструкций нет (во всяком случае, они не обнаружались в парал-

лельных корпусах НКРЯ). При этом вопросительные конструкции (*Узнай, кто куда уехал*) в западноевропейских языках есть. Отсутствуют именно невопросительные ДК. Отсюда возникает вторая задача — выяснить, какими средствами русские ДК переводятся на эти языки, чем представлены основные семантические компоненты этой конструкции. И наоборот: в каких ситуациях ДК используются при переводе на русский язык.

2. Семантические компоненты и когнитивные стереотипы русских невопросительных ДК

В семантике местоименной дистрибутивной конструкции, как уже говорилось, можно выделить два основных компонента — множество (точнее — дистрибутивную множественность, дистрибутивность) и различие (между элементами множества).

Дистрибутив, по определению, предполагает множество. Однако сама по себе множественность субъектов (объектов) или ситуаций не обязательно концептуализована как дистрибутивная и/или связанная с различиями. Множественный субъект может рассматриваться как производитель единого действия: *Солдаты шагали по дороге*. С другой стороны, элементы множества могут производить различные (в том числе хаотичные и несогласованные между собой) действия, однако идея различий и отдельности каждого субъекта не выражается в предложении, а выводится из ситуации или контекста: *После начала обстрела люди бросились в укрытие*; иногда идея различий может выражаться лексически: *Люди бросились врассыпную* ('в разные стороны').

Специальные дистрибутивные конструкции выделяют каждый элемент множества, приписывая ему некоторый признак или действие, и подчеркивают (в терминах когнитивной лингвистики — профилируют) распределенность признаков или ситуаций по разным участникам. Некоторые дистрибутивные конструкции выражают однотипность событий, происходящих с каждым элементом множества: *Каждому дали по яблоку*. Другие, как рассматриваемая нами местоименная ДК, наоборот, подчеркивают различия: *прятались кто где [мог]* ≈ 'в разных местах; каждый в своем месте'.

При этом существуют определенные когнитивные стереотипы (клише), характерные обстоятельства протекания ситуации, побуждающие говорящего выбирать ДК в русском тексте. И наоборот, наличие в описываемой ситуации (далее — ситуация Р) соответствующих

семантических или прагматических условий стимулирует использование именно этой конструкции в русском переводе (о семантико-грамматической специфике, идиоматичности (некомпозициональности) и других свойствах конструкций ср., например, [Croft, Cruse 2004; Dobrovol'skij 2007; Fillmore 1988; Fillmore, Kay, O'Connor 1988; Goldberg 2006; Hoffmann, Trousdale 2013; Dobrovol'skij et al. 2019; Taylor 2002]).

Эти семантические условия (когнитивные стереотипы) — разные для разных видов ДК. Они могут быть связаны как с общими представлениями о мире, так и с более конкретными (но типичными) обстоятельствами реализации тех или иных ситуаций.

Дистрибутивные конструкции являются разговорными и в разной степени идиоматизированными. Наиболее устойчивыми и фразеологизованными из всех ДК являются выражения *когда как* ('в разные моменты по-разному'; 'не всегда одинаково') и *кто куда* ('в разные стороны; каждый в свою сторону'), которые мы рассмотрим наиболее подробно.

ДК *когда как* и *кто куда* можно назвать адвербиальными характеристиками ситуации — темпоральной и пространственной соответственно (хотя в *кто куда* входит обозначение лица *кто*). Эти конструкции характеризуются большей частотностью, чем другие. Так, например, в основном корпусе НКРЯ насчитывается около 70 вхождений *когда как* и порядка 700 вхождений *кто куда*. Их самостоятельность как устойчивых выражений подчеркивается тем, что обе ДК могут употребляться в качестве самостоятельных высказываний: — *Ну как ты? — Когда как; — Куда дьячки подались? А он кивает на мои погоны: «Кто куда. Некоторые — в маршалы!»* [Н. Джин. Учитель (1980–1998)].

Кроме идеи различия, которая является ядерной, с конструкцией *кто куда* устойчиво связаны идеи случайности, вмешательства в ход событий каких-то неконтролируемых, неподвластных человеку факторов и обстоятельств. Именно отсюда возникает разнообразие или даже разноречивость в действиях разных участников ситуации, ср.: *При появлении противника солдаты бросились / разбежались кто куда* — действовали спонтанно, несогласованно. Идея стихийности и неконтролируемости является имплицатурой, т. е. необязательным следствием, и может «подавляться» контекстом. Тем не менее она характерна для данной конструкции. То же в конструкции *когда как*: — *Когда ты возвращаешься с работы? — Когда как* — есть обстоятельства, которые влияют на ход событий. И если такая идея содержится в контексте

или ситуации, русские переводчики учитывают ее, выбирая соответствующую конструкцию.

Адвербиальным конструкциям *когда как* и *кто куда* посвящен раздел 3. В разделе 4 мы коротко рассмотрим субстантивную конструкцию *кто что*.

3. Адвербиальные конструкции

3.1. Когда как

В параллельных корпусах конструкция *когда как* (вариант — *как когда*) встретилась только как самостоятельная реплика (хотя в основном корпусе есть примеры ее включения в предложение: *Раньше с этим кино и думушки ни у кого не было: когда киномеханик более или менее на ногах держится, тогда и начнут крутить (и в девять и в десять часов — когда как придется)* [Ф. Абрамов. Дом (1973–1978)]).

Кроме основного значения ('в разные моменты времени [бывает] по-разному') у данной конструкции есть определенный когнитивный стереотип — общее представление о том, что в размеренное течение регулярных, повторяющихся событий могут вмешиваться внешние обстоятельства, неподконтрольные человеку факторы, которые могут вносить изменения или даже нежелательные нарушения в ход событий.

Идея изменчивости жизни и, в конечном счете, ненадежности наших представлений и обобщений, необоснованности ожиданий, негарантированности реализации планов лексикализована и в других языках. Так, в английском и немецком языке имеются лексемы и фраземы, достаточно близкие соответствующие русскому *когда как*: нем. *Kommt darauf an*, англ. [*It*] *depends* (букв. '[это] зависит', ср. русскую фразему *Это зависит...*):

- (15) — Часто приходится ездить? — поинтересовался Захаров. — *Когда как* [А. Маринина. Стечение обстоятельств (1993)] нем. «Sie reisen viel?», erkundigte sich Sacharow. «*Kommt darauf an.*» [А. Marinina. Widrige Umstände (G.-M. Braungardt, 2003)]
- (16) — И сколько это все продолжается? — *Когда как*. Когда трое суток, а когда и всю неделю. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)] англ. «And how long does all this go on?» «*Depends. Three days, sometimes, sometimes a whole week.*» [А. Strugatsky, B. Strugatsky. Roadside Picnic (A. W. Bouis, 1977)]

Близким по семантике коррелятом (или даже эквивалентом) русской конструкции *когда как* можно также считать немецкую грамматическую фразу *je nachdem* ('смотря по обстоятельствам, в зависимости от P'):

- (17) нем. Liebe ist die Antwort — es rührt mich immer, wenn ich das höre. Oder es amüsiert mich, *je nachdem* [К. Гир. Saphirblau (2009)]

Любовь является ответом — я всегда нахожу это трогательным, когда слышу. Или веселюсь по этому поводу — *когда как!* [К. Гир. Сапфировая книга (С. Вольштейн, 2013)]

Примечательно, что *je nachdem* может переводиться также русским квазирелятивом *как случится* (ср. *как получится*), который также содержит идею неполной контролируемости хода событий и вмешательства случайных факторов:

- (18) нем. Dazwischen wirft sie mir mehr oder minder sengende Glublicke zu, — *je nachdem* sie ihr gelingen [G. Meyrink. Der Golem (1914)]

Одновременно она бросает мне более или менее пылкие, страстные взгляды, — *как случится* [Г. Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)]

Смысл 'смотря по обстоятельствам, по-разному в зависимости от обстоятельств', передаваемый ДК *когда как*, можно считать импликатурой в примере (19):

- (19) англ. «Is it impolite to romp and shout and be jolly?» asked Scraps. «Well, sometimes it is, and sometimes it isn't,» replied the Horner, after considering the question [L. Frank Baum. The Patchwork Girl of Oz (1913)]

— А разве не благовоспитанно веселиться, возиться, смеяться? — поинтересовалась Лоскутушка. — *Когда как*, — ответил Джак, немного поразмыслив над вопросом [Л. Фрэнк Баум. Лоскутушка из Страны Оз (С. Белов, 1990–2000)]

В данном примере оборот *sometimes it is, and sometimes it isn't* кажется буквальным соответствием конструкции *когда как* ('иногда так, иногда иначе'), но именно такие примеры показывают, что и эта конструкция, и ее аналоги в других языках используются не столько ради буквального смысла, сколько ради когнитивных стереотипов и семантических импликатур: в данном случае речь идет о том, что

человек должен корректировать свое поведение, подстраиваясь под обстоятельства, учитывая внешние факторы.

В прочих случаях английские или немецкие тексты содержат какой-то один из двух семантических компонентов русской конструкции — множество моментов времени или идею ‘по-разному’. Недостающие смыслы, как правило, «вычитываются» из контекста, содержатся в нем в виде импликатур, что и позволяет переводчикам использовать ДК *когда как* или ее вариант *как когда*.

Надо сказать, что смысл ‘по-разному’ сам по себе имплицитно подразумевает множество моментов времени (единичное событие не может произойти по-разному). Однако в случаях, когда переводчик выбирает ДК *когда как*, его задача — активизировать существенно более сложные импликатуры, ср.:

- (20) нем. Dann <...> bedauerte <...> mit bewegten Worten die Abwesenheit Christians, von dem er gehört habe, daß er gar so ein lustiger Herr sei. «*Unterschiedlich*,» sagte der Konsul [Т. Манн. Будденброокс (1896–1900)]

Затем он <...> начал от души сокрушаться по поводу отсутствия Христиана, о котором он слышал, что это на редкость веселый господин. — *Как когда*, — заметил консул [Т. Манн. Будденброокс (Н. Ман, 1953)]

Выбор *как когда* для передачи нем. *unterschiedlich* (‘по-разному’) в примере (20) активизирует импликацию ‘не всегда одинаково’, которая, в свою очередь, связана с более общим представлением о том, что наблюдения и обобщения, основанные на прошлом опыте, не всегда справедливы (закономерности иногда нарушаются), так как в реальность вмешиваются неконтролируемые человеком обстоятельства.

Еще более сложная цепочка импликатур выстраивается, если в исходном тексте имеются только кванторные лексемы со значением моментов времени типа англ. *sometimes* или нем. *manchmal* (‘иногда, порой, подчас’). Эти лексемы сами по себе имплицитно подразумевают ‘не всегда’, из чего следует ‘в другие моменты — по-другому, в разные моменты — по-разному’, ср.: *Иногда Петя получает двойки* (→ ‘в другие моменты — другие оценки’).

Однако если темпоральный показатель является самостоятельным высказыванием, т. е. ремой, имплицитивная цепочка может усложняться:

- (21) англ. «Do you like it?» «*Sometimes, not always*. I wish we lived in Chicago» [Т. Dreiser. The “Genius” (1915)]

— Вам здесь нравится? — *Когда как. Далеко не всегда* [Т. Драйзер. Гений (М. Волосов, 1930)]

В примере (21) эксплицитное выражение смысла *not always* ('не всегда'), который и так выводится из *sometimes* (— *Вам здесь нравится? — Когда как* 'иногда нравится, иногда не нравится'), призвано акцентировать импликатуру 'не всегда нравится; не всегда хорошо; присутствуют случайные факторы, из-за которых ситуация развивается то лучше, то хуже', которая возникает благодаря наличию в контексте оценочного глагола (*Do you like it?*). Аналогично в:

(22) нем. «Sie, ich hab das ooch immer gewollt, so irgendwo frei mein Geld verdienen. Muß doch schön sein, man macht, was man will, und wenn man tüchtig ist, dann geht es.» «*Manchmal ooch nicht.*» [A. Döblin. Berlin Alexanderplatz (1929)]

— А знаете, я тоже всегда мечтал жить вот так, свободным предпринимателем. Должно быть, приятно делать, что вздумается; коли не поленишься, дело пойдет на лад. — *Как когда* [А. Дёблин. Берлин — Александерплац (Г. А. Зуккау, 1935)]

В примере (22) реплика на берлинском диалекте *manchmal ooch nicht*, соответствующая литературному *manchmal auch nicht* ('иногда тоже нет'), достаточно точно соответствует значению русской конструкции *как когда* (естественно, что в этом случае переводчик выбирает в качестве эквивалента употребительную идиоматичную форму), а кроме того, здесь, благодаря контексту, тоже присутствует идея 'не всегда хорошо'.

Итак, выбор *когда как*, с одной стороны, свидетельствует о высокой степени употребительности этого выражения и его когнитивной укорененности в языковой компетенции носителя русского языка, а с другой — о стремлении переводчика адекватно передать разговорный характер соответствующих реплик оригинала (так, например, *manchmal* и *unterschiedlich*, при всей их стилистической нейтральности, воспринимаются как разговорные элементы, когда употребляются изолированно в качестве односложных реакций на замечания собеседника).

3.2. Кто куда

Конструкция *кто куда* является самой частотной среди ДК. ДК *кто куда* обычно связана с глаголом движения — и в качестве самостоятельного высказывания (— *Куда они уехали? — Кто куда*), и в составе предложения (*Друзья разъехались кто куда*).

Анализ параллельных корпусов выявил следующие способы передачи смысла, заложенного в русском *кто куда*, средствами другого языка:

(а) передача смысла ‘разные субъекты — в разные стороны’ с помощью глагольной лексемы;

(б) передача обоих смысловых компонентов (‘множественность’ + ‘разнообразия’) с помощью адвербиальных выражений;

(в) фокусирование семантического компонента ‘в разные стороны’; при этом смысл ‘удаление от исходной точки’ вычитывается из знания описываемой ситуации;

(г) фокусирование семантического компонента ‘хаотичность, беспорядочность’ и / или ‘опасность, угроза’ (например, в ситуации паники), при этом смысл ‘в разные стороны’ приобретает статус имплицатуры.

Надо заметить, что идеи хаотичности, беспорядочности движения и опасности (по отдельности или вместе) могут быть дополнительными в первых трех случаях.

И наоборот, наличие в исходном тексте компонентов, семантически или функционально сопоставимых с дистрибутивом *кто куда*, позволяет переводчику на русский использовать эту ДК несмотря на то, что в оригинале она не имеет точного коррелята.

Перейдем к рассмотрению отдельных примеров каждого из этих способов концептуализации смысла *кто куда* как в переводах с русского, так и в переводах на русский.

(а) Передача смысла *кто куда* с помощью глагольной лексемы

Если в случаях типа *бросились кто куда* различие выражается только местоименной ДК (‘каждый в свою сторону’), то в случаях типа *разбежались, разъехались, разбрелись кто куда* уже сами эти глаголы содержат оба базовых семантических компонента, входящих в дистрибутив *кто куда*: ‘разные субъекты [удаляются от исходной точки] в разные стороны’. С этой точки зрения употребление дистрибутива *кто куда* при глаголах типа *разбрестись* часто оказывается коммуникативно избыточным, и переводчик может игнорировать эту фразу, если в его распоряжении имеется глагол типа *рассеиваться, расходиться, разбредаться*, адекватно передающий идею ‘движения, удаления в разные стороны из исходной точки’, ср.:

- (23) Навстречу мне с развальцем шли синие почталыоны и на углу *разбрелись кто куда* [В. В. Набоков. Отчаяние (1932)]

англ. It was distribution time, and they came towards me, at a leisurely walk, a dozen blue postmen, and leisurely they *dispersed* at the corner [V. Nabokov. *Despair* (D. Nabokov, V. Nabokov, 1965)]

Английский глагол *to disperse* ‘distribute or spread over a wide area’ передает идею множественности субъектов и их распределения по некоторому пространству и тем самым движения в разные стороны. Ср. аналогичный перевод на французский:

- (24) Все мои подруги *разъехались кто куда*: одна — в Молдавию, другая — на Украину, кто-то в Иркутск [С. Алексиевич. *Время секунд хэнд* (2013)]
франц. *Toutes mes amies ont été dispersées un peu partout: en Moldavie, en Ukraine, à Irkoutsk...* [S. Alexievitch. *La fin de l’homme rouge ou le temps du désenchantement* (S. Benech, 2013)]

Идея ‘расходиться, разбредаться’ передается также другими глаголами, ср. нем. *sich zerstreuen*:

- (25) нем. «Seid ihr denn nicht mit einander fortgelaufen?» «Ja, aber es *haben sich alle zerstreut.*» [A. Stifter. *Abdias* (1842)]
— Ведь вы убежали все вместе? — Да, но потом разбредлись *кто куда* [А. Штифтер. *Авдий* (Н. Касаткина, 1971)]

Ср. также англ. *crept apart*:

- (26) англ. <...> my four companions *were all crept apart*, the three Macgregors higher on the rock, and Andie with his Bible to a sunny place among the ruins <...> [R. L. Stevenson. *Catriona* (1893)]
Четверо моих сотоварищей *разбредлись кто куда*; трое Макгрегоров поднялись выше на скалу, а Энди со своей Библией примостился на солнце среди развалин <...> [Р. Л. Стивенсон. *Катриона* (Н. Тренева, В. Хинкис, 1967)]

Этот пример демонстрирует характерное переводческое решение, подтверждающее узuality и когнитивную укорененность русской конструкции *кто куда*: из текста известно, куда пошел каждый из товарищей: трое вместе в одну сторону, а четвертый — в другую. Русское *кто куда* в этой ситуации кажется даже не вполне точным (ведь не каждый из четырех участников направился в своем направлении, отличном от остальных), но тем не менее *кто куда* воспринимается как самый естественный способ описания ситуации в сочетании с глаголом *разбредлись*.

**(б) Передача обоих смысловых компонентов
(‘множественность’ + ‘разнообразие’)
с помощью адвербиальных выражений**

Экспликацию обоих смысловых компонентов, заложенных в ДК *кто куда*, можно усматривать в следующем примере:

- (27) Раз, — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы *рассыпались кто куда* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

нем. *Eines Tages — es war jenseits des Terek — hatte ich mit einigen Abreken eine Jagd auf russische Pferde unternommen. Unser Plan mißlang, und wir nahmen die Flucht, der Eine hierhin, der Andere dorthin* [М. Lermontov. Ein Held unserer Zeit (W. Lange, 1880)]

Этот пример интересен тем, что в русском тексте имеется не только оборот *кто куда*, но и идея опасности, которая регулярно присутствует в ситуациях военных столкновений. И оба эти семантических компонента переданы в переводе: характер движения, соответствующего русскому дистрибутиву (‘распределенность’ + ‘в разные стороны’), отражен в конструкции *der Eine hierhin, der Andere dorthin* (‘один сюда, другой туда’); идея опасности — в обороте *nahmen die Flucht* (‘обратились в бегство’).

Эксплицитное выражение идеи «распределенности» можно усматривать также в наречии *auseinander* (‘друг от друга’), которое в сочетании с адвербиальным выражением *nach allen Richtungen* ‘по всем направлениям, в разные стороны’ достаточно полно передает смысл *кто куда*:

- (28) И нищие, убогие, всякие уроды сползли с паперти, побрели под полуденным зноем — *кто куда...* [А. Н. Толстой. Петр Первый (1929–1943)]

нем. *Auch die Bettler, Krüppel und Mißgestalten aller Art kriechen die Kirchenstufen herunter und humpeln in der Mittagsglut nach allen Richtungen auseinander...* [A. Tolstoi. Peter der Erste (M. Schick, 1944)]

В следующем примере это же наречие с взаимным значением *auseinander* берет на себя функцию выражения обоих компонентов ДК: ‘каждый’ и ‘в разные стороны’ → ‘каждый в свою сторону’:

- (29) <...> побросали горшки, сковородки и детские хлопушки и *разбежались кто куда* [А. Волков. Волшебник изумрудного города (1959)]
нем. Sie warfen ihre Töpfe, Pfannen und Knallbonbons fort und *liefen auseinander* [A. Wolkow. Der Zauberer der Smaragdenstadt (L. Steinmetz, 1982)]

**(в) Фокусирование семантического компонента
'в разные стороны'**

Если в переводе эксплицитно передается только смысл 'в разные стороны' (нем. *in alle Winde; in alle Windrichtungen* — 'на все четыре стороны', нем. *in alle Himmelsrichtungen* букв. 'во все стороны света'), то смысл 'удаление от исходной точки' является импликацией:

- (30) Поползём мы, жители, *кто куда...* [М. Горький. Трое (1900–1901)]
нем. Und wir, die wir drin wohnen, gehen *in alle Winde...* [M. Gorki. Drei Menschen. (A. Scholz, 1928)]

При этом в контексте может присутствовать идея опасности, как в (27) и (31) (*fliehen* — 'бежать, спасаться', ср. *Flüchtling* — 'беженец'):

- (31) Обсерватория его сгорела, а уцелевшие ученики *разбежались кто куда* [А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом (1964)]
нем. Sein Observatorium wurde niedergebrannt, und die seiner Schüler, die unbehelligt geblieben waren, flohen *in alle Windrichtungen* [A. und B. Strugatzki. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein (B. Hermann, 1990)]

или даже панического бегства (нем. *panisch geflohen*), как в (32):

- (32) В общем, мы с порога грохнули несколько куколок и началась безобразная паника. Они *рванули кто куда* [М. Фрай. Чужак (2004)]
нем. Wir haben gleich ein paar Puppen zerstört. Daraufhin sind die Übrigen *panisch in alle Himmelsrichtungen geflohen* [M. Frei. Der Fremdling (A. Serafin, 2007)]

Ср. также пример из испанского корпуса:

- (33) Все кинулись *кто куда, враспынную* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обреченный (1972)]

исп. Todos echaron a correr *en diferentes direcciones* [А. Strugatsky, В. Strugatsky. Ciudad maldita (J. E. Vasco, 1989)] букв. ‘в разные стороны’

И наоборот, наличие в иноязычном тексте идеи «неупорядоченного» движения и показателя ‘в разные стороны’ естественным образом влечет за собой использование ДК *кто куда*:

- (34) англ. Next day the dwarves *all went wandering off in various directions*; some were exercising the ponies down below, some were roving about the mountain-side [J. R. R. Tolkien. The Hobbit (1937)]

На следующий день гномы *разбредлись кто куда*; одни, спустившись вниз, совершали моцион на пони, другие лазали по склону [Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит (Н. Рахманова, 1976)]

В примере (35) использование в русском переводе конструкции *кто куда* оправдывается не только наличием в контексте выражения *went tearing off every which way* (‘двинулись в разные стороны’), но и ситуацией хаотического движения:

- (35) англ. The crowd washed back sudden, and then broke all apart, and *went tearing off every which way*, and Buck Harkness he heeled it after them, looking tolerable cheap [M. Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884)]

Толпа сразу отхлынула и бросилась врассыпную, *кто куда*, и Бак Гаркнес тоже поплелся за другими, причем вид у него был довольно жалкий [М. Твен. Приключения Гекльберри Финна (Н. Дарузес, 1950)]

**(г) Фокусирование семантических компонентов
‘хаотичность, беспорядочность движения’
и / или ‘опасность, угроза’**

Выбор конструкции *кто куда* часто связан с определенными когнитивными стереотипами, типичными обстоятельствами реализации ситуации Р. Одним из таких типичных обстоятельств является «неорганизованное» или даже хаотичное, беспорядочное движение субъектов, в том числе — ситуация паники (смысл ‘в разные стороны’ при этом приобретает статус имплицатуры). «Стихийность» действий субъектов, в свою очередь, может быть связана с наличием угрозы: участники ситуации *разбегаются кто куда*, не просто руководствуясь намерением покинуть данное место, а потому что им угрожает

какая-то опасность. Именно этот дополнительный семантический компонент в ряде случаев оказывается решающим при выборе способа перевода с помощью *кто куда*. Показательно, что при переводе на русский переводчик может использовать оборот *кто куда*, даже если в исходном тексте нет прямых коррелятов его значения, а есть только идея беспорядочного движения и опасности:

- (36) англ. The tires howled as the taxi leapt forward, fishtailing wildly and *sending the gathering crowd diving for cover* [D. Brown. The Da Vinci Code (2003)]

Шины взвизгнули, машина резко рванула вперед, вильнула в сторону, и толпа зевак вмиг рассыпалась. *Люди кинулись кто куда* [Д. Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Предложение *Люди кинулись кто куда*, для которого не находится прямого коррелята в оригинале, должно подчеркнуть наличие опасности, но и желание спрятаться (ср. *diving for cover* ‘нырять в укрытие’).

Наличие опасности и беспорядочное бегство характерны для ситуации военного столкновения, поэтому естественно, что русские авторы в таких случаях используют конструкцию *кто куда*, ср. (37):

- (37) Стрелецкие роты смешались, закрутились, побежали. Бросая знамена, оружие, кафтаны, шапки, *драли кто куда* [А. Н. Толстой. Петр Первый (1929–1943)]

нем. Die Strelitzenfähnlein wankten, gerieten in Unordnung und wandten sich zur Flucht. Die Leute warfen ihre Fahnen, Waffen, Röcke und Kappen weg und *liefen aufs Geratewohl davon* [A. Tolstoi. Peter der Erste (M. Schick, 1944)]

Сам глагол *драли* указывает на бегство в ситуации опасности, *кто куда* подчеркивает хаотичность бегства. В немецком переводе глагольная группа *liefen aufs Geratewohl davon* ‘[бежать] не зная куда, неведь куда, не разбирая дороги’ (*Geratewohl* букв. ‘отгадай куда’) выделяет смысл ‘как попало’, что соответствует центральной в данном случае концептуализации ситуации.

Аналогичные причины беспорядочного бегства присутствуют в примере (38):

- (38) англ. Barker had flown across the lines to bomb the Austrian officers' leave train machine-gunning them as they *scattered and ran* [E. Hemingway. The Snows of Kilimanjaro (1936)]

Баркер перелетел линию фронта, чтобы бомбить поезд с австрийскими офицерами, уезжавшими с позиций домой, поливал их пулеметным огнем, когда они *рассыпались и побежали кто куда* [Э. Хемингуэй. Снега Килиманджаро (Н. Волжина, 1956)]

То, что ситуация опасности и связанное с ней чувство страха и стремление спрятаться, укрыться является одним из важных когнитивных стереотипов разнонаправленного движения *кто куда*, показывают примеры типа (39):

- (39) Проедет по деревне, так все от него, как от волка, *хоронятся, кто куда попало*, только бы на глаза не попадаться [Л. Н. Толстой. Свечка (1885)]

англ. When the superintendent passed through the village the people *would run and hide themselves* as from a wild beast [L. Tolstoy. The Candle (L. and A. Maude, 1911)]

— стремление убежать и спрятаться (*run and hide themselves*) выходит на первый план и в тексте английского перевода.

То же сочетание *run and hide* ('убегают и прячутся'), переведенное конструкцией *разбегаются кто куда*, встречается в другом примере (ср. характерное для данного контекста *tremble with fear* 'дрожат от страха'):

- (40) англ. When I growl, the sound echoes like thunder all through the valleys and wo odlands, and children tremble with fear, and women cover their heads with their aprons, and big men *run and hide* [L. F. Baum. The Patchwork Girl of Oz (1913)]

— Мое рычание громом прокатывается по лесам и долинам. Дети дрожат от ужаса, женщины закрывают лицо передниками, а крепкие, сильные мужчины *разбегаются кто куда* [Л. Ф. Баум. Лоскутушка из Страны Оз (С. Белов, 1990–2000)]

4. Субстантивные конструкции

Субстантивные конструкции, вообще говоря, разнообразны, учитывая падежные различия: *кто кого, кого с кем, [разговаривают] кто о чем; [занимаются] кто чем*. Наиболее распространенная конструкция с двумя одушевленными местоимениями — *кто кого* — обычно является косвенным вопросом (ср.: *посмотрим, кто кого*) и нас не инте-

ресует. Примеры конструкции *кто что* (с неодушевленным местоимением) в параллельном корпусе немногочисленны, но они демонстрируют те же закономерности, что и адвербиальные конструкции:

— может акцентироваться идея разнообразия: конструкция констатирует, что действия разных субъектов отличаются, при этом может присутствовать идея закономерности этих различий:

- (41) Эрнест своих девок кликнул, бегают они, *разносят кому что* — кому пива, кому коктейлей, кому чистого [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]
англ. Ernest had gotten his girls and *they were bringing drinks to the customers* — beer, cocktails, vodka [A. Strugatsky, B. Strugatsky. Roadside Picnic (A. W. Bouis, 1977)]

— естественно, что разные люди заказывают разные напитки, однако в английском переводе эта идея передается только с помощью однородного ряда (*beer, cocktails, vodka*);

— может акцентироваться идея беспорядочности и хаотичности:

- (42) Бабы языки донесли вести об этих гостях на колонистовой свадьбе. Мигом собрались яичковые, всего двенадцать, *вооруженные кто чем* [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (1930–1934)]
англ. The local women had spread the news about these guests at the colony wedding, and the Komsomols got together at once, twelve of them, and *armed with whatever they could lay their hands on* [N. Ostrovsky. How the Steel was Tempered (R. Prokofieva, 1952)]

— в данном случае выражение с помощью *кто чем* «некондиционности» вооружения также естественно, поскольку речь идет не о регулярных войсках (ср. русский квазирелятив *что под руку попалось*).

* * *

Итак, анализ данных параллельных корпусов показывает, что, даже если в некотором языке нет конструкции, значение которой обладает всем набором релевантных признаков русского местоименного дистрибутива, всегда находится способ передать наиболее существенные черты этого выражения. При этом одни признаки уходят в тень, а другие фокусируются — в зависимости от того, что именно значимо в данном контексте. Иногда в переводе фокусируются не сами семантические компоненты русской конструкции, а ее импли-

катуры, так как именно импликатура может оказаться центральной для правильного понимания основной мысли, выраженной в контексте. Поскольку перевод на другой язык может рассматриваться как своего рода толкование, то анализ переводов позволяет рельефнее выявить конфигурацию признаков, характерных для исходного русского выражения.

Когда же мы имеем дело с переводом иноязычного текста на русский язык, появление в переводе дистрибутивной конструкции (особенно если в оригинале отсутствует стимул, явным образом провоцирующий появление ДК) является доказательством высокой степени ее когнитивной укорененности: ДК воспринимается как более естественное и узуально закрепленное языковое средство передачи оригинального фрагмента, чем его буквальная описательная передача.

Литература

- Кустова 2016 — Г. И. Кустова. Дистрибутивные биместоименные конструкции типа *кто куда* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2016». Вып. 15 (22). М., 2016. С. 319–331. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2016/>
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Шведова 1998 — Н. Ю. Шведова. Местоимение и смысл. М., 1998.
- Bošković 2001 — Ž. Bošković. On the interpretation of multiple questions // Linguistic Variation Yearbook / Ed. by Pierre Pica. Paris, 2001.
- Bošković 2002 — Ž. Bošković. On multiple wh-fronting // Linguistic Inquiry. 33. 2002. P. 351–383.
- Croft, Cruse 2004 — W. Croft, D. A. Cruse. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.
- Dayal 2006 — V. Dayal. Multiple Wh-Questions // The Blackwell Companion to Syntax / Ed. by M. Everaert and H. van Riemsdijk. Vol. 3, Ch. 44. Oxford, 2006. P. 275–326.
- Dobrovol'skij 2007 — D. Dobrovol'skij. Cognitive approaches to idiom analysis // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung [Phraseology: an international handbook of contemporary research] / Ed. by H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn & N. R. Norrick. 2 Bde. Vol. 2. Berlin, New York, 2007. P. 789–818.
- Dobrovol'skij et al. 2019 — Phraseology and Construction Grammar in Russian (= Scando-Slavica. Vol. 65. Issue 1) / Ed. by D. Dobrovol'skij, M. Kopotev, L. Pöppel. 2019.

- Fillmore 1988 — *Ch. J. Fillmore*. The mechanisms of «Construction Grammar». Proceedings of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. University of California, Berkeley, 1988. P. 35–55.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — *Ch. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor*. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // *Language*. Vol. 64, № 3. 1988. P. 501–538.
- Goldberg 2006 — *A. E. Goldberg*. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford, 2006.
- Hoffmann, Trousdale 2013 — *The Oxford Handbook of Construction Grammar* / Ed. by T. Hoffmann, G. Trousdale. Oxford, 2013.
- Kotek 2019 — *H. Kotek*. Composing Questions. *Linguistic Inquiry Monographs* series. Cambridge, 2019.
- Taylor 2002 — *J. R. Taylor*. *Cognitive Grammar*. New York, 2002.
- Testelets, Bylinina 2005 — *Y. Testelets, E. Bylinina*. Sluicing-Based Indefinites in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting*. Michigan, 2005. P. 355–264.

Д. В. Сичинава

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЭПИГРАФИКИ: НЕИЗДАННЫЕ
РЕЦЕНЗИЯ И ЗАМЕТКИ
Л. П. ЖУКОВСКОЙ*

В этой статье я публикую черновик рецензии и заметки выдающейся исследовательницы древнерусского языка и письменности Л. П. Жуковской (1920–1994), навеянные чтением книги внесшего большой вклад в эпиграфику академика Б. А. Рыбакова (1908–2001) «Русские датированные надписи XI–XIV веков» [Рыбаков 1964]. Черновой текст с авторской правкой записан карандашом на 9 листках бумаги (см. илл. № 4), вложенных в картонную издательскую папку с собственнo книгой и фототаблицами к изданию (экземпляр¹ неполный, часть таблиц отсутствует). Текст распадается на две группы листов (4 и 3) с собственной пагинацией каждая (номера страниц обведены в каждой группе по-разному): это начало собственнo рецензии на труд Б. А. Рыбакова и характеристика палеографической «Сводной азбуки», подготовленной А. А. Медынцевой и вошедшей в состав книги Б. А. Рыбакова. Кроме того, два листка, содержащие критические тезисы о конкретнoх рыбаковских чтениях и публикациях, оставлены без номеров (на втором из них текст не карандашом, а красными чернилами; возможно, он и содержательно стоит несколько особняком, представляя собой материал не к рецензии, а к общей характеристике эпиграфических работ Б. А. Рыбакова, прямо использованный в ра-

* Работа выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»).

¹ Экземпляр вместе со вложенными листками приобретен мной в одном из букинистических магазинов в Интернете; предыдущий владелец книги и рукописи при этом внимательно их изучил и сделал описание, дающее адекватное представление об их ценности.

боте [Жуковская 1970]). На шмуцтитуле издания недатированная дарственная надпись Б. А. Рыбакова:

Глубокоуважаемой
Лидии Петровне
Жуковской
от автора.

Кроме того, на самом издании в разных местах есть маргиналии Лидии Петровны, которые я также издаю. Заметки, сделанные на листках и в книге, не датированы. Нет сомнения, что писались они по горячим следам. Рассчитанная на публикацию рецензия должна была выйти вскоре после рецензируемого труда; кроме того, нигде нет ссылок на работы, опубликованные после 1964 г., в том числе на свод [Высоцкий 1966] — фамилию киевского исследователя Л. П. Жуковская, вдобавок, при первом упоминании пишет неправильно.

Рецензия Л. П. Жуковской никогда не появлялась в печати. Среди работ Лидии Петровны оценка издания [Рыбаков 1964] содержится как будто бы только в составе юбилейной статьи [Жуковская 1970]. В этой статье дважды утверждается, что Б. А. Рыбаков — не более и не менее — «создал» [Там же: 292, 297] русскую эпиграфику как науку, а кроме того, например, что ему присущи «кипучая деятельность, повседневный напряженный творческий труд, многообразные знания и дарования, а также выдающиеся способности охватить и обобщить новый материал» [Там же: 297]. Что касается интересующей нас книги, то там она кратко охарактеризована в одном абзаце, после чего Л. П. Жуковская разбирает частные статьи Б. А. Рыбакова о конкретных граффити, иногда, правда, отмечая слишком сжато изложенную аргументацию или отсутствие необходимых иллюстраций (но тут же оправдывая академика: «Это объясняется, видимо, не только манерой подачи материала автором, но и необходимостью очень краткого изложения в тех печатных органах, где статьи публиковались» [Там же: 293] или указывая, что фотографий нет и в изданиях А. В. Арциховского [Там же: 298]).

Разумеется, сам жанр юбилейного слова (бывают и исключения, но они связаны с куда более эпатажными авторами, чем разумно осторожная Лидия Петровна, всё же оспорившая в статье 1970 г. одну транскрипцию) не предусматривает критики и полемики по существу, тем более по адресу столь влиятельной в те времена фигуры, как Б. А. Рыбаков. Более того, и формальная рецензия на сочинение подобного автора по советскому этикету должна была быть пример-

но такой же. По-видимому, начав текст в жанре академической рецензии, рассчитанной на публикацию, вчерне написав нейтральную, лишенную восхвалений вводную часть с перечнем многочисленных предшественников Б. А. Рыбакова и изложение структуры рыбаковского труда, а главное, тезисно набросав на листках и на полях книги конкретные критические замечания к чтениям надписей и к вошедшей в это же издание «Сводной азбуке» (составительницей которой была А. А. Медынцева), Л. П. Жуковская от мысли довести рецензию до публикации отказалась, в итоге адресовав получившиеся заметки самой себе и, может быть, узкому кругу ближайших коллег.

Для истории изучения древнерусской эпиграфики (ср. новейший энциклопедический по охвату обзор [Дробышева 2019]), палеографии и для учёта конкретных чтений (см. о выстроенной по этому принципу электронной базе данных «Древнерусская эпиграфика», [Сичинава, Дышкант 2020]) оказавшийся в моих руках документ представляет интерес и не утратил актуальности. Выясняется, что Лидия Петровна уже обоснованно сомневалась в некоторых чтениях Б. А. Рыбакова и С. А. Высоцкого, впоследствии исправленных В. Л. Яниным и А. А. Зализняком.

Тексты передаю по возможности точно, с сохранением орфографии, пунктуации, сокращений и авторской правки (брошенные и сразу же зачеркнутые или переписанные поверх начальные части слов, а также сделанные Жуковской исправления явных опечаток в книге Б. А. Рыбакова не воспроизвожу). В нумерации граффити по своду Б. А. Рыбакова и (впоследствии вышедшему) киево-софийскому корпусу С. А. Высоцкого использую сокращения, например: Рыб. 2, Выс. 8. Сноски и слова, напечатанные курсивом, везде мои.

Я благодарю Г. С. Баранкову за идентификацию почерка Жуковской, М. М. Дробышеву, С. М. Михеева и А. А. Турилова за библиографические и иные замечания, а также А. В. Птенцову за фотографирование рукописи, сверку сложных мест в автографе и организационную помощь. Надеюсь, заметки эти будут интересны Александру Михайловичу Молдовану — ученику Лидии Петровны, участвующему в публикации ее наследия (ср. сборник [Жуковская 2020]).

Первая пагинация — начало рецензии на «Русские датированные надписи» Б. А. Рыбакова. Карандаш.

{<л.>1} **Выход в свет корпуса** Корпус русских датированных надписей XI–XIV в., выпущенный в свет {вписано: академиком} Б. А. Ры-

баковым, представляет собой весьма необходимый вклад в изучение развитие русской эпиграфики.

Изучение {вписано: древних} надписей на предметах материальной культуры началось у нас в конце XVIII в. после открытия Тмутараканской надписи 1068 г., но главные достижения ее относятся к XX в. и связаны с именами В. Н. Щепкина, И. А. Шляпкина, М. И. Михайлова и А. С. Орлова. В наше время наиболее плодотворно в этой области работают Б. А. Рыбаков и С. А. Выетецкий Высоцкий (надписи в Софии Киевской).

До выхода в свет фундаментального обобщающего труда Б. А. Рыбакова, мы имели сводящего воедино все датированные надписи и воспроизводящего их, мы имели располагали только разрозненными изданиями и исследованиями отдельных надписей или групп надписей (по месту нахождения, по матери- {<л.>2} алу, даже по их учебному значению в учебном процессе при изучении палеографии — 23 важные надписи в курсе И. А. Шляпкина и иллюстративном материале к нему М. И. Михайлова). В свое время явилась большим вкладом в дело изучения эпиграфики книга А. С. Орлова «Библиография русских надписей XI—XV вв.» (М.-Л., 1936) с дополнениями М. П². Сотниковой (М.-Л., 1952). Но и после этого {вписано: каждый} исследователь должен был производить самостоятельный отбор и подбор материала.

С выходом в свет рецензируемого труда Б. А. Рыбакова положение существенным образом меняется.

Труд Б. А. Рыбакова состоит из следующих частей: фотографии подлинных надписей (в некоторых случаях и прорисей с них) и самих предметов материальной культуры, на которых эти надписи нанесены (таблицы XIII—XLIII), {вписано: расположенные в хронологическом порядке (1052—1392 г.)} образцы начертаний букв всех {вписано: публикуемых} 55 надписей, приведенных в виде полных азбук (таблицы I—XII).

{<л.>3}

Фотографиям и графическим материалам предшествует историческая часть: Предисловие ({вписано: не менее} 6 авт. л.): предисловие и Описание надписей на предметах и стенах древних зданий. Листок оставлен чистым до конца.

² Инициал «П.» обведен и на полях поставлен знак вопроса. Л. П. Жуковская несколько сомневалась в отчестве Марины Петровны Сотниковой (на момент выхода ее «Дополнений» к труду академика А. С. Орлова — 22-летней студентки).

{<л.>4?}³

Рассмотрим отдельно каждую из составных частей труда.

Фотографии, расположенные сгруппированные по принципу материала, на котором нанесены надписи, резанные вглубь на камне (табл. XIII–XVI); надписи граффити и прориси с них (табл. XVII–XXV), надписи на металле выпуклые и углубленные (табл. XXVI–XXXVIII) и «золотое письмо» на меди (табл. XXXIX–XL); надписи на дереве (табл. XLI), надписи на тканях — рисованная (табл. XLII⁴) и шитая (табл. XLIII).

Внутри каждой из групп хронологический подход не соблюден.

Как показывает приведенный перечень, от XI–XV вв. древнейшего периода нашей письменности сохранились {вписано: датиров.} надписи на самом разнообразном материале и на многочисленных и также разнообразных предметах материальной культуры.

Т. о. по охвату эпиграфического {вписано: достаточно широко представленного} материала книга Б. А. Рыбакова включает в себя все богатство эпиграфического материала др. Руси.

Вторая пагинация — замечания к «Сводной азбуке» А. А. Медынцевой, включенной в работу Б. А. Рыбакова. Карандаш.

{<л.>1}

Сводная азбука XI–XIV в., составленная выполненная А. А. Медынцевой (таб. I–XII) по характеру расположения и подбору материала в значит. степени повторяет *<оставлено пустое место>* Трусевича⁵, отличаясь от нее лишь тем, что в данном случае вследствие малого объема материала и числа повторяющихся букв А. А. Медынцева могла привести из каждой надписи все (или почти все) встречающиеся образцы начертаний каждой буквы. Я. Трусевич, исследовавший материал пергаменных рукописей, из которых некоторые имели сотни листов и многие тысячи случаев написания одной и той же буквы, естест., вынужден был отбирать лишь единичные образцы, показавшиеся ему более типичными или более существенными с палеографической точки зрения⁶.

³ После номера листа поставлен знак вопроса. Л. П. Жуковская, видимо, планировала посвятить исторической части, обзор которой намечен на предыдущем л. 3, несколько страниц.

⁴ В тексте описки: XLXII.

⁵ Издание [Трусевич 1905], о котором Л. П. Жуковская подробно писала в 1963 г. [Жуковская 2020: 114–115].

⁶ Ср. слова А. А. Зализняка об «Азбуке», важной вехе на пути к его собственной методике параметрических датирующих матриц [Зализняк 2004:

Не показывает соотношения Сводные таблицы отличаются от таблиц Трусевича еще и тем, что в них не показано соотношение начертаний между собой. Но это вполне объясняется тем, что в данном альбоме приведены таблицы надписи в их целом виде, так что читатель может отметить для себя необходимые факты сам. (Читатель таблицы Трусевича по-вполне-понятн мог располагать только тем, что приведено в самих таблицах и образцах связанных начертаний букв в приведенных словах).

{<л.> 2}

Для одной из букв (Ѣ) в сводной азбуке, впрочем, дается важная для палеографа деталь: показана высота расположения коромысла буквы по отношению к воображаемой линии, проходящей через вершины остальных букв (на таблице эта линия воображаемая линия показана тонким штрихом). Приходится пожалеть, что это не сделано для Р, Ц, Щ и некоторых других⁷.

В нашей палеографии недостаточно обращается внимание на те закономерности в эволюции начертаний отдельных букв, которые можно проследить именно на общих таблицах и которые, как правило, не являются принимаются в расчет при датировке недатированных памятников письменности, не имеющих точной даты написания. Между тем они имеют значение по крайней мере как признаки, которые сопутствуют датирующим⁸.

Например, таблицы ...⁹ Медынцевой позволяют заметить, как на протяжении XI–XIV вв. эволюционирует общая конфигурация букв А и Л: в древних п<амятни>ках они вписываются в равносторонний треугольник, в более поздних в прямоугольник с прямым углом, расположенным справа.

238]: «На основе 18 надписей с точной датой (а также некоторых из надписей с вероятной датой) А. А. Медынцева составила включенную в данную работу <Рыбаков 1964> «сводную азбуку», которая с помощью особой процедуры (не очень строгой) позволяет установить, к памятникам какого периода (примерно 60-летнего) ближе всего стоит в палеографическом отношении та или иная недатированная надпись. Эта работа Б. А. Рыбакова и А. А. Медынцевой представляет собой очень ценный шаг вперед по сравнению с традиционным палеографическим датированием по отдельным выхваченным признакам и «по общему ощущению». Но ясно также, как узка здесь исходная база...».

⁷ Ср. о положении буквы в строке на бересте [Зализняк 2000: 246].

⁸ По поводу этого и последующих абзацев ср. мысль А. А. Зализняка о «палеографических часах» и его схемы [2000: 249–250].

⁹ Оставлено место для инициалов (для 25-летней Альбины Александровны Медынцевой «Сводная азбука» также была ярким (почти) дебютом).

{<л.> 3}

Буква¹⁰ С из {вписано: узкой} почти прямой с незакрытыми рожками буквы через ногтеобразное {вписано: и подковообразное} становится все более широким <sic/> с почти смыкающимися рожками.

Характерно, что в эволюции буквы Е, идущая которая должна была бы идти в том же направлении, это изменение в пергаменной письменности является не просто палеографическим, но и орфографическим, переходя из merkmallos в merkmalhaltig: широкий вариант закрепляется для произношения [j+e], узкий — для [e].

{Вписано: Для древнего периода} Чаша буквы У из конусообразной вписывается в треугольник, но постоянно эволюция начертания приводит к тому, что она начинает вписываться в перевернутую трапецию со все более и более увеличивающейся нижней, меньшей из параллельных сторон.

Можно отметить постепенное формирование идеи параллельных двух мачт существования двух мачт и их параллельности для букв М и Ъ.

Ненумерованный листок: замечания к чтением Рыбакова. Карандаш.

Не соблюдается деление на строки № 7.

не передается Ъ — № 7¹¹

Ъ вм. Ъ (ясно видного) в суф. ьск № 3¹².

Не всегда ясен отбор м<атерия>ла: почему нет второй надписи, хотя ее м<атерия>л (месяц март) использован для датировки первой, анализируемой № 6 табл. XIX¹³.

¹⁰ В тексте описка: букву.

¹¹ Продублировано в маргиналиях, см. ниже. Граффито Рыб. 7 (= Выс. 10) — из Софии Киевской о смерти епископа Луки Белгородского; указанные Л. П. Жуковской неточности исправлены начиная с публикаций Высоцкого.

¹² Запись об Олисане (= Выс. 27). Написание еря в суффиксе исправлено начиная с публикаций С. А. Высоцкого.

¹³ Рыб. 6 = первая строка надписи Выс. 9 о продолжительности княжения Святослава и выдаче руги в марте. Сначала С. А. Высоцкий выявил только первую ее строку, а затем прочел и следующие, что было известно Б. А. Рыбакову. Тот всё же предпочел рассматривать два граффити как разные, а второе не вводить в корпус, но при этом на основании второго датировал первое мартом 1077 г. и воспроизвел фото и прорись текста о мартовской руге вместе со строкой о Святославе на таблице XIX. Возобладала точка зрения на Выс. 9 как на единый текст (см. о чтении и интерпретации этой надписи [Гиппиус, Дробышева 2020]).

Объединяет вслед за Высоцким автора надписи № 3 и № 4, хотя почерки явно разные¹⁴.

Грамматика для XI в. сомнительна, перфект без связки «писал»¹⁵, Д. п. {*вписано*: ед. ч.} жен. р. прилаг. *русьскѣи кѣнагыни*¹⁶.

Не раскрывает титла не только *гѣи*, но и *цѣра* — надпись № 2¹⁷.

Неудачные формулировки {*вписано*: «деление на слова, зачастую отсутствующее в подлиннике» (13 а¹⁸)}; в XI в. «злоупотребляет юсом» (стр. 14а), различает графику и орфографию, но выражает это неясно: «применяет болгарскую графику (но пишет не по-болгарски)» — стр. 15а¹⁹

Порядок цифр — не аргумент: см. русскую часть Реймского ев. (стр. 136)²⁰.

¹⁴ В [Рыбаков 1964] надпись Рыб. 3 (= Выс. 27) названа автографом Святополка-ребенка, а соседняя Рыб. 4 (= Выс. 28) — уже взрослого князя. В [Янин 1963] предложено чтение, отвергающее принятую Б. А. Рыбаковым первоначальную версию С. А. Высоцкого «сын суший» для Выс. 27: по В. Л. Янину, в финале надписи фигурирует не сам Святополк, а «сын Святополчъ», с чем С. А. Высоцкий [1966: 73–80], с некоторыми коррективами, согласился.

¹⁵ Замечание это несостоятельно, перфект без связки в 3 лице для ранних текстов нормален, и как раз «писал» (*цѣль*), всегда бессвязочное, встречается в эпиграфике очень часто.

¹⁶ В тексте Л. П. Жуковской лишний ер (описка): *русьскѣи*. Написание *-ѣи* вместо *-ои* может объясняться бытовой графикой. Надпись об Олисане нуждается в более подробном изучении.

¹⁷ В надписи Рыб. 2 (= Выс. 8, о смерти Ярослава Мудрого), где в комментарии оговорены варианты «царя» и «цесаря». На с. 13 Рыбаков говорит, что титла кроме формулы *гѣи* — «господи, помози!» (sic!) в его своде раскрываются.

¹⁸ Ссылаясь на страницы [Рыбаков 1964], Л. П. Жуковская обозначает буквами «а» и «б» колонки.

¹⁹ Все эти места отмечены и в тексте, см. ниже.

²⁰ Аргумент относится к надписи Рыб. 1 (= Выс. 3) о ранней грозе в 1052 г. и развит в маргиналиях, см. ниже (там же и другие собранные Л. П. Жуковской примеры нестандартного порядка буквенной цифири). В кириллической части Реймского ев. число «27», например, записано как *ѣк*, «17» — как *ѣз*, а «11» — как *ѣд*. Это отмечено в работе 1978 г. [Жуковская 2017: 64], правда, только для числительных второго десятка. Впрочем, в контексте чтения Б. А. Рыбакова аргументы за или против варианта «99-й (ѣѣ) день» имеют чисто теоретический интерес. Начиная с [Высоцкий 1966] соответствующие буквы читаются, с некоторыми вариантами, как *ѣ ѣ(асъ) днѣ* (ср. список версий в [Корниенко 2014: 20–22]).

Ненумерованный листок: общая характеристика работ Б. А. Рыбакова. Красные чернила.

Внимание к надписям. Всегда дает свое прочтение.

Всегда оговаривает специально употребление букв.

Не всегда хорошо издает. Напр. надпись на пряслице из Любеча (раскопки 1957), вероятно, надо читать не Ю, а ЮЄ (если принять все предложенное Б. А. чтение...) ²¹

Все-таки желателен внимание к разным деталям и давать снимки в такого рода публикациях ²².

Пометы Л. П. Жуковской на издании. Карандаш.

Внизу шмуцтитла

См. Русская эпитафия X–XIV вв. (состояние, возможности, задачи). Сб.: История, фольклор, искусство слав. народов. Доклады сов. дел. на V съезде слав. ²³

Коппы нет в графиках ²⁴, но есть зело, хотя оно не буква.

²¹ Это замечание к транскрипции — в несколько иной формулировке — опубликовано [Жуковская 1970: 298]. Имеется в виду работа [Рыбаков 1960], где воспроизведенная только в виде прориси надпись на любечском пряслице читается (воспроизвожу пробелы по этой публикации): *иванкъ съзъа дъ тею ю одина дщ* 'Иванко создал тебе это, единственной дочери'. В своих сомнениях в правильности рыбаковского чтения в целом Л. П. Жуковская оказалась не одинока, ср. отмеченные лингвистические несообразности в [Медынцева 1985] и новую транскрипцию В. Л. Янина [1992: 33], изучившего надпись по фотографии: *иванкъ с ъвдътеюю одина дща*. При этом Б. А. Рыбаков идентифицировал отмеченную Л. П. Жуковской букву ю правильно.

²² Ср. квалификацию этой работы Б. А. Рыбакова в юбилейной статье [Жуковская 1970: 293]: «в статье о раскопках в Любече, как и в других аналогичных, Б. А. Рыбаков воспроизводит наиболее интересные надписи на предметах материальной культуры, датирует их, но датировку не аргументирует конкретными, использованными для сопоставления материалами эпитафии и палеографии» (аналогичную аргументированную критику рыбаковских датировок см. и в [Янин 1992]). Отмечает Л. П. Жуковская и отсутствие фотографий (в работах Б. А. Рыбакова о надписях в Софии Киевской [Там же: 293, 298]).

²³ Неполное библиографическое описание статьи [Рыбаков 1963]. Л. П. Жуковская [1970: 297] цитирует и обсуждает эту работу, отмечая, что «Б. А. Рыбакову свойственно пристрастное отношение к эпитафике, известное преувеличение ее роли в ряду других наук».

²⁴ Графики — это хронологические графики А. А. Медынцевой на базе «сводной азбуки» для палеографического датирования надписей (прямой прообраз «датирующих матриц» А. А. Зализняка).

С. 10

О надписи Рыб. 48 (надпись о землетрясении из Владимира). Подчеркнуты слова: «небрежное пользование святцами... надпись гласит». Обведены изображения коппы. Дважды отчеркнуты соображения Б. А. Рыбакова о том, что писцы, употребляя коппу, «решили блеснуть знанием греческой цифири». Внизу страницы: Ψ = 90 с XIV в. Коппа до vt<орой> табл<ицы> XV в., а не «редкость».

С. 13

Обведено слово «зачастую» (об отсутствующем в подлиннике слово-делении, ср. замечание выше).

О надписи Рыб. 1 (= Выс. 3, о громе в 1052 г.): во фразе Почерк уверенный, твердый; ощущается привычка писать на пергамене слова на пергамене обведены.

Принять эту дату за 99 (ϕϑ) нам не позволяет порядок цифр — только цифра десять (і) ставилась **после** единиц, а все остальные цифры десятков всегда **предшествовали** обозначению единиц. *Фраза отчеркнута (ср. замечание выше).*

Внизу на полях: Тьмутар. надп.²⁵

См. Срезневский, сб. ОРЯС, т. XV, № 2 1897 стр. 172⁶

Высоцкий, СА, 1963, № 4, стр. 230²⁷

²⁵ На Тмутараканском камне «14000 сажен» записано как $\overline{\text{FI}}$ и $\overline{\text{FD}}$ сажѣ(нѣ).

²⁶ Имеется в виду издание [Срезневский 1897] (не XV, а LXV том сборника ОРЯС), где о Ефремовской кормчей XII в. сказано: «Цифирное употребление букв представляет также кое-что древнее: для выражения 11, 12, 13 и проч. написано чаще $\overline{\text{IA}}$, $\overline{\text{IB}}$, $\overline{\text{IC}}$, чем $\overline{\text{AI}}$, $\overline{\text{BI}}$, $\overline{\text{CI}}$ и проч., как в Изборнике 1073 г., в Пандекте Антиоха XI в. и в некоторых других древнейших рукописях» [Там же: 17]. При этом XV том сборника ОРЯС, упомянутый у Л. П. Жуковской, вышел в 1877 г., и под № 2 там, по странному совпадению, тоже находится публикация И. И. Срезневского — о византийской эпиграфике Афин (список надписей начинается как раз на с. 17), в которой тоже речь заходит (на с. 53) о редких перестановках буквенной цифири. Ср. также о византийском и русском порядке цифири в [Симонов 2007: 214] (тоже только о числительных второго десятка и точно с такой же ошибкой в номере тома при ссылке на работу И. И. Срезневского о Кормчей).

²⁷ Ссылка на публикацию С. А. Высоцким надписи дружинника Дмитра 1093 г. из Софии Киевской (Выс. 4; см. более точное прочтение в [Зализняк 2004: 258–262], где цифра «14» записана как $\overline{\text{ID}}$ (по [Корнієнко 2011: 102], буква $\overline{\text{D}}$ не сохранилась, но такая реконструкция все равно безальтернативна). Эта надпись, несмотря на то, что С. А. Высоцкий убедительно установил ее точную датировку, в свод Рыбакова попасть не успела. В [Высоцкий 1966: 20] нестандартный порядок цифр специально отмечен.

С. 14

В тексте надписи Рыб. 2 (=Выс. 8, о смерти Ярослава Мудрого) обведена буква **і** в конце слова **фѣврдрі**, после нее добавлен прочерк²⁸. Нарисован кружок, как бы означающий место еще для буквы, в конце строки после **въс**²⁹. В следующей строке в **скръсьнь**[іє] обведены выделенные буквы, следующие две строки надписи обведены целиком. Подчеркнуты и отмечены галочкой на полях слова «злоупотребляли юсом» (см. выше замечание к этому месту). В переводе надписи обведены слова «в воскресьне» и обозначены знаком вопроса на полях³⁰.

С. 15

Обведены слова «применяет болгарскую» (см. замечание выше)

Обведена ссылка на статью Д. Прозоровского «О старинном русском счислении часов». На составленной Рыбаковым таблице проведена горизонтальная черта, разделяющая две древнерусские системы счета суток.

С.16

Отчеркнут финальный абзац, где Рыбаков подводит итоги отождествления персонажа надписи с Ярославом Мудрым.

К надписям Рыб. 3 (=Выс. 27, надпись об Олисаве) и Рыб. 4 (=Выс. 28, надпись Михаила) ведут стрелки, в начале которых написано: Почерки разные. (см. замечание выше)

В слове из Рыб. 3, переданном как **русьскѣи**, обведен первый **ѣ** и указано, что должен читаться **ь** (см. замечание выше)

Окончание **ѣи** в этом же слове и все слово **п(и)с(а)ль** обведены и стрелками указано: Грам.? (см. замечание выше)

²⁸ Чтение **фѣврдрі** дается и у С. А. Высоцкого [1966]; в 1991 г. сам исследователь исправил его на **фѣврара**, те же выводы получены в [Зализняк 2004: 268–269] по неретушированной фотографии, опубликованной Рыбаковым в 1959 г. В. В. Корниенко [Корнієнко 2014: 24] указывает, что штукатурка непосредственно рядом со спорным штрихом не повреждена, так что более вероятно **фѣврдрі(а)**, где последняя буква на углу фрески стерлась. Это фактически та же версия, что и у Л. П. Жуковской.

²⁹ В [Зализняк 2004] действительно частично реконструирована еще одна буква в конце строки, от которой сохранилась левая часть: **въс[к]**.

³⁰ Л. П. Жуковская явно сомневалась и в наличии такого слова в тексте, и в верности чтения букв, которые она обвела в тексте граффито (последние строки вообще плохо сохранились). На необычность данной лексемы обратил внимание и принимающий такое чтение А. А. Зализняк [2004: 269]: «С точки зрения языка представляет интерес, в частности, очень ранний пример употребления слова *въскръсьение* в значении дня недели». Как отмечает М. М. Дробышева [2016: 709–710], от слова *въскръсьение* в конечном счете отказался и сам С. А. Высоцкий (после того, как это чтение подверг критике В. К. Зиборов).

С. 17

О надписи Рыб. 5 — Тмутараканском камне. Б. А. Рыбаков приводит цитату из Киево-Печерского патерика. Подчеркнуты слова: диалектная особенность — постпозитивный член «того», «тех», «том». (С точки зрения Рыбакова, интерпретирующего так сочетания из Патерика типа «острова того», «людей тех», «столе том», это свидетельство того, что «запись сделана рукой черниговского книжника»).

С. 18

Под надписью Рыб. 6, о княжении Святослава, после упоминания прочтенной Высоцким рядом с ней надписи о выдаче руги в марте — как ныне считается, часть той же надписи Выс. 9. Почему ее не разбирает (см. замечание выше)

У надписи Рыб. 7 = Выс. 10, о смерти епископа Луки, пометка: Деление на строки не соблюдается. Вставлено разделение на строки в слове б|лаже|ныи. В слове бело|городьскыи обведено е и указано, что следует читать ѣ (см. замечание выше)

С. 40

О надписи Рыб. 43 (серебряная гривна из коллекции Постникова с изображением архангела Михаила и Иоанна Предтечи). Рыбаков приводит буквы аг (ангел господень) в овале; овал зачеркнут и приписано: овала нет.

С. 41

О надписи Рыб. 44 (надгробие Зиновия в Смоленске): в дате обведены цифры В, О, А.

Пометы на таблицах сводной азбуки (красные чернила):

Таблица I—II. Слева: размер по отн. к др. Напротив буквы С: С закрывается. Напротив букв О, П, Р: шир. и высота. Напротив строки с буквой А, справа: XIII в. (см. замечания выше о «Сводной азбуке»).

Таблица VII—VIII. Столбец Рыб. 33 (шлем Федора): первые образцы букв А и Б «подняты» стрелками в заголовок столбца.

Строка с буквой Ф помечена галочкой.

Таблица XI—XII. Напротив строки с буквой Л обозначена эта буква (в виде уголка).

Пометы на фототаблицах (карандаш):

Таблица XVI (надпись под Святославовым крестом, Рыб. 38), дата 1234 г. обведена и помечена знаком вопроса³¹.

³¹ Датировка надписи была предметом дискуссии, см. подробнее об этой проблеме в работе [Медынцева 2013].

Таблица XXIV (*надпись архиепископа Мартирия, Рыб. 31*). В углу зелеными чернилами: № 31.

Таблицы XXVI, XXVII (*кратеры Братилы, Рыб. 16, и Косты, Рыб. 17*): рядом с фотографиями стоят галочки, а размещенные в две строки фотографии владельческих надписей сосудов объединены фигурной скобкой.

Таблица XXXII (*крест Евфросинии Полоцкой, Рыб. 27*). На полях: **НОВЫЙ Ъ**³².

Таблица XXXV (*надпись на окладе евангелия Симеона Гордого, Рыб. 49*): четыре части фотографии одной надписи объединены вместе.

Таблица XXXVI (*ковчег Дионисия, Рыб. 54*), на фотографии 3 отмечена коппа в числовом значении и указано: коппа (см. замечания о коппе выше, на шмуцтитуле и с. 10).

Литература

- Высоцкий 1966 — С. А. *Высоцкий*. Древнерусские надписи Софии Киевской. Київ, 1966.
- Гиппиус, Дробышева 2020 — А. А. *Гиппиус*, М. М. *Дробышева*. «Руга» в граффито № 9 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXII. Сравнительные исследования социокультурных практик. М., 2020. С. 58–65.
- Дробышева 2016 — М. М. *Дробышева*. Летописные надписи-граффити Киевского Софийского собора (XI–XII вв.) как форма историописания // Древнейшие государства Восточной Европы (2013). М., 2016. С. 706–724.
- Дробышева 2019 — М. М. *Дробышева*. История изучения древнерусских настенных надписей-граффити (XI–XIV вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы (2018). М., 2019. С. 241–281.
- Жуковская 1970 — Л. П. *Жуковская*. Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин (к 60-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 291–299.
- Жуковская 2017 — Л. П. *Жуковская*. Реймское евангелие: история его изучения и текст [1978] // Реймское славянское евангелие. Новое факсимильное издание. Эпине-су-Сенар, 2017. С. 58–68.
- Жуковская 2020 — Л. П. *Жуковская*. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР) [1963] // Избранные работы. М., 2020.

³² В надписи на кресте Евфросинии Полоцкой отмечен новый ять, например, **КАМЪНЬЕ, НЪ ИЗНЕСЪТЬ, ИЗНЕСЪТЬ, ИГОУМЪНЪА**.

- Зализняк 2000 — *А. А. Зализняк*. Палеография берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте. Т. X. М., 2000. С. 134–274.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. К изучению древнерусских надписей // Новгородские грамоты на бересте. Т. XI. М., 2004. С. 233–287.
- Корнієнко 2011 — *В. В. Корнієнко*. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. III: Центральна нава. Київ, 2011.
- Корнієнко 2014 — *В. В. Корнієнко*. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. IV: Приділ свв. Іоакима та Анни (північна сторона). Київ, 2014.
- Медынцева 1985 — *А. А. Медынцева*. Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 218–240.
- Медынцева 2013 — *А. А. Медынцева*. Надпись на «кресте Святослава Всеволодовича» из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Храм і люди. Збірка наукових праць до 90-річчя з дня народження С. О. Висоцького. Київ, 2013. С. 132–137.
- Рыбаков 1960 — *Б. А. Рыбаков*. Раскопки в Любече в 1957 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 79. 1960. С. 27–34.
- Рыбаков 1963 — *Б. А. Рыбаков*. Русская эпиграфика X–XIV вв. (состояние, возможности, задачи) // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963. С. 34–72.
- Рыбаков 1964 — *Б. А. Рыбаков*. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964.
- Симонов 2007 — *Р. А. Симонов*. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси. М., 2007.
- Сичинава, Дышкант 2020 — *Д. В. Сичинава, А. Н. Дышкант*. Базы данных не книжной письменности, исторический корпус, словоуказатель: интеграция // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2020» Москва, 17–20 июня 2020 г. (Дополнительный том, <http://www.dialog-21.ru/media/5187/sitchinavadvplusdyshkant-an-113.pdf>).
- Трусевич 1905 — *Я. И. Трусевич*. Свод 260 азбук и образцов кириллицы. Из снимков рукописей X–XVIII веков русских и юго-славянских. Пособие к методике определения времени написания древних рукописей. СПб., 1905.
- Янин 1963 — *В. Л. Янин*. Русская княгиня Олисава-Гертруда и её сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963. С. 142–164.
- Янин 1992 — *В. Л. Янин*. Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 21–36.

А. А. Гунпиус

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

ОЛЬТАРЬ ПЛАМѢНЪ,
А ЦЪРЬКЫ ЛЕДѢНА —
ЧЬТО ЖЕ ТО?*

С. М. Михеев

Институт славяноведения РАН
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
(Москва, Россия)

В южной части внешней западной галереи Софии Киевской находится небольшой придел, прилегающий с севера к юго-западной лестничной башне собора. Обыкновенно данный придел называют *крещальной*, ср. [Лифшиц 2006]. Слева от апсиды придела по фресковой штукатурке XI в.¹ процарапана надпись, получившая в издании С. А. Высоцкого № 73²:

**ольтарь пламан[ъ]
а църкы ледана и ольта-
рь погаснетъ и църкы [ро]ѣ
стаеть :· ~**

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 17-29-09015 «Новые источники по истории русского языка и письменности: Публикация, историко-филологический анализ и дигитализация древнерусских текстов».

¹ Согласно В. В. Корниенко, надпись находится на фресковом изображении св. ап. Марка.

² Здесь и ниже мы используем следующие условные обозначения: в квадратных скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи.

Насколько нам известно, эта надпись публиковалась С. А. Высоцком и В. В. Корниенко по два раза, с незначительными разночтениями³.

По методике А. А. Зализняка [2000; 2015], граффито можно датировать интервалом [1160–1200]⁴.

Надпись сделана человеком, не чуждым книжности: он к месту использовал букву *ѣ* и обозначил конец текста тремя точками с тильдой. В. В. Нимчук [Німчук 1988: 29–30] предложил считать этот текст стихотворным. Вслед за ними называют текст граффито ритмизованным Т. В. Рождественская [1992: 20] и последний издатель надписи — В. В. Корниенко.

Перевод надписи очевиден и не вызывает сомнений: ‘Алтарь пламенный, а церковь ледяная. Алтарь погаснет, и церковь растает’. Между тем, определение ее смысла вызвало споры среди исследователей. Б. А. Рыбаков [1963: 120, прим. 63] соотнес граффито с находящимся слева от него рисунком, который он трактовал как изображение иордани — конструкции изо льда, сооружаемой во время крещенских праздников. На рисунке (№ 72 по нумерации С. А. Высоцкого) изображен шестиконечный крест с традиционными подписями, стоящий на массивном прямоугольном постаменте-престоле, который разделен одной горизонтальной и тремя вертикальными прямыми на восемь квадратов с вписанными в них отдельными буквами⁵. На постаменте стоят свечи (?): по одной длинной и по две ко-

³ [Высоцкий 1962: 160–161, 180 (табл. XV: 1), 182 (табл. XVII); Высоцкий 1966: 109, табл. LXVII–LXVIII, № 73; Корниенко 2009: 238–241; Корниенко 2016: 47, 129 (табл. XXVII: 1), № 73]. От транскрипции в своде В. В. Корниенко [Корниенко 2016] наша транскрипция отличается в следующих пунктах: конечный *ѣ* в *пламан[ѣ]* в 1 строке (у В. В. Корниенко — *пламны*), и *цѣркы* в 3 строке (у В. В. Корниенко — *ги церкви*).

⁴ Датировочные признаки: *a* 1 «покрытие» <1320 (<1280)», *a* 7 «удлиненная спинка» <1200 или 1420> (?), *z* 1 «выступ вверх» (<1200), *л* 1 «покрытие» <1360 (<1280)», *p* IVa «углом вниз (криволинейные)» 1160> (1240)>. Показательно и двукратное *ольтарь* с неорганическим редуцированным.

⁵ В обеих строках получившейся таким образом таблицы буквами заполнены по три ячейки: правый столбец оставлен пустым. Верхняя строка содержит буквы *ї*, *л* и *ю* (слева направо), а нижняя — *л*, *ї* и *ю*. О значении этих букв никаких предположений до сих пор высказано не было. По нашему мнению, обоснованию которого будет посвящена специальная работа, последовательность *їлю* представляет собой адаптированную к славянской фонетике запись одного из вариантов греческой транскрипции библейского Тетраграмматона — *ιαου*.

ротких с обеих сторон от креста. Непосредственно под постаментом находится надпись с молитвой о некоем Даниле (№ 74). Этого Данила Б. А. Рыбаков отождествил с Даниилом, который, согласно «Повести временных лет», был поставлен юрьевским епископом 6 января 1114 г., на праздник Крещения (чем, согласно исследователю, объясняется и изображение крещенской иордани). Предложенную Б. А. Рыбаковым трактовку рисунка и надписи о пламенном алтаре принял С. А. Высоцкий [1966: 109].

В свою очередь С. К. Росовецкий высказал предположение, что надпись о пламенном алтаре является загадкой с отгадкой «свеча». «Таинственный “Даниило”, которому принадлежит и написанное под рисунком молитвенное граффито, таким образом прокомментировал одну из его деталей — изображение свечей на престоле “Иордани”», — пишет исследователь [Росовецкий 2008: 50]. При этом С. К. Росовецкий добавляет, что «автор граффито, несомненно, был церковным человеком, так как припомненная (или придуманная) им загадка построена на метафорическом осмыслении атрибутов христианского культа» [Там же].

В. В. Корниенко, справедливо отметив, что молитва о Даниле и подписи к рисунку выполнены почерком, отличным от почерка граффито об алтаре и церкви, связал последнее с другим изображением в том же компартименте собора — расположенной на северной стене придела фреской, изображающей Сорок Севастийских мучеников. Исследователь предложил рассматривать граффито как «нравоучительное стихотворение», основанное на центральном эпизоде «Страдания святых Сорока мучеников», в котором один из подвергнутых мучению воинов-христиан, не выдержав стояния в замерзающем озере, бросился в разожженную на берегу баню, но, ощутив теплоту, растаял и пал мертвым. Ледяная церковь, по мысли В. В. Корниенко [2009: 239], «символизирует тела святых мучеников: “... когда холод достигал крайней лютости, ... тела святых леденели”», — цитирует исследователь современный пересказ «Страдания» в редакции Дмитрия Ростовского. Пламенный алтарь, по мнению В. В. Корниенко, — это «Божественный свет, который снизошел с неба на мучеников, <...> “рассеял холод, растопил лед и согрел воду”» [Корниенко 2009: 239]. Эта интерпретация, на наш взгляд, искусственно привязанная к агиографическому эпизоду, содержит элемент, на который стоит сразу обратить внимание, — упоминание новозаветной концепции тела как храма Господня (1 Кор. 6: 19: «Не знаете ли, что тела

ваши суть храм живущего в вас Святого Духа»; 2 Кор. 6: 16: «ибо вы — храм Бога живаго»).

В статье 2013 г. о двух надписях из Новгорода и Новогрудка, представляющих собой загадки, мы указали, что «очевидной загадкой по своей структуре» является и киевское граффито № 73 [Гиппиус, Михеев 2013: 86]. Отгадку к этой загадке мы на тот момент уверенно назвать не могли и не были знакомы с работой С. К. Росовецкого. Д. С. Глебова [2015] согласилась с предположением о том, что киевское граффито — это загадка, и привлекла несколько параллелей к ее тексту: «Сказание Анфилога царя о святой литургии», в котором говорится, что во время евхаристии церковь становится ледяной, а алтарь — огненным, несколько текстов, в которых фигурирует пламенный алтарь, а также «Сказание о Макарии Римском» (иначе — «Слово о трех монахах») с упоминаниями ледяной церкви. По ее мнению, киевская загадка «обладает сложной структурой, являясь результатом синтеза нескольких компонентов разного происхождения. Так, — пишет Д. С. Глебова, — “пламенный алтарь” восходит к толкованиям на литургию. “Ледяная церковь” — вероятно, к Сказанию о Макарии Римском, где этот образ возникает под влиянием Апокалипсиса» [Глебова 2015: 87].

Предположение о том, что перед нами загадка, окончательно подтвердилось, когда был обнаружен второй вариант того же текста в ранее не прочитанной записи в цветной триоди XI или XII в. из новгородского Лазарева монастыря. Приписка на обороте последнего листа, непосредственно после основного текста рукописи, имеет следующий вид⁶:

**Ги помо(з)и рабоу своєюму (-)р[а]----[ю]моу [::]†
 Ольтарь плам[ѣ]н[ъ] а църькы лѣдѣна : ожь [о]†
 лтарь оугаснь [: то] и [църь]кы растает† : ·
 чьто [ж]ь то**

Данная запись заинтересовала И. И. Срезневского [1882: стб. 42]: «Она писана тем же писцом как и вся рукопись и занимает четыре строки; но к сожалению вся почти выцвела или, вернее, вычищена. Впрочем, на первой строке можно прочесть: | Ги помози рабоу своєюму.....

⁶ РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 138, л. 173об. Полная фотокопия рукописи доступна на сайте РГАДА (URL: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_138). О рукописях из Лазарева монастыря см. [Михеев 2019].

далее, вероятно, следовало имя писца»⁷. Нам не известно об иных попытках прочтения данной записи⁸.

Нижняя крышка переплета триоди не сохранилась, поэтому оборот последнего листа серьезно пострадал. Одним из затертых участков записи является конец ее первой строки с именем автора. Удовлетворительного прочтения или реконструкции для этого места у нас нет. В остальных случаях утраты поддаются прочтению с помощью сопоставления с текстом киевского граффито.

Вопреки мнению И. И. Срезневского, почерк приписки отличен от почерка писца основного текста⁹. Буквы *г* и *о* в начале первой и второй строк записи выполнены в виде малых инициалов, подобных малым инициалам основной части рукописи. Впрочем, в отличие от малых инициалов профессионального писца триоди, буква *о* здесь выполнена упрощенно — в виде двух овалов, вписанных друг в друга.

Автор записи пользовался бытовой орфографической системой. В стандартизированном виде загадка имела бы вид: «Ольтарь пламѣнь, а църькы ледѣна. Оже ольтарь угаснетъ, то и църькы растаетъ. Чьто же то?» ‘Алтарь пламенный, а церковь ледяная. Если алтарь погаснет, то и церковь растает. Так что это?’.

Непосредственно под загадкой находится запись, выполненная уверенным, но некнижным почерком человека, привычного к письму на бересте:

**Бестрой ѱль грѣшьныи хоуди хъ
трои охo монѣ грѣшьникоу
песахъ се азъ коли поцанааса**

Запись Бесстроия дана без перевода в работах И. И. Срезневского [1882: стб. 42] и А. А. Покровского [1916: 76], в каталоге рукописей ЦГАДА 1988 г. [Каталог ЦГАДА: 50] и у Л. В. Столяровой [2010: 186].

⁷ Пунктуация И. И. Срезневского сохранена.

⁸ В «Сводном каталоге» 1984 г. и в каталоге рукописей ЦГАДА 1988 г. описание данной записи И. И. Срезневским ошибочно отнесено на счет несохранившейся записи на бывшем листе 155об. из ныне утраченной тетради триоди [СК XI—XIII: 87; Каталог ЦГАДА: 51].

⁹ Большая часть этой записи и вся запись Бесстроия, о которой пойдет речь ниже, посинели от воздействия какого-то реактива. Возможно, это дело рук И. И. Срезневского. Изначальный цвет чернил первой записи близок к цвету чернил основного текста рукописи.

Имя автора записи — *Бестръи* в стандартной орфографии — представляет собой сочетание приставки *без-* с термином родства *стрыи* (*стръи*) ‘дядя по отцу’ и входит таким образом в один ряд с именами *Безуи* и *Бездьдъ*.

При снятии эффектов бытовой орфографии прочитываемая без затруднений часть записи имела бы вид: «Бестръи пьсаль гръшьный, худьи, хытръи. Охь мьнѣ гръшьнику! Пьсахъ се язъ, коли...», то есть ‘Бесстрой писал грешный, плохой, хитрый. Горе мне, грешнику! Я писал это, когда...’. Последовательность *поцаналася* наши предшественники трактовали как одно слово. В таком случае в нем можно видеть лишь записанное с одной ошибкой (предвосхищение гласного следующего слога) и отражением цоканья причастие *починалася*. Эту словоформу можно было бы соотнести с уставным указанием «починается Триодь...» и считать, что запись была сделана тогда, когда начиналась служба по Постной триоди. Однако синтаксис фразы выглядит при такой интерпретации ущербным: условия для появления причастного сказуемого в зависимом предложении (см. о них [Пичахадзе 2020]) здесь отсутствуют. Правильным поэтому кажется разделять проблемную последовательность на два слова, вычленив в ней имя собственное в именительном падеже и аорист. Словоизменение может быть произведено двояко: *Поца налася* или *Почана лася*. В первом случае мы имеем дело с прозвищем *Поча*, которое может быть сопоставлено с сев.-в.-р. *поча* ‘низкое, заливаемое водой место, болото, старое речное русло’ и др. [СРНГ, 30: 371], или с распространенным именем *Почай* с графически не выраженным *j*. В таком прочтении придаточное предложение означает ‘когда Поча (или Почай) нанялся’. При выборе второй возможности перед нами записанное также без обозначения *j* имя *Почайна* (ср. идентичный гидроним, а также имя *Чайна* в былине о Хотене Блудовиче). В этом случае фразу можно перевести ‘когда Почайна обязалась’ (ср. *ятися по дань* и подобные выражения). Заметим, что при обеих трактовках прагматика записи может быть понята одинаково: ссылка на имевший место факт найма или некоего (финансового?) обязательства выступает как форма фиксации соответствующей договоренности, для чего поле литургического кодекса представляет вполне подходящее место (ср. известную практику вписывания на полях церковных книг текстов актового содержания).

И. И. Срезневский датировал почерк записи Бесстроа XIV в., А. А. Покровский полагал, что эта запись древняя, но, возможно, подновлена в XIV в., а в «Сводном каталоге» 1984 г. и в каталоге

1988 г. запись датирована XIII/XIV в. и атрибутирована тому, кто наводил (подновлял) текст триоды [СК XI—XIII: 87, № 49]. Некнижный характер письма записи Бесстрога делает возможным применение для ее датировки методики А. А. Зализняка. Формально она может быть широко датирована интервалом [1100—1280], предпочтительно [1140—1220]¹⁰. Сохранение в тексте записи всех слабых редуцированных, включая <ь> в *песахъ* <ь> *пъсахъ*, склоняет в пользу ее датировки XII в.

Загадка об алтаре и церкви, несомненно, была внесена в триодь до появления записи Бесстрога, то есть может быть датирована временем между концом XI и концом XII в.

Вернувшись к тексту загадки, отметим главное отличие его новгородской фиксации от граффито Софии Киевской — иную синтаксическую структуру второй части, представляющей собой сложно-подчиненное предложение с условным придаточным. Эту структуру следует признать первоначальной — хотя бы потому, что в таком виде загадка получает отгадку: ледяная церковь — это тело человека, а «пламенный алтарь» (то есть пламенеющий на алтаре огонь) — его душа или жизнь, с исходом которой (*оже олтарь угаснет*) истлевает и тело (*то и църькы растает*). В такой интерпретации загадка на стене Софии Киевской действительно оказывается своего рода комментарием к находящемуся рядом рисунку, относящимся, однако, не к отдельному атрибуту — свечам, а к самому образу огня на алтаре.

Сложная метафора, лежащая в основе этой загадки о человеке, возникает на пересечении нескольких идей. Одна из них уже упоминалась — это новозаветная концепция тела как храма Господня. С инверсией означаемого и означающего этот образ лег в основу известного в византийской экклесиологии антропоморфного представления Церкви, следующим образом сформулированного в четвертой главе «Мистагогии» Максима Исповедника: «По иному способу созерцания, Святая Церковь Божия есть человек; алтарь в ней представляет душу, Божественный жертвенник — ум, а храм — тело»¹¹. На это уподобление души алтарю, а тела — храму как церковному зданию, в загадке накладывается другая, более фундаментальная ме-

¹⁰ Датировочные признаки: графика: $\bar{o} \rightarrow o$ (фонд $\geq 3 \times$) 1100 > (1140—1400); $\bar{d}, \bar{l}, \bar{a}$, \bar{a} регулярно с покрытием <1280, з 3 «перелом хвоста» (1140—1340), \bar{p} II «углом вверх» <1380 (<1280); язык: редуцированные сохранены <1220 (1×).

¹¹ [PG, 91: col. 672]. Перевод А. И. Сидорова [1993: 160].

тафизическая идея, уходящая корнями к истокам первобытной религии, — представление об огненной природе божества и человеческой души¹². Завершает семантическую конструкцию загадки антитеза льда и пламени, которая, в силу возникающей пропорции, делает образным коррелятом покинутого душой тела человека тающий лед. Возникают, таким образом, следующие ряды соответствий: *душа ~ алтарь ~ огонь, тело ~ церковь ~ лед*.

Элементы, образующие эти триады, встречаются и связанные попарно. В то время как в процитированном фрагменте из «Мистагогии» фигурируют пары *церковь ~ тело, алтарь ~ душа*, в приведенном выше пассаже из «Сказания Анфилога» представлены корреляции *церковь ~ лед, алтарь ~ огонь*. Загадка, в которой две образные идеи выступают в комбинации между собой, связанные мыслью об огненной природе души, могла возникнуть как результат рефлексии над этими или подобными текстами. Поскольку древний славянский перевод «Мистагогии», по-видимому, отсутствовал, можно думать, что прототип загадки сложился уже на византийской почве.

На Русь загадка об алтаре и церкви попала, скорее всего, через южнославянское посредство. На это указывает яркий южнославянизм в ее новгородской версии — суффикс *-ьн-* в прилагательных *пламънь* и *л<e>дъна* в соответствии с древнерусским *-ан-* в киевском граффито: *пламань, ледана*. В остальном язык записи предсказуемо демонстрирует восточнославянские черты, как входящие в норму древнерусского извода церковнославянского языка (рефлекс сочетания редуцированного с плавным: *църькы*, окончание *-ть* в 3 л.: *растает^b*), так и находящуюся вне ее (союз *оже*). При такой степени русифицированности языка крайне маловероятно, чтобы суффикс *-ьн-*, который в церковнославянских памятниках русского извода очень рано и последовательно вытесняется вост.-слав. *-ан-* [Дурново 2000 (1927): 548–551], появился под пером новгородского писца.

¹² Специально об этой идее, ее религиозных, философских и поэтических преломлениях — от Гераклита до Пушкина, см. [Гершензон 1922]. Приведем отсюда две формулировки. «[Д]уша есть огонь, хотя и высшего качества, большего горения, чем физический огонь, но по сущности однородный с ним» (с. 148). «Общую мысль Пушкина можно выразить так: жизнь, или — что то же — душа человека, есть огонь, но души и в целом несходны между собой по силе горения, и каждая отдельная душа горит то сильнее, то слабее» (с. 34). Вторая формулировка, несмотря на кажущуюся анахроничность, снимает неизбежно возникающий вопрос, идет ли речь в нашей загадке о душе или жизни человека.

На Руси были широко распространены загадки на религиозные темы, связанные своим происхождением с латинскими и греческими *Josa monachorum*. Наибольшее число загадок известно по апокрифической «Беседе трех святителей», вопросно-ответному сборнику сложной текстуальной истории и неустойчивого состава, однако отдельные загадки регулярно встречаются в виде маргиналий на полях рукописей и на стенах древнерусских храмов¹³. В статье 2013 г. мы осторожно предположили южнославянское происхождение загадки о петухе, представленной в граффито второй половины XII–XIII в. из церкви Бориса и Глеба в белорусском Новогрудке. Отгадкой к новогрудской загадке — судя по созвучию с читающимся в ней словом *теплъ* — должно было служить южнославянское название петуха — *птьльъ*. Такие южнославянские следы в древнерусских христианских загадках указывают на их общий, по-видимому, весьма древний источник.

Рукописи

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 381 (собрание рукописей библиотеки Московской синодальной типографии), № 138. Пергамен, 1^о, 173 л. Рукопись изучена de visu. Полная фотокопия рукописи доступна на сайте РГАДА (URL: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_138). Описания: [СК XI–XIII: 87–88, № 49; Каталог ЦГАДА: 49–51, № 10].

Издания источников

PG, 91 — *Patrologiae cursus completus. Ser. graeca 1: Patrologia graeca. T. 91: S. Maximus Abbas, Thalassius Abbas, Theodorus Rhaituensis* / Ed. J.-P. Migne. D'Amboise, 1865.

Словари и справочники

Каталог ЦГАДА — Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. В 2-х ч. М., 1988.
 СК XI–XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
 СРНГ, 30 — Словарь русских народных говоров. Вып. 30: Поприугомонить — Почестно. СПб., 1996.

¹³ См. [Калугин 1995: 120–121; Гиппиус, Михеев 2013].

Литература

- Высоцкий 1962 — С. А. *Высоцкий*. Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. III. М., 1962. С. 147–182.
- Высоцкий 1966 — С. А. *Высоцкий*. Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Гершензон 1922 — М. *Гершензон*. Гольфстрем. М., 1922.
- Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. *Гиппиус*, С. М. *Михеев*. Две древнерусские загадки XII–XIII веков из Новгорода и Новогрудка // Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 81–89.
- Глебова 2015 — Д. [С.] *Глебова*. «Церковь ледяна, а алтарь огнен»: к вопросу об источниках Сказания Анфилога царя о святой литургии // Русь и Центральная Европа в XI–XIV веках: Материалы V Международной научной конференции, Спишская капитула, 16–18 октября 2014 г. Краков; Братислава, 2015 (= Colloquia Russica. Ser. I. T. 5). С. 79–87.
- Дурново 2000 (1927) — Н. Н. *Дурново*. Спорные вопросы общеславянской фонетики. 2: Гласные из *ep*, *et* перед носовыми в общеславянском // Н. Н. *Дурново*. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 542–565.
- Зализняк 2000 — А. А. *Зализняк*. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // В. Л. *Янин*, А. А. *Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 134–429.
- Зализняк 2015 — А. А. *Зализняк*. Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования // В. Л. *Янин*, А. А. *Зализняк*, А. А. *Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: (Из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. С. 276–278.
- Калугин 1995 — В. В. *Калугин*. Отношение к книге в Древней Руси (По материалам псковских записей XIV в.) // Записки Отдела рукописей [Российской государственной библиотеки]. Вып. 50. М., 1995. С. 104–122.
- Корниенко 2009 — В. В. *Корниенко*. Граффити — молитвы к Сорока святым мученикам в крещальне Софийского собора: К проблеме изучения культов святых в Киевской Руси // Софійські читання. Вип. 4: Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника “Софія Київська”: культурний діалог поколінь» (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Присвячено 990-річчю першої літописної згадки про Софію Київську (1017–2007 р.). Київ, 2009. С. 218–242.

- Корнієнко 2016 — В. В. Корнієнко. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. VII. Т. 1: Західна зовнішня галерея. Київ, 2016.
- Лифшиц 2006 — Л. И. Лифшиц. Росписи апсиды «Крещальни» Софийского собора в Киеве: К вопросу о датировке // *Софія: Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча*. М., 2006. С. 249–274.
- Михеев 2019 — С. М. Михеев. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Slověne = Словѣне*. Vol. 8. № 2. 2019. С. 7–56.
- Німчук 1988 — В. В. Німчук. Давньокиївські написи — пам'ятки літератури XI–XIII ст. // *Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць*. Київ, 1988. С. 24–32.
- Пичхадзе 2020 — А. А. Пичхадзе. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях // *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса*. СПб.; М., 2020. С. 256–285.
- Покровский 1916 — А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.
- Рождественская 1992 — Т. В. Рождественская. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Росовецький 2008 — С. К. Росовецький. Український фольклор у теоретичному висвітленні: Підручник. Київ, 2008.
- Рыбаков 1963 — Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Сидоров 1993 — Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты / Пер., вступ. ст. и комментарии А. И. Сидорова. М., 1993.
- Срезневский 1882 — И. И. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма (X–XIV веков). Общее повременное обозрение. 2-е изд. СПб., 1882.
- Столярова 2010 — Л. В. Столярова. Глава 7. Центры изготовления книг в Древней Руси // *Л. В. Столярова, С. М. Каштанов. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)*. М., 2010. С. 169–244.

П. В. Петрухин

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
Школа актуальных гуманитарных
исследований Института
общественных наук РАНХиГС
(Москва, Россия)

ПИСЬМО СТОЙНЕГА
К МАТЕРИ
(К ПЕРЕВОДУ
НОВГОРОДСКОЙ
БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ
№ 384)*

Грамота № 384 — целое письмо, найденное в 1960 г. на Софийской стороне Новгорода при строительных работах [НГБ VI: 84]. Стратиграфической даты грамота не имеет, палеография указывает на интервал 1160–1200 гг. [НГБ X: 386].

В [НГБ VIII: 205] А. А. Зализняк внес существенные исправления в перевод, предложенный первым публикатором грамоты А. В. Арциховским [НГБ VI: 86]. Особенно трудным для интерпретации оказался конец грамоты, а именно слова **вожѣ оленики**. На прориси [Там же: 85] при буквах *ки* отмечены точки, которые могли бы указывать на числовое значение этих букв. В таком случае фрагмент следовало бы перевести (буквально): ‘вожжи олени, 28 [штук]’. Впрочем, Зализняк заметил, что точки «не очень четки, к тому же при других цифрах в этой грамоте стоят двоеточия» [НГБ VIII: 205]. Кроме того, в древненовгородском диалекте им.-вин. падеж множ. числа мягкого варианта *а*-склонения имеет окончание *-ль* (ср. в этой же грамоте: *въже* <вожѣ>, *вожль*¹), между тем предполагаемая данным прочтением притяжательная форма *олени* ‘олени’ имеет окончание *-и*, уникальное для грамот раннего периода, без смешения *ль* с *и* [ДНД₂: 99]. В то же время, отвергая числовое значение *ки*, мы получаем не засвидетельствованное слово *оленикъ*. Учитывая последнее обстоятельство, а также предложенную А. А. Гиппиусом [1997] интерпретацию грамоты, исходящую именно из присутствия в ней числа 28, Зализняк в [ДНД₂: 358–359] представил в качестве основной версию с числовым обозначением. Однако произведенный позднее повторный анализ грамоты со всей убедительностью показал, что

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352), предоставленного Институту славяноведения РАН.

¹ «[Б]уква *ль* переправлена из *е*» [НГБ IX: 161; ДНД₂: 359].

ки — не число, а обычный слог. «Тем самым, — констатировал Зализняк — необходимо вернуться к признанию неизвестного ранее слова *оленикъ* ‘предмет из оленьей кожи’» [НГБ XII: 234].

С учетом этой поправки грамота принимает следующий вид (ср. [ДНД₂: 358]):

пъ стьенѣга къ матери то ти есмь дале савѣ :е: кѣнѣ
вѣже трькъвице лѣжици :в: ножа :в: брѣсе : вожѣ оленики.

‘От Стойнега к матери. Вот что я даю (букв.: дал) Савве: 5 кун, вожди полотняные, две ложки, два ножа, точильный камень, вожди олени.’

Хотя сомнения относительно графического вида конца грамоты отпали, словоформа *оленики* по-прежнему остается загадочной, причем как в смысловом, так и в формальном отношении. Несомненно, что речь идет об атрибутивном приложении при *вожь*, — хотя бы потому, что вожди упомянуты в грамоте дважды и без определения повтор просто не имел бы смысла. Но как образовано слово *оленикъ* ‘предмет из оленьей кожи’? Формально это может быть либо диминутив от существительного *олень*, либо некий дериват от притяжательного прилагательного *олень* ‘олений’. Первое неприемлемо как по смыслу, так и потому, что древнерусским диминутивом к *олень* было *оленьць* [СДРЯ XI–XIV, VI: 143], что же касается второго варианта, то нам неизвестны примеры, где бы суффикс *-ик-* присоединялся к притяжательным формам.

Сомнения вызывает и то обстоятельство, что за исключением «вожжей олеников» весь список вещей, перечисленных в грамоте, — самые обычные предметы домашнего обихода средневекового человека². Этому набору вполне под стать и довольно скромная денежная сумма, упомянутая Стойнегом, — 5 кун. Вожжи из оленьей кожи явно выпадают из этого ряда, представляя собой скорее некую экзотику. Берестяные грамоты характеризуют оленью шкуру, «оленину»³, как достаточно дорогой товар. Так, грамота № 275/266 (1360–1380) содержит «приказъ»: **что · оу · подоклити · оленини · выдди · сторѣжю ·**

² По мнению Арциховского, ложки, упомянутые в грамоте, — деревянные, «иначе материал был бы оговорен»: «Деревянные ложки довольно часто встречаются при новгородских раскопках» [НГБ VI: 86].

³ В древне- и старорусском шкура оленя имела то же название, что и оленья мясо, — *оленина*. Все древнерусские примеры находятся в берестяных грамотах [СДРЯ XI–XIV, VI: 143], старорусские примеры см. [СлРЯ XI–XVII, 12: 356].

в *црѣкѣвь* ‘Оленьи шкуры’⁴, которые в подклете, отдай сторожу в церковь’⁵. Как известно, в церкви на Руси хранили наиболее ценные вещи. В грамоте № 681 (1160–1200), где интересующее нас слово восстанавливается предположительно, сказано: (п)родаво [о]--нипоу : оуцини же погрѣбание чърнеческое ‘Продав оленью шкуру (?), устрой монашеское погребение’ [ДНД₂: 386]. Сведений о том, что вожди на Руси могли изготавливаться из оленьей шкуры, насколько я знаю, нет. Учитывая перечисленные проблемы, имеет смысл рассмотреть альтернативный вариант перевода словоформы *оленики*.

В старорусской письменности засвидетельствовано слово *ольленикъ* (*олленикъ*) ‘тот, кто изготавливает лен для пряжи’, ср.: *Ольленики псковичи посадцикие люди... и тѣ ольленики отосланы в Ызмаилово*, Дела Тайного приказа I, 1145, 1665 г.; *Дв<ор> Ефрема олленика на полуделе*, Акты Кадашевской слободы, 15, 1631 г. [СлРЯ XI–XVII, 12: 361]⁶. Это слово образовано от прилагательного, у которого в памятниках XVII в. наряду с исходным *ольняной* хорошо засвидетельствованы варианты *ольляной*, *алленной*, *алляной*, *олленной*, ср., например: *Пропала у меня холопа твоего доч моя дѣвка Просков<ь>ица десети лѣтъ безвѣдома с поля с олленого*, Акты Декиловской воеводской избы, 224, 1675 г. [Там же]⁷. По данным [СРНГ, 23: 184, 192], формы *ольняной*, *ольляной*, *олленной* распространены практически на всей великорусской территории, в том числе в новгородских и псковских говорах.

В истории русского языка существительные на *-икъ* могли обозначать как лицо, так и неодушевленный предмет. В большинстве случаев этому суффиксу предшествовал суффикс *-ьн-*. Согласно [Азарх 1984: 96–101], на уровне синхронного словообразования формы, обозначающие лицо, производились от существительных с помощью

⁴ Менее вероятно, что речь идет об оленьем мясе, ср. [ДНД₂: 770].

⁵ На мой взгляд, этот перевод более точен, чем перевод в [ДНД₂: 603]: ‘Что касается [вещей, лежащих] в подклете, — оленьи шкуры отдай сторожу в церковь’, ср. аналогичный тип относительного придаточного в грамоте № 383: *цо прильица · 8 тебе ондрѣкѣва · прильица* ‘Подшлемник, который находится у тебя, — Ондреев подшлемник.’ [Петрухин 20196].

⁶ Известно также слово *льняникъ* ‘тот, кто обрабатывает или продает лен’ [СлРЯ XI–XVII, 8: 322].

⁷ Еще один вариант того же прилагательного — с ассимиляцией согласных, но без начальной гласной, ср.: *Куплено льяного масла на 10 алтынѣ*, Московский театр при царях Алексее и Петре, 13, 1672 г.; *Велено дать ко Льяленому двору гвоздѣя 50000 двоетесново*, Дела Тайного приказа I, 1224, 1666 г. [СлРЯ XI–XVII, 12: 322], ср. также совр. укр. *ляний*.

суффикса *-ьник-*, а формы, обозначающие предметы, — от прилагательных на *-ьнѣ* с помощью суффикса *-ик-*. Точнее говоря, последние возникали из атрибутивных словосочетаний путем их «стяжения» в одно слово. Отсюда множество пар омонимичных наименований лиц и вещей, например: *молитвььникъ* — ‘тот, кто совершает молитву’ и *молитвььнныи домъ*⁸; *скудлььникъ* — ‘тот, кто делает скуделы, гончар’ и *съсудъ скудлььнныи*; *бортникъ* — ‘тот, кто делает борти, присматривает за бортями’ и *бортнныи льсь*; *виноградникъ* — ‘тот, кто возделывает виноград, сад’ и *виноградный садъ*; *зимовникъ* — ‘тот, кто живет на зимовье’ и *зимовной дворъ*, *зимовной городок*; *квасникъ* — ‘тот, кто делает и продает квас’, ‘тот, кто пьет квас без меры, пьяница’ и ‘посуда для кваса’ (*котельъ квасной*, *квасной мьхъ*); *корабленикъ* — ‘тот, кто плавает на корабле, моряк’ и ‘монета определенного достоинства’ (*корабленой золотой*) [Там же: 99–100].

Таким образом, вполне допустимо предположить, что на Руси «оллениками» могли называться не только ремесленники, работавшие со льном, но и некоторые предметы, изготовленные из льна, в частности льняные вожжи. В древности веревки, а следовательно и вожжи, обычно делались из льна, в силу чего во множестве языков названия льна и веревок/вожжей (последние часто обозначаются одним словом) восходят к одному корню или просто совпадают, ср. греч. *λίνον*, лат. *linea*, *linum*, нем. *Leine*, англ. *line*, норв. *line*. Согласно [Kluge: 571], греческие, латинские и германские имена — «вероятно, независимые образования, не имеющие общего источника» (“*vermutlich unabhängige Bildungen, die nicht auf eine gemeinsame Grundlage zurückgehen*”).

Слово *олленикъ/оленикъ* образовано от прилагательного *льняной* или одного из его фонетических вариантов. Начальный гласный здесь — результат фонетических изменений, вызванных, как известно, исчезновением редуцированного после начального сонорного согласного: *льняной* > *ольняной*, как *ръжсаной* > *оржаной* [Борковский, Кузнецов 1965: 118].

Старославянское прилагательное *льньнѣ* [SJS, II: 148] имеет суффикс *-ьн-*, вообще свойственный в старославянском прилагательным, обозначающим материалы, однако в русском церковнославянском на его месте обычно выступает суффикс *-ан-* [Вайан 1952: 58, 236]. Все разнообразие форм этого прилагательного в русских некнижных памятниках и диалектах также, по-видимому, восходит к варианту

⁸ Источники цитат здесь и ниже см. [Азарх 1984: 99–100].

с суффиксом *-ян-*. Следовательно, написание *оленикъ* может отражать либо редукцию [’а], либо переход [а] в [е] между мягкими согласными. В случае «олеников» грамоты № 384 нужно предполагать второе; данный фонетический переход хорошо известен в севернорусских говорах и засвидетельствован в берестяных грамотах с I пол. XII в. [ДНД₂: 74; НГБ XII: 131].

Поскольку двойные согласные в берестяных грамотах обычно передаются одной буквой (ср. в той же грамоте № 384: *въже*, *вожь*, *Савъ*), за *л* и *н* в *оленики* могут скрываться как [лл], [нн], так и [л], [н].

Если исходное слово для *оленики* — *ольняньникъ*, то перед нами образование, вполне аналогичное перечисленным выше примерам из [Азарх 1984: 96–101]. Однако суффикс *-икъ-* может присоединяться и непосредственно к основе прилагательного на *-ян-*, как это, вероятно, происходит в лексемах типа *берестяникъ* (*берестеникъ*) ‘изделие из бересты’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 146], *водяникъ* ‘изгородь, ставящаяся на реке с различными хозяйственными целями’ [Там же, 2: 260], *дровяникъ* ‘дорога, по которой возят дрова с лесосеки’ [Там же, 4: 358], *конопляникъ* (*конопленикъ*) ‘земля под коноплей’ [Там же, 7: 280], *оловяникъ* (*оловеникъ*) ‘оловянный (а также любой металлический) сосуд типа кружки или стакана’ [Там же, 12: 360], *пряникъ* (*преникъ*)⁹ [Там же, 21: 31], *серебряникъ* (*серебреникъ*) ‘сосуд для умывания, ручкомойник’ [Там же, 24: 81]¹⁰. Таким образом, в нашем случае форма *оленики* может восходить как к *ольняньникъ*, так и к *ольняникъ*.

Против изложенной выше гипотезы можно возразить, что преобразование *ольнян(ьн)ики* в *оленики* предполагает целую последовательность фонетических изменений, связанных с падением редуцированных. Между тем грамота не содержит явных признаков падения редуцированных, ср. *трькъвище*, *лъжици*. Нет ли здесь противоречия?

Напомню, что грамота № 384, не имеющая стратиграфической даты, по палеографическим признакам датируется 1160–1200 гг. Верхняя граница этого интервала совпадает с периодом, когда, судя по имеющимся данным, в большинстве древненовгородских говоров процесс падения и прояснения редуцированных или уже завершился

⁹ *Пряникъ* < *пряный* ‘содержащий пряности’ [СлРЯ XI–XVII, 21: 31] < *пль-раньи* ‘с добавлением перца’ [СДРЯ XI–XIV, IX: 357] < **пльрь* ‘перец’ [Фасмер, 3: 395].

¹⁰ Суффикс *-ик-* может присоединяться и к непроизводным основам прилагательных, например: *новикъ* ‘новосел’, *старикъ* ‘старожил’, *частикъ* ‘частый невод’, *суковатикъ* ‘бревно с частыми сучьями’, ср. [Азарх 1984: 108].

ся, или близился к завершению. Так, грамота из Старой Руссы № 30 (1180–1200) демонстрирует уже фонетические последствия этого процесса — переход [e] > [o] (3 случая) [ДНД₂: 449]. При этом следует учесть, что в текстах, написанных в бытовой графической системе, т. е. со смешением *o* — *ъ* и *e* — *ь* (к каковым принадлежит и письмо Стойнега, демонстрирующее эффект *o* → *o/ъ*), нередко наблюдается искусственное «восстанавливание» слабых редуцированных, обусловленное навыками чтения и письма, приобретенными авторами этих текстов в процессе освоения грамоты, см. об этом подробно [Петрухин (в печати)]. Так, в упомянутой грамоте Ст. Р. 30 слабые редуцированные «восстановлены» в 5-ти словоформах, а их пропуск (3 случая) связан с особыми позициями, которые в грамоте № 384 не представлены¹¹; ср. грамоту № 346 (1280–1300), в которой слабые еры представлены во всех 7-ми случаях, где они этимологически имели место [ДНД₂: 506; Петрухин 2019в: 92], а также другие аналогичные примеры [Там же: 91–94].

Кроме того, в недавней статье А. А. Гиппиус обратил внимание на то, что между схожими по артикуляции (и следовательно, склонными к ассимиляции) согласными падение слабых еров может отражаться раньше, чем в прочих позициях [Гиппиус 2020: 24–25]. Так, в НГБ № 1114 (1 пол. XII в.) на фоне в целом последовательного сохранения слабых редуцированных встретилась форма твор. ед. *жицель* (дими-нутив от *жито*), отражающая слияние *ти* > *и*; в НГБ № 531 (кон. XII — 1 пол. XIII в.) «на почти 20 написаний с сохранением неконечных слабых *ъ* и *ь* имеется всего два случая их пропуска», один из которых — зват. п. *браце* <*братъче*>; в блоке грамот № 685 и № 721/647/683 (40-е — сер. 90-х гг. XII в.) наряду с четырьмя случаями сохранения слабых еров представлено написание *18 съръцьвь '18 сорочков'*, отражающее переход [ц'ц'] > [ц']; в Торж. 13 (кон. XII — нач. XIII вв.) при сохранении слабых еров в прочих показательных позициях находим форму *дьские* (< *дтьськии*), с отражением перехода [тъск] > [т'ск] > [ц'к] > [с'к] [Там же]. Данный феномен требует дальнейшего осмысления, но нельзя не заметить, что гипотетическая лексема *оленики* 'льняные вожжи' из *ольнян(ьн)ики* также предполагает выпадение редуцированного между близкими по месту образования (или просто одинаковыми) согласными.

¹¹ Речь идет о консонантных сочетаниях, свойственных старославянскому и раннедревнерусскому (и в силу этого представленным среди азбучных складов вида CCV), но в данном случае образовавшихся в результате падения слабых редуцированных [Петрухин 2019в: 91; Петрухин (в печати)].

Другое возможное возражение против предложенной гипотезы состоит в том, что в грамоте уже упомянуты *въже трькъвище*, т. е., согласно переводу А. А. Зализняка, «полотняные вожжи». Действительно, в Житии Андрея Юродивого лексема, имеющая в разных списках вид *троквища*, *торквища*, *тороквища*, выступает как перевод греч. *ὀθόνη* ‘тонкое полотно’, ‘полотняная ткань или одежда’, ‘плащаница’ и как синоним слав. *платно* [ЖАЮ: 428]. «Полотном» на Руси обычно называли льняную ткань [СДРЯ XI–XIV, VII: 92]. Следовательно, и «полотняные вожжи» — льняные, что могло бы привести к некоторой путанице.

Однако возможно (и даже, на мой взгляд, предпочтительно) иное прочтение фрагмента *въже трькъвище*. Согласно Зализняку, здесь «название материала выступает в качестве приложения к названию соответствующего предмета» [ДНД₂: 359]. Зализняк приводит встретившиеся в старорусской письменности конструкции *фелонь ... зуфь*, *шуба цини*, *шуба багреци*, а также современные употребления *сумка лайка*, *сапоги хром* [Там же]. Тем не менее очевидно, что для древнерусского подобного рода словосочетания не характерны (примечательно, что большинство из приведенных примеров содержит иноязычные имена). Трактовка формы *трькъвище* как атрибутивного приложения нужна для того, чтобы объяснить, почему вожжи упомянуты в грамоте дважды: в первом случае это «вожжи полотняные», во втором — «оленьи». Но проблема отпадает, если допустить, что мы имеем дело с типичной для берестяных грамот (и некнижного языка в целом) подачей информации по принципу «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [ДНД₂: 190] (разрядка Зализняка): «В соответствии с этим принципом прежде всего объявляется суть дела (без деталей), а все уточняющие слова образуют вторую, дополнительную часть высказывания, которая фактически представляет собой цепочку синтаксически не связанных между собой слов или синтагм» [Там же], см. также [Живов 2017: 271–272]. Так, в грамоте Ст. Р. 10 (XII в.) сначала сообщается о ситуации *въ волости*, а затем уточняется, о какой именно волости идет речь: *въ волости твоєи толико вода пити в городицаньх* ‘В Городище, твоём владении, только воду пить (т. е. есть уже нечего)’ [ДНД₂: 447]. Похожим образом Стойнег сначала упоминает вожжи как таковые, в ряду других предметов, также никак не охарактеризованных (за исключением их количества), а в конце письма уточняет, о какой именно разновидности вожжей идет речь.

Итак, *трькъвище* грамоты № 384 можно рассматривать как синтаксически независимое слово со значением ‘кусоч ткани, полотно’,

ср. [СлРЯ XI–XVII, 30: 64]. Любопытно, что в грамоте № 609, датировка которой (кон. XII — нач. XIII вв.) пересекается с датировкой грамоты № 384, «полотно» оценивается в две куны (**на полотне ꙗкоуне** [ДНД₂: 425]). Стойнег в письме к матери, кроме полотна, упоминает еще несколько предметов и называет сумму «5 кун». По мнению Арциховского и, вслед за ним, Зализняка, Стойнег передал (или велел передать) Савве и эти 5 кун, и вещи. Однако перечисление в одном ряду денег и вещей выглядит несколько странно. Обратим внимание и на то, что список вещей приведен не в винительном, как ожидалось бы после *есмь дале*, а в именительном падеже: форма *бръсе* имеет характерное для древненовгородского диалекта окончание им. п. ед. ч. *-e*; «этот же падеж — пишет Зализняк — можно предполагать и для остальных названий, но здесь он уже совпадает с В[инительным падежом]» [ДНД₂: 359]. Зализняк полагает, что речь идет об «именительном перечисления», выступающем вместо винительного¹², но не имеем ли мы дело с обычным именительным падежом?

Если допустить, что *трькъвище* стоит примерно 2 куны, то с учетом стоимости остальных перечисленных в грамоте предметов общая сумма вполне могла бы составить 5 кун. Вероятно, в письме Стойнег сообщает матери подробности торговой сделки с Саввой: сначала он называет уплаченную сумму, а затем — в следующей строке — приводит список покупок. В этом случае мы избавляемся как от странного упоминания денежной суммы «через запятую» с товарами, так и от необходимости предполагать здесь именительный перечисления.

Как и множество других берестяных грамот, письмо Стойнега начинается с вводного оборота *то ти* ‘вот’, следующего непосредственно за адресной формулой, ср., например, НГБ № 1004 (2 четв. — сер. XII в.): **+ ѿ лоуку къ ѿтыцѣви : то ти : не вѣдало наѣмити ѿе то ма везе:ль : на кожахъ вевѣрице** ‘От Луки к отцу. Вот не отдал работник, который меня вез, денег за кожи’ [НГБ XII: 102–104], ср. также НГБ № 959, 776, 835, 1005, 1006, 989. Этот свойственный бытовой письменности оборот можно считать своеобразным эквивалентом вводного *се*, характерного для пергаменных документов, например: *се вѣдале варламе* (Вкладная грамота Варлаама Хутынского) [ДНД₂: 458].

С прагматической точки зрения ситуация могла выглядеть по-разному. Возможно, мать отправила Стойнега к Савве за покупками и велела сообщить о результате. Можно предположить также, что Стойнег договорился с Саввой о покупке перечисленных товаров

¹² См. об этом синтаксическом явлении [ДНД₂: 157; Живов 2017: 465].

(возможно, уже получил их) и вручил ему грамоту в качестве своего рода расписки, с тем чтобы Савва отправился с этой грамотой к его (Стойнега) матери и получил у нее 5 кун, ср. примеры подобных ситуаций [Гиппиус 2004]¹³.

Итак, с учетом изложенных в статье соображений можно предложить следующий перевод грамоты: 'От Стойнега к матери. Вот я дал Савве 5 кун. Вожжи, полотно, две ложки, два ножа, точильный камень. Вожжи льняные'.

Литература

- Азарх 1984 — Ю. С. Азарх. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., доп. М., 1965.
- Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. «Вожжей оленьих 28...» (Об одной числовой модели в древнерусских текстах) // Живая Старина. 1997. № 3. С. 21–23.
- Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 183–232.
- Гиппиус 2020 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.
- ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект, изд. 2-е, М., 2004.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. М., 2017.
- НГБ VI — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). Т. VI. М., 1963.
- НГБ VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Т. VIII. М., 1986.
- НГБ IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Т. IX. М., 1993.

¹³ В последнем случае форма *есмь дале* представляет собой один из примеров «перформативного» употребления перфекта, см. [ДНД₂: 175; Петрухин 2013: 86–88; Dekker 2018: 137–176; Петрухин 2019а: 158–159].

- НГБ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М., 2000.
- НГБ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.
- Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slavistisches Jahrbuch, Neue Folge. 1. 2013. С. 74–98.
- Петрухин 2019а — П. В. Петрухин. [Рец.]: Simeon Dekker. Old Russian birchbark letters: a pragmatic approach. Leiden; Boston. 2018 (= Studies in Slavic and general linguistics, vol. 42) // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 155–160.
- Петрухин 2019б — П. В. Петрухин. К переводу новгородской берестяной грамоты № 383 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XXIII. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка / Отв. ред. выпуска Г. И. Кустова, А. А. Пичхадзе. М., 2019. С. 217–221.
- Петрухин 2019в — П. В. Петрухин. Где и когда собирал дань новгородец Савва? // Словоѣне. Vol. 8. № 1. 2019. С. 55–108.
- Петрухин (в печати) — П. В. Петрухин. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // Словоѣне. 2020, № 2 (в печати).
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., Т. 1–12—. М., 1988–2019—.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв., Т. 1–31—. М., 1975–2019—.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51—. СПб., 1965–2019—.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4 / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.
- Dekker 2018 — S. Dekker. Old Russian birchbark letters: A pragmatic approach. Leiden. 2018.
- Kluge — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von Elmar Seebold. — 25., durchges. und erw. Aufl. Berlin; Boston, 2011.
- SJS — Slovník jazyka staroslovenského. I–IV. Praha, 1958–1997.

Н. П. Антропов

Институт языкознания
имени Якуба Коласа
Национальной академии наук
Беларуси
(Минск, Беларусь)

«ГУСКА СОЛОГАЯ»
В СВЕТЕ ПОЛНОГЛАСНЫХ
СОЧЕТАНИЙ МОДЕЛИ *TELТ

Среди новгородских берестяных грамот есть одна, а именно № 330, содержание которой, несмотря на совершенно семантически прозрачное сказуемое в основной части — законченном простом предложении, в целом по-прежнему представляет собой своеобразную «глокую куздру» из-за не вполне проясненных или даже просто неясных остальных его элементов: лексем, определенно выступающих в качестве подлежащего, определения к нему (или его атрибутивной части) и прямого дополнения к сказуемому. Вот прорись этой грамоты по [НГБ VI: 19]:

А. В. Арциховский в комментарии к грамоте делит на слова только первое предложение в левом верхнем углу наружной стороны («Первая строчка легко делится на слова»), т. е. формулу зачина **гн помози рабѣ своѣмѣ**, где, как он отмечает далее, «гн — обычное сокращение слова “господи”». Далее следует примечательное заключение: «Затем

не все слова понятны» [Там же: 18]. Все эти слова (но без словоразделов) в четырех строчках подаются так, как в грамоте:

гѸскасологаагѸска
 гоꝝкбає
 рас
 ллкоххѸстѸ

Следующая попытка интерпретации грамоты состоялась более чем через два десятилетия, когда к ней наряду с другими четырнадцатью берестяными текстами обратились В. Орел и А. Кулик [Орел, Кулик 1995: 386–387]. Справедливо отметив, что, «судя по молитве в 1-й строке и по начальным буквам азбуки на обороте, надпись выполнена ребенком», соавторы разделили текст на слова:

- 1: ГН ПОМОЗН РАБУ СВОЕМУ
- 2: ГУСКА СОЛОГАА ГУСКА
- 3: РАГОЗУ ЄБАЄ
- 4: ...ЗАЛАКОХ ХУСТУ

Предложен и перевод: «Строки 2–4 образуют хорошо читаемый и чрезвычайно непристойный текст: ‘Задница, сладкая задница совокупляется с непоседой... задрал(а) штаны (?)’» [Там же: 386]. Далее такая интерпретация текста обосновывается следующими соображениями:

1) в прилагательном **сологаа** ‘сладкая’ усматривается «вторичное аналогическое образование от формы сравнительной степени *слаже*, *соложе*»;

2) в слове **рагоза** соавторы видят отмеченную В. И. Далем для *рагоза* семантику ‘свара, ссора, брань, прях (...) сварливый, неуживчивый человек’;

3) из Даля же и слово *хуста* ‘кусок, холста, ширинка, платок (...) мн. порты, бельё’;

4) отмечено, что «совершенно оригинальный характер имеет глагол (*за*)*лакати* ‘задрать’» [Там же: 386–387].

Первые две позиции, т. е. семантика прилагательного **сологаа** ‘сладкая’ и непонятно откуда взявшееся **рагоза** при **гоꝝ** и под ним **рас** делают перевод по меньшей мере сомнительным, на что достаточно скоро обратил внимание А. А. Зализняк, см. [Попр.—Х: 99–100]¹.

¹ В частности, по второй позиции: «Предложенное авторами чтение отрезка *гоꝝ* вместе с написанным ниже (мелкими буквами) отрезком *рас* как *рагоꝝ* принять невозможно: никаких аналогов такого способа записи в бере-

Им же, но позже лингвистического разбора грамоты, предложена новая разбивка текста на слова, хотя, разумеется, в [Попр.—X] использовалась именно она:

«№ 330 ([уточн.] посл. треть [предпочт. посл. 20-летие] XIII в., Нерев. И²): ги помози рабѹ своѹмѹ |; другая запись: гѹска сологаѹ гѹска | гоꝝѹ кѹае | рас |... [ꙗал]ѹко {ꙗ}ꙗѹстѹ; оборот: а в в г д. См. Попр.—X» [Зализняк 2004: 519].

А. А. Зализняк тщательно анализирует наиболее важные для понимания текста лексемы *гоꝝѹ* и *сологаѹ* (подробнее см. ниже), но нового перевода всё-таки не предлагает, а выдвигает две гипотезы «относительно синтаксической организации записи в целом». Суть первой состоит в следующем. Первая строка, т. е. *гѹска сологаѹ гѹска*, по его мнению, «может быть самостоятельным назывным предложением (вводящим тему или просто восклицательным), которое подхватывается во второй строке повторяющим его словом *гоꝝѹ*³», откуда вывод: «в этом случае перед нами дразнилка, высмеивающая действия не называемого персонажа» [Попр.—X: 100]. Важно отметить, что первая гипотеза относится к части текста до *рас*, следующая, собственно, обрывок *рас |... [ꙗал]ѹко {ꙗ}ꙗѹстѹ*, о семантике которого можно только высказывать предположения различной эвристической ценности, не рассматривается. Вторая гипотеза: «другое синтаксическое решение состоит в том, что первая строка содержит подлежащее всей фразы, а всё в целом — это словесная игра, использующая эффект обценности, умноженный на эффект абсурда» [Там же: 100], причем «эффект абсурда» может быть, как представляется, связан исключительно с асемантической частью текста от *рас* и далее.

И, наконец, общий вывод: «В любом случае есть все основания полагать, что писавший не сочинил этот текст, а лишь записал готовое народно-поэтическое произведение типа дразнилки. Возможно даже, что созвучие между словами *гѹска* (в конце первой строки) и *ꙗѹстѹ*

стяных грамотах нет (не говоря уже о том, что авторы почему-то приняли во внимание только две буквы из отрезка *рас*). Буквы *рас* явно надписаны сверху над следующей строкой. А именно над оторванной ее частью» [Попр.—X: 99].

² Усадьба И Неревского раскопа.

³ Вероятно, это повторение связано с тем, что «слово *гуска* допустимо усматривать <...> в записи *гѹска*» [Попр.—X: 99]. Оно же, трансформированное озвончением (но всё-таки со знаком вопроса), представлено в «Словозказателе к берестяным грамотам»: «*гꙗꙗꙗ жс.: И.ед. гѹска 330 (2х) (?)*» [НГБ VIII: 273; то же: Зализняк 2004: 729].

(в конце третьей) не случайно, а представляет собой рифму (ударение в обеих этих словоформах падало на первый слог)» [Там же: 100].

Наверное, подобное прочтение текста возможно, хотя, безусловно, вопросы всё-таки остаются, особенно если учесть, что текст, судя по всему, написан ребенком, а детское восприятие действительности обычно прямое («что вижу, о том и пишу»), а не умозрительное — с использованием устойчивых языковых клише, к которым следует отнести «готовое народно-поэтическое произведение типа дразнилки». Полагаю, что в связи с этим соображением первую часть текста (до надстрочного рас) следует разделить по-иному, а именно в реконструкции, предложенной А. А. Зализняком, переставить знак разделения частей, именно **гўска сологал | гўска гозў кѡае**, где первая часть представляет собой номинативное предложение (как и в интерпретации А. А. Зализняка), а вторая — простое двусоставное с прямым дополнением. Но возможно, и, не исключено, даже предпочтительно, объединение этих двух предложений в одно с повторяющимся подлежащим в функции своеобразного уточнения (точнее, его номинативной частью, если в **гўска сологал** видеть цельное словосочетание), т. е. **гўска сологал | гўска | гозў кѡае**, или же, но менее вероятно, в соответствии с реконструкцией В. Орла и А. Кулика, — **гўска | сологал гўска гозў кѡае**.

Понятно, что сказуемое со значением ‘futuere; coire’ требует маскулинного субъекта действия, и таким субъектом может быть только синтаксически неделимое словосочетание **гўска сологал** в функции подлежащего, несмотря на его формальный женский род, а не некий, по мнению А. А. Зализняка, не называемый персонаж. Хотя, безусловно, основная семантическая нагрузка падает здесь на адъектив, следует прояснить прежде всего семантику номинатива **гўска**. И В. Орел—А. Кулик, и А. А. Зализняк определяют слово как вариант **гўзка** с естественным в этой позиции оглушением звонкого свистящего и значением (здесь основным) диминутива к ⁺гўзь/⁺гўза⁴ (< *gǫzь/*gǫza/*guzь⁵) ‘задняя часть, зад, anus и под.’, см. выше в переводе В. Орла и А. Кулика: «задница, сладкая задница...». Но по-

⁴ Исторические словари, отражающие лексику древнерусского языка, лексему не фиксируют, однако она легко восстанавливается по производным, ср., напр., **гузно** ‘задняя часть тела у человека или животного’ [Сл. РЯ XI—XVII вв., 4: 155] (конец 15 в.). По более поздним письменным свидетельствам приводится и «**гўзка** (гуска)... 1. Хвостовая оконечность тела птицы, рыбы, насекомого <...> 2. Нижняя, задняя часть чего-л.» [Сл. РЯ XVIII в., 6: 9—10].

⁵ См. [ЭССЯ, 7: 91—92] с соответствующей семантикой большой группы славянских континуантов.

добное толкование вряд ли возможно, так как семантика сказуемого **кбае** предельно однозначна и связать лексемы с этими значениями невозможно без гипотез, весьма далеких от реальности (ср. перевод В. Орла и А. Кулика). Остается предположить, что **гўска** в словосочетании **гўска сологаал** имеет прямое отношение к домашнему птичьему миру, т. е. к гусям и/или уткам. Но в этом случае как раз адъективная часть **сологаал** должна содержать семантику активной маскулинности. Такую единственно возможную семантическую характеристику — в прямой связи с совершенно прозрачным сказуемым — может иметь, как представляется, исключительно самец домашней водоплавающей птицы, т. е. селезень. И если признать за словосочетанием **гўска сологаал** значение ‘селезень’ при том, что, как уже было отмечено, основную нагрузку несет здесь адъектив, то общая семантика предложения **гўска сологаал гўска гоꝝꝛ кбае** в целом прояснится: «Селезень [futuit] гоꝝꝛ». Однако такая возможность пока не была обсуждена.

Разумеется, нуждается в верификации прямое дополнение **гоꝝꝛ**, без которого невозможно завершение перевода; в данном случае следует принять версию А. А. Зализняка, который видит в нём «В. ед. от неизвестного слова *goza*» и продолжает: «Если допустить колебание между безударным *o* и *u*, можно предположить здесь слово *гуза́* — исходного для хорошо известного уменьшительного *гузка* ‘задняя часть’ (особенно у птицы), ‘зад’ с отсылкой к ЭССЯ (см. выше) и сноской: «Впрочем, ввиду неполной ясности рассматриваемого текста в целом, полезно учитывать также существование русск. диал. *гу́за и гуза́* ‘неповоротливый, медлительный, мешковатый человек’, ‘лентяй’ <...>» [Попр.—X: 99]. Это дополнение не представляется обязательным, так как отмеченная семантика носит явные следы метафоричности. Зато в нужном контексте весьма показательны территориально близкое псковское *гу́зка* ‘конец, отверстие прямой кишки у птиц, рыб’ [СРНГ, 7: 207], а также несколько более отдаленное ярославское устойчивое бранное выражение *гу́зя мокрый, гу́зевое мокрое*, которое автор записи — местный этнограф И. В. Костоловский — выводил от слова *гу́зовка* ‘нижняя часть снопа’, что, учитывая обценный характер выражения, не представляется вполне точным⁶, ср. здесь же тек-

⁶ На вторичность значения ‘нижняя часть снопа’ по отношению к ‘задняя часть тела; ягодицы’ обратил внимание А. Б. Страхов [2004: 270]; см. также [Аникин, 12: 208]. К семантике, учитывая адъективы с основой *мокр-*, следует также добавить значения ‘anus’ и, возможно, ‘vulva’, ср., например, *мокрохвостка*, совершившее дрейф от обценной номинации к слову «жаргонизированной разговорной речи» [Мокиенко, Никитина 2000: 354].

стовую иллюстрацию: *Ишь ты налопался, как гу́зеве мокрое* [Там же]. Таким образом, приведенного для *гозѣ* материала достаточно, чтобы завершить перевод законченного предложения грамоты № 330: ‘Селезень [futuít] гуз/(гузку)’.

Однако вернемся к обсуждению адъективной части подлежащего *гѣска сологаа*. В. Орел и А. Кулик определяют значение прилагательного *сологаа* как ‘сладкая’ и связывают его с формами сравнительной степени *слаже*, *соложе* через несколько вычурное «вторичное аналогическое образование» (см. выше). А. А. Зализняк, отметив, что в первой части текста «наиболее загадочно слово *сологаа*», справедливо считает интерпретацию его В. Орлом и А. Куликом как ‘сладкая’ сомнительной, так как она «наталкивается на слишком серьезные формальные трудности», допущение которых (в частности, возможность «редкостного» рефлекса $z < dj$ ⁷) приводит в конечном итоге «к не имеющей никакого правдоподобного морфологического объяснения форме **soldjaja*» [Попр.—X: 99–100].

В качестве «альтернативной гипотезы» А. А. Зализняк предлагает «интерпретацию этой словоформы как И. ед. жен. от *су-лог-ыи* (или *сѣ-лог-ыи*) ‘разделяющий ложе’», приводя несколько соответствующих славянских параллелей, что в конечном счете позволяет ему реконструировать «славянское **sѣ-log-ѣ* (и **sѣ-log-ѣ*)», которое

⁷ В берестяных грамотах находится только один пример подобного рода (грамота № 717), а именно *ноугене* ‘очень’, ‘сильно’ из **нидѣн-*, подробнее см. [Зализняк 2004: 47–48]; далее ссылка на две работы С. Л. Николаева конца 80-х — начала 90-х гг., в которых обосновывается и развивается эта тема. В теоретическом плане иначе в [Крысько 1994: 32–33]; критический разбор номинаций с предполагаемым переходом $z < dj$ [Николаев 1988: 133–135], см. в [Страхов 1994: 253–261]. Однако не вполне ясно, что конкретно имеется в виду в данном случае — возможно, связанные с *солод-* номинации со «сладкой» семантикой корня типа ярсл. *сологѣр*, *сологѣр* ‘корневище тростника’, *сологѣрья* ‘корни камыша, выносимые весной льдом на берег, сладкие на вкус’ [ЯОС, 9: 57] или та же основа с локальным значением ‘рассол’ вроде новг. *сологну́хи* ‘грибы, пригодные для солки (рыжики, грузди и т. п.)’ [СРНГ, 39: 280]; ср. семантически близкое бел. диал. *салодны* ‘соленый’ [Сл. ПЗБ, 4: 355–356]. Справедливости ради следует отметить (и не исключено, что В. Орел и А. Кулик представляли как раз подобное развитие) вероятность реализации в говорах также естественной для соединения *d* и *z* диерезы конечного согласного первой основы (*солод-*) при сложении двух, ср. волог. *сологу́зник* ‘привередливый, разборчивый в еде человек’, *сологу́зница* ‘привередливая, разборчивая в еде женщина’ с дальнейшим развитием экспрессивной семантики: ‘непоседливая, бойкая, разбитная женщина, девочка’, ‘смешливая женщина, хохотунья’ [СВГ, 10: 73].

возможно («хотя здесь и необязательно») — через греческие и латинские соответствия вывести на индоевропейский уровень; подробно см. [Попр.—Х.: 100]. Эта в целом убедительная гипотеза для др.-рус. *сѣложь/сѣложь* ‘супруг, супруга’ [Срезневский, III: 617⁸] из реконструируемых **сулогыи/*сѣлогыи* имеет лишь один, но, увы, определяющий недостаток — не поддающуюся сколько-нибудь реальному объяснению связь с семантикой первого слова в словосочетании, т. е. *гѣска* (или даже с «восстановленным» *гѣзка* — как в «Словоуказателе»).

Если возвратиться к высказанному выше предположению о связи лексемы *сологаа* с семантикой ‘самец домашней водоплавающей птицы; селезень’, следует обратить внимание на полногласное сочетание *-оло-* в корне *солог-*. Элементарная реконструктивная процедура приводит вначале к адъективному корреляту м. р. *+сологий < *solog(tj)* и далее к двум возможным для восточнославянского сочетания модели *tolot* производящим основам **solg-* и **selg-*, общим номинативным продолжением которых в восточнославянских языках было бы **sologь/*сологь (> *солог)* ‘селезень’. Но если рефлекс **solg-* с соответствующей либо близкой семантикой в южно- и западнославянских языках (т. е. лексемы с основами **slag-* и **slog-⁹*) не обнаружены, то аналогичные корреляты для **selg-* с переходом по второй палатализации заднеязычного взрывного в свистящий, а именно **selz-* со значениями ‘селезенка у человека и животных’ (особенно частыми)¹⁰, ‘мальва’ и, наконец, ‘селезень’ хорошо известны и широко распространены, о чем, в частности, свидетельствуют материалы (национальные индексы) по вопросу F 1660 «selzena || solzena селезенка — slezina, slezena — śledziona» [Вопросник ОЛА: 136] и карта № 67 в [ОЛА ФГ, 9: 164–165].

⁸ Примечательно, что в [Сл. РЯ XI–XVII вв., 29] эти слова не приводятся.

⁹ Разумеется, сюда не относятся случаи с позднейшим диалектным развигением вокала.

¹⁰ К **selz-* следует отнести белорусские диалектные гапаксы *салѳіца, салѳаўка* ‘селезенка’ («У каня <...> салѳаўка грае»), зафиксированные только в одном источнике, см. [Ластоўскі 1924: 645], которые [ЭСБМ 12: 52] не вполне корректно возводит к этимону с иным суффиксом, именно **selzena*, продолжением которого было бы **салѳіна* с заударной трансформацией суффиксального *-e-*. Но в любом случае, возможность типологического схождения с новг. *сологаа* очевидна. Следует только иметь в виду существенное авторское начало, достаточно часто проявляющееся в словаре В. У. Ластовского, ср.: «Слоўнік В. Ластоўскага мае выразны індывідуальна-творчы характар...» [Вячорка, Шупа 1994: 288].

Как раз *selg- в отрицательном смысле, в качестве нереализуемой возможности развития неполногласного сочетания модели *telt* в восточнославянских языках, упоминает М. Фасмер, ср.: «селезень, род. п. -зня, диал. *célex* — то же, укр. *селезень*, род. п. -зня, диал. *célex*, др.-русс. *селезень*. || Неудовлетворительна реконструкция *selg-¹¹, потому что из последнего получилось бы *солог...» [Фасмер, 3: 595], — т. е. именно словоформа, реконструированная выше из *СОЛОГАА*.

Если обратиться к хрестоматийным схемам описания результатов развития в (пра)восточнославянских диалектах дифтонгических сочетаний с плавными *or, *ol, *er, *el в интерконсонантных позициях в русле тенденции праславянского языка к открытому слогу, то необходимо кратко констатировать следующее: процесс преобразования первых трех видов этих сочетаний, т. е. *tort, *tolt, *tert, проходил по общей модели, когда появлявшийся в полногласном сочетании второй гласный звук был по качеству идентичен первому: *tort > torot, *tolt > tolot, *tert > teret¹². Иная картина наблюдается в развитии сочетания *telt, где ожидаемое и в определенном смысле естественное *telet* появляется не всегда, а фактически факультативно и как будто бы только тогда, когда первый и последний консонанты слоговой группы *telt были мягкими (или смягчались перед гласными переднего ряда), ср., например, *s'elz'ena → *selezena (> *selezēnka). В большинстве других лексических позиций *telt развивалось аналогично модели *tolt, т. е. в группу *tolot*, кроме случаев, когда первый консонант был заднеязычным и в результате первой палатализации преобразовывался в мягкие шипящие ž', š' и аффрикату č', после которых переход e > o был невозможен¹³. Таким образом, обобщенно схему развития *telt можно представить как *telt > telet/telot/tolot, где *telet* и *telot* возникают только как позиционно обусловленные варианты основной, т. е., как

¹¹ Кстати, именно такую производящую основу еще в конце XIX в. предположил Н. В. Горяев [1896: 316]: «Селез-ен-ь, областн. селех-ъ, малор. селыкъ, селэх-ъ, селезень, пол. *ślizeń*, изъ *slezień; лат. *seležianus*, *zelzines* отъ кор. *селг-<...>».

¹² Последующие изменения вокальных элементов этих сочетаний, а именно сужение гласных, аканье / яканье, нулевая редукция и др., обусловлены позднейшими фонетическими процессами в отдельных диалектах и их группах.

¹³ Разумеется, впоследствии после отвердения аффрикаты и шипящих изменение e > o стало возможным также в первом слоге полногласного сочетания, ср., например, с одной стороны, др.-рус. *жеლობъ* («Александрия Сербская» кон. XV в.: Сл. РЯ XI–XVII вв., 5: 84), а с другой — ст.-укр. и ст.-бел. *жеლობъ* (кон. XV и нач. XVI вв.).

утверждается в литературе, прежде всего учебной¹⁴, рефлексации *telt* > *tolot* с иллюстрациями вроде наиболее частотной **melko* > *молоко*¹⁵.

Между тем представление о переходе **telt* > *telet/telot*, обусловленного только качеством согласных, обрамляющих дифтонгическое сочетание, нуждается в коренном пересмотре, что показали недавние исследования лексических (этимологических) гнезд **telp* (//**tɛlp*/**tɔlp*) и **selp*, проведенных А. И. Илиади [2014] и Л. В. Куркиной [2018]. При этом А. И. Илиади, подробно освещая этимологию и семантику представленных гнезд и генетически (или семантически) связанных с ними корневых континуантов, обращает далее внимание еще на 5 лексем, относящихся «к той немногочисленной группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы *telt* не в виде ожидаемого «классического» *tolot*, как в *молоко* < **melko*, а в виде *telet*», а именно: **belbenʹ* (> укр. диал. *бѣлѣбень* ‘возвышенное и открытое место’), **čelnʹ*, **čelnʹkʹ* (> рус. диал. *челенó* ‘звено бревен в плоту’, *чѣлень* ‘количество паев в поле’, укр. диал. *челенок* ‘в пальце: кость, сустав’), **želsti* (> рус. *желести* ‘платить, искупать вино’), **želd-* (> рус. *ожеледица*, укр. *бжелѣдь*, *ожелѣда* ‘гололедица’), наконец, **teltenʹ* при укр. *Телемень* — название притоков нескольких рек¹⁶.

Однако как бы ни была немногочисленна группа слов, о которой пишет А. И. Илиади, она, как показывает материал (обще/пра)славянских словарей [ЭССЯ; SP; Derksen 2008] и этимологических словарей отдельных славянских языков, также может быть дополнена¹⁷ а) номинациями с однородным развитием **telt* (восточнославянские континуанты с рефлексом *-ele-*): **belna* / **belnʹ* (> *беленá*)¹⁸ ‘белена;

¹⁴ Сравнительно недавно на это было обращено внимание, см. [Илиади 2014: 117] со ссылками на известные учебники по исторической грамматике (истории) русского языка Л. П. Якубинского, П. Я. Черных, В. В. Иванова. Любопытно, однако, что в некоторых новых учебниках, например [Колесов 2008: 56–61], вопрос о полногласной трансформации **telt* просто опускается.

¹⁵ По поводу этой пары см. любопытный пассаж у А. А. Потебни: «Если спросим себя, как *еле* напр.[имер] в предполагаемом *мелеко* могло перейти в *молоко*, то удовлетворительную аналогию для этого перехода будет очень трудно найти» [Потебня 1876: 160].

¹⁶ В качестве иллюстраций приводятся только отдельные восточнославянские продолжения реконструированных праславянских форм с минимальной семантической характеристикой; полностью см. [Илиади 2014: 116–117].

¹⁷ Нижеследующие примеры подробно рассмотрены в [Антропов 2020].

¹⁸ В качестве иллюстраций приводятся только русские наименования (преимущественно диалектные).

паслен'¹⁹; **melnъ*/**melnъ*/**melna* (> *mélen*, *méлень*, *méлена*) 'рукоятка (ручка) жернова и под.; жернов; мельница'; **želza* (> *желзá*) 'железа (в разных значениях)'; б) номинациями с неоднородным развитием **telt* (восточнославянские континуанты с рефлексом *-еле-* / *-оло-*): **melnyje* (> *мелёнье* и *молóнье*) 'смалывание на мельнице; помол; размол'; **melvo* (> *мелево* и *мóлово*) 'помол, процесс помола; зерно для помола', 'что мелется, будет молотиться или смолото; мука' и под.; 'рукоятка жернова ручной мельницы'; в) номинациями с неоднородным развитием **telt* (восточнославянские континуанты с рефлексом *-еле-/ -ело-/ -оло-*): **pelva* (> *пéлёvá*, *пéлёvá* и *пóловá*) 'мякина, полова; отходы при провеивании зерна, молотье'. Всё это позволяет утверждать, что развитие полногласия в восточнославянских языках по модели **telt* > *telet/telot* является столь же закономерным и даже обычным, как и постулируемый до сих пор в литературе переход **telt* > *tolot*.

Это отступление представилось необходимым, чтобы, вернувшись к теме, предположить возможность наличия коррелята с корневым *-еле-* к реконструированному выше **sologъ*/**sologъ* (>**solog*) 'селезень'. Таким вторым элементом коррелятивной пары может быть, естественно, только *сéлег*. В отличие от гипотетического **solog*, не фиксируемого ни в памятниках письменности, ни в диалектах даже в виде гапакса, не имеющего дериватов, исключая производный адъектив берестяной грамоты *солога.а*, лексема *сéлег* (<**селегъ*), хорошо известна в ряде фонетических вариантов и распространена сравнительно широко (но всё-таки в отдельных восточнославянских диалектных регионах), в особенности ее лексикализованный вариант с оглушением финального взрывного после утраты конечного редуцированного — именно *сélex*²⁰, едва ли не постоянно упоминаемый в этимологических словарях в качестве словообразовательной пары к *сéлезень*, ср., например, процитированную выше статью из словаря М. Фасмера.

Высокая вариативность словоформы *сéлег* обусловлена, разумеется, очевидными факторами: ударением на первом слоге и, в связи этим, девиациями заударного *-e-*, переносом ударения на второй слог и, в связи этим, девиациями предударного *-e-*, отвердением

¹⁹ Здесь и далее приводятся только основные значения.

²⁰ Уже А. А. Потебня подчеркивал связь этих наименований, ср.: «Мр. [малорусское — Н. А.] *селехъ* (изъ *селегъ*)...» [Потебня 1876: 167] — вначале со знаком вопроса, а несколько позже уже определенно: «<...> *селех* (т. е. *селег*)...» [Потебня 1879: 6].

начального *с-* и срединного *-л-*, а также оглушением конечного *-г*. Все эти теоретические возможности реализованы во впечатляющем количестве вариантов (9 в белорусских и 23 в украинских говорах), ср. в белорусских: *сэлях, сэляг, сэлях, сэлег, сэлёг, сэлёх, сэлюх, сэлюх, сэлюхь* [ЛАБНГ, 1: 59; Климчук 1968: 67; НЛ: 77, 98; Никончук 1968: 461; Никончук 1979: 194; собств. записи]; в украинских: *сэлег, сэлег, сэлех, сэлех^с, сэлех, сэле^г, сэли^с, сэлиг, сэлек, сэлик, сэлих, сэлих, сэлёх, сэл'о^х, сэлюх, салюх, сэлях, сэляг, сэлях, селях, сэлах, сэлах, сэлох* [АУМ, 1: 68, 2: 74, 3: 25, 52, 117; Лисенко 1974: 192; Никончук 1979: 194]. Географическое распространение приведенных номинаций показывает, что подавляющее количество фиксаций приходится на два региона: Полесье (точнее — белорусскую и украинскую части западного и восточного Полесья), а также левобережье центральной Украины, см. [АУМ, 1: карта № 322 'селезень (*Anas platyrhyncha domestica*)', 2: карта № 333 'качур', 3: карты №№ 111 'селезень (*Anas platyrhyncha domestica*)', 118 'качур (*Anas platyrhyncha domestica*)'; ЛАБНГ, 1: карта № 96 «Качар»].

Иная ситуация с отражениями *сэлег* в русских говорах²¹, где фиксации единичны и при этом сомнительны в плане исконности. В. И. Даль в статье «Селезень» [Даль, 4: 119] приводит *сэлех* в значении 'утиный самец' и с пометой «ниж.-сем.», т. е. Семеновский уезд Нижегородской губ. Но, по данным «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и А. И. Эфрона [ЭСБЕ XXIX: 432–435], значительную часть населения и города Семенова, известного с 18 в. («сперва это была деревня, заселенная раскольниками, бежавшими от преследований»), и Семеновского уезда (со старообрядческими селами по реке Керженец) составляли старoverы. Если же учесть время основания Семенова, то не исключено, что какую-то часть (возможно, и основную) переселенцев, последователей древлеправославной веры, составляли выходцы из Ветки (ныне Гомельская обл. Беларуси), подвергшиеся дважды, в 1735 и 1764 гг., т. н. «выгонкам», организованным Екатериной II, в результате которых до 40 тысяч их насельников были изгнаны с родных мест. Такого же рода, вероятно, *сэлех (сэлих)* 'селезень; самец дикой утки', отмеченный в Мордовии в селе Суподеевка [СРГТМ: 1132]. Других фиксаций не обнаруживает даже

²¹ В известной «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» 1947 г. вопроса о названиях селезня нет, поэтому, естественно, нет и соответствующей карты в обоих лексических выпусках атласа.

весьма репрезентативный «Русский диалектный гизаурус». Таким образом, можно констатировать отсутствие лексемы *сѣлег/сѣлех* на русской диалектной территории²², где основной номинацией со значением ‘самец водоплавающей птицы’ является фактически безальтернативный *сѣлезень*.

Между тем традиция связывать оба наименования, т. е. *сѣлег/сѣлех* и *сѣлезень*, идущая от А. А. Потебни и Н. В. Горяева, оказалась востребованной в этимологических словарях восточнославянских языков, в том числе русских, однако, если предшественники представляли эту связь в структурном и, разумеется, семантическом аспектах вне деривационной иерархии (производное — производящее²³), то последователи, начиная от А. Г. Преображенского [Преображенский, 2: 272], апеллируют к А. Брюкнеру, который высказался в пользу вторичности *селех* по отношению к *селезень* следующим образом: «<...> Formen mit augmentativem und pejorativem Nebensinn, doch sei der Bequemlichkeit halber der Name Kurzform beibehalten. Ebenso alt ist <...> russ. <...> *selech* “Enterich” zu *selezeń* dass.» [Brückner 1910: 304]. Безусловно, объяснение причины появления краткой формы с полной утратой финали (суффикса?), т. е. совершенно внелингвистическое ‘удобство’ (*Bequemlichkeit*), едва ли может быть признано удовлетворительным.

На реальный статус сокращенной от *селезень* формы может претендовать рус. диал. (среднеобск.) гапакс *сѣлезь* с полным сохранением основы: *Утки бывали, селези* [СРНГ, 37: 131]. Еще более заманчиво было бы видеть в этой номинации прямой континуант исходного **selezь* (< **selzь*), но единичность фиксации и восточносибирская локализация делают это принципиально невозможным.

А. Г. Преображенский, ссылаясь, как было сказано выше, в конце словарной статьи «Сѣлезень» («Форма селех из селезень, как прах из прасол, лох из лосось и т. п.») на А. Брюкнера, рядом с ним также

²² В [СРНГ, 37: 129] находим самар. *сѣлегень* с пометой «фольк.[лорное]», однако сначала А. Б. Страхов [2004: 320], а затем В. В. Шаповал [2016: 235–236], подробно проанализировавший текст русской хороводной песни, опубликованной в 1862 г., откуда взяты и слово, и строфа в качестве иллюстрации, показали, что это типичный «лексикографический фантом» со смешением рукописного написания *г* и *з*.

²³ Ровно такой же позиции придерживается современный украинский этимологический словарь гнездового типа, в котором в статье «Сѣлезень» без каких-либо комментариев приводится несколько диалектных вариантов лексемы *сѣлег* [ЕСУМ, 5: 298]; ср. также [Шевельов 2002: 127].

упоминает раннюю работу Х. Педерсена, и можно предположить, что позиции двух ученых здесь если не одинаковы, то близки, но в оригинале находим нечто иное, а именно «<...> r. *selech* “Enterich” neben *selezень* ist mir dunkel <...>» [Pedersen 1895: 56]. Полагаю, что именно поэтому сомневающегося датского индоевропеиста более не вспоминали, причем даже исключительно корректный в ссылках М. Фасмер [Фасмер, 3: 595], см.: «Форма *célex* сокращена [в немецком оригинале «Kurzform». — Н. А.] из *céлезень*» с упоминанием только статьи А. Брюкнера. Белорусский этимологический словарь упрощает еще более: «Сéлех <...> Ад *селязень*, гл. (Брукнер... Фасмер...)» [ЭСБМ, 12: 50], — однако с продолжением «... з магчымым гіпакарыстычным -х- (-ch-)» и отсылкой к соответствующему подразделу очерка праславянского словообразования Ф. Славского в [SP, 1: 71]. Но Ф. Славский, отмечая в начале параграфа «Suf. -chъ», что «niewiele jest rzeczowników z wyraźnym suf. -chъ» [Там же: 70], среди перечисленных немногочисленных примеров лексемы *célex* всё-таки не приводит, так что идея гипокристики для этого слова не подтверждается.

Постулированную (но всё-таки лично для себя — «ist mir») Х. Педерсеном «темноту» в паре *célex* — *céлезень* осветил С. Б. Бернштейн, фактически разведя эти наименования во времени и пространстве: «Локального и сравнительно позднего происхождения восточнославянский *селезень*, имеющий и иную словообразовательную структуру (ср. укр. *селех*, умен. *селешок*)» [Бернштейн 1974: 166]. Безусловно, находящийся ныне в распоряжении исследователей геолингвистический и лексикографический материал позволяет уточнить характеристику «локальное», так как географическое распространение лексемы *селезень* и ее вариантов на всей исконной территории русских говоров, севере и востоке Беларуси, центре (кроме западной части), востоке (исключая Черниговщину) и юго-востоке Украины никак не может считаться локальным, если, конечно, не имелась в виду сугубо восточнославянская локализация наименования на общеславянском фоне.

Больше формальных оснований имеет тезис о сравнительно позднем происхождении *селезень*, хотя его восточнославянская география этому в принципе противоречит. Но действительно, и [Срезневский, 3: 325], и [Сл. РЯ XI–XVII вв., 24: 41], имея в виду один источник, а именно «Псковскую судную грамоту», относят это наименование к XV в. Немного позже фиксируется старобелорусское *селезень*, и тоже в памятнике права — «Статуте Великого княжества Литовского» 1529 г. [ГСБМ, 31: 195]. П. Я. Черных в этимологическом слова-

ре, ссылаясь на «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, отмечает, что прозвище *Селезень* и фамилия *Селезнев* также появляются в XV в. [Черных, 2: 151]. Но в словарной статье «Селезень» Н. М. Тупиков приводит еще более раннюю, конца XIII в. (1280 г.), фиксацию прозвища из Ипатьевской летописи (собственно, Волынской): «Отряди <...> Кафилата Селезенца»²⁴, воевода Волынский» [Тупиков 1903: 353], — где должно обратить внимание на волынскую (западнорусскую той эпохи) территориальную привязку наименования.

Однако, утверждая поздний характер появления лексемы *селезень* как возникшей исключительно на восточнославянской языковой почве, следует иметь в виду наличие структурно близких южнохорватских²⁵ диалектных коррелятов со значением ‘селезень’ («*mužjak od patke grivne*»), которые впервые ввел в научный оборот М. Хирц, а именно *slezen* и *slezenjak*, а также названиях самок селезня, т. е. уток, с этой же основой: *slezenka*, *slezinka*, *slezenjača* [Hirtz, II: 442]. П. Скок, ссылаясь на небольшую словарную подборку популярных названий птиц будущего епископа Дубровника М. Водопича [Vodopić 1880: 33], указывает также на наименование селезня с «чистой» основой, т. е. *sljez* [Skok, 3: 139]. В том же регионе (Konavle) почти через столетие известным хорватским орнитологом Д. Рущнером отмечен и его вариант — *šjez* [Rusner 1970: 196]. На «сербохорв. диал.» наименование обратил внимание в дополнении к словарной статье «Селезень» русского перевода словаря М. Фасмера О. Н. Трубачев, и почти невозможно представить, что С. Б. Бернштейн его не учел²⁶. Но тогда представляется вполне вероятным, что факт наличия прямых хорватских соответствий восточнославянским наименованиям мог осмысливаться ученым как местная узколокальная диалектная инновация позднего времени²⁷. Впрочем, это предположение о движении мысли С. Б. Бернштейна доказать, конечно, невозможно.

²⁴ Это сокращенная и неточная цитата из летописи, ср. оригинал: «Володимѣръ же ѡрѣди к њмоу люди добрыи и Кафилата. с ними же Селезенца» [в Хлебниковском и Погодинском списках — селезенцы — Н. А.] [ПСРЛ, 2: 882].

²⁵ В [Skok 3: 139] фиксации уточняются: «Kotari u Dalmaciji», «oko Nina, Dalmacija».

²⁶ Правда, и совершенно отрицать это также нельзя: в списке словарей к упомянутой монографии 1974 г. представлен не русский Фасмер, третий том которого увидел свет в 1971 г., а гейдельбергский оригинал 1950–1958 гг.

²⁷ Известно, что славяне начали заселять западное побережье Адриатического моря с VII в.

Изложенное позволяет с уверенностью констатировать поздне-праславянское диалектное — (пра)восточнославянское — развитие корня *selg- в обеих возможных полногласных реализациях, а именно *сологъ и селегъ, со значением ‘селезень; самец водоплавающей птицы’. Единственным продолжением первого наименования является адъектив **сологаа** новгородской берестяной грамоты № 330, который, таким образом, выводится из изоляции; континуанты второго широко представлены в украинских и белорусских диалектах. При этом их следует отделить от восточнославянских лексем, продолжающих праславянский корень *selz- (> селезень и вар.) с этой же семантикой, хотя, безусловно, предполагаемая генетическая связь *selg- и *selz- должна быть исследована особо²⁸. Столь же актуальной является интерпретация очевидной геолингвистической дистрибуции диалектных континуантов обеих корней.

И, наконец, открытым пока остается вопрос об этимологии и исходной семантике прасл. *selg- с учетом индоевропейских и, не исключено, ностратических соответствий. Во всяком случае, вызывают обоснованные сомнения его звукоподражательное происхождение [Фасмер, 3: 595; ЭСБМ, 12: 52], а также сопоставления с цветом мальвы [Skok, 3: 139], селезенки [Matzenauer 1892: 249; Черных, 2: 151] или желчного пузыря [Вайан 1960: 67].

Возможно, следует вернуться к существу гипотезы, выдвинутой еще А. А. Потебней: «Мр. *селех* (из *селег*?) *селез-ень*, самец утки, может первоначально значить вообще самец <...>» [Потебня 1876: 167], — конечно, без приводимой им санскритской параллели (*сардж*), однако с поиском реальных соответствий аналогичного или близкого семантического наполнения в новейших источниках и литературе.

Литература

- Аникин, 12 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 12. М., 2018.
- Антропов 2020 — Н. П. Антропов. Дифтонгические сочетания модели **telt*: вновь о восточнославянских отражениях // Gwary Dziś. [Vol.] 12. Poznań, 2020. S. 95–107.

²⁸ Ср.: «Ще більші труднощі виникають у прикладах з *ele*. У загальне правило відносно добре вписуються такі випадки: діал. *célex* ~ *céлезень* ‘качур’ — рос. *селезень*, серб.-хорв. діал. *slezen* ~ *sljez* пасує з огляду на акцентуацію, але щодо дальших етимологічних зв’язків певності немає» [Шевельов 2002: 127].

- АУМ — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
- Бернштейн 1974 — С. Б. *Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Вайан 1960 — А. *Вайан*. Славянское название селезенки // Вопросы языкознания. М., 1960. № 6. С. 66–67.
- Вопросник ОЛА — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1965.
- Вячорка, Шупа 1994 — В. *Вячорка*, С. *Шупа*. Ластоўскі Вацлаў Юстынавіч // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994. С. 287–289.
- Горяев 1896 — Н. В. *Горяев*. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- ГСБМ, 31 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 31. Мінск, 2011.
- Даль, 4 — В. И. *Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / Под ред. [и с пред.] И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. СПб.– М., 1909.
- ЕСУМ, 5 — Етимологічний словник української мови. Т. 5. Київ, 2006.
- Зализняк 2004 — А. А. *Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Илиади 2014 — А. И. *Илиади*. Этимологический комментарий к нескольким славянским изоглоссам в труде А. А. Шахматова «К истории звуков русского языка» // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. праць. Вип. 29. Вінниця, 2014. С. 111–120.
- Климчук 1968 — Ф. Д. *Климчук*. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Колесов 2008 — В. В. *Колесов*. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2008.
- Крысько 1994 — В. Б. *Крысько*. Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализация) // Вопросы языкознания. М., 1994. № 5. С. 28–45.
- Куркина 2018 — Л. В. *Куркина*. К реконструкции этимологического гнезда с основой **telp-* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18: Этимология. М., 2018. С. 131–142.
- ЛАБНГ, 1 — Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1. Мінск, 1993.
- Ластоўскі 1924 — В. *Ластоўскі*. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.
- Лисенко 1974 — П. С. *Лисенко*. Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Мокиенко, Никитина 2000 — В. М. *Мокиенко*, Т. Г. *Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- НГБ VI — А. В. *Арциховский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

- НГБ VIII — А. А. Зализняк. Словоуказатель к берестяным грамотам // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 260–306.
- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Никончук 1968 — Н. В. Никончук. Полесские названия птиц // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Никончук 1979 — М. В. Никончук. Матеріали до лексичного атласу української мови: Правобережне Полісся. Київ, 1979.
- НЛ — Народная лексика / Рэд. А. А. Крывіцкі, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1977.
- ОЛА ФГ, 9 — Slovanský jazykový atlas. Foneticko-gramatická série. Sv. 9. Reflexy **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, **ort*, **olt*. / Odp. red. Martina Ireinová, Petra Přádková [= Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 9. Рефлексы **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, **ort*, **olt*]. Praha, 2019.
- Орел, Кулик 1995 — В. Орел, А. Кулик. Заметки о берестяных грамотах II // Russian Linguistics. 1995. № 19. P. 381–390.
- Попр.—X — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Том X. М., 2000. С. 82–122.
- Потебня 1876 — А. А. Потебня. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.
- Потебня 1879 — А. А. Потебня. О некоторых случаях влияния нёбности на согласные звуки // Русский филологический вестник. Т. II. [№ 3]. Варшава, 1879. С. 1–44.
- Преображенский, 2 — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1914.
- ПСРЛ, 2 — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908.
- СВГ, 10 — Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 10. Вологда, 2005.
- Сл. ПЗБ, 4 — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 4. Мінск, 1984.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
- Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–. Л./СПб., 1984–.

- Срезневский, III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912.
- СРГТРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— Л./СПб. — М., 1965—.
- Страхов 1994 — *А. Б. Страхов*. Критические заметки по поводу некоторых черт ‘кривичского’ диалектного наследия в работах С. Л. Николаева // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge, Massachusetts, 1994. P. 249–311.
- Страхов 2004 — *А. Б. Страхов*. По страницам *Словаря русских народных говоров* (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge, Massachusetts, 2004. P. 254–324.
- Тупиков 1903 — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Фасмер, 3 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. Т. 3. М., 1971.
- Черных, 2 — *П. Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994.
- Шаповал 2016 — *В. В. Шаповал*. Теория и практика верификации словарных данных на основе источников // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2016 <http://www.ruslang.ru/doc/diss/shapoval.pdf> [Электронный ресурс] (дата обращения 28.09.2020).
- Шевельов 2002 — *Ю. Шевельов*. Исторична фонологія української мови. Харків, 2002.
- ЭСБЕ XXIX — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXIX: Сахар — Семь мудрецов. СПб., 1900.
- ЭСБМ, 12 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 12. Мінск, 2008.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. вып. 1— М., 1974—.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: Учебное пособие. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Brückner 1910 — *A. Brückner*. Etymologische Glossen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. 43. Bd. 4. H. Vandenhoeck & Ruprecht, 1910. S. 301–327.
- Derksen 2008 — *R. Derksen*. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden–Boston, 2008.

- Hirtz, H — *M. Hirtz*. Rječnik narodnih zooloških naziva. Knj. II: Ptice (aves). Zagreb, 1947.
- Matzenauer 1892 — *A. Matzenauer*. Příspěvky ke slovanskému jazykospytu // Listy filologické. [Vol.] 19. Praha, 1892. S. 249–256.
- Pedersen 1895 — *H. Pedersen*. Das indogermanische *s* im Slavischen // Indogermanische Forschungen: Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Fünfter Band. Strassburg, 1895. S. 33–87.
- Rucner 1970 — *D. Rucner*. Prilog poznavanju narodne nomenklature ptica s područja Konavala (Dalmacija) // Godišnjak Zavoda za Ornitologiju JAZU. Vol. 21–22. Zagreb, 1970. S. 195–196.
- Skok, 3 — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3. Zagreb, 1973.
- SP — Słownik prasłowiański. T. 1—. Wrocław [etc.], 1974—.
- Vodopić 1880 — *M. Vodopić*. Popis pučkijeh ptičijih imena // Slovinac. Br. 2. Knj. III. Dubrovnik, 1880. S. 30–33.

Марина А. Бобрин

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

НАДПИСИ НА ИКОНЕ
ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ
ИЗ СТАРОГО УСПЕНСКОГО
СОБОРА РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ*

Икона св. Параскевы из (старого) кафедрального Успенского собора Рязанского кремля (Илл. 1) много пережила. Несколько раз ее переписывали, не раз переносили: в XVIII в. в Архангельский собор кремля, в 1923 г. в Рязанский краеведческий музей, а в 1938 г. в Ташкент. В Государственном музее искусств Узбекистана икону в 1956 году обнаружили, обследовали, датировали; там она и хранилась (без инвентарного номера) до самого последнего времени. В 1960-е годы икона прошла реставрацию (руками Евгении Михайловны Кристи), в ходе которой был открыт первоначальный слой XV в.; отдельные фрагменты позднейшей записи (кисти левой руки, свитка) были сохранены. Реконструкция разновременных слоев иконописи в ходе реставрации составляет основной предмет статьи искусствоведа-реставратора Виктора Васильевича Филатова [Филатов 1971].

При реставрации выявились и первоначальные надписи на лицевой стороне. На правом поле читается черная вкладная запись (так называемая летопись). Когда-то она шла не по самому краю: поля у иконы, как обнаружили реставраторы, опилены. Надпись у образа святой сделана киноварью, сохранилась она тоже не полностью.

Именно надписи, прежде всего вкладная, стали основанием для датировки и локализации иконы. Упоминание во вкладной записи рязанских владык — светского, великого князя Ивана Федоровича (княжил в 1417–1456 гг.), и духовного, епископа Ионы (на кафедре с 1430/31 или 1437 по 1447 или 1448) — стали «основным доводом в пользу того, что икона происходит из Рязанского княжества» [Там же: 177], и образ Параскевы поныне считается едва ли не единственным бесспорным памятником рязанской иконописи.

Тем не менее, сопоставление фотографии иконы с чтением В. В. Филатова в его статье (осуществляемая единственной специальной

* Исследование выполнено по гранту № 19-18-00352 Российского научного фонда, предоставленному Институту славяноведения РАН.

публикацией на эту тему) убеждает в том, что чтение это неудовлетворительно и требует пересмотра. Вопрос о происхождении иконы вновь оказывается открытым. Но все же именно надписи и их язык способны, как кажется, указать направление дальнейшего искусствоведческого поиска.

Вкладная надпись сохранилась не полностью: если учесть возможность лигатур, которых в надписи много, в начале лакуна примерно в 6–7 букв, в конце — в две буквы. В. В. Филатов [Там же: 177], читает основную часть текста следующим образом (привожу по упрощенной и модернизированной записи в публикации):

... потужники на память а писана бысть месяца августа 29 при княжении великого князя Ивана Федоровича при епискупе Ио[не]

Предложенная В. В. Филатовым реконструкция имени епископа Ионы бесспорна. В остальном интерпретацию древнерусского текста в публикации следует признать совершенно произвольной. Три частично сохранившиеся и поддающиеся довольно надежному восстановлению буквы в начальной части В. В. Филатов почему-то игнорирует, но твердо пишет о том, что в начале утрачена дата, и сосредоточивает усилия на уточнении датировки, которая определяется одновременностью княжения Ивана Федоровича и епископства Ионы (т. е. периодом 1430–1448 гг.). Словоформу *потужники* В. В. Филатов без запинки выводит из *туга* и вне грамматики конструирует фантастический смысл: «Называя себя потужниками, князь и епископ несут нам весть, что они или подвластный им народ претерпели какую-то большую беду» [Там же: 188], далее исследователь погружается в поиски большой рязанской беды. Усмотреть за этим рассуждением разумную древнерусскую фразу невозможно, и разговор о вкладной надписи на иконе Параскевы нужно начинать заново.

Прежде чем предложить свое понимание записи, приведу ее сохранившуюся часть в орфографии оригинала. Здесь и далее лигатуры не воспроизвожу и не отмечаю (их видно на иллюстрациях, см. Илл. 2, а–в); выносные буквы передаю строчными; в квадратные скобки [...] заключаю частично сохранившиеся буквы, в круглые скобки (...) — конъектуры:

... [ЮР]У - - - ПОТУЖЬНИКЪТ НА ПАМѦТЬ А ПИСАНА
БЫ[с] . М[с]ЦА-ВГУСТА . КФ[.] ПРИ КНѦЖЕНЬИ ВЕЛИКОГО
КНѦЗ ИВАНА ФЕДОРОВИЧА ПРИ ЕП[с]ПѦ ІОѦ(НѦ)

На границе слов *мѣца августа* в результате гаплоглогии сохраняется только одно *а*. Именование князя следует читать *князь Ивана Федоровича*; такое «сращение» титула и имени обычно для летописей и деловых документов эпохи.

Графика и орфография надписи заслуживают специального внимания. Надпись сделана декоративным заголовочным письмом. По начертаниям оно относится к сфере западнорусских почерков, из которых в XV–XVI вв. выйдут шрифты ранних западнорусских типографий (Ф. Скорины, братьев Мамоничей).

Орфография вкладной обнаруживает характерные черты правил, принятых в деловой письменности западнорусских территорий в границах Великого княжества Литовского.

Наиболее яркая черта — отсутствие в наборе букв юса малого (А) и исключительное использование йотированного А (ІѦ) для обозначения [ʼа] после мягкого во всех позициях¹. В восточнорусских памятниках письменности в эту эпоху основной моделью распределения продолжала оставаться такая: ІѦ — в начале слова/слога и после гласных, А — в остальных случаях [Дурново 2000: 410; ср. Живов 2006: 244]. Иначе в памятниках с территорий Великого княжества Литовского: для них в эту эпоху характерны системы с перевесом в пользу ІѦ во всех позициях. Говоря об этой особенности в языке Литовского статута (1488 г.), В. П. Мякишев [Miakiszew 2008: 76–77] ссылается на более общие наблюдения В. В. Аниченко и А. Н. Булыко. В надписи на иконе Параскевы, насколько позволяет судить ее небольшой материал, используется простая система, в которой юс полностью замещен йотированным А.

Менее специфична орфограмма *жь* в форме *потужьники*. Системы распределения Ъ и Б в эту эпоху достаточно разнообразны и имеют фонетико-орфографический (не фонологический) характер. Рассматривая надпись на иконе Параскевы, говорить о распределении еров невозможно, так как в ней есть только Б (если не считать Ъ в составе буквы еры в *потужьники*). Все три случая его употребления допускают фонетическое объяснение: обозначение мягкости (или смягченности) предшествующего согласного в *память* и *потужьники* и, кроме того, обозначение [j] в позиции перед гласным в *княженъи*. Написание *потужьники* любопытно, тем не менее, с точки зрения региональной окраски. Смягченное (польского типа) произношение шипящего характерно для ряда диалектов западной зоны,

¹ Со «вторым южнославянским влиянием» эта проблематика никак не связана.

ср. [Бобрик 2007: 161]. Дополнительно замечу, что в западнорусской письменной традиции, на которую указывает графика нашей надписи, еры регулярно используются в группах согласных, особенно в суффиксах *-ьств-*, *-ьск-*, *-ьн-*, *-ьш-*; выбор редуцированного в ряде памятников зависит именно от мягкости/твердости предшествующего согласного² [Miakiszew 2008: 78]. К этой категории написаний — с *ь* для обозначения смягченного произношения [ж] и, возможно, гласного призвука — можно отнести и обсуждаемый случай.

Отмечу, наконец, отсутствие буквы *Ѡ* и употребление на ее месте *Ѳ* — в числовом значении '9' (в обозначении дня) и в корне *Ѡедор-* (*Федоровича*). Эта графическая черта известна, кроме западнорусской деловой письменности [Miakiszew 2008: 84], также в киевской и в новгородской эпиграфике [Гиппиус, Дробышева 2020: 61].

В целом графико-орфографическая система надписи на иконе Параскевы избегает вариативности — одна [’а]-графема (*Ѡ*), одна *у*-графема (*Ѳ*), одна *Ѵ*-графема (*Ѳ*) — и в этом смысле может быть отнесена к области систем «бытового» типа.

Морфология надписи стандартная позднедревнерусская. Церковнославянизм здесь, по сути, один — аорист *бысть*. Единственная форма Р. ед. *великого* с инновационным окончанием допустима в нормах деловой письменности [ИГДРЯ: 245], в западнорусских деловых памятниках «простой мовы» она доминирует [Miakiszew 2008: 241–242]. Здесь она малопоказательна, потому что ее не с чем сопоставить³.

Формулировка *писана в такой-то день* обычно обозначала день завершения работы иконописца⁴, то есть *писана* значит 'дописана'.

Перевод второй фразы надписи таков:

‘А завершена в 29-й день месяца августа в княжение великого князя Ивана Федоровича, при епископе Ионе’.

² Ср. ниже примеры контекстов со словом *потужникъ*, из которых видна вариация *ъ/ь* на письме.

³ Без дяди нет и племянника, как говорил Михаил Викторович Панов, иллюстрируя на лекциях понятие системы.

⁴ Можно было бы предположить, что перед нами «обыденный образ», созданный в один день по обету. Так, в некоторых севернорусских местностях принято посвящать Параскеве-Пятнице обыденный плат или пелену, которую ткали в канун празднования дня памяти святой. Однако в предположении такого рода в данном случае нет нужды — как потому, что икона такого высокого качества исполнения, как эта, не могла быть написана за один день (обыденные вещи обычно грубой работы, важно именно само однодневное усилие), так и по соображениям, о которых далее идет речь в статье.

Что касается начала надписи, то для его понимания необходимо сперва уточнить значение опорных слов и, насколько возможно, восстановить конструкцию фразы.

Важную роль играет слово *потужникъ*. Из современных восточнославянских языков оно засвидетельствовано только в украинском (см. ниже); существует чешская фамилия *Potužník* (> австр. *Potuznik*). В исторические словари русского и украинского языка⁵ это слово не вошло — тем не менее, оно регулярно встречается в деловых документах XV–XVI вв. с территориями Великого княжества Литовского.

Так, в полоцких грамотах XVI в. слово *потужник* появляется, например, в контексте уплаты натуральных повинностей жителями определенной волости: потужником называется сторонний помощник в обработке земли и, соответственно, в уплате повинностей, например: нещержане [жители волости Нещередское] с **потужником** Даишеном [Хорошкевич 2015: 406].

В Русской (Волынской) метрике, содержащей документы о шляхте, один из многочисленных примеров находим в заголовке документа 1585 года об определении границ владений: «Лимитація межи воеводою смоленскимъ а Кубилинцами и **потужьники** ихъ» (РГАДА, фонд 389, опись 1, Дело 198, л. 6)⁶.

Для понимания значения этого слова в особенности показателен контекст судебного акта 1549 г. из Литовской метрики, в котором *потужник* варьирует с очевидно синонимичным ему словом *помочник*, ср.: «...суда <...> которым его судили з мешанином гор(оденьским) же Сен(ь)ком Дорохвеевичом **и с потужьники** его, ѿ пашню местскую» (в заголовке), — а также: «... ижъ тотъ Сенько Дорохвъѣвич **и с потужьниками** своими к тои пашњи близкости жадной не мають» (в тексте документа), — наряду с: «... где оныи Сенько Дороховеич **и с помочьники** своими того сказан(ь)а ... не принять» [АЗР 2018: 355]. В близком смысле в деловом языке Великого княжества Литовского употреблялось слово *приятель*: например, помощников мытника могли называть и приятелями, и потужниками [Жеребцова 2011: 115]. Потужники, поплечники, сябры, товарищи ставятся в исторической литературе в один ряд категорий участников хозяйственных отношений в Великом княжестве.

⁵ В Словаре староукраинского языка XIV–XV вв. слова *потужник* нет, а Львовский исторический словарь украинского языка XVI–XVII вв. до буквы «П» еще не дошел.

⁶ В версии на «простой мове» по имени назван только главный род, в более поздней польской версии того же заголовка «потужники» — представители других шляхетских родов — перечислены.

В основе слова лежит семантика участия своей силой — «потугой» — в каком-то общем деле (ср. рус. *потуга* ‘усилие’, пол. *potęga* ‘сила, мощь’). Значение суффикса *-ник-* в данном случае — то же, что и в *помощник* по отношению к *помощь*⁷. Именно в значении ‘союзник, помощник, доставляющий помощь своею силою’ сохранялось это слово в украинском [СУМ, 3: 383].

Термином *потужник* могут называться обе стороны таких отношений товарищества, как, например, в одном судебном разбирательстве род Каневцев, с одной стороны, и староста (войт) Панко и некий Митко — с другой: «На то от Каневцов **потужники** их Панко Бородович, войт, а Митко Зенкевич, стоячи от всих **потужников** своих Каневцов и подвезавшися достояти за них права» [АЮЗР 1907: 39].

Нельзя, впрочем, исключить и возможной иерархии отношений в случае, когда по имени назван только один человек или род, а другие участники ситуации обозначены как группа «потужников» (как, в частности, в нашей надписи на иконе Параскевы). Например, это может быть род вассальной зависимости от сюзерена. В шляхетской среде вокруг земельного владения «можновладельца» (магната) основывали свои сёла шляхтичи-вассалы — «потужники» по отношению к основному землевладельцу. В крестьянской среде Великого княжества Литовского отношения «потужничества» были связаны в обработке земли и налогах представители основного рода (двора, хозяйства) и сторонние помощники, которые основывали свои дворы вокруг основного.

⁷ Др.-рус. и диалектные севернорусские слова вокруг **tog-* имеют ряд регулярных соответствий в ст.-пол. и польском гнезде вокруг **tęg-* [Фасмер, 4: 113–114], ср., например: вологодское *потужный* (в знач. сущ.) ‘крепкий, плотный (о человеке)’; то же вологодское, тверское (в знач. прилаг.) ‘дающий силу, питательный (о сене)’ [СРНГ, 30: 314]. В ряде слов семантически близкого лексического гнезда **-tęg-* содержится идея совместного усилия; так, например, в памятниках северо-западного (новгородского и псковского) происхождения встречаются глаголы *потягнути* (*потянути*) и *потяжати* ‘принять участие в деле, требующем больших усилий, напряжения’, в новгородских пергаменных грамотах нередко в военном смысле (*с кем за кого*): «Тобѣ **потянути** за Новѣгородъ съ братомъ своимъ съ Даниломъ и съ мужи съ Новѣ(го)родьци» [СлРЯ XI–XVII вв., 18: 34–35]; ср. в др.-рус. XVII в. *потуга* ‘военная сила, войско’, вероятно, под влиянием пол. *potęga* [Там же: 28]. В библейских контекстах встречается *потягнути* ‘поработать, потрудиться на кого-л., послужить кому-л.’ (например, царю), ‘поработать в качестве тяглового скота’ [Там же: 5]. Метафора упряжки для совместного усилия (ср. рус. *делать что-то в одной упряжке*) лежит также в основе слов *супруг* и *супруга* (**sq-rog-/ręg-*), *свпращьница* [Фасмер, 3: 805], ср. *потугъ* ‘подать, тягло’ и его синоним *потягло* [СлРЯ XI–XVII вв., 18: 28, 34; Даль, 3: 359].

Итак, слово *потужникъ* — югозападнорусский регионализм, укорененный в социальных реалиях Великого княжества Литовского. В каком бы конкретном социально-экономическом смысле ни были связаны друг с другом вкладчики иконы, достаточно точным переводом термина *потужник* будет, думаю, ‘товарищ’⁸.

Теперь о конструкции. Перед формой Тв. мн. *потужьники* надежно восстанавливается предлог *с* (видна верхняя головка буквы), отсутствие редуцированного стандартно [Miakiszew 2008: 96]. В документах чаще других встречается именно конструкция *с потужьники: с отцом, братом и с потужьники* (позднее: *с потужьниками*), *с братией и с потужьники, с братией и с потужьниками их* etc. Для примера приведу фрагмент из грамоты 1525 г. полоцкому воеводе Петру Кишке об освобождении жителей Себежской волости от всех даней и повинностей («бобровщины и тивунщины») на четыре года по причине разорения их московскими и литовскими ратными людьми:

Жикгимонт, Божьею милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский. Мазовецкий и иных, // воеводъ Полоцкому, старостъ Дорогицкому, пану Петру Станиславовичу. Били нам чолом люди наши Себѣжскоѣ волости, на имяа Ѡма Новиков, а Гридко Холков, а Кузьма Пасынкович и **с потужьники** своими, и повѣдили перед нами, штож они съдят на границы Псковской, и обобраны и скажоны суть от людей неприятеля нашего Московского, а к тому от служебных наших, которые мѣшкали на замку нашем Полоцком; и для дей того многии з них з домов своих проч ся розошли, а которые ся ещо там зостали, и тыи даней и инших подачок наших и бобровщины и тивунщины недужи давати <...> [АЗР 1848: 159, № 133].

Левее предлога в надписи был назван основной вкладчик иконы: ‘NN... с товарищами’. Начальные три буквы имени видны достаточно хорошо, и они могут, кажется, относиться только к варианту имени *Юрий*, начинающемуся на *Юру-*. Это может быть имя *Юруш*, до сих пор сохраняющееся в белорусском и украинском именованных (ср. фамилии *Юруш*, *Юрушев*), или *Юрусь* (в полонизированном варианте — *Юруц*, ср. пол. *Jurusz*). Выбор между этими возможностями нужно оставить открытым. Итак:

[ЮР]У(Ш/Щ/С)- (С) ПОТУЖЬНИКИ

⁸ Возможно, близкое значение имел и термин *истужьникъ*, отмеченный в смоленской грамоте 1150 г. по списку XVI в. В словарях [Срезневский 1989, 1: 1154; СлРЯ XI–XVII вв., 6: 338] это слово осталось без дефиниции.

Падежная форма имени зависит от формулярной конструкции. Восстановить ее помогает выражение *на память*. В близких по времени сообщениях о вкладе встречаются (часто в конструкции с формой глагола *дати*) синонимичные выражения *в поминание*, *в поминок*, *на воспоминание*, а также *в память* и *на память кому* [СлДРЯ XI—XIV вв., 6: 348; 7: 130, 132, 133]. Общее для всего ряда значение — ‘(дать что-то) с тем, чтобы самого дающего или того, кого он назовет, упоминали в евхаристической молитве на литургии’; имя ставится при этом в форме Дат. Выражение *на память кому* иллюстрируется в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв. [СлДРЯ XI—XIV вв., 6: 348] формулярной цитатой из полоцкой грамоты последней четверти XIV в.:

С(е) азъ андрѣи. данильевичъ... даю сельце... стои тр(о)ци. оію. своему. матери. и своему. племени. **на памать.** и себе **на памать.**

Конструкцию с Дат. с большой вероятностью можно восстанавливать и в разбираемой надписи на иконе⁹:

[ЮР]У(ШУ) / [ЮР]У(ЩЮ) / [ЮР]У(СЮ С) ПОТУЖЬНИКЫ
НА ПАМЯТЬ

Форма женского рода *a писана* в начале второй фразы указывает на слово *икона* (не *образъ*), скорее подразумеваемое, но возможно, упомянутое в утраченной начальной части надписи. Общий смысл первой фразы был, очевидно, таким:

‘эта икона (вложена), чтобы имена человека по имени Юру(ш/щ/сь) и его товарищей читались на литургии’

Какова именно была формулировка начала надписи, можно только предполагать. Пространство для первых слов надписи, которая шла только по правому полю, невелико (как уже упоминалось, примерно 6—7 букв). Из стандартных элементов в ней могли быть, например, год и название действия вкладчиков (*в лето ---- дана*), или слово *икона* и действие вкладчиков (*икона сия дана*), или просто *икона сия*.

Итог предпринятой здесь ревизии вкладной надписи состоит в том, что вкладчиками иконы Параскевы (в кафедральный собор Рязани) были выходцы из западнорусских земель — некто Юруш (Юрущ, Юрусь) с товарищами. Историческим фоном для такого вклада естественно видеть своеобразную культурно-политическую осцилляцию

⁹ Конструкция с Им. менее вероятна.

Рязани в эту эпоху: именно в княжение Ивана Федоровича она колебалась между Великим княжеством Литовским и Московской Русью, поддерживая связи в обоих направлениях.

Можно было бы допустить, что дарители дали вкладом икону местной рязанской работы. Против такого сценария свидетельствует надпись у лика. От вкладной надписи она отличается и почерком (хотя не обязательно усваивать ее самому иконописцу), и графическими приемами, и большим изяществом. Однако и она указывает на родство с западнорусским материалом.

Слева от лика хорошо сохранилось слово СВАТА 'святая' (см. Илл. 3), сопровождаемое (справа и внизу) двумя традиционными знаками в подражание греческим знакам придыхания. Имя святой утрачено, сохранилась только левая штанга первой буквы, несомненно П. Справа от лика в две строки записано НАРЕЦАЕМАІА (верхняя строка), П[АР]АСКОВ[ИІА] (нижняя строка):

СВАТА [П](...)

НАРЕЦАЕМАІА

П[АР]АСК[О]В[ИІА]

Начну с формуляра. На древнерусских иконах Параскевы надписи у лика могут строиться по четырем основным моделям; для наглядности представлю их схематически в виде таблицы; читается она снизу вверх, знак «/» разделяет левую и правую части надписи у лика).

Эволюция формульной надписи (с юга на север) шла, как можно видеть, по пути поэтапного перевода с греческого на славянский: от адаптации термина святости к полному отказу от греческой формы имени святой. Промежуточное положение в этом движении занимают компромиссные формулы парафрастического типа, когда оба имени — греческое и славянское — соединяются в конструкции с причастием 'называемая'. Именно к этому двуязычному промежуточному этапу относится надпись на нашей иконе Параскевы¹⁰. Другая парафрастическая модель — с греческой формой имени в «толкуемой» части слева и со славянской в «толковании» справа — представлена, как можно видеть в таблице, примерами псковского и вологодского происхождения.

¹⁰ Аналогий в этом отношении среди известных икон эпохи до рубежа XV/XVI вв. мне найти не удалось, но мои усилия в этой области носят дилетантский характер.

Таблица 1. Эволюция личной формулы на иконах
Параскевы-Пятницы в кон. XIV — нач. XVI в.

др.-рус.	‘святая / Пятница’ ↑	«Избранные святые», Новгород, XV в., Гос. Русский музей, инв. № 1104; «Параскева», Новгород, 2-я пол. XV в., Покровский собор Рогожского кладбища, Москва; «Параскева и Анастасия», Новгород, 2-я пол. XV в., Гос. Русский музей, Инв. № 2069; «Параскева», 2-я пол. XV в., Вологодский гос. ист.-архит. музей-заповедник, инв. № 5168; «Параскева», Новгород, кон. XV в., Гос. Третьяков. гал., инв. № 17311
	↑ ‘святая Параскева / нарицаемая Пятница’	«Деисис со свв. Варварой и Параскевой», Псков, 1-я четв. XV в., Новгородский ист.-архит. музей-заповедник, инв. № 2779; «Параскева с житием», из Спасской Даниловской ц. близ Устюжны Вологодской обл., 1-я четв. XVI в., Устюженский краевед. музей (в 1994 г. похищена)
	↑ ‘святая Пятница / нарицаемая Параскева’	«Параскева», из старого Успенского собора Рязанского кремля, XV в. (обсуждаемая здесь)
	↑ ‘святая / Параскева’	«Параскева, Варвара и Ульяна», Псков, послед. четв. XIV в., Гос. Третьяков. гал., инв. № 28758; «Параскева с житием», б. м., XV в., Нац. музей в Кракове
греч.	‘Н ΑΓΙΑ / ΠΑΡΑΣΚΕΥΗ	

Поясню порядок, в котором я поместила две парафрастические модели в таблице. Линейно-логический ход развертывания надписи на иконе может наталкивать на мысль о том, что в динамике эволюции формуляра первична «псковско-вологодская» модель; однако интуитивное ощущение специфичного для иконописи взаимодействия текста и образа, образа и образца склоняет меня к другому мнению, а именно что ближе к образцу как раз та модель надписи, в которой оба элемента греческого прототипа остаются на с в о и х

м е с т а х, но лишь дополняются славянскими элементами адаптации — переводом имени (слева) и поясняющей связкой ‘называемая’ (справа от лика).

Такая грецизированная модель в эту эпоху интенсивного культурного взаимодействия восточных и южных славян теоретически могла быть использована и на Балканах, и в Западной Руси. Против балканского происхождения писца говорит, однако, фонетико-орфографический вид слова ‘святая’ слева от лика: СВАТА¹¹. Само по себе *plene*-написание корня (а не в сокращении под титлом), аномальное для Восточной Руси, на балканских иконах не редкость¹². Проблема в А после В: южнославянский вид корня был бы СВЕТ-, стандартное (восточно)церковнославянское было бы СВАТ-, а в системе орфографии без юса малого — СВѢТ-. Объяснение написанию СВАТ- я бы видела в живом произношении (которое проявляется тут, возможно, именно в силу необычности орфограммы), а именно в произношении сочетания *v'a* без йотации в положении после согласного. Имею в виду, что сочетания мягких губных с *a* «во всем м<ало>-р<усском наречии> перешли в сочетания твердых губных с *ja*: *n'ять, v'яну, прив'язав, голуб'ята, ім'я*, но сочетание *вя* в положении после согласных сохраняется: *святій, різдвяний*» [Дурново 2000: 221]. Писец, в произношении которого действовало это правило, различает на письме позиции Т + [wa] и V + [vja]: в первом случае употребляется буква А (как и после твердого), а во втором — буква **Ѣ** (что соответствует и йотации в произношении). Таким образом, выписав слово ‘святая’ полностью, писец обнаружил свой западнорусский диалект.

Написание окончания в том же слове с выносным конечным юсом находит аналогии в надписях на иконах из западнорусского региона; ср., например, СТА на того же времени новгородской иконе Параскевы из собрания Русского музея (инв. № 1104). В деловой письменности Западной Руси, в тех системах, где есть А, в окончаниях он предпочтителен [Miakiszew 2008: 77]. В данной надписи графическое оформление адъективного окончания женского рода варьирует: наряду с юсом в окончании слова ‘святая’ используется (в лигатуре с А) йотированное А в ‘нарицаемая’.

¹¹ А и Т связаны в лигатуру, в которой кузов А приписан к стволу Т слева; крайне маловероятно, что такая фигура подразумевает последовательность ‘та’.

¹² Возможно, в подражание греческим полным написаниям соответствующих слов, как и знаки придыхания при слове ‘святая’, которые в славянском были исключительно данью «изографской» традиции.

Отмечу также характерное в эту эпоху для деловой письменности и надписей на иконах западнорусского происхождения выносное «лежащее» Р [Miakiszew 2008: 90–91, примеч. 78].

Изложенные соображения позволяют с большей определенностью восстанавливать в левой части надписи имя *Пятница* (как на русских иконах Параскевы-Пятницы), а не *Петка* (как было принято на ряде южнославянских, валашско-молдавских и западнорусских икон святых с именем *Параскева*)¹³. Несмотря на то, что сокращения в надписи минимальны (не более одной выносной буквы), места для имени *Пятница*, свободно допускающего лигатуры, достаточно. С учетом этого рассуждения приведенное в начале раздела чтение надписи можно дополнить (восстановленная часть имени Пятница стандартизована):

СВАТ_А [П](АТНИЦА)

НАРЕЦАЕМАІА

П[АР]АСК[О]В[И]А

Итак, по данным языка, обе надписи указывают на то, что и создатели, и дарители иконы Параскевы принадлежали югозападнорусской среде. Можно надеяться, что новые исследования искусствоведов прольют свет на стилистическую принадлежность и происхождение мастера этого прекрасного образа.

¹³ Вопрос о том, какая из святых с именем *Параскева* изображена на рязанской иконе, насколько вижу, не ставился. Различение великомученицы Параскевы (III в.) и Петки Новой (XI в.) представляет проблему при атрибуции икон без жития и тем самым без возможности опереться на сюжеты клейм. Общность основных атрибутов заставляет искусствоведов нередко допускать контаминацию двух одноименных святых мучениц или оставлять вопрос открытым. В данном случае дело усложняется тем, что именно в эпоху XIV–XV в. почитание Петки Новой, развившееся у южных славян, получает распространение на Руси. Вслед за митрополитом Киприаном такому развитию способствовал и Григорий Цамблак, с 1415 г. киевский митрополит Западнорусской митрополии: в дополнение к созданному его учителем Евфимием Тырновским житию Петки Григорий (еще в бытность свою игуменом монастыря в сербских Дечанах) написал повесть о перенесении мощей святой из Тырнова в Видин и затем в Белград [Турилов 2010: 379; 2011: 592 (лит.)]. В западнорусских землях культ болгаро-сербской святой получил большое распространение и оказался очень устойчивым, найдя продолжение в белорусской и украинской иконографии Параскевы-Пятницы [Станкова и др.; Вигоднік, Карпюк 2013]. На одну деталь рязанского образа Параскевы, пожалуй, стоит обратить внимание: девические локоны, выпущенные из-под белого платя, делают эту Параскеву похожей скорее на современные ей греческие (кипрские и др.) изображения «древней» Параскевы и других святых дев (Иулиты, Варвары), чем на Петку Новую, волосы которой по-монашески спрятаны под плат.

Иллюстрации

- Илл. 1: Св. Пятница-Параскева. XV в.
 Илл. 2: Вкладная надпись. Фрагменты а–в.
 Илл. 3: Надпись у лика. Фрагмент ‘святая’.

Литература

- АЗР 1848 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. 1506—1544. СПб., 1848.
- АЗР 2018 — Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. 1. 6-я книга записей Литовской метрики. Сборник документов канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика 1494—1506. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
- АЮЗР 1907 — Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. Ч. 8. Т. 5. Акты об украинской администрации XVI—XVII в.в. Киев, 1907.
- Бобрик 2007 — М. А. Бобрик. Полу-Ё. Из наблюдений над забытым памятником русского языка первой трети XIX века // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 153—188.
- Вигоднік, Карпюк 2013 — А. Вигоднік, Л. Карпюк. Ікони «Святої Параскеви П'ятниці» з колекції музею Волинської ікони // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Народна культура і музеї. Науковий збірник. 44 / Упоряд. Е. І. Ковальчук, Л. А. Мірошніченко-Гусак. Луцьк, 2013. С. 222—226. http://volyn-kray-mus.at.ua/publ/ikoni_svjatoji_paraskevi_p_jatnici_z_kolekciji_muzeju_volinskoji_ikoni/1-1-0-181 [Электронный ресурс] (дата обращения 30.09.2020).
- Гиппиус, Дробышева 2020 — А. А. Гиппиус, М. М. Дробышева. «Руга» в граффито № 9 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти... Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. 32. Сравнительные исследования социокультурных практик / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2020. С. 59—65.
- Даль, 3 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980.
- Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Жеребцова 2011 — Л. [Ю.] Жеребцова. Влияние великокняжеской канцелярии на первичную бюрократизацию таможенной системы Великого Княжества Литовского // Dzieje biurokracji. T. IV / Pod red. A. Górnika u. a. Lublin—Siedlce, 2011. S. 111—124.

- Живов 2006 — *В. М. Живов*. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
- ИГДРЯ — *А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько*. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III. Прилагательные / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2006.
- СЛДРЯ XI–XIV вв. — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 1–. М., 1988–.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 18. М., 1992.
- Срезневский 1989 — *И. И. Срезневский*. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 1. М., 1989.
- СРНГ, 30 — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 30. СПб, 1996.
- Станкова и др. — *Р. Станкова, Е. Томова, М. Чистякова, М. Катошева*. Св. Петка (Параскева) Търновска // *Encyclopaedia Slavica Sanctorum*. Светци и свети места в България. <http://www.eslavsanct.net/viewobject.php?id=1855&lang=bg> [Электронный ресурс] (дата обращения 30.09.20).
- СУМ, 3 — *Словарь украинської мови: в 4-х тт.* / За ред. Б. Грінченка. Том 3. Київ, 1908.
- Турилов 2010 — *А. А. Турилов*. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей // *А. А. Турилов*. *Slavica Suggillometodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья*. М., 2010. С. 365–409.
- Турилов 2011 — *А. А. Турилов*. Григорий Цамблак // *Православная энциклопедия*. Т. 12. С. 583–592.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стереотипное. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Филатов 1971 — *В. В. Филатов*. Рязанская икона «Параскева Пятница» // *Советская археология*. 1971. № 1. С. 173–190.
- Хорошкевич 2015 — *А. Л. Хорошкевич*. Полоцкие грамоты как исторический источник // *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века* / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. Т. 2. М., 2015.
- Miakiszew 2008 — *W. Miakiszew*. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008.

Йоханнес Райнхарт

Институт славистики
Венского университета
(Вена, Австрия)

СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД
«ОТКРОВЕНИЯ АВРААМА»
И ЕГО ИСТОРИЯ В БОЛГАРИИ
И В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

0. Введение

Апокриф «Откровение Авраама» принадлежит к тем немногочисленным ветхозаветным апокрифам, которые сохранились только в восточнославянских списках. Кроме «Откровения Авраама», к ним принадлежат еще «Лествица Якова», 2 Енох и «Мерило праведное»¹.

1. Содержание

«Откровение Авраама»² состоит из двух частей: первая является аггадой (гл. I–VIII)³, вторая — видением (гл. IX–XXXII). В первой части

* Мои занятия «Откровением Авраама» связаны с главой, написанной мною об этом апокрифе для III-го тома под названием „Apokryphen und Verwandtes“ в рамках пособия „Antike christliche Apokryphen in deutscher Übersetzung“ под редакцией Кристофа Маркшица (Christoph Marksches) и Йенса Шрётера (Jens Schröter). Рукопись главы я сдал в марте 2017 г., но книга еще не вышла. Осенью 2014 г. в Гумбольдтовском университете в Берлине на симпозиуме „Ancient Jewish and Christian Apocalypses“ я прочел доклад под названием „The Slavonic Apocalypse of Abraham“, а в сентябре 2017 г. на Палеославистических чтениях 2 в Москве — доклад „Откровение Авраама между Палестиной, Грецией, Болгарией и Древней Русью: лингвистические заметки“. Ни тот ни другой доклад не опубликован.

¹ См. [Charlesworth 2011: 5]. Голландский исследователь Й. Хаген (Joost L. Hagen) предположил, что он нашел отрывки 2 Еноха на коптском языке [Hagen 2012], но это пока вызывает сомнения, см. [Böttrich 2013].

² См. [Рождественская 1987; Успенский 2015; Kulik 2004 (перевод на английский язык); 2011; Orlov 2007: 36–43 (библиография); 2013; Philonenko-Sayar, Philonenko 1981 (издание и перевод на французский язык); 1982 (перевод на немецкий язык); Rubinkiewicz 1979; 1983 (перевод на английский язык); 1987 (издание и перевод на французский язык); de Santos Otero 2011; Stone 1984: 415–418; Turdeanu 1981].

³ Деление текста на главы ввел Г. Н. Бонвеч [Bonwetsch 1897/1972]. Деление на стихи впервые произведено в переводе [Box, Landsman 1918].

мы узнаем о молодости Авраама и его восприятии идолопоклонства. Он заключает, что боги отца не являются истинными богами, ибо каменные боги ломаются, а один деревянный бог уничтожается огнем. Потом Авраам молится, чтобы Бог открылся ему, он слышит голос Бога, который дает ему указание покинуть дом отца. Аврааму велено принести жертву, чтобы Бог ему „(показал) великие дела, которых он еще не видел ...“ (IX:6). Бог посылает ему своего ангела Иаоэля, который должен повести его к небу (XV:4), где он видит семь видений: свет и огненных ангелов (XV:5–7), огонь (XVII:1–3), престол (XVIII:1–14), небесные своды (XIX:4–9), мир (XXI:2–7), семь грехов мира (XXIV:3–XXV:2), уничтожение Храма (XXVII:1–3). В конце Бог объявляет наказание язычников десятью казнями (гл. XXIX сл.) и победу праведников (гл. XXXI сл.).

2. Идеологические истоки

Главный интерес автора «Откровения Авраама», которое было первоначально написано по-еврейски, — судьба еврейского народа после разрушения Второго Храма в 70 г. н. э. Вторичные вставки частей текста, о которых иногда высказывались предположения в научной литературе, маловероятны. С большой долей надежности можно исключить вставки богомилов в процессе перевода текста на старославянский язык, существование которых предполагал польский исследователь Рышард Рубинкевич⁴. Об этой гипотезе Аурелио де Сантос Отеро высказался следующим образом: „Die zahlreichen neuerdings von R. Rubinkiewicz vermuteten Interpolationen entziehen sich in der Regel einer textologischen Überprüfung und wirken eher als schwer nachvollziehbare Konjekturen“ [de Santos Otero 2011: 390]⁵. Но и гипотеза о вставках других частей текста, например главы XXIX, неубедительна — прежде всего потому, что и здесь встречается целый ряд гебраизмов. Другое дело — эпитеты Бога в этой же главе, относительно которых предполагалось, что они были добавлены при переводе текста на греческий язык: этого нельзя полностью отрицать, но нельзя и доказать. Уместно здесь напомнить мнение Якоба Лихта (Jacob Licht), который по данному поводу написал следующее: „This

⁴ Ср. [Enrietti — Sacchi 1999: 66].

⁵ «Многочисленные вставки, которые предположил недавно Р. Рубинкевич, как правило, не поддаются текстологической проверке и кажутся скорее конъектурами, трудными для понимания».

problematic passage therefore may have originated in some Judeo-Christian sect, which saw Jesus as precursor of the Messiah, or it may be Jewish, badly rewritten by an early Christian editor“ [Licht 2007: 289].

Текст апокрифа содержит ясные намеки на кн. Бытия (особенно на главу XV) и пророка Иезекииля (главы I и X). Что касается других еврейских апокрифов, обнаруживаются параллели с I Енохом⁶ и с книгой Юбилеев⁷. Следует подчеркнуть, что связи с Псевдо-Климентинами (латинским романом „Recognitiones“) не существует — вопреки мнению Дж. Бокса [Box, Landsman 1918: XVII], которое разделяли А. Пеннингтон [Pennington 1984: 366–367] и Б. А. Успенский [2015: 51]. Место из „Recognitiones“ звучит так: „ipse cum arte esset astrologus, ex ratione et ordine stellarum agnoscere potuit conditorem eiusque providentia intellexit cuncta moderari, unde et angelus adsistens ei per visum, plenius eum de his quae sentire coepit edocuit, sed et quid generi eius ac posteritati deberetur, ostendit et non tam eis danda haec loca quam reddenda promisit“ [Rehm 1963: 26–27, гл. I, 32]. Характеристика Авраама как астролога или астронома широко распространена в литературе, например в Книге Юбилеев⁸ или в Исторической палее⁹, и не может служить аргументом в пользу взаимосвязи двух текстов.

В апокрифе имеются богословские высказывания о Боге, ангелах, демонах и эсхатологии. Дуалистические тенденции проявляются в противопоставлении ангела Иаозеля, проводника Авраама по небесам, и злого демона Азазеля. Но этот дуализм не настолько выраженный, чтобы можно назвать текст дуалистическим. Параллели с десятью казнями кн. Исход (главы VII–XI) находятся в XXX главе, но они частично отличаются (в кн. Исход: Нил превращается в кровь, наказание жабами, мошками, вредными насекомыми, повальные болезни скота, нарывы на людях и на скоте, град и молния, наказание саранчой, тьма, смерть/поражение первенцев; в «Откровении Авраама»: великая беда, пожары, повальные болезни скота, землетрясения и войны, град и снег, дикие звери, голод и эпидемии, меч и бегство, гром и землетрясения). В конце «Откровения Авраама» — уничтожение врагов Израиля и спасение еврейского народа.

⁶ [Rubinkiewicz 1983: 685].

⁷ Ср. [Wintermute 1985: 40].

⁸ [Wintermute 1985: 40].

⁹ Περί τοῦ Ἀβραάμ. Ἐν δὲ ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἐγεννήθη [ἄνθρωπος ὄνομα] Ἀβραάμ καὶ ἐδόθη παρὰ τοῦ πατρὸς [αὐτοῦ] καὶ ἐδίδαχθη τὴν ἀστρονομίαν <...> [Vassiliev 1893: 201]. Историческая Палея, которая возникла не раньше IX в., может иметь здесь лишь типологическое значение.

3. Рукописная традиция

«Откровение Авраама» дошло до нас исключительно в церковно-славянских рукописях русского извода, которые датируются с XIV до XVIII века. Сегодня почти единодушно признается, что текст «Откровения», сохранившийся только в славянском переводе, восходит к греческому переводу семитского — скорее всего еврейского¹⁰ — оригинала. Отрицание греческого промежуточного звена Р. Рубинкевичем, которое было подвергнуто критике в упомянутой статье А. де Сантос Отеро [de Santos Otero 2011: 391f.], не получило признания в науке. Не говоря уже о том, что гипотеза о вставках не имеет под собой оснований, есть по меньшей мере еще две причины не соглашаться с этим. С одной стороны, в тексте встречается несколько славянских слов, трудно объяснимых без греческого промежуточного звена (например имя *Барисат* без семитского [š] или упомянутые Г. Лантом сложные слова [Lunt 1985: 56], которые, по-видимому, отражают греческую модель¹¹, или некоторые примеры, приведенные в книге А. Кулика [Kulik 2004]). Дополнительный контраргумент — это проблема южнославянских переводов с еврейского. Р. Рубинкевич [Rubinkiewicz 1983: 683] указывает на Охридского архиепископа Льва Мунга (Leo Mung, 1108/9—1120), еврея, обращенного в православие. Но, согласно убедительному анализу Г. Ланта (Hogase Lunt), перевод был сделан уже около 900 г., возможно, в течение X в., о чем свидетельствуют прежде всего грамматические архаизмы славянского текста.

Еще Э. Турдеану [Turdeanu 1981: 178] предположил, что перевод с греческого на славянский был сделан в Македонии¹². Его аргументы базируются прежде всего на лексике [Ibid.: 178sq.]. Он приводит слова *кѣтеръ* ‘какой-то’, *грѣсти* ‘идти, прийти’ и *шоѹи* ‘левый’ и утверждает, что они встречаются исключительно в западной части Болгарии (т. е. Македонии). Как известно, эти слова засвидетельствованы также, хотя и реже, в восточноболгарских памятниках (так, например, *грѣсти* встречается в Супрасльской рукописи и в Саввиной книге [Цейтлин 1994: 180], а *шоѹи* — в Саввиной книге [Там же: 790]). Кроме того, предполагаемая Э. Турдеану [Turdeanu 1981: 180] датировка

¹⁰ О гебраизмах «Откровения Авраама» см.: [Kulik 2004; 2011; Rubinkiewicz 1980; Rubinstein 1953; 1954].

¹¹ Ср., например, *громогласьнь* (< βροντοφῶνος), *огньсигательнь* (< πυροφής, πυροφέγγης, πυροφλόγος), *подъпрѣстольнь* (< ὑποθρόνιος).

¹² Ср. [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 9]: „Sans doute l'Apocalypse a-t-elle été traduite par les slaves du sud <...>“.

перевода XIII в. или концом XII в. не согласуется с грамматическими архаизмами. Более раннюю датировку — X в. — выдвинул, как было только что упомянуто, Г. Лант в статье в сборнике в честь М. Альтбауэра [Lunt 1985] и в написанной им главе „The transmission of the Apocalypse of Abraham“ [Rubinkiewicz 1983: 686–688] (в переводе участвовал Г. Лант).

В «Откровении Авраама» встречаются следующие грамматические архаизмы: окончание 3-го лица двойственного числа **-тѣ** (оно уже в каноническом старославянском языке XI века заменяется окончанием **-та**¹³), старый сигматический аорист (***изнѣсь** > **изнесь**, IV.2 [Тихонравов 1863/1973: 34.17, Сильвестровский сборник 166гб6]), употребление супина, управление глаголов с приставкой **при-** местным падежом (например, ***притѣкънѣти** ‘дотронуться, коснуться’ + местный падеж¹⁴). Г. Лант высказывается в пользу македонского происхождения памятника, как и Э. Турдеану, но его лингвистические аргументы гораздо более развернуты. Кроме слов **ѣтеръ** и **грасѣти**, которые уже привел Э. Турдеану, он указывает еще на следующие лексемы [Lunt 1985: 57–60]: **направити** ‘сделать, обновить’, **прѣмьслити** ‘обдумать, сообразить’, **залагати** ‘дать пишу’. В этой связи скажу только, что некоторых из приведенных слов — в данных значениях — нет в памятниках древнейшего периода как болгарского, так и македонского языка (**прѣмьслити**), а другие слова или их дериваты имеются также в болгарском, чего автор не заметил. Так, например, существительное **залак** ‘кусок’ — производное от глагола **залагати** — встречается не только в македонском, но и в болгарском (в форме **зальк**)¹⁵.

О лексике апокрифа еще пойдет речь ниже.

Древнейшая рукопись с текстом «Откровения» — Сильвестровский сборник XIV века [Каталог 1988: 298–301, № 153]. Попытки найти цитаты или намеки на апокриф у грекоязычных авторов следует считать неудавшимися¹⁶. Существование славянского текста можно, с другой стороны, датировать временем не позже XII в., так как

¹³ Ср. [Vaillant 1964: 228, § 147; Kurz 1969: 119, § 35.7; Lunt 2001: 94, § 5.9].

¹⁴ Ср. [Vaillant 1964: 186, § 121, c; Kurz 1969: 209, § 67.5b; Lunt 2001: 147–148, § 18.4; Večerka 1993: 271, § 117.3].

¹⁵ Ср. [БЕР 1: 595]: *зальк*. Авторы, правда, считают, что существительное восходит к слову *залог*.

¹⁶ Ср. [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 7sq. и особенно p. 9]: „Force est de conclure de cet examen qu’on ne peut reconnaître l’*Apocalypse d’Abraham* en aucun des apocryphes attribués au patriarche et dont le souvenir a été gardé ici ou là. On ne saurait, en particulier, confondre l’apocalypse gnostique et l’apocalypse juive qui, toutes deux, se réclament le nom d’Abraham.“

в «Повести временных лет» обнаруживаются отголоски «Откровения Авраама». Менее важным в этой связи представляется место — о нем писали и раньше — в Речи философа (под 986 г.), где описывается ковер, на котором изображается Страшный суд и праведники отходят на правую сторону, а грешники — на левую¹⁷. Большинство исследователей считает, однако, что эта сцена заимствована из продолжения Хроники Феофана¹⁸. Более интересным является место из той же Речи философа, где пересказывается история об Аврааме (столбец 92 издания). Здесь в рассказ Ветхого завета об Аврааме включены некоторые элементы из «Откровения Авраама». Рассказывается, что отец Авраама Фарра изготавливает идолов и Авраам узнает, что отец таким образом обманывает людей. Далее, Бог приказывает Аврааму покинуть дом отца. Рассказ в летописи отличается тем, что Авраам здесь сжигает идолов активно, тогда как в «Откровении» он только кладет Барисата рядом с разоженным огнем, а тот в отсутствии Авраама падает в огонь и сторает. Этот летописный рассказ недвусмысленно свидетельствует о том, что «Откровение Авраама» было известно в Древней Руси не позже начала XII в.

4. Археографический обзор

В статье [de Santos Otero 2011] перечислены 33 рукописи «Откровения Авраама»¹⁹. Все они — русского (или восточнославянского) извода церковнославянского языка. Из 33 рукописей, по мнению А. де Сантос Отеро, 30 — списки Толковой Палеи²⁰. А. де Сантос Отеро [de Santos Otero 2011: 394, сн. 17] указывает и другие рукописи Толковой Палеи, которые могли бы также содержать «Откровение Авраама». Текст

¹⁷ [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 9].

¹⁸ [Dujčev 1971: 65–67, сн. 3; Hannick 1978: 349 m. Fn. 373; Podskalsky 1982: 19 m. Fn. 84; Подскальски 1996: 32, сн. 84].

¹⁹ Б. А. Успенский [2015: 52–53] перечисляет 17 рукописей из рукописных собраний Москвы и Санкт-Петербурга. Издания памятника находятся в следующих публикациях: [Белокуров 1902; Новицкий 1891; Порфирьев 1877: 111–130; ПТ 1406; ПТ 1477; Пыпин 1862: 24–26; Срезневский 1863: 648–665; Тихонравов 1863/1973: 32–53, 54–77; Франко 1896: 80–84; Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 36–105; Rubinkiewicz 1987: 98–204, 227–256].

²⁰ Лицевой сборник ГИМ, Музейное собрание № 358 (XVI в. [Santos Otero 2011: 402, Нг. 15]) содержит «Откровение Авраама» в редакции Палеи. Рукопись РГБ, собрание Овчинникова № 286 (XV–XVI вв.; [Santos Otero 2011: 403, Нг. 22]) — это сборник слов и поучений (ср. [Турилов 1986: 287, № 286]), содержащий, однако, также выдержку Палейной редакции «Откровения Авраама».

в рукописях Палея не единообразный: некоторые из них содержат лишь сокращенную версию текста. Толковая Палея, как известно, комментирует разные события Ветхого завета и отличается резкой антииудейской направленностью. Толковая Палея — это компиляция, возникшая не раньше XIII в. на восточнославянской территории [Водолазкин 2000; 2007]. В ней встречаются не только тексты, переведенные в X в. в Болгарии, но и переводы, возникшие в Древней Руси (например Исход Моисея²¹). Несмотря на то, что текст «Откровения» в Толковой Палее сильно переработан и что в нем немало вставок, он имеет для реконструкции оригинала определенное значение, так как в тексте апокрифа в сборниках встречаются испорченные места.

В изданиях текста апокрифа рукописи привлекались только выборочно. Относительно большое число рукописей было использовано в критических изданиях [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981] и [Rubinkiewicz 1987] в качестве разночтений²². В переводе Р. Рубинкевича и Г. Ланта [Rubinkiewicz 1983] учтены и неизданные рукописи. К сожалению, сокращения рукописей в [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981] и [Rubinkiewicz 1983] частично не совпадают, как можно видеть из следующего сопоставления:

Сильвестровский сборник (РГАДА, Синодальная типография, № 53; издания: [Тихонравов 1863/1973: 32–53; Новицкий 1891²³, XIV в. — S [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981; Rubinkiewicz 1983];

Сборник (РГБ, собрание Тихонравова, № 704), XVI в. — N [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981], D [Rubinkiewicz 1983];

Волоколамская Палея Толковая (РГБ, собр. Московской Духовной Академии, № 172/549; издание: [Тихонравов 1863/1973: 54–77]), XV в. — A [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981; Rubinkiewicz 1983];

²¹ Ср. [Алексеев 1993: 63–67; Taube 1993; Рождественская 2000; Пичхадзе 2011: 45]. М. Таубе, однако, считает, что перевод не был сделан в Киевской Руси: “thus yielding no proof for the thesis about the existence of translations from the Hebrew in Rus’ significantly before the 15th century” [Taube 1993: 92].

²² Исползованные рукописи в двух изданиях совпадают не полностью. Так, например, у Р. Рубинкевича не использована рукопись РГБ, собр. Костромской областной библиотеки № 320 (XIV/XV вв.; [de Santos Otero 2011: 403, Nr. 19], у Б. Филоненко-Саяр и М. Филоненко не учтена рукопись из Синодального собрания ГИМ № 869/211 (XVI в.; [de Santos Otero 2011: 401, Nr. 11], которую Р. Рубинкевич опубликовал в наборном и факсимильном издании. Это, может быть, объясняется тем, что [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981] и [Rubinkiewicz 1987] (книга Р. Рубинкевича восходит к его диссертации 1977 г.) не учитывают друг друга.

²³ Теперь на сайте РГАДА доступна электронная копия Сильвестровского сборника.

Синодальная Палея Толковая (ГИМ, Синодальное собрание № 869/211), XVI в. [Описание: 33] — В [Rubinkiewicz 1983]; здесь и издан текст «Откровения Авраама»;

Палея Толковая (РГБ, ф. 173.III, № 136), XVI в. — М [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981], С [Rubinkiewicz 1983];

Соловецкая Палея Толковая (РНБ, Казанская Духовная Академия, № 431; издание: [Порфирьев 1877: 111–130]), XVI–XVII вв. — К [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981; Rubinkiewicz 1983];

Уваровская Палея Толковая (ГИМ, Уваровское собр., № 85), XVI в. — Р [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981], У [Rubinkiewicz 1983];

Палея Толковая (РГБ, ф. 242, собр. Прянишникова, № 100), XVI в. — Н [Rubinkiewicz 1987: 16];

Палея Толковая (РГБ, ф. 256, собр. Румянцева, № 361), XVI в. — I [Rubinkiewicz 1987: 16].

Кроме этих полных или почти полных рукописей — в Сильвестровском сборнике не хватает, например, завершающей главы XXXII — есть целый ряд рукописей Толковой Палеи, в которых находится лишь часть текста. Среди них есть рукописи, содержащие главы I–VIII (например Креховская Палея, изданная И. Франко [1896: 80–84]; Синодальная Палея ГИМ, Син. № 868/210, 1477 г., изданная П. П. Новицким [1891; ПТ 1477]; Хронографическая Палея РГБ, Румянцевского собр. № 453, 1494 г., изданная А. Н. Пыпиным [1862: 24–26]). В других рукописях Палеи имеются только главы I–XII, XV, XVII, XX и XXX (например в ркп. Санкт-Петербургской Академии Наук № 24.5.8, XV в.); эти рукописи не изданы, существует только французский перевод текста рукописи РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 173/551 в монографии [Rubinkiewicz 1987: 210–214]. Самую короткую версию текста «Откровения Авраама» содержат некоторые рукописи с выдержками из глав VII, X, XXIX (например РГБ, собр. Овчинникова № 286, XV–XVI вв., текст издан С. А. Белокуровым [1902]). Как было сказано раньше, в критических изданиях [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981] и [Rubinkiewicz 1987] приводятся разночтения из некоторых неизданных рукописей. Не имеют прямого отношения к тексту «Откровения Авраама» две версии поздних южнославянских рукописей²⁴, „die u. a. von den ersten Kapiteln unseres Apokryphons

²⁴ См. [Turdeanu 1981: 187–195, 196–200; Rubinkiewicz 1987: 25–26, 215–217 (перевод на французский язык)].

inspiriert zu sein schein[en], aber keinerlei Textverwandtschaft mit der vorliegenden Schrift aufweis[en]“²⁵ [de Santos Otero 2011: 392].

В науке единодушно считается, что в текстологическом отношении Сильвестровский сборник, сборник РГБ, Тихонр. № 704 и Уваровская Толковая Палея представляют собой одну группу, а остальные полные тексты Палеи — другую²⁶. Кроме того, текст Уваровской Толковой Палеи списан с Сильвестровского сборника²⁷.

Сильвестровский сборник XIV в. наряду с «Откровением Авраама» содержит преимущественно агиографические тексты: Палею Толковую; жития Симеона Столпника [ВНГ 1682; Творогов 2008: 106–107], Филарета милостивого [ВНГ 1512; Творогов 2008: 124], Евстафия Плакиды [ВНГ 641; Творогов 2008: 51], Гурия, Самона и Авива [ВНГ 731; Творогов 2008: 43], отца Зосимы [ВНГ 1889 [1890d?]], ср. [Somers 2016]; Послание Пилата к Тиберию (Anaphora Pilati [ВНГ 779xI; САНТ 65]); Жития Бориса и Глеба (Чтение и Сказание); «Откровение Авраама» [САВТ 89]; Покаяние Киприана [ВНГ 453; Творогов 2008: 71]; Сказание о Киприане и Иустине [ВНГ 452; Творогов 2008: 71]. Несмотря на то, что текст Сильвестровского сборника — самый древний, он содержит немало испорченных мест и пропусков. Некоторые слова, подвергшиеся порче, легко поддаются исправлению, в большинстве случаев благодаря привлечению другой рукописи, ср., например: **Ферана** (I.1) — **Фары** ‘Terah’, **Паоца** (I.1) — **Нахора** ‘Нахор’, **оубогъри** (VII.12) — **оубагри** ‘окрасил в красный цвет’, **оуже се** (X.2) — **оужасе сѧ** ‘испугался’, **камо** (XVI.1) — **како** ‘почему’.

5. Место и время происхождения славянского перевода

Списки «Откровения Авраама» датируются временем с XIV по XVIII в. На основании содержания и языка обычно считается, что славянский текст был переведен с греческого, а оригинал памятника скорее всего был написан по-еврейски. Э. Турдеану [Turdeanu 1981] определил XIII в. как время перевода и считал, что перевод возник в Македонии. Г. Лант также считал, что перевод был сделан в Македонии (= Западной Болгарии), но гораздо раньше, в начале X в. Языковые особенно-

²⁵ «<...> которые, между прочим, как будто вдохновлены первыми главами нашего апокрифа, но не обнаруживают никакого текстологического родства с данным произведением».

²⁶ См. [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 15; Rubinkiewicz 1983: 686–687; 1987: 17–19; de Santos Otero 2011: 395].

²⁷ Так уже в [Тихонравов 1863/1973 I: 78].

сти несомненно говорят в пользу датировки перевода X веком. Однако с определением Западной Болгарии (= Македонии) как места перевода нельзя согласиться. Грамматические архаизмы не играют здесь роли, а предложенные лексические критерии неубедительны. Важнее, чем приведенные Г. Лантом лексемы, то, что большое число слов «Откровения Авраама», совпадает с лексикой восточноболгарских, преславских рукописей, особенно с Супрасльской рукописью. Из таких лексем приведу следующие: **вагъръ** ‘пурпур, багрянец’ [Цейтлин 1994: 77] (XI, 169vb11), **въздрѡѹти** ‘закричать, взречь’ [Там же: 136] (II, 165gb19), **гостиньць** ‘широкая дорога, улица’ [Там же: 176] (II, 165gb11–12), **дѡвнѣ** ‘деревья’ [Там же: 205] (XXI, 176va20), **изваѹти** ‘извять’ [Там же: 250] (I, 164vb11–12), **камъкъ** ‘камень’ [Там же: 281] (III, 165vb23, 166ra17–18, 166ra20), **любакникъ** ‘любовник’ [Там же: 316] (XXVIII, 180ra8–9), **лютость** ‘суровость, жестокость’ [Там же: 318] (V, 167gb19), **посоушьство** ‘свидетельство’ [Там же: 483] (XXV, 178vb20–21), **прѣмѣновати** ‘заменять, давать взамен’ [Там же: 546] (XV, 173ga6–7), **трѣвѣникъ** ‘алтарь’ [Там же: 706] (XXV, 178va5, 178va11), **тъчнѣ** ‘только’ [Там же: 712] (XVII, 173va1–2; + Сав), **оутѡжъчѹти** ‘обременить, отягчить’ [Там же: 754] (XXIV, 178ra9–10), **чисмѡ** ‘число’ [Там же: 779] (XX, 176ra7, 176ra11; XXIX, 181rb10–11).

6. Заключение

Апокриф «Откровение Авраама», который сохранился только в восточнославянских рукописях, был написан, как давно известно, на еврейском языке в конце I в. или в течение II в. н. э. Оригинал, по-видимому, был переведен на греческий язык, а с греческого языка — на старославянский; согласно убедительной аргументации Г. Ланта, славянский перевод выполнен в X в. Г. Лант предполагал, что перевод сделан в западной части ареала древнеболгарского языка, то есть в Македонии. Однако, как вытекает из анализа, лексика памятника совпадает с лексикой Преславской школы, а следовательно, перевод был осуществлен в Восточной Болгарии.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва; ранее: ЦГАДА)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва; ранее: Государственная библиотека им. Ленина)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург; ранее: Государственная публичная библиотека)

Литература

- Алексеев 1993 — *А. А. Алексеев*. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // *Jews and Slavs*. Vol. 1. Jerusalem — St. Petersburg, 1993. С. 44–75.
- Белокуров 1902 — *С. А. Белокуров*. Послание инока Саввы на жидов и на еретики // Чтения в Имп. Обществе истории и древности российских. 1902. Кн. 3. С. 10–13.
- БЕР 1 — Български етимологичен речник. Т. I (А — З). София, 1971.
- Водолазкин 2000 — *Е. Г. Водолазкин*. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). München, 2000.
- Водолазкин 2007 — *Е. Г. Водолазкин*. Новое о палаях (Некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // *Русская литература*. 2007. № 1. С. 3–23.
- Каталог 1988 — Каталог славянорусских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1–2 / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988.
- Новицкий 1891 — *П. П. Новицкий*. «Откровение Авраама». СПб., 1891 (= Общество любителей древней письменности, 99 — факсимильное издание Сильвестровского сборника).
- Описание — *Т. Н. Протасьева* (сост.). Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невостровева). Ч. II, 820–1051. М., 1973.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Подскальски 1996 — *Г. Подскальски*. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. для русского перевода / Перевод А. В. Назаренко под ред. К. К. Ацентьева. СПб., 1996.
- Порфирьев 1877 — *И. Я. Порфирьев*. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях / Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 17. № 1. 1877.
- ПТ 1406 — Палая Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892–1896.
- ПТ 1477 — Толковая Палая 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. СПб., 1892.

- Пыпин 1862 — *А. Н. Пыпин*. Ложные и отреченные книги славянской и русской старины. СПб., 1860–1862.
- Рождественская 1987 — *М. В. Рождественская*. Апокрифы о Аврааме // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 47–49.
- Рождественская 2000 — *М. В. Рождественская*. Житие пророка Моисея (Подготовка текста, перевод и комментарии) // Библиотека литературы Древней Руси. Том 3 (XI–XII века). СПб., 2000. С. 120–149, 376–378.
- Срезневский 1863 — *И. И. Срезневский*. Дополнение к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка // Известия имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. X. Вып. 6. СПб., 1863. С. 594–703.
- Творогов 2008 — *О. В. Творогов*. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог. М.; СПб., 2008.
- Тихонравов 1863/1973 — *Н. Тихонравов*. Памятники отреченной русской литературы. Т. I–II. СПб., 1863 (Переизд.: London, 1973).
- Турилов 1986 — *А. А. Турилов*. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.
- Успенский 2015 — *Б. А. Успенский*. Филологические наблюдения над текстом «Откровения Авраама» // Вопросы языкознания. 2015 № 5. С. 59–86.
- Франко 1896 — *И. Франко*. Пам'ятки українсько-руської мови і літератури. Т. I. Львів, 1896.
- Цейтлин 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- BHG — *Bibliotheca hagiographica graeca*. Troisième édition, mise à jour et considérablement augmentée par François Halkin. Bruxelles, 1957.
- Bonwetsch 1897/1972 — *G. N. Bonwetsch*. Die Apokalypse Abrahams. Das Testament der vierzig Märtyrer. Leipzig, 1897 (Neudruck: Aalen, 1972).
- Böttrich 2013 — *Ch. Böttrich*. The Angel of Tartarus and the Supposed Coptic Fragments of 2 Enoch // Early Christianity. 4. 2013. P. 509–521.
- Box, Landsman 1918 — *G. H. Box, J. I. Landsman*. The Apocalypse of Abraham / Edited with a Translation from the Slavonic Text and Notes. London; New York, 1918.
- CANT — *M. Geerard*. Clavis apocryphorum Novi Testamenti. Turnhout, 1992.
- CAVT — *J.-C. Haelewyck*. Clavis apocryphorum Veteris Testamenti. Turnhout, 1998.
- Charlesworth 2011 — *J. H. Charlesworth*. The Uniqueness and Importance of the Slavonic Pseudepigrapha // L. DiTommaso, Ch. Böttrich, eds. The Old

- Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition. Continuity and Diversity. Tübingen, 2011. P. 5–11.
- Dujčev 1971 — *I. Dujčev*. Légendes byzantines sur la conversion des Bulgares // *I. Dujčev*. Medioevo bizantino-slavo. Vol. III: Altri saggi di storia politica e letteraria. Roma, 1971. P. 63–76.
- M. Enrietti, P. Sacchi 1999 — *M. Enrietti, P. Sacchi*. Apocalisse di Abramo // P. Sacchi (ed.). Apocrifi dell'Antico Testamento. Vol. III. Brescia, 1999. P. 59–108.
- Hagen 2012 — *J. Hagen*. No Longer “Slavonic” Only: 2 Enoch Attested in Coptic from Nubia // Andrei A. Orlov, Gabriele Boccaccini, eds. No Longer Slavonic Only. Leiden; Boston, 2012. P. 5–34.
- Hannick 1978 — *Ch. Hannick*. Die byzantinischen Missionen // K. Schäferdiek (Hrsg.). Die Kirche des früheren Mittelalters (= Kirchengeschichte als Missionsgeschichte. Bd. II, 1. Halbband). München, 1978. S. 279–359.
- Kulik 2004 — *A. Kulik*. Retroverting Slavonic Pseudepigrapha: Toward the Original of the Apocalypse of Abraham. Atlanta, 2004.
- Kulik 2011 — *A. Kulik*. Church Slavonic Apocrypha and Slavic Linguistics // L. DiTommaso, Ch. Böttrich, eds. The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition. Continuity and Diversity. Tübingen, 2011. P. 241–265.
- Kurz 1969 — *J. Kurz*. Učebnice jazyka staroslověnského. Praha, 1969.
- Licht 2007 — *J. Licht*. Abraham, Apocalypse of // Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. Volume I (Aa–Alp). Detroit etc., 2007. P. 288–289.
- Lunt 1985 — *H. G. Lunt*. On the Language of the Slavonic Apocalypse of Abraham // Slavica Hierosolymitana. Vol. VII. 1985 (In Honor of Moshé Alt-bauer on the Occasion of His Eightieth Birthday). P. 55–62.
- Lunt 2001 — *H. G. Lunt*. Old Church Slavonic Grammar, 7th ed. Berlin; New York, 2001.
- Orlov 2007 — *A. A. Orlov*. From Apocalypticism to Merkabah Mysticism. Studies in the Slavonic Pseudepigrapha. Leiden; Boston, 2007.
- Orlov 2013 — *A. A. Orlov*. Heavenly Priesthood in the Apocalypse of Abraham. Cambridge, 2013.
- Pennington 1984 — *Anne Pennington*. Apocalypse of Abraham // H. F. D. Sparks, ed. The Apocryphal Old Testament. Oxford, 1984. P. 363–491.
- Philonenko-Sayar, Philonenko 1981 — *B. Philonenko-Sayar, M. Philonenko*. L'apocalypse d'Abraham. Paris, 1981.
- Philonenko-Sayar, Philonenko 1982 — *B. Philonenko-Sayar, M. Philonenko*. Die Apokalypse Abrahams. Gütersloh, 1982.
- Podskalsky 1982 — *G. Podskalsky*. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237). München, 1982.
- Rehm 1963 — Die Pseudoklementinen, Rekognitionen in Rufins Übersetzung / Hrgb. von Bernhard Rehm †, zum Druck besorgt durch Franz Paschke. Berlin, 1963.

- Rubinkiewicz 1979 — *R. Rubinkiewicz*. La vision de l'histoire dans l'Apocalypse d'Abraham // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Teil II. Bd. 19/1. Berlin, 1979. P. 137–151.
- Rubinkiewicz 1980 — *R. Rubinkiewicz*. Les sémitismes dans l'Apocalypse d'Abraham // *Folia Orientalia*. T. 21. 1980. P. 141–148.
- Rubinkiewicz 1983 — *The Apocalypse of Abraham*. Translated by R. Rubinkiewicz, Revised and Notes Added by H. G. Lunt // James H. Charlesworth, ed. *The Old Testament Pseudepigrapha*. Vol. 1. London, 1983. P. 689–705.
- Rubinkiewicz 1987 — *R. Rubinkiewicz*. L'apocalypse d'Abraham en vieux slave. Introduction, texte critique, traduction et commentaire. Lublin, 1987.
- Rubinstein 1953 — *A. Rubinstein*. Hebraisms in the Slavonic „Apocalypse of Abraham“ // *Journal of Jewish Studies*. Vol. 4. 1953. P. 108–115.
- Rubinstein 1954 — *A. Rubinstein*. Hebraisms in the Slavonic „Apocalypse of Abraham“ // *Journal of Jewish Studies*. Vol. 5. 1954. P. 132–135.
- de Santos Otero 2011 — *A. de Santos Otero*. Die handschriftliche Überlieferung der Apokalypse Abrahams // L. DiTommaso, Ch. Böttrich, eds. *The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition. Continuity and Diversity*. Tübingen, 2011. P. 389–406.
- Somers 2016 — *V. Somers*. *Diverse Perspectives on the Manuscript Tradition of the Story of Zosimus. Part III. The Story of Zosimus in the Slavonic and Greek Traditions* // *Oriens Christianus*. T. 99, 2016. P. 18–44.
- Stone 1984 — *M. E. Stone*. *Apocalyptic Literature* // M. E. Stone, ed. *Jewish Writings of the Second Temple Period. Apocrypha, Pseudapocrypha, Qumran Sectarian Writings, Philo, Josephus*. Assen; Philadelphia, 1984. P. 383–441.
- Taube 1993 — *M. Taube*. *The Slavic Life of Moses and Its Hebrew Sources* // *Jews and Slavs*. Vol. 1. Jerusalem; St. Petersburg. P. 84–119.
- Turdeanu 1981 — *É. Turdeanu*. *L'Apocalypse d'Abraham en slave* // *Apocryphes slaves et roumains de l'Ancien Testament*. Leiden 1981. P. 174–200 + 439 (Первоначально в: *Journal for the Study of Judaism III*. 1973. P. 153–180).
- Vaillant 1964 — *A. Vaillant*. *Manuel du vieux-slave*. T. 1: Grammaire. 2e éd. Paris, 1964.
- Vassiliev 1893 — *A. Vassiliev*. *Anecdota graeco-byzantina*. M., 1893.
- Večerka 1993 — *R. Večerka*. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. II. Die innere Satzstruktur. Freiburg i. Br., 1993 (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*. XXXIV (27, 2)).
- Wintermute 1985 — *O. S. Wintermute*. *Jubilees. A New Translation and Introduction* // J. H. Charlesworth, ed. *The Old Testament Pseudepigrapha*. Vol. 2. New York etc., 1985. P. 35–142.

Алессандро Мария Бруни

Университет «Ка Фоскари»
(Венеция, Италия)

**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ДЛЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ СЛОВ
ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА**

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена изучению четырех восточнославянских рукописей XV–XVII вв., в которых читаются Слова Григория Назианзина Богослова (ок. 329–390 гг., далее Гр. Наз.). Первая, представляющая собой Торжественник триодный на первую половину года, хранится в РГБ; остальные три — в ЗНБ СГУ. Последние относятся к так называемой литургической коллекции 16 Слов, которая возникла в Византии не позднее конца IX в., а затем получила широкое распространение в древнеславянской письменности [Бруни 2004: 93; 124–130]. Данная традиция состоит из 149 кодексов восточно- и южнославянского происхождения XIV–XVIII вв., почти полностью уже подвергнутых кодикологическому и палеографическому изучению [Там же: 132–191; Бруни 2016 (2017): 9–40; 2017а: 229–240; 2017б: 517–522; 2019: 73–81]. Проведенное в настоящей работе исследование позволяет, с одной стороны, увеличить число описанных источников данного корпуса до 145, а с другой — собрать новые данные текстологического характера, имеющие непосредственное отношение к древнейшей фазе в истории традиции, когда гомилии распространялись вне сборника 16 Слов и без Толкований Никиты Ираклийского (далее — ТНИ)¹.

Торжественник РГБ, ф. 98, № 257, конца XV в.

Кодекс РГБ, ф. 98, № 257, конца XV в. (далее — Е) является Торжественником триодным на первую половину года и состоит из I+393 лл.

¹ Создание древнейшего перевода ТНИ датируется XII в., возможно, не позже середины столетия [Пичхадзе 2011: 33–34; Бруни 2013: 41–42; Вершинин 2018: 72], и, по-видимому, принадлежит перу восточнославянского книжника [Молдован 2016]. О греческом оригинале см. [Mushinskaya, Pichkhadze 2018].

размером 27,5x19,6 см². Ознакомление с рукописью, которое стало возможным в 2018 г., показало, что она содержит две гомилии не в новом южнославянском переводе типа *Slav.2*, а в старославянской версии типа *Slav.1*³. Речь идет о Словах 44 «На Неделю новую (Фомину)» [Εἰς τὴν καινὴν Κυριακὴν = PG 36, 608–621] и 45 «На Св. Пасху» [Εἰς τὸ ἅγιον Πάσχα = PG 36, 624–664] (в Е они читаются соответственно на лл.: 346об. — 351 и 332об. — 345об.).

Изучение Слова 44 привело к следующим выводам: Е представляет собой единственный известный пример распространения у восточных славян древнейшего перевода типа *Slav.1* без ТНИ [Бруни 2018 (2019): 35–50], так как во всех остальных случаях он известен лишь в составе литургической коллекции с комментариями византийского экзегета (это кодексы FGJKLMOQRSUVYZ)⁴.

Текстологический анализ гомилии 45 также указывает на уникальность списка Е: здесь данное сочинение не только не сопровождается ТНИ, но даже совпадает с более архаичным пластом перевода *Slav.1*, который читается в Р — известном пергаменном сборнике XIII Слов второй половины — конца XI в. Таким образом, помимо Изборника Святослава 1073 г. (I), Великих Миней Четых митрополита Макария (Men 1 и Men 2) и среднеболгарской рукописи N, кодекс Е является одним из редчайших случаев сохранения древнейшей редакции текста вне списка P⁵.

Далее мы более детально остановимся на рассмотрении основных текстологических особенностей Слова 45 в Е (лл. 332об. — 345об.) и в Р (лл. 324об. — 356) в сопоставлении со списками FGJKLMOQRSUVYZ (тип *Slav.1* с ТНИ)⁶. В первых двух источниках Слово 45 представлено без деления текста на главы, обозначенные цифрами, и без каких-либо комментариев, за исключением анонимного предисловия, гре-

² См. опись фонда 98 (собр. Е. Е. Егорова): [Анисимова 2014: 115–124].

³ О двух типах перевода Слов см.: [Бруни 2004: 126–130].

⁴ Правда, следует отметить, что в Q ТНИ помещены отдельно от Сл. 44 [Бруни 2017а: 237]. В сербской традиции текст Гр. Наз. снабжен схолиями Максима Исповедника [Бруни 2018: 368–373].

⁵ Древнейший пласт гомилий 38 и 43 в полном виде читается в Р и N. Наиболее архаичная версия Слова 40 сохранилась целиком в Р, Men 1 и Men 2, а лишь фрагментарно в I [Бруни 2010: 121, 123; критическое издание: 151–285].

⁶ За подробными разъяснениями по поводу Слова 44 в Е мы отсылаем читателя к работе: [Бруни 2020б].

чешский оригинал которого остается пока неизвестным (см. [Бруни 2004: 61]):

[Р л. 324об.]	[Е: лл. 332об.]
<p>Съмотрн н разоумѣн • поучѣто стѣи сѣ оцѣ • словомъ пророучьскомъ нача о семь велнцѣ дѣнн глѣдн • рече амбакоумъ • на мѣстѣ своемъ станѣ • н на камыцѣ нозѣ свон поставлю • се же глѣ амбакоумъ • проповѣдаа гнѣвъ божнн люднн нзранѣ • егда вѣлѣзоша въ безаконна н въ неправдѣи всакы • сего дѣла н сын стѣи мѣжъ • хота съказати о възкрсеннн божна сна н о страстн его научнаиетъ прнтѣкаа къ пророучьскоу словоу • глѣ такоже н пророкъ амбакоумъ ставъ на мѣстѣ пророучн вндѣ н разоумъ прна отъ бѣ • такоже н азъ дѣньсѣ прннмъ достонное отъ дѣха бѣжна стѣго вндѣхъ н смотрнхъ • разоумѣтн же есть отъ рѣчѣ сего стѣго мѣжа • яко вндѣлъ есть вндѣнне • тѣмъже н глѣтъ н стахъ н смотрѣвъ вндѣхъ • сѣ же высокъ зѣло • разоумѣн яко вндѣ вндѣнне сѣ стѣи мѣжъ • тѣмъже н къ пророкоу прнаагаеъ •</p>	<p>Съмотрн н разоумѣн, поучѣто стѣин сѣ оцѣ словомъ прѣрѣчьскимъ нача о семь велнцѣ дѣнн глѣдн • рече амбакоумъ • на мѣстѣ своемъ станоу • н на камыцѣ нозѣ свон поставлю • се же глѣ амбакоумъ • проповѣдаа гнѣвъ бѣжнн на люднн нзѣла • егда вѣлѣзоша во безаконїа н въ неправдѣи всакы • сего дѣла н сын стѣин моужъ • хота съказати о възкрсенїн сына бѣжїа н ѡ стѣртн его научнаиетъ прнтѣкаа къ прѣрѣчьскому словоу • глѣ такоже н прѣркъ амбакоумъ ставъ на мѣстѣ прѣрѣчн вндн н разоумѣн н прїа ѡ бѣ • такоже н азъ дѣнь прїнмъ достонное ѡ дѣха бѣжїа сватаго вндѣхъ н смотрнхъ • разоумѣтн же есть ѡ рѣчн сего стѣго моужа • яко вндѣлъ е^{ст} вндѣнне • тѣмъже н глѣтъ н стахъ н смотрнхъ • сѣ же высокъ зѣло • разоумѣн яко вндѣ вндѣнне сѣ стѣи моужъ • тѣмъже н къ прѣркоу прнаагаеъ • господн блѣгословн ѡуче •</p>

Данное предисловие сохраняется во всех кодексах литургической коллекции типа *Slav. 1*: в FJLMQSYZ оно помещается перед началом гомилии, а в GKORUV вставляется прямо в текст ТНИ, хотя к ним не относится. Следует отметить, что в первой группе рукописей текст Гр. Наз. (и, соответственно, ТНИ) делится на 63 главы, а во второй — на 70. Более того, указанные списки различаются между собой по-

рядком Слов. В структурном плане выделяются два основных и четыре особых типа последований, где Сл. 45, соответственно, занимает 5-е, 11-е, 6-е, 9-е или 2-е место в коллекции:

—1—

JLMSY																
<i>Аколуфия</i>	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
<i>Слова</i>	38	39	40	1	45	44	41	14	16	42	15	43	21	24	19	11

—2—

KORUV																
<i>Аколуфия</i>	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
<i>Слова</i>	19	38	43	39	40	42	21	11	14	1	45	44	41	15	24	16

—3—

Q																
<i>Аколуфия</i>	I	II	III*	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
<i>Слова</i>	38	39	40*	14	1	45	44	41	15	24	19	43	11	21	42	16

—4—

F																
<i>Аколуфия</i>	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
<i>Слова</i>	11	24	19	43	21	38	39	40	45	1	44	41	14	16	42	15

—5—

Z																
<i>Аколуфия</i>	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
<i>Слова</i>	1	45	44	41	14	16	42	15	43	21	24	19	11	38	39	40

—6—

G																
<i>Аколуфия</i>	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
<i>Слова</i>	1	45	44	41	15	24	19	38	43	39	40	11	21	42	14	16

Что касается текстологических отношений между E и остальными списками, то наблюдается следующая картина. Кодекс E стоит довольно близко не только к P, но и к Q, согласно тенденции, которая уже отмечалась в пределах Слова 44 [Бруни 2018 (2019): 35–50]. Более того, в E фиксируются примеры сохранения исконных чтений про-

тив всех остальных рукописей. Этому наглядным примером является первая глава гомилии 45 (см. далее *Приложение*).

На основании всего сказанного можно прийти к следующим заключениям. Кодекс Е содержит ценные сведения о ранней истории распространения старославянского перевода Слов Гр. Наз. Его текстологические особенности указывают на то, что гомилии первоначально копировались не только без ТНИ, но и вне сборника 16 Слов. Данное обстоятельство позволяет подкрепить ранее сделанные выводы о том, что включение ТНИ в славянский текст Гр. Наз. произошло в момент, когда основной пласт различий Слов уже существовал и был разбросан по рукописям разных аколуйфий [Бруни 2018 (2019): 35–50; 2020б]. Более того, факт обнаружения в Е неизвестных до сих пор текстов, восходящих к старославянскому переводу Слов, лишний раз свидетельствует о значении восточнославянской рукописной традиции в деле сохранения и распространения памятников староболгарской литературы⁷.

Рукописи ЗНБ СГУ

В ЗНБ СГУ хранятся три кодекса литургической коллекции 16 Слов Гр. Наз. Они входят в состав собрания П. М. Мальцева, который при жизни был известен в старообрядческом мире как собиратель рукописей [Дмитриев 1960: 554–560 (особенно с. 557); Попкова 2011: 133–154]. В сентябре 2018 г. нам удалось ознакомиться с данными манускриптами и подготовить их первое научное описание⁸; до этого о них имелись лишь предварительные сведения [Бруни 2017б: 522]. Археографическое исследование привело к следующим результатам.

Рукопись ЗНБ СГУ № 37 удалось идентифицировать со списком псковского происхождения, ранее принадлежавшим П. П. Шибанову (1864–1935)⁹: она дополняет группу древнерусских памятников конца XV–XVII вв., в которых первые восемь Слов даются в исправленном южнославянском переводе XIV в. (*Slav.2*), а вторые — в старославянском (*Slav.1*). [Бруни 2004: 152–160; 2016 (2017): 16–17; 2017б: 520]. В приложении к сборнику приводится известный конвой текстов,

⁷ См. об этом: [Турилов 1995; Ziffer 1997].

⁸ Автор выражает искреннюю признательность А. А. Турилову (Москва) и Н. А. Попковой (Саратов) за оказанное содействие в получении доступа к данным рукописям. Ознакомление с ЗНБ СГУ № 45 конца XV в. показало, что рукопись содержит Златоуст, а не сборник 16 Слов, как ошибочно предполагалось ранее [Бруни 2017б: 520].

⁹ См.: [Выставка 1913: 48].

среди которых — древнейшая версия Жития Григория Богослова [Bruni 2011: 41–53]¹⁰. К ним добавляется также Житие Афанасия Александрийского (ВНГ: 186g).

Список, хранящийся в ЗНБ СГУ под шифром № 38 и обозначенный нами литерой F, как уже выше отмечалось, выделяется особым порядком Слов, который не имеет аналогов в славянской традиции. Он является ценным источником для текстологического изучения старославянского перевода гомилий, так как все тексты даются в переводе *Slav. 1*, сохранившемся в GJKLMOQRSUVYZ.

Кодекс ЗНБ СГУ № 39 — сборник, состоящий из трех частей, первая из которых содержит 15 Слов (лл. 1–677об.), а вторая — второй том коллекции (лл. 678–1014об.). В обоих случаях гомилии читаются в переводе *Slav. 2*. Между двумя блоками гомилий Гр. Наз. находятся другие тексты, среди которых выделяется Похвала Пресвятой Богородице Климента Охридского (лл. 618об. — 632об.) [Климент 1970: 766–767]. Насколько нам известно, это — единственный пример включения сочинения староболгарского писателя в состав коллекции Гр. Наз.; более того, рукопись ранее не числилась среди списков Похвалы [Там же: 752–761] и является очередным важным источником для изучения кирилло-мефодиевского наследия в собрании рукописей ЗНБ СГУ [Турилов 2010: 52]. Третья часть (лл. 1015–1022об.), написанная более поздним почерком, содержит Толкования на пророческие книги без начала и конца.

Прилагаемое ниже описание выполнено в соответствии с критериями и правилами описания источников, принятыми для традиции Слов Гр. Наз. [Бруни 2004: 119–191].

№ 1) ЗНБ СГУ, *Собр. Мальцева*, № 37, 1537 г.

Бумага, 308 x 188 мм., лл. 766. Правописание русское. Письмо — полуустав в 1 столбец. Текст *Slav. 2* + *Slav. 1* с толкованиями и предисловиями Никиты Иракийского. Заставки и инициалы в красках и золоте. Писец — Тихон (л. 766). Происхождение: Псков, Снеготорский монастырь. С 732 л. порядок страниц несколько перепутан.

1: Оглавление и предисловие к Сл. 1; 2: 1; 19: предисловие β I–II к Сл. 45; 20об.: 45; 141об.: предисловие к Сл. 44; 143: 44; 177об.:

¹⁰ Ключ к сокращениям дополнительных статей в коллекции: *c* = Послание к Филагрию; *d* = Молитва кончавши книгу Григория Богослова; *e* = Житие Григория Богослова; *g* = О Кесарии брате; *h* = Сказание словесем; *i* = От девяти апостольских; *l* = статья разрешение тълкомъ [Бруни 2004: 130–131].

предисловие к Сл. 41; 178: **41**; 231об.: предисловие к Сл. 15; 233: **15**; 267об.: предисловие к Сл. 24; 269: **24**; 298об.: предисловие к Сл. 19; 301: **19**; 332: предисловие к Сл. 38; 334: **38**; 369об.: предисловие к Сл. 43; 370: **43** без начала (имеется современная закладка с надписью “лист 368—369 в музее”); 464: предисловие к Сл. 39; 466: **39**; 495: предисловие к Сл. 40; 497: **40**; 562: **11**; 571об.: предисловие к Сл. 21; 573: **21**; 615: предисловие к Сл. 42; 617: **42**; 653: предисловие к Сл. 14; 655: **14**; 699об.: предисловие к Сл. 16; 701: **16**; 728об. — 731об.: **c-g-h-i-d** (до слов Молитвы «и почитающему и послушающему»; 731: e (со слов IX главы «свершениа мужа помощь кюю н показаннѣ»; 743об.: Житие Афанасия (нач. Роуфинъ же иже црковное писание писавъ); 748об.: e; 765 об.: колофон: вѣ лѣто **ѡ**мъ патаго юуна в **ѡ** написана книга **ѡ**дъ григориеи **ѡ**вѣсловъ. вѣ **ѡ**витель рѣтѣва **ѡ**рѣтѣва иже зовѣтса **ѡ**натнаа гора. при великомъ князи иваннѣ вѣсильевиче **ѡ**вѣ рѣси. и митрополитѣ **ѡ**данилѣ, и при архіеппѣ великаго новаграда и пскова макарий. повелѣнїемъ **ѡ**дѣмена лавретїа того годѣ и престависа. а дописана при **ѡ**дѣменѣ едросинѣ тоаже горы и сѣнницѣхъ герасимѣ и корнилїи. а писалъ сїю книгѣ многорѣшною рѣскою тихонѣ.

№ 2) ЗНБ СГУ, *Собр. Мальцева*, № 38, кон. XV — нач. XVI в.

Бумага, 270 x 190 мм., лл. II+454+I. Правописание русское. Письмо — полуустав в 2 столбца. Текст *Slav.1* с толкованиями и предисловиями Никиты Иракийского. Аколупия — особая.

1: Оглавление; 2: **11**; 10: чистый; 11: **24**; 38: предисловие к Сл. 19; 39: **19**; 69: **43**; 155: **21**; 189: **38**; 211: **39**; 230об.: **40**; 272об.: **предисловие** *Съмотри и разоумѣи*; 273: **45**; 317: предисловие α к Сл. 1; 317об.: **1**; 323об.: **44**; 334об.: **41**; 354: **14**; 383: **16**; 402: **42**; 426об.: **15**; 443: **Похвала трем святителям Иоанна, митр. Евхаитского.**

№ 3) ЗНБ СГУ, *Собр. Мальцева*, № 39, сер. XVI в., перв. четв. XVII в., вт. пол. XVII в.

Бумага, 275 x 200 мм., лл. 1022. Правописание русское. Письмо — полуустав в 1 столбец. Текст *Slav 2* с толкованиями и предисловиями Никиты Иракийского. Аколупия — пасхальная. Без начала и конца (обрывается на предисловии к Сл. 16). Рукопись — сборник, состоящий из трех частей (лл. 1—677об.; 678—1014об.; 1015—1022).

1: **1** без начала (от слов Гр. Наз. елико онѣ нас ради бывѣет); 11: **45**; 146: **44**; 183об.: **41**; 248: **15**; 290об.: **24**; 327об.: **19**; 367: **38**; 409об.: **43**; 477об.: **39**; 492об.: **40**; 532об.: **21**; 559об.: **11**; 565: **42**; 587об.: **14**; 621об.: Слово Андрея, епископа Иерусалимского, на Успение

пресвятой Богородицы; 632об.: Похвала Пресвятой Богородице Климента Охридского; 635об.: Слово на Преображение Господа нашего Иисуса Христа преподобного Ефрема Сирина; 643об.: Слово на Преображение Господа и Бога Кирилла Александрийского; 678: **43**; 772об.: **39**; 809об.: **40**; 887: **11**; 900: **21**; 932об.: **42**; 977: **14**; 1007об.: **16** (без конца): 1014–1022: Толкования на про- роческие книги (без начала и конца).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Критическое издание первой главы старославянского перевода Слова 45 Гр.Наз.¹¹:

[324v] слово стаго грнгорѧ • на стѡе свѣтълое въскрьсенне
нарекомоую пасхѣ: ∞*~

- I.** [325v] на мѣстѣ своемъ станѣ рече юдоесынън амбакоумъ •
н азъ съ нимъ дьньсь • даныа мьнѣ отъ доуха властн н
разоума • н съмотрѣ н оувѣдѣ ѹто са ѡвнтѣ • ѹто ан са
съглаголетъ мнѣ • н стахъ н съмотрнхъ • н се мѣжъ
5 въстѣпнвѣ на облакы съ же въсокъ зѣло • н възоръ его акы
възоръ ангаскъ • н рнзы его акы свѣтъ млънна мькнѣща са •
н въздвнже рѣцѣ свон на въстокы • ѿ възъпн гласомъ
велкомъ • гласъ его акы гласъ трюбынън • н окръсть его акы
множество небесскаго плъка • н рече дьньсь спѣсъ всен тварн •
10 енкаже <в>нднма • н енкаже <не>внднма • хъ отъ мрътвнхъ
въстанѣте съ нимъ • хъ къ себѣ обратнте са • хъ отъ гроба
простнте са съ [326] вѣзъ грѣшннхъ • врата адова
отъвърѣйтѣ са • н съмръть расыпаеть са • н ветѣхън адамъ
отълагаеть са • н новън наплънаеть са • ѡже о хѣ новаа
15 тварь понаванън са • съ же съглаголаше • а онн поахѣ • ѣже н
прѣжде • егда намъ са хъ ѡвѣ плътнннмъ рожденнемъ • слава
въ възшннхъ бѡу • н на земн мнрѣ въ ѹлвѣхъ бѡговоленне • съ
ннмн же н азъ въ васъ тожде глаю • бѣдн же ѿ гласъ прнати
ангаскъ достоннѣ • н вса наглашаѣцѣ страны •

¹¹ В основу издания положен текст Р (лл. 324об. — 326). Разночтения даются по Е и спискам литургической коллекции с ТНИ (FGJKLMOQRSUVYZ). Ключ к латинским сокращениям: *add.* = *addidit*, добавил; *ante* = перед / до; *habet* = *imeem*; *in ras.* = *in rasura*, по подскобленному; *ins.* = *inseruit*, вставлено; *iter.* = *iteravit*, повторил; *om.* = *omisit*, *omiserunt* пропущено; *post* = после; *sup. lin.* = *supra lineam*, над строкой; *tit.* = *titulus*.

Tit. стго ѿца нашего григорїа бгослова слово • на воскрїніе гне
 GORUV: тогожде слово второе на стое н свѣтлоє вскрїніе га
 нашего нса хѧ нарекомую пасхоу Q : стго григорїна бгослова
 слово • на вскрїніе гне JYZ : слово • на вскрїніе гне стго ѿца
 григорїа F : во стоюю н великою недѣлю пасхы K : слово стго
 григорїа бгослова а E : слово стго григорїа бгослова на вскрїніе гне
 а LMS || I (PG 624A-B: 1 *post reue add.* сілнын н E | үюдєсьнзи
 EP : үюднзи FGJKLMOQRSUVYZ | *post azъ add.* реує
 FGJKLMORSUVYZ : om. EPQ | 1–2 сз нмь *post* дньсь
habet L | отъ доуха | отъ ба Z | властн EPQ : благостн Q^{sup.lin} S :
 блгтн FGJKLMORUVYZ | 3 оуведѣ FJMOPQRSUVYZ :
 оувндѣ GKL : оувнднвѣ E | са іавнт EPQS : іавнт са
 FGJKLMORUVYZ | са сьглаголетъ EKLPQR : сьглѣтъ
 GFS : сьглѣтъ са JMYZ : са глѣтъ OUV | *post* мнѣ *iter.* что лн
 са сьглѣтъ мнѣ JM | 4 вьстѣпнвѣ на облакы EPQ : вьстүпн на
 облацѣхъ FGJKLMORSUVYZ | 5 н вьзоръ его] om. Q | рѣцѣ
 свон] роукоу свою Q | 7 великомъ EPQ : велиемъ FJKLMSZ :
 великм GORUVY | 8 н окрѣсть его EFGKL^{in ras.} MOPRQ : н
 вемно его JQ^{sup.lin}SUVYZ | *post* множество *add.* бжствнаго Q | 8
 невесьскаго] нбнго EFGJKLMOQRSUVYZ | спсѣ вьсен тварн]
 спснне тварн сен Q | 9 енкаже внднма • н енкаже невнднма E :
 енкаже невнднма • н енкаже внднма PQ : енкаже внднма
 ієсть н ієанка невнднма FGJKLMORSUVYZ | 10 вьстанѣте
 EFPSQ : вьскрїнѣте GJKLMORUVYZ | *post* къ себѣ *add.*
 прндѣ K | 11 сьвѣзъ EPQ : ѿ оузъ FGJKLMORSUVYZ | 12
 отълагаєтъ са EFGJKLOPQRUVYZ : ѿложн са MS | н новзи
 наплънаєтъ са] om. QS | іажє] ієже MS | 13 понаваган са EP :
 поновн са MS : поновлаєтъ са FGJKLOQRYZ : понавлаєтъ
 UV | сь же EPQ : сн же FMS : се же GJKLORUVYZ | 14 са
 хѣ іавї EP : іавн са хѣ FGJKLMQORSUVYZ | пльтнзньнмь
 FEPQS : плѣсквм GJKLMORUVYZ | 16 тожде] om. MS |
 бѣдн же] да бѣ же MS | 17 наглашаіѣщѣ GJKOPQRUVYZ :
 оглашаюце EFLMS ||

Источники

- E — Торжественник триодный. РГБ, ф. 98, собр. Е. Е. Егорова, № 257.
 F — 16 Слов Григория Богослова. ЗНБ СГУ, собр. Мальцева, № 38.

- G — 16 Слов Григория Богослова. ХГНБ, 816 067, инв. № а 64959.
I — Изборник Святослава 1073 года. ГИМ, Синодальное собр., № 1043.
J — 16 Слов Григория Богослова. ЯГМЗ, инв. 15473 = 2 (32).
K — 16 Слов Григория Богослова. РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 82/207.
L — 16 Слов Григория Богослова. РГБ, ф. 304.I, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 8.
M — 16 Слов Григория Богослова. ГИМ, Синодальное собр., № 954.
Men 1 — Великие Минеи Четы митрополита Макария. ГИМ, Синодальное собр., № 990, XVI в.
Men 2 — Великие Минеи Четы митрополита Макария. ГИМ, Синодальное собр., № 178, XVI в.
N — 16 Слов Григория Богослова. НБКМ, № 674.
O — 16 Слов Григория Богослова. LMAV, № 55.
P — 13 Слов Григория Богослова. РНБ, Основное собрание, Q.п.I.16.
Q — 16 Слов Григория Богослова. ГИМ, Чудовское собрание, № 11.
R — 16 Слов Григория Богослова. LMAV, № 56.
S — 16 Слов Григория Богослова. ГИМ, Синодальное собр., № 43.
U — 16 Слов Григория Богослова. ГИМ, Синодальное собр., № 51.
V — 16 Слов Григория Богослова. ВСМЗ, Отдел книжных и рукописных фондов, № В-5636/24.
Y — 16 Слов Григория Богослова. РГБ, ф. 209, собр. П.А. Овчинникова, № 81.
Z — 16 Слов Григория Богослова. РГБ, ф. 209, собр. П.А. Овчинникова, № 82.

Сокращения

- ВСМЗ Владимирско-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Владимир
ГИМ Государственный исторический музей, Москва.
ЗНБ СГУ Зональная научная библиотека имени им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета, Саратов.
НБКМ Народная библиотека Св. Кирилла и Мефодия, София.
РГБ Российская государственная библиотека, Москва.
ХГНБ Харьковская государственная научная библиотека имени В. Г. Короленко, Харьков.
ЯГМЗ Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Ярославль
LMAV Lietuvos mokslų akademijos biblioteka, Vilnius

Литература

- Анисимова 2014 — *Т. В. Анисимова*. Фонд № 98. Собрание рукописных книг Е. Е. Егорова. Описание. Т. 3. №№ 201–300. XV–XIX вв. М., 2014. С. 115–124.
- Бруни 2004 — *А. М. Бруни*. Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы (= Россия и Христианский Восток. Библиотека, вып. 6). М.; СПб. 2004.
- Бруни 2010 — *А. М. Бруни*. Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина. Т. I (= Россия и Христианский Восток. Библиотека, вып. 9). М., 2010.
- Бруни 2013 — *А. М. Бруни*. К сопоставительному изучению византийской и древнейшей славянской традиции Толкований Никиты Иракийского к Словам Григория Богослова // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Б. Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2013 г., М., 2013. С. 29–42.
- Бруни 2016 (2017) — *А. М. Бруни*. Палеографо-кодикологические и текстологические разыскания по древнеславянским рукописям 16 Слов Григория Назианзина // *Russica Romana*. Т. XXIII. 2016 (2017). С. 9–40.
- Бруни 2017а — *А. М. Бруни*. Палеографические заметки о древнерусском кодексе Слов Григория Назианзина ГИМ, Чуд. 11 // *Europa Orientalis*. 36. 2017. С. 229–240.
- Бруни 2017б — *А. М. Бруни*. Славянские рукописи Григория Назианзина: дополнения к каталогу литургической коллекции 16 Слов // *Монфоко*. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М., 2017. С. 517–522.
- Бруни 2018 — *А. М. Бруни*. Фрагменты из «Амбигв к Иоанну» Максима Исповедника в Гомилии Михановича // Специальные исторические дисциплины. Т. 2. М., 2018. С. 368–373.
- Бруни 2018 (2019) — *А. М. Бруни*. Старославянский перевод Слова 44 Григория Назианзина: Гомилиярий Михановича и древнерусские списки (предварительные текстологические заметки) // *Slovo* (Časopis Staroslavenskoga instituta). 68. (2018) [2019]. С. 35–50.
- Бруни 2019 — *А. М. Бруни*. Рукописи Григория Назианзина библиотеки Сербской патриархии и музея Сербской православной церкви // *Per Aleksander Naumow. Studi in suo onore / A cura di Lj. Banjanin, P. Lazarević Di Giacomo, K. Stanchev* (= *Slavica*, 20). Alessandria, 2019. С. 73–81.

- Бруни 2020a — *А. М. Бруни*. Древнейшая славянская традиция *Слова XVI* Григория Богослова: старославянские версии и проблемы их изучения // *Palaeobulgarica*. Т. XLIV/1. 2020. С. 28–52.
- Бруни 2020б — *А. М. Бруни*. Староболгарский перевод Слова 44 Григория Назианзина: критическое издание по рукописям XIII–XVII вв. // *Translations of Patristic Literature in South-East Europe Bucharest. Proceedings of the session held at the 12th International Congress of South-East European Studies (Bucharest, 2-6 September 2019)*. Ed. by L. Taseva and R. Marti (= *Bibliothèque de l'Institut d'Études sud-est européennes*, 14). Brăila, 2020. С. 21–42.
- Вершинин 2018 — *К. В. Вершинин*. Древнерусское толкование на ирмосы Крещения // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. XVI. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 66–89.
- Выставка 1913 — Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия царствования дома Романовых. М., 1913.
- Дмитриев 1960 — *Л. А. Дмитриев*. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН*. Т. 16. 1960. С. 554–560.
- Климент 1970 — Климент Охридский. Събрани съчинения. Т. I / Обработали Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев., Хр. Кодов. София, 1970.
- Молдован 2016 — *А. М. Молдован*. Восточнославянская лексика в переводе толкований Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. IX. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 70–85.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Попкова 2011 — *Н. А. Попкова*. Книжное собрание П. М. Мальцева в научной библиотеке Саратовского университета // *История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 3*. С. 133–154.
- Турилов 1995 — *А. А. Турилов*. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (заметки к оценке явления) // *Славяноведение*. 2009. № 3. С. 29–43 (переиздано в: *Он же*. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: этюды и характеристики. М., 2012. С. 199–219).
- Турилов 2010 — *А. А. Турилов*. Кирилло-мефодиевская традиция и собрание рукописей Научной библиотеки Саратовского государственного университета // *Славянский альманах 2009*. М., 2010. С. 50–59.

- BHG — *F. Halkin*. Novum auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae. Bruxelles, 1984.
- Bruni 2011 — *A. M. Bruni*. La tradizione slava antica della «Vita di S. Gregorio il Teologo» (BHG 723): fonti manoscritte e versioni del testo // Ricerche Slavistiche. N.S. 9 (LV). 2011. P. 35–54.
- Mushinskaya, Pichkhadze 2018 — *M. Mushinskaya, A. Pichkhadze*. Problems of publishing Old Slavonic translations together with their originals: towards a critical edition of the *Commentaries* of Nicetas of Heraclea on 16 *Orations* of Gregory of Nazianzus with the Slavonic translation // *Editing Medieval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations*. Ed. by L. Sels, J. Fuchsbauer, V. Tomelleri and I. De Vos (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 276; *Bibliothèque de Byzantion*, 19). Leuven; Paris; Bristol, 2018. P. 379–400.
- PG — *J. P. Migne*. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. T. 36. Parisiis, 1858.
- Ziffer 1997 — *G. Ziffer*. Una premessa cronologica allo studio della tradizione manoscritta slava orientale antica // *Russica Romana*. 4. 1997. P. 11–25.

К. В. Вершинин

Институт российской
истории РАН
(Москва, Россия)

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ
СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА
ЖИТИЯ ФЕОДОРА ЭДЕССКОГО

Житие Феодора Эдесского, приписываемое епископу эмесскому Василию (ВНГ 1744) — один из самых замечательных памятников византийской агиографии, переведенных на славянский язык¹. Оно входит в число пространных житий-романов, к которым относятся, в частности, жития Андрея Юродивого, Василия Нового и Нифонта Констанцкого, также известные в славянской традиции. Все эти памятники обладают сложной композицией и замысловатым сюжетом; биографию реального святого в них непременно окружает богатый художественный вымысел. Не вполне понятно, объясняется ли возникновение данного стиля влиянием «македонского возрождения» или чем-то иным, но нельзя не признать, что выдающиеся литературные качества упомянутых житий сыграли не последнюю роль в их усердном усвоении средневековыми читателями. В нашем случае в центре внимания — полуполюгендарный рассказ о крещении эдесским святителем в Багдаде сарацинского «царя» Мавии.

Еще А. И. Соболевский указал на существование двух славянских переводов Жития [Соболевский 1903: 19]. Следует уточнить, что второй из них представляет собой редакцию первого. Он требует отдельного изучения, но предварительный просмотр позволяет пред-

¹ См. о нем: [Лопарев 1915: 40–64; Vasiliev 1944; Abel 1949]; о Феодоре и его сочинениях см. также [Gouillard 1947]. Оригинал был опубликован И. В. Помяловским [1892] по двум спискам XI в. греческого Синодального собрания и парижскому фрагменту XV в. (другие, более поздние списки не исследованы). Существует древний арабский перевод памятника. Недавно появился русский перевод Жития, выполненный Д. Е. Афиногеновым [Жития 2015: 665–764]. При его высоких качествах нельзя не пожалеть, что из двух древних списков, учтенных в издании Помяловского, ученый использовал лишь основной, Син. греч. 15, и проигнорировал чтения Син. греч. 18, которые, как показал еще П. В. Никитин [1895: 63–67], нередко оказываются архетипными.

положить, что правка осуществлялась без привлечения греческого оригинала. Эта вторая редакция сохранилась в десятках восточно- и южнославянских списков, старшие из которых относятся к XIV в.² Первая же, древнейшая, нам известна лишь в двух русских сборниках: РГБ, Унд. 1081, конец XV в., л. 103–193об. (далее — У)³; РГБ, Егор. 901, третья четверть XVI в., л. 1–90об. (далее — Е). А. И. Соболевский был знаком только с рукописью У; список Е никем, по-видимому, не классифицировался, хотя Ю. К. Бегунов сделал краткое описание обоих сборников [Бегунов 1973: 487–489; 503]. Он же установил, что читающиеся в них списки «Беседы» Косьмы Пресвитера принадлежат к одному гипархетипу [Там же: 179]. Скажем точнее: к единому протографу восходит целый комплекс текстов в У и Е. Это Житие Феодора, ему же приписываемые «Сто глав», «Беседа» Косьмы и статья **Ѡ патерника поучение**, начало которой уцелело в У на последнем листе рукописи — 281об. (в Е она читается полностью на л. 173–173об.)⁴.

Оба списка Жития дефектны: в У утрачена целая тетрадь (восемь листов) между л. 141 и 142, в Е — четыре листа в начале (первый, возможно, был чистым), четыре между л. 2 и 3, по листу между л. 19 и 20, 25 и 26, 31 и 32, 86 и 87. Большую лакуну У список Е восполняет — за исключением, увы, небольшого фрагмента (это конец § 47 и почти весь § 48 по изданию Помяловского)⁵.

Интересны буквенные сокращения слов, встречающиеся в каждой из рукописей по одному разу: в У — **ѡко ѿ блага и плодоносна** 115 (киноварью дополнено: **земля** — возможно, киноварщиком), в Е — **и въ члкъ то ба**.^Т 36об.; при этом слово **земля** раскрыто в Е, а **сло** —

² Известны поздние лицевые списки, один из них издан [Житие 1879, 1880, 1885]. Беглый просмотр показывает, что текст второй редакции подвергся здесь дальнейшим изменениям. Отметим также, что извлечение из Жития (рассказ о столпнике Феодосии) содержится в Пандектах Никона Черногорца (издание см.: [Срезневский 1874: 239–243]). Оно перешло в пространную редакцию Пролога, где читается под 7 января [Прокопенко 2011: 415–416].

³ Конволют из двух частей: л. 1–102 и 103–284 (без конца). Первая часть — окончание какого-то сборника: вторая тетрадь У была в нем лишь 21-й (на нижнем поле л. 8 сохранился номер **ка**).

⁴ Через протограф более высокого порядка сборники У и Е связаны с целой группой рукописей XVI–XVII вв., где «Беседа» Косьмы переписана вместе со статьей «От Патерика» [Бегунов 1973: 497–512].

⁵ Это участок текста между словами: *ἵνα τὸ αὐτὸ ὁμολογήτῃ... διατίθεται μίαν εἶναι τὴν φύσιν τοῦ λόγου καὶ τῆς σαρκὸς* [Помяловский 1892: 47–48]; ср.: **да то глте исповѣдаѣте**. || **заповѣдаѣт** **единомѣ** **быти естествоѣ** **словѣ** **и** **плоти** (Е, 31об.–32).

в *У*, что, между прочим, исключает возможность копирования *Е* непосредственно с *У*. Вероятно, оба сокращения восходят к одному протографу, который можно датировать концом XIV — первой половиной XV в., когда имел некоторое распространение такой — довольно редкий — способ сокращения слов [Баранкова 2013]. Протограф имел новгородское происхождение, как можно судить по орфографическим диалектизмам, часть из которых читается в разных местах текста — мене *ч/ц*, например: *старечь* 144, *не ѿречанса* 134об., *рѣци* ‘речи’ 173 в *У*; *межерѣцье* 88об., *грѣшница* ‘грешница’ 39 в *Е*, а также многочисленным случаям смещения *ѳ/ѣ* и *и/ѣ*.

Списки *У* и *Е* унаследовали из протографа и неверное расположение текста (без утрат), вызванное путаницей листов. В самом начале Жития (гл. 5–12) порядок должен быть следующим (цитируем по *У*): отрезок до слов *авьѣ жена къ бжтвнѣи же* 105; *аплъстѣи цркви коупно с моужемъ ~ страшное вно видѣнїе исповѣда* 107об.–109об.; *слышавъ архиереи пристрашенъ вы^ѣ ~ и во свои его причте кларость. ѿ того часа* 105; *такова блгѣтъ блгаго оученїа ~ и часть оубо сестроѣ свои вдавъ* 107–107об.; *яко мои же мѣри ~ и къ соущимъ тоу ѿцѣмъ вестѣдова* 109об.–110; *немного днїи пребывъ с ними ~ поравошата и шбоузданьемъ поста* 105–107; *бѣсовьскыа възгражата пакости* и далее 110об. Последний из оказавшихся не на месте фрагментов (л. 105–107) переставлен и в списках второй редакции (там есть соответствующие киноарные пометы с указанием начальных слов фрагментов: МДА 45, л. 3б: +*престѣпи +чти за двѣ ли таковаа блгѣтъ*<ѣ>; л. 4в: *зѣ чти за ли напре^д* на бѣсовьскыа; л. 5в: *зѣ чти. немнго же днїи. за три ли наза^д*). Это значит, что вторая редакция восходит к отдаленному протографу *У* и *Е* (где впоследствии продолжали отрываться и перепутываться листы, породив остальные перестановки).

В гл. 25–26 переставлены местами два фрагмента, верный порядок таков: *кдѣ ѡво ли ветхое писанье. ли є* 121; *а се первѣѣ чти иже* (< *еже*⁶) в ва глѣмое еѡанглье ~ *встѣпи|хомъ брака и а* 121–121об.; *си послѣ чли* (< *чти*) *иже* (< *аже*) *ш брацехъ. такоже и ѣденна масть ~ престивъ* (< *пральстивъ*) *весь. сороцнскы* 121об.–122; *родъ. и до престѣдъ* (< *престъ ѣдъ*) *зловы изливъ* 122. Как видно из подчеркнутых слов (попавших в текст маргиналий), и эта путаница имела место не в ближайшем общем протографу *У* и *Е*, а в более древней рукописи — возможно, все той же самой, существование которой мы предположили выше.

⁶ Слово было разделено (є||же), его начало (є) читается выше, а остаток исправлен переписчиком; то же самое видим ниже (а||же).

Наименьший отрезок текста, подвергшийся перестановке (на л. 105) мог содержать, даже при раскрытых титлах и всех редуцированных, всего лишь около 140 знаков, что меньше одной страницы рукописи самого малого формата, написанной уставом; вероятно, данный фрагмент был перенесен не на свое место с полей рукописи. Следующие по объему фрагменты (л. 121–121об. и 121об.–122) насчитывают каждый немногим более 500 знаков; таким образом, речь идет, скорее всего, о перевернувшемся листке в 4° (для сравнения: на странице Выголексинского сборника конца XII в. умещается порядка 400 знаков).

Перевод Жития, несомненно, следует датировать очень ранним временем⁷. Из архаичных грамматических особенностей укажем супин: *ндохъ... видѣтъ* 146, *изиде... видѣтъ*; *нде мытъся* 155об., *оувитъ придоша* 156, *посланъ выхъ проповѣдатъ* 161об. и др.; старую форму винительного падежа: *дати има снѣ* 107об., *принесе младенецъ* 108об., *голоубъ во бѣлъ видѣ* 132об.; управление местным падежом у глаголов с приставкой *при-*: *дѣлѣ роуѣнѣмъ примашеся* 113; формы *славнаго звѣри* 120об., *жилами волоубами* 172об., *црѣквамъ гнамъ* 178. Нередки формы действительных причастий прошедшего времени на *-ѣ*: *оудроуѣши* 105, *угражеся* 106об., *вовалься* 115об. и мн. др.

Особого внимания заслуживает лексика. В тексте пять раз употреблено слово *чиститель* ‘священник, иерей’ = *ιερευς* (*чѣстители* 156об., *чѣстелемь* 157, *чѣстельми* (!) 187об., *чѣстела* 188, *чѣстелеви* 188; кроме того, встретилось производное *чѣстительство* 193 = *τὸ ἱερατικόν*) — слово, характерное для преславских памятников, а кроме них встречающееся лишь в небольшой группе ранних русских переводов, осуществленных при участии болгарских книжников (Хронике Георгия Амартола, Древнеславянской Кормчей, Повести о Варлааме и Иосафе). Один раз встретилось притяжательное **дѣрговъ* в сочетании *началники дѣрговъ* 155 (передающем греческое *ἀρχιστράτας*) — не отмечавшееся до сих пор производное от *дѣргъ/дрыгъ* ‘вельможа (?)’ (в ряде рукописей встречаются также написания с *ъ* при плавном). Последнее слово — болгаризм спорной этимологии [Славова 2009; Стефанович 2012: 156–160], рано вышедший из употребления и часто смешивавшийся писцами с *дрюгъ*, а за пределами кирилло-мефодиевских и преславских текстов зафиксированный только в «Иосиппоне», переведенном (фрагментарно?) на

⁷ Здесь и далее все примеры, кроме специально оговоренных случаев, даются по *У*; греческий текст — по изданию [Помяловский 1892].

Руси не позднее начала XII в. [Вершинин 2019а: 18]. При этом другие сколько-нибудь яркие южнославянизмы в тексте почти отсутствуют; можно отметить **растроцю** (< **растрошю**) ‘истошу’ (о теле) 119, **поглоумившесѧ** μετεωρισθέντες ‘развлекшись’ 155об.⁸.

Из других слов, представляющих лексикографический интерес, укажем: **взрачье** ἀμορφίαν 181, **вззлѣпостъство** ἀσχημοσύνη 180, **вниматѣлница** προσεχῶς *E* 36об. (в греческом ‘поблизости’, в славянском понято как προσεχούσα — производное от προσέχω ‘заботиться’ и согласовано с подлежащим — проεστῶσα), **вретнищници** σακκοφόρω 168об.⁹, **вззверзвѣ** ἐπιρρίψωμεν 171, **доброслоутыя** εὐκλείας 174, **дворотчествѣни** εὐπατρίδαι 177об., **добръкласъ** εὔσταχυν 115, **домочьни** [ти жидовинѣ] οἰκεῖος 122об., **достопомънита** ἀξιωμαθόνευτα 103, **злослѣтыя** δυσφημίαι *E* 32, **мнишеньскими** ἀσκητικοῖς 175, **не многоимовитѣ** πολυκτήμονα 129об., **неѣспѣшествомъ** 146об., **и еже подъправымъ** καὶ τῷ ἰθυτενῆς 110об., **рѣчнста** λόγιον 120об., **строужкоу** [же кадила добровонна носѧ] σφαῖραν 110¹⁰; **тишашесѧ** ἐγαλήνια 115об., **чюдотворствова** τεθαυματούργηκεν 114об. Любопытно пристрастие перевода к уменьшительным формам: **въ црквицю малюу** εὐκτηρίω 173, **блюдца исплетена** μαλάκια ‘корзинки для пищи’ 117об., **црквици** θυσιαστήριω 157об.; ср. также: **малѣ нѣкакѣ чашницю** — здесь, однако, в соответствии с диминутивом оригинала: μικρόν τι ποτήριον 128

В Житии встречаются две лексемы (каждая — неоднократно), распространённые в восточнославянских памятниках. Это **кърстица** θήκη ‘ларец, шкатулка’ (**коръстицю** златоу 167, **чтнѣюю коръстицю** 169) — заимствование из прибалтийско-финских языков [Пичхадзе 2011: 85], а также **пристронти** ἐφοδιάζω ‘готовить, снаряжать; делить’ (и **дарѣми его великими. црѣскими пристронвѣ** 166об., **чтнѣ ѿ нею** [царя и царицы] **пристроеньъ вывѣ** 168) — слово, крайне ред-

⁸ Возможен также перевод ‘прогулявшись’ (речь идет о царе и его спутниках, которые **изидоша на поле**). В таком значении слово (по)глоумитисѧ зафиксировано в древнеболгарских памятниках, хотя, впрочем, в этом случае оно соответствует другим греческим глаголам [Макеева 1991: 67–68].

⁹ Такое же соответствие находим в Ефремовской кормчей [Бенешевич 1907: 709], где, однако, σακκοφόρος обозначает представителя секты саккофоров-воздержников.

¹⁰ В списках второй редакции перевода Жития лексема исключена как непонятная: и **вса же добровонна ношааше кадила** (МДА 45, л. 56). Ср. **строужла** ‘крутящаяся игрушка’ в Сербской Александрии [БЛДР 2008: 34] и переписке дьяка Третьяка Васильева [СлРЯ XI–XVII 28: 196].

кое в южнославянских источниках¹¹. Встретился в Житии и глагол **починати**, крайне редкий (как и родственные ему слова с начальным **по-** вместо **на-**) в южнославянских памятниках и обычно признаваемый за русизм [Пичхадзе 2011: 140]: **авіе ноцное п'ннѣ (!) починаше обычное** ἀπαρχόμενος 113об.

Ряд переводческих решений не связан с региональной лексикой, но также до некоторой степени сближает текст с ранними русскими переводами. Любопытен глоссирующий перевод греческого εἰς λιτήν: **с литеею рекъше съ крѣты** 127об. Точно так же данное слово комментируется в других ранних переводах, осуществленных на Руси — Эклоге и Студийском уставе, на соответствующие места которых нам уже приходилось указывать [Вершинин 2019б: 151–152]. Обращает на себя внимание и такое место: **нежитоу бо и прекилажи на всюо вѣкоу назнаменовашемася** 153 в соответствии с ἀνθρακώσεως γὰρ καὶ καρκινωμάτων ἐν τῷ βλεφάρῳ τούτου (здесь порча в оригинале славянского перевода?) κατασκηψάντων ‘ибо из-за того, что веко поразили карбункул и раковая опухоль...’ [Помяловский 1892: 74]. Здесь употреблено слово ***прекилажа**, которое в данной форме и данном значении зафиксировано (дважды) только в переводе Синаксаря, выполненном на Руси в конце XI — начале XII в. [Прокопенко 2011: 82–83]¹². Косвенно о русском происхождении текста свидетельствует и то, что для переводчика аланы тождественны асам (ясам), хорошо известным русским летописям: **Имаше же црь три извѣстыя втрокы ѿ асы родомъ** 163 = ἐξ Ἀλανῶν¹³. Асы и аланы представляли собой особые общности «по крайней мере, вплоть до середины X в.» [Цукерман 2005: 79], а вероятно, и дольше (то есть, заметим, всю эпоху расцвета древнеболгарской книжности), после чего современники перестали их различать. Первый известный до сих пор автор, прямо уравнивающий тех и других — Плано Карпини (середина XIII в.). К. Цукерман склонен думать, что тождество возникло не ранее того же XIII столетия, но с учетом нашего текста следовало бы отодвинуть эту границу ниже.

¹¹ См.: [Пичхадзе 2011: 141; 2016: 92]. Другие примеры происходят из Пандект Антиоха и гимнографических текстов (происхождение последних, строго говоря, не выяснено).

¹² Л. В. Прокопенко также указывает непрямую параллель **преколажа** ‘рак (животное)’ в Хронике Манассии (болгарский перевод XIV в.). В приведенной цитате интересен и ранний пример употребления слова **нежитъ** ‘воспалительная болезнь’.

¹³ Написание **асы** в данном случае можно трактовать и как гиперкоррекцию из ***асы**; ср. **адовитън (!) змиѣ** 120об.

Имеются и другие особенности, характерные для древнерусского языка: имперфектив **сказываше** 105, имперфект с аугментом **ѣриѣтахуѣтъ же са** 134об., форма причастия: **ѣлико мога** 150, формы местного падежа: **ѣдинѣмъ** 130, **ѣцѣмъ** 155об.

Число фонетических русизмов, в том числе нетривиальных, довольно велико: **на верезѣ** 134, **ѣ берниа тинна** 174, **блѣхъ** 134, **лоды** 132, **ѣдинъ** 113, **оуноша** 117об., **перевезохомса** 134об., **гаспидомъ** дат. мн. 177об. В свете того, что следы второго южнославянского влияния в рукописях не очень значительны, допустимо трактовать форму **пресинъ** ‘перс’ 124, а также аналогичную ей, реконструируемую в уже цитировавшейся фразе **до пресѣдъ зловы** 122 (< **до пресѣ ѣдъ зловы** = καὶ μέχρη Περωῶν... τὸν ἰὸν τῆς κακίας), как отражения древнеболгарского правописания, еще применявшегося первыми поколениями русских книжников.

В тексте встретилось «двойное» чтение: **да тѣ гѣте исповѣдаѣте** в соответствии с ἵνα τὸ αὐτὸ ὁμολογήτε *E*, 31об. Это место, очевидно, представляет собой переводческий «дублет», подобные которому встречаются в древнерусских переводах домонгольского времени [Пичхадзе 2011: 75–77].

Все упомянутые особенности позволяют причислить славянский текст Жития Феодора Эдесского к переводам, возникшим в Древней Руси в XI — начале XII в. и особенно к их I группе по А. А. Пичхадзе (их признаки — соседство русизмов с болгаризмами, «дублеты» в тексте). При этом на участке, содержащем русизмы **кѣрстица** и **пристроити**, не употребляется термин **чиститель**: вместо него здесь встречаем **сѣнники** ἱερεῖς 168об. и **сѣль** ἱερέων 177. Таким образом, в переводе участвовали по меньшей мере два книжника, чьи языковые предпочтения различались. О том же свидетельствует, видимо, и различие в передаче слова ποιήν: **пастоуѣ** 135 (преславизм), но в другом месте **пастыра** 130об. Ошибок перевода в тексте сравнительно немного; можно отметить незнание мифологии — τῶν σεῖρήνων переведено как **червлѣны**^x 114 (σεῖρήν смешано с συρικόν = σηρικῶν ‘красный краситель’).

Что касается «Ста глав» Феодора, то они, хотя часто встречаются вместе с ним в греческих списках, на славянской почве были переведены отдельно и лишь впоследствии составили с Житием единый комплекс [Вершинин, в печати].

Наметим место славянского перевода в рукописной традиции Жития. Он регулярно поддерживает (иногда с мелкими индивидуальными отличиями) чтения списка Син. греч. 18 (вслед за И. В. По-

мяловским далее обозначаем его буквой *B*, а Син. греч. 15 — *A*). Примеров так много, что перечислить их все в этой работе невозможно; приведем некоторые: **плада чрвѣнаго просѣща** 108 = καρπὸν αἰτοῦντες κολιάς *B*, в *A* пропущено (гл. 3); **кормьчѣственнѣ^х правилѣ** 110об. = τῶν κυβερνητικῶν οἰάκων *B*, в *A* пропущено (гл. 12); **проводниша** [тело игумена Иоанна] 112 = παραπέμπουσιν *B* против κατατιθέασιν ‘погребли’ *A* (гл. 14); **хрѣтъяне же и** || **книжници исполнѣша^с рѣсти рекъше...** 123—123об. = οἱ δὲ χριστιανοί, οἵτε γραφεῖς, ἐπληρώθησαν χαρᾶς εἰπόντες... *B* против οἱ δὲ χριστιανοί, οἵτε γραφεῖς καὶ ἰατροί, χαρᾶς μεγίστης πληρωθέντες ἀνεβόησαν εἰπόντες... *A* (гл. 28); **вѣжъя же гра^д стѣль рѣ^с** 131 = ὁ δὲ Θεουπόλεως ἀπεκρίνατο *B* против Ἀντιοχείας *A* (гл. 41)¹⁴; **манихѣи весь** *E* 33об. = μανιχαῖος ὄλος *B* против ἄλλος *A* (гл. 51); **ω бланѣ^м невѣ^с** *E* 37 = περὶ τοῦ μακαρίου... Ἰῶβ *B* против περὶ τοῦ δικαίου... Ἰῶβ *A* (гл. 56); **соупрѣги** *E* 37 = συζύγου *B* против γυναικός *A* (гл. 56); **сѣнклиткиниа^жнѣ (!)** *E* 39об. = συγκλητικῆς γυναικός *B* против μητὸς τοῦ παιδίου *A* (гл. 59); **женѣ повиннѣнѣю грѣхи** *E* 40 = ἁμαρτίαις ὑπεύθυνον γυναῖκα *B* против πόρνην ἐκείνην *A* (гл. 59). Часто славянский перевод повторяет пропуски (или исконную «неполноту»?) *B*: к примеру, в гл. 45 нет соответствия словам *A* Ἐωθεν οὖν τὸν Εὐφράτην διαπεράσαντες, ср. *У*, л. 134об.; в гл. 66 — словам τῆς ἐνδόξου καὶ λαμπρᾶς ἀναστάσεως τοῦ Χριστοῦ, ср. *У*, л. 148; и т.д. Впрочем, иногда — значительно реже — славянский текст следует за *A*: **мѣтель** τύραννος 124, в *B* — βασιλεύς (гл. 29); в отличие от *B*, в славянском тексте присутствуют окончания гл. 48 [Помяловский 1892: 48, сн. 13] и фраза в гл. 51: **воплоче^{ное} гавляюци** *E* 33об. = τοῦ σεσαρκωμένην δηλοῦσα *A*.

Перевод поддерживает конъектуры, предложенные П. В. Никитиным [1895: 63—67]. В гл. 2 (следуем рубрикации И. В. Помяловского), во фразе παῖδα, ὃν πάλιν αὐτῇ δοτὸν προαῖξει θεῶ, ученый предлагает читать αὐτῇ δοτὸν; тот же смысл предполагает и славянский текст: **ωтроча. егѣ^ж и данѣ^ж бѣг^ж приложити глѣше** 105. В гл. 10, во фразе τὰ τῶν μοναχῶν ἄμφια ἐνδύει, П. В. Никитин, опираясь на *B*, исключает ἄμφια как позднейшую интерполяцию в расхожее выражение; действительно, в нашем переводе читаем **въ мнишеськага вблече** 105об. В гл. 66, где *A* дает καίπερ ὁ πορῶν, а *B* — καὶ περπορῶν, ученый восстанавливает καὶ πεζοπορῶν, чему в славянском соответствует **и пѣшь идѣ^х** 148. В гл. 114 П. В. Никитин следует за *B* — только в этой рукописи есть взятое в скобки слово: οὕτω γοῦν πολλοῖς καὶ μεγάλοις ὁ ὀσιώτατος Θεόδωρος каторθώμασι [διαπέμψας] καὶ νόμασι ποταμῶν ταῖς ἐπιρροαῖς τῶν

¹⁴ Феополь («Божий град») — византийское название Антиохии.

θαυμάτων μισηόμενος; однако на месте διαπέμψας он реконструирует διαπρέψας, что совпадает со славянским: **ТАКО ОУБѢ МНОГЫМИ И ВЕЛИКИМИ ИСПРАВЛЕНИИ ПОДОВЕНЪ БЫВЪ** великын февддоръ. и водамъ рѣчнымъ течениемъ чюдесь оуподобивъса 192 (отметим и очередное сходжение с *B*, где вместо ὀσιώτατος читается μέγας).

В некоторых случаях славянский текст позволяет предложить и новые конъектуры. Так, в гл. 34 дата погребения мученика Михаила Эдесского определяется как ^смѣа. июла. кѣф. 126об. (очевидно, из ^скѣ, что совершенно верно), в то время как в греческих списках находим ἐννεακαίδεκάτη [Помяловский 1892: 30]. Только в славянском в гл. 95 правильно передается название Ганга: **ГАНЬГНА РѢКА** 177 — в греческих рукописях пропущена одна гамма: Γάγης ὁ ποταμὸς [Помяловский 1892: 101]. В гл. 73 фраза **с коликою же чѣтью. аще кто рѣтъ** 155об. сочетает чтения *A*: μετὰ πολλῆς τιμῆς и *B*: μεθ' ὅσης ἄν τις εἴποι, но ближе к *B*, где после ὅσης, скорее всего, пропущено τιμῆς.

В гл. 111 оригинала читаем: οἱ χριστιανοὶ πάντες ἔφυγον καὶ κατέκρυψαν ἑαυτοὺς δεδοικότες τὴν ὀρμὴν τοῦ λαοῦ, τὸ δὲ σῶμα τοῦ μάρτυρος ἔρριψαν ἐπὶ χώρας δι' ὅλης τῆς ἡμέρας ἐκεῖνης; при этом в *B* конец предложения переделан — ἔρριψαν δὲ δι' ὅλης τῆς ἡμέρας τὸ σῶμα τοῦ μάρτυρος ἐπὶ χώρας¹⁵, что почти совпадает с порядком слов в славянском тексте: **повергоша же на весь днь мѣнка тѣло ѡсобь** 190. Однако соответствие ἐπὶ χώρας = **ѡсобь** можно объяснить только наличием в оригинале перевода слова χωρίς (или какого-то иного, принятого за производное от названного). Неясно, следует ли делать из этого вывод о порче данного места в доступных греческих списках.

В ряде мест славянский текст отличается от *A* и *B* настолько, что можно настаивать на отражении в нем чтений из утраченного общего архетипа греческих списков. Так, в гл. 10 вместо βραχὺς ὁ ἐν μέσῳ χρόνος видим **и пребыи посрѣди лѣтъ** 105об., что, несмотря на излишне буквальный перевод выражения ἐν μέσῳ, нельзя вывести из ошибки. Приходится заключить, что в оригинале нашего перевода содержалось указание на точное время пребывания св. Феодора в монастыре до пострига, замененное в греческой традиции на общее место. В гл. 68, где в качестве метафоры упоминаются сирены (при том, что, как уже было сказано, τῶν σειρήνων неверно переведено как **червленны**), чита-

¹⁵ Д. В. Афиногенов переводит «бросили на земле» [Жития 2015: 760], но точнее было бы «оставили на месте». Ср. выше: μηκέτι τὴν Βαβυλῶνα καταλάβης, ἀλλὰ μείνας ἐπὶ χώρας μέμνεσθ' μου... («не стремись больше в Вавилон, но, оставаясь на месте, поминай меня...») [Помяловский 1892: 108].

ется: [принимающие монашество, претерпев то, что баснословят о сиренах] **не ѡзирахоуѡса назадь** 114, чему в греческих списках нет соответствия (впрочем, это может быть поясняющая мифологический сюжет глосса, попавшая в основной текст). В гл. 65 окончание фразы **видахъ азъ своего брата ходища. Ѡстогаща Ѡ мене и побирающа зелье мылымъ (< малымъ) предъ** 145об. соответствует чтению списка *B*: περιπατοῦντα ἀπέχοντά μου στάδιον μικρὸν πρὸς (в *A*: στάδιον ἐν ἧ καὶ πλεῖον); однако вместо στάδιον в славянском читаем **побирающа зелье**, что в свете дословного, в целом, следования перевода за оригиналом трудно считать домыслом русского книжника. В гл. 113 перечисляются члены «святого союза», из которого остался один св. Феодор: **ѡставъ стѣпа соупрѣгы. дѣховнаго же своего сѣна и прѣбнаго феѡдосѣа столпника. и брата его стѣга иѡана поустыинника** 191–191об. Здесь, как в *B*, нет уточнения о духовном сыне: λέγω δὴ τοῦ βασιλέως Ἰωάννου; есть и отсутствующие в греческих списках фрагменты — имя Феодосия, а вслед за тоῦ... στυλίτου — упоминание Иоанна, пропущенное, вероятно, в общем протографе *A* и *B* из-за гаплографического пропуска.

Итак, значение перевода Жития не ограничивается для нас важными штрихами к истории славянской литературы и древнерусских переводов. Он восходит к архетипу древнейших сохранившихся греческих списков, имеет немалую текстологическую ценность и должен учитываться в исследованиях и будущих публикациях греческого оригинала. Думается, что в дальнейшем нужно предпринять усилия для разыскания неизвестных списков первой редакции перевода Жития Феодора Эдесского, а в перспективе — подготовить издание этого незаурядного переводного памятника.

Литература

- Баранкова 2013 — Г. С. Баранкова. Редкий способ сокращения слов, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 115–134.
- Бегунов 1973 — Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973.
- Бенешевич 1907 — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1907.
- БЛДР 2003 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8: XIV — первая половина XVI века. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб., 2003.

- Вершинин 2019а — *К. В. Вершинин*. Древнейший вид Сказания о трех пленениях Иерусалима // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.). М., 2019. С. 16–21.
- Вершинин 2019б — *К. В. Вершинин*. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.
- Вершинин, в печати — *К. В. Вершинин*. Фрагмент неизвестного славянского перевода Исаака Сирина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.
- Житие 1879, 1880, 1885 — Житие Федора Едесского. Из рукописи, принадлежащей кн. П. П. Вяземскому № LXXXIX (Издания Общества любителей древней письменности. №№ 48, 61, 72). Вып. 1. СПб., 1879; Вып. 2. СПб., 1880; Вып. 3. СПб., 1885.
- Жития 2015 — Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Общ. ред. Т. А. Сениной. СПб., 2015. Т. 1.
- Лопарев 1915 — *Х. М. Лопарев*. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. Т. XIX. 1912. С. 1–151.
- Макеева 1991 — *И. И. Макеева*. Древнерусское *глумитися*: традиция и своеобразие // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 65–69.
- Никитин 1895 — *П. В. Никитин*. О некоторых греческих текстах житий святых (= Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. I. № 1). СПб., 1895.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пичхадзе 2016 — *А. А. Пичхадзе*. Славянский перевод Эклоги // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры: Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 86–97.
- Помяловский 1892 — *И. В. Помяловский*. Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Едесского, по двум рукописям Московской Синодальной библиотеки. СПб., 1892.
- Прокопенко 2011 — *Л. В. Прокопенко*. Древний славянский рукописный Пролог: история создания, редакции, бытование в XII–XIV вв. (сентябрьское полугодие). Saarbruecken, 2011.
- Славова 2009 — *Т. Славова*. Неизвестен старобългарски сан // *Palaeobulgarica*. Т. XXXIII (2009). № 1. С. 1–15.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М., 1975–2019–.
- Соболевский 1903 — *А. И. Соболевский*. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 74. № 1). СПб., 1903.

- Срезневский 1874 — *И. И. Срезневский*. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 12. № 1). СПб., 1874.
- Стефанович 2012 — *П. С. Стефанович*. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012.
- Цукерман 2005 — *К. Цукерман*. Аланы и асы в раннем средневековье // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 218. М., 2005. С. 65–84.
- Abel 1949 — *A. Abel*. La portée apologétique de la ‘Vie’ de st. Théodore d’Édesse // *Byzantinoslavica*. Vol. 10. 1949. P. 229–240.
- Gouillard 1947 — *J. Gouillard*. Supercheries et méprises littéraires. L’oeuvre de saint Théodore d’Édesse // *Revue des études byzantines*. T. 5. 1947. P. 137–157.
- Vasiliev 1944 — *A. A. Vasiliev*. The Life of St. Theodore of Edessa // *Byzantion*. Vol. 16. Fasc. 1. 1942–1943. P. 165–225.

Д. Г. Полонский

Институт
славяноведения РАН
(Москва, Россия)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПУТНИКИ
МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЛАДШИХ
РЕДАКЦИЙ
«СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»
В СБОРНИКАХ XV—XVI ВВ.

Прошло около 40 лет с тех пор, как подробное лингвотекстологическое изучение знаменитого древнерусского сочинения середины XI в. — «Слова о законе и благодати» (*СЗБ*) митрополита Илариона, — осуществленное А. М. Молдованом на основе анализа памятника по 52 спискам, позволило исследователю существенно уточнить выводы предшественников относительно особенностей различных редакций *СЗБ* (вкратце об этом: в статье [Молдован 1982], подробнее в фундаментальной монографии [Молдован 1984: 4–65])¹. Исследуя историю текста *СЗБ*, Н. К. Никольский на основании изучения 30 списков выделял четыре его редакции [Никольский 1906: 77–86], а Н. Н. Розов, благодаря разысканиям которого число списков возросло до 45, — три [Розов 1961: 44–49; 1966: 365–366]. Однако Н. К. Никольский и Н. Н. Розов, как отмечал А. М. Молдован, «не аргументировали установленную ими последовательность появления этих редакций» [Молдован 1984: 11]. Пересмотрев выводы ученых и приведя детальные обоснования, А. М. Молдован отнес к первой редакции *СЗБ*

¹ Датировка создания *СЗБ* — между 1037 и 1050 г., — относящаяся ко времени до принятия Иларионом митрополичьего сана, была обоснована еще в 1848 г. А. В. Горским и является общепринятой (см. [Розов 1961: 42–43; Молдован 1984: 5, 70 (прим. 8)], с указанием литературы). Недавно А. Ю. Виноградовым на основании интерпретации данных эпиграфики предложена гипотеза, согласно которой Иларион вследствие непризнания Константинополем каноничности его поставления возглавлял киевскую кафедру лишь очень недолгое время: после 24 июля 1051 г., но до 4 ноября 1052 г., «т. е. около 1 года, а то и менее» [Виноградов 2019: 479–480]. Насколько мне известно, пока не исследовано, как сужение традиционно предполагаемой хронологии митрополичества Илариона (1052 вместо 1054 г.; об этом, например: [Поппэ 1996: 446, 449–450]) соотносится с выводами о его целенаправленной и требовавшей времени деятельности по обновлению богослужения на основе доставленных из Охрида в Киев богослужебных книг, которые затем активно распространялись в Киевской митрополии [Пентковский 2018: 276–277, 280].

один список (Син-591²), ко второй — 38, к третьей — 13 [Там же: 19]³. В последнее время изучение *СЗБ* в сопоставлении с тесно связанными с ним «Похвалой Владимиру» и Молитвой Илариона по списку Син-591 позволило сделать новые заключения о близости этого списка к протографу и реконструировать творческий замысел древнерусского автора, «целью которого было создание сложного литературного комплекса, объединенного общей идейной и художественной “сверхзадачей”» [Молдован 2018: 22].

Вместе с тем, вторая и третья редакции *СЗБ*, широко представленные в рукописной традиции XV–XVI вв., хотя и имеют меньшее значение для понимания языковой ситуации в Киевской Руси эпохи Ярослава Мудрого, важны в ином отношении. Наблюдения и выводы А. М. Молдована и его предшественников оказываются очень полезными не только для прояснения фактов распространения сочинения Илариона в рукописной книжности позднего Средневековья, но и для уточнения эволюции состава календарных сборников уставных чтений, в которые включалось *СЗБ*. К таким сборникам прежде всего относятся Торжественники — триодные, минейные и общие (или праздничные, т. е. включающие перемежающиеся либо последовательные фрагменты годовых циклов статей триодного и минейного Торжественников), — а также Минеи четьи на июль. Эта эволюция была тесно связана как с историей распространения *СЗБ*, так и созданного на основе сочинения Илариона произведения — Жития-Похвалы князю Владимиру (термин введен в работе: [Молдован 1981: 64, 75–76]; ср. замечания о историко-литературном значении памятника и его месте в рукописной традиции: [Розов 1961: 51–52].

Литературное окружение *СЗБ* в сборниках разных типов разнообразно. На это обращал внимание Н. Н. Розов: по его выражению, знакомство с расположением *СЗБ* в рукописях XV–XVI вв. «наглядно показывает, как из публицистического, если не сказать политического, ораторского произведения оно постепенно превратилось в житийное, приуроченное к религиозному культу князя Владимира...» (память 15 июля) [Там же: 49–50]. Разумеется, нет оснований для не-

² Сведения о рукописях (с конкордансом используемых здесь и далее условных обозначений шифров хранения) приведены в конце статьи.

³ Возражения других исследователей относительно распределения списков по редакциям [Ziffer 2007] остаются предметом дискуссии, в которую недавно внесены новые аргументы [Пак 2016]. После выхода в свет работы [Молдован 1984] перечень списков *СЗБ* за счет новых находок расширен до 55 [Дзиффер 2013: 9].

посредственной связи фактов появления второй редакции *СЗБ* и ее включения в сборники уставных чтений, поскольку между ними могли пролежать столетия. А. М. Молдован относил появление второй редакции сочинения Илариона к XII в. (см. стемму: [Молдован 1984: 33]), тогда как согласно археографическим наблюдениям Т. В. Черторицкой определенные типы сборников уставных чтений, за редким исключением, на Руси с XI и до конца XIV в. не выделяются [Черторицкая 1980: 97–114]⁴. Наиболее широкое их распространение в средневековой восточнославянской книжности относится к концу XIV–XVI вв.: в этот период, когда в связи с принятием Иерусалимского устава в Московской Руси, как писала исследовательница, «древнерусская проповедь киевского периода» получила новое развитие, произошло и типовое оформление многих четвх сборников: Торжественника, Златоуста, Рая и других [Черторицкая 1985: 236–238; Ćertorićkaja 1994: 55]. По заключению Т. В. Черторицкой, изучавшей жанровую структуру триодных и минейных Торжественников на основании исследования около ста рукописей XIV–XVII вв., в устойчивый состав статей⁵ триодных Торжественников после Пятидесятницы *СЗБ* не входит [Черторицкая 1990: 358], а минейный Торжественник под 15 июля включает Житие князя Владимира [Там же: 358–359]. Однако в сборниках этого типа *СЗБ*, исследовательницей не отмеченное, нередко примыкает к Житию. В другой работе в согласии с замечаниями Н. Н. Розова Т. В. Черторицкая писала, что *СЗБ* в сборниках конца XIV–XVI в. встречается «только в весьма сокращенном, идейно редуцированном виде» [Ćertorićkaja 1994: 54–55].

В качестве важного признака, позволяющего точнее охарактеризовать историю развития Торжественников и июльских Миней четвх, мы можем расценивать сочетание в составе календарных сборников уставных чтений второй редакции *СЗБ* с циклами поучений о Вселенских соборах. Как минимум в шести списках XV–XVI вв. текст второй редакции сочинения Илариона соседствует с комплексом памятников древнерусской книжности, преимущественно переводных, создание которых датируется не позднее чем серединой XII в. Под «соседством» здесь понимается композиционная близость расположения текстов, обусловленная датами памяти христианских праздников. К отмеченным шести спискам относятся торжественники

⁴ Ср. схожие соображения: [Димитрова 2011: 68–69].

⁵ Исследовательница обозначала реконструируемые ею составы сборников разных типов и редакций как «модели» [Черторицкая 1990: 333, 349]. Конечно, и «устойчивый состав статей», и «модель» следует понимать как условность.

Увар-509, Чуд-262, Унд-560, Погод-817 и июльские Минеи четьи Тр-678, МДА-95. Во всех этих кодексах, привлеченных в исследовании А. М. Молдована [1984: 20–24], наряду с *СЗБ* помещен комплекс поучений о Вселенских соборах, читавшийся в триодных сборниках в Неделю пред Пятидесятницей (7-ю Неделю по Пасхе), а в минейных — на 16 июля, следующее за днем памяти св. Владимира⁶.

В названный комплекс входит, во-первых, «Беседа (или Слово) о Богородице и свв. отцах Эфесского (III Вселенского) собора» (далее *БКА*), приписываемая патриарху Кириллу Александрийскому († 444), старший список которой присутствует в Успенском сборнике⁷. Это произведение сочетает прославления Девы Марии и деятелей III Вселенского собора (431 г.), которые под руководством патриарха Кирилла противостояли архиепископу Константинопольскому Несторию, осужденному на соборе за «еретическое» именование Богородицы «Христородицей». Стоит заметить, что в южнославянских гомилияриях (Панегириках), как болгарских, так и сербских, перевод «Беседы» тоже присутствует: там он известен как единственный текст, приуроченный к дням памяти Вселенских соборов, и встречается в сборниках этого типа по крайней мере с XV в. [Иванова 2008: 583–584]. Лингвотекстологическое изучение *БКА* на материале южно- и восточнославянских рукописей в сопоставлении с греческим оригиналом, насколько мне известно, пока не осуществлено.

⁶ Соотнесение чтений о Вселенских соборах с календарными циклами поднялось церковным уставом: в Студийском уставе этот день понимался как подвижный праздник, а Устав Великой церкви предусматривал для памяти IV Вселенского собора в Халкидоне 16 июля как постоянную дату празднования, тогда как в календарях Иерусалимского устава эта же дата трактовалась более широко — как день памяти свв. отцов шести Вселенских соборов [Лосева 2001: 47, 384], ср. [Пентковский 2001: 107–108; Христова-Шомова 2012: 794–796, 803–804].

⁷ Издание: [Усп. сб.: 433–452], справочные сведения о старших списках и публикации оригинала: [Буланин и др. 2014: 218–219]; некоторые критические указания ошибок перевода и словоуказателя к публикации *БКА* в [Усп. сб.]: [Крысько 2017: 222–223]. Как убедительно показал А. Эрхард, греческий оригинал сочинения не мог быть написан Кириллом Александрийским [Ehrhard 1889: 97–113]; это мнение получило признание [Du Manoir de Juaye 1944: 59–60]. Поэтому в каталогах рукописных книг и публикациях для точности следовало бы указывать авторство «Беседы» как принадлежащее «Псевдо-Кириллу», однако работа А. Эрхарда, насколько можно судить, нередко игнорируется составителями каталогов греческих манускриптов и остается малоизвестной исследователям славянских рукописей, поэтому такое условное именование автора гомилии пока не принято.

Во-вторых, в тот же комплекс включена группа текстов, тематически связанных с предысторией, событиями и историческими последствиями IV Вселенского собора в Халкидоне (451 г.): это «Слово о Халкидонском соборе» (далее *СХС*)⁸ и «Римская епистолия» (Томос) римского папы Льва I Великого, в V в. утвержденная на соборе в качестве важнейшего догматического установления. В XII в. Томос был переведен в Киевской Руси с греческого языка и сопровождается переводчиком Феодосием «Греком» авторским предисловием и послесловием⁹. В этих сопроводительных текстах переводчик разъяснял причины создания своего труда, а также исторический и богословский смысл сочинения Льва Великого. Таким образом, в означенную группу произведений (обозначим ее как *ВС-IV*) входят четыре сочинения трех авторов: историческая компиляция анонимного составителя *СХС*, предисловие Феодосия «Грека», переведенный им Томос Льва Великого и послесловие Феодосия.

Н. Н. Розов выделял Чуд-262 как старший среди известных списков XV в., содержащих вторую редакцию *СЗБ*, и охарактеризовал этот список как «архаичный, сохранивший многие черты своего протографа», отметив, что в кодексе Чуд-262 сочинение Илариона помещено «среди однородных ему по жанру произведений — между «словами» на Пятидесятницу и на Успение», а еще в шести списках XV в. текст второй редакции *СЗБ* присутствует «в самых различных местах: иногда, как в Чудовском списке, между циклом «слов» Цветной триоди и служебных миней, иногда просто среди поучений Златоуста, Василия Великого и других отцов церкви» [Розов 1961: 49]¹⁰. В работе Н. Н. Розова Чуд-262 упомянут как «сборник житий и по-

⁸ Подробнее о *СХС*, изучавшемся по 42 спискам: [Полонский 2014]. Замечу, что пока исследование не дало ясных ответов на вопросы о том, кто был составителем сочинения, и является ли этот памятник целостным переводом с греческого либо славянской компиляцией, при создании которой использовались византийские источники.

⁹ Археографические сведения о славянском переводе Томоса и его литературном окружении по 45 спискам: [Полонский 2016]. Замечания о лексике перевода Феодосия «Грека»: [Пичхадзе 2011: 353]; о еще одной черте переводной «Епистолии», по-видимому, указывающей на южнославянское происхождение Феодосия, — смешении им родительного и дательного падежей: [Пичхадзе 2016: 88–89].

¹⁰ В другой работе Н. Н. Розов писал о Чуд-262 как наиболее подходящем для издания списке, полагая издание второй редакции *СЗБ* первоочередным делом [Розов 1966: 377]. В монографии А. М. Молдована изданы все редакции *СЗБ*, в том числе вторая по списку Чуд-262 с подведением разночтений по 35 другим рукописям: [Молдован 1984: 109–137].

учений» [Там же: 45]; позже А. М. Молдован в соответствии с описанием [Протасьева 1980: 147–148] более точно охарактеризовал эту рукопись как «Торжественник праздничный годовой» [Молдован 1984: 20]. В Чуд-262, как и следует из замечания Н. Н. Розова, включены статьи, приуроченные к памятным дням триодного и минейного циклов. Это не вполне показательно для ответа на вопрос о том, в сборник какого типа вошел *СЗБ* после того, как была создана вторая редакция: в триодный, минейный либо общий Торжественник, и какие произведения составляли его окружение. В хронологическом отношении ко времени создания кодекса Чуд-262 (написанного, по-видимому, в 1430-е, до 1442/43 г., когда с ним работал иеромонах Иона, оставивший датированную запись¹¹) близки пергаменный сборник общего Торжественника Увар-509, по которому О. М. Бодянский издал *ВС-IV* и *СЗБ* [Бодянский 1848: 1–41]¹², а также торжественники, в которые *СЗБ* не вошло: триодный Елаг-111¹³ и общий ОЛДП-215 (частью последнего, как недавно установлено, был отрывок Пер-3, содержащий фрагмент *БКА* и полный текст *ВС-IV*)¹⁴. Во всех этих рукописях включение названных памятников подчиняется распределению чтений в соответствии с триодным циклом.

Вместе с тем, согласно выводам Т. В. Черторицкой, для статей в составе триодных Торжественников, как правило, характерно следу-

¹¹ [Тихомиров 1960: 14].

¹² Описание, с указанием литературы: [Čertorickája 1994: 595 (№ 9.0.51)].

¹³ Описание: [Осипова 1991: 8–10]. В описании не вполне точно указана последовательность перепутанных листов в кодексе Елаг-111, правильное: л. 222об.–228об., 236, 230–230об., 229–229об., 249–249об., 237. Рукопись Елаг-111 судя по филиграммам и почерку, писана в 1420–1430-е гг.: водяной знак «гусь», близок к Briquet № 12116 (1422, 1414–26, 1423, 1431 гг.).

¹⁴ Новое описание [Левшина 2013: 5–28] существенно уточняет устаревшие описания ОЛДП-215 [Čertorickája 1994: 561–562 (№ 9.014)] и Пер-3 [Ibid.: 543 (№ 7.018)], где рукописи не соотнесены друг с другом и получили разную датировку. Писцом кодекса ОЛДП-215 и составлявшего в первой четверти XV в. с этим кодексом одно целое Пер-3 был иеромонах новгородского Лисицкого монастыря Серапион, который придерживался среднеболгарских (тырновских) орфографических и каллиграфических норм; см. перечень атрибутируемых перу Серапиона рукописей: [Левшина 2013: 36–49]. Он также известен как писец сборника поучений Исаака Сирина, аввы Дорофея и Максима Исповедника из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304. I. № 175), где оставил пространную запись тайнописью. Запись была расшифрована Е. Л. Алексеевой [2010], а затем вторично А. А. Зализняком и А. А. Гиппиусом, изложение их совместного доклада: [Код Серапиона].

ющее распределение чтений о Вселенских соборах: сюда включается гомилия Кирилла Туровского (ок. 1130 — ок. 1182) с похвалой отцам I Вселенского собора в Никее¹⁵ (325 г.) и затем *БКА*, но не *ВС-IV*; тогда как в устойчивый состав статей минейного Торжественника какие-либо поучения о Вселенских соборах вообще не входят [Черторицкая 1990: 341, 358]. Старший список, содержащий гомилию Туровского епископа, включен в сборник Толст-39, датируемый второй половиной — концом XIII в.¹⁶ В последнее время источники и особенности редакций «Слова в неделю отцов Никейского собора» подробно исследованы И. И. Макеевой, указавшей, что гомилия, включавшаяся в Торжественники, в текстологическом отношении восходит к Толст-39, и проследившей лексические изменения в списках более позднего времени [Макеева 2017: 36–37; 2019: 111]. Наблюдения И. И. Макеевой над текстологией и типологией поучения Кирилла Туровского (далее, следуя ее работе 2019 г., сокращенно обозначая гомилию как *СПОНС*) позволяют лучше понять, какими были его источники, а также существенно уточняют сведения об истории распространения этого сочинения в сборниках уставных чтений (ср. [Полонский 2017: 215–220]).

В конце XIV — первой четверти XV в. устойчивая последовательность поучений о Вселенских соборах в соответствии с хронологией соборов еще не складывается. Обычно *СПОНС* в Торжественниках и Минеях четых этого времени отсутствует среди чтений в Неделю свв. отцов в триодных сборниках, а среди чтений на 16 июля — в минейных. Так, нет этого произведения среди указанных чтений в составе Увар-509, Чуд-262, Елаг-111, ОЛДП-215; нет и в одном из наиболее ранних минейных торжественников — Унд-560. При этом корпус текстов о Халкидонском соборе никогда не помещается в начале всего комплекса гомилий о Вселенских соборах. Группа *ВС-IV* нигде не представлена в одиночестве и, как правило, насколько удалось проследить по четырем десяткам известных списков¹⁷, в подавляющем большинстве случаев ее предваряет *БКА*. Единственное известное мне исключение составляет сборник смешанного состава Тих-420 (последняя четверть XV в.), включающий обширные фрагменты триодного Торжественника, где *БКА* отсутствует, а перед *ВС-IV* помещено *СПОНС*¹⁸.

¹⁵ Справочные сведения о памятнике: [Буланин и др. 2014: 225].

¹⁶ Описание: [Čertorickaja 1994: 537 (№ 5.001)].

¹⁷ Перечень списков: [Полонский 2016: 53–58].

¹⁸ Описание: [Čertorickaja 1994: 566–567 (№ 9.0.23)].

Сопоставление композиций статей в торжественниках, относящихся к первой четверти XV в., включая Увар-509 и Чуд-262, позволяет нам сделать выводы о том, как именно в то время сложилась «репертуарная эволюция» состава таких сборников в интересующей нас части. Несомненно, что сначала произошло соединение в последовательный комплекс чтений *БКА* и группы *ВС-IV*. Такая последовательность наблюдается не только в сборниках этого времени, содержащих *СЗБ*, но и в других торжественниках, где *СЗБ* отсутствует: например Увар-511 и Елаг-111 [Полонский 2017: 219–220], ср. также реконструированный состав ОЛДП-215 [Левшина 2013: 22]¹⁹. Затем тогда же, в первой четверти XV в., перед поучениями о III и IV Вселенских соборах в составе Торжественников появляется, примыкая к ним, вторая редакция сочинения Илариона. В это же время, как свидетельствует список Унд-560, формируется минейный Торжественник с такой же композицией статей, приуроченных к чтениям на 15 и 16 июля. Хотя Унд-560 является единственным известным пока представителем своего времени с такой последовательностью июльских чтений, ясно, что к минейному Торжественнику того же состава восходит и относительно поздний список Погод-817²⁰ (вторая половина XVI в.).

В первой половине XVI в. интересующая нас последовательность текстов — *СЗБ*, *БКА* и *ВС-IV* — впервые появляется в композиции статей июльской Минеи четъей Тр-678, по-видимому, восходящей к аналогичному по составу минейному Торжественнику. Подробному кодикологическому изучению Тр-678 А. М. Молдован посвятил особую работу, заключив, что в эту составную рукопись Житие-Похвала, *СЗБ*, *БКА* и *ВС-IV* были внесены в ходе ее вторичной редактуры, причем тексты целенаправленно переписаны из двух источников двумя писцами под руководством третьего [Молдован 1981: 70, 72–73]. Со-

¹⁹ Эта последовательность — особенность восточнославянских сборников уставных чтений, не имеющая известных аналогов не только в болгарских и сербских, но и в византийских и поствизантийских сборниках подобного вида: и *БКА*, и основной текст из группы *ВС-IV* — Томос римского папы Льва Великого — были переведены с греческого языка, но в греческих кодексах эти произведения не включались в последовательно организованный комплекс текстов, приуроченный к памяти об эпохе Вселенских соборов [Полонский 2017: 218].

²⁰ Нужно заметить, что список Пог-817 является дефектным в отношении полноты группы *ВС-IV*: здесь присутствуют *СХС* и предисловие Феодосия «Грека» (л. 282 об.–286 об.), но затем писец привел только пять первых строк перевода Томоса папы Льва I, оставив на листе место для последующего текста, однако по неизвестным причинам не закончил его. Соответственно, послесловие Феодосия в Пог-817 также отсутствует.

гласно выводу исследователя, до времени составления второй редакции Тр-678 (1520-е гг.) «Житие-Похвала не содержалось в минеях» [Там же: 73], то же можно сказать и о таких литературных спутниках сочинения Илариона, как произведения Псевдо-Кирилла Александрийского (*БКА*) и труд Феодосия «Грека» в составе *ВС-IV*.

Включение *СПОНС* в состав комплекса чтений о Вселенских соборах как в триодные, так и в минейные сборники произошло, вероятно, через одно или два десятилетия после того, как начала складываться отмеченная выше последовательность чтений, т. е. примерно со второй половины 1430-х по вторую половину 1440-х гг. Одним из ранних свидетельств этого является вхождение *СПОНС* перед *БКА* и *ВС-IV* в состав кодекса ИИСО-180, объединяющего минейный и триодный Торжественник (названные памятники присутствуют во второй, триодной части, а *СЗБ* здесь отсутствует)²¹. Изучавшая этот кодекс Т. В. Черторицкая полагала, что «в рукописи представлен сложный извод, который можно определить как болгаро-русский», и она, «очевидно, была написана русским писцом с болгарского оригинала»; причем ИИСО-180 — «один из наиболее древних по составу из имеющихся у нас Торжественников, <...> сохранивший все особенности древнеболгарского Торжественника» [Черторицкая 1977: 166, 168]. Разумеется, присутствие в ИИСО-180 *СПОНС* Кирилла Туровского, неизвестного в южнославянской рукописной традиции, не может быть отнесено к названным особенностям.

Уже в середине XVI в. *СЗБ* в составе трех июльских Великих Миней четьих Софийского, Царского и Успенского комплектов (Соф-1323, Син-182 и Син-996) вновь сближается с *БКА* и *ВС-IV*, но теперь в своде, преследующем энциклопедические цели, состав статей принципиально иной. В чтениях на 15 июля *СЗБ* — уже не второй, а третьей редакции — помещается между Житием и Похвалой Владимиру, тогда как чтения на 16 июля открываются статьями из Пролога о нескольких поминаемых в этот день мучениках (Онисифора, Порфирия, Антиоха и др.), а затем *СПОНС* предваряет *БКА* и *ВС-IV*. Насколько известно, позже такая композиция в других минейных сборниках нигде больше не повторяется. Более того, со второй половины XVI в. соседство *СЗБ* и комплекса чтений о Вселенских собо-

²¹ Постатейные описания: [Черторицкая 1977; Čertoričková 1994: 557 (№ 9.0.11)]. Следует заметить, что датировка кодекса 40-ми-годами XV в. получена в этих работах путем расчета «средней статистической нормы» [Черторицкая 1977: 163–164], поскольку разброс хронологических данных филиграней колеблется от 1399 до 1469 г.

рах в сборниках уставных чтений нарушается. Постепенно меняется и состав «соборного» комплекса в составе чтений на 16 июля: *СПОНС* в основном прочно занимает место перед *БКА*, а группа *ВС-IV* дополняет ее все реже. Для XVII в. присутствие последней в сборниках уставных чтений уже является редкостью. Вместе с тем, параллельно широкое распространение в рукописной традиции второй половины XVI — XVII в., представленной десятками списков, получает разновидность Торжественника, где чтения на 16 июля вообще отсутствуют; при этом под 15 июля помещается текст Жития и Похвалы Владимиру, затем под 17 июля следует описание мученических подвигов Марины Антиохийской, а под 20 июля — Житие и похвальное слово в память пророка Илии.

По-видимому, последним свидетелем сближения *СЗБ* и комплекса чтений о Вселенских соборах, состав которых представлен *БКА* и *ВС-IV* без *СПОНС*, оказывается рукопись МДА-95, переписанная в Троице-Сергиевой обители в 1557/58 г. с Тр-678 [Дыбо, Кучкин 1966: 296; Молдован 1981: 75]²², где воспроизведена указанная последовательность текстов. Однако, как заметил А. М. Молдован, приписки к тексту *СЗБ* в рукописи МДА-95, сделанные писцами — старцем Иоасафом и священником Фирсом, позволяют думать, что они, по-видимому, сверялись также с одной из рукописей июльского комплекта Великих Миней четых, поскольку все отличия сочинения Илариона в списке МДА-95 от Тр-678 обусловлены влиянием третьей редакции *СЗБ* [Молдован 1984: 74 (прим. 69)].

Таким образом, можно полагать, что соседство второй редакции *СЗБ* с *БКА* и *ВС-IV* в торжественниках XV в. оказалось неустойчивым с точки зрения развития этого типа сборников. Появление в XVI в. немногочисленных кодексов с таким составом не меняет общей картины. Вероятно, неустойчивость этого соседства связана со следующими обстоятельствами: постепенно в монашеской среде было осознано, что содержание комплекса поучений о III и IV Вселенских соборах без чтения в память о первом и важнейшем из них — Никейском — выглядит неполно. Восполнение содержательной лакуны потребовало от книжников специальной редакторско-составительской работы. Известно, что в средневековых рукописях «Слово памяти отцов Никейского собора» распространялось преимущественно в составе блока торжественных и учительных слов Кирилла Туровского

²² Публикация выходной записи в МДА-95, с указанием литературы: [Усаичев 2018: 257].

[Макеева 2017: 36]. Ближе к середине XV в., по-видимому, кто-то из видных книжников на Руси произвел отделение этой гомилии от подборки сочинений Туровского епископа, и так поучение вошло в состав чтений на Неделю свв. отцов. Вероятно, это произошло во время княжения Василия Темного, незадолго до возведения в Москве Ионы в сан митрополита Киевского и всея Руси (декабрь 1448 г.) либо в начальный период его митрополичества, хотя нет явных оснований связывать с московским книгописанием редакцию Торжественника, дополненную за счет внесения *СПОНС*.

Можно попытаться представить, каким был сборник, первоначально использованный для включения гомилии Кирилла Туровского с похвалой Никейским отцам в состав чтений о Вселенских соборах. По-видимому, в тот сборник *СЗБ* не входило в качестве смежного по отношению к *БКА* текста, поскольку нам не известны торжественники, где *СЗБ*, *СПОНС*, *БКА* и *ВС-IV* образовывали бы единую последовательность.

В большинстве сборников уставных чтений поучение Кирилла Туровского в память отцов I Вселенского собора в Никее помещалось перед *БКА*, то есть в начале всего комплекса, посвященного общехристианским собраниям высших иерархов (подобно тому, как это сделано в Торжественнике ИИСО-180). Однако некоторые рукописи рубежа XV–XVI в., как можно думать, отражают колебания книжников в отношении поиска подходящего места для этой гомилии: так, в Торжественнике Унд-561 *СПОНС* расположено на третьей позиции, сразу после *ВС-IV* [Ундольский 1870: 422]. Таковую же композицию статей (в последовательности *БКА*, *ВС-IV*, *СПОНС*) содержит некалендарный сборник *ВМ-77*, где, однако, присутствуют поучения о Вселенских соборах, явно переписанные из какого-то триодного Торжественника [Недешев 1906: 137 (№ 133)]. По-видимому, это свидетельствует не об ошибке составителей, нарушивших соотношение чтений с хронологией Вселенских соборов, а, напротив, о сознательном расположении произведений Псевдо-Кирилла Александрийского, Льва Великого и Кирилла Туровского в порядке их создания.

Внесение в середине XV в. «Слова в неделю отцов Никейского собора» перед «Беседой» Псевдо-Кирилла Александрийского придало больший объем комплексу поучений о Вселенских соборах в составе Торжественников. В результате сложился последовательный и насыщенный историческими реминисценциями свод назидательных сочинений об успешной борьбе отцов Церкви с неортодоксальными вероучителями Христианского Востока IV–V вв. (Арием, Несторием,

Евтихием, Диоскором и др.). Однако это явно осложнило возможность сочетаемости этого комплекса с Житием-Похвалой Владимиру и СЗБ, которые предписывалось читать на день раньше. Вероятно, так произошло не только потому, что пространные тексты, приуроченные к памяти князя Владимира на 15 июля и дню памяти Вселенских соборов 16 июля в совокупности создавали чрезмерно объемную последовательность чтений этих двух дней, но и вследствие формирования и распространения новых минейных сборников, для которых целенаправленно отбирались древнерусские сочинения. Как бы то ни было, начиная со второй половины XVI в. пути поучений о крестителе Руси и комплекса гомилий о Вселенских соборах в календарных сборниках уставных чтений разошлись. В этом смысле Псевдо-Кирилл Александрийский, римский папа Лев Великий и переводчик Феодосий «Грек» оказались относительно кратковременными — только на столетие с небольшим — литературными спутниками митрополита Илариона.

Источники

- ВМ-77 — Владимиро-Суздальский музей-заповедник (Владимир). Фонд рукописной книги. № В-5636/77. Патерик Сводный с дополнительными статьями (житиями и поучениями из минейного и триодного Торжественников), посл. четв. XV в. (кроме оглавления на л. 1–10 — посл. четв. XVII в.).
- Елаг-111 — Псковский музей-заповедник. Отдел рукописных и старопечатных книг (Древлехранилище). Ф. 241 (собр. И. П. Елагина), № 111. Торжественник триодный, рукопись без начала и конца, 1420-е — 1430-е гг. (кроме вкладных лл. 1–7 — XVIII в.).
- ИИСО-180 — Собрание рукописей Института истории СО РАН (Новосибирск). Ф. 1, оп. 1, № 180 (прежняя сигнатура — 53/71). Торжественник общий, 1440-е гг.
- МДА-95 — РГБ, ф. 173.I (собр. Московской духовной академии), № 95. Миняя четья на июль, 1557/58 г. Переписана с Тр-678.
- ОЛДП-215 — РНБ, ф. 536 (собр. Общества любителей древней письменности), Ф.215. Торжественник общий, конец первой четв. XV в.
- Пер-3 — ИРЛИ, Р-IV (собр. древнерусских рукописей и старопечатных книг, Древлехранилище им. В. И. Малышева), колл. В. Н. Перетца, № 3. Фрагмент Торжественника общего (отрывок из ОЛДП-215: 16 лл. без начала и конца), конец первой четв. XV в.
- Погод-817 — РНБ, ф. 588 (собр. М. П. Погодина), оп. 2, № 817. Торжественник минейный, втор. пол. XVI в.

- Син-182 — ГИМ, Синодальное собр., № 182. Миняя четья на июль (из Царского свода Великих Миней четых), серед. XVI в.
- Син-591 — ГИМ, Синодальное собр., № 591. Сборник, втор. пол. XV в.
- Син-996 — ГИМ, Синодальное собр., № 996. Миняя четья на июль (из Успенского свода Великих Миней четых), серед. XVI в.
- Соф-1323 — РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1323. Миняя четья на июль (из Софийского свода Великих Миней четых), 1538–1541 гг.
- Тих-420 — РГБ, ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 420, Торжественник триодный с дополнительными статьями, посл. четв. XV в.
- Толст-39 — РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), Ф.п. I.39. Сборник, конец XIII в.
- Тр-678 — РГБ, ф. 304. I (собр. Троице–Сергиевой Лавры), № 678. Миняя четья на июль, конволют конца XIV, XV и XVI вв.
- Увар-509 — ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 509. Торжественник общий, перв. четв. XV в.
- Увар-511 — ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 511. Торжественник триодный, рукопись без конца, серед. XV в.
- Унд-560 — РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 560. Торжественник минейный, втор. пол. XV в.
- Унд-561 — РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 561. Торжественник триодный, посл. четв. XV в. — нач. XVI в.
- Чуд-262 — ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 262. Торжественник общий, 1430-е гг. — ок. 1443 г.

Литература

- Алексеева 2010 — *Е. Л. Алексеева*. Дешифровка древнерусской тайнописи, использующей условный алфавит // *Материалы XXXIX Международной филологической конференции. Секция прикладной и математической лингвистики*. 15–20 марта 2010 г. СПб., 2010. С. 6–14.
- Бодянский 1848 — *О. Бодянский*. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1848. № 7. Отд. II. С. XV–XXII, 1–41.
- Буланин и др. 2014 — *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин; [сост. Д. М. Буланин, А. А. Романова, О. В. Творогов, Ф. Томсон, А. А. Турилов]*. СПб., 2014.
- Виноградов 2019 — *А. Ю. Виноградов*. О хронологии русских митрополитов XI в. (по поводу новой гипотезы А. П. Толочко) // *Slověne*. Т. 8. № 1. 2019. С. 477–485.

- Дзиффер 2013 — *Дж. Дзиффер*. Язык и стиль Слова «О законе и благодати» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 155, кн. 5. 2013. С. 7–16.
- Димитрова 2011 — *М. Димитрова*. «Ягичев Златоуст»: средновековен български паметник със слова и поучения от началото на XIV век. София, 2011.
- Дыбо, Кучкин 1966 — *В. А. Дыбо, В. А. Кучкин*. Болгарский текст в русской минее XVI в. // *Byzantinobulgarica*. Т. II. Sofia, 1966. С. 279–301.
- Иванова 2008 — *К. Иванова*. *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*. София, 2008.
- Код Серапиона — Взламывава код Серапиона: А. А. Зализняк и А. А. Гиппиус расшифровали тайнопись XV века. [Изложение доклада А. А. Зализняка и А. А. Гиппиуса на семинаре Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ ВШЭ, 31.10.2016; электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ling.hse.ru/news/195890510.html>, свободный [дата обращения: 30.09.2020].
- Крысько 2017 — *В. Б. Крысько*. К новому изданию Успенского сборника // *Die Welt der Slaven*. Jg. 62, Heft 2. 2017. S. 215–246.
- Левшина 2013 — *Ж. Л. Левшина*. «Болгаризованное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и второе южнославянское влияние // *Очерки феодальной России*. Вып. 16. 2013. С. 3–36.
- Лосева 2001 — *О. В. Лосева*. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Недешев 1906 — [*С. Недешев*]. Краткое описание рукописей церковно-исторического древлехранилища при Братстве Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невского. Вып. 1. Владимир, 1906.
- Никольский 1906 — *Н. К. Никольский*. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906.
- Макеева 2017 — *И. И. Макеева*. К вопросу об источниках в древнерусской литературе (на материале «Слова памяти отцов Никейского собора» Кирилла Туровского) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 65. СПб., 2017. С. 35–42.
- Макеева 2019 — *И. И. Макеева*. Слово в неделю отцов Никейского Собора Кирилла Туровского в русской книжности // *Тринадцатые Загребинские чтения: сб. статей по итогам междунар. науч. конф. (3–4 октября 2018 г.)*. СПб., 2019. С. 109–122.
- Молдован 1981 — *А. М. Молдован*. К истории составления Троицкой Минеи № 678 (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина*. № 42. М., 1981. С. 64–76.
- Молдован 1982 — *А. М. Молдован*. «Слово о законе и благодати» (Сопоставление списков) // *История русского языка. Исследования и тексты*. 1982. М., 1982. С. 227–261.

- Молдован 1984 — *А. М. Молдован*. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Молдован 2018 — *А. М. Молдован*. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // *Slověne*. Т. 7. №. 1. 2018. С. 8–26.
- Осипова 1991 — *Н. П. Осипова*. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV — начало XX вв.). Ч. 1. Псков, 1991.
- Пак 2016 — *Н. В. Пак*. Рукописная традиция и язык Слова о законе и благодати: состояние исследований / Режим доступа: <https://www.academia.edu/27875562/>, свободный [дата обращения: 12.11.2020].
- Пентковский 2001 — *А. М. Пентковский*. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Пентковский 2018 — *А. М. Пентковский*. Материалы для истории славянского богослужения в XI веке: I. Восточно- и южнославянские служебные Минеи // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 245–295.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пичхадзе 2016 — *А. А. Пичхадзе*. Славянский перевод Эклоги // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 86–97.
- Полонский 2014 — *Д. Г. Полонский*. Историческая эрудиция составителя «Слова о Халкидонском соборе» // *Slověne*. Т. 3. №. 2. 2014. С. 130–174.
- Полонский 2016 — *Д. Г. Полонский*. Перевод Томаса римского папы Льва I Великого и его историко-литературный конвой в восточнославянских четвх сборниках XV–XVII вв. // *Археографический ежегодник за 2012 год*. М., 2016. С. 48–63.
- Полонский 2017 — *Д. Г. Полонский*. Состав поучений о Вселенских соборах в славянских рукописных сборниках XII–XVII вв.: археографические аспекты исследования // *Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН)*. М., 2017. С. 205–224.
- Поппэ 1996 — *А. Поппэ*. Митрополиты киевские и всяя Руси (988–1305 гг.) // *Г. Подскальски*. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд. СПб., 1996. С. 446–471.
- Протасьева 1980 — *Т. Н. Протасьева*. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980.
- Розов 1961 — *Н. Н. Розов*. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 17. Л., 1961. С. 42–53.

- Розов 1966 — *Н. Н. Розов*. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати» // *Slavia*. Роѡ. 35. 1966. С. 365–379.
- Тихомиров 1960 — *М. Н. Тихомиров*. Записи XIV–XVII веков на рукописях Чудова монастыря // *Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960*. С. 11–36.
- Ундольский 1870 — *В. М. Ундольский*. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1 по № 579. М., 1870.
- Усачев 2018 — *А. С. Усачев*. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. Москва, СПб., 2018.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. / Подг. изд.: О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
- Христова-Шомова 2012 — *И. Христова-Шомова*. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. II. София, 2012.
- Черторицкая 1977 — *Т. В. Черторицкая*. Торжественник из собрания ИИФиФ (Опыт описания сборника постоянного состава) // *Источниковедение и археография Сибири*. Новосибирск, 1977. С. 162–198.
- Черторицкая 1980 — *Т. В. Черторицкая*. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 97–114.
- Черторицкая 1985 — *Т. В. Черторицкая*. Уставные чтения // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 39. Л., 1985. С. 236–238.
- Черторицкая 1990 — *Т. В. Черторицкая*. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг*. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990. С. 329–381.
- Briquet — *C. M. Briquet*. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. A facsimile of the 1907 edition with supplementary material contributed by a number of scholars. Vol. I–IV. Amsterdam, 1968.
- Čertorickája 1994 — *T. V. Čertorickája*. Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz. Opladen, 1994.
- Du Manoir de Juaye 1944 — *H. Du Manoir de Juaye*. Dogme et spiritualité chez saint Cyrille d'Alexandrie. Paris, 1944.
- Ehrhard 1889 — *A. Ehrhard*. Eine unechte Marienhomilie des hl. Cyrill von Alexandrien // *Römische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte*. 1889. S. 97–113.
- Ziffer 2007 — *G. Ziffer*. The Shadow and the Truth: On the Textual Tradition of the 'Sermon on Law and Grace' Attributed to Metropolitan Hilarion // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 29. No. 1–4. 2007. P. 19–30.

А. А. Алексеев

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

ИНТЕРПОЛЯЦИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ КАК СТИЛЕВОЙ ИНДИКАТОР

Е. Л. Алексеева

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Христологические пассажи славянского перевода Иудейской войны Иосифа Флавия надежно отождествлены как интерполяции переводчика, на них приходится 17 единиц из общего числа 89 добавлений [Мещерский 1958; Пичхадзе 2004; Алексеев 2008; Пичхадзе 2015]. Само присутствие христологической и христианской тематики служит критерием для оценки этих пассажей как интерполяций переводчика-христианина. Для других интерполяций такой очевидный тематический критерий не всегда можно выявить. Среди них вызывает интерес рассказ о хитроумном приеме борьбы с конницей, на пути которой рассыпаны железные шипы: они вонзаются в копыта и лишают кавалерию возможности двигаться (интерполяция 46). Эпизод встроен в рассказ о следующем историческом событии. В эпоху гражданской войны в Риме Цецина, военачальник императора Вителлия, предпринял попытку заманить конницу Отона в засаду (событие известно как Бедриакская битва 69 года). Он разместил в лесу пехоту, а своей коннице приказал обратиться в бегство и увлечь за собою кавалерию противника. Решительного значения для исхода военных действий эта операция не имела¹. В славянском переводе эпизод изложен следующим образом:

В первын же днь одолѣѡ фонѣ, а въ вторын днь Ѳитилини. [Помѣта во на ночь трирожна железа, прозываютъ тризубца, и наутриа исполнившє, сирѣчь насыпавше, пѣть и поле, творася бѣжати Ѳитилини. И фонѣ гна с вон по нх. И догнаша на мѣсто, на немъ же железа посыпана, и охромшася кони нх. И не высть лѣѣ ни конником <вместо: конем> выинити, ни самемь. И възвратившеся, Ѳитилиневы вон ѹбиша всех лежацих.] фонѣ же, видѣвъ бывшее, срезася [Мещерский 1958: 351].

¹ Об этом свидетельствует [Плутарх 1964: 424].

Интерполяция (она заключена в квадратные скобки) заменила собой упоминание о пехоте в засаде и краткое замечание оригинала: “произошла большая резня” (πολλοῦ φόνου γενομένου). Н. А. Мещерский констатирует, что ни Берендс (Alexander Berendts, 1863–1912), ни Эйслер (Robert Eisler, 1882–1949), первые исследователи славянского текста, не считали этот пассаж вставкой. Сам он оспаривает этот взгляд, однако соглашается с тем, что какие-то греческие источники могли быть переводчиком использованы [Мещерский 1958: 513–514]. В работе [Алексеев 2008] как свидетельство греческого оригинала рассматривается выражение **трирожьна желѣза** — именно потому, что его можно расценивать как ошибку переводчика. Применяемые для поражения конницы колючки назывались τρίβολος. Это слово обозначает прежде всего колючие растения, ср. Мф. 7.16, Евр. 6.8, где оно переведено как **рѣпник**, **триволъ**, **вльчьць**. Употребляя выражение **трирожьна желѣза** в качестве соответствия греч. τρίβολος, переводчик мог исходить из ложного представления о морфологической структуре греческого слова, отождествляя его первый слог с числительным “три”. Но в действительности название растения обусловлено глаголом τρίζω “колоть”, а чтобы один из шипов при разбрасывании колючек на пути торчал вверх, нужно, чтобы шипов было не три, а четыре. Таким образом, отождествление греч. τρίβολος с числительным является ошибкой, оно говорит о неверном понимании греческого словообразования. Следовательно, для интерполяции был использован какой-то греческий источник [Там же: 79–80].

Слово τρίβολος неоднократно встречается в источниках эллинистической и византийской эпохи, но упоминаемые исторические ситуации не объясняют славянского текста (материалы доступны на сайте [TLG]). Зато в описании Е. Е. Голубинского коллекции Троице-Сергиева монастыря можно прочесть такой любопытный пассаж, несколько проясняющий данный вопрос:

«Так называемый «Троицкий чеснок», представляющий собою остаток от запасов бывшей Оружейной палаты монастыря. Это небольшие железные трехлапники (трехлапые якорьки), имеющие острые концы у лап и такие же зазубрины, какие делаются у рыболовных крючков, и потом имеющие ручку, обделанную так же, как и лапы, то есть с острым концом и зазубриной, и, следовательно, представляющую то же, что и каждая из лап. Как ни бросить этот трехлапник (собственно, четырехлапник) — он всегда будет торчать одним концом вверх. В старое время, на-

чиная с классического греческого, эти трехлапники были употребляемы, чтобы преграждать дорогу неприятельской коннице и портить ее лошадей (не составляя изобретения Троицкого, как думают иные, ни вообще Русского, со всем прочим относящимся до войны они взяты нами у Немцев: по-немецки они Fussangel, Fusselsen, Sterndistel, по-французски Chausse-trape, Tribule)» [Голубинский 1892: 235]².

Таким образом, вместе с самим предметом это свидетельство восходит по крайней мере к XIV в. и позволяет думать, что эпитет **трирожный** в Иудейской войне не обусловлен ошибочным восприятием переводчиком греч. τρίβολος, а отражает общеязыковой навык.

В пользу этого говорит также одно место в славянском переводе Септуагинты, 2 Царств 12.31, где описана казнь Давидом побежденных аммонитян. Для обозначения орудия казни также употреблено слово τρίβολος, что отражено в первоначальной славянской версии как **положи пилы и волчець** (РГБ, Унд. 1, л. 209; Геннадиевская библия, л. 185об.), тогда как Острожская библия дает вполне квалифицированное соответствие: **пристави къ пиламъ и къ тризѣбомъ желѣзнымъ**. Похоже на то, что **тризѣбъ** не отражает влияние какого-либо греческого оригинала, а обусловлен славянской языковой моделью.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что такого рода военная хитрость описана и в некоторых других литературных памятниках эпохи.

В польской летописи, в ее начальной части, которая имеет не исторический, а легендарный характер, присутствует следующий эпизод. Описываются конные скачки, победитель которых должен стать королем. По хитрому замыслу одного из соперников на пути рассыпаны шипы, «и те <всадники>, кони которых были поранены шипами, увидели, что опередившая их лошадь имела на копытах железные подковы, и таким образом обнаружили его <соперника>

² Во втором издании 1909 г. автор следующим образом изменил конец пассажа: «называются они «чесноком» неправильно; их действительное название — «рогульки железные», «пометные, или подметные, каракули», а «чесноком», что есть переделанное из «частик», назывались ряды кольев с заостренными верхами, которые набивались в городских рвах или по берегам городских рвов». Едва ли с этим можно согласиться. Греч. τρίβολος и лат. *tribulus* обозначают растение острое и колючее на ощупь и на вкус. Поэтому в обиходе русской кавалерии закрепился термин *чеснок*.

хитрость³. Они назвали его Лешек, то есть хитрец» [Великая хроника: 59].

Сходным образом в древнеисландской саге об Ингваре брошенные на землю боевые шпоры (sþoga), снабженные шипами, остановили преследователей [Глазырина 2002: 262]⁴. Сюжет тем более привлекает к себе внимание, что подковы в ту эпоху использовались исключительно для тягловых и обозных лошадей и преимущественно в горной местности, а не на равнинах.

Исследование интерполяций славянской версии Иудейской войны сосредоточено прежде всего или исключительно на христологических пассажах. Это понятно, потому что значимость материала этого рода крайне высока с точки зрения истории культуры и религии. Однако псевдоисторические добавки, вроде рассмотренной выше, тоже не одиноки и, вероятно, тоже значимы. Так, отмечено, что рассказ о поднятом облаке пыли на пути следования отряда с тем, чтобы внушить противнику преувеличенное представление о размере войска (интерполяция 45), заимствован, по всей вероятности, из славянской версии Александрии [Пичхадзе 2011: 41–42]. Другие добавления переводчика вызывают меньше сомнения и воспринимаются как очевидные интерполяции благодаря своей ярко выраженной поэтической форме. Они сопровождают главным образом батальные сцены. Таковы, в частности, радикальная сентенция *сѣмьртъ свободна естъ лѹчьши ми твоего цесарства* (1)⁵, драматическое описание сражения и *бысть видѣти ломъ копѣйныи и скрѣжетание мечное, и щиты искѣпаны, и мѹжи носимн. и землю напоиша кровни* (11), эсхатологическая картина массовой гибели сражающихся и *помощень бысть иорданъ трупнемъ. и тако исполниса вса рѣка оутропшими, и ходахоу по нухъ, аки по мосту* (13); *по томъже меча издамавше, и рѹками начаша битиса. и всако обрѣтаемое оружье бысть обрѣтающему* (14); *оубодену же бывшу коню его, сеи же твораше пѣшь такоже и на кони скача, тако и дѣмонъ* (15); *тѣмъже вазнь ратнага, разумно естъ, не тверда, но скоро премѣняется [и аще кто безъ оума хѹпетса о приключышенса вазни, то, не помедливъ, поношение постигнетъ его]* (19); *мнѣла бы кто, тако*

³ Латинский оригинал: *Nii autem quorum ab oxigonis lesi fuerant considerantes equum precurrentem ferramenta in calcibus habere dolum eiusdem cognoverunt* [Kürbis 1970: 10].

⁴ Событие отнесено к X в., сага датируется XIII в. Древнеисландский оригинал опубликован в работе [Глазырина 2002].

⁵ Цифры в скобках обозначают номера интерполяций согласно каталогу в [Алексеев 2008].

тѣмъ гласомъ и земля трасашесѧ и горы колебахусѧ, и холми скакаху. толма вѣ страшнѣ клнч и весель (21). Как отметил Н. А. Мещерский [1958: 80], слова *чьсть* и *дружина* указывают на тематический ключ этой группы интерполяций. В социальной сфере они согласуются с концепцией дружинного государства [Мельникова 2011: 23], каковое в тот момент еще оставалось в памяти на Руси.

Метод компиляции характерен для древней письменности. Очевидно, что его порождает близость к устным истокам. При отсутствии документальной фиксации всякое новое исполнение того или другого произведения устной словесности является его новой версией. Сведение различных вариантов воедино воспринимается как поэтический прием, запов и припев выступают как обобщенное целое⁶. Почти все тексты, невзирая на их объем и содержание, были открыты различного рода добавлениям, но вовсе не сокращениям. Полнота ценилась больше, чем лаконизм, и не казалась чрезмерной, и это несмотря на дороговизну писчего материала и трудоемкость работы писца. Библиотека как собрание книг проигрывала сборнику как собранию текстов. Чтобы тиражировать книги, нужна определенная численность читателей; чтобы умножать объем рукописного сборника, достаточно одного читателя. Им мог быть высокопоставленный светский или духовный заказчик или сам компилятор. Первая библиотека появилась на Руси в общежительном монастыре Сергия Радонежского в конце XIV в.⁷

На фоне получивших широкую известность эпических сказаний европейских народов восточнославянский материал такого рода заявляет о своем существовании спорадическими всплесками (Сказание о погибели русской земли, Слово о полку Игореве), но чаще всего вкраплениями эпической стилистики в переводы больших сочинений исторического характера, какими были Иосиппон, Иудейская война, Александрия, Троянское сказание, Дигенис Акрит. Независимо от их подлинной исторической ценности они воспринимались переводчиками как надежные исторические документы [Prieto 2010]. Почему же собственные сочинения героического эпоса не получили в это время письменной фиксации на Руси, подобно тому, как это произошло с Беовульфом, Эддами, и многими другими эпическими сказаниями (северо-) европейских народов?

⁶ Напротив, устойчивость церковно-литургических текстов контролировалась служебным уставом и поддерживалась коллективным исполнением.

⁷ Ср. историю Никиты в Киево-Печерском патерике, который оказался жертвой книг и дьявола. Едва ли этими книгами была Библия.

Очевидно, что культурная модель, сложившаяся у славян под влиянием Византии, не предполагала другого рода письменной словесности, чем словесность христианская. Сама мысль о необходимости письменной фиксации «фольклора» могла казаться кощунственной, поскольку, согласно Сказанию о русской грамоте, она была явлена не кем иным, «но тъкмо самимъ Богомъ» [Живов 2002: 155–157]. Западная Европа не имела такого культурного ориентира, как Византия, христианство не вытеснило целиком старой эпики, ее фиксация началась практически одновременно с распространением латинского алфавита, который был применен и для записи эпики. Сложилась подлинная письменная диглоссия: латынь служила христианству и государственным нуждам, местные «варварские» языки использовались для эпики и в быту; таким образом в северной Европе эпика и христианская словесность напрямую не сталкивались, они были основаны на разных языках. Однако героический эпос варварской эпохи был в некоторой степени согласован с новой христианской этикой, поскольку первыми фиксаторами старых сказаний были клирики; известное влияние оказывал также книжный эпос Вергилия, коль скоро писателями выступали наиболее образованные лица [Хойслер 1960; Kaldellis 2009]. Сходную роль сыграл в Восточной Европе Иосиф Флавий: его Древности иудейские легли здесь в основу всемирной истории через хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, его Иудейская война сделала то же самое для новозаветной эпохи [Алексеев 2017], придав ее истории воинский и дружинный характер, что отвечало эстетическим запросам времени. Вместе с Житием Андрея Юродивого [Молдован 2000: 4] история Иудейской войны заложила основы большой литературы с чертами национального характера.

Литература

- Алексеев 2008 — А. А. Алексеев. Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. 2008. Т. 59. С. 63–114.
- Алексеев 2017 — А. А. Алексеев. Славянский Иосиф // Христианский Восток. Т. 8 (XIV). 2017. С. 27–40.
- Великая хроника — «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Перевод Л. М. Поповой. Под ред. В. Л. Янина. М., 1987.
- Глазырина 2002 — Г. В. Глазырина. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002.

- Голубинский 1892 — *Е. Е. Голубинский*. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1892.
- Живов 2002 — *В. М. Живов*. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
- Мельникова 2011 — *Е. А. Мельникова*. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.
- Мещерский 1958 — *Н. А. Мещерский*. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнеславянском переводе. М.; Л., 1958.
- Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Пичхадзе 2004 — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: древнерусский перевод. Т. 1–2 / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004.
- Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пичхадзе 2015 — *А. А. Пичхадзе*. Некоторые славянские источники интерполяций древнерусской версии «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. V. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 223–232.
- Плутарх 1964 — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 3. М., 1964.
- Хойслер 1960 — *А. Хойслер*. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Перевод с нем. Д. Е. Бертельса. Вступ. статья В. М. Жирмунского. М., 1960.
- Kaldellis 2009 — *A. Kaldellis*. The Great Medieval Mythogenesis: Why Historians Should Look Again at Medieval Heroic Tales // *Antike Mythen. Medien, Transformationen und Konstruktionen* / Herausgegeben von Ueli Dill und Christine Walde. Berlin; New York, 2009. P. 356–371.
- Kürbis 1970 — *B. Kürbis*. Pomniki dzelowe Polski. Seria II. Tom III. Kronika Wielkopolska. Warszawa, 1970.
- Prieto 2010 — *Susana Torres Prieto*. Slavic Epic: Past Tales and Present Myths // *Epic and History*. Ed. by D. Konstan and K. A. Raaflaub. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 223–242.
- TLG — Thesaurus Linguae Graecae® Digital Library. Ed. Maria C. Pantelia. University of California, Irvine. <http://www.tlg.uci.edu> Thesaurus Linguae Graecae® Digital Library. Ed. Maria C. Pantelia. University of California, Irvine. <http://www.tlg.uci.edu>

И. И. Макеева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ
О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ТЕКСТЕ
И РЕДАКТИРОВАНИИ КОРМЧЕЙ
РАННЕЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

Кормчая ранней русской редакции, или русская Кормчая, была создана в Киеве при митрополите Кирилле в последние годы его деятельности — в 1273–1280 гг. Сам митрополит, который был инициатором присылки на Русь, а именно в Киев, южнославянского списка сербской Кормчей¹, наряду с несколькими местными книжниками принимал участие в ее подготовке. Как пишет Я. Н. Шапов, русская кормчая составлялась «несомненно, в Киеве, при кафедре, с использованием ее канонической библиотеки и привлечением к работе местных книжников-юристов» [Шапов 1978: 185].

Русская кормчая представляет собой компиляцию древнеславянской и сербской Кормчей. Старшим сохранившимся списком древнеславянской Кормчей является Ефремовский список XII в. (далее ЕК). Я. Н. Шапов упоминает, что в XII–XIII вв. эта рукопись, находясь в одном из церковных центров, принадлежала лицу, стоявшему у церковного руководства, и таким лицом был один из новгородских архиепископов. Сербская кормчая, или Законоправило, представлена Иловицкой кормчей 1262 г. (это ее старший сербский список, далее ЗП) и Рязанской кормчей 1284 г. (далее РК) — старшим восточнославянским списком, сделанным с рукописи, присланной митрополиту Кириллу².

¹ Я. Н. Шапов вслед за И. И. Срезневским и другими учеными упоминает, что список был болгарским; см. [Шапов 1978: 23, 241–242; Срезневский 1897: 60].

² Иловицкая кормчая, переписанная писцом Богданом в Иловице, сохранилась с утратами. Существовал или нет условно так называемый «киевский список» — промежуточный между южнославянским протографом и Рязанской кормчей — вопрос спорный. И. И. Срезневский, давая общую характеристику русских списков разных Кормчих, писал следующее: «Такова, конечно, была и Киевская кормчая, с которой Рязанская списана» [Срезневский 1897: 12]. На украинских и белорусских землях сербская кормчая стала очень популярна и сохранилась в большом количестве списков.

Кормчая ранней русской редакции быстро распространилась по восточнославянской территории. «Едва в 1260–1270-х годах появился ранний текст этого сборника, как он, в несколько измененном виде, с пропуском новгородского Вопросания Кирика и дополнением правила об общежительных монастырях, попал во Владимир Волынский, а оттуда распространился в XIV в. на украинские, белорусские и молдавские территории» [Щапов 1978: 244]. В 1286 г. для волынского князя Владимира Васильковича был сделан несохранившийся список. Свидетельствующая об этом запись, находившаяся в рукописи, в дальнейшем воспроизводилась в других списках, которые составили Волынскую группу³: В лѣто .ѿ.ѿ.чд. сѣписанъ бы сѣи монаканонъ. бѣголюбивы м кнѣзѣ владимиро м снѣмъ васнѣковы м внѣко м романовымъ. и бѣголюбивою кнѣгинею его вѣгою романовною, аминь рекше конецъ. бѣгоу нѣшемоу сла вѣ въкы аминь. пишѣщи же на м сѣа книги. поѣха гнѣ нашъ к ногоевн. аспожа наша встала вѣ владимери. зане немощъ ю оугонила люта сѣло. того ради немощно бы. еи проводити его (П 358).

Одну ветвь Волынской группы представляют Арадский список XV в. (далее А) и Погодинский список конца XVI в. (выше и далее П), в которых находятся два Устава князя Владимира, другую — вторая половина Харьковского списка рубежа XV–XVI вв., содержащая один текст Устава (далее Х) [Щапов 1978: 160].

Второй этап истории Кормчей ранней русской редакции связан, по мнению Я. Н. Щапова, с северо-востоком Руси⁴, где появилась ее «несколько более поздняя обработка»: в Кормчую было добавлено до 40 статей. С этим этапом связано появление Новгородско-Варсонофьевской группы списков, в которую входят Новгородская кормчая 1282 г. (далее Н), Воскресенская кормчая конца XIII — начала XIV в. (далее В)⁵, Варсонофьевская кормчая XIV в. (далее Ч), Тихомировский список XV в. и XVI в. и первая половина Харьковского списка, датируемая XV в.

³ Список 1286 г. Я. Н. Щапов называет Волынской кормчей, ее поздние списки объединяет как Волынский извод кормчей Русской редакции [Щапов 1978: 211, 270–272].

⁴ Ученый уточняет возможное место работы над русской Кормчей и пишет, что это могли быть Пере(я)славль Суздальский и Ростов (ростовская епископская кафедра), а созданный там список называет северо-восточной кормчей и Ростовской кормчей 1279–1280 гг. [Щапов 1978: 244–245, 207, 229].

⁵ В «Сводном каталоге...» при датировке поставлен вопрос: кон. XIII — нач. XIV в. (?) [Сводный каталог 2002: 620].

Все списки, кроме Воскресенского, являются полными. В этой рукописи переписана только часть Кормчей ранней русской редакции. Ее текст обрывается на л. 116в на 73 каноне Карфагенского собора на середине фразы. Из двух написанных в разное время частей состоят Тихомировский список и Харьковская кормчая, причем в последней рукописи одна половина текста входит в Волынскую группу, а другая — в Новгородско-Варсонофьевскую.

Упомянутый Я. Н. Шаповым «несколько измененный вид» списков Волынской группы по сравнению с Киевской кормчей 1270-х годов относится к содержанию. Их текстологических особенностей ученый не касался, отмечая только, что списки сохранили ранний текст [Шапов 1978: 179, 209]. Говоря о втором этапе работы над Кормчей ранней русской редакции, он очень подробно рассмотрел состав рукописей, входивших в Новгородско-Варсонофьевскую (в его терминологии Синодально-Варсонофьевскую) группу, также не обращаясь к текстологии. Сопоставление списков показывает, что второй этап работы над памятником заключался не только в добавлении статей. В протографе списков Новгородско-Варсонофьевской группы было проведено редактирование. В основном оно было спонтанным⁶ и касалось некоторых словоформ в отдельных текстах, лишь иногда — более или менее последовательным, затрагивая не одно произведение. Арадский, Погодинский и Харьковский списки, сохраняющие более близкий к протографу текст, также имеют вторичные чтения. Исследование текстологии двух групп списков русской Кормчей позволяет восстановить первоначальный текст vs редакторские изменения, имеющиеся в обеих группах⁷.

Поскольку Кормчая ранней русской редакции является компиляцией, для выявления первоначальных чтений, находившихся в ее протографе, и редакторской правки необходимо обратиться к отдельным составляющим памятник произведениям или к группам типологически схожих текстов.

Такой группой являются соборные правила и толкования⁸. В этой части Кормчей главным источником для русских книжников была

⁶ Индивидуальные чтения каждого из списков не учитываются.

⁷ Вторичные чтения Волынской группы по типологии отличаются от редакторской правки в Новгородско-Софийской группе и в данной статье не рассматриваются.

⁸ Я. Н. Шапов писал о неоднородности основной части русской Кормчей: «Внутри нее выделяются два комплекса статей, подобранных по различным принципам: главы 1–23 (или 24) представляют собой выборку важнейших

сербская Кормчая. Соборные правила и толкования расположены в том же порядке, в каком они следуют в Законоправиле: I Вселенский Никейский собор, Анкирский собор, Неокесарийский собор, Гангрский собор, Антиохийский собор, Лаодикийский собор, II Вселенский Константинопольский собор, III Вселенский Эфесский собор, IV Вселенский Халкидонский собор, Сардийский собор, Карфагенский собор, VI Вселенский Трулльский собор, VII Вселенский Никейский собор, Двукратный Константинопольский собор⁹.

Общий принцип работы над этой частью компиляции был следующим: правила составители русской Кормчей заимствовали из древнеславянской Кормчей, толкования — из сербской Кормчей. Этот принцип мог быть нарушен, когда правило извлекалось из Законоправила, а толкование составители вообще не включали. Иногда исходный текст сокращался.

При сопоставлении текстов соборных правил и толкований в разных списках видно, что в протографе Новгородско-Варсонофьевской группы было проведено последовательное редактирование, заключавшееся в замене исконного существительного **презвитерьъ** на **попъ**. Такая замена оказалась необходимой для соответствия толкований правилам, поскольку в канонах, как и в древнеславянской Кормчей, употреблено **попъ**, а в толкованиях, взятых из Законоправила, — **презвитерьъ**. Интересно то, что редактировались именно толкования. В тех случаях, когда правило извлечено из Законоправила и содержало существительное **презвитерьъ** (см., напри-

правил и установлений из Сербской кормчей, сделанную в порядке глав этого источника (но с большими пропусками): 1–20, 45–48, 59⁹, и компиляцию их с правилами Ефремовской; главы 25–67 являются выборкой, сделанной уже иначе, без строгой системы. ... Первые 18 глав первого комплекса — это апостольские и соборные правила ... Продуманность и логичность отбора этого комплекса несомненна. Этим он отличается от второго комплекса статей, набранных из различных частей своего основного источника» [Шапов 1978: 166]. Редактирование Апостольских правил и толкований отчасти освещено в [Мошкова 2012].

⁹ Ср. порядок следования в древнеславянской Кормчей, где вначале помещены правила Вселенских соборов, а затем поместных: Никейский I (Вселенский I), Константинопольский (Вселенский II), Эфесский (Вселенский II), Халкидонский (Вселенский IV), Трулльский (Вселенский VI), Никейский II (Вселенский VII), Анкирский, Неокесарийский, Гангрский, Антиохийский, Лаодикийский, Сардийский, Карфагенский, Двукратный Константинопольский.

мер, канон 3-й Эфесского собора, каноны 4-й и 6-й Гангрского собора), слово сохранилось.

Редактирование, заключавшееся в замене **презвитеръ** на **попъ**, проведено (с некоторыми пропусками) в толкованиях Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского, Лаодикийского, Константинопольского и Эфесского соборов. Толкования следующих за ними Халкидонского, Сардийского и Карфагенского соборов редакции не подвергались; в них осталось первоначальное существительное **презвитеръ**. Не отредактированы также начинающие Кормчую Апостольские правила и правила I Никейского собора¹⁰. Возможно, над соборными правилами и толкованиями в протографе списков Новгородско-Варсонофьевской группы работали по меньшей мере два писца-редактора. Один из них, начавший и затем продолживший работу, сохранял первоначальное чтение; второй, трудившийся над серединой, довольно последовательно провел замену¹¹. В списках Волынской группы осталось первоначальное чтение **презвитеръ**.

Последовательно сделанная лексическая замена в протографе Новгородско-Варсонофьевской группы является редкостью. Обычно меняются отдельные слова и конструкции, и такие несистемные замены и пропуски, которым в Волынской группе соответствуют первоначальные чтения, в целом довольно многочисленны. Ниже в таблице приведены чтения Волынской группы (А лл. 84–95, П лл. 79–88) с указанием на первоисточник, с которым они совпадают, и изменения в правилах и толкованиях Лаодикийского собора в списках Новгородско-Варсонофьевской группы (Н лл. 976–111а, В лл. 716–80а, Ч лл. 56в–64г, X¹² лл. 646–72г)¹³.

¹⁰ В находящихся между ними правилах апостола Павла толкований нет.

¹¹ В дальнейшем писец протографа Варсонофьевского и Харьковского списков продолжил редактирование: там, где в толкованиях еще оставалось существительное **презвитеръ**, он заменил его на слово **попъ**. Это сделано в правилах и толкованиях Сардийского собора (один случай, текст маленький), Карфагенского и Халкидонского соборов. Иногда, правда, писец забывал сделать замену.

¹² Первая часть этого списка входит в Новгородско-Волынскую группу.

¹³ В таблицу не включены добавление и пропуск союзов и частиц, изменение порядка слов (за исключением отдельных примеров), варьирование форм падежа и числа, иногда не совпадающее в списках одной текстологической группы. Такие изменения мало значимы для определения типологии редактирования. Текст Лаодикийского собора большой, он содержит 58 правил и толкований. Общее количество значимых изменений по сравнению с таким объемом невелико.

№ п/п	Арадская кормчая (Вольнская группа списков)	Новгородская кормчая (Новгородско-Варсонофьевская группа списков)
1	Гѣко не побѣаетъ <u>глемы</u> ^х (ЕК) старецъ...	Гѣко не подовакътъ <u>таковыуѣхъ</u> старецъ...
2	поставлены сѣща на <u>бл҃гочинїе</u> . <u>и како</u> (ЗП, РК) и гдѣ пѣбаецъ имѣ стоати	сѣща поставлены ¹⁴ на <u>бл҃гочѣтѣк</u> . тако и кдѣ подовакътъ имѣ стоати
3	аще не облечетъ <u>въ малыа</u> <u>ризица</u> . малыа же <u>ризица</u> . (ЗП, РК) гл҃тсѣ грѣчьскымы азыкѣм ^м . диф.ѳера.	аще не облечетъ ^с <u>въ малыа</u> <u>ризы</u> ¹⁵ . гл҃тсѣ грѣцьскымы азыкомѣ. диф.ѳера
4	бываѣтъ о вѣрны ^х мѣтвѣ три. (РК) <u>едина оубо прѣваа</u> (ЗП, РК) въ танинѣ	бывають о вѣрныуѣхъ <u>г. мѣтвы</u> . <u>а.а</u> въ танинѣ
5	<u>И древле оубо епкпи прѣжѣ</u> ^д <u>оглашеныа поучахѣ</u> <u>бесѣдоующе и гл҃ше къ ни</u> ^м (ЗП, РК)	<u>Преже кппи</u> ^с <u>оглашеныа</u> <u>поучахоу</u> . <u>бесѣдоующе к нимѣ</u> . <u>и гл҃ше</u>
6	въ покаанїи. рекше въ припадѣнїи <u>дрогѣжѣ</u> (ЗП, РК) мѣтвѣ сѣтворитъ	в покаанїи. рекше въ припадани <u>в.ю</u> мѣтвоу творитъ
7	потѣм ^м мирстїи <u>чл҃ци</u> (ЗП, РК)	потомѣ мирстїи <u>людикѣ</u>
8	творимаа <u>древле</u> (ЗП, РК)	творимаа <u>преже</u>
9	и по сѣ ^м сѣврѣшенїа приношенїе бывашѣ ¹⁶ . <u>рекше</u> . <u>приношашѣ</u> ^с <u>бесквернаа жрѣтва осѣшасѣ</u> . скончанѣ же бывши таковыи <u>жрѣтвѣ</u> (ЗП, РК)	и по семь приношени./та свершеникъ бывашѣ. <u>и осѣшасѣ</u> . <u>сѣ/нчанѣ</u> же бывши таковыи <u>слѣужѣ</u>
10	сего ради ни хлѣба ни чаши <u>не пѣбаецъ имѣ</u> (ЗП, РК) даати людѣ. хлѣбѣ же и чаша	сего ради ни хлѣба <u>не подовакътъ даати</u> людѣмѣ. хлѣбѣ же и чаша

¹⁴ Индивидуальное чтение Н.

¹⁵ В Воскресенском списке ризици.

¹⁶ В ЗП и РК другой порядок слов и иные падежные формы, более близкие к Н: приношениа бывашѣ сѣвршеникѣ.

№ п/п	Арадская кормчая (Вольнская группа списков)	Новгородская кормчая (Новгородско-Варсонофьевская группа списков)
11	чиновъ ѿ <u>постникъ</u> (ЕК, τῶν ἀσκητῶν)	чиновъ ѿ <u>поустъникъ</u> (вероятно, понято как одно слово)
12	не поѡбаеть... влѣхв ^М быти. или пагоубникъ ... или <u>свѣздочетце</u> . (ЕК) или творити глѣмаа сѣхранѣа ¹⁷	не подоваеть... влѣхвомъ вѣгги. или пагоубникомъ... или творити глѣмаа схранаа
13	или <u>свѣздословіемъ</u> (ЗП, РК) рѡство и часть члкъ ^М повѣдаа	или <u>звездословьскъмь</u> . рожество и часть чловѣкомъ повѣдаа
14	аще где не прѣслоу(ша)нїа (ЗП, РК) ради, нѣ тѣлеснымъ ра ^{ДИ} немоши	аще где не <u>послоушаниа</u> ради. нѣ телесныа ради немоши

Чаще всего новые чтения Новгородско-Варсонофьевской группы представляют собой лексическое варьирование (см. 1, 2, 6, 7, 8, 9, 13, 14), однако сделанные замены не всегда семантически тождественны, а иногда даже ошибочны. Прослеживается тенденция упростить некоторые фразы (см. 3, 4, 5, 9), но и в этих случаях чтение ухудшается (см. 3) или появляется иной смысловой оттенок (см. 5). Пропуск слова был случайным в примере 10 и, возможно, в примере 12. В девятом примере не исключена особая ситуация: пояснение могло быть опущено по каким-то особым (богословско-служебным?) соображениям русского книжника, сопровождаясь варьированием жрѣтвѣ — слоужвѣ. Надо заметить, что выше первоначальное чтение А и П стѡе приношенїе свѣршають рекше слоужвѣ (то же в ЗП и РК) в протографе Новгородско-Варсонофьевской группы было изменено на и тако стїю слоужвѣ свершають, а в Н преобразовано в и тако свѣршають стѡа слоужвѣ.

Изменения в тексте Лаодикийского собора, где имеется правка презвитерь — попъ, оказываются более существенными и многочисленными по сравнению, например, с правилами и толкованиями Новокесарийского, Гангрского и Антиохийского соборов, где также была мена презвитерь — попъ. Но эти тексты меньше по объему. Новокесарийский собор: А 69об. Аще прѣрѣваецса кто (ЕК) — Н 80а Аще кто

¹⁷ В ЕК сѣхраннїа.

прерѣваѣтъсѧ; А 70об. на исповѣданїи (ЕК) — Н 80г на исповѣданик; А 71 чти презвитерскы да прїѡбщитсѧ (ЗП, РК приобъщаѣтъсѧ) — Н 81в чти поповьствѣи^да причаститьсѧ¹⁸; А 71об. пришедшѣ епѣпѣ или попѣ^м (ЕК) — Н 82б пришедъшю кѣпоу; Гангрский собор: А 73об. ѿ творѡщи^х любовь (ЗП, РК) — Н 84в ѿ творѡщи^ххъ любовьве; А 74об. црковнаѧ творитѣ тѡинства. рекше слоужбѣ съдѣваѣтъ (ЗП, РК) — Н 85г црвѣнаѧ тѡинства. рекше слоужбоу съдѣваѣтъ; А 74об. га (ЗП, РК) — Н 86а ха; Антиохийский собор: А 81 испытанїе же (ЕК) — Н 93в испыгати ник же; А 77–77об. симь ѡмѣтны^м быти ѡ цркве (ЕК) — Н 89а симь ѡмѣтникомъ вьгги ѡ цркви; А 78об. изнесоша сѧ^д не по правѣ (ЗП, РК) — Н 90б изнесоша соудѣ и неправдоу.

Если же обратиться к правилам и толкованиям тех соборов, где не было замены презвитеръ — попѣ, то редактирование в протографе Новгородско-Варсонофьевской группы в разном объеме обнаруживается и в этих текстах. В правилах и толкованиях Халкидонского собора¹⁹, кроме изменения некоторых форм (см. ниже такова — таковы^х), пропуска частиц и союзов, употребления вместо первоначального ли союза или, порчи въ цркви^ѣи же при первоначальном и правильном въ цркви въ неи же, присутствуют единичные лексические замены²⁰. Одна из них имеет параллель в тексте Лаодикийского собора: А 110об. блгочинїе (ЗП, РК) — Н 129в блгочтѣк. Во втором случае представлено варьирование слов с не и без не, которое для Кормчей является особой позицией²¹: А 110об. житїе имаще. порочно (ЗП, РК) — Н 129в житик имоуци. непорочно. Появилось несколько пропусков: А 108об. никакоже помѣнжвше ѿ такѣ^м дрѣжащимъ ѧ. к томѣ не можѣ^т вьздати ѿ таковы^х — Н 127а нїкакоже поманоуше ѿ таковы^х; А 109 аще... распра вждеть ѿ тѣ^м дрѣжащи^и такова

¹⁸ Индивидуальное чтение Н, в других списках сподобитьсѧ.

¹⁹ Текст достаточно большой (содержит 30 правил и толкований к ним) и потому показательный для рассмотрения первичных и вторичных чтений.

²⁰ Есть особые случаи, когда первоначальное чтение сохраняется не только в списках Волынской группы, но и в Воскресенском списке Новгородско-Варсонофьевской группы: равнаѧ старѣшинїства А, П, В (то же в ЕК) — Н праваѧ старѣшинїства; чѣколюбно А, П, В (то же в ЕК) — Н чѣвколювьзно; сь иже А, П, В (то же ЗП) — Н сь.

²¹ Добавление или пропуск не меняет смысл правил и толкований на противоположный. Не всегда можно утверждать с уверенностью, что это было сделано случайно, а не намеренно. См., например, канон 15-й Никейского собора: А 56 тако не прѣходити ѡ града въ гра^д (ЕК) — Н 64а тако приходити ѡ града въ гра^д.

НЕ ОПРАВАТСА САМИ. НЖ СЪ ВЪЗЫСКАЖШИМИ ТАКОВАА СЖДАТСА — Н 127в аще... распра боудеть о томь. нъ со възискающими таковыхъ соудать^с; А 112об. самъ собож таковыа вещи црковныа (так!) правла, таковыи клеветж възгааеть (так!) на ст҃льство — Н 131в самъ собою таковыи клеветоу възлагааеть на ст҃льство. Если первый из них кажется случайным (гаплографическим), то два других могли быть сделаны намеренно для упрощения текста.

В тексте I Вселенского Никейского собора в протографе Новгородско-Варсонофьевской группы списков опущены некоторые пояснения, избыточные с точки зрения писца-редактора: А 51 не жити съ инѣми женами въ домоу своемъ проче прѣжерены^д лиць, еже е мѣтри и сестры и теткы (ЗП, РК) — Н 58а не жити съ женами въ домоу свокомъ . проче прежереныхъ^д лиць; А 55об. оумалѣти и оумножати епитемѣж. рекше запрѣщенїа (ЗП) — Н 63б оумалати и оумножати кпитемью; А 58об. да покрѣшатса. сирѣ^д да покрѣшатса второе (РК) — Н 66г да крѣшатса второе. Нередко встречается пропуск одного слова, также, по мнению книжника, лишнего; случаи замены лексики единичны: А 52 единого ѿ трїи избранны^х поставити его хоше^т епкпа (ЗП) — Н 59а кдиноного ѿ трини избранныхъ кгоже хоцетъ кппа; А 55об. и тако съврѣшенїа, рекше вжтвѣвны^х танинъ съврѣшени вжтѣ^д (ЗП) — Н 63а–б и тако съврѣшениа вжтвѣвныхъ^х танинъ достонни боудотъ; А 57 поставитъ его на болшїи степенъ. възведеть его въ своен цркви (ЗП) — Н 64г поставитъ кго на болшини степенъ въ своен цркви; А 57 оправилъ е ст҃ын велнкын съворь. тако аще кто веращетса (ЕК) — Н 65а оправилъ кстѣ ст҃ын съворь. аще кто веращетса; А 58 ни даати презвитерѣ^м вжтвнаго причащенїа (ЗП) — Н 66а ни даати прозвоутеромъ причащенїа; А 58об. ржкжвъзложенїе (ЕК) — Н 66в роукоположенник.

Самые большие изменения представлены в тексте Анкирского поместного собора. Помимо предисловия он содержит 25 канонов с толкованиями²². По общему принципу формирования текстов этого типа в русской компиляции толкования извлечены из Законоправила, а текст правил заимствован из древнеславянской Кормчей, кроме 19-го канона, который соответствует такому же правилу сербской Кормчей.

²² Не имеет толкования правило 22; одно общее толкование у 1 и 2 канона, поскольку в Законоправиле про первое правило сказано, что оно же является вторым, и, таким образом, имеется только одно соответствующее толкование.

В предисловии, толкованиях и канонах до толкования к правилу пятому расхождений между списками Волынской группы (А лл. 59об.—61об., П лл. 58—59об.) и Новгородско-Варсонофьевской группы (Н лл. 67г—70а, В лл. 52г—54а, Ч лл. 39в—40г, Х лл. 44г—46а) больше, чем в остальном тексте Анкирского собора и в других соборных правилах и толкованиях. Очевидно, что эту часть писал книжник, который принялся за активное редактирование протографа Новгородско-Варсонофьевской группы. Ему могут принадлежать русизмы **ѡдино** Н 69в и **веречи** Н 69б²³.

Ниже в таблице представлены первичные чтения, имеющиеся в начальной части текста в списках Волынской группы (с указанием на первоисточник — ЕК или ЗП), и вторичные чтения, общие всем спискам Новгородско-Варсонофьевской группы²⁴. Вторичных чтений в списках Волынской группы здесь очень мало; можно говорить о максимальной близости А и П к протографу русской Кормчей.

№ п/п	Арадская кормчая (Волынская группа списков)	Новгородская кормчая (Новгородско-Варсонофьевская группа списков)
1	прѣвѣи же ѿ сѣи съворь никенскаго съвора (ЗП)	прѣвѣи сѣи сворѣ ксть · и никинскаго свора
2	и во въ врѣмѣ гоненїа (ЗП)	и въ врѣмѣ гонениа
3	не възмогша сътрѣпѣти мжкь до конца (РК) ²⁵	да конца не стерпѣша моукь
4	прѣстѣпиша пакы (ЗП)	прѣстоупиша
5	съвъпрашанїе оубо бы ѿ сѣи х ѿцѣ в тѣмъ како пѣбаеѣ ѿвѣргшихса ха прїимати. и (ЗП)	съвъпрашаникъ бѣ ѿ томъ ѿ стѣ х оцѣ · како подобаеѣ прїимати ха ѿвѣргшихса

²³ Исключение составляет Воскресенский список, где имеется **ѡдино** и **верѣци**.

²⁴ В таблицу не включены случаи, когда первоначальное чтение сохраняется во всех списках, кроме Н. Не включены также общие отличия всех списков Кормчей ранней русской редакции от первоисточника, как, например, или **врань** **ноужю** **примѣшемъ** Н 69а, в ЕК **вращю**, **вѣрѣца**. Подобные расхождения могли появиться в протографе памятника или находиться в списке, которым пользовались его составители.

²⁵ Это чтение ближе к РК, где находится глагол **терпѣти**.

№ п/п	Арадская кормчая (Волынская группа списков)	Новгородская кормчая (Новгородско-Варсонофьевская группа списков)
6	да мнѣтса оубо въ мѣкы въложены быти. сѣм мнѣти и образѡ ^м привести ... ключисѣ оубо (ЕК)	да мнѣтса въ моукы вложены бѣгги · мнѣти образомъ сѣм привести ... ключисѣ
7	штинѣ ^д слоужити чѣтительскыѣ службы не пѣбаетъ (ЕК) ²⁶	чѣтительскыѣ слоужбы ѡиноудѣ не подобаетъ
8	Дѣаконѡ ^м ... инѣ оубо чѣсть имѣти. прѣстати же имъ ѡ всакоѣ чѣтительскыѣ слоужбы. и възношенїѣ хлѣба и чашѣ и проповѣданїѣ (ЕК)	Дѣаконѡ ^м ... престати имъ ѡ чѣтительскыѣ слоужбы · и възношенїѣ хлѣба · и чашѣ проповѣданїѣ · иноу оубо чѣть имѣти
9	аще оубо (ЕК)	аще
10	Ѣлицѣ же ѡ презвитерѣ и дѣакѡ ^н (ЗП)	Ли кто ²⁷ ѡ поповѣ или дѣаконоѡѡ
11	пристѣпиша пакы къ съборнѣи цркви. кажсѣсѣ ѡ нѣхже сѣгрѣшиша. тѣкмо сѣданїѣ и чѣсти спѣблени быти длѣжни сѣ ^т (ЗП)	пристоупиша къ съборнѣи цркви кающѣсѣ · тѣкмо сѣданїѣ и чѣти сподобатъ ^с
12	или слово оученїѣ люде ^м створити. штинѣ ^д ничтоже ѡ стѣм слоужбы сѣтворити (ЗП)	или слово оученїѣ людемъ принести ѡ оустѣ ²⁸ · ѡноудѣ не лѣтъ
13	въпїжцихъ же (ЕК)	въпиюцихъ
14	прно гавлѣжши ^м всѣ ^м одѣнїемъ и образѡ ^м житїѣ. и смѣренїемъ ²⁹ сѣ. ꙗко кромѣ грѣха сѣща. ѡ комканїѣ не възбранати (ЕК)	присно гавляюцимъ · всемъ одѣнникмъ и образомъ · житїѣ · и смѣренникмъ сѣхъ кромѣ грѣха · ѡ причастїѣ не възбранати

²⁶ В ЕК форма мн.ч. чистительскыѣхъ слоужбѣѡ. Перед этим фрагментом в А и П пропущены слова имъ или вѣсѣдовати.

²⁷ В Воскресенском списке Никто.

²⁸ Чтение принести ѡ оустѣ является индивидуальным чтением Н; в других списках Новгородско-Варсонофьевской группы сохранено первоначальное створити.

²⁹ В ЕК и житїѣ сѣмѣренникмъ.

№ п/п	Арадская кормчая (Вольнская группа списков)	Новгородская кормчая (Новгородско-Варсонофьевская группа списков)
15	Иже ... идоложрѣтвѣное брашно приати понѣжѣни бывше. понѣжажши ^д и въ оуста имь въліавши ^м 30 съ нѣжею. такоже ^д 31 и тѣмь образѣ. ливань въ рѣцѣхъ и вълагаемь прѣмше. и нѣждею на желѣзныи чрень въ немже ѣ агліе въврѣши понѣжѣни бывше (ЗП)	Иже ... идоложертвѣнокъ бывше по нѣжи приати ³² · и въ оуста въліавшимъ съ ноуѣею · тѣмь же образомъ и темьганъ въ роуцѣхъ примѣше · и на гликѣ веречи поноуѣени бывше
16	плача вынѣ явлѣюще (ЗП)	плачь въиноу явлѣа
17	таковѣи тако кромѣ грѣха сѣще ... въ свои чѣсти да прѣбывають (ЗП)	таковѣи кромѣ грѣха соутъ ... въ свои чѣти да боудотъ
18	аще же мирѣтѣи члѣци сѣтѣ ^т таковѣи и хотатъ поставленіе сѣнѣства полоучити. аще прѣжнѣе житѣе ^д и непорочно ѣ. сего ради единого не възвранитса имь таковыа чѣсти полоучити (ЗП)	аще ли мирѣтѣи соутъ таковѣи · и прѣжнѣе житѣе ихъ непорочно · и хотатъ на сѣнѣство · не възвранѣтса имь таковыа чѣти полоучити
19	О пожрѣши ^х нѣжею... и верѣвши ^х въ идолѣ ^х ... в рѣзж многоцѣннѣ одѣшасѣ. и причастишасѣ ^с оуготованнымъ верѣ. нѣла. 33 ключисѣ оубо лѣто едино ѡлжчитисѣ (ЕК)	О пожрѣшихъ ноуѣею ... и вечерѣвшихъ въ идолѣхъ... въ рѣзоу многоцѣнноу одѣшасѣ · и причастишасѣ вечерѣ идоломъ · лѣ ^т одно ѡлоучитисѣ
20	лѣтѣ двѣ. и (ЕК)	двѣ лѣтѣ
21	Ѣлицѣ же пожроша (ЗП)	Ѣлико пожроша
22	аще потѣ ^м (ЗП)	и потомъ

30 В ЗП и РК влагающимъ.

31 В ЗП таково же, в РК таково же.

32 Чтению Н *бывше по нѣжи приати* в других списках Новгородско-Варсонофьевской группы соответствует *приати поноуѣени бывше*; это промежуточный вариант между первоначальной версией и индивидуальным чтением Н.

33 В ЕК *нѣлѣпѣ, ἀδιαφόρως*.

№ п/п	Арадская кормчая (Вольнская группа списков)	Новгородская кормчая (Новгородско-Варсонофьевская группа списков)
23	<p>таковѣи съ послушашащыми да бждѣ причѣтени лѣто едино³⁴. и за три лѣта да припажѣтъ и друзѣи двѣ лѣтѣ стоаніе съ вѣрными да прїимѣ. и тѣкмо мѣтвь съ ними приобщашесѣ. по врѣмени же .с. лѣ^т съврѣшенѣ³⁵ да полоучать. и бжтвны стнѣ да причастатсѣ (ЗП)</p>	<p>таковни с послушашащими · лѣто кдино да боудуць · и · г · лѣ^т · да припадають · и · в · лѣтѣ съ вѣрными да стоять · тѣкмо мѣвѣ приобщашасѣ · по · ѣ · же лѣ^т бжтвнѣныхъ таинѣ причастатсѣ</p>
24	<p>да въ³⁶ съврѣшеніе четырми лѣты прїимѣ^т (ЕК)</p>	<p>· д · ми лѣтѣ въ съврѣшеніе придоу^т</p>

Текст этих правил и толкований не самый трудный для понимания, но отдельные места не ясны из-за неудачного перевода. В Арадском и Погодинском списках как воспроизводящих протограф русской Кормчей следование греческому очевидно. Русский книжник попытался по возможности избавиться от многословия и громоздких конструкций, сделав текст проще и понятнее. Как он работал, хорошо видно во фрагментах 3, 11, 14, 15, 23, где двухчленные или многочленные конструкции заменены одним словом: не възмогша сътрѣпѣти — не стерпѣша, спблени быти длѣжни сж — сподобать, вълагаемъ прїемше — приемше, (хотать) поставленіе сѣненства полоучити — (хотать) на сѣньство, стоаніе ... да прїимѣ — да стоять. Книжник избавился от конструкций с *яко* (14, 17) и сократил количество находящихся рядом однокоренных слов (15; см. также 7). Устранены дублирующее слово-понятие (*по врѣмени же .с. лѣ^т*), словоформы, которые писец не считал (и в основном справедливо) необходимыми (*друзѣи двѣ лѣтѣ, бждѣ причѣтени, ѿ всакоа чителскыа слоужбы* и др.). По непонятной причине изменена заключительная фраза толкования (см. 12).

³⁴ В ЗП *таковни лѣто кдино*; кроме того, в этом источнике имеется другой порядок слов, не совпадающий с РК: *причѣтени боудуць, с вѣрными стоаникѣ*.

³⁵ В этой словоформе вероятна мена *ѣ* — *и*; в П *съврѣшеніе*, в ЗП *съврѣшенна*.

³⁶ В ЕК предлога нет.

Были предприняты попытки исправить испорченные чтения. В первом случае (см. 19) вместо **нѣла** писец поставил слово **идоломъ**, которое находилось выше в том же контексте. Во втором случае (см. 24), чтобы «узаконить» лишний предлог **въ**, глагол **прѣимѣ**^Т заменен на **прѣдоу**^Ѡ.

Интересны лексические замены: **Ѡ комканѣа** — **Ѡ причастѣа** (14), **ливань** — **темьганъ** (15), **сѣтъ** — **таннъ** (23), а также **свѣтлѣиши**^М А (ЕК) — **свѣтломъ** Н, **многочѣннымъ** А (ЗП) — **свѣтлы** Н. Несколько раз книжник заменил предложно-падежную конструкцию с общим значением временного следования словом **пакты**: **потѣ**^М А (ЗП) — **пакты** Н; **по сѣмъ** А (ЕК) — **пакты** Н; **по сихъ же** А (ЕК) — **пакты** Н; **потѣ**^М А (ЕК) — **пакты** Н. Прочее лексическое варьирование не так показательно: **нѣкако** А (ЕК) — **нѣкок** Н; **сѣдѣловати** А (ЗП) — **дѣяти** Н; **по си**^Х А (ЕК) — **и потомъ** Н.

Остальные изменения, предпринятые писцом в пяти первых правилах и четырех толкованиях Анкирского собора, встречаются и в других текстах, то есть они не характеризуют индивидуальный стиль книжника. Это изменение порядка слов (см. 1, 5, 6), пропуски слов, в основном частиц (см. 4, 6, 9, 13, 20), замена одних форм другими: **бѣхъ** А (ЗП) — **бѣша** Н, **повинѣшесѣ** А (ЗП) — **повиночшасѣ** Н; А **иже** (ЗП) — **аже** Н; **възвращимсѣ** А (ЕК) — **възвратившасѣ** Н.

Таким образом, по чтениям списков Волынской группы видно, что Арадская и Погодинская рукописи ближе к протографу Кормчей ранней русской редакции не только с точки зрения состава произведений, как писал Я. Н. Щапов, но и текстологически. Расширение состава памятника, которое происходило на северо-востоке Руси, сопровождалось редактированием текста русской Кормчей, в частности, внесением изменений в соборные правила и толкования. В результате в протографе списков Новгородско-Варсонофьевской группы в толкованиях нескольких соборов была проведена замена существительного **презвитеръ** на **попъ**. В остальной правке, на первый взгляд бессистемной, прослеживается тенденция к упрощению особо сложных конструкций, следующих греческому оригиналу первоисточников. Упрощение обычно происходило за счет пропуска слов, иногда за счет замены словосочетания одной лексемой. Такой тип редактирования, умеренно отраженный в больших текстах, очень хорошо представлен в начале Анкирского собора. Возможно, правка **презвитеръ** — **попъ** и остальное редактирование были проведены разными книжниками в несколько этапов.

Источники

- А — Арадская кормчая. Арадское епископство (Румыния), № 21, XV в.
- В — Воскресенская кормчая. ГИМ, Синодальное собр., № 131, кон. XIII — нач. XIV в.
- ЕК — Ефремовская кормчая XII в. // *В. Н. Бенешевич*. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906.
- ЗП — Иловицкая кормчая 1262 г. // *Законоправило Светаго Саве. Приредили и превели Миодраг М. Петровић, Љубица Штавланин-Ђорђевић*. Београд, 2005; *Законоправило или Номоканон Светаго Саве. Иловички препис 1262. Година*. — Фототипија — Горњи Милановац, 1991.
- Н — Новгородская (Климентовская) кормчая. ОР ГИМ, собр. Синодальное, № 132, 1282 г.
- П — Погодинская кормчая. РНБ, собр. Погодина, № 234, кон. XVI в.
- РК — Рязанская кормчая. РНБ, Ф.п. II.1, 1284 г.
- Т — Тихомировская кормчая. ГПНТБ, СО РАН, Тихом. Р-539, XV, XVI вв.
- Х — Харьковская кормчая. Харьковский исторический музей, инв. № 21129, сер. XV в. (первая часть рукописи) и рубеж XV—XVI вв. (вторая часть рукописи).
- Ч — Варсонофьевская кормчая. ГИМ, Чудовское собр., № 4, XIV в.

Литература

- Мошкова 2012 — *Л. В. Мошкова*. Апостольские правила в Кормчей русской редакции: принципы соединения текста // *Религии мира: История и современность*. СПб., 2012. С. 44–75.
- Сводный каталог — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг. XIV век*. Выпуск 1. М., 2002.
- Срезневский 1897 — *И. И. Срезневский*. Обзорение древних русских списков Кормчей книги // *Сборник ОРЯС*. Т. LXV, № 2. СПб., 1897.
- Щапов 1978 — *Я. Н. Щапов*. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

Г. С. Баранкова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

О СУЩЕСТВОВАНИИ
ОСОБОЙ РЕДАКЦИИ
ШЕСТОДНЕВА ИОАННА
ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО
В ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИ

Шестоднев Иоанна экзарха — компилятивное произведение богословско-философского характера, объясняющее основы мироздания с позиций христианского учения и содержащее комментарии на первые две главы библейской книги Бытие. Он был составлен болгарским экзархом Иоанном на основе осуществленных им переводов из Шестодневов Василия Великого и Севериана Гавальского. Жанровое своеобразие Шестоднева открывало широкие возможности для включения в него знаний о природе и человеке. Сами принципы компиляции этого произведения говорят о его средневековом энциклопедизме. Иоанн умело комбинировал теологический рационализм каппадокийцев и антиохийский интерес к буквальному толкованию Священного Писания. Заимствуя у каппадокийцев умение давать описания природных объектов и физических явлений, используя аристотелевские парадигмы в разных областях знаний, подчиняя при этом натурфилософию христианскому откровению, Иоанн экзарх показывает себя большим знатоком античной мудрости, которую он, вслед за Василием Великим, хотя и критикует, но полностью не отвергает, предлагая брать из учения «внешних» то, что может оказаться полезным. На Руси Шестоднев пользовался большой популярностью и сохранился в многочисленных списках (их насчитывается более 50).

Вопрос о том, в какой мере были распространены списки Шестоднева на юге и западе Руси, до настоящего времени остается неизученным. Из достоверных фактов имеется лишь свидетельство А. Курбского, сетовавшего на отсутствие Шестоднева в Великом княжестве Литовском (далее ВКЛ). В письме к Марку, ученику старца Артемия, он писал: «Случилося ми нѣкогда бесѣдовати со преподобнымъ старцомъ твоимъ, а моимъ отцомъ и господиномъ, блаженные

памяти преподобнымъ исповѣдникомъ Артемѣемъ; а бесѣда была о книжныхъ дѣлахъ, наипаче же о книзѣ Великого Василюя, которую Андрей просил «для прочтения». Лучшей же книгой Василюя Великого Артемий назвал Шестоднев: «А что, рекъ, наилѣпшая книга его о естественныхъ вещахъ писанная, и иные книги сопротивъ еретиковъ, тѣ не преведены въ нашъ языкъ» [РИБ 31: 414–415]¹. Далее Курбский сообщает Марку, что он «купилъ книгу Василюю всю», а также труды Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и хроннику Никифора Каллиста.

На основании этого письма А. И. Соболевский считал, что в XVI–XVII вв. древнейший перевод Шестоднева не был известен русским книжникам, поэтому Епифаний Славинецкий заново перевел Шестоднев Василюя Великого, который был напечатан в Москве в 1656 г. [Соболевский 1903: 289, 293–294]. Впрочем, для русской книжности это утверждение вряд ли соответствовало действительности, так как в XVI–XVII вв. Шестоднев в переводе Иоанна экзарха на Руси не только активно переписывался, но редактировался и даже был в числе любимых произведений протопопа Аввакума, взявшего его с собой в ссылку [Сарафанова-Демкова 1963: 367–372]. Однако, если это утверждение Артемия скорее всего отражало отсутствие списков Шестоднева в библиотеке Троице-Сергиевой обители, игуменом которой он был некоторое время, то для юго-западной книжности вопрос, связанный с распространением этого памятника, не так однозначен для решения. Для ответа на него нужно обратиться к текстологии памятника и группировке его рукописей.

На данный момент известны следующие юго-западные списки Шестоднева:

- Ег-176 — РГБ, собр. Егорова, ф. 98, № 176, нач. XVI в., восточнославянский по правописанию, бытовавший на западнорусских землях;
- Рум-194 — РГБ, собр. Румянцева, ф. 256, № 194, XVI в., написан, по всей вероятности, в Галицко-Волынской земле;
- Пог-1089 — РНБ, собр. Погодина, ф. 583, № 1089, XVI в., юго-западнорусский;

¹ Примечательны разночтения по спискам этого послания, ср. текст в списке Синод. № 136: «сирѣчь о шести днехъ писанія ... о всехъ естественныхъ вѣщахъ совершеніе выписаль такъ прекраснѣ, яко никтоже отъ вѣка другіи описалъ, яко Василюи Великіи [РИБ 31: 414–415]. Попутно отметим, что в русской книжности существовала традиция приписывать Шестоднев Иоанна экзарха Василюю Великому.

Хл-44 — ГИМ, собр. Хлудова, ф. 86795, № 44, XVI в., написан западно-норусским полууставом;

Рог-791 — РГБ, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 791, XVII в., с украинскими особенностями в правописании.

Таким образом, предположение о том, что Шестоднев Иоанна экзарха отсутствовал в Юго-Западной Руси, неверно, хотя число его списков, возможно, было мало. Однако потребность в таком памятнике, как Шестоднев Иоанна экзарха, в Великом Княжестве Литовском XVI—XVII вв., несомненно, была велика. В этом убеждает переводческая деятельность Андрея Курбского и членов его литературного кружка в Миляновичах. Как отмечал В. В. Калугин, исследуя творчество Андрея Курбского, «Целью его литературно-просветительской деятельности было стремление преодолеть кризис книжно-славянской традиции, сделать ее конкурентоспособной в религиозной борьбе. К греко-византийским духовным ценностям московского боярина вело “латинское учение” духовных противников» и далее: «Князь Андрей решил познакомить “простых” православных читателей с системой “внешних” наук и утвердить общественную и духовную пользу светской учености» [Калугин 1998: 99]. С этим было связано и обращение беглого князя к Богословию Иоанна Дамаскина, одному из наиболее значительных в богословско-философском отношении памятников, довольно рано ставшему известным на Руси благодаря переводу того же Иоанна экзарха Болгарского. Курбский и его соратник Михаил Оболенский дополнили перевод Иоанна недостающими главами (болгарский писатель перевел 48 глав), а также отредактировали текст по латинскому изданию². Андрея Курбского, проявлявшего большой интерес к философии, западноевропейской образованности и античному наследию (что следует из его предисловия к Богословию Иоанна Дамаскина), должен был также интересоваться и Шестоднев Иоанна экзарха с его постоянным обращением к «внешней мудрости», однако малое число списков этого памятника в ВКЛ препятствовало его изучению и распространению.

А между тем именно Шестоднев Иоанна экзарха был одним из тех памятников, который мог бы способствовать разрешению культурно-религиозного кризиса в ВКЛ в XVI в., выразившегося, по утверждению Л. В. Левшун, в конфликте веры и разума и приведшего к православному возрождению. Обращение к Шестодневу Иоанна

² Подробнее о принципах редактирования Богословия см. [Калугин 1998: 114; Баранкова 2001: 168–190].

экзарха, вобравшему в свое произведение Шестоднев Василия Великого и развивавшему традиции великих каппадокийцев, равно как появление нового перевода Диалектики Иоанна Дамаскина, было в этот период весьма актуально, ибо именно в это время, как отмечает исследовательница, «явственно назрела необходимость нового «каппадокийского синтеза» [Левшун 2000: 215]. Об этом свидетельствуют, в частности, поиски Шестоднева, которые вел Андрей Курбский.

Возможно, отсутствие собственной западнорусской рукописной традиции памятника можно связать с наблюдениями А. И. Соболевского, писавшего о резком падении уровня образованности православного духовенства в XV в. как в Южной, так и в Западной Руси. В этот период там были в ходу привозные московские, новгородские или болгарские книги, так как в этих местах существенно снизилась деятельность по переписыванию книг. Ученый отмечал, что «Списки с церковнославянских текстов, сделанные в XV и первой половине XVI в. в каком-либо месте Западной Руси и дошедшие до нас, отличаются крайней малочисленностью» [Соболевский 1980: 59]. Тем не менее текстологическое и языковое исследование списков Шестоднева позволило выделить группу списков, написанных или бытовавших на территории Юго-Западной Руси.

Как известно, древнейшим сохранившимся является список Шестоднева сербского извода 1263 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 345, далее С-345), остальные его списки относятся к XV–XVII вв., при этом лишь один из них болгарский (ГИМ, собр. Синодальное, № 35). Подробное описание русских списков Шестоднева и их текстологическая классификация содержатся в работах [Баранкова 1973; Баранкова 1998]. В ходе лингвотекстологического анализа 52 списков Шестоднева было выявлено четыре редакции памятника: ранняя русская редакция, вторая русифицированная редакция (среднеболгарская по происхождению), поздняя русская и промежуточная редакции, относящиеся к XV–XVII вв. При этом в качестве своеобразного эталона, взятого при сличении списков, выступал древнейший сербский список С-345, отличающийся наибольшей полнотой текста. Ранняя русская редакция памятника представлена списками, условно отнесенными нами к Чудовской ветви³. Списки этой ветви характеризуются совокупностью общих пропусков во II и особенно в IV Слове,

³ Названия текстологических ветвей и групп условны и отражают принадлежность рукописи, определенной как основной представитель той или иной ветви (группы), к собранию, в которое она входит.

как оказалось, наиболее показательном для их группировки. Протограф списков этой ветви поступил из Болгарии на Русь скорее всего уже в XI в. и подвергся существенной языковой правке и обработке. О древности протографа списков этой ветви свидетельствует их большая лексическая близость к древнейшему С-345. Со временем произошло разделение списков этой ветви на две группы — Академическую и Румянцевскую. Первая из этих групп была широко распространена на Руси и представлена большим числом списков (13 из 52). Ее старшими сохранившимися списками являются РГБ, собр. Московской духовной академии, ф. 173. I, № 145 (далее МДА-145) и ГИМ, собр. Чудова монастыря, ф. 80370, № 171, 1492 г. (Чуд-171), оба новгородские по происхождению. Списки Академической группы наиболее последовательно продолжили традицию ранней русской редакции Шестоднева. Вторая, весьма малочисленная группа — Румянцевская — не была объектом детального рассмотрения. Ранее мы высказывали лишь предположение о том, что она получила распространение на юге и западе Руси и даже вышла за ее пределы [Баранкова 1998: 26].

Списки Румянцевской группы характеризуются теми же пропусками во II и IV Словах, которые наблюдаются и в списках Академической группы, но к ним в IV Слове добавляются еще 5 мелких пропусков. В то же время нарушений в порядке расположения текста I и II Слов, которые свойственны спискам Академической группы, здесь не возникло⁴. Списки Румянцевской группы объединяет и то, что они не имеют самого конца в VI Слове, что сближает их с С-345, который обрывается примерно на тех же словах. Среди выявленных списков Шестоднева Румянцевской группы следует назвать пять восточнославянских: Ег-176, Рум-194, Рог-791, Хл-44, Пог-1089, а также одну сербскую рукопись 1649 г., со следами восточнославянского оригинала, переписанную в Верхо-Брежницком монастыре св. Троицы⁵, использованную в разночтениях Р. Айтцетмюллером при издании текста Шестоднева [Aitzetmüller 1958–1971], VB в обозначении издателя⁶.

⁴ Подробная текстологическая классификация с характеристикой пропусков и перестановок списков всех ветвей и групп содержится в работе [Баранкова 1973].

⁵ Сведения о ней привел И. В. Ягич, см. [Jagić 1922].

⁶ Далее данные из этой рукописи приводим по ее факсимильному воспроизведению в издании Р. Айтцетмюллера.

Интересно отметить, что большинство списков этой группы, а именно Рум-194, Рог-791, Пог-1089, VB, являются лицевыми, иллюстрирующими акт творения, что отличает их от остальных списков Шестоднева. Еще один список этой группы — Ег-176 — был задуман как лицевой, однако миниатюры в нем не были выполнены по каким-то причинам, и в тексте рукописи остались чистые листы на тех местах, где в других списках находятся миниатюры. Е. К. Редин отмечал высокое качество миниатюр Румянцевского списка и указывал на их композиционную близость к миниатюрам византийских памятников XI—XII вв. Миниатюры из Румянцевского списка он считал выдающимся явлением среди памятников XVI в. и полагал, что они «могут служить показателем высокого состояния русского искусства в данную эпоху» [Редин 1902: 7]. Одной из характерных черт этих миниатюр, по его наблюдениям, было изображение Христа в виде ангела, что было особенно распространено в XVI в. и вызывало возражение у Висковатого, считавшего, что «превечное Слово Божие следует описывать по плотскому усмотрению», однако Московский собор 1554 г. подтвердил правильность и целесообразность подобного изображения Христа «в ангельском образе с крыльями» [Редин 1902: 15—16]. Это наблюдение ученого-искусствоведа может служить датирующим признаком при определении времени возникновения юго-западной редакции памятника. Помимо Рум-194 Редин проанализировал художественные особенности Погодинского списка и констатировал сходство в исполнении миниатюр Рум-194 и Пог-1089. Единственным нелицевым списком среди перечисленных оказывается, таким образом, Хл-44.

Список **Ег-176** является наиболее ранним из числа сохранившихся списков Румянцевской группы и датируется началом XVI в. Правписание списка восточнославянское, с заметными следами второго южнославянского влияния в орфографии. Часто употребляется буква **ж**, однако мены юсов не наблюдаются. Этимологическое сочетание *dj передается как **ж** (*слаже* 1a4, *ѡхоженіемъ* 16a2, *оутверженіе* 21a10 и проч.) при довольно частом написании **жд** (*одежію* 20621, *междѹ* и т. п.). Так же варьируются написания с гласным перед или после плавного в сочетаниях типа *tъrt (*верхѹ* 2167, *первѹмъ* 20a14 *первое* 20a27, *первовытнаго* 1568, но *врѣхѹ* 48a29, *прѣвовытнѹмъ* 15a25, *испрѣва* 114622, *сѹ врѣтитѹ* 28614 и т. п.). Полногласий в рукописи не отмечается. В окончаниях 3 л. наст. времени всегда пишется -ть. Нередки случаи мены ъ и ь на конце слов. Заметна замена **ѣ** на **е**:

възлетети 15a14, на предѣле 15a28, цѣлѣе 99b15 и т. п. Спорадически отмечаются окончания -мо в 1 л. мн. ч.: прѣмлемо 64a23.

Список примечателен заметками на полях, предназначенными читателям книги, позволяющими судить о том, какие места Шестоднева представлялись наиболее значимыми и важными для прочтения. Почти все записи сделаны почерком XVI в., вероятнее всего, близким по времени к написанию рукописи, имеются некоторые заметки, сделанные другим, более поздним почерком, относящиеся к XVI или XVII в. Все записи сопровождаются рисунком руки с указующим перстом и начинаются со слов **виждь** (**ви**^{жк}), **зри**, **смотри**, **прочѣ**^т **со вниманіе**^м, **чты**^и **со вниманіе**^м. Дважды неизвестный автор отметил в тексте наличие слова **смердъ** (**ви**^{жк} **в именовании смерда**, 15a, **ви**^{жк} **в названіи смерда** 110a) и два раза обратил внимание на название Дуная. Автор записей показал себя человеком образованным и начитанным, проявлявшим интерес к разным областям знаний, и прежде всего к богословским проблемам, о чем свидетельствуют такие записи, как **Зрї еже сотвори члѣка гавственое изобразеніе не исповѣдаючи искони сновна воплощеніа, ви**^{жк} **роуѣженіе**^д, **еже по вбразоу нашемѹ** 132a, **Зрї в имѣни сын** 19б, **Ѵселе чтї с великїм вниманіе**^м **и роуѣженіе**^д **в вѣтве** **и в члвчтве**, **и до конца, и поужешиса много и жѣдоскїа** **и еретїчекїа вл**^{ди} **ѹвѣси** 102a и т. п. Большое внимание уделял он и естественно-научным данным, приводимым в Шестодневе, которые он также сопровождал своими замечаниями: **Смотри в имѣновани свѣта** 12б, **ви**^{жк} **в основани земне** 34a, **Зрї имена река**^м **ранскї**^м **четыре**^м 43a, **ви**^{жк} **в земны**^х **попаса**^х 64б, **зри в великою свѣтїникѹ** 65б и т. п. Ниже приводится часть этих записей с соответствующим текстом Шестоднева.

Основной текст Шестоднева по Ег-176	Записи на полях
л. 28a нѣо крѹгѹ сѧ вртїтїть веспрѣсмене	Зри в области нѣсе
л. 10б. то гавѣ то є ѣ ^с пако и добраа дѣла и доннаа дѣлаю ^т то въ свѣтѣ имоу ^т покои и на ^д оутварїю сею видимую ѣ ^с	в свѣте внутрене ^м є єсть ^{жк} на ^д видимы ^м внѣшни ^м свѣто ^м
л. 62б глїють бо држзїи нже астрономїю хытрѣ соу ^т изъвыкли. га ^к и земла самоа большю (так!) сжцоу сжгоу ^б слнцю . а земнын кржг сжгоу ^б волїи є кржга лоуїнаго	Смотрї в великїю свелнїкѹ снре ^ч в слнцы и в мїцы така є ^с великость и ^х

Основной текст Шестоднева по Ег-176	Записи на полях
<p>л. 65а посрѣди же вещейъ всѣхъ на двое предѣла все шбиліе неное. и зовемъ ѿ равнодннныи имже таже по нимъ страна земнаа вса ноши. и вса дни равны</p>	<p>Смотри в ранощеденіи</p>
<p>л. 66а–66б па же рещи вселіи хртїаньскыи вѣры чтыи изгонимо ѿ бесчестїе и слава остролюскаа. емъ бо ѿ творецъ блготныи и мощныи премдръ. и сътворилъ вса добро събло то нигдѣ никакого зла. ни злотворивы нѣ сътворилъ ни поставилъ</p>	<p>Внъ в сотвореніи твѣща доброніи и в остролюскаа блгди</p>
<p>л. 82б сътвори оубо нбо но не обло тако глѹтъ еліни не сотвори бо шло валлѹщеса. но тако прркъ рѣ. поставліи нбо акы комарж</p>	<p>Зри в нешлости нешнїи извѣстное</p>
<p>л. 93б–94а ехїдна змїа таже лютнїиши вѣ гадѣ. съхѹтса съ морскою мжреною</p>	<p>Зри прїкланое в ехїдне и о мжрене</p>
<p>л. 96а оувидѣ бо рѣ волъ вврѣшаго и шсла гасли гна своѣ. рыба не оувѣ крѣмашаго себе. шсла вѣ пѣ имже и многажы хо ло. дрѹгоничи и вождь бжде шблзанившемъса члкъ</p>	<p>Смотрїи в воле и в осле и в злопоненїи вѣблѹда</p>
<p>л. 98б како ти жеравїе ношнныи имж стѣража премѣнлѹщеса</p>	<p>Смори в жеравѣ прїкланїю повѣсть. таже в стерко любовное швѣство, к наше-мъ наказанїю</p>
<p>л. 101б Бжн оуноша желла женитвы. прѣвое бжде шбѣщанникъ, та за та мж и тако ро дїи тогда бжт глѣмо има шцѣ</p>	<p>Внъ в имѣни рѣтеле к дѣте и дѣте к рѣтеле. прочѣ внатна до крѣта</p>
<p>л. 121б имѣмъса во лѣпою мѣроу и прочїе повѣдати о частѣ и оудѣ телесныхъ. в главѣ. естѣ оубо члкъ како повѣдаю. на главѣ имѣли г. швыи на оуглы составлены</p>	<p>Зри в члвчи вродѣ, розсѣженїе чтыи со нїманїе</p>

Основной текст Шестоднева по Ег-176	Записи на полях
<p>л. 122а межѡу^д же вѣтѣма очима є чело.^ж є аще велико є назнаменує^с тако моу^дре^н оу^м има^т емоу^ж тако чело є нѣже мало є^с то вѣстрѣнише соу^т мыслѣю и скоро словеса и дѣла разоумѣю^т</p>	<p>W знакѡ доро^б и зло^м члѣце</p>
<p>л. 129а Много жь и велико и добро^ж є члѣколюбца бѣ дано є члѣко^м. прѣвыи^{бо} его даръ и ващѣи всѣ^х даровъ книжное оученїе</p>	<p>Зри w превѡше^м даре вѣи^н</p>
<p>Л. 134б д. соу^т рѣкы рѣка же исходитъ изъ едема ѿтоудъ по напоенїи и разоучаетса на д^а начаткы вѣ тигръ, вѣ нилъ. вѣ ефра^т вѣ тѣ иже вѣ писанїи глѣмь є фисонь. его^ж ннѣ^н мѣть мнози джнава соу^тца</p>	<p>Вн^ж о дѡнани и оу^тготованїи рѣка не точїю а да^м но и все^м свѣты^м</p>
<p>л. 138б приведе^т вѣ женж к^к моужж. то^ж вѣ^с и вѣ законѣ женж приводити к^к моужж. а не моужжа к^к женѣ вести</p>	<p>Вн^ж к^к мѡжоу жены прѣве- денїе. а не к^к женѣ мѡжа тако ннѣ^н во^{мно} зѣ^х вѣдїмъ</p>

Анализ записей свидетельствует о том, что они могут принадлежать выходцу из Юго-Западной Руси: ср. отмеченные в них случаи аканья (внѣтна), менуѣ и є, окончание -у в местн. пад. у сущ. с основой на *ѡ — w знакѡ (w знакѡ доро^б и зло^м члѣце 122а)⁷, в этом же ряду написаний можно рассматривать окончания в местн. п. на -ы после ц (на концы, на слнѣцы, w мѣсы, а также существительное врода (w вроде) и прил. остроложницкий и прикладныи. Кроме того, тем же почерком на полях Христианской топографии Козьмы Индикоплова, входящей в состав Ег-176, сделаны записи, наиболее примечательная из которых также свидетельствует о ее принадлежности западнорусскому автору: Зри по напиісанїю лнѣѡ w колеснїца^х и w конѣ^х и w людѣ^х, еіаже кѡпно почѣ^т колеснїца .с̣. тїсащѣ. конѣ^и .м̣. сот тїсащѣ а людѣ^и .ч̣. со^т тїсащѣ іаже не искѡсны^м не мню та выг^т, вѣрна 203а. Здесь обращает на себя внимание слово *личба* в значении «число», отсутствующее в древнерусских исторических словарях, но представленное в том же значении в укра-

⁷ А. И. Соболевский отмечал это как распространенное явление в памятниках западнорусских XV–XVII вв. [Соблевский 2004: 172].

инском и белорусском языках. Таким образом, можно говорить о западнорусском ареале бытования Ег-176⁸.

Список Рум-194 относится к концу XVI в. и входит в состав сборника, содержащего также Поучения Кирилла Иерусалимского. Рукопись написана несколькими писцами. При этом первые 42 листа принадлежат перу дьяка Олексы, оставившего на поле последнего листа киноварную запись: $\overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{Ф}} \overline{\text{Ч}} \overline{\text{Д}} \text{ до } \overline{\text{З}} \overline{\text{Ѧ}} \text{ писаніе } \overline{\text{м}} \overline{\text{н}} \overline{\text{о}} \overline{\text{г}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{н}} \overline{\text{а}} \text{ и } \overline{\text{в}} \overline{\text{л}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{н}} \overline{\text{а}}$ $\overline{\text{в}} \overline{\text{л}} \overline{\text{е}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{е}} \overline{\text{а}} \overline{\text{д}} \overline{\text{і}} \overline{\text{а}} \overline{\text{к}} \overline{\text{а}} \overline{\text{т}} \overline{\text{о}} \overline{\text{г}} \overline{\text{о}} \overline{\text{л}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{т}} \overline{\text{а}} \text{ в } \overline{\text{с}} \overline{\text{т}} \overline{\text{о}} \overline{\text{м}} \text{ петрѣ татаре } \overline{\text{п}} \overline{\text{о}} \overline{\text{к}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{з}} \overline{\text{о}} \overline{\text{п}} \overline{\text{с}} \overline{\text{о}} \overline{\text{в}} \overline{\text{а}}$ $\overline{\text{л}} \overline{\text{и}} \text{ и } \overline{\text{г}} \overline{\text{а}} \overline{\text{л}} \overline{\text{и}} \text{ спали } \overline{\text{л}} \overline{\text{и}} \text{ и } \overline{\text{ч}} \overline{\text{е}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}} \text{ бескиды } \overline{\text{п}} \overline{\text{е}} \overline{\text{р}} \overline{\text{е}} \overline{\text{ш}} \overline{\text{л}} \overline{\text{и}}$ $\overline{\text{н}} \overline{\text{а}}$ $\overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{г}} \overline{\text{о}} \overline{\text{р}} \overline{\text{с}} \overline{\text{к}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{ю}} \overline{\text{ю}}$ $\overline{\text{з}} \overline{\text{е}} \overline{\text{м}} \overline{\text{л}} \overline{\text{ю}}$ $\overline{\text{т}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{р}} \overline{\text{к}} \overline{\text{о}} \overline{\text{в}} \overline{\text{и}}$ $\overline{\text{н}} \overline{\text{а}}$ $\overline{\text{п}} \overline{\text{Ѧ}}$ $\overline{\text{н}} \overline{\text{а}}$ $\overline{\text{ц}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{с}} \overline{\text{а}} \overline{\text{р}} \overline{\text{а}}$ $\overline{\text{в}} \overline{\text{о}} \overline{\text{е}} \overline{\text{в}} \overline{\text{а}} \overline{\text{т}} \overline{\text{и}}$ ⁹, свидетельствующую об украинском происхождении рукописи. На южнорусское происхождение сборника могут также указывать особенности, отмеченные А. Х. Востоковым в Поучениях Кирилла Иерусалимского: «Без сомнения позднейший же переписчик XVI в. позволил себе отступить от греческого подлинника и от древнего перевода в исчислении книг Священного Писания (поуч. 4 статья $\overline{\text{πε}} \overline{\text{ρ}} \overline{\text{ι}} \overline{\text{ τ}} \overline{\text{ω}} \overline{\text{ν}} \overline{\text{ θ}} \overline{\text{ε}} \overline{\text{ι}} \overline{\text{ω}} \overline{\text{ν}} \overline{\text{ γ}} \overline{\text{ρ}} \overline{\text{α}} \overline{\text{φ}} \overline{\text{ω}} \overline{\text{ν}}$). Он исчисляет книги сии не в том, отличном от Библейского порядке, какой находим у Св. Кирилла, а наблюдает порядок Библейский, и, вероятно, имел перед собою Библию Скорины или другой какой русский перевод, ибо писал $\overline{\text{к}} \overline{\text{н}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{г}} \overline{\text{ы}}$ $\overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{з}} \overline{\text{д}} \overline{\text{р}} \overline{\text{а}} \overline{\text{ш}} \overline{\text{Ѧ}}$ (вм. $\overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{з}} \overline{\text{д}} \overline{\text{р}} \overline{\text{и}} \overline{\text{н}} \overline{\text{ы}}$), $\overline{\text{Б}} \overline{\text{о}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}}$ (вм. $\overline{\text{В}} \overline{\text{а}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}}$ ^х), $\overline{\text{М}} \overline{\text{а}} \overline{\text{х}} \overline{\text{а}} \overline{\text{в}} \overline{\text{е}} \overline{\text{н}} \overline{\text{с}} \overline{\text{к}} \overline{\text{і}} \overline{\text{а}}$ (вм. $\overline{\text{М}} \overline{\text{а}} \overline{\text{к}} \overline{\text{к}} \overline{\text{а}} \overline{\text{в}} \overline{\text{е}} \overline{\text{н}} \overline{\text{с}} \overline{\text{к}} \overline{\text{і}} \overline{\text{я}}$)» [Востоков 1842: 245].

В целом Румянцевский список Шестоднева исправен, в нем отмечаются следы южнославянского влияния в орфографии, присутствуют и восточнославянские языковые особенности, выразившиеся в написании ж на месте *dj ($\overline{\text{в}} \overline{\text{г}} \overline{\text{р}} \overline{\text{а}} \overline{\text{ж}} \overline{\text{е}} \overline{\text{н}} \overline{\text{Ѧ}}$ ^м 127a15 и подобные примеры), при значительно более распространенном в этих случаях написании жд ($\overline{\text{н}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{ж}} \overline{\text{а}}$ 113a 14, $\overline{\text{х}} \overline{\text{о}} \overline{\text{ж}} \overline{\text{а}} \overline{\text{х}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}}$ 23a24, $\overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{т}} \overline{\text{в}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{ж}} \overline{\text{Ѧ}}$ ^д 86a27 и т. п.), список характеризуется преимущественно южнославянским написанием гласного (чаще это ѣ) после плавного в сочетаниях типа *tʏrt, tʏlt, tʏt, tʏt ($\overline{\text{т}} \overline{\text{в}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{д}} \overline{\text{Ѧ}}$ 121a29, $\overline{\text{д}} \overline{\text{л}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{ж}} \overline{\text{е}} \overline{\text{н}} \overline{\text{Ѧ}}$ 121a22, $\overline{\text{п}} \overline{\text{л}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{к}} \overline{\text{о}} \overline{\text{в}} \overline{\text{Ѧ}}$ 23a22, $\overline{\text{в}} \overline{\text{л}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{н}} \overline{\text{о}} \overline{\text{у}} \overline{\text{Ѧ}}$ 13a18, $\overline{\text{д}} \overline{\text{р}} \overline{\text{Ѧ}} \overline{\text{з}} \overline{\text{а}} \overline{\text{ж}} \overline{\text{Ѧ}}$ 98a15 и т. п.) при наличии древнерусских написаний типа $\overline{\text{п}} \overline{\text{е}} \overline{\text{р}} \overline{\text{в}} \overline{\text{а}} \overline{\text{г}} \overline{\text{о}}$), частым употреблением ъ вместо ѣ на конце слов: $\overline{\text{н}} \overline{\text{е}} \overline{\text{м}} \overline{\text{а}} \overline{\text{л}} \overline{\text{Ѧ}}$ 113a1 $\overline{\text{ж}} \overline{\text{и}} \overline{\text{в}} \overline{\text{Ѧ}}$ 113a9, $\overline{\text{з}} \overline{\text{а}} \overline{\text{к}} \overline{\text{о}} \overline{\text{н}} \overline{\text{Ѧ}}$ 31a23 и т. п.; вместе с тем ярко выраженных фонетических и грамматических украинизмов в рукописи

⁸ О том же свидетельствуют затертые скорописные записи на польском языке и владельческий автограф «Ignatius Bulatinsky», отмеченные в этой рукописи при ее описании Т. В. Анисимовой, см. Описание собрания рукописных книг Е. Е. Егорова, фонд 98, РГБ.

⁹ Запись в рукописи угасает, приводится нами по Описанию А. Х. Востокова [Востоков 1842: 244].

не отмечается, лишь спорадически имеются написания, свидетельствующие о переходе [e] в [o] после шипящих: **нмоуцѣ^М** 118a28–29, **соуцѣ^М** 118a28, **бывшон** 98a24 и т. д., написания с **оу** вм. **о**: **живоу^Т** 74a22 (вм. **животъ**), а также примеры, говорящие о переходе **ѣ** в **е**: **ѡцвѣтѣ^Т** 134a27 и под., что указывает на украинского писца. Отмечены случаи отвердения **р**: **сътвороу** 2064; **боуроу** 14669.

Рум-194 примечателен тем, что в его тексте имеются глоссы писца, отмечающие некоторые библейские цитаты, а также поясняющие отдельные слова: **не ускоудѣють** — **не скончуютса**. Кроме того, текст был перечитан и проверен писцом, все исправления также в виде глосс внесены на поля (писец исправил описки, недописанные слова, дополнил допущенные им пропуски, однако и здесь он не избежал ошибок, так вместо **члкогѣвецъ бѣсъ** он написал **члколювецъ бѣ^С** 84a18.

Список **Пог-1089** датируется XVI в. Шестоднев находится в составе сборника с Космографией Козьмы Индикоплова, начало рукописи (Пролог и часть первого Слова Шестоднева) отсутствует. Как уже говорилось выше, рукопись является лицевой; ее сохранность, особенно в начале, плохая. Глоссы и пометы на полях в Шестодневе немногочисленны и касаются в основном пропуска слов или словосочетаний. Однако имеются скорописные записи, свидетельствующие о ее юго-западнорусском ареале бытования: **прикл^Д какина** 111б, **прикл^Д рыбы многоножица** 112а.

Правописание рукописи, восточнославянской по происхождению, характеризуется выраженными чертами второго южнославянского влияния: постоянно употребляется **ж**, однако мены юсов не наблюдается. Интересна более поздняя правка **ж** на **ѣ**, проведенная на лл. 776–78а Сочетание *dj последовательно передается как **жд**, в сочетаниях типа *тъгт, гтгт преобладают южнославянские написания преимущественно с **ъ**: **прѣваго** 39a2, **прѣвовытнаго** 74a7, **дрѣзость** 74б26, **тврѣди** 30a12, **помлѣчать** 75a14 и т. п. при единичных древнерусских написаниях **первыи** 93б2, **гортань** 176a9. После букв гласных последовательно употребляется **а** (так называемое зияние): **стоацѣ^С** 34a2, **вещнаа** 74б16, **громныа** 39a14а. Часты написания с **ь** вместо **ъ** на конце слов независимо от мягкости-твердости согласных: **разѣмь** 74a14, **сѣставь** 74б8, **свразь** 74б15, **крѣжь** 75б15, **прѣдѣль положиль** 80б19 и т. п. Однако отмечены написания **мысль** 95б23 и **еретическжж мысла** 96a13. Нередки написания с **ъ** вместо **о**: **кътораа** (вм. **котора**) 96б22, **тъго** 173a23, 173a25, **кънци** 172aб, **къзы** 173б5, **тълико** 99б10 и т. п. Наблюдаются в целом этимологически правильные написания буквы **ѣ** в корнях слов, во флексиях возможны написания с **е**,

однако отмечаются и случаи написаний с и вместо ѣ: срѣдови^ч 99а3, плижѣиѧ 108б6. Написания с ѣ вместо ѧ единичны: дивлѣхъ же са 19б14, крѣтати 176а26. О юго-западном происхождении рукописи могут свидетельствовать примеры с отвердением р: птица парациаа 105б11, криваа 102б11, трые 172а4, нырива 172а26, етеры (м. мн. им.) 171б6, грывнж 142б18, рызж 199б13 и др. Отмечается исправление слова ввѣси на ѡвѣси 99а23, возможно, указывающее на мену [y]/[v] в говоре писца.

Список отличается большим числом описок и искажений текста: премѣрїе 75б16 вм. премѣренїе; възлациенїе 95а1 вм. възхлациенїе; хрестїе 95а19 вм. хврестїе; при вѣчьствѣ 172б14 вм. при величьствѣ; чиноу и вражоу 88б12 вм. чиноу и врадоу; вѣды грѣська 101а17 вм. воды горькыа; вѣсѣды 95б17 вм. вѣды; место^м 105а23 вм. мьчтомь; въ двѣ зодїи. парфене и квиахъ 88а2 (вместо иктоуахъ, вариант икфѡахъ); овые^ч 172б10, вм. обочїе; възень 95а5 вм. възегъ; повѣтникъ 99а25 вм. проповѣдникъ; любо. прѣвыи жидовнне 106б18 вм. любопривыи жидовине; равь 106а26 вм. рывь; наркыны 106а14 вм. каркыны и т. п.

Список Хл-44 является неполным списком Шестоднева, в нем отсутствует VI Слово и наблюдается механическая перестановка листов IV и V Слов, при этом V Слово оказалось вставленным внутрь IV, а сам Шестоднев заканчивается словами: какоже двѣ глѣть рекии. помина^х та на постели моен. въ зоуѣрина^х побчнхса к тебѣ. мнѣм же са чты^м срце^д и ржцѣ възвизаемъ въ зоуѣтрини надежж имжше и скврѣнаго сего вѣжи^м. чистое житїе прїиме^м славаще оца и сна и стго дха въ вѣкы вѣкы^м, аминь 260а, что является концом IV Слова.

Примечательно, что заголовки в Хл-44 отличаются от соответствующих заголовков других списков Румянцевской группы, более того, некоторые из них были пропущены и вписаны более поздним почерком, скорописью.

л. 1а прѣсловїе въ книгу шестодневника їоанна ексарха; л. 9а заголовков первого дня творения отсутствует; л. 47а Слово во второмъ дни второе; л. 91а к третьему дню заголовков приписан скорописью: во твари нѣбо и земли всачкы; л. 149а слово во четвертѣмъ дни четвертое¹⁰,

¹⁰ Ср. соответствующие заголовки в Ег-176, Рум-194, Рог-791, Рог-1089: Книга глѣмата шестодневникъ їванна ексарха приагъ; Слово прѣвагъ днѣ, Слово втораго днѣ, Слово третїаго днѣ, Слово пятаго днѣ, Слово шестаго днѣ. Сербский список VB имеет более пространные заголовки, отличающиеся от приведенных выше и отражающие содержание Слов, ср., например, гла^в д. Слово четверта^{го} дне о слнци, и лѣнїѣ, и свѣзда; Сл^о пета^{го} днѣ, о китѣ^х, и рыба^х мѡрскыхъ, и птица^х, и скотѣ^х, и свѣрѣ^х.

пятое Слово не выделено в рукописи отдельным заголовком и, как упоминалось выше, оказалось вставленным внутрь четвертого.

На первых 28 листах этой рукописи почерком XVII в. сделана следующая запись: **сиа книга глаголемага сло^в велико^г ст^лника и б^гоноснаго оца василиа кисариа каппадокисна именуетсяа шестодне^в взата за саблюю посреди литгоско гдртва в стономъ граде виане. а вз^а с^ве книгѣ пантеле^и мака^е вахт^е а поде^е чел^ов^к дар^н дрѣг^у своемѣ и приателю гр^ню тараевичю сумороковѣ а подписа^а с^ю б^годѣхновеннѣю книгѣ а пантеле^и своею рѣкою.** Впоследствии какое-то время рукопись находилась в г. Минске, что следует из записи на 8 первых листах рукописи почерком конца XVII — нач. XVIII вв.: **сиа книга монастыра минского при цркви ст^л ап^лв^т петра и павла.**

Хл-44 имеет ярко выраженные среднеболгарские особенности в правописании, что может свидетельствовать о том, что этот список был сделан с болгарского оригинала. Отметим попутно, что все списки Румянцевской группы в разной степени отражают южнославянское влияние в орфографии, но при этом его следы в Ег-176 и Рум-194 не так сильны, как в Хл-44.

Из характерных особенностей в правописании Хл-44 отметим практически постоянное написание этимологических сочетаний *tьrt *tьrt, *tьlt, *tьlt в южнославянском варианте, преимущественно с буквой т: **испльнень** 27a18, **пръвы^м** 28a1, **пръвое** 25867, **врѣхуѣ** 3161, **на тврѣди** 33a8, **тврѣдѣ** 34a19, **пръвовывыи** 33a16, **распротрѣтѣмь** 33a20, **прострѣтѣ** 36619, **овьдрѣжи^т** и **сѣдрѣжи^т** 346 8–9, **помльча** 36615, **тврѣди** 14462, **тврѣдѣ** 204a20, **потрѣпи** 230a4, **испльнь** 259610, **напльни** 258a16, **испльнитса** 230a18–19, **дрѣзая** 204a9, **прѣсто^м** 205612, **чръны^м** 167a12, **чръны** 167a19 и многие др.

В рукописи употребляется буква ж, часто наблюдается мена юсов: **г^лать** 28a6, 152a11, **велик^жа** **главни^жа** **морск^жа** 25a20, **п^дмлаще** 29a9, **пр^темла** 29a14, **земла** (ед. вин.) 26a2, 29618 (но **землю** 2666), 20562, **притча** (ед. вин.) 20566, **вола** (ед. вин.) 259613, **с^жщ^жа** **лѣпот^ж** (ж. ед. вин.) 33a1, **вселен^жа** (ед. вин.) 34a15, **свѣтовни^жа** **с^ж доворотѣ** (ж. ед. вин.) 35a17, **п^двни^жа** (ж. ед. вин.) 36a6, **притча** (ед. вин.) 37a6, **не ѿпадаж** (прич. наст. действ. м. ед. им., ср. **не ѿпадаа** Рум-194), **нощ^жа** (ж. ед. вин.) 149a5, **астроном^иск^жа** (ж. ед. вин.) 14964, **мена** (наст. ед. 1 л., ср. **мѣню** Рум-194), **ж^жн^жа** (ж. ед. вин.) 152a6, **раман^жа** (ж. ед. вин.) 153a19, **властелск^жа** (ж. ед. вин.) 159617, **злат^жа** (ж. ед. вин.) 245a11, **ахан^иа** 5666, **древни^жа** (ед. вин.) 39a16, **имащи** 248a10, **има^т** 237a14 и т. д. Постоянны написания **нж** (вм. **но**).

Отмечаются написания с ѣ вм. ѡ после букв исконно мягких согласных: *размышлѣаса* 27613, *похвалѣа* 32а9, *тавлѣа* 33а16, *помышлѣемь* 34615, *помышлѣжше* 35а13, *оставлѣа* 37а14, *тавлѣеть* 152613, 152612, *оуроуѣлѣемь* 24166, *срамлѣжть* 56619. Однако они встречаются спорадически.

Весьма часты написания с буквой ь вместо ѡ на конце слов после твердых согласных: *югь* 3261, *вѣрь* 3661, *кроугь* 153а10, *ракь* 159а2, *дворь* 26069, *звѣкъ* 3061, *прѣркь* 3067, *лѣвь* 31а4, *члкъ* 31а9, *свѣзъ* 15262, *дхъ* 31617, *сълвгь* и т. п., также связанные с южнославянской правописной нормой.

Писец широко пользуется написаниями с а в соответствии с [ja] (так называемое зияние): *из неа* 29а6, *твоа* 29615, *своа* 37а9, *всѣдоуа* 30613, *плаваа* 32610, *прѣпоасана* 35а7, *сѣанѣж* 34614, *расыпаа* 3765, *поась* 15163, *пристраати* 153а19, *плаважцаа* 159а5 и т. п.

Полногласные формы в рукописи отсутствуют. Что касается написаний с неполногласными сочетаниями с р и л, то они пишутся чаще с ѣ (по-южнославянски), чем с е (по-древнерусски): *врѣдѣве* 145611, *трѣвѣ* 262, *прѣже* 264, *дрѣвосѣчець* 269, *тѣлесе* 33а19, *тѣлеса* 3365, *тѣлесь* 15262, однако примеры с ре- и ле- также достаточно представительны: *вред* 57а18, *вреда* 25963, *временнаа* 14969, *телесь* 152а7, *древо* 38а14, 38а20 и т. п.

Несмотря на преимущественное среднеболгарское правописание, в рукописи имеются примеры, свидетельствующие о том, что Хл-44 является восточнославянским списком. Об этом говорят такие написания, как *тожества* 30629, 31а1 (при практически постоянном написании жд на месте *dj), *вдинога* 159а3, *всенныи* 185а16, *жжнени* 15167, *жжнжа* 152а6 (при *южныа* 152а5), *оуголникѡ*^М 10а10, довольно редки написания этимологических сочетаний *tʏrt *tʏrt, *tʏlt, *tʏlt с буквами редуцированных (или с буквами гласных полного образования) перед плавными *свершеніе* 2668, *корьмителницѣж* 258612, *скверныа* 260а3, имеются формы имперфекта с аугментом: *баше*^Т 33а17, 35612. Эти примеры можно рассматривать как рефлексy восточнославянского протографа или связывать с восточнославянским орфографическим навыком писца.

О юго-западном происхождении писца свидетельствуют случаи мены ʏ на в: *не вѣмѣж* 10а4, *вѣходѡ*^М 3766, а также мена и/ѣ: *на пласи* 152а9, *строиини* (наречие) 153а14 *прѣчюдни* (наречие) 3366, *въ предѣли* 241а8, и мена ѣ/е: *сънабденіа* 15066, *на сѣвернен* и *на жжнени* 15167, *мена* 151619, *мени*^Т 32а3 (но *мѣни*^Т 31612, 32а20, 3267), *недовѣдомен* 153а4, *всемоцнен* 153а5, *всєдовахѡ*^М 30614 и т. п.

Несмотря на довольно значительное болгарское влияние в правописании анализируемой рукописи все же можно констатировать ее западнорусское происхождение, так как правописание Хл-44 и рассмотренных выше рукописей могло быть сознательно ориентировано на южнославянское. Так, А. И. Соболевский считал, что при переписывании церковнославянских памятников западнорусские писцы руководствовались московскими нормами, поэтому существенных отличий по языку от московских рукописей западнорусские списки не имели [Соболевский 1980: 60], а М. Г. Гальченко отмечала, что «... с середины 10-х по 30-е годы этого [XV в. — Г. Б.] века правописание, в значительной степени следующее нормам южнославянской письменности, утверждается в большинстве книгописных центров Древней Руси» [Гальченко 2001: 146]. Н. И. Толстой, характеризуя языковую ситуацию в Западной Руси во второй половине XVI в. и в XVII в., писал, что древнеславянский язык, используемый здесь, был близок к языку эпохи второго южнославянского влияния XIV–XV вв., подробнее см. [Толстой 1988: 61–62].

Список имеет множество описок и ошибок (недописанных слов, искажений). Искажения касаются наименований животных и птиц: вм. **каркинъ** (греч. *καρκίνος*) употреблены слова **марки**, **ракинъ**, **строкъ** вм. **стеркъ** (*πελαγός*), **стръкове** 244620, **мастерчїи** 255a12 (вм. **стерчин**), **пилне** вм. **пине** (*πίπνη*), **скражъ** вм. **скаръ** (*σκάρος*). Искажению подверглось название планеты Венера — **на фридитиннж** 159a12 вм. **афродитинж**. Слово **къзьникъ**, постоянно употребляемое в Шестодневе в значении «создатель, творец» и вышедшее, по-видимому из употребления в XVI в., заменено словом **коузьниць**. Вместе с тем к тексту предисловия Шестоднева сделаны глоссы на полях с пояснениями некоторых слов почерком XVII в.: **бголювце^М** — **бга любашим** 1a4, **твари** — **сирѣчь творенїе** 1a7, **взыскаа повѣлѣнїи его** — **похожденїе его** 1a10, **ты (собирающе)** — **тѣ** 2a4, **крѣмникоу** — **кор(мникоу)** 2613.

Список **Рог-791** датируется XVII в. и характеризуется теми же языковыми чертами, что и Рум-194. Являясь южно-русским по происхождению, он в достаточно большой степени отражает в своем правописании нормы второго южнославянского влияния с преимущественным написанием **жд** вместо русского **ж** (**прѣжѣ^Д** 1628, **тождества** 1562, **ѣтврѣжѣнїе** 15a11, **ноуѣжа^Д** 6a26), при спорадических восточнославянских написаниях с **ж** **ноуѣжа** 47628, **слаже** 1a3; преобладающими являются также южнославянские написания типа **испрѣва** 2624, 48a22 (ср., однако, **испѣва** 48a22), **продѣжаеми** 2628, **врѣхѣ** 15a27, **трѣпнїть** 28a8, **тврѣди** 12a8 (но **твердь** 90629) и т. д. На конце слов

по среднеболгарским нормам вместо ѣ часто пишется ъ (дроугѣ 1626, мирь 2615, внь 7а21, ѿвань 7а19 и т. п.). Постоянны неполногласия (драго 16а28, сламоу 4626, сламѣ 5а2 и т. д.). В рукописи употребляется буква ж, однако случаи мены юсов немногочисленны: въземлаще 1626, ꙗѣмлаще 1468, земла (ед. вин.) 19а23 и некоторые другие. Распространены написания с а вместо ѡ после букв гласных възыскаа 1а8, тврѣженіа 11а29 и т. п. Из восточнославянских грамматических особенностей списка встречаются местоименные формы совѣ 6а12 и т. п., имперфект с аугментом глѣж^т 9а16, однако эти формы встречаются редко. Из южнорусских особенностей списка отметим удлинение согласного перед конечным -ье (каменіе 10625). О том, что рукопись бытовала в украинской среде, свидетельствуют многочисленные скорописные записи на полях почерком XVII в.: лепше видена нежли слышана л. 27б, ѣдвое болше бба, ѡ пшеніцы і ѡ вінѣ зри піно 52а, либа іа^а снѣце велико 67б.

Все рассмотренные списки, относящиеся к Румянцевской группе, в целом объединяются по характеру чтений со списками Академической группы, т. е. ранней русской редакции. Однако они обладают рядом индивидуальных чтений, отличающих их от названной группы, в том числе пропуском или добавлением отдельных слов: зданіе — създанье¹¹; дѣловници и гребци — дѣловници и гребци и оутвердѣтса добрѣ; въдрѣжащ^м оум (вар. оумомь) — бдѣшимь оумомь; видимаа боудѣ^т — видѣно боудеть; без нѣкакого раствореніа — без некакого растоиніа; порадное — преднее; кромѣ — свѣне; свѣтѣнника — свѣтѣнѣ; етери — дрѣзини; да изведоу^т воды — да изведоу^т воды смоуцаюшаа дѣшь живѣ по родоу; разлоучити межоу свѣто^м и межоу тмоу ношью (и ношью VB) Ег-176 61а14–15, разлоучити межоу свѣто^м и межоу тмоу ношѣж (слово вставлено на поле писцом) Рум-194 — разлоучити межоу свѣто^м и межѣ ношью Академическая группа и Пог-1089 73а17–18; вса даст^с блгаа Ег-176 61а6, дастъ Рум-194 71а6, Пог-1089 73а7, даю^тсе вса блгаа VB — дать МДА-145; и т. п. Следует отметить, что только в списках Румянцевской группы (в том числе и сербском VB) представлено первоначальное правильное чтение роптаніа, в остальных оно искажено как пѣтьрания С-345, потраніа МДА-145 (вероятно, здесь имела место метатеза). В некоторых случаях списки Румянцевской группы даже представляют чтения, объединяющие их с древнейшим сербским списком: несмысли Румянцевская

¹¹ Здесь на первом месте стоит вариант из списков Румянцевской группы по списку Ег-176, на втором — вариант из Академической группы по списку МДА-145.

группа, С-345 — **несмыслѣнн** Академическая группа; **въскоутагаса** Румянцевская группа, С-345 — **скѹтагаса** Академическая группа; **владѣти** (**владати** Рум-194) Румянцевская группа — **власти** Академическая группа. В то же время имеются чтения, объединяющие списки рассматриваемой группы с сербским и списками других редакций, которые являются более правильными по смыслу: **такѡ^{жс} рече тварь** (гр. τὸ πλάσμα) **сътворшомоу ю** Румянцевская группа, С-345, вторая болгарская редакция, поздняя русская редакция, промежуточная редакция — ... **твердь сътворшомоу ю** Академическая группа.

В Румянцевской группе бóльшая близость наблюдается между списками Рум-194 и Пог-1089, с одной стороны, и Ег-176 и VB с другой: **въспыгаѣ^т** Рум-194 130a22, Пог-1089 142625 — **въпрашаѣтъ** МДА-145, Ег-176; **всѣды не вѣдѣ^т** Пог-1089 956 — **вѣды** (с глоссой писца на поле -**сѣѣ**) Рум-194 95a5, ср., однако, **вѣды** Ег-176, VB и списки других редакций; **на пространѣшиаа оубо мни^м** Рум-194 95a12— 3, Пог-1089 95625— 26 — **на простѣшиаа оубо минѣмъ** Ег-176, VB и списки других редакций. Иными словами, Ег-176 и VB сохраняют более ранние чтения, чем другие списки Румянцевской группы. Интересны места с искаженными чтениями, в которых можно также видеть сходство Рум-194 и Пог-1089. В отрывке VI Слова **прельстиль во са онъ старын алгмен. не по истинѣ сказавъ козы дышоуца оушма** МДА-145 235622—25 наиболее близким к правильному чтению из списков Румянцевской группы является текст, представленный в Ег-176: **прельстиль во са онъ старын альгмонѣ^н по истинѣ сказавъ козы дышоуца оушма** 1226. В Рм-194 текст искажен: **прѣсти^а во са онъ старшн аггломо и по истинѣ^н сказалъ козы доуцама** (так!) **оушма** 1466. Писец Пог-1089 пытался исправить испорченный текст, но налицо общая порча двух текстов: **прельстиль во са сташи аггломо. И понстинѣ^н сказаль козы джюцима оушма** 1736. Еще одно испорченное чтение объединяет Рум-194 и Пог-1089. При правильном чтении в Ег-176 **истинѣши ѣ^е на рѣснотнѣное изъвѣрѣтеніе** 796 (ср. VB **извѣстнениши ѣ^е на реснотнѣное изобрѣтеніе**), в Рум-194 читался тот же текст, что и в Ег-176, однако он был исправлен писцом следующим образом: **на рѣсности^{сно} вѣное се изъвѣрѣтеніе** 93a, а в Пог-1089 читается текст **на рѣсности^{яв} вѣное се изъвѣрѣтеніе** 93a, т. е. тот же текст с правкой Румянцевского списка.

Как говорилось выше, текстологически Хл-44 близок Рум-194 и Ег-176, однако, несмотря на отмеченные примеры порчи текста, в ряде случаев он сохраняет более древние чтения, чем указанные списки. Об этом свидетельствуют разночтения, объединяющие Хлудовский спи-

сок с представителями ранней русской редакции МДА-145, Чуд-171 и с древнейшим сербским списком 1263 г. С-345, при этом он бывает ближе к С-345 и Чуд-171: **пошнвѣли** Хл-44 27a18, С-345, Чуд-171 — **погывѣли** Ег-176, Рум-194, МДА-145; **оумышлани** — Хл-44 27611, МДА-145, Чуд-171, С-345 — **оумышленїи** Рум-194, **оумышленїа** Ег-176; **мысливыи** Хл-44 28a17, МДА-145, С-345 — **мысленїи вынѣ** Рум-194, Ег-176; **непосажемы** Хл-44 28a18, Чуд-171, С-345 — **неуесажемь** Ег-176, Рум-194, МДА-145; **домысльно** Хл-44 28a29, Чуд-171, С-345, — **домыслимо** Ег-176, Рум-194, МДА-145. Союз **ти**, представленный в ранних списках и Хл-44, заменен на **и** в Ег-176, Рум-194, Пог-1089, VB. В названии планеты Меркурий видна большая древность Хл-44, дающего общее чтение с МДА-145, в отличие от других списков Румянцевской группы: **армовж** (звѣздѣ) Хл-44 159615, МДА-145 — **арѣѣмовоу** Рум-194, Ег-176, Пог-1089, VB — **крмовѣ** С-345.

Воспроизведение некоторых среднеболгарских черт в письме Хл-44 могло бы отражать и особенности болгарского антиграфа, однако наличие значительного числа восточнославянизмов в правописании свидетельствует в пользу древнерусского протографа этой редакции, а также говорит о восточнославянском происхождении писца Хлудовского списка. Отсутствие ярко выраженных западнорусских черт в рассматриваемом списке Шестоднева вполне объяснимо, так как сама жанровая принадлежность этого памятника требовала использования «чистого» церковнославянского языка.

Таким образом, возникновение юго-западной редакции Шестоднева можно представить следующим образом. Поступивший на Русь еще в домонгольский период Шестоднев Иоанна экзарха подвергся редактированию как со стороны текста, так и со стороны языка, в результате чего появилась его ранняя русская редакция. Одним из книжных центров, где существовал этот памятник, был Новгород (как уже упоминалось выше, по крайней мере, два из старших сохранившихся списков Шестоднева — МДА-145 и Чуд-171 — являются новгородскими и относятся к Академической группе). Весьма вероятно, что вторым центром, где получила распространение ранняя русская редакция, был Киев. В процессе дальнейшего бытования на юге и западе Руси списки Шестоднева претерпели известные изменения, что впоследствии привело к появлению Румянцевской группы. Протограф ранней русской редакции был одним, чем объясняется общность текстологических и языковых особенностей Академической и Румянцевской групп, а также архаичность некоторых чтений последней в отличие от списков Академической группы и от списков

появившейся на Руси в XIV–XV вв. второй болгарской редакции памятника. Кроме того, в Румянцевской группе нет ошибочной перестановки текста во II Слове, возникшей в списках Академической группы, что свидетельствует о независимом развитии текстов двух групп и в некоторой степени о лучшей сохранности ее текста в Румянцевской. В то же время в списках Румянцевской группы появились собственные чтения, среди которых немало искаженных (последнее скорее всего объясняется сложными для понимания переписчиков рукописей естественно-научными данными, изложенными в Шестодневе). При этом наиболее исправным является Ег-176, лучше сохранивший ряд первоначальных чтений¹². Не позднее конца XV в. — нач. XVI в. появляется традиция создания иллюстрированных Шестодневов. Кроме того, Шестодневы этой группы нередко объединялись с Космографией Козьмы Индикоплова (среди рассмотренных списков это Ег-176, Рг-791, Пог-1089, VB). Так появилась своеобразная юго-западная редакция Шестоднева со своими текстологическими и языковыми особенностями, украшенная миниатюрами. Потребность в ее создании была велика, в чем убеждает переводческая деятельность Андрея Курбского и членов его кружка в Миляновичах и особенно — обращение к греко-византийским духовным ценностям, в том числе к переводу Богословия Иоанна Дамаскина. Очевидно, списки юго-западной славянской редакции Шестоднева были малочисленны и неизвестны Андрею Курбскому, однако существование этой редакции подтверждается наличием рассмотренных выше списков, а также тем, что она вышла за пределы ВКЛ на славянский юг и стала известна сербским книжникам.

Литература

Баранкова 1973 — Г. С. Баранкова. К текстологическому и лингвистическому изучению «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 172–215.

¹² Соотношение списков внутри Румянцевской группы требует дополнительного исследования, хотя уже сейчас можно указать на большую близость Рум-194 и Пог-1089. В то же время пока остается неисследованным вопрос о взаимоотношении списков Румянцевской группы (в том числе входящего в нее сербского списка 1649 г. — VB) с древнейшим списком 1263 г. — С-345. Как уже отмечалось выше, их объединяет не только ряд архаичных чтений, но и отсутствие самого конца Шестоднева.

- Баранкова 1998 — Г. С. Баранкова. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подгот. Г. С. Баранкова. М., 1998.
- Баранкова 2001 — Г. С. Баранкова. О лексической правке в списках Богословия Иоанна Дамаскина // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2 (2). С. 168–190.
- Востоков 1842 — Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
- Гальченко 2001 — М. Г. Гальченко. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (К вопросу о втором южнославянском влиянии) // М. Г. Гальченко. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М., 2001. С. 127–146.
- Калугин 1998 — В. В. Калугин. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.
- Левшун 2000 — Л. В. Левшун. Очерки истории восточнославянской средневековой книжности: эволюция творческих методов. Минск, 2000.
- Редин 1902 — Е. К. Редин. О некоторых лицевых рукописях «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. М., 1902.
- РИБ 31 — Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные. Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914.
- Сарафанова-Демкова 1963 — Н. С. Сарафанова-Демкова. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 19. М.; Л., 1963. С. 367–372.
- Соболевский 1903 — А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Соболевский 1980 — А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980.
- Соболевский 2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. I. М., 2004. С. 1–299.
- Толстой 1988 — Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Aitzetmüller R. 1958–1971 — R. Aitzetmüller. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes (in 7 Bände). Graz, 1958–1971.
- Jagić 1922 — V. Jagić. Козма Индикоплов по српскому рукопису г.1649-е // Споменик Српске Краљевске Академије. Т. XLIV, 2 (38). Београд, 1922. С. 88–99.

А. М. Пентковский

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

«СЛОВО АСКЕТИЧЕСКОЕ»
ДИАДОХА ФОТИКИЙСКОГО
В СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ

0. Аскетическое творение, составленное в V в. епископом Фотикийским Диадохом, имеющее во многих рукописях название «Слово аскетическое» (Λόγος ἄσκητικός, далее — *Слово аскетическое Диадокха Фотикийского*, *САДФ*) и содержащее 100 глав (CPG 6106), было хорошо известно в византийской традиции [Попов 1903: 5–14]; на него ссылался Максим Исповедник [там же, 26, 525], о нем упоминал константинопольский патриарх Фотий [там же, 6–9], фрагменты из этого текста были использованы в составленных в 20-е гг. VII в. Пандектах монаха Антиоха, без указания источника заимствования [там же, 20, 34, 41, 46, 113, 115, 132, 143, 176, 286, 330, 348, 349, 351, 353, 393–394, 497, 499, 502, 511] и в Лествице [там же, 20, 112], а также находятся в составе флорилегиев к «Вопросам и ответам» Анастасия Синаита [там же, 41, 465, 523], в сохориях к Лествице [там же, 25, 29, 48, 111, 124, 128, 248, 304], в монашеском сборнике «Евергетин» [там же 46, 230, 246; Polyzogoroulos 1984: 792–793], в исихастском комментированном флорилегии «Метод и точное правило» Каллиста и Игнатия Ксанфопулов [Попов 1903: 22, 30, 97, 99, 102, 111, 248, 285, 374, 462, 465, 513; Rigo 2011: 423]. Текст *САДФ* содержится в многочисленных греческих рукописях [Попов 1903: XVIII–XXIII; Дмитриевский 1905: 12, 16–20; Weis-Liebersdorf 1912: 2–4; Des Places 1955: 69–74; Des Places 1957: 382–386], среди которых следует отметить унциальную рукопись IX в. [Дмитриевский 1905: 16] и минускульную рукопись 899 г. [Попов 1903: XIX–XX].

1. *Латинский перевод и его издания.* Впервые *САДФ* было напечатано в 1570 г. во Флоренции в переводе на латинский язык [Torres 1570: 17–108]. Издание подготовил папский теолог и переводчик византийских патристических текстов Франсиско Торрес, священник из Общества Иисуса (Francisco Torres, Franciscus Turtianus, ок. 1509–

1584). Характерной особенностью опубликованного текста было наличие заглавий для каждой из ста глав, которые исключительно редко встречаются в греческих рукописях и, вероятно, были добавлены переводчиком. В книгу также входило краткое предисловие, содержащее сведения о Диадохе Фотикийском [Torres 1570: 2–3], в том числе упоминание о вопросе аввы Фалассия к Максиму Исповеднику в связи с содержанием последней главы (ср. [Попов 1903: 525]), а также материалы из «Библиотеки» патриарха Фотия (ср. [Попов 1903: 6–8]). Вместе с переводом *САДФ* в книге был напечатан перевод «Глав о молитве», надписанных в греческом источнике именем Нила Синайского [Torres 1570: 110–132]. Через три года во Флоренции был опубликован исправленный текст перевода *САДФ*, который сопровождали пространные схолии на полях книги [Torres 1573: 1–98] и был переиздан перевод глав Нила Синайского. Неточная ссылка на это издание, сделанная в 1686 г.¹, стала источником различных упоминаний об издании греческого текста *САДФ* в 1578 г. [Попов 1903: X–XII]. В 1575 г. текст исправленного флорентийского издания был напечатан в Антверпене, однако схолии к главам *САДФ* были перенесены в основную полосу набора, но для их печати использовался шрифт меньшего размера [Torres 1575: 1 109]. В 1585 г. выполненный Франсиско Торресом перевод *САДФ* со схолиями, набранными курсивом, напечатал в Ингольштадте вместе с другими переводами византийских аскетических текстов, в том числе и с «Главами о молитве» Нила Синайского, библиотекарь местного университета Иоганн Крёзель (Johann Krösel) [Croeselius 1585: 1–140]. В 1627 г. латинский перевод *САДФ*, дополненный десятью краткими определениями в начале текста, опубликовал лионский издатель Франсуа Лаботьер (François Labottière, Franciscus La Bottiere), поместивший в издании свое предисловие, а также неоднократно публиковавшийся перевод «Глав о молитве» Нила Синайского и перевод «Слова душеполезного» Исихия Синайского, содержавшего 200 глав, который впервые был опубликован в Париже в 1563 г. [Labottière 1627: 1–144].

Многочисленные переиздания аскетических текстов Диадокха Фотикийского и Нила Синайского были обусловлены, прежде всего, включением указанных переводов в список текстов для использо-

¹ «centum capita De perfectione spirituali, quae latine passim impressa sunt ex interpretatione Francisci Turriani Soc. Iesu, graece vero tantum cum duabus centuriis sentinarium S. Nili, collatis cum tribus mss. exemplaribus et scholiis apposis. Florentiae: apud Bartholomaeum Sermartellium, anno 1578. in 8o» [Oudin 1686: 91]. Подробнее о составителе книги и об ошибках, в ней содержащихся, см. [Van der Aa 1867: 272–275].

вания в иезуитском новициате вместе с традиционными текстами западного происхождения, как об этом свидетельствуют «Regulae Magistri Novitiorum»², и не имели прямого отношения к интересу европейских интеллектуалов к классическому наследию. При этом аскетическое творение Диадокха, епископа Фотики в Эпире, рассматривалось как часть духовного наследия Римской Церкви, потому что в V в. Фотикийская епархия находилась на территории преторианской префектуры Иллирии, существовавшей до VI в., столицей которой была Фессалоника, и до второй четверти VIII в. церковные структуры на этой территории подчинялись фессалоникийскому епископу, который был экзархом апостольского престола, и только после упразднения Фессалоникийского экзархата византийским императором Львом Исавром в начале иконоборческого периода епархия экзархата перешли в ведение Константинопольского патриархата, а вопрос о канонической принадлежности Иллирика стал одним из ключевых в отношениях между Римом и Константинополем.

В середине XIX в. перевод САДФ, выполненный Франсиско Торресом и ставший классическим, был напечатан в парижском многотомном издании «Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca» без греческого текста [PG 65: 1167–1212].

2. *Editio princeps (1782 г.) и восходящие к нему переводы.* Греческий текст САДФ был впервые напечатан в 1782 г. в составе подготовленного бывшим коринфским архиепископом Макарием Нотарой (1731–1805) и афонским монахом Никодимом Святогорцем (1749–1809) собрания византийских мистико-аскетических текстов V–XV вв, которое было напечатано в Венеции под названием «Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν ἡπτικῶν» [Φιλοκαλία 1782: 205–237]. В основу издания были положены греческие сборники, составленные в XVIII в. [Paschalidis 2016: 11–15, 20–24], о чем косвенно свидетельствуют новогреческие переводы некоторых текстов, входящие в состав венецианского издания. Сочинению Диадокха Фотикийского, как и другим текстам в этом собрании, предшествовало краткое предисловие, в котором содержались краткие сведения об авторе, подтверждавшие достоверность публикуемого текста. В данном случае в предисловии были приведены свидетельства Максима Исповедника и «Библиотеки» патриарха Фотия [Φιλοκαλία 1782: 203], что указывает на возможное влияние пре-

² Libri ad usum magistri novitiorum accommodati.<...> Homiliae Dorothei, Macarii, Caesarii Arelatensis Episcopi. Opuscula Ephrem, Nili, Esaias Abbat. Diadochus. [Regulae 1590: 99].

дисловия Франсиско Торреса, содержавшего эти же сведения, потому что в византийских рукописях *САДФ* предисловия не имело.

Венецианское издание было использовано при подготовке церковнославянского перевода *САДФ*, опубликованного в 1799 г. в IV части сборника, называвшегося «Добротолюбіе или словеса и главизны сціеннагѡ трезвѣнія» ([Добротолюбіе 1799, л. 16–39 об.]. Описание: [Гусева 2010: 84–85]) и содержавшего переводы многих текстов с предшествовавшими краткими предисловиями из венецианской Филокалии (далее — *Ф*), который был многократно переиздан в Москве в XIX в. (1822, 1832, 1840, 1851, 1857, 1880 гг.). К греческому тексту из венецианского издания восходит русский перевод *САДФ* с предшествующими предисловием и определениями, выполненный преподавателем (позднее — профессором) Санкт-Петербургской Духовной академии Д. С. Вершинским (внуком которого был академик Н. К. Никольский) и опубликованный осенью 1827 г. в петербургском журнале «Христианское чтение» [Диадок 1827а; Диадок 1827б; Диадок 1827в]. Эти же тексты содержались и в рукописном сборнике русских переводов из *Ф*, составленном Д. И. Поповым в 1845 г. под названием «Добротолюбие, с еллиногреческого на русский язык предложенное» (ОР РГБ, Ф. 14. Ед. хр. 644. л. 447–511). Второй перевод *САДФ* на русский язык выполнил епископ Феофан (Говоров) и включил его в состав третьего тома русского «Добротолюбия» [Добротолюбие 1888: 9, 11–77]. При подготовке этого перевода был использован не только греческий текст, но и латинский перевод Франсиско Торреса (по PG), потому что в русском тексте содержатся заглавия глав, совпадающие со внесенными Франсиско Торресом в латинский перевод, которые русский переводчик считал полезными для читателей [Там же, 11 (прим.)].

3. *Первое критическое издание и русский перевод (1903 г.)*. В 1903 г. профессор Киевской духовной академии К. Д. Попов опубликовал критическое издание греческого текста *САДФ*, выполненное по рукописи 899 г. (Син. гр. 145) с разночтениями по рукописи X в. (Vindob. theol. gr. 93), четырем рукописям XIV–XVI вв. и изданию 1782 г. [Попов 1903: 19–526]. Особое внимание было уделено греческому тексту, опубликованному в Венеции, изучение которого привело к выводу о его близости к текстам из поздних рукописей XIV–XVI вв. и наличию в нем различных «переделок и позднейших наслоений», что не только порождало «неуверенность исследователя, пользующегося этим текстом, в правильности своих суждения об учении бл. Диадокха», но и определяло «желание иметь текст аскетического трактата названного епископа исправленным по возмож-

ности и очищенным от позднейших наслоений» [Попов 1903: XIII–XVII]. Опубликованный греческий текст сопровождался переводом на русский язык и пространными примечаниями-комментариями, являвшимися, судя по их объему и содержанию, основной целью исследователя. Приведенные в издании разночтения должны были свидетельствовать о близости опубликованного греческого текста к первоначальному тексту *САДФ*, распространившейся и на текст русского перевода, что позволяло избежать не только использования греческого текста из Φ в качестве оригинала для перевода, но и использования переводов на церковнославянский и на русский языки, опубликованных ранее. Взаимоотношение текстов из различных списков не рассматривалось.

Греческий текст, напечатанный в 1903 г., отличался от текстов из рукописей, использованных для подготовки издания, потому что в него были внесены пространные названия для каждой главы, заимствованные из позднего византийского источника [Попов 1903: XXIV], что существенно отличало выполненный перевод от предшествовавшего перевода еп. Феофана (Говорова), в котором, как было отмечено выше, заглавия были внесены из латинского перевода. Наличие этих заглавий, характерных для западной средневековой традиции и имеющих в латинском переводе Франсиско Торреса, а также наличие пространственных примечаний в тексте, где находятся три отсылки к схолиям во втором издании Франсиско Торреса [Там же: 38 (прим. 3), 47 (прим. 1, 3)], и наличие краткого предисловия, содержащего исторические сведения, в том числе и из «Библиотеки» патриарха Фотия, показывает, что К. Д. Попов использовал флорентийское издание 1573 г., подаренное ему А. А. Дмитриевским [Там же, XXV (прим. 1)], не только как источник для исследования, но и как образец для издания.

Ограниченное число использованных источников при публикации греческого текста, неоправданное внесение заглавий для каждой из глав в публикуемый текст, неопределенность полноты использованных разночтений и их выбор, а также отсутствие почтительного отношения к состоянию греческих текстов в Φ вызвало резкую критику А. А. Дмитриевского [1905: 16–20, 25–42, 43–67, 68–69]. В своем жестком и не всегда справедливом отзыве³ он опубликовал много

³ По сообщению С. Ю. Акишина, резкость и пространность отзыва А. А. Дмитриевского были обусловлены предшествующим отрицательным отзывом К. Д. Попова [1901] на его книгу. Экземпляр книги К. Д. Попова, сохранившей греческий текст *САДФ*, А. А. Дмитриевский получил перед своей поездкой на Афон летом 1903 г.

новых материалов, в том числе указал четырнадцать рукописей, сохранивших *САДФ*, две из которых заслуживали особого внимания. Первой из этих рукописей был унциальный кодекс № 42Г' из Лавры Афанасия Афонского, из которого было опубликовано около 80 разночтений для рассматриваемого текста, однако эти чтения содержались и в известных минускульных списках. Около 60 разночтений было выписано из второй рукописи, написанной в 1073 г. и принадлежавшей Святогробскому иерусалимскому подворью в Константинополе. Рассмотрение взаимоотношения всех сохранившихся списков и редакций было оставлено «труженикам из Германии и Англии» [Дмитриевский 1905: 11], однако предварительный анализ разночтений из новых рукописей, в том числе и из унциального списка, вскоре показал, что они не являются определяющими для установления первоначальных чтений [Ястребов 1906: 24–30].

4. *Немецкий перевод и второе критическое издание (1904, 1912 гг.)*. Одновременно с работой К. Д. Попова над изданием греческого текста и новым русским переводом *САДФ*, публикацию критического издания «первоначального текста» (Urtext) этого творения и его немецкого перевода готовил к печати Иоганн Вайс-Либерсдорф, хранитель Мюнхенской Королевской библиотеки и архивариус католического диоцеза Айхштета. Начальные 33 главы *САДФ* в сопровождении перевода на немецкий язык были напечатаны им в июне-сентябре 1904 г. в мюнхенской еженедельной католической газете, однако газетная публикация не была завершена. Для критического издания греческого текста использовалось восемь списков, выбор которых определяла доступность: известная рукопись из венского собрания, использованная и в киевском издании 1903 г., три парижских рукописи и четыре рукописи из Мюнхенской Королевской библиотеки. История текста *САДФ* не рассматривалась и не упоминалась [Weis-Liebersdorf 1904].

Новое, полное издание было вскоре напечатано в серии *Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana* [Weis-Liebersdorf 1912]. Немецкий перевод в новом издании был заменен на латинский перевод Франсиско Торреса, в котором была уточнена пунктуация, тогда как опубликованный ранее греческий текст был оставлен без изменений. В книгу были добавлено двухстраничное Введение, сохранившее, в частности, ссылку на экземпляр венецианского издания Филокалии из Британского музея, а в кратком Предисловии был удален небольшой параграф, содержавший общую характеристику греческого языка, использованного в *САДФ*. При этом исследова-

телю осталось неизвестным фундаментальное издание К. Д. Попова (1903 г.) и отзыв А. А. Дмитриевского (1905 г.), где содержались сведения о рукописях, содержащих *САДФ*, в том числе и об унциальном списке на Афоне, и были приведены разночтения из них, хотя эти публикации были отмечены в «Byzantinische Zeitschrift» [Notizien 1907: 352; Notizien 1910: 215]. В свою очередь, латинский текст Франсиско Торреса не только не предназначался для использования в качестве параллельного перевода, но и не всегда соответствовал опубликованному греческому тексту, потому что в основу этого перевода был положен такой греческий текст, чтения которого в некоторых случаях отличались от чтений основного текста в немецком издании, а также в латинском переводе содержались заглавия глав, отсутствующие в греческом тексте. Краткость Предисловия, использование немецкого языка, в том числе в колонтитулах и в аппарате разночтений, а также другие отступления от норм, принятых в классической серии Bibliotheca Teubneriana, сразу вызвали отрицательную реакцию [Jülicher 1913], однако А. А. Дмитриевский не уделил внимания результатам работы одного из тех «тружеников», на которых он ранее возлагал надежды, связанные с изданием и исследованием *САДФ*.

5. *Французский перевод (1943 г.) и третье критическое издание (1955 г.)*. Французский перевод *САДФ* был напечатан в Париже в 1943 г., вместе с переводами других сочинений Диадоха Фотикийского [Des Places 1943a: 73–169], в одном из первых выпусков серии «Sources Chrétiennes», основанной в 1942 г. французскими иезуитами из лионской провинции. Перевод был подготовлен Эдуардом де Плясом, священником из Общества Иисуса, который в это время принимал участие в подготовке молодых иезуитов для лионской провинции и которому были хорошо известны предназначение и способ использования переводимого текста в западной традиции [Ibid.: 67; Des Places 1943b: 78–79]. Оригинал для перевода был греческий текст, опубликованный в 1912 г., рукописи не привлекались [Des Places 1943a: 68].

Второе, исправленное издание французского перевода *САДФ* было напечатано в 1955 г. [Des Places 1955: 84–163] и сопровождалось, в отличие от предшествующей публикации, критическим изданием греческого текста, для которого были использованы четырнадцать рукописей X–XI вв. В аппарате нового критического издания были учтены и отдельные чтения из венецианского издания 1782 г., которое справедливо рассматривалось как *editio princeps*. При этом исследователю оставались неизвестными афонская унциальная ру-

копись и константинопольская рукопись 1073 г., введенные в научный оборот А. А. Дмитриевским в 1905 г. (см. выше). Тексты греческих рукописей (две из которых ранее использовались в киевском издании 1903 г. и пять — в лейпцигском издании 1912 г.) были разделены на несколько текстологических групп, составлявших две основные текстологические «семьи», в центрах которых находились древнейшая московская рукопись *M* для первой «семьи» и древнейшая венская рукопись *A* для второй; тексты второй «семьи» рассматривались как содержавшие изменения по отношению к первоначальному тексту, однако стемма рукописей не была составлена [Des Places 1955: 69–76]. Не учитывались и указанные К. Д. Поповым цитаты из *САДФ*, содержащиеся в патристических источниках. История греческого текста и его рецепция в византийской традиции также не рассматривались, потому что издание изначально предназначалось для использования при духовном руководстве, в том числе и в новициате иезуитов, как об этом свидетельствует разделение текста на разделы, рубрикация разделов и содержание главы «духовный наставник» в предисловии к изданию. Вскоре издатель привел сведения о еще одной рукописи XI в., не использованной при издании текста, что не влияло на ранее сделанные выводы, так как содержащийся в ней текст восходил к уже известному тексту, а также были указаны шифры тридцати просмотренных рукописей XII–XVI вв. и более сорока непросмотренных рукописей XII–XVIII вв. [Des Places 1957]. Без существенных изменений греческий текст из издания 1955 г. и связанный с ним французский перевод были перепечатаны в последующих изданиях [Des Places 1966: 84–163; Des Places 1997: 84–163], что свидетельствовало о завершении большого этапа в истории изучения *САДФ*, начало которому еще в 1570 г. положил священник Франсиско Торрес, О.И.

6. *Четвертое критическое издание (2000 г.) и английский перевод.* Греческий текст, опубликованный де Плясом в 1955 г., был положен в основу нового критического издания *САДФ*, сопровождавшего опубликованный в Белфасте в 2000 г. английский перевод [Rutherford 2000: 12–155]. Аппарат разночтений в этом издании был сокращен по отношению к аппарату разночтений во французских изданиях, однако в него были добавлены чтения из текста, содержавшегося в афонском унциальном кодексе *R* (который был введен в научный оборот А. А. Дмитриевским в 1905 г., что продолжало оставаться неизвестным исследователям и переводчикам *САДФ*). В опубликованном греческом тексте в отдельных случаях было отдано предпочтение чтениям, которые содержались, в частности, в списке *T*, а текст *R*, чтения

которого часто совпадали с чтениями *T*, рассматривался как занимающий промежуточное положение между текстами первой и второй текстологических «семей», выявленных де Плясом, подтверждая тем самым справедливость текстологических наблюдений А. А. Дмитриевского об отсутствии разночтений, неизвестных по другим спискам, в унциальном списке. Описания рукописей, использованных для подготовки издания, в том числе и описание унциального кодекса, отсутствовали; вопрос о взаимоотношении списков не рассматривался [Rutherford 2000: 8–9].

7. *Древние восточные переводы.* В средневековый период *САДФ* было переведено на сирийский, арабский и древнегрузинский языки (CPG 6106), однако указанные переводы не изучены и не опубликованы [Ким 2015; Kim 2015; Ким 2019]. Типы греческих текстов, лежащих в основе каждого из этих переводов, не рассматривались, что во многом обусловлено неизученностью истории греческого текста этого сочинения.

8. *Цитаты из САДФ в греческих текстах и их церковнославянских переводах.* Пространные цитаты из *САДФ*, содержащиеся в Пандектах Антиоха, во флорилегиях к «вопросоответам» Анастасия Синаита и в схолиях к Лествице, указанные К. Д. Поповым в 1903 г. (см. выше), не привлекали внимание исследователей, хотя эти цитаты свидетельствуют о состоянии греческого текста *САДФ* в ранний период (VII–IX вв.). При этом Пандекты, а также «вопросоответы» с флорилегиями были переведены в X в. на церковно-славянский язык, что дает дополнительные основания для анализа состояния этих греческих текстов в кон. IX — нач. X вв., так как славянский перевод был пословным.

Перевод трех фрагментов из *САДФ* входил в состав т. н. «Изборника Симеона», переведенного в I Болгарском царстве в первой трети X в., греческий оригинал которого содержал одну из поздних редакций «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита с добавленными флорилегиями [Бибииков 1996: 246–256], где и находились эти три фрагмента [Попов 1903: 41, 465, 523–524]. Переводы двух фрагментов сохранились в древнейшем списке древнерусского происхождения («Изборник Святослава 1073 г.»): первый фрагмент восходит к тексту XVI главы из «Слова аскетического» (л. 346:24–34в:8 [Янева и др. 2015: 260–263]; ср.: [Des Places 1997: 92.18–93.1]), а второй — к тексту LXXXVII главы (л. 726:23–72в:13 [Янева и др. 2015: 412–415]; ср.: [Des Places 1997: 146.23–147.5]). Третий фрагмент находился в утра-

ченной тетради «Изборника Святослава 1073 г.», как об этом свидетельствует содержание второй части (л. 124а:25–26 [Янева и др. 2015: 626]), и восходил к тексту из заключительной главы ([Там же: 648]; ср.: [Des Places 1997: 162.16–163.2; 163.4–10]). Текст третьего фрагмента существенно отличался от соответствующего текста в *САДФ* и после слов «κατὰ τὰς πράξεις αὐτῶν ἀπολάβουσι κλήρους» в нем следовала цитата из 1 Кор. 3:13, содержащая упоминание о «говорившем»: «Ἐκάστου γάρ, φησί, τὸ ἔργον ὁλοῖόν ἐστι τὸ πῦρ δοκιμάσει», которому соответствовало указание «говорившего» во вводной фразе к цитате 1 Кор. 4: 3–4 «καθὼς ὁ σοφώτατος ἡμᾶς Παῦλος διδάσκει λέγων» [Ibid.: 162.13–16], предшествующей рассматриваемому фрагменту в полном тексте заключительной главы. Вероятно, при составлении флорилегиев для «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита была использована особая (архаичная?) редакция *САДФ*, к тексту которой восходят также подборки «избранных глав» из *САДФ*, находящиеся в греческих рукописях [Попов 1903: 524, прим.]. Вопрос о соотношении этих текстов с полным текстом *САДФ* из рукописей, использованных для критических изданий, а также вопрос о первичном тексте заключительной главы и, в целом, о первичном тексте *САДФ* требует специального изучения.

Многочисленные фрагменты из *САДФ*, находящиеся в Пандектах монаха Антиоха и не содержащие указаний на источник заимствования (см. выше), были переведены в составе этого текста на церковнославянский язык в I Болгарском царстве в первой половине X в.; древнейший сохранившийся список этого перевода — древнерусского происхождения и был создан в XI в. (опубл.: [Popovski 1989]). Фрагменты *САДФ* монах Антиох заимствовал, в большинстве случаев без изменений, из такого греческого текста, который для рассматриваемых фрагментов не отличался от текста древнейших рукописей, использованных для критических изданий, однако в отдельных случаях источник заимствования разделял чтения списка *T* (см., напр.: διὰ τῆς ἀποδόσεως ὧν ἡμῶν ἤραξαν [Des Places 1997: 125.1] — διὰ τῆς ἀνταποδόσεως ὧν ἄφ' ἡμῶν ἤρασαν [PG 89: 1793C], ср.: *T* [Des Places 1997: 125, n. 1]).

9. *Церковнославянский перевод первой половины XIV в.* Перевод полного текста *САДФ* на церковнославянский язык был выполнен в первой половине XIV в. вместе с переводами других византийских патристических и исихастских текстов. Древнейший сохранившийся южнославянский список находится в сербской рукописи третьей четверти XIV в. (НН-2, л. 279–309 об., 311). Анализ славянского текста показывает, что текст греческого оригинала, использованного

для перевода, принадлежал к первой «семье» и был близок к тексту из списка *T*, см., напр.:

Des Places 1997	<i>T</i>	НН-2
(12) οὐ τὴν ἑαυτοῦ ὁ τοιοῦτος ζητεῖ δόξαν (p. 90.4-5 / MSac), οὔτε τὴν ἑαυτοῦ ζητεῖ ὁ τοιοῦτος δόξαν (A)	ὁ τοιοῦτος οὐ τὴν ἑαυτοῦ ζητεῖ δόξαν (NT)	ТАКОВЫИ НЕ СВОЮ ИЩЕТЬ СЛΑΒΟΥ (л. 281)
(14) ὁ τοιοῦτος ὑπάρχει (p. 91.12),	ὁ τοιοῦτος ὀρεγόμενος οὐ παύσεται (ST [Rutherford 2000: 24.5])	СИКОВЫ(И) ЖЕЛЖК НЕ ПРѢСТАНЕТЬ (л. 281 об.)
(16) Οὐδεὶς δύναται ἀγαπῆσαι τὸν Θεὸν ἐν αἰσθήσει τῆς καρδίας, μὴ πρότερον φοβηθεὶς αὐτὸν ἐν ὅλῃ τῇ καρδίᾳ (p. 92.15–16)	Οὐδεὶς δύναται μὴ φοβηθεὶς τὸν Θεὸν ἐν αἰσθήσει καρδίας ἀγαπῆσαι αὐτὸν ἐν ὅλῃ καρδίᾳ (AST, ср.: [Rutherford 2000: 27.5–6])	НИКТО ЖЕ МОЖЕТЬ НЕ ΟΥΒΟΛΩΣΕ Εἶ Βἆ ВЪ РАЗΟΥМѢ СР(Д)ЦА ВЪЗЛЮБИ(Т) ТОГО Ѡ В СЕГО СР(Д)ЦА (л. 282)
(41) ὄθεν καὶ θύρα γίνεται (p. 108.23)	ὄθεν εἴσοδος καὶ θύρα γίνεται (RST / [Rutherford 2000: 54.19])	ТѢМ ЖЕ ВЪХОДЪ И ДВѢРЬ БЫВАЕΤЬ (л. 288)
(59) κύριος Ἰησοῦς (p. 108.23)	κύριον Ἰησοῦν (ST)	Г҃А ІСА (л. 292)
(65) καταθάλλει (p. 125.19)	κατακολοῖ (T)	ВНѢДРАЕΤЬ (л. 294 об.)
(86) εἰς μέτρον ἡλικίας (p. 146.21)	εἰς μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ (Ta)	ВЪ МѢРОУ ВЪЗРАСТА ИСПЛННИИА Х(С)ВА (л. 303)

В древнерусских рукописях XV–XVII вв. первоначальный перевод встречается в неполном виде — он содержит только главы 1–67, составлявшие около половины от всего текста, а последние 33 главы отсутствуют (см. напр.: ТСЛ-753, л. 204–229 об.; ТСЛ-756, л. 64–86. См. также: [Арсений 1878, I: 185 (№ 189); 1879, III: 25 (№ 674)]).

10. *Церковнославянский перевод латинского текста (XVII в.). САДФ* было повторно переведено на церковнославянский язык в XVII в. (Г҃҃аго Діадох҃а еп(с)па фотійског҃о во ветсѣм епрѣ иллїрика. сотница главизнѣ, ѡ соверше(н)ствѣ дх҃овномѣ. Син-459, л. 125–166 об.). Использование малороссийской лексики [Горский, Невоструев 1859: 620] указывает на украинское происхождение переводчика и, вероятно, самого перевода, тогда как наличие биографической

заметки о составителе текста и «надписаний» над каждой из глав свидетельствуют об использовании одного из изданий латинского перевода Франсиско Торреса в качестве оригинала [Попов 1903: XXIV], что подтверждается при сопоставлении греческого, латинского и славянского текстов, см., например:

греческий текст	Turrianus 1573	Син-459
Περὶ πίστεως, ἐλπίδος καὶ ἀγάπης [Попов 1903: 22; Дмитриевский 1905: 27]	De tribus virtutibus, quæ, tanquam duces, debent antecedere contemplationem mentis spiritualem. Cap. I.	СѢ трѣехъ добродѣ-телѣхъ, ꙗже в мѣстѣ вождавъ должны сѣтъ предварати зрѣніе ѿма дхѣвное.
α'. Πάσης πνευματικῆς, ἀδελφοί, ἠγεισθω θεωρίας πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη, πλεον δὲ ἢ ἀγάπη. [Des Places 1997: 85.11-12]	Omniem spiritualem contemplationem (fratres) antecendant, tanquam duces, Fides, spes, charitas, sed magis charitas. (p. 1).	Всакомѣ дхѣвномѣ зрѣнію ѡ братіе да пре(д)идѣ(т) ꙗкѡже вожды. вѣра, надежда и любовь. [Горский, Невоструев 1859: 620]

Следует отметить, что в этой же рукописи содержится перевод слов Исаии Отшельника, выполненный с латинского оригинала, опубликованного в 1574 г., переводчиком украинского происхождения [Горский, Невоструев 1859: 612–616].

11. *Использование церковнославянского перевода Василием Поляномерульским.* САДФ было хорошо известно Василию Поляномерульскому († 1767 г.), который покинул Россию в 20-х гг. XVIII в., перешел на территорию Валашского княжества и ок. 1730 г. с разрешения валашского господаря создал Поляномерульский скит (Schitul Poiana Mărului), ставший вскоре одним из духовных центров Валахии и Молдо-Влахии. Диадок Фотикийский входил в число учителей умного делания, перечисленных в Предисловии к «главам о трезвении» Филофея Синаита и в Предисловии к главам Исихия Синаита [Паисий 1847: 122, 150], которые были составлены Василием Поляномерульским во второй четверти XVIII в.; цитата из XLVII главы САДФ, заимствованная из текста, восходящего к переводу XIV в., содержится в Предисловии к сочинениям Григория Синаита, а в Предисловии к главам Исихия Синаита находится цитата из XLV главы [там же: 115 116, 146]. Список САДФ, выполненный Василием Поляномерульским, сохранился в рукописи БАНР-756 (л. 187–240 об.) [Panaitescu, Zamfira 2018: 255].

12. *Церковнославянский перевод в монастырях и скриптории Паисия Величковского*. В второй половине XVIII в. *САДФ* активно использовалось в молдавлахийских монастырях Паисия Величковского († 1794 г.), а Диадох Фотикийский упоминался среди учителей умной сердечной молитвы, которую монахи должны были совершать в своих келиях согласно Уставу монастырского общежития (НН-22, л. 14–14 об. [Яцимирский 1905: 535]), введенному после 1763 г. в монастыре Драгомирна (Dragomirna) и позднее определявшему устройство монашеской жизни в монастыре Секу (Secu, после 1775 г.) и в монастыре Нямец (Neamț, после 1779 г.). Кроме того, *САДФ* упоминается во второй главе «Свитка об умной молитве», составленного Паисием Величковским, в числе основных источников, содержащих сведения об умной молитве, и там же находится цитата из LIX главы [Паисий 1847: 219].

Рукописи, содержавшие полный текст *САДФ*, в том числе и сохранявшиеся в Нямецком монастыре [Яцимирский 1905: 559], предназначались для использования при келейном чтении «отеческих книг», предписанном монастырским уставом (НН-22, л. 14 об., [Там же: 535]), и этот текст неоднократно был переписан в монастырском скриптории, который до 1775 г. действовал в монастыре Драгомирна, а позднее переместился вместе с Паисием Величковским и братией в монастыри Секу и Нямец.

Шесть рукописей из нямецкого собрания — Н-21 (1774 г.), Н-74, Н-129, Н-133, Н-208 и Н-166 (л. 111–181 об., имеющие первоначальную фолиацию 1–71) — содержат совпадающий текст *САДФ*, не имеющий исправлений. Рукопись Н-124, напротив, содержит многочисленные, позднее внесенные исправления в тексте и на полях. Такие же исправления находятся и в рукописи БАН-331, ранее находившейся в монастыре Нямец. Исправления в Н-124 соответствуют исправлениям в БАН-331, однако первичными являются исправления во второй рукописи, так как они были внесены Паисием Величковским. Эти же самые исправления содержатся и в основном тексте рукописей, не имеющих исправлений (Н-21, Н-74, Н-129, Н-133, Н-166, Н-208), что указывает на зависимость указанных рукописей от рукописи БАН-331.

Основной (первоначальный) текст в рукописи Н-124 совпадает с основным текстом (первоначальным) рукописи БАН-331 за исключением отдельных чтений, которые в Н-124 исправлены (в т. ч. и при сопоставлении с греческим оригиналом) особым почерком и черни-

лами, отличающимися от почерка и чернил, которыми были позднее внесены исправления из текста БАН-331, см., например:

Des Places 1997	Н-124 (первоначальный текст)	Н-124 (исправлено)	БАН-331 (основной текст)
(6) ἄπειρον (p. 87.4)	БЕЗПРЕДѢЛНОЕ (л. 2)	БЕЗКОНЕЧНОЕ	БЕЗКОНЕЧНОЕ (л. 2 об.)
(29) διαφέρουσι (p. 99.24) / διαφέρειν (Mc)	РА(З)НСТВШЕСА (л. 7)	РА(З)НСТВѢЮТЬ	РА(З)НСТВѢЮТЬ (л. 9)
(30) διαφέροντα (p. 101.13)	РАЗНСТВѢМАА (л. 7 об.)	ПОЛЕЗНАА	ПОЛЕЗНАА (л. 9 об.)
(58) χλιαρόν (p. 118.16)	ВРѢЦІА (л. 14 об.)	ТЕПЛОХЛАДНАА	ТЕПЛОХЛАДНАА (л. 18 об.)
(89) ἀπείρωσ (p. 149.2)	БЕЗПРЕДѢЛНѢ (л. 27 об.)	БЕЗКОНЕЧНѢ	БЕЗКОНЕЧНѢ (л. 35 об.)
(95) εἰς τὸν ὄγκον (p. 157.21)	ВЪ ВЫСОТѢ (л. 31)	ВЪ НАДМЕНИЕ	ВЪ НАДМЕНИЕ (л. 40 об.)

Небольшая группа исправлений, внесенная в Н-124 Паисием Величковским, первична по отношению к соответствующим чтениям в основном тексте БАН-331, и ее появление следует связывать с «точечным» редактированием с привлечением греческого текста. Более того, Паисием Величковским были вписаны слова в свободные места в основном тексте Н-124, которые для этого были оставлены переписчиком рукописи, см., например:

Des Places 1997	Н-124
<75> Ὡσπερ ὁ ἀήρ οὗτος ὁ περὶ ἡμᾶς, ἐμπνέοντος μὲν τοῦ βορρᾶ τῆ κτίσει, καθαρὸς διαμένει διὰ τὴν τοῦ ἀνέμου λεπτὴν τινα καὶ <i>αἰθριολοιὸν</i> φύσιν· τοῦ δὲ νότου πνέοντος, ὄλος ὥσπερ <i>δασύνεται</i> , τῆς τοῦ ἀνέμου τούτου ἀχλωποιοῦ φύσεως, (p. 133)	ТАКОЖЕ ВОЗДѢХЪ СЕЙ ИЖЕ Ѡ НАСЪ, ДЫХАЮЩѢ ѠГВѢ СѢВЕРѢ ТВАРИ, ЧИСТѢ ПРЕВЫВАЕ(Т) ВѢТРАГВ РАДИ ТОНКА НѢКОЕГѢ (внесено Паисием Величковским: и ВЕДРОТВОРНА) ЕСТЕСТВА. ЮГѢ ЖЕ ДЫХАЮЩѢ, ВЕСЬ ТАКОЖЕ (внесено Паисием Величковским: ДЕБЕЛѢВАЕТЪ , позднее им зачеркнуто и на полях под знаком сноски добавлено: ѠГѢСТѢВАЕ(Т)) ВѢТРА СЕГѢ МГЛОТВО(Р)НАГВ ЕСТЕСТВА , (л. 21)

Все исправления и дополнения, внесенные Паисием Величковским в Н-124, были учтены при последующем переписывании и находятся в основном тексте БАН-331. Затем Паисий Величковский приступил

к систематическому редактированию этого текста, при котором, как и в предшествующих случаях, использовался греческий текст, на что указывает морфологическая структура некоторых исправлений:

Des Places 1997	БАН-331 (зачеркнуто)	БАН-331 (на полях под знаком вставки)
(64) προσυλίοις (р. 124.13)	дворовw(м) (л. 21 об.)	пред дворіемъ
(71) ὑπεραγαλᾶ (р. 131.3–4)	паче любить (л. 25)	превозлюбляетъ
(73) ἐνσπειρόμενα (р. 132.12)	сѣема (л. 25 об.)	всѣваема
(76) ἐμφωλεύει (134.13–14)	гнѣздитса (л. 27)	вогнѣждетса

Сближение текста перевода с текстом оригинала, определявшееся переводческой стратегией Паисия Величковского («пословный» перевод: **Въ переводѣ <...> всегда оупотребляю образа превода именѣмагw до слова, имже вѣстествоное писаніе и вса црковныа и прочіа книги на славенскіи азыкъ съ греческагw преложены сѣтъ** [Линца 1983: 27], ср.: [Кенанов 1989: 98]), осуществлялось не только на уровне морфологического калькирования, но и синтаксического:

Des Places 1997	БАН-331 (основной текст)	БАН-331 (исправлено)
(62) χρῆσάμενος ἀρεταῖς ἐν τῷ ἀρπάξαντι αὐτὸν ἐν αὐρᾷ πυρός πνεύματι (р. 123.6–7)	приа(т) бывъ добродетелми внегда восхищеннѣ томѣ бывшѣ въ дыханіи огна дхѣомъ (л. 20 об.)	оупотребивъ добродетелей въ восхитивше(м) того въ дыханіи огна дсѣ (ср. Н-166, л. 144 (33))

Рукопись БАН-331, содержащая многократно исправленный текст, стала «образцовым» оригиналом для копирования в немецком скриптории, о чем свидетельствует надпись **сїа переписоватиса може(т)** на форзаце⁴, совпадающие тексты в немецких рукописях Н-21, Н-74, Н-129, Н-133, Н-166 и Н-208, а также перенесение основных исправлений из БАН-331 в Н-124, где содержалась самая ранняя из паисиевских редакций этого текста. По своему происхождению и предназначению рукопись БАН-331 во многом сходна с рукописью Н-260, которая была переписана этим же писцом в монастыре Драго-

⁴ Такая же надпись находится на форзаце рукописей Н-123 и Н-243, переписанных Паисием Величковским и имеющих одинаковый с БАН-331 переплет, а также на форзаце рукописей Н-62, Н-131 и Н-193, в первой из которых имеются исправления Паисия Величковского.

мирна не позднее 1774 г., в ней также имеются исправления, внесенные Паисием Величковским, и она также использовалась в качестве оригинала для копирования в паисиевском скриптории.

13. *Первоначальный перевод и текст из Н-124.* Церковнославянский перевод САДФ, содержащийся в основном тексте Н-124, восходит к переводу первой половины XIV в., древнейший список которого содер­жится, как было отмечено выше, в составе НН-2:

Des Places 1997	НН-2	Н-124
<p>κβ'. Ὁ τῆς πίστεως βυθὸς ἐρευνώμενος μὲν κυμαίνεται· ἀπλῆ δὲ διαθέσει θεωρούμενος γαλιηῖ. Λήθης γὰρ κακῶν ὕδωρ ὃν τὸ βάθος τῆς πίστεως οὐ φέρει παρὰ περιέργων ἐννοιῶν θεωρεῖσθαι. Ἀπλότητα οὖν διανοίας τοῖς αὐτῆς ἐμπλέωμεν ὕδασι, ἵνα εἰς τὸν λιμένα τοῦ θελήματος οὕτω φθάσωμεν τοῦ θεοῦ. (p. 95.17-22)</p>	<p>Вѣры гльбина, испитакма ѡбо вльнитсе. простотним же залогомъ зрещиасе, оутишаец се. забвеник бо злымъ вода сѣщи, гльвиноу вѣры, не тръпить ѡ лѣкавыиухъ мысли зрѣтисе. простотою ѡбв мысли, въ тѣхъ да плаваемъ водами, да въ пристанище хотѣниа сице доспѣемъ бжиа. (л. 283)</p>	<p>Вѣры гльбина, испитаема бываа, волнитса. Простотны(м) же залогомъ зрима, оутишаецса. Забвение бо злымъ, вода сѣщи гльбина вѣры, не те(р)питъ ѡ лѣкавы(х) мысли(й) зрѣтиса, простотою оубв мысли, в тѣхъ да плавае(м) водахъ, да въ пристанище хотѣниа, сице доспѣемъ бжиа. (л. 5 об.)</p>
<p>μз'. Ὅταν ἡ κενοδοξία μεγάλα φλεγμαῖνη καθ' ἡμῶν τὴν ἀδελφῶν τινων ἐπιδημίαν ἢ οἰωνδήποτε ξένων εἰς πρόφασιν τῆς οἰκείας κακίας εὐρίσκουσα, καλὸν τὸ σύμμετρον ἐπιτρέπει σχολὴν τῆ συνήθει διαίτη. Καὶ γὰρ τὸν δαίμονα ἀπρακτον καὶ μᾶλλον πενθοῦντα τὴν ἐπιχείρησιν ἀποπεμψόμεθα καὶ τὸν θεομὸν τῆς ἀγάπης ἐγκρίτως πληρώσομεν καὶ τὸ μυστήριον τῆς ἐγκρατείας ἀνεπίδεικτον διὰ τῆς συγκαταβάσεως φυλάξομεν. (p. 111.14–112.3)</p>	<p>Егда тѣщеславіе велми вьспалаецсе на ны, братіе нѣккоє пришьствикъмъ. или каковолюбо странно въ винѣ своєє злобы изьверѣтак, добро тог(д)а, еже ѡмѣреннок оуѣбж(д)ати попеченик, обычномѣ пице ѡставѣ. иво вѣса безьдѣла и паче ридающа начинаниа ѡшлакъмъ, и ѡставъ любве лѣчшиннѣ испльнимъ, и тиннѣ вьз(д)ръжаниа невакнокъ съхож(д)–ниа ради съхранимъ. (л. 289)</p>	<p>Егда тѣщеславіе велмы воспалаецса на ны, братіи нѣккіихъ пришествіе(м), или каковолюбо стран(н)о въ винѣ своєа злобы изьверѣтаа, добро (тогда) еже оумѣренное оуѣбждати, попеченіе, обычномѣ пици оуставѣ. Сице во вѣса ве(з)дѣла и паче рыдающа начинаниа ѡшлемъ, и оуставъ любве сѣдителнѡ испльни(м), и тайнѣ возде(р)жаниа неваеле(н)нѣ сѡх(ж)–деніа ради сохрани(м). (л. 11 об.—12)</p>

До 1862 г. рукопись НН-2 находилась в Нямецком монастыре, она была принесена Паисием Величковским и происходит, вместе с двумя другими сербскими рукописями, находившимися в библиотеке Нямецкого монастыря, из афонского монастыря Ксенофонта [Яцимирский 1905: 763–772; Panaitescu 1959: 219–233]. Более того, на ее полях имеются глоссы, написанные мелким и не всегда поддающимся прочтению почерком, которые в большинстве случаев соответствуют чтениям основного текста Н-124:

Des Places 1997	НН-2	глосса в НН-2	Н-124
(12) ἐλαττοῦσθαι (р. 90.14)	МЪНИТИСЕ (л. 281)	МАЛѢТИ (?)	МАЛИТИСА (л. 3 об.)
(24) λεπτόνομεν (р. 96.17)	ТЬНИМИ (л. 283 об.)	ТОНЧА(И)ШИМИ (?)	ОУТОНЧИМЪ (л. 6)
(31) ἐν ταῖς νυκτεριναῖς ἡσυχαιᾶς (р. 101.17)	ВЪ НОЩНИХЪ МЛЪЧНИИГАХЪ (л. 285)	НѢ(М) ВЕ(З) МОЛВИИ	ВЪ НОЩНИХЪ ВЕЗМОЛВИИ(Х) (л. 7 об.)
(42) ἐγκρατευόμενον (р. 109.13) / ἀγωνιζόμενον (MS)	ВЪЗ(Д)РЪЖЕ- ЦМОЛѢСЕ (л. 288)	ПОДВИЗЮ- ЦЕМѢСА	ПО(Д)ВИЗЮ- ЦЕМѢСА (л.11)
(42) φεισάμενος (р. 110.2)	ѢЩЕДѢВСЕ (л. 288 об.)	ОУДЕРЖАВСА	ОУДЕРЖАВСА (л. 11)
(43) ἔξιiv (р. 110.9)	ИМЪСТВО (л. 288 об.)	ОВИЧАЙ	ИМСТВѢ (л. 11)
(43) γνώρισμα (р. 110.17)	ПОЗНАНИК (л. 288 об.)	ЗНАМЕНІЕ	ПОЗНАНІЕ (л. 11 об.)
(51) ὑποδείγματι (р. 114.10)	ПРИКАЗАНИЮ (л. 290)	ПРИТЧЕЮ	ПОКАЗАНІЕ(М) (л. 12 об.)
(52) ἀγνεία (р. 114. 21) / ἀγνοία (с)	НЕВѢ(Д)НИИ (л. 290)	Ч(С)ТОТѢ	ЧИСТОТѢ (л. 13)
(57) ἐν τῷ φρουρίῳ (р. 118.1)	ВЪ ВЛЮСТИТЕЛ- НИЦѢ (л. 291 об.)	В ЗРИТЕЛНѢМЪ	ВЪ СТРАЖНИЦѢ (л. 14)
(59) διὰ παντὸς (р. 119.7)	ЗАНЕ (л. 292)	ВЫНѢ	ВЫНѢ (л. 14 об.)
(63) μετασχὼν (р. 123.9)	ПРИЧЕСТВОУК (л. 293 об.)	ВЪЩИВСА	ПРИВЪЩИВСА (л. 16 об.)
(65) καταθάλλει ἀγκάλας (р. 125.19) / κατακολλοῖ ἀγκάλας (Т)	ВЪНѢДРАКТЪ РѢКАХЪ (л. 294 об.)	ВЪЕМЛЕ(Т)	ВЪБАТИИ(Х) СОГРѢВЛЕТЪ (л. 17 об.)

Des Places 1997	НН-2	γλосса в НН-2	Н-124
(66) ἔξαντλήσωμεν (p. 126.18)	исчр̄поχом̄ь (л. 295)	ιστοциχο(м)	исче(ρ)παχο(м) (л. 18)
(66) γνησίως (p. 127.19)	ближ̄нн̄ѣ (л. 295 об.)	искрен̄н̄ѣ	искре(н)н̄ω (л. 18 об.)
(66) ἐναρμόση (p. 128.4)	с̄чланӣть (л. 295 об.)	сочета̄ε(т)	с̄членӣтъ (л. 18 об.)
(70) ὀχληδόν (p. 130.7)	м̄лвн̄ѣ (л. 296)	м̄лтежн̄ѣ	м̄олвн̄ѣ (л. 19 об.)
(72) παραγίνεσθαι (p. 131.21)	привы̄ти (л. 297)	стажати	вы̄ти (л. 20)
(75) φωτός (p. 134.4)	св̄ѣтовн̄ѣ (л. 298)	св̄ѣтоза(ρ)н̄ѣ	св̄ѣта (л. 21)
(78) δρομεῖς (p. 136.16)	теч̄н̄ици (л. 299)	т̄ца̄теле̄	т̄ца̄теле̄ӣе (л. 22)
(79) ἡδονῶν (p. 137.15)	сладост̄ей (л. 299)	с̄ласте(и)	с̄ластей (л. 22 об.)
(82) χείρονα (p. 140.13)	χο̄ρ̄ж(д)ьшаа (л. 300 об.)	гор̄ша	гор̄ша (л. 24)
(82) μετέχουσιν (p. 141.4)	прич̄ество̄ю̄щ̄ю̄ (л. 300 об.)	прӣв̄ѣц̄я̄ю̄- щ̄ю̄с̄я	прӣв̄ѣц̄я̄ю̄щ̄ѣс̄я (л. 24)
(82) εὐαγγελίου (p. 141.7-8)	ε̄γ̄(γ)λί̄α (л. 300 об.)	б̄л̄гов̄ѣст̄- в̄ован̄ӣа	б̄л̄гов̄ѣст̄в̄ован̄ӣа (л. 24)
(82) λεῖον (p. 141.24)	т̄льст̄отоно̄к (л. 301)	ма̄ститно̄е	ма̄стино̄е (л. 24 об.)
(82) λεῖον (p. 142.13)	т̄льст̄от̄н̄ымӣ	ма̄стит̄имӣ	ма̄стит̄имӣ (л. 24 об.)
(84) συνδιατρίβειν (p. 144.6)	с̄пр̄ово̄ж(д)ати (л. 302)	сп̄ре̄в̄ыв̄ати	со̄ѣ̄пра(ж) на̄т̄ис̄я (л. 25 об.)
(86) δέσμιον (p. 146.16)	с̄ве̄жн̄я (л. 303)	с̄ва̄зн̄я	с̄ва̄з̄ника (л. 26 об.)
(86) μὴ γένοιτο (p. 146.17)	не̄ во̄γ̄ди (л. 303)	да̄ не̄ в̄ѣ̄де(т)	да̄ не̄ в̄ѣ̄де(т) (л. 26 об.)
(88) ἔσχισται (p. 148.17)	рас̄ц̄ѣ̄пис̄е (л. 303 об.)	ра(з)д̄ѣ̄лис̄я	ра(з)д̄ѣ̄лис̄я (л. 27 об.)
(90) ὑστέρησιν (p. 151.10)	ѣ̄лӣшенӣя (л. 305)	ӯск̄ѣ̄д̄ѣ̄н̄ӣя	ӯск̄ѣ̄д̄ѣ̄н̄ӣя (л. 29)

Des Places 1997	НН-2	гlossa в НН-2	Н-124
(94) ἀνωμαλίας (р. 156.7)	СТРЬПЪТЬНЬ- СТВИА (л. 307)	ПО(Д)СТРѢКО- ТЕЛСТВА СИРѢЧЬ ПАКВСТИ	ПАКВСТИ (л. 30 об.)
(94) ἀνωμαλίας (р. 156.13)	СТРЬПЪТЬНЬСТ- ВИА (л. 307)	ПО(Д)СТРѢКА- ТЕЛСТВИ	ПАКОСТМИ (л. 30 об.)
(96) διὰ θυρίδος τινὸς σκοτεινῆς (р. 158.22-23)	УКЪНЦЕМЬ НѢКЪИМЬ ТЬМНИМЬ (л. 308)	СКВА(Ж)НЕЮ НѢКЪЕ ТЕ(М)- НОЮ	ДВЕРЦЫ НѢКЪИМИ ТЕМНЫМИ (л. 31 об.)
(96) διαφοροῦσα (р. 159.4)	РАЗНОСЕ (л. 308)	РА(З)СѢВАЕ	РАЗН(СТ)ВѢЮЩИ (л. 32)
(97) ποτὲ (р. 160.1,2)	КОГДА ... КОГДА (л. 308 об.)	ОВОГДА	КОГДА ... КОГДА (л. 29)
(98) ἀπολεμήτους (р. 160.11)	НЕОУРАТОУКЪМЫМЬ (л. 308 об.)	НЕПРЕВОРИ- МЫМЬ	НЕПРЕВОРИМЫМЬ (л. 32 об.)

Все указанные выше глоссы в НН-2 принадлежат Паисию Величковскому, о чем свидетельствует совпадение почерка глосс, а также почерка маргиналий (л. 7, 99, 108) с почерком Паисия Величковского. Такие же маргиналии, свидетельствующие о сверке с греческим текстом, и глоссы, написанные более крупным почерком, находятся в рукописи XV в. НН-5, содержащей составленные Василием Великим наставления и правила для монашествующих (маргиналии — л. 145 об., 146, 150 об., 152, 161 об., 178 об., 179 об., 182 об., 185, 193, глоссы — л. 296–300, 311 об.–315), где их принадлежность Паисию Величковскому не вызывает сомнений (ср.: [Овчинникова-Пелин 1989: 86]), а также в происходящем из библиотеки Нямецкого монастыря сборнике XV в. БАНР-159 на л. 1–49 («Главы о любви» Максима Исповедника, начало утрачено, глоссы опубл.: [Яцимирский 1908: 59–60]), л. 50–88 об. (**ИСИХІА ПРЕЗВИТЕРА КЪ ѠЕОДОУАЪ, СЛОВЕСА ДШЕПОЛЕЗНАА У ТРѢЗВЕНИ И ДОБРОДѢТѢЛИ ГЛАВИЗНИ**, окончание утрачено), л. 89–103 (**ГЛАВЫ ЧЕТЫРИСТА ПР(Д)ВНАГО УЩА НАШЕГО ѠАЛАСІА КЪ ПАВАОУ ПРЕЗВИТЕРОУ**, начало утрачено), л. 204–263 об. (**НИКИТЫ ИНОКА И ПРЕЗВИТЕРА УБИТѢЛИ СТОУДИТСКЫА СТИѠАТА** (вопросы и ответы), **ТОГОЖДЕ ГЛАВЫ ДѢАТЕЛНЫ**), и принадлежность этих глосс Паисию Величковскому также не вызывает сомнений [Яцимирский 1905: 787; Яцимирский 1908: 58; Panaitescu 1959: 237].

Редактирование текста первоначального перевода *САДФ* происходило с использованием греческого текста и осуществлялось, при

необходимости, как на лексическом, так и на морфологическом и синтаксическом уровнях, см., например:

Des Places 1997	НН-2	Н-124
κα'. Ὁ ἀγαπῶν τὸν θεὸν καὶ πιστεύει γνησίως καὶ τὰ ἔργα τῆς πίστεως ἐπιτελεῖ ὁσίως· ὁ δὲ πιστεύων μόνον καὶ μὴ ὦν ἐν τῇ ἀγάπῃ οὐδὲ αὐτὴν τὴν πίστιν ἦν δοκεῖ ἔχειν ἔχει· ἐλαφρότητι γὰρ τινι πιστεύει νοῶς ὡς ὑπὸ τοῦ βάρους τῆς δόξης τῆς ἀγάπης μὴ ἐνεργοῦμενος. Πίστις οὖν δι' ἀγάπης ἐνεργοῦμένη τὸ μέγα (+ κεφάλαιον Τ) τῶν ἀρετῶν. (р. 95.10-15)	Иже любви бѣ и вѣрѣють искрѣннѣ, и ꙗже дѣла вѣры съвршають припо(д)внѣ. а иже вѣрѣки тькмо и не съшь в любви, ниже самѣю вѣрѣ юже мнить имѣти, има(т). въ льгкости бо нѣкоки вѣроуѣть оума. ꙗко ѿ тежести славы любви не дѣиствѣкъмъ. вѣра ѡбо любовию съдѣиствѣкъма велика главизна довродѣтелкъмъ (л. 283)	Любѣи бѣга и вѣрѣѣи искрѣннѣ, и дѣла вѣры совершаетъ преподовнѣ. вѣрѣѣи же точію и не сый въ любви, ниже самѣю вѣрѣ юже мни(т) имѣти, имать. легкостію во вѣрѣетъ оума, ꙗкѡ ѿ тажести славы любви не дѣиствѣкъмъ. вѣра оуѣво любовію дѣиствѣкъма. велика держава довродѣтелкъмъ. (л. 5 об.)

14. *Множественное последовательное редактирование первоначального перевода.* Сопоставление рассмотренных источников (1. перевод САДФ, выполненный в первой половине XIV в. и содержащийся в НН-2; 2. глоссы в НН-2, внесенные Паисием Величковским; 3. основной текст в Н-124; 4. первоначальные исправления в Н-124; 5. основной текст в БАН-331; 6. исправления в БАН-331, сделанные Паисием Величковским) показывает, что Паисий Величковский производил *множественное последовательное редактирование* первоначального перевода САДФ, выполненного в первой половине XIV в.

На первом этапе редактирования (зафиксированном в НН-2) Паисием Величковским была произведена предварительная сверка текста с греческим текстом, при которой были отмечены первоочередные лексические замены, а также исправлено чтение, обусловленное ошибочным написанием в греческой рукописи, использовавшейся переводчиком (ἀγνοίᾳ вместо ἀγνείᾳ в гл. 52), и отмечены всего два отличающихся чтения, обусловленные принадлежностью греческого текста к другой текстологической семье (ἐγκρατεούμενον / ἀγωνιζόμενον в гл. 42 и κατακολλοῖ / καταθάλλει в гл. 65), что свидетельствовало о принадлежности использовавшегося греческого тек-

ста к тем самым «достоверным эллиногреческим подлинникам», использование которых являлось для Паисия Величковского необходимым условием «истинного и предостовверного исправления» старых переводов [Паисий 1847: 252, 254, 256].

На втором этапе было проведено систематическое исправление первоначального перевода с использованием греческого текста и с учетом изменений, отмеченных ранее в НН-2, результаты которого отражены в основном тексте Н-124. На третьем этапе была проведена очередная (выборочная?) сверка текста из Н-124 с греческим текстом, о которой свидетельствуют отдельные исправления, внесенные Паисием Величковским в Н-124. Затем переведенный и исправленный текст был переписан набело (БАН-331, основной текст) и на четвертом этапе была выполнена новая сверка с греческим текстом, результаты которой были внесены Паисием Величковским в основной текст над строкой и на поля этой рукописи, после чего исправленный текст был признан пригодным для изготовления копий (переписывания полууставом), о чем свидетельствовала специальная надпись на форзаце⁵. Изготовление одного из списков *САДФ*, содержащих все исправления в основном тексте (Н-21), было завершено 20 августа 1774 г. (л. 105). Следовательно, архетип финальной редакции был создан не позднее середины 1774 г., а редактирование первоначального перевода *САДФ* происходило в монастыре Драгомирна (как и редактирование первоначального перевода аскетических творений Григория Синаита в рукописи Н-260).

Сверка перевода *САДФ* с греческим текстом из *Ф* позднее не производилась, так как отмеченные Паисием Величковским в НН-2 несколько разночтений, связанных с различиями греческих текстов (текста, использованного в качестве оригинала для перевода, и текста, использованного при редактировании), свидетельствовали о хо-

⁵ Упоминание об использовании полуустава, а не скорописи при копировании святоотеческих текстов в скриптории монастыря Нямц содержится в письме схимонаха Афанасия (Охлопова) к Марии Петровне Протасьевой от 3 июля 1799 г.: «Старец (архимандрит монастыря Софроний — А. П.) уведал от начальнейшего писца, что и другая книга святого Варсонофия больше уже половины набело переписана хорошим письмом. Некоторые присуждали, ради скорости, дописать скорописью, а не полууставом, но чисто печатные книги и доброписанные к большему возбуждают чтению и услаждают, а скорописные вовсе от чтения отвращают. И так старец приказал тому же одному дописывать писцу, а другому за ним читать и ошибки исправлять, и ни на какое их другое послушание отнюдь не посылать» [Иерофей 1866: 107].

рошем состоянии греческого текста, использованного при сверках, на что Паисий Величковский обращал особое внимание, тогда как греческий текст *САДФ*, напечатанный в *Ф* и восходящий к поздним источникам, имел много отличий от этих двух текстов [Попов 1903: XIII–XVII].

Таким образом, перевод *САДФ*, содержащийся в рукописях паисиевского круга, представляет собой первоначальный перевод XIV в., исправленный на всех уровнях: орфографическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Совпадение характера (содержания) редактирования на различных этапах показывает, что Паисий Величковский последовательно использовал тот же самый пословный принцип, который был использован при первоначальном переводе, и его деятельность сводилась к контролю за состоянием текста с использованием греческого оригинала, исправлению ошибок, обновлению лексики и синтаксических конструкций, унификации орфографии. Утверждение о выполнении Паисием Величковским «нового славяно-русского перевода», который впоследствии был напечатан в московском Добротолубии [Попов 1903: XXXIII–XXXIV], является ошибочным.

15. *Сведения о работе Паисия Величковского над переводами.* Многократное последовательное редактирование перевода *САДФ*, выявленное при изучении источников, соответствует подробному описанию редактирования переводов аскетических текстов, содержащемуся во второй части ответного письма старца Паисия Величковского к Феodosию Маслову⁶, обращавшемуся с просьбой о предоставлении

⁶ Из упоминания в письме о скором напечатании *Ф* в Венеции следует, что оно было написано в начале 80-х гг. XVIII в. Предположение о поздней (ок. 1787 г.) датировке этого письма, основанное на упоминаниях о работе над переводом Исаака Сирина, а также на именовании адресата архимандритом [Mainardi 2001/2002: 67–69 (cap. 3); Майнарди 2016: 57] является ошибочным. Упоминание о редактировании перевода Исаака Сирина не может являться основанием для поздней датировки, потому что Паисий Величковский, по его свидетельству, дважды вносил исправления в этот перевод: первое редактирование было выполнено в монастыре Драгомирна в 1770–1771 гг. с использованием изданного в 1770 г. греческого текста и молдавского перевода, а второе, при котором использовалась греческая рукопись «от Святыя горы» и различные «лексиконы», было начато в конце 1786 г., завершено в 1787 г. и выполнялось в монастыре Нямц [Линца 1983: 23–25]. В письме же Феodosию Маслову упоминание о редактировании перевода Исаака Сирина находится в началь-

текстов для издания в России (Опт-142, л. 9–13 об.; [Паисий 1847: 250–255]). По свидетельству Паисия Величковского, после перехода из афонского скита пророка Илии в монастырь Драгомирна (1763 г.) он приступил к редактированию переводов аскетических текстов, выполненных в XIV в., используя греческий текст и уже существовавший молдавский перевод: **начахъ дравле на славенскій азыкъ с еллиногреческагѡ преведенныхъ прилѣжнѡ взираа на еллиногреческїа исправлати отеческїа книги сихъ стѣхъ: Исчхїа, Дїадоха <...> и прѡчїа, держаса крѣпцѣ, аки слѣпецъ за тынъ, за предреченный преводъ** (молдавский перевод, выполненный Макарием и Иларионом — *А. П.*), **и исправихъ первы(й) кра(т) предреченныхъ книги.** Затем Паисий Величковский неоднократно вносил исправления в от-

ной части раздела, содержащего последовательное изложение истории переводов и редактирования аскетических текстов Паисием Величковским, где оно предшествует сообщению о приходе грека Константия в монастырь Драгомирна в 1774 г., а также в письме отмечены использование молдавского перевода при редактировании и необходимость нового редактирования [Паисий 1847: 252–253], что указывает на первое (1770–1771 гг.), а не второе (1786–1787 гг.) редактирование перевода Исаака Сирина.

Кроме того, в первоначальном тексте в начале письма должно было находиться обращение адресанта к адресату, как и в других письмах Паисия Величковского (см., напр.: [Паисий 1847: 269, 274, 297, 300, 312]), а не пространное заглавие, добавленное при редактировании письма, произведенном уже после кончины его отправителя, при котором были внесены существенные изменения во вторую часть письма и было удалено, в частности, описание работы Паисия Величковского по исправлению перевода Исаака Сирина в 1770–1771 гг. Следовательно, именование Феодосия Маслова архимандритом (возведен в сан архимандрита в 1787 г.), содержащееся в пространном заглавии второй редакции этого письма (НН-22, л. 48 об. Публ.: [Pelin 1994: 349]), не является основанием для поздней датировки первоначального текста. Более того, в колонтитулах этого письма в НН-22 архимандритом назван не только адресат, но и адресант (л. 48 об.—68), однако Паисий Величковский был возведен в этот сан в 1790 г., что подтверждает позднее происхождение этой редакции и не является основанием для датировки первоначального текста.

При определении верхней границы датировки этого письма следует учитывать, что от получения Паисием Величковским в 1768 г. известия о предстоящем издании книги Исаака Сирина до ее получения в 1770 г. [Линца 1983: 23] прошло около двух лет. Принимая во внимание дату издания *Φ* (1782 г.) и учитывая возможные задержки с получением экземпляра, верхнюю границу времени составления письма следует отнести к 1783 г. Таким образом, рассматриваемое письмо Феодосию Маслову было составлено в 1781–1783 гг.

редактированный текст: таже по мнозѣ времени егда оуже начахъ малу приходити въ лѣчшее сеа вещи оуспѣаніе, оусмотрехъ во исправленны(х) сихъ мною книгахъ, неискѣства ради моего, премногаа погрѣшеніа, то и вторицею нѣкоторыа ѿ сихъ исправихъ, таже по нѣкодемѣ времени, и еще вврѣтшымса многимъ въ ни(х) погрѣшеніемъ, и третицею исправихъ (Опт-142, л. 9 об.—10; [Паисий 1847: 251]). Следовательно, при наличии ранее выполненных переводов, не имевших существенных отличий по составу и структуре от греческих текстов, доступных Паисию Величковскому, он производил многократное последовательное редактирование, при котором вносились систематические исправления на орфографическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Переводы патристических текстов, выполненные самим Паисием Величковским, также подвергались многократным «исправлениям» с привлечением греческих и славянских источников (Опт-142, л. 10—12 об.; [Паисий 1847: 252—254]).

В житии Паисия Величковского, составленном его близким учеником Митрофаном, который занимался переписыванием книг в монастырском скриптории, содержится описание его работы над переводами в Нямецком монастыре: како же писаше, оудивитиса подобаетъ: на постели идеже почиваше, вкрѣгъ вклавшиса книгами, сколкв лежѣконвѣ, Библіа греческаа, Библіа славенскаа, Грамматіки греческа и славенска, книга из неаже преводил(а), свѣща посредѣ, самъ же сѣда аки малое отроча согнѣвшиса, или лежа всю ноцъ писаше (Н-212, л. 72. Ср. [Паисий 1847: 87]).

Следует отметить, что монашеская община Паисия Величковского изначально состояла из двух частей, одна из которых была славяноязычной, а другая — румыноязычной, и поэтому в богослужении использовались два литургических языка: церковнославянский и румынский (славенскій и волоскій, Н-212, л. 45 об.. Ср. [Паисий 1847: 44—45]). Соответственно, настоятель монастыря, согласно Уставу 1763 г., должен был владеть двумя языками (НН-22, л. 19 об. [Яцимирский 1905: 538]). Эти же два языка использовались при соборном чтении святоотеческих творений и последующем обучении братии, которые совершались в периоды Рождественского и Великого постов: на всакій день кромѣ нѣдель и праздниковъ (испр., в ркп: прадниковъ), собирающимся братіамъ въ вечеръ въ трапезѣ, зажже(н)нымъ бывшимъ свѣщамъ прихощааше блженный нашъ оцъ (Паисий Величковский — А.П.), (и) сѣдаше

на обычномъ своемъ мѣстѣ, ра(з)гнѣвъ книгѣ отеческѣю <...> : в единѣ вечерѣ по рѣский бываше чтеніе, а волоскагѣ ѡзыка братіа чтахѣ повечеріе: в дрѣгій вечерѣ по волоскѣй, а рѣскагѣ ѡзыка братіа чтахѣ повечеріе, аще же кто знааше обѣма ѡзыка, то слѣшаше и оба чтеніа: то(а)коваше же блѣженный единѣ книгѣ единомѣ ѡзыкѣ, а дрѣгѣю дрѣгомѣ: а иногда и обомѣ единѣ (Н-212, л. 51 об.—52. Ср. [Паисій 1847: 55–56]).

Многие из текстов, переведенных Паисием Величковским на церковнославянский язык, румынские переводчики переводили на румынский язык (Н-212, л. 72). Также существовали и переводы на румынский язык, выполненные с греческих оригиналов. Сохранился изготовленный в 1772 г. список румынского перевода *САДФ*, выполненного иеромонахом Иларионом, а также румынский перевод *САДФ* входил в состав румынских сборников аскетического содержания [Молдовяну 2004: 737, 738]. К сожалению, большинство нямецких рукописей, содержащих румынские переводы, сгорели при пожаре 1862 г. [Яцимирский 1905: 539].

16. *Церковнославянский перевод, напечатанный в 1799 г.* Как было отмечено в п. 2, перевод *САДФ* на церковнославянский язык был напечатан в 1799 г. в Москве в составе IV части «Добротолубія» (далее — *Д*), при подготовке которого к изданию использовались тексты, переведенные или же отредактированные Паисием Величковским. Сопоставление текстов паисиевских редакций первоначального перевода *САДФ* с текстом, напечатанным в *Д*, показывает, что в его основу был положен архаичный текст, сходный с основным текстом Н-124, см., например:

Н-124	Добротолубіе 1799	БАН-331
(29) ра(з)нствѣшеса потребами (л. 7)	разнствѣшаса потре- бами (л. 20 об.)	ра(з)нствѣють потребами (л. 9)
(30) непогрѣшне разнствѣмаа (л. 7 об.)	непогрѣшне разнствѣмаа (л. 21)	непогрѣшнѣ ползнаа (л. 9 об.)
(36) разѣмѣвающе да вѣдемъ, пакѣ еликѣ ходимъ (л. 9 об.)	сѣа разѣмѣвающе да вѣдемъ: пакѣ еликѣ ходимъ (л. 22)	вѣмы, пакѣ еликѣ присѣтствѣ(м) (л. 12)
(58) Сѣа же вѣрѣіа (л. 14 об.)	Сѣа же вѣрѣіа (л. 25 об.)	Сѣа же теплохладныа (л. 18 об.)

Н-124	Добротолюбіе 1799	БАН-331
(64) и сѣдищнымъ присѣдѣти дворовымъ (л. 17)	и сѣдищнымъ дворомъ присѣдѣти (л. 27 об.)	и къ сѣдилищъ приходити предъ дворіемъ (л. 21 об.)
(68) мѣтвоею вѣцше и пѣніе(м) (л. 18 об.)	молитвоею вѣцше и пѣніемъ (л. 28 об.)	мѣтвоею множайше и ψαλλομῆνιе(м) (л. 23 об.)
(74) не смѣцаема бо отъ пѣчале(й) житейски(х) (л. 20 об.)	не смѣцаема бо ѿ печалей житейскихъ (л. 30)	не сѣѣема бо ѿ попеченіи житіа (л. 26)
(95) въ высотѣ славолюбіа (л. 31)	въ высотѣ славолюбіа (л. 37 об.)	въ надменіе славолюбіа (л. 40 об.)

При подготовке к изданию текст перевода САДФ, как и другие напечатанные в Д тексты, был сверен с греческим текстом из Ф, что привело к появлению в нем таких чтений, которые отсутствовали в паисиевских редакциях первоначального перевода, см., например:

Des Places 1997	Н-124, БАН-331	Φιλοκαλία 1782	Добротолюбіе 1799
(14) ὁ τοιοῦτος ὑπάρχει (р. 91.12)	сицевый есть (л. 4, 5)	ὁ τοιοῦτος ὀρεγόμενος οὐ παύσεται (σ. 208)	сицевый, желал не престаесть, дондеже (л. 18)
(39) καλούμενος, ᾧτινι (р. 107.19)	зовомъ, емѣже (л. 10, 12 об.)	καλούμενος, καὶ ἀκριβῶς μὴ γνωρίζων, ᾧτινι (σ. 214)	зовѣщій, и извѣстне не познавал, емѣже (л. 22 об.)
(66) εὐαγγελίου τοῦ Χριστοῦ (р. 127.3–4)	ев(г)ліа Хр(с)– това (л. 18, 23)	εὐαγγελίου τοῦ θεοῦ (σ. 221)	ев(г)ліа Бжїа (л. 28)
(70) λογισμῶν (р. 130.7)	помысловъ (л. 19 об., 24 об.)	λόγων (σ. 222)	словесъ (л. 29)
(75) τὴν ζωοποιὸν καὶ καθαριστικὴν (р. 133.23–24)	животво(р)номѣ и чистите(л)номѣ (л. 21, 26 об.)	τὴν καθαριστικὴν καὶ ζωοποιὸν (σ. 224)	чистителномѣ и животворномѣ (л. 30)

Тем не менее, сопоставление текста, опубликованного в 1799 г., с текстом из рукописи НН-2, написанной в третьей четверти XIV в., показывает, что исправления, внесенные в первоначальный перевод

Паисием Величковским и при подготовке московского издания, не были существенными, см., например:

Φιλοκαλία 1782	НН-22	Добро̀толюбіє 1799
<p><65> περιθάψει δὲ ἡμᾶς πλέον τῶν ἄλλων ἀρετῶν ἢ ταπεινοφροσύνη καὶ εἰς τοὺς οἰκείους ὡς γυμνοὺς ὑπάρχοντας ἀναπαύσει κόλπους· οἶον μήτηρ τὸ ἑαυτῆς παιδίον εἰς τὰς οἰκείας προσλαμβανομένη καταθάλλει ἀγκάλας, ὅταν διὰ τὴν νηπιώδη ἀπλόττητα τὴν αὐτοῦ ἐκδυσάμενον πόρρω ποῦ ἀπορρίψῃ ἐσθῆτα· τῇ γυμνότητι μᾶλλον διὰ πολλὴν ἀκαχίαν, ἢ τῇ ποικιλίᾳ τῆς ἐσθῆτος τερπόμενον· (σ. 221)</p>	<p>сыгрѣт же насъ тыг(д)а вещь иныи(х) добродѣтели смѣреномоудрикъ. и въ своихъ тако назѣхъ сѣщи(х) ѡпокоитъ нѣдрѣхъ, такоже мѣти своѣ дѣте на своихъ прѣ(д)вѣземаючи вънѣдрактъ (на левом поле глосса Паисия Величковского: вбемле(т)) рѣкахъ, кг(д)а младѣньчникъ ради простоты свою свѣлѣкъ далече г(д)е ѡметнетъ ризоу. наготою паче многого ради безловіа нежели многоразличикмъ ризы красѣксе. (л. 294 об.)</p>	<p>согрѣтъ же насъ тогда вѣцше добродѣтели смиреномѣдріа, и во своихъ нѣдрѣхъ такъ нагихъ сѣсшихъ оупокоитъ: такоже мати своѣ дѣти на своихъ рѣкахъ предвѣземаючи вбемлетъ, егда младенческіа ради простоты, свою свлече ризѣ далече нѣгдѣ повергнетъ, наготою паче многогъ ради безловіа, нежели различіемъ ризъ красѣксѣ. (л. 27 об.)</p>
<p><94> ἀλλὰ μᾶλλον ἐνέμενον διὰ τῆς ταπεινώσεως τῷ σχήματι τῆς τελειότητος, διὰ τῶν πυκνῶν ἐξουθενώσεων, τὸ θεῖον δῶρον ὁσίως φυλάττοντες. ἡμεῖς δὲ νῦν ἀσθενείας τοὺς πονηροὺς λογισμοὺς λέγωμεν καὶ τὰς σωματικὰς ἀνωμαλίας. (σ. 233)</p>	<p>нъ паче прѣбывахѣ смѣрениа ради въ образѣ свѣршениа, честіи(х) ради ѡничиженіи бож(с)т- вны даръ прпо(д)- внѣ свѣлюдающе. мы иже нѣа немощи, лѣкавык помысли глѣкмъ, и телеснаа стрѣптьньствиа (на правом поле глосса Пау- сия Величковского: по(д)- стрѣкательства сирѣчь пакости). (л. 307)</p>	<p>но паче да пребываютъ смирениа ради во образѣ совершеніа частыхъ ради оуничиженіи, Бжественный даръ преподобнѣ свѣлюдающе: мы же нынѣ немощи, лѣкавыа помыслы глаголемъ, и тѣлеснаа подстрекательства. (л. 37)</p>

Перевод краткого предисловия из *Φ* на церковнославянский язык, предваряющий текст *САДΦ* в московском издании [Добро̀толюбіє 1799, л. 15 об.—16], был также выполнен при подготовке

московского издания. Тем не менее, заглавия десяти определений и основного текста не были приведены в соответствие с измененными заглавиями *Ф*:

Φιλοκαλία 1782	Добротолюбіє 1799
<p>Ὅροι τοῦ μακαρίου Διαδόχου ἐπισκόπου Φωτικῆς. (σ. 205)</p>	<p>Бл̄женнагѡ Діадох̄а еп(с)па Фѡтїкійскагѡ Ілл̄ѡрика, словеса постническаа главизны ꙗ̄: предѣлъ же десять предглаголеми. (л. 16)</p>
<p>Τοῦ αὐτοῦ μακαρίου Διαδόχου ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς παλαιᾶς Ἡπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, λόγος ἀσκητικὸς διηρημένος εἰς ρ' κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς. (σ. 206)</p>	<p>Бл̄женнагѡ Діадох̄а еп(с)па Фѡтїкійскагѡ Ілл̄ѡрика, главизны дѣятельны разѣма и разсѣжденїа дх̄внагѡ, ꙗ̄: коегѡ ради подобаетъ разѣма въ предвѣленное, Г(с)дѣ наставляющѣ насъ, доспѣти совершенїе, да кийждо иже по образѣ еп(г)лскїа притчи, словесно сѣма плодonoствѣемъ (л. 16 об.)</p>

Сведения о происхождении текста, использованного при подготовке московского издания, отсутствуют. Однако известно, что Паисий Величковский не имел намерений готовить тексты для московского издания [Паисий 1847: 256]. Не передавал он в Россию и имевшиеся у него переводы, как это следует из письма протоиерея Феодора Голубинского к С. П. Шевыреву, принимавшему участие в издании Жития Паисия Величковского, напечатанного в 1847 г. и в Предисловии содержавшего сведения об издании *Д* и деятельности схимонаха Афанасия (в миру — Андрея Николаевича Охлопова), связанной с подготовкой этого издания: «Между прочим, нашел я в письме отца Афанасия одно сведение, по которому нужно нечто поправить в Предисловии. Вот что он пишет о себе к Марье Петровне 1799 г. июля 3-го: “Хотя Ваша святыня лично и не знаете меня, обаче не безызвестны, егда я в Москве, на Новгородском подворье трудился ради напечатания первой книги ‘Филокалии’ или ‘Добротолюбия’. Еще припамятуете о мне и потому наипаче, что многие из напечатанных в той ‘Добротолюбия’ книге наперед я, окаянный, тайно от покойного старца Паисия в Россию завез, не для своей какой бездельной корысти и лакомства, но за спасение, ради общей пользы монашествующих. Окончив перевод (т.е. исправление перевода, с Яковом Дмитриевичем) и другой книги ‘Добротолюбия’, тому пять лет назад (1794) по несытости моей к отеческим книгам паки возвра-

тился к старцу Паисию <...>” и пр. Из этого видно, что не сам старец Паисий отпустил или послал преосвященнейшему Гавриилу ‘Добротолубие’, и потому приписанные мною в Предисловии слова: “Наконец, из послушания воле Архипастыря, согласился...”, — нужно заменить другими, например так: “Наконец ученик старца, Афанасий, доставил Высокопреосвященнейшему митрополиту и греческий подлинник, и старцев перевод книги ‘Добротолубия’” — или как сами найдете лучше» [Киреевский 2002: 329–330]. Полный текст письма схимонаха Афанасия был опубликован с исправлениями в 1866 г. [Иерофей 1866: 106–108].

Судя по всему, в число переводов, доставленных в Россию Андреем Николаевичем (в монашестве — Афанасий) Охлоповым [Паисий 1847: XV], входил и текст *САДФ*. Сверка текста перевода *САДФ* с *Ф* и редактирование, а также перевод краткого предисловия из *Ф* были выполнены упоминавшимся в письме Афанасия (Охлопова) Яковом Дмитриевичем Никольским, который с сентября 1787 по февраль 1792 г. преподавал греческий язык в Троицкой семинарии, находившейся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре [Паисий 1847: III; Смирнов 1867: 376, 513]. О происходившей в Троицкой семинарии подготовке текстов для издания *Д* неоднократно упоминается в прошениях валаамского игумена Назария, который обеспечивал эти работы, а также в других документах Синода, связанных с изданием *Д* (см. напр.: РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 73 (1792 г.). Д. 121. Л. 1, 2, 4, 8). О подготовке текстов *Д* в Троицкой семинарии упоминал и А. А. Дмитриевский в упоминавшемся выше отзыве 1905 г. (см. выше, п. 3), когда упрекал К. Д. Попова в том, что «остался неизвестен ему перевод Добротолубия, сделанный “в семинарии Свято-троицкой Сергиевской лавры” 1793 <г.>, напечатанный “на кошт Спасо-Преображенского Валаамского монастыря игумена Назария”», однако местонахождение этого перевода указано не было [Дмитриевский 1905: 80]. Следует отметить, что в 1904 г. А. А. Дмитриевский в одном из писем упоминал о рукописи из Типографской библиотеки, содержавшей запись «Добротолубие, переведено с еллино-греческого на славянский язык в семинарии Свято-Троицкия Сергиевския Лавры, в 3-х частях в лист, напечатано на кошт Свято-Преображенского монастыря Валаамского игумена Назария», содержание которой соответствовало описанию «Добротолубия», указанного в отзыве 1905 г., однако корреспондент А. А. Дмитриевского искомую рукопись в Типографской библиотеке не обнаружил [Сухова 2017: 12–13]. Более того, из содержания записи, приведенной в письме А. А. Дмитриевского, а также из содержа-

ния архивной документации, связанной с изданием *Д*, следует, что А. А. Дмитриевский упоминал о таком источнике, который содержал три (!) части *Д*, напечатанные в 1793 г., тогда как перевод *САДФ* был напечатан в 1799 г. в составе четвертой (!) части *Д*.

17. Как показывает рассмотренный материал, история греческого текста *САДФ* не являлась предметом специального изучения, что привело к различиям в текстах критических изданий. На церковнославянский язык фрагменты из *САДФ* были впервые переведены в X в. в составе «Изборника Симеона». Перевод полного текста на церковнославянский язык был выполнен в первой половине XIV в. В XVII в. на церковнославянский язык был переведен текст латинского перевода, подготовленного Франсиско Торресом и впервые напечатанного в 1570 г. Вскоре после 1763 г. в монастыре Драгомирна Паисий Величковский приступил к многократному последовательному редактированию первоначального перевода, на первом этапе которого была проведена предварительная сверка с греческим текстом. Затем было проведено систематическое исправление первоначального перевода по греческому тексту. Позднее производилось еще одна (возможно, выборочная) сверка с греческим текстом. И, наконец, было выполнено второе систематическое редактирование, также с привлечением греческого текста, которое было завершено не позднее середины 1774 г. Для подготовки московского издания 1799 г. был использован текст ранней паисиевской редакции, который был сверен с греческим текстом из венецианского издания 1782 г. Этот же греческий текст был положен и в основу русских переводов XIX в.

Источники

Славянские рукописи

- БАН-331 — Петербург, Библиотека Академии наук. 13.3.31 (Яц. 54). Диадох Фотикийский. Слово аскетическое. 1763–1774 гг. (описание: [Срезневский, Покровский 1915: 27; Жгун 2019, 2: 630]; публикация текста: [Жгун 2019, 1: 298–340]).
- БАНР-159 — Бухарест, Библиотека Академии наук. Сборник аскетического содержания. XV в. (описание: [Яцимирский 1905: 785–787; Panaitescu 1959: 236–237]).
- БАНР-756 — Бухарест, Библиотека Академии наук. Сборник аскетического содержания. Втор. четв. XVIII в. (описание: [Panaitescu, Zamfiră 2018: 254–255]).

- Н-21 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 21. Диадок Фотикийский. Слово аскетическое. 1774 г. (описание: [Жгун 2017: 39–40]).
- Н-62 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 62. Иоанн Златоуст. Беседа о первом дне творения. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 73–74]).
- Н-74 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 74. Диадок Фотикийский. Слово аскетическое. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 40–41]).
- Н-123 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 123. Мученичество Анастасия. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 301]).
- Н-124 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 124. Диадок Фотикийский. Слово аскетическое. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 41–42]).
- Н-129 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 129. Диадок Фотикийский. Слово аскетическое. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 42]).
- Н-131 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 131. Евстратий Аргенти. Обличение окропления. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 63]).
- Н-133 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 133. Диадок Фотикийский. Слово аскетическое. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 42–43]).
- Н-166 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 166. Сборник аскетический. 1778–1779 (описание: [Жгун 2017: 214–216]).
- Н-193 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 193. Чинопоследование пострижения. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 324]).
- Н-208 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 208. Диадок Фотикийский. Слово аскетическое. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 43–44]).
- Н-212 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 212. Схимонах Митрофан. Житие Паисия Величковского. Ок. 1814 г. (описание: [Жгун 2017: 70–71]).
- Н-243 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 243. Никифор Феотоки. Свет сущим во тме. Посл. четв. XVIII в. (описание: [Жгун 2017: 252]).
- Н-260 — Нямецкий монастырь (Румыния, Нямец), библиотека, рукописи славянские, № 260. Григорий Синаит. Аскетические творения. 1763–1774 гг. (описание: [Жгун 2017: 37–39]).

- НН-2 — Кишинёв, Центральный Государственный архив Республики Молдова. Фонд Ново-Нямецкого мон-ря, оп. 2, № 2. Сборник аскетический. 3-я четв. XIV в. (описание: [Овчинникова-Пелин 1989: 72–76]).
- НН-5 — Кишинёв, Центральный Государственный архив Республики Молдова. Фонд 2119 (Ново-Нямецкий мон-рь), оп. 2, № 5. Василий Великий. Аскетические сочинения. 1-я четв. XV в. (Описание рукописи: [Овчинникова-Пелин 1989: 85–86]).
- НН-22 — Кишинёв. Центральный Государственный архив Республики Молдова. Фонд 2119 (Ново-Нямецкий мон-рь), оп. 2, № 22. Сборник сочинений Паисия Величковского. Кон. XVIII в. (описание: [Овчинникова-Пелин 1989: 172–174]).
- Опт-142 — Москва, Российская государственная библиотека, ф. 214 (Оптина пустынь), № 142. Послания Паисия Величковского. Втор. четв. XIX в.
- Син-459 — Москва, Государственный исторический музей, Синодальное собр., № 459. Сборник. XVII в. (описание: [Горский, Невоструев 1859: 612–620]).
- ТСЛ-753 — Москва, Российская государственная библиотека, ф. 304.I (Троице-Сергиева лавра), № 753. Сборник. XV в. (описание: [Арсений 1879, III: 150]).
- ТСЛ-756 — Москва, Российская государственная библиотека, ф. 304.I (Троице-Сергиева лавра), № 756. Сборник. XV в. (описание: [Арсений 1879, III: 157]).

Греческие рукописи

- A — Vindob. theol. gr. 93, IX–X вв. [Des Places 1997: 72].
- a — Paris gr. 913, X в. [Des Places 1997: 73].
- c — Paris Coisl. 123, XI в. [Des Places 1997: 69–70].
- N — Cryptensis B.α.19, 965 г. [Des Places 1997: 70].
- M — Син. греч. 145 (Вл. 184), 899 г. [Des Places 1997: 69].
- R — Афон, Лавра Г 42, VIII–IX вв. [Rutherford 2000: 9].
- S — Estens. gr. α. U.2.12, XI в. [Des Places 1997: 73].
- T — Atheniensis Bibl. Nat. 549, нач. XI в. [Des Places 1997: 71].

Литература

- Арсений 1878–1879 — *Арсений, иером.* Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Ч. I–III. М., 1878–1879.
- Бибиков 1996 — *М. В. Бибиков.* Византийский прототип древнейшей славянской книги Изборник Святослава 1073 г.) М., 1996.

- Горский, Невоструев 1859 — *А. В. Горский, К. И. Невоструев*. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел II. Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.
- Гусева 2010 — *А. А. Гусева*. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.
- Диадох 1827а — Краткое сведение о святом Диадохе // Христианское чтение. Ч. XXVIII. 1827. С. 3–5.
- Диадох 1827б — Блаженного Диадоба, епископа Фотикского, определения // Христианское чтение. Ч. XXVIII. 1827. С. 6–7.
- Диадох 1827в — Блаженного Диадоба, епископа Фотики, что в Древнем Епире Илирийском, Подвижническое слово, разделенное на 100 деятельных глав, о ведении и духовном различии // Христианское чтение Ч. XXVIII. 1827. С. 8–109.
- Дмитриевский 1905 — *А. А. Дмитриевский*. Опыт издания греческих церковных писателей древнейшего времени в русской патрологической литературе. СПб., 1905.
- Добротолубіє — Добротолубіє или словеса и главизны сїѣннагѡ трезвѣнїа, собраннаѡ ѿ писанїй стѣхъ и вѣгодѣхновенныхъ оцѣ, въ немже нравственнымъ по дѣланїю и оумозрѣнїю любомѣдрїемъ оумъ очищается, просвѣщается и совершенъ бываетъ. М., Ч. I–III. 1793. Ч. IV. [1799].
- Добротолубие 1888 — Добротолубие в русском переводе, дополненное. Т. 3. М., 1888.
- Жгун 2017 — *П. Б. Жгун, сост.* Каталог славянских рукописей монастыря Нямец. Серпухов 2017.
- Жгун 2019 — *П. Б. Жгун, сост.* «Добротолубие» в переводе преподобного отца нашего Паисия (Величковского). Т. 1–2. СПб., 2019.
- Иерофей 1866 — *Иерофей (Добрицкий), архим.* Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской Епархии. М., 1866.
- Кенанов 1989 — *Д. Кенанов*. Преводаческата школа на Паисий Величковски: търсене на истините славянски книги // *Palaeobulgarica / Старобългаристика* XIII/1. 1989. С. 96–109.
- Ким 2015 — *С. С. Ким*. Восточные переводы «Сотницы» блаженного Диадоба Фотикийского // Богословский вестник. 16–17. 2017. С. 309–332.
- Ким 2019 — *С. С. Ким*. Новая сирийская рукопись «сотниц» блаженного Диадоба Фотикийского, Sinai Syg. 14: пробная коллация гл. XV // Актуальные вопросы изучения христианского наследия Востока: сборник статей по материалам международной конференции (Сергиев Посад, 15 ноября 2017 г.). Сергиев Посад, 2019. С. 90–97.

- Линца 1983 — *Е. Линца*. Паисий Величковски — един измежду последните големи църковнославянски книжовници // *Palaeobulgarica / Старобългаристика* VII/3. 1983. С. 14–42.
- Майнардиди 2016 — *А. Майнардиди*. Основы переводческой деятельности преподобного Паисия Величковского // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 64. СПб., 2016. С. 54–68.
- Молдовяну 2004 — *И. Молдовяну*. Исихазм в Румынии // *Исихазм: аннотированная библиография* / Под ред. С. С. Хоружего. М., 2004. С. 726–756.
- Овчинникова-Пелин 1989 — *В. С. Овчинникова-Пелин*. Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР. Коллекция Ново-Нямецкого монастыря (XIV–XIX вв.). Кишинев, 1989.
- Паисий 1847 — *Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского: с присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Полянмерульским, о умном трезвении и молитве*. М., 1847.
- Попов 1901 — *К. Д. Попов*. Отзыв экстраординарного профессора К. Попова о сочинении профессора А. Дмитриевского под заглавием: «Русские на Афоне» // *Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1899–1900 учебный год*. Киев, 1901. С. 12–38.
- Попов 1903 — *К. Д. Попов*. Блаженный Диадок (V-го века), епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения. Т. 1. Киев, 1903.
- Смирнов 1867 — *С. К. Смирнов*. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867.
- Срезневский, Покровский 1915 — *В. И. Срезневский, Ф. И. Покровский*. Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. I. Рукописи. Т. 2. Петроград, 1915.
- Сухова 2017 — «А я по-прежнему пишу, не взирая на лица и злые времена...» (Переписка Алексея Афанасьевича Дмитриевского и протопресвитера Иоанна Королькова (1904–1928 гг.) / Вступительная статья, публикация и примечания Н. Ю. Суховой // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2017. 4 (20). С. 1–73.
- Янева и др. 2015 — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) Т. 3. Гръцки извори / Гръцки текст и изследване: П. Янева. Славянски текст, прегледан и сверен допълнително: А. Минчева, Ц. Ралева, Ц. Досева, П. Янева. София, 2015.
- Ястребов 1906 — *М. Ф. Ястребов*. [Отзыв о сочинении профессора К. Попова под заглавием «Блаженный Диадок, епископ Фотики и его творения», представленного на соискание Макарьевской премии] // *Извлечения из Журналов совета Киевской Духовной академии за 1905–1906 учебный год*. Киев, 1906. С. 21–54.

- Яцимирский 1905 — *А. И. Яцимирский*. Славянские и русские рукописи румынских библиотек (= Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, LXXIX). СПб., 1905.
- Яцимирский 1908 — *А. И. Яцимирский*. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. Вып. 1. СПб., 1908.
- CPG — *M. Geerard*. *Clavis patrum graecorum*. Vol. 3. Turnhout, 1979.
- Croeselius 1585 — *Praeclara ac divina quaedam trium doctrina et sanctitate illustrium patrum opuscula: S. Diadochi, episcopi Photices de perfectione spirituali, Francisco Turriano... interprete e graeco et scholiaste; S. Ephraem abbatis Syri, de recta vitae ratione, interprete... Petro Francisco Zino; S. Nili abbatis, de moribus et oratione ad Deum, etc., interprete eodem Zino, nunc denuo excusa studio M. Joann. Croeselii Vilescensis... una cum praefatione ejusdem... Ingolstadii: apud Davidem Sartorium, 1585.*
- Des Places 1943a — *É. des Places (trad.)*. Diadoque de Photice. Œuvres spirituelles (Sources Chrétiennes 5). Paris, 1943.
- Des Places 1943b — *É. des Places*. Un père grec du Ve siècle. Diadoque de Photice // *Revue des Études Anciennes*. 45/1–2. 1943. P. 61–80.
- Des Places 1955 — *É. des Places (ed.)*. Diadoque de Photice. Œuvres spirituelles (Sources Chrétiennes 5 bis). Paris, 1955.
- Des Places 1957 — *É. des Places*. La tradition manuscrite des «Cent chapitres» de Diadoque de Photice // *Revue des études grecques*, T. 70. Fasc. 331–333. 1957. P. 376–386.
- Des Places 1966; 1997 — *É. des Places (ed.)*. Diadoque de Photice. Œuvres spirituelles (= Sources Chrétiennes 5 ter). Paris, 1966. (Réimpr.: 1997.)
- Φιλοκαλία 1782 — <Νικόδημος Αγιορείτης, Μακάριος Νοταράς> Φιλοκαλία τῶν Ἱερῶν Νηπιτικῶν συναρτισθεῖσα παρὰ τῶν Ἁγίων καὶ Θεοφόρων Πατέρων ἡμῶν. Ἐνετίησιν: παρὰ Ἀ. Βόρτολι 1782.
- Jülicher 1913 — *A. Jülicher*. [Rez.:] Weis-Liebersdorf, J. E. (Ed.), Sancti Diadochi episcopi Photicensis de perfectione spirituali capita centum // *Theologische Literaturzeitung* 38 (1913) 13–14.
- Kim 2015 — *S. Kim*. The Syriac version of the Caput 13 of Diadochus of Photice studied alongside the Arabic and Georgian versions // *Parole de l'Orient*. Vol. 40. 2015. P. 261–273.
- Labottière 1627 — *S. Diadochi episcopi Photices in vetere Epiro Illyrici capita centum de Perfectione Spirituali. S. Nili capita centum quinquaginta de oratione ad Deum. Hesychii presbyteri ἀντιρρητικά καὶ εὐτικά, siue Doctrina compendiaria binis capitum Centuriis comprehensa, de spirituali Temperantia et cordis puritate, reluctando et orando, comparanda. Lugduni: Sumpt. Francisci de la Bottiere, 1627.*
- Mainardi 2001/2002 — *A. Mainardi*. La corrispondenza dello starec Paisij Velickovskij (1722–1794) / Tesi di laurea. Università degli studi di Torino, Anno accademico 2001/2002.

- Notizien 1907 — Bibliographische Notizien und kleinere Mitteilungen // Byzantinische Zeitschrift, 16, (1907). S. 329–430.
- Notizien 1910 — Bibliographische Notizen und kleinere Mitteilungen // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 19. 1910. S. 195–264.
- Oudin 1686 — Supplementum de scriptoribus vel scriptis ecclesiasticis a Bel-larmino omissis, ad annum 1460 vel ad artem typographicam inventam, collectore F. Casimiro Ouden... Parisiis: apud Antonium Dezallier, 1686.
- Panaiteacu 1959 — *P. Panaiteacu*. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. Vol. I. București, 1959.
- Panaiteacu, Zamfira 2018 — *P. Panaiteacu, M. Zamfira*. Catalogul manuscriselor slavo-române și slave din Biblioteca Academiei Române. Vol. III. Partea I-a. București, 2018.
- Paschalidis 2016 — *S. Paschalidis*. Autour de l'histoire d'une collection ascétique: la Philocalie, les circonstances de son édition et de sa tradition manuscrite // Da Teognosto alla *Filocalia* (XII–XVIII secolo): Testi e autori / A cura di A. Rigo. Bari, 2016. P. 199–223.
- Pelin 1994 — *V. Pelin*. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III): Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // Revue des études Sud-Est Européennes. 32. No. 3–4. 1994. P. 349–366.
- PG — Patrologiae Cursus Completus / Acc. J.-P. Migne. Series Graeca. Parisiis, 1857–1866. T. 1–161.
- Polyzogopoulos 1984 — *Th. Polyzogopoulos*. Life and writings of Diadochus of Photice // Θεολογία. T. 55/3. 1984. Σ. 772–800.
- Popovski 1989 — *J. Popovski*. The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription (= Polata knjigipisnaja, 23–24). Amsterdam, 1989.
- Regulae 1590 — Regulae Societatis Iesu. Romae: in Collegio eiusdem Societatis, 1590.
- Rigo 2011 — *A. Rigo*. Une *summa* ou un florilège commenté? L'œuvre *Μέθοδος καὶ κανόν* de Calliste et Ignace Xanthopouloi // Encyclopedic Trends in Byzantium?: Proceedings of the International Conference held in Leuven, 6–8 May 2009 / Ed. P. Van Deun, C. Macé (= Orientalia Lovanensia Analecta, 212). Leuven, 2011. P. 387–437.
- Rutherford 2000 — *J. E. Rutherford (ed.)*. One hundred practical texts of perception and spiritual discernment from Diadochos of Photike (= Belfast Byzantine texts and translations, 8). Belfast, 2000.
- Torres 1570 — S. Diadochi episcopi Photices... capita centum de perfectione spirituali. S. Nili capita centum quinquaginta de oratione ad Deum. Francisco Turriano Societatis Iesu interprete. Florentiae: apud filios Laurentii Torrentini, et Carolum Pectinarium Socium. 1570.
- Torres 1573 — S. Diadochi episcopi Photices... Capita centum de perfectione spirituali. S. Nili capita centum quinquaginta de oratione ad Deum. Francisco Turriano Societatis Iesu interprete e Graeco, et prioris interpretatio-

nis correctore, collatis tribus peruetustis exemplaribus, et scholiis appositis. Florentiae: apud Bartholomaeum Sermartellium, 1573.

Torres 1575 — S. Diadochi episcopi Photices... Capita centum de perfectione spirituali. S. Nili capita centum quinquaginta de oratione ad Deum. Francisco Turriano Societatis Iesu e Greco prioris interpretationis correctore, collatis tribus peruetustis exemplaribus, & scholiis appositis. Antverpiae: Ex officina Christophori Plantini, 1575.

Van der Aa 1867 — *A. J. van der Aa*. Biographisch woordenboek der Nederlanden: bevattende Levensbeschrijvingen van zoodanige personen, die zieh op eenigerlei wijze in ons Waderland hebben vermaard gemaakt. Deel 14. Haarlem, 1867.

Weis-Liebersdorf 1904 — *J. E. Weis-Liebersdorf (ed.)*. Diadochos, Bischof von Photike, «Hundert Kapitel vom vollkommenen Christenleben» // Münchner Theologische Wochenschrift 1 (1904), 11. S. 85–89; 12, S. 93–95; 13, S. 101–102; 14, S. 109–111; 15, S. 117–118; 16, S. 125–126; 17, S. 133–135; 18, S. 141–142; 19, S. 149–151; 20, S. 157–159; 21, S. 165–167; 22, S. 173–174; 23, S. 181–183.

Weis-Liebersdorf 1912 — *J. E. Weis-Liebersdorf (ed.)*. S. Diadochi episcopi Photicensis De perfectione spirituali capita centum. Leipzig, 1912.

А. Г. Кравецкий

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

«СЛОВЕСНОЕ ДРЕВО»:
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
В ТВОРЧЕСТВЕ
ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

А. А. Плетнева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

I

После того, как в 1971 году в первом томе собрания сочинений Вячеслава Иванова была опубликована «Повесть о Светомире Царевиче», существенная часть которой написана на церковнославянском языке, возникла необходимость каким-то образом осмыслить место этого языкового эксперимента. Вокруг «Повести» появилась целая исследовательская литература. Сегодня можно сказать, что достаточно хорошо описаны и осмыслены фольклорные источники «Повести», а также ее связь с европейской культурой и произведениями древнерусской литературы. Обобщением этого изучения стала появившаяся в 2012 году монография А. Л. Топоркова [Топорков 2012] и критическое издание «Повести», напечатанное в серии «Литературные памятники» [Иванов 2015]. В настоящее время хорошо исследовано функционирование в «Повести» библейских цитат и фрагментов богослужебных текстов. При этом указывалось на использование стилистических приемов, известных по памятникам древнерусской литературы. Так, в «Повесть» вводятся библейские цитаты и аллюзии, включающие описываемые события в библейский контекст. Текст повести делится на главы и стихи и, соответственно, система ссылок на текст повести устроена так же, как система ссылок на Священное Писание¹.

Несмотря на то, что и читатели, и исследователи чувствуют языковую уникальность прозы Вяч. Иванова, собственно язык «Повести» исследован довольно слабо. Наиболее интересные замечания принадлежат О. Л. Фетисенко, которая готовила критическое издание текста «Повести». В частности, она отмечает, что Иванов спордически проставляет ударение в словах, причем различает острое

¹ См. Топорков 2012: 102-104.

и тупое ударение: «Отметим, что Вяч. Иванов, следуя греческой и церковнославянской орфографии, различал так называемые восходящие и нисходящие ударения и лишь изредка допускал неточности: “отъиде́” вместо правильного “отъидѣ”² <...> Нужно сказать, что ударения Вяч. Иванова порой носят авторский характер. Так, в примере со словом “отъиде” (“отъиде”) по нормам церковнославянского языка следовало бы поставить ударение не на последнем слоге, а на “и”» [Там же: 262]. В другом месте она отмечает, что в библейских цитатах возможно «увидеть контаминацию славянского и русского перевода» [Фетисенко 2008: 306]. При этом степень «славянизации» цитат зависит от степени славянизации окружающего авторского текста. В «русских» частях текст скорее цитируется по-русски, а в славянизированных — по-церковнославянски [Топорков 2012: 114]. При этом, как справедливо указывает А. Л. Топорков, «Повесть» нуждается в специальном лингвистическом исследовании [Там же: 115].

Анализируя «Повесть» из перспективы истории европейской литературы и фольклора, использование церковнославянского языка объяснить довольно трудно. Характерно, что А. Л. Топорков связывает появление славянизированных частей «Повести» с преподаванием церковнославянского языка в Руссикуме и предполагает, что создание текстов на этом языке имело «для автора характер лингвистических упражнений и в этом отношении сопоставимо с сочинением стихов на латыни или древнегреческом языке» [Там же: 114].

На наш взгляд, языковые эксперименты Вяч. Иванова не являются лингвистическими упражнениями почтенного профессора. Для характеристики отношения Иванова к церковнославянскому языку ключевое значение имеет его статья «Наш язык» [Иванов 1991], написанная в 1918 году для собираемого П. Б. Струве сборника «Из глубины». Обычно эту статью связывают исключительно с орфографической реформой 1918 года. Действительно, в ней Иванов достаточно резко высказывается по поводу новой орфографии. Однако ее проблематика значительно шире. «Наш язык» — это манифест той концепции развития русского языка, которая связывается с «архаистами» и восходит к М. В. Ломоносову и А. С. Шишкову.

Иванов полагает, что русский язык имеет два источника — природный (русский) и книжный (церковнославянский). Эти языки тес-

² О. Л. Фетисенко не приводит контекстов, поэтому сложно сказать, действительно ли здесь мы имеем дело с авторской орфографией. Если после *отъиде́* следует энклитика, острое ударение здесь не противоречит орфографическим правилам.

нейшим образом связаны друг с другом и сливаются в единое целое. При этом природный язык выражает дух народа (в этой связи Иванов ссылается на В. фон Гумбольдта) и связан с фольклором. Для его характеристики Иванов использует концепты «Мать-Земля» (в источнике оба слова написаны с прописной буквы) и «корни». Церковнославянский язык научил славян говорить с Богом, связал их мир с миром эллинским и приобщил их к мировой культуре. «Вследствие раннего усвоения многочисленных влияний и отложений церковно-славянской речи наш язык является ныне единственным из новых языков по глубине впечатления в его самостоятельной и беспримесной пламенной стихии — духа, образа, строя словес эллинских, эллинской “грамоты”. Через него невидимо сопричастны мы самой древности: не запредельна и внеположна нашему народному гению, но внутренне соприродна ему мысль и красота эллинские; уже не варвары мы, поскольку владеем собственным словом и в нем преемством православного предания, оно же для нас — предание эллинства» [Там же: 355].

Мысль о цивилизационной роли церковнославянского языка мы находим в произведениях архаистов, которые в таких случаях ссылаются на Ломоносова. И эти ссылки имеют основания. В «Предисловии о пользе книг церковных» Ломоносов писал, что славяне получили возможность размышлять об отвлеченных идеях благодаря прививке эллинской культуры, которая вобрала в себя как античных, так и христианских авторов: «Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церккви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно» [Ломоносов 1952: 587].

Говоря о неразрывной связи русского и церковнославянского языков, Вяч. Иванов использует образ словесного дерева, которое

укоренено в народном языке (земле), а его крона — это язык книжности и молитвы. «И Пушкин, и св. Сергей Радонежский, — пишет Иванов, — обретают не только формы своего внутреннего опыта, но и первые тайные позывы к предстоящему им подвигу под живым увеом родного «словесного древа», питающего свои корни в Матери-Земле, а вершину возносящего в тонкий эфир софийной голубизны» [Иванов 1991: 356]³. Нужно сказать, что для Иванова метафора двуединства относится к числу ключевых. Именно эту метафору он использует в часто цитируемом письме к Дю Босу, характеризуя свое присоединение к Католической Церкви. Иванов пишет, что после присоединения он почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, что прежде он был лишен этой полноты и, подобно чахоточным, дышал одним легким [Иванов III: 429]. Единство разобщенных частей для Иванова является символом полноты как религиозной жизни, так и языка.

Именно идеей единства русского и церковнославянского объясняется его резкое неприятие орфографической реформы. Он видит в ней действие, разрывающее единую ткань русской письменности. В упрощении орфографии он видит «обмирщение» языка, а значит, пользуясь метафорой дерева, отказ от вершины. «Нет, не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык! И довольно народу, немотствующему про свое и лопочущему только что разобранные по складам чужое, довольно ему заговорить по-своему, по-русски, чтобы вспомнить и Мать сыру-Землю с ее глубинною правдой, и Бога в вышних с Его законом» [Иванов 1991: 360].

Такое пересечение взглядов Иванова со взглядами архаистов не является чем-то уникальным. В русской культуре первой половины XX века подобные высказывания встречаются не так уж редко. Сразу вспоминается, например, мандельштамовская характеристика русского языка как языка эллинистического в статье «О природе слова»: «Русский язык — язык эллинистический. В силу целого ряда исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив Запад латинским влияниям и надолго загощиваясь в бездетной Византии,

³ Эти рассуждения Вяч. Иванова заставляют вспомнить рассуждения А. С. Шишкова о церковнославянском языке. «Естьли Славенский язык отделить от Российскаго, то из чего же сей последний состоять будет? Разве из одних Татарских слов, как-то: *лошадь, кушак, колтак, сарай*, и проч.; да из плошадных и низких, как-то: *калякать, чечениться, хохлиться* и тому подобных; да из чужестранных, как-то: *гармония, элоквенция, сериозно, авантажно* и проч.» [Шишков 1824: 359].

устремилась в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью» [Мандельштам II: 242]. Любопытно, что осенью 1917 года, то есть, почти что одновременно со статьей Вяч. Иванова, тульский археолог и краевед Н. И. Троицкий подготовил пространную статью «Славянский язык как национально-священный» [Документы Собора XV, в печати: 877–890]. В этой статье, направленной против перевода богослужения на русский язык, он в деталях воспроизводит аргументацию А. С. Шишкова о значении церковнославянского языка для русской культуры. То есть обращение деятелей Серебряного века к трудам архаистов было веянием времени.

Таким отношением к национальному языку как к неразрывному единству русского и церковнославянского начала и объясняются особенности языка «Повести о Светомире царевиче». По языку «Повесть» совершенно не похожа на все написанное во второй половине XIX — XX вв., причем отличия касаются не только тех частей, которые написаны на церковнославянском. Основной текст книги написан на архаичном варианте языка, который никак нельзя назвать русским литературным языком XX века. Он соотносится скорее с языком второй половины XVIII века, с литературой допушкинской поры, а ряд черт явным образом объединяет его с лубочной повестью и фольклорными текстами. Так, например, в «русской» части «Повести» широко используется конструкция с *и*-начинательным, где союз *и* является текстообразующим элементом и не связывает между собой однородные члены и части сложного предложения. Концентрация таких конструкций очень высока. Например, из 16-ти стихов, входящих в 5-ю главку первой книги, четыре начинаются с союза *и*:⁴

И до тринадцатого года иным часом некое надмение без бахвальства являл и скорым, хоть и отходчивым, распаялся гневом (I.V.3);

И сказал Лазарь: «Не подобно мне, царю, с тобою битися, ино тебя, крамольника, смертью казнить. Вяжи-ка его, дружина хоробрая!» (I.V.7);

И, сколь ни дуж был детинка, скрутили его лихие товарищи по рукам и по ногам и, под деревом оставивши одного, по лесу

⁴ Здесь и далее «Повесть о Светомире царевиче» цитируется по [Иванов 2015].

рассыпались и над воплем его и ругательством издалече потешались (I.V.8);

И велел Лазарь о приключившемся ничего дома не сказывать (I.V.14).

Подобные конструкции были широко распространены в лубочных повестях, и ранее мы рассматривали их как одну из особенностей, отличающих язык народной литературы от русского литературного [Плетнева 2006: 474; Плетнева, в печати].

Другой особенностью, объединяющей «Повесть» как с народной письменностью XVIII века, так и с языком фольклора, является порядок слов. Здесь довольно часто встречаются случаи постановки глагола-сказуемого перед существительным-подлежащим (порядок VS):

внезапно заглушил его клики вой волчий, и оробели ребята, и ужаснулись. <...> оскалилась на отрока волчица лютая (I.V.9-10);

Бросился Лазарь узлы на связне рубить (I.V.11);

Осерчал на родича Давыд Лазаревич (I.VI.14).

Приемом, отсылающим к допушкинской литературе, является и постановка определения после существительного (порядок SA):

И хвалили Бога родители обрадованные (I.IV.9);

Коли бы сны женские да сбывались, давно бы тебе было в могиле тлеть (I.VI.8).

Такой порядок слов характерен в первую очередь для народной поэзии — былин, песен и т. д., однако он встречается и в лубочных повестях XVIII века.

Еще одной особенностью «Повести» является употребление подчинительных союзов. Они употребляются значительно реже и репертуар их беднее, чем в текстах, написанных на стандартном русском литературном языке. Эта особенность также объединяет «Повесть» с развлекательной литературой допушкинской XVII–XVIII вв. Также обращает на себя внимание обилие архаичной и просторечной лексики: *допрежь* (I.I.8), *допреть* (I.II.10), *послух* (I.II.11), *древлее бесование* (I.II.11), *промеж, край* (I.VI.7), *баяти* (I.VI.12), *обыкнути* (I.VII.10) и т. п. Использованием подобных слов Иванов демонстрирует, что он обращается к иной, архаичной литературной традиции, отличной от современности.

Что касается части, написанной на церковнославянском языке, то на первый взгляд, создается впечатление, что церковнославянские части «Повести» написаны на гибридном языке, включающем большое число русизмов. Однако обращает на себя внимание безупречная грамматика этих частей, что совершенно не характерно для гибридных текстов. При широком использовании лексики, отсутствующей в церковнославянских текстах, с точки зрения грамматики эти части «Повести» практически не содержат ошибок. «Повесть» не знает тех грамматических ошибок и синтаксических несостыковок, которые характерны для языка народной письменности.

II

Работа Вяч. Иванова над «Повестью» шла параллельно с преподаванием старославянского и церковнославянского языков в Папском Восточном институте и в Руссикуме, а также с переводами с латыни на церковнославянский. На наш взгляд, работу над «Повестью» нельзя рассматривать отдельно от этой, казалось бы, рутинной деятельности. Хотя, конечно же, мы ни в коей мере не считаем, что писание художественного текста на церковнославянском языке имело характер литературного упражнения. Наиболее обстоятельно «внешняя» сторона работы Иванова с церковнославянским языком рассмотрена в статьях Винченцо Поджи [Поджи 2008] и А. Коваля [Коваль 2008]. В. Поджи приводит свидетельство о том, что Вяч. Иванов строго различал старославянский и церковнославянский языки, настаивая на том, что преподавать надо и тот, и другой. Курс церковнославянского языка Иванов начал читать в Руссикуме в феврале 1936 года [Поджи 2008: 646]. В письме к С. Л. Франку от 18 мая 1947 года Иванов писал, что время от времени ему приходится «переводить на церковнославянский язык какой-нибудь латинский текст» [Там же: 651]. Речь здесь идет о славянских переводах латинских молитв. Дело в том, что в 1935 г. в рамках Комиссии Pro Russia в Конгрегации Восточных Церквей была создана секция по подготовке богослужебных книг византийско-славянского обряда [Там же: 654]. В связи с деятельностью этой комиссии Иванов работал над экзегетическими комментариями к русскому тексту Нового Завета [Архипов 2002].

Более важным для нашей темы является участие Иванова в переводе на церковнославянский язык формул обетов при вступлении в Орден иезуитов. Так, в 1938 г. к нему обращаются с вопросом о том, как лучше перевести выражение «Societas Jesu» — с использо-

Этот текст написан на правильном церковнославянском языке. При этом сравнение лексики, которая использована в этой молитве, с лексикой, представленной в церковнославянском подкорпусе Национального корпуса русского языка показывает, что Иванов употребляет ряд слов и форм, которые не встречаются в стандартных богослужебных книгах. К таким словам относятся *печáтнѣ*, *печáтникъ*, *четверозначный*, *мáхна*, *ремелò*. Причастия *нензрѣкомый* и *напечатлѣнный* также не зафиксированы в корпусе. Таким образом, мы видим определенное сходство между переведенными Ивановым молитвами и церковнославянскими фрагментами «Повести». В обоих случаях можно отметить грамматически правильный церковнославянский язык при достаточно свободном заимствовании лексики и собственном словотворчестве.

Мы не будем здесь касаться работы Вяч. Иванова над комментариями к русскому тексту Деяний и Посланий апостолов и Апокалипсиса, которые были изданы в 1946 году. Здесь Иванов работал исключительно с русским текстом Писания. Приведем лишь одно наблюдение А. А. Архипова, который обратил внимание на приверженность комментатора высокому стилю, на обилие «славянизмов, архаизмов, грецизмов — словом, элементов, создающих эффект присутствия эллино-славянской, и в определенном смысле, пагано-христианской, словесной культуры» [Архипов 2002: 86]. Эту особенность Архипов называет «одной из самых очевидных черт стиля Иванова», которые нивелируются в более поздних ватиканских изданиях комментариев к Священному писанию.

В 1948 году началась работа Иванова над подготовкой параллельной славяно-русской Псалтири [Коваль 2008: 707]. Для нашей темы эта работа представляет значительный интерес. Дело в том, что в предреволюционные десятилетия в России выходило довольно много параллельных славяно-русских изданий текстов, используемых во время богослужения. [Балашов 2001: 171–181]. На первый взгляд может показаться, что параллельное славяно-русское издание Псалтири можно рассматривать в ряду этих проектов. Но здесь имеется одна серьезная проблема. Дело в том, что в качестве русского текста в этом издании используется традиционный Синодальный перевод, сделанный с еврейского языка, а не с греческого. Поэтому русский и славянский тексты Псалтири далеко не всегда соответствуют друг другу. Нам неизвестно, кому принадлежала концепция этого издания. Но, вне всякого сомнения, подготовка и комментирование параллельного славяно-русского текста Псалтири было вполне в духе размышле-

ний Вяч. Иванова о единой природе русского и церковнославянского языка. Нужно сказать, что это издание очень сильно отличается от параллельных церковнославянско-русских изданий, вышедших в предреволюционной России. Обычно параллельные издания не содержат информации об источниках, откуда заимствованы тексты, и о переводчиках, кроме тех случаев, когда переводчик является автором всей книги. Здесь же, в составленном Ивановым предисловии, содержится особая глава, содержащая источниковедческие сведения. В качестве источника славянского текста указана «богослужебная», то есть Следованная псалтирь, изданная Московской синодальной типографией в 1906 г. При этом Иванов сохраняет слова и комментарии, которые в оригинале читались «на брезе». Другой слой примечаний к славянскому тексту составлен на основе двухтомника архиепископа Ириней (Клементьевского)⁵. В качестве источника русского текста было взято издание Нового Завета и Псалтири, напечатанное в Петроградской синодальной типографии в 1917 году. Приводя стандартный русский текст синодального перевода, Вяч. Иванов считает необходимым указать имя переводчика: «Перевод этого текста сделан проф. Д. А. Хвольсоном с еврейского первоисточника» [Псалтирь 1950: XVI]. И действительно, Псалтирь, как и ряд других книг Ветхого Завета, вошедших в русскую синодальную Библию, был выполнен Д. А. Хвольсоном (1819–1911), однако в изданиях русской Библии имена переводчиков и редакторов никогда не упоминаются. В примечаниях к русскому тексту «приводятся те разночтения, где римское издание Псалтири 1945 г. отличается от синодального, и где в римском издании еврейский первоисточник иначе был понят чем в синодальном». Кроме комментариев Иванов составил к этому изданию предисловие⁶, которое включает следующие разделы: 1. Содержание Псалтири; 2. Склад и строй псалмов; 3. Кем сложены псалмы; 4. Письменное предание; 5. Церковнославянская Псалтирь; 6. Духов-

⁵ Обращение к этой книге, первое издание которой увидело свет еще до того, как появился первый перевод Псалтири на русский язык, очень показательно. И хотя Иванов специально указывает, что он пользовался 9-м изданием, которое вышло в 1903 году, в середине XX века труд Ириней, конечно же, не был последним словом библейской науки. Объем влияния книги Ириней на комментарии Иванова еще ждет исследования. Скорее всего, эта книга была использована в качестве источника проверенной временем русской версии толкований Псалтири.

⁶ Факсимильное воспроизведение первой страницы автографа этого предисловия см. [Архипов 2002: 90].

ное действие Псалтири; 7. Объяснение к тексту; 8. Список сокращений в книге встречающихся. В этом предисловии в популярной форме рассказывается об истории и структуре Псалтири, о ее переводе Кириллом и Мефодием, о значении Псалтири для русской культуры как книги, которая не только используется за богослужением, но по которой учатся грамоте.

Двуязычная Псалтирь была издана в 1950 году, то есть уже после смерти поэта. На наш взгляд, работу над двуязычной Псалтирью, переводом латинских молитв на церковнославянский и «Повестью о Светомире царевиче» следует рассматривать в контексте той языковой программы, которая была сформулирована еще в 1918 году в статье «Наш язык». Языковое творчество в духе «архаистов» предполагало как освоение народной письменности, так и обращение к языку церковной книжности. В то время, как поэт Вяч. Иванов работал над «Повестью о Светомире царевиче», профессор Руссикума Вяч. Иванов в рамках своих служебных обязанностей редактировал церковнославянские тексты. Редкий случай, когда писатель сочетает размышления «о пользе книг церковных» с кропотливой работой над текстом этих книг.

Литература

- Архипов 2002 — А. А. *Архипов*. Вячеслав Иванов комментатор Нового Завета. Предварительные соображения // *Europa Orientalis*. Т. 21. № 1. 2002. С. 39–94.
- Балашов 2001 — Н. В. *Балашов*. На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
- Документы Собора XV, в печати — Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 15 / Составление, подготовка текста, предисловие и примечания А. Г. Кравецкого, отв. ред. А. Г. Кравецкий, прот. Николай Балашов. М. (в печати).
- Иванов I–IV — В. И. *Иванов*. Собрание сочинений. Т. 1–4. Брюссель, 1971–1979.
- Иванов 1991 — Вяч. *Иванов*. Наш язык // *Вехи*. Из глубины. М., 1991. С. 354–361.
- Иванов 2015 — В. И. *Иванов*. Повесть о Светомире царевиче / Издание подготовили А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М., 2015.
- Коваль 2008 — А. *Коваль*. Вячеслав Иванов и Общество Иисуса // *Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже*. № 53–54. 2008. С. 703–733.

- Ломоносов 1952 — *М. В. Ломоносов*. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.; Л., 1952.
- Мандельштам П — *О. Э. Мандельштам*. Собрание сочинений в четырех томах / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Том 2. М., 1991 [Репринтное воспроизведение издания Вашингтон, 1971].
- Плетнева 2006 — *А. А. Плетнева*. О языке «маскультуры» пушкинской поры // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 470–486.
- Плетнева, в печати — *А. А. Плетнева*. Записи былин в составе рукописных сборников XVIII в.: языковые критерии жанра // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (в печати).
- Поджи 2008 — *В. Поджи*. Иванов в Риме // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 53–54. 2008. С. 643–702.
- Псалтирь 1950 — Псалтирь на славянском и русском языках. Рим, 1950.
- Топорков 2012 — *А. Л. Топорков*. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М., 2012.
- Фетисенко 2008 — *О. Л. Фетисенко*. Краткие замечания к публикации «Послания Иоанна Пресвитера». Вячеслав Иванов. Книга V. Послание Иоанна Пресвитера // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 53–54. 2008. С. 281–308.
- Шишков 1824 — *А. С. Шишков*. Примечания на письмо деревенского жителя // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. 2. СПб., 1824.

Научное издание

**СЛОВА, КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТЫ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Сборник статей к 70-летию академика
А. М. Молдована

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура: «Newton». Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 37
Тираж ??? экз. Заказ №